

СТРАНЫ и НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫПУСК



СТРАНЫ
и
НАРОДЫ
ВОСТОКА

ВЫПУСК



*Светлой памяти
председателя Восточной комиссии
Географического общества АН СССР
академика
Василия Васильевича Струве
посвящают этот сборник
члены Восточной комиссии*

U. S. S. R. A C A D E M Y O F S C I E N C E S
GEOGRAPHICAL SOCIETY OF THE U.S.S.R.
ORIENTAL COMMISSION

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

Under the general editorship
of D. A. OLDEROGGE, Corresponding Member
Academy of Sciences
of the U.S.S.R.

VOL. VIII

GEOGRAPHY, ETHNOGRAPHY, HISTORY



NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
Moscow 1969

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГЕ

В Ы П У С К V I I I

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1969

Ответственные редакторы:
Б. А. ВАЛЬСКАЯ и К. И. ШАФРАНОВСКИЙ

В сборник включены статьи, посвященные выдающемуся советскому востоковеду акад. В. В. Струве, а также исследования и сообщения по проблемам, входившим в сферу его научных интересов.



В. В. Струве

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ¹

О Василии Васильевиче Струве трудно говорить в прошедшем времени: образ его глубоко врос в судьбу каждого востоковеда нынешнего среднего поколения, он встает со страниц его многочисленных трудов. И потому не свежая могила на Серафимовском кладбище знаменует предел этой жизни — Струве будет жить, пока живет востоковедение.

За гранью научного мира ученые известны далеко не так, как люди искусства, хотя подлинная наука — тоже искусство. Да и как им быть широко известными, если их биографы стараются сообщить о них одни лишь «выходные данные»: тогда-то родился, тогда-то окончил такой-то факультет; обратил на себя внимание такого-то авторитета, писал диссертацию, читал курсы лекций; опубликовал трехзначное количество работ, переведенных и непереведенных, стал профессором, академиком и, наконец, умер в таком-то году. Эта устойчивая схема надежно засушивает все живое в воспоминаниях о человеке, которого мы знали; ученый превращается в икону, выставляемую напоказ в парадных случаях.

Между тем жизнь каждого настоящего ученого — это ненаписанная книга. Когда мы вглядываемся в нее, он предстает перед нами со всеми своими сильными и слабыми сторонами. Тогда скольжение по поверхности, свойственное традиционным биографиям, превращается в исследование пути ученого, и мы видим путь, который привел его в науку. Картина поучительная и радостная, потому что общество еще на одном примере убеждается в том, до каких высот может дойти человек, какие чудеса способна творить на счастье людям раскрепощенная мысль.

Струве... Думая о нем, я никогда не прибавляю к его имени слова «академик», хотя тридцать лет он высоко нес это звание. Когда в солнечный день 1 июня 1935 г. я спешил поздравить его с избранием, мною единственно руководило чувство радости за любимого профессора и хорошего человека. Познакомился я с ним, обучаясь на первом курсе, когда В. В. Струве читал нам историю древнего Востока; на втором курсе я готовил к печати его лекции, изданные годом позже. В 1935 г. все это было уже позади: я перешел на другой факультет, к другим преподавателям, готовясь к специальности, далекой от сферы интересов Василия Васильевича. Но помнил я о нем всегда и был рад, когда избрание в Академию дало повод встретиться с ним снова.

Что привлекало к Василию Васильевичу сердца людей? Эрудиция? Положение? Прежде всего — человечность. Он любил всех, кого знал.

¹ Из неопубликованной книги.

Он берет и своих мудрых ровесников, и малоопытных юношей, только что прикоснувшихся к роднику науки. Он оберегал других от всего, чего смог избежать в жизни сам, от всего, что могло обессилить слабых и озлобить сильных в семье востоковедов его времени. Председательствуя в экзаменационной комиссии, он мог любезно предложить считать испытание законченным, если видел, что экзаменатор в показном усердии начинает ставить и несущественные вопросы, нервнующие испытуемого. Возглавляя востоковедный центр страны в трудные послевоенные годы, он смело ходатайствовал за каждого ориенталиста, несправедливо отстраненного от любимого дела. Его хлебосольство известно не только случайным гостям, но и тем, кому приходилось временно пользоваться его кровом. Жизнерадостный, остроумный хозяин был душой общества, собиравшегося в доме на Васильевском острове, а в последние годы его жизни — на улице Халтурина. К нему шли все, искавшие душевного покоя ради научного творчества. В семье Струве десятилетиями царил культ уважения к нелегкому труду ученого. Это помогало и Василию Васильевичу и его посетителям. Сколько тем было задумано и обсуждено в этом добром доме, сколько работ получило здесь путевку в большую жизнь! Струве был ученым, но прежде всего — человеком светлого и щедрого сердца. Наука начинается с человечности.

Да, удивительно легко и спокойно было с этим человеком. Думаешь о нем — и, как волны на берег, набегают в памяти штрихи за штрихом, деталь за деталью из прошлых встреч. Представившись себе их и еще раз убедишься, каким действенным был гуманизм Василия Васильевича, и осознаешь, что такой дар не мог быть приобретен сразу. Всю жизнь он был ему верен и всю жизнь бережно растил его в себе. И когда кто-то из нас находит в себе такие же черты, он знает, каким могучим источником добра в его душе было общение с патриархом нашего востоковедения.

...Скорбная весть застала меня на черноморском берегу всего через месяц после того, как Струве принимал меня на своей даче в Комарово. Я не поспешил на похороны. Зачем? Увидеть черную рамку траурного объявления, от которой на минуту останавливается сердце; стоять в почетном карауле, тоскливо вглядываясь в безжизненное дорогое лицо; выслушать чинный регламент официальных речей и потухшим взглядом проводить гроб в могилу... Нет, вернувшись в Ленинград, я пошел на Неву, к сфинксам с лицом фараона Аменхотепа III. Царственный свекор прекрасной Нефертити задумчиво смотрел каменными глазами вдаль. Здесь начинал свой долгий, многотрудный путь студент Струве, отсюда, с высокого постаменты, он срисовывал древнеегипетские буквы. Густые фиолетовые чернила с золотым отливом, сохранили ли они эту запись, первую реликвию архива ученого?.. Потом я медленно прошел мимо университета; здесь он учился, и здесь я его узнал. А в этом здании помещался Институт языка и мышления, где он работал. А там, в глубине Менделеевской линии, был институт, которым он руководил. А вот Эрмитаж, где мы начали писать книгу о древнем Востоке... А вот дом, где я узнал его близких и подолгу общался с ним самим... А вот... А вот... Сколько воспоминаний, повитых горечью и гордостью! И вот его последний земной приют, дом, где, уже мучимый жестокими болями, с ампутированной ногой, он упорно и вдохновенно продолжал работать за своим рабочим столом и заразительно смеялся в кругу гостей. Таким, утверждавшим жизнь в себе и других, он и живет во мне. А оценить его публикации — это уж дело специалистов.

Г. А. Шумовский
20 декабря 1966 г.

Н. С. Петровский

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СТРУВЕ ¹

15 сентября 1965 г. скончался академик В. В. Струве — отечественное и мировое востоковедение понесло неизгладимую утрату.

Василий Васильевич был замечательным ученым и человеком. Нет сомнения, что его жизнь, развитие характера и интересов, этапы научной деятельности, результаты научного творчества, присущая ему логика мышления должны быть предметом специального исследования.

В небольшой статье невозможно не только разрешить все эти вопросы, но даже указать на многие из них. И если мы осмеливаемся выступить с таким сообщением, то только потому, что пользуемся возможностью выразить любовь и признательность своему учителю и, кроме того, надеемся, что подобные работы помогут будущему биографу В. В. Струве успешнее справиться с его задачей.

Василий Васильевич Струве родился 21 января (по старому стилю) 1889 г. в Петербурге в семье экономиста-статистика В. О. Струве, внука выдающегося астронома, основателя Пулковской обсерватории В. Я. Струве. Со стороны матери Василий Васильевич был внуком известного русского химика Карла Клауса, который, между прочим, прославился тем, что открыл элемент рутений («русский»).

В 1907 г. В. В. Струве блестяще окончил гимназию. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на одну важную деталь: великолепное знание древнегреческого и латинского языков, которое, по словам самого Василия Васильевича, он получил в основном в гимназии.

В том же, 1907 г. В. В. Струве поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Он на всю жизнь сохранил самые добрые воспоминания о своих многочисленных учителях, но, разумеется, среди них прежде всего называл замечательного русского ученого, создателя отечественной школы историков древнего Востока, «отца русской египтологии» акад. Б. А. Тураева.

От своего руководителя В. В. Струве не только приобрел знание древнеегипетских языков и видов древнеегипетской письменности, но и унаследовал необычайно широкий интерес к истории, языкам и культуре многочисленных народов древнего Востока. К началу своей научно-педагогической деятельности Василий Васильевич прекрасно знал классические языки и овладел древнеегипетскими и коптскими языками. Эта основательная филологическая база в совокупности с интересом к историко-экономическим вопросам дала возможность молодому ученому познакомиться с огромным кругом источников, охватывающим историю

¹ Полная библиография трудов В. В. Струве приведена в сб. «Академик В. В. Струве. Библиографическая справка», М., 1959, и «Древний Египет и древняя Африка», М., 1967.

древнего Египта на протяжении трех тысяч лет — вплоть до греко-римского и христианского периодов.

После окончания университета в 1911 г. Василий Васильевич был «оставлен при университете для приготовления к преподавательской и профессорской деятельности» на два года (с 1 сентября 1911 г. по 1 сентября 1913 г.). Эти годы и явились началом творческой деятельности Василия Васильевича.

В первых его работах («Коптский папирус из коллекции проф. Тураева»², «К истории Апокриса»³, «Петербургские сфинксы»⁴), блестящих по форме и содержанию, сразу же выявились те основные качества Василия Васильевича как ученого, которые и привели его к вершинам востоковедческой науки. К ним следует отнести строго научный анализ исторических источников, не менее тщательный синтез наблюдений, интерес к социально-экономическим проблемам (в частности, к истории непосредственных производителей материальных благ) и, наконец, стремление к публикации новых источников, что непосредственно вытекало из его хорошей филологической подготовки и склонности к филологическим и палеографическим исследованиям.

В начале 1914 г. Василий Васильевич был послан Петербургским университетом в годовую научную командировку в Берлинский университет для дальнейшего усовершенствования в области египтологии под руководством выдающегося филолога и основателя немецкой египтологической школы акад. А. Эрмана. Это важное событие необходимо оценить в должной мере. В конце прошлого столетия центр египтологии как филолого-исторической науки переместился в Германию. Сам Б. А. Тураев был одним из любимых учеников основателя новой школы А. Эрмана. Естественно, что и своего талантливой ученика он хотел приобщить к достижениям этой школы. К сожалению, Василий Васильевич пробыл в Берлинском университете всего несколько месяцев: 14 июля 1914 г. он уже возвратился в Петроград, так как началась первая мировая война.

Тем не менее кратковременное пребывание в школе А. Эрмана оказалось полезным для дальнейшей деятельности В. В. Струве, который ознакомился с достижениями передовой в то время европейской египтологической школы. С этого времени Василий Васильевич мог продолжать лучшие традиции не только отечественной, но и мировой востоковедческой науки.

Хотелось бы рассказать об одном важном событии в личной жизни Василия Васильевича, которое произошло в конце июля 1914 г. и, без сомнения, способствовало дальнейшей работе и творческим успехам Василия Васильевича: 31 июля Мария Леонидовна Богородская стала женой Василия Васильевича. Мария Леонидовна — добрый гений Василия Васильевича и всей семьи — более полувека создавала вокруг Василия Васильевича атмосферу любви и душевного покоя, столь необходимого для научной работы.

После возвращения из-за границы в 1915—1916 гг. В. В. Струве читает лекции в университете и занимается научно-исследовательской деятельностью в отделе Востока Эрмитажа. В 1916 г. Василий Васильевич уже приват-доцент Петроградского университета. Работы Василия Васильевича, написанные в 1914—1916 гг., посвящены в основном социально-экономическим проблемам птолемеевского Египта.

² «Христианский Восток», I, вып. 2, СПб., 1912, стр. 207—211.

³ ЖМНП, новая серия, 1913, ч. 48, отд. классической филологии, стр. 499—511.

⁴ Записки Восточного отдела Русского археологического общества, 1913, стр. 20—51.

Период с 1912 до 1917 г. можно считать первым, начальным этапом научного творчества В. В. Струве. В этот период формируются общие научные интересы Василия Васильевича, происходит его становление как египтолога и выявляются его выдающиеся научные и педагогические способности. Но лишь после Великой Октябрьской социалистической революции научные интересы и способности В. В. Струве могли раскрыться в полной мере.

Огромное впечатление на него произвели организованность и революционный порыв героев Октября, их бережное отношение к сокровищам мировой культуры.

Исторические события Октября 1917 г. пробудили у В. В. Струве интерес к изучению революционных выступлений народных масс в странах древнего Востока. В противоположность некоторым буржуазным ученым, которые считали, что в этих странах господствует «классовый мир», В. В. Струве показал, что классовая борьба в этих обществах, так же как и в других обществах, разделенных на враждебные классы, принимала иногда весьма бурные формы. Доказательством этого послужило изучение древнеегипетского материала. В 1917 г. В. В. Струве пришел к выводу, что так называемое «Речение Ипувера» (Лейденский папирус, № 344) отражает реальные события и свидетельствует о борьбе низов общества против верхов в конце Среднего царства (ок. 1750 г. до н. э.). А в 1919 г. он впервые привлек к изучению того же события другой источник — папирус Государственного Эрмитажа № 1116 В recto, на котором начертано «Пророчество Неферти». В. В. Струве явился инициатором изучения классовой борьбы и ее форм на древнем Востоке.

Василию Васильевичу было присуще еще одно замечательное качество: постоянное стремление расширять и пополнять свои знания. Постоянно он углублял свои знания общетеоретического характера и стремился овладеть все новыми языками древних народов Передней Азии, Двуречья, Малой Азии.

Уже будучи зрелым ученым — классиком и египтологом — В. В. Струве под руководством другого своего учителя, акад. П. К. Коковцова, в 1919 г. стал изучать древнееврейский, финикийский, арамейский, аккадский (вавилонно-ассирийский) языки, а затем самостоятельно все клинописные языки: хеттский, древнеперсидский, урартский и, несмотря на негативное отношение П. К. Коковцова к существованию шумерского языка, специально занялся его изучением.

В трудах основоположников научного коммунизма он почерпнул строго научную теорию, которая в хаосе отдельных явлений и случайностей вскрыла общие закономерности исторического процесса. Неминуемо встал вопрос и о месте народов древнего Востока в развитии человечества. Ответ на этот вопрос не был легким. Среди буржуазных и некоторых советских ученых господствовал взгляд, поддерживаемый авторитетом крупнейшего немецкого историка древности Эдуарда Мейера, о феодальном характере древневосточных обществ. Политической подоплекой этих взглядов было утверждение «извечного феодализма» на Востоке, застойности Востока, качественного отличия общественно-политических формаций Востока от формаций обществ Запада, неспособности народов Востока к самостоятельному развитию, оправдание колониализма и неоколониализма.

В распоряжении египтологов в то время, к сожалению, не было документов, которые позволили бы с достоверностью судить о способе производства материальных благ и о правовом положении производителей этих благ. Именно поэтому Василий Васильевич обратился к изу-

чению содержания бесчисленного числа документов хозяйственной отчетности, дошедших на глиняных табличках из Двуречья.

Мы видим, таким образом, что занятия вавилоно-ассирийским и шумерским языками не были случайными и были вызваны совершенно определенными научными стремлениями. Однако хотелось бы отметить, что, несмотря на неоспоримые успехи Василия Васильевича в области шумерологии, душой Василия Васильевича, как он говорил сам, была египтология. Для него история древнего Египта и достижения древнеегипетского народа навсегда остались «первой любовью» в науке.

В 20-е годы и в начале 30-х годов Василий Васильевич, продолжая проникать в тайны клинописных языков и глиняных табличек, еще более плодотворно, чем в начальный период своего творчества, работает над древнеегипетским материалом. Результатом этого было не только изучение указанных выше источников о народных выступлениях в Египте, но и опубликование не менее 40 ценнейших работ по истории, хронологии, историографии, религии, культуре древнего Египта.

Среди этих работ особое место занимают два труда.

В 1928—1930 гг. Василий Васильевич опубликовал две части своей работы «Манефон и его время»⁵, в которой исследовал все, что в передаче Иосифа Флавия и раннехристианских писателей дошло от труда Манефона, построенного на египетском материале, и восстановил хронологическую систему Манефона, сопоставив его списки царей с древнеегипетскими царскими списками. Этот выдающийся труд Василий Васильевич со свойственной ему скромностью считал своей кандидатской диссертацией.

Другую работу, получившую всемирную известность, Василий Васильевич рассматривал как докторскую диссертацию. Мы имеем в виду блестящее исследование древнеегипетского математического папируса из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (*Matematischer Papyrus des staatlichen Museum der schönen Künste in Moskau, Berlin, 1930*). В этом капитальном труде, увидевшем свет в 1930 г., тщательно исследована каждая задача с привлечением всего доступного материала и сделаны интересные выводы о достижениях математической мысли древних египтян, в частности о том, что в области геометрии египтяне были учителями греков.

В связи с этим следует отметить еще одну замечательную черту В. В. Струве, заключающуюся в том, что в течение всей своей научной деятельности он проникал в новые области познания, которые зарождались на стыках классических научных дисциплин. Известный английский египтолог и историк математики Т. Питт — главный оппонент Василия Васильевича — в рецензии на книгу В. В. Струве не мог не написать: «Египтологи, равно как и математики, имеют все основания быть благодарными Струве, посвятившему несколько лет своей жизни публикации этого папируса».

Период с 1917 до 1930 г., который завершается выходом в свет книги по истории древнеегипетской математики, можно считать вторым этапом научного творчества В. В. Струве. В этот период Василий Васильевич предстает как ученый-египтолог мирового масштаба с вполне сложившимися взглядами и, благодаря многолетним занятиям историей и языками многих других народов древнего Востока, как историк древнего Востока.

С начала 30-х годов начинается третий период научного творчества,

⁵ Гл. I, — «Записки Коллегии востоковедов», III, вып. 1, 1928, стр. 109—185; гл. II — там же, IV, 1930, стр. 159—284.

который продолжался до кончины ученого. В это время В. В. Струве, опираясь на марксистско-ленинское учение об обществе и законах его развития, путем математически точного анализа древневосточных памятников, особенно многочисленных документов хозяйственной отчетности эпохи III династии Ура в Шумере (XXII—XXI вв. до н. э.), первый из советских историков с успехом исследовал широкий круг социальных проблем стран древнего Востока.

В. В. Струве сравнительно легко опроверг мнение буржуазных и некоторых наших историков о феодальном характере древневосточных обществ. Сложнее было определить, какой же характер носил общественный строй стран древнего Востока. К. Маркс, учитывая специфику развития этих стран, способ производства в них называл «азиатским способом производства». В. В. Струве пришел к выводу, что строй древневосточных обществ можно охарактеризовать как первую ступень рабовладельческой общественно-экономической формации. В процессе исследования этой проблемы В. В. Струве опубликовал ряд важных работ («Рабовладельческая латифундия в Сумере III дин. Ура»⁶; «Проблема зарождения, развития и разложения обществ древнего Востока»⁷ и многие другие).

Главнейшие выводы по социально-экономическим проблемам были изложены В. В. Струве в первом марксистском учебном пособии по истории древнего Востока («История древнего мира», изд. 1, 1936; «История древнего Востока», изд. 2, 1941). Не будет преувеличением сказать, что открытия В. В. Струве в области социально-экономической истории древнего Востока могли бы явиться единственным и достаточным результатом творчества любого ученого. Однако заслуги В. В. Струве, автора около 400 научных работ, этим не ограничиваются. Так как в небольшой статье невозможно перечислить все темы, которые явились предметом исследований ученого, приходится ограничиться попыткой объединить все темы в 10 основных проблем, имея в виду, разумеется, что число их можно значительно увеличить: публикации памятников письменности и культуры народов древнего Востока; проблемы истории античности; изучение вопросов хронологии древнего Востока; изучение правовых и законодательных документов древневосточных обществ; уровень естественнонаучных представлений народов древнего Востока; история религии и критика Библии; исследования по грамматическим вопросам древневосточных языков; происхождение алфавита и дешифровка некоторых видов письменности; исследования по истории народов СССР; история русского и зарубежного востоковедения.

Даже простой перечень проблем, исследованных В. В. Струве, свидетельствует о колоссальном вкладе его во многие отрасли древневосточной науки.

Тонкий и искусный специалист в области языков, эпиграфики и палеографии, В. В. Струве открыл для широких научных кругов ряд памятников, хранящихся в музеях Советского Союза. Мы уже говорили о значении издания Московского математического папируса. К этому следует добавить, что до последних дней Василий Васильевич работал над вторым изданием своей книги.

Не менее 10 работ В. В. Струве посвятил публикациям древнеегипетских памятников Государственного Эрмитажа. Им введены в научный обиход стела Харемхеба, некоторые печати и острака.

⁶ В кн.: «С. Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности», Л., 1934, стр. 495—507.

⁷ «Известия ГАИМК», вып. 77, 1934, стр. 32—111, 157—181.

В последние годы В. В. Струве занимался исследованиями демотических папирусов из собраний Советского Союза. На XXIII Международный конгресс востоковедов в Кембридже и на X Международный конгресс историков в Риме им были представлены доклады о демотических папирусах делового характера времени птолемеевского Египта. Следует отметить, что до В. В. Струве в нашей стране никто не умел читать демотических текстов.

Проблемы эллинистической эпохи особенно привлекали внимание Василия Васильевича в первый период его научной жизни, а вопросы античности интересовали его всегда.

Значительны заслуги В. В. Струве в области изучения хронологии. Мы уже отмечали его труд «Манефон и его время», хронологии Египта первой половины XVIII династии посвящена интересная статья В. В. Струве «К вопросу о Тутмосидах»⁸, научный интерес представляет также исследование В. В. Струве «Датировка I Вавилонской династии»⁹. Последние данные ассириологии подтвердили выводы В. В. Струве по хронологии Двуречья.

Историк, занимающийся общественно-экономическими вопросами, не может не использовать документы, отражающие правовые отношения. В. В. Струве уделяет большое внимание изучению таких источников, как свод законов представителя Старовавилонского царства Хаммурапи, ассирийских и шумерских законов. Известно, что от многотысячелетней истории Египта не дошло свода египетских законов, не считая отдельных фрагментов. В двух своих работах 1925—1926 гг. В. В. Струве доказал, что так называемый большой папирус Гаррис является законодательным актом, манифестом египетского фараона Рамсеса IV, изложенным его сыном.

Характеристике хеттского общества на основе изучения хеттских законов посвящены статьи В. В. Струве «Параграф 34 и 36 хеттского судебногоника»¹⁰ и «О „гуманности“ хеттских законов»¹¹.

В последнее время В. В. Струве особенно много и плодотворно работал над изучением реформ царя г. Лагаша — Урукагины (XXIV в. до н. э.).

Об интересе Василия Васильевича к исследованию естественнонаучных представлений народов древнего Востока в значительной мере свидетельствует опубликование им исследования о математическом папирусе ГМИИ им. А. С. Пушкина. Развитию наук в различных странах древнего Востока В. В. Струве посвятил еще несколько работ.

Вопросы истории древневосточных религий и библейской критики также всегда интересовали ученого. В 1919—1920 гг. он выпустил две работы, посвященные сложному вопросу о пребывании евреев в Египте и об их исходе из Египта. Как египтолог В. В. Струве не раз касался древнеегипетских религиозных представлений в связи с историей общества. Привлекли внимание В. В. Струве и верования древних персов. Статьи «Надпись Ксеркса о дэвах и религия персов»¹² и «Родина зороастризма»¹⁸ посвящены актуальным вопросам древнеперсидской религии.

⁸ В кн.: «Из далекого и близкого прошлого», сб. этюдов из всеобщей истории в честь 50-летия научной жизни Н. И. Кареева, Пг. — М., 1923, стр. 19—28.

⁹ ВДИ, 1947, № 1, стр. 9—35.

¹⁰ ВДИ, 1937, № 1, стр. 33—38.

¹¹ ВДИ, 1947, № 4, стр. 11—20.

¹² «Известия АН СССР», серия истории и философии, I, 1944, № 3, стр. 128—140.

¹³ В кн.: «Материалы по истории таджиков и Таджикистана», сб. I, Сталинабад, 1945, стр. 3—5.

Великолепный филолог, В. В. Струве использовал знания древневосточных языков не только ради интерпретации текстов, но и для изучения языков, как таковых. Ряд исследований В. В. Струве посвятил сложным проблемам древнеегипетского и шумерского языков. Особый интерес представляет его статья о египетской глагольной форме *sdm.f*¹⁴ и его доклады, привлекавшие внимание лингвистов, о двух основных шумерских глагольных префиксах¹⁵, а также о категории времени в шумерском языке¹⁶. При этом следует иметь в виду, что подавляющее большинство трудов В. В. Струве содержит тонкие лингвистические наблюдения.

Глубокие знания и интерес к вспомогательным дисциплинам — палеографии и эпиграфике — позволили В. В. Струве заняться и такими сложными проблемами, как происхождение алфавита и дешифровка некоторых видов письменности. В книге «Происхождение алфавита»¹⁷ и в статье «Addendum к дешифровке „синайских“ надписей»¹⁸ он установил на основе имевшегося тогда в распоряжении науки материала, что финикийский алфавит через посредство семитических народов Синаяского п-ова ведет свое начало от египетских иероглифов. В статье «Дешифровка протоиндийских письмен»¹⁹ В. В. Струве намечает возможные пути расшифровки древнейших иероглифов жителей Мохенджо-Даро и Хараппы.

Значителен вклад В. В. Струве и в изучение сведений о древних народах, живших на территории СССР. В этой связи особенно любопытны его статьи о восстании Савмака²⁰ и о древнейшей истории СССР из Тавриды, жившем на рубеже IV и III вв. до н. э.²¹ Под руководством В. В. Струве осуществлено издание корпуса письменных памятников на греческом и латинском языках, найденных в Причерноморье.

Многочисленны исследования В. В. Струве о взаимоотношениях Ирана и Средней Азии в древности и об Урарту — древнейшем государстве на территории СССР.

Наконец, большое значение имеют труды В. В. Струве о жизни и деятельности корифеев русской и мировой исторической науки и о развитии советского востоковедения, в частности изучении древнего Востока. Известны, например, статьи В. В. Струве о Б. А. Тураеве, В. С. Голенищеве, П. К. Коковцове, Ж.-Ф. Шампольоне. В этих оригинальных работах прослеживаются основные этапы творчества ученых, воздается должное их заслугам и дается критическая оценка некоторых взглядов, обусловленных уровнем науки и субъективным подходом к ряду проблем.

Неисчерпаемы темы научного творчества В. В. Струве. Следовало бы перечислить статьи об искусстве народов древнего Востока, о вкладе

¹⁴ Стадиальная семантика египетской глагольной формы *sdm.f*, — в кн.: «Академику Н. Я. Марру», XLV (Юбилейный сборник), М.—Л., 1935, стр. 345—351.

¹⁵ Значение двух основных глагольных префиксов в шумерийском языке, — в кн.: «Научная сессия Ленинградского государственного университета 1954—1955. Тезисы докладов по секции востоковедческих наук», стр. 25—26.

¹⁶ Категория времени и замена идеограмм в шумерийском языке и письме, — «Вестник ЛГУ», серия истории, языка и литературы, 1957, вып. 2, № 8, стр. 85—95.

¹⁷ Пг, 1923.

¹⁸ «Еврейская старина», XI. Л., 1924, стр. 341—344.

¹⁹ «Вестник АН СССР», 1947, № 8, стр. 51—58.

²⁰ ВДИ, 1950, № 3, стр. 23—40.

²¹ Древнейший историк СССР, — в кн.: «Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского», М.—Л., 1958, стр. 139—162; Личность автора древнейшего труда по истории СССР, — «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология», М., 1967.

этих народов в сокровищницу мировой культуры, многочисленные статьи в БСЭ, разделы в I томе «Всемирной истории», переводы древневосточных письменных памятников, предисловия к монографиям, учебным пособиям и научно-популярным книгам других авторов, редактуру ряда изданий и многое другое.

Но и этим не исчерпываются заслуги В. В. Струве перед советским востоковедением. Являясь с 1916 г. профессором и с 1920 г. заведующим кафедрой истории древнего Востока Ленинградского университета, В. В. Струве воспитал и подготовил большое число специалистов. Можно смело утверждать, что Василий Васильевич, выступая непосредственным преемником научной школы Б. А. Тураева, не остался просто эпигоном своего гениального учителя, а пошел дальше. Эта честь выпадает на долю далеко не всех ученых. Он создал свою научную школу. Это стало возможным не только потому, что В. В. Струве обладал огромными знаниями, но прежде всего благодаря тому, что он умел выдвигать новые идеи, находить новые подходы к решению научных проблем, увлекать ими людей, подмечать у своих учеников признаки влечения к той или иной области знания, хотя бы это влечение и расходилось с научными интересами самого учителя.

Изучение всех аспектов этой школы — дело будущего. Здесь хотелось привести один небольшой, но, по нашему мнению, важный пример, который свидетельствует о постоянном развитии этой школы, т. е. о ее жизненности. Мы имеем в виду подготовку кадров историков древнего Востока в Ленинградском университете. После смерти Б. А. Тураева в 1920 г. школа которого носила историко-филологический характер, В. В. Струве долгое время придерживался в обучении студентов того же направления. Но в 1952 г. по его просьбе и при поддержке восточного факультета возглавляемая им кафедра была переведена с исторического на восточный факультет. Это знаменовало курс на филологизацию учебного процесса, и общее научное направление кафедры стало иным — филолого-историческим. Разумеется, по-прежнему и в еще большем объеме читались курсы истории, истории материальной культуры, археологии и т. п., но на изучение древневосточных языков стало выделяться даже больше часов, чем у студентов-филологов. Положительные результаты этого своевременного и правильного шага не замедлили сказаться на уровне подготовки студентов. В этой гибкости, умении находить правильные пути — одна из важных особенностей научной школы В. В. Струве. И мы, его ученики, ради движения нашей науки имеем все возможности продолжать и усугублять эту тенденцию.

В. В. Струве смог создать научную школу и благодаря своим личным качествам. Василий Васильевич был примером беззаветного служения науке, примером ученого, которому в мире не было равного по широте охвата истории и языков народов древнего мира, и добрым, славным человеком, в любой момент приходившим на помощь и словом и делом. Его доброта и отзывчивость, необычайная скромность и благожелательность, требовательность к себе и чуткость к другим, любовь к жизни и мягкий юмор вызывали глубокое уважение и любовь к нему всех, кто имел счастье учиться у него, работать под его руководством или просто встречаться с ним.

Василий Васильевич жил по простым и честным человеческим законам. Он всегда старался всем помочь, считая, что все должно работать и приносить пользу на своем участке работы. Это проявлялось и в мужестве, с которым он хлопотал за своих незаконно репрессированных коллег и учеников, и в той принципиальности, с которой Василий Васильевич отстаивал правоту своих научных взглядов.

В. В. Струве, несмотря на характер его научно-педагогической деятельности, нельзя назвать ученым, жизнь которого ограничивалась кабинетом и кафедрой. Многогранна была его общественная деятельность. В 1934—1939 гг. он избирался депутатом Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. Горячий патриот своей Родины, В. В. Струве неизменно откликался на все события в нашей стране и за рубежом. В годы Великой Отечественной войны В. В. Струве как директор Института востоковедения АН СССР приложил немало усилий для налаживания деятельности института в условиях блокады Ленинграда. С негодованием клеймил он фашистские расовые «теории». В 1941 г. Василий Васильевич издал брошюру, в которой разоблачил каннибализм гитлеровских захватчиков²². В 1942 г. В. В. Струве вновь обрушился всей силой своего таланта на людоедские теории фашистов, пытавшихся подвести «теоретическую» базу под свои зверства на временно захваченных ими территориях²³. К 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции Василий Васильевич опубликовал статью «Под знаменем Великого Октября»²⁴.

В послевоенные годы он внес значительный вклад в строительство коммунизма и в сохранение мира между народами.

Он вел большую административно-организаторскую работу. В течение ряда лет руководил деятельностью Института этнографии и Института востоковедения АН СССР. До последних дней своих возглавлял отдел древнего Востока Института народов Азии АН СССР и кафедру истории древнего Востока восточного факультета Ленинградского университета, руководил работой Восточной комиссии Географического общества АН СССР, участвовал в работе ученых советов многих научных учреждений Ленинграда.

Нельзя не отметить и деятельность В. В. Струве как редактора. Он не только рецензировал и редактировал множество трудов других ученых, но был одним из основателей журнала «Вестник древней истории», а затем и его главным редактором.

В 1934 г. В. В. Струве была присуждена степень доктора исторических наук. В 1935 г. он был избран действительным членом Академии наук СССР, в 1965 г. — почетным членом Чехословацкого египтологического института Карлова университета в Праге и Института Египта в Каире.

Правительство высоко оценило научно-педагогическую и общественную деятельность акад. В. В. Струве, наградив его орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и медалями.

Мы подошли к концу нашего краткого сообщения о жизни и творчестве Василия Васильевича Струве.

Последние слова Василия Васильевича были: «Как хочется жить и работать». В этом весь Василий Васильевич Струве...

Вспомним слова Шекспира:

«...Предсмертные слова,
Гармонии торжественной подобно,
Должны к себе внимание приковать.
Ведь тот, кто вынужден слова беречь,
Одну лишь истину влагает в речь.
Всю мудрость жизни, знания и опыт
Передаёт он людям в час конца...»

²² В. В. Струве, Фашистский антисемитизм — пережиток каннибализма, М.—Л., 1941.

²³ Е го же, Фашистский антисемитизм, М.—Л., 1942.

²⁴ «Вестник АН СССР», 1947, № 11, стр. 113 и сл.

Л. А. Липин

**АКАДЕМИК В. В. СТРУВЕ
КАК ШУМЕРОЛОГ**

Мы поставили перед собой скромную задачу — хотя бы коротко рассказать об огромных достижениях В. В. Струве в области исследования клинописных культур, и в первую очередь шумерологии. Разумеется, в одной статье не представляется возможным охарактеризовать всю многогранную научную и педагогическую деятельность, которой столь дорогой нам, незабвенный Василий Васильевич Струве отдал свыше 50 лет, т. е. всю свою сознательную жизнь.

С юношеских лет В. В. Струве навсегда связал свою жизнь с Петербургским — Петроградским — Ленинградским университетом, в стенах которого он создал свою школу и выпестовал множество учеников, успешно продолжающих дело своего любимого учителя. Нет такого научного центра в нашей стране, где имя Василия Васильевича не произносилось бы с величайшим уважением.

Египтолог и классик по образованию, ученик акад. Б. А. Тураева, Василий Васильевич Струве, приват-доцент Петроградского университета, автор ряда серьезных научных трудов, в 1919 г. вновь садится на студенческую скамью, чтобы изучить семитические языки. Под руководством крупнейшего советского семитолога акад. П. К. Коковцова Василий Васильевич овладел аккадским (вавилоно-ассирийским), древнееврейским, арамейским и финикийским языками. П. К. Коковцов, находясь на позициях И. Галеви, отрицал еще тогда наличие шумерского языка, считая его аллографией аккадского¹, и В. В. Струве изучает его самостоятельно.

Эти штудии Василия Васильевича имели громадное значение для всей последующей советской историографии древнего Востока. Дело в том, что для определения способа производства материальных благ достаточны только царские летописи и официальные реликвии о победах над врагами и строительной деятельности, часто приукрашивающие истинное положение вещей. Такие сведения могут быть извлечены лишь из источников, где нет и не может быть умышленных попыток фальсифицировать факты. Нужны документы, в которых прямо или косвенно отражены производственные отношения, отношение непосредственных производителей материальных благ к средствам производства. От

¹ См.: В. В. Струве, П. К. Коковцов как ассириолог, — ЭВ, 1953, VIII, стр. 3 и сл.

эпохи древнего Египта подобных документов до нас дошло очень мало, ибо там писчим материалом служил такой хрупкий материал, как папирус. Даже египетские законы, на наличие которых в древности указывают некоторые источники, до сих пор не обнаружены. Очевидно, они погибли. Иное дело в древнем Двуречье (Шумере, Вавилонии и Ассирии) — там в качестве основного вида писчего материала употребляли глину, которую затем обычно обжигали. Оттуда до нас дошли законы и их фрагменты на шумерском, вавилонском и ассирийском языках, многочисленные юридические документы, административная и частная переписка и, что особенно важно, огромное количество документов хозяйственной отчетности из храмовых и царских латифундий Шумера эпохи III династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.) и других, более ранних эпох.

Вот почему с конца 20-х годов основные научные интересы В. В. Струве сосредоточиваются на исследовании клинописных материалов древнего Двуречья. Именно стремление разработать на марксистской основе историю древнего Востока побудило Василия Васильевича временно оставить египетские источники, недостаточные для реконструкции социально-экономической истории древнего Востока, и обратиться к наименее изученным и более трудным для изучения клинописным памятникам древнего Шумера. Особая заслуга В. В. Струве заключается в том, что он впервые привлек для своих исследований документы хозяйственной отчетности древнего Шумера, которые до него никто не использовал в качестве источников по социальной истории древнего Востока. В. В. Струве показал, что именно эти хозяйственные документы могут дать материал, позволяющий решить важнейшую историческую проблему — установить характер социально-экономического строя древнего Двуречья, а затем и других стран древнего Востока.

Действительно, до начала 30-х годов среди историков, в том числе и советских, господствовало мнение, согласно которому в странах Востока испокон веков существовал феодализм. Эта так называемая теория об «извечном феодализме» на Востоке, по существу отрицающая способность восточных народов к самостоятельному развитию, была доминирующей, ее принимали как неопровержимо установленный факт. И требовалось большое мужество и уверенность в своей правоте, чтобы выступить против давно установившихся взглядов.

К началу 30-х годов В. В. Струве уже накопил достаточный материал, позволивший ему создать стройную концепцию развития исторического процесса на древнем Востоке, основанную на марксистско-ленинской теории и в корне отличную от общепринятой.

В 1933 г. ученый выступил со своим знаменитым четырехчасовым докладом «Проблемы зарождения, развития и разложения обществ древнего Востока»², в котором впервые отвергает общепринятую концепцию об «извечном феодализме» на Востоке как несостоятельную, противоречащую и данным источников, и учению марксизма-ленинизма, и выдвигает тезис о рабовладельческом характере древневосточных обществ, утверждая, что только такое решение согласуется с основополагающей теорией марксизма-ленинизма о развитии общества. Аргументация новой концепции опирается на чрезвычайно широкий круг источников, изученных детальнейшим образом, в первую очередь шумерских источников, среди которых исключительно важное место заняли документы хозяйственной отчетности эпохи III династии Ура.

² ИГАИМК, 1934, вып. 77, стр. 32—184.

Ввиду исключительной важности доклада В. В. Струве, давшего новое направление советской историографии древнего Востока, по которому она успешно развивается до сих пор и на котором добилась выдающихся успехов, необходимо сформулировать основные положения этого доклада:

1. Раннее возникновение классовых обществ в Шумере и древнем Египте обусловлено появлением и развитием ирригационного земледелия, без которого сколько-нибудь нормальное существование больших человеческих коллективов в названных странах немыслимо.

2. Создание и содержание в порядке сложной ирригационной системы при низком уровне развития производительных сил требовало наличия многочисленной рабочей силы и порабощения военнопленных, которых прежде лишь убивали или принимали в свой род.

3. Таким образом, первым классовым делением общества было деление на рабов и рабовладельцев, а первыми рабами были военнопленные, захваченные во время столкновений между различными племенами.

4. Поскольку рабство появилось в раннюю эпоху, когда пережитки первобытнообщинных отношений еще продолжали существовать и не было организованной государственной власти, способной держать в повиновении рабов, то в качестве рабовладельцев первоначально выступал целый коллектив, а не отдельные лица. Такой коллектив, кроме всего прочего, был объединен общими религиозными воззрениями и общим культом. Важнейшие средства производства, включая и рабочую силу, т. е. рабов, формально принадлежали божеству, т. е. храму, и представляли собой коллективную собственность рабовладельцев. Труд рабов использовался главным образом на ирригационных работах, в то время как землю возделывали свободные граждане, члены общин, работавшие на храмовых землях четыре месяца в году.

5. Результатом применения рабского труда на ирригационных работах явился рост богатства общины; этому способствовало и развитие внешнего обмена, который в условиях южного Двуречья, где было мало технического сырья, играл особо важную роль в течение всей истории Шумера. Увеличение прибавочного продукта привело к имущественной дифференциации внутри общины и к выделению из нее зажиточного слоя, начавшего скупать земли рядовых общинников и использовать «высокие поля». Таким путем возникли частные, индивидуальные рабовладельческие хозяйства. Наиболее зажиточные представители шумерских рабовладельцев начинают накладывать свою руку и на храмовые хозяйства, за счет доходов с этих хозяйств создают «дружину», используемую ими не только против рабов, но и против рядовых общинников.

6. Реформы Урукагины (XXIV в. до н. э.), о которых сообщается в его исторических надписях на так называемых конусах В — С, были направлены в защиту интересов рядовых свободных граждан Лагаша, против произвола власть имущих. Однако результат подобных реформ не был длительным. Процесс дифференциации общины, обогащение ее «верхушечных» слоев и обнищание рядовой массы свободных граждан уже невозможно было предотвратить. Дальнейшее развитие производительных сил и значительное увеличение числа рабов, рекрутируемых в многочисленных войнах с соседями, а также из числа собственных граждан — должников, привело в эпоху III династии Ура к возникновению крупных царских хозяйств, подлинных рабовладельческих латифундий, в которых основной рабочей силой были рабы.

Такой далеко идущий вывод, как указывалось выше, был сделан

В. В. Струве на основании тщательного изучения документов хозяйственной отчетности царских латифундий эпохи III династии Ура и многих других источников данного периода.

Эти своеобразные счетоводно-бухгалтерские книги, дошедшие до нас в огромных количествах и впервые привлеченные автором в качестве источников по истории социально-экономического строя древнего Востока, содержат ценнейшие сведения. Именно они позволили В. В. Струве с неопровержимой очевидностью доказать, что основным способом эксплуатации непосредственных производителей материальных благ был рабовладельческий способ. Василий Васильевич показал, что в латифундиальных хозяйствах эпохи III династии Ура трудились две категории работников: одна — круглый год, а вторая — лишь около четырех месяцев в году, в наиболее напряженное время сельскохозяйственных работ. При этом количество довольствия, получаемого работниками за свой труд, было неодинаковым. Те, кто работал в латифундиальных хозяйствах круглый год, получали относительно гораздо меньше, нежели те, кто работал лишь четыре месяца в году.

Перед ученым возник вопрос, как охарактеризовать социальное положение работников, трудившихся круглый год. Они не могли быть феодально зависимыми крестьянами, так как, работая круглый год без перерыва, не имели времени для обработки своих участков, если таковые у них и были. Они, правда, могли быть наемными работниками. Однако, поскольку число их было велико (документы оперируют цифрами в тысячи и десятки тысяч человеко-дней³) и их было значительно больше, нежели работавших четыре месяца в году, то пришлось бы признать наличие чисто капиталистических производственных отношений в сельском хозяйстве Шумера III тысячелетия до н. э. и охарактеризовать социально-экономическую формацию Шумера как капиталистическую, что исключается.

Таким образом, единственным правдоподобным решением было определение способа производства в Шумере как рабовладельческого, что полностью согласуется с учением марксизма-ленинизма о смене социально-экономических формаций. Имевшиеся к тому времени в распоряжении ученых своды и фрагменты законов из Шумера, Вавилонии и Ассирии, самым серьезным образом изученные В. В. Струве, также подтверждали его основные положения.

Вначале эти новые положения о том, что общества древнего Востока носили рабовладельческий характер и не существовало принципиальных отличий античных рабовладельческих обществ и древневосточных, не были приняты многими историками древности. Некоторые из них резко выступали против теории В. В. Струве. Развернулась широкая дискуссия.

В своем заключительном слове (см. прим. 2) В. В. Струве подчеркнул необходимость продолжения и в дальнейшем «колоссальной работы» по более детальному филологическому и историческому исследованию первоисточников.

Это была подлинная программа творческой деятельности. Уже в 1934 г. Василий Васильевич опубликовал ряд новых исследований, в которых для лучшего обоснования тезиса о рабовладельческом харак-

³ Понятие человеко-дня уже было известно в Шумере III тысячелетия до н. э., что само по себе знаменательно, так как указывает на большой размах применения труда эксплуатируемых в латифундиальных хозяйствах древнего Двуречья. См.: В. В. Струве, Триумф абстрагирующей мысли в отчетности древнего Сумира, — «Бюллетень Второго Всесоюзного съезда математиков в Ленинграде 24—30 июня 1934 г.», Л., 1934.

тере эксплуатации на древнем Востоке привлек новые материалы клинописных источников. В этих работах⁴ конкретизовались высказанные в докладе общие положения, вносились некоторые уточнения, обсуждались детали.

В одной из статей этого периода⁵ В. В. Струве показал, что в шумерском языке различались два класса — класс лиц и класс вещей, причем каждый грамматический класс имел для своего обозначения особый морфологический показатель. Тексты, говоря об эксплуатируемых непосредственных производителях материальных благ, которых следует определить как рабов, всегда употребляют морфологический показатель класса вещей, а не класса лиц. Таким образом, сами шумеры рассматривали раба как вещь. Если перед именем собственным свободного человека ставился детерминатив в виде вертикального клина, то перед именем собственным раба (если это имя называлось) ставился знак, обозначающий слово «голова», т. е. рабов считали по количеству голов, как скот.

Все свои научные открытия, а также достижения других ученых В. В. Струве делал достоянием обширной студенческой аудитории. Так, уже в 1934 г. им был выпущен в свет первый марксистский учебник по истории древнего Востока в виде краткого студенческого конспекта⁶. В том же году вышли в свет три выпуска его лекций по истории древнего Востока, читанные им в Ленинградском университете⁷, в которых также нашла отражение его новая точка зрения на социальный строй стран древнего Востока. Основополагающие выводы об отсутствии качественного различия между восточными и античными рабовладельческими обществами изложены и в первых советских учебниках по истории древнего Востока для студентов высших учебных заведений. Эти учебники также принадлежат перу Василия Васильевича⁸.

К концу 30-х годов точка зрения В. В. Струве о рабовладельческом характере общественного строя древнего Востока стала главенствующей в нашей стране, она была признана подавляющим большинством советских историков древности. И хотя отдельные ученые продолжали еще некоторое время цепляться за старые, привычные взгляды, буржуазная теория об «извечном феодализме» на Востоке была окончательно похоронена. Журнал «Вестник древней истории» с полным основанием писал по поводу второго издания вузовского учебника по истории древнего Востока В. В. Струве: «В основу изложения истории древнего Востока в книге акад. В. В. Струве положено марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях, благодаря чему „История древнего Востока“ превращается из случайного сцепления фактов, каким она является в трудах буржуазных ученых, в осмысленный закономерный исторический процесс»⁹.

⁴ См. его работы: «Очерки социально-экономической истории древнего Востока», — ИГАИМК, 1934, вып. 97; Рабовладельческая латифундия в Сумире III династии Ура, — «С. Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности», Л., 1934, стр. 495 и сл.; Еще раз о рабовладельческой латифундии Сумира III династии Ура (ответ Н. М. Никольскому), — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7—8, стр. 211—222 и сл.

⁵ В. В. Струве, Рудимент классового показателя в шумерийском языке, — «Известия АН СССР», отд. общественных наук, 1934, № 10, стр. 211 и сл.

⁶ В. В. Струве, История древнего Востока. Краткий курс, М., 1934.

⁷ В. В. Струве, Лекции по истории древнего Востока, 1934, вып. I—III (на правах рукописи).

⁸ «История древнего мира», т. I. Восток, М., 1936. (Большая часть материала написана В. В. Струве); В. В. Струве, История древнего Востока, изд. 2, Л., 1941.

⁹ А. Р а н о в и ч, [рец. на:] Акад. В. В. Струве, История древнего Востока, — ВДИ, 1946, № 1, стр. 178.

Но и после выхода в свет второго издания учебника по истории древнего Востока В. В. Струве еще свыше двадцати лет продолжал разработку многочисленных клинописных исторических источников, давших богатейший материал, который позволил наполнить конкретным содержанием его первоначальные выводы. В 1947 г. В. В. Струве опубликовал статьи: «Общественный строй Южного Междуречья в эпоху III династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.)»¹⁰, «Проблемы истории древнего Востока в советской историографии»¹¹, «Советское востоковедение и проблемы общественного строя древнего Востока»¹².

В 1948 г. и в последующие годы Василий Васильевич продолжал разрабатывать эту же тему, самую важную для истории древнего Востока, и в результате поистине титанического труда появляется ряд статей, в которых приводится огромный материал источников, вновь подтверждающий его первоначальные выводы о рабовладельческом характере общественного строя древнего Южного Двуречья, и вносятся многие уточнения. Таковы, например, его «Новые данные об организации труда и социальной структуре общества Сумера эпохи III династии Ура»¹³, «Лагерь военнопленных женщин в Шумере III тысячелетия до н. э.»¹⁴, где показан размах применения рабского труда в древнем Двуречье III тысячелетия до н. э. и безжалостная эксплуатация рабов, «К специфике рабовладельческих обществ древнего Востока»¹⁵, «Значение сводок надзирателей отряда работников царского хозяйства III династии Ура»¹⁶ и многие другие.

Прекрасное обобщение более чем двадцатилетних трудов по социальной структуре общества древнего Двуречья было сделано В. В. Струве в первом и втором томах «Всемирной истории» АН СССР¹⁷, в которых его перу принадлежат не только главы по истории Шумера и Вавилонии, но и главы по истории хеттского царства, финикийских городов-государств, древней Палестины, Ирана и Средней Азии, стран Средиземноморья и Аравии. В. В. Струве принимал также активное участие в научном редактировании остальных глав первых двух томов «Всемирной истории», написанных другими авторами.

Обладая огромной эрудицией, будучи не только историком в самом широком смысле слова, но и филологом, Василий Васильевич никогда не основывал свои исторические выводы на филологической интерпретации источников, данной другими учеными, хотя и учитывал ее. Исторические труды В. В. Струве всегда базировались на собственных филологических исследованиях, неизменно точных и безукоризненных, являвшихся вкладом в древневосточную филологию.

Не имея возможности проанализировать все филологические труды Василия Васильевича, отметим только некоторые из них, представляющие собой образец тонкого понимания сложной грамматики шумерского и аккадского языков и в то же время имеющие громадное значение для правильного понимания исторических процессов и явлений, которые нашли отражение в исследованных ученым источниках.

¹⁰ «Юбилейный сборник, посвященный 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, М.—Л., 1947, стр. 720 и сл.

¹¹ ВДИ, 1947, № 3, стр. 17 и сл.

¹² «Вестник ЛГУ», 1947, № 11, стр. 233 и сл.

¹³ «Советское востоковедение», 1949, № 4, стр. 149 и сл.

¹⁴ ВДИ, 1952, № 3, стр. 12 и сл.

¹⁵ «Вестник ЛГУ», 1953, № 9, стр. 81 и сл.

¹⁶ «Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. Секция ассириологии», М., 1954, стр. 33 и сл.

¹⁷ «Всемирная история», т. I, М., 1955; т. II, М., 1956.

К ним прежде всего относится работа «Значение двух основных глагольных префиксов в шумерийском языке»¹⁸, где подвергаются критике теории крупнейших шумерологов — Тюрро-Данжена, Витцеля, Деймеля, Пёбеля, Шольца, Шилейко, Рифтина, Кристиана, Жестэна, Фалькенштейна и Сольберже — и доказываются неприемлемость их выводов. В 1962 г. В. В. Струве, несмотря на приковавшую его к постели тяжелую болезнь, вторично возвратился к указанной проблеме и подготовил новый доклад, зачитанный на Второй Всесоюзной сессии по изучению древнего Востока¹⁹. В этом докладе он с исключительной убедительностью обнажил главные недостатки глагольных теорий его предшественников относительно значений двух важнейших грамматических префиксов шумерского глагола — МУ- и Е-. Все перечисленные выше ученые, занимавшиеся данной проблемой, игнорировали элемент субъективности при определении значений префиксов и исходили лишь из объективных факторов. В действительности же в этих глагольных префиксах отражается и субъективный взгляд говорящего на характер действия. Применение префикса МУ- или Е- зависит от того, как говорящий рассматривает действие, выраженное глаголом: если действие совершается, с его точки зрения, в пользу центрального лица предложения, то говорящий применяет префикс МУ-, в противном случае он употребляет префикс Е-.

Не меньшее значение имеет и другая филологическая работа Василия Васильевича, а именно «Категория времени и замена идеограмм в шумерском языке и письме»²⁰.

Исключительно важное значение имел труд В. В. Струве, посвященный выяснению того, является ли знак *ga*, присоединяемый часто к термину *gána* («поле»), грамматическим показателем родительного падежа или же это имя существительное, выступающее в синтаксической функции определения. В зависимости от решения данного вопроса выясняется важная историческая проблема наличия или отсутствия обрабатываемых земель на так называемых высоких полях в древнем Шумере. В статье «Термин *gána-ga* и проблема зарождения частного землевладения в Шумере»²¹ В. В. Струве с такой убедительностью и математической точностью доказал невозможность принять знак *ga* в качестве грамматического элемента и необходимость признания за ним самостоятельного значения предметности как за существительным, что аргументация В. В. Струве была принята без оговорок и зарубежными учеными²².

Но отсюда следовал важнейший исторический вывод о том, что частное землевладение в Шумере зародилось прежде всего на так называемых высоких полях, где требовались дополнительные, весьма трудоемкие работы по орошению. Таким образом, положение, высказанное в докладе 1933 г., теперь получило новое подтверждение в целом ряде других шумерских источников.

Но и в глубоко исторических трудах выводы В. В. Струве являются следствием тончайшего филологического анализа источников. Для примера сошлемся хотя бы на его работу «Борьба с рабством-должничест-

¹⁸ Доклад, прочитанный на научной сессии Ленинградского государственного университета в 1954 г., и тезисы доклада, опубликованные в кн.: «Научная сессия Ленинградского государственного университета 1954—1955 гг. Тезисы докладов по секции востоковедческих наук», Изд. ЛГУ, 1954, стр. 25 и сл.

¹⁹ Префиксы МУ- и Е- шумерского глагола, — ВДИ, 1962, № 4, стр. 91 и сл.

²⁰ «Вестник ЛГУ», серия истории, языка и литературы, 1957, вып. 2, № 8, стр. 85 и сл.

²¹ ВДИ, 1959, № 2, стр. 3 и сл.; № 3, стр. 53 и сл.

²² См.: Revue «Histoire de droit français-et étranger», Paris, 1962, vol. 40, № 3, стр. 475 и сл.

вом в Вавилонии и Палестине»²³. На основании филигранного филологического исследования, доказавшего несостоятельность интерпретации клинописных текстов рядом ученых, он приходит к крайне важному выводу о том, что «статьи 114, 115, 116, и 117 свода законов Хаммурапи свидетельствуют об освобождении царем самого главы семейства от кабальной службы в хозяйстве своего заимодавца ради сохранения военной мощи Вавилонского государства»²⁴.

В этой статье разрабатываются проблемы не только аккадской (сумерической) филологии, но и шумерской. Действительно, огромная эрудиция, свободное владение всеми языками источников и широкий охват материала позволяли В. В. Струве привлекать все имеющиеся данные по интересующей его проблеме, независимо от того, на каком языке они имелись. Поэтому в только что названной работе привлечены и подвергнуты тщательному анализу не только аккадские (вавилонские) документы, но шумерские и библейские. Вот почему труды В. В. Струве всегда отличались такой убедительностью.

Большое значение для понимания специфики социально-экономического строя древнего Двуречья и его развития имеют и последующие работы Василия Васильевича по названной тематике²⁵. Многие из них посвящены сложному и чрезвычайно запутанному вопросу о характере реформ царя Лагашского государства Шумера XXIV в. до н. э. Урукагины.

Спорный и трудный, но крайне важный вопрос о характере реформ Урукагины, все данные источников этого бурного периода в истории Лагаша и всего Шумера и их правильная научная интерпретация никогда не переставали интересовать В. В. Струве на протяжении свыше 30 лет, начиная со времени работы над подготовкой своего знаменитого доклада 1933 г., о котором говорилось выше, и до последних дней жизни. Интерпретации исторических надписей Урукагины на конусах В — С Василий Васильевич посвятил и специальный семинар на восточном факультете ЛГУ в 1960—1962 гг. На этом семинаре, к которому автор готовился с исключительной тщательностью, В. В. Струве стремился еще и еще раз проверить свою точку зрения, услышать критические замечания своих учеников и, таким образом, установить истинный характер названных реформ выдающегося шумерского правителя и их социальную направленность.

В. В. Струве готовил большую монографию, посвященную названному периоду истории Лагаша. В процессе подготовки этой монографии и других работ по истории древнего Шумера Василий Васильевич собрал уникальную шумерологическую картотеку, которая, будучи издана, оказала бы неоценимую помощь всем, кто интересуется социальной историей раннерабовладельческого периода, становлением и развитием

²³ «Палестинский сборник», 1958, вып. 3(66), стр. 3 и сл.

²⁴ Там же, стр. 17.

²⁵ Таковы, например: К проблеме частного землевладения в Шумере, — ВДИ, 1959, № 4, стр. 12 и сл.; Значение шумерийского документа, изданного А. П. Рифтиным, для изучения эпохи правителей Лагаша — Лугальанды и Урукагины, — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», 1960, т. XXV, стр. 177 и сл.; Интерпретация строк 14—19 III столбца «Овальной пластинки», — «Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь акад. И. А. Орбели», М.—Л., 1960, стр. 464 и сл.; Удельный вес рабского труда в храмовом хозяйстве досаргоновского Лагаша, — «Вопросы истории», 1960, № 2, стр. 34 и сл.; Число полноправных граждан Лагаша до реформ царя Урукагины, — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», 1960, т. XXXVIII, стр. 3 и сл.; Государство Лагаш. Борьба за расширение гражданского права в Лагаше XXV—XXIV вв. до нашей эры, М., 1961; Проверка при Урукагине, царе-реформаторе Лагаша, боеспособности воинов, получивших ранение, — ВДИ, 1962, № 3, стр. 24 и сл.

рабовладельческого строя. В картотеке собран большой и ценный материал и по другим периодам истории Шумера, а также по шумерской филологии. Институт востоковедения АН СССР и издательство «Наука» АН СССР сделают очень полезное и нужное дело, если издадут карту-теку В. В. Струве и сделают ее доступной для специалистов.

Имя В. В. Струве, бесспорно, принадлежит к числу славных имен представителей русской и советской науки, составляющих ее гордость. Теперь, в эпоху все большей дифференциации наук, их дробления на отдельные отрасли, уже невозможно одному какому-либо специалисту во всей полноте и по достоинству оценить научный подвиг, совершенный крупнейшим советским востоковедом В. В. Струве во славу отечественной и мировой науки. Диапазон его научных интересов был поистине беспредель. Чтобы убедиться в правильности этих слов, достаточно ознакомиться с библиографией его трудов.

В. В. Струве всегда окружал отеческой заботой молодое поколение ученых, помогая ему словом и делом и приучая следовать великим традициям русской и советской науки. Особо бережно Василий Васильевич относился к талантливому студенчеству, готовя будущих ученых, на которых ляжет со временем почетная, но трудная ответственность представлять советскую науку.

Сам крупнейший ученый, востоковед и античник, старейшина советской ориенталистики, В. В. Струве всегда с большим вниманием и уважением относился к своим предшественникам и современникам, неизменно отмечая их заслуги перед отечественной и мировой наукой. Вот почему ряд его трудов посвящен вопросам историографии²⁶.

Светлая память о крупнейшем советском ученом, большом человеке и друге всегда будет жить в сердцах всех, кто его знал.

²⁶ См., например: Б. А. Тураев, крупнейший историк древнего Востока, — ВДИ, 1948, № 2, стр. 75 и сл.; К столетию со дня рождения В. С. Голенищева, — ВДИ, 1957, № 2, стр. 3 и сл.; 100-летие со дня рождения В. С. Голенищева, — «Вестник АН СССР», 1957, стр. 130 и сл.; Значение В. С. Голенищева для египтологии, — «Очерки по истории русского востоковедения», сб. III, М., 1960, стр. 3 и сл.; Ученый-революционер (Н. Я. Марр), — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 3—4, стр. 237 и сл.; Франсуа Шампольон (к 100-летию юбилею дешифровки иероглифов), — «Анналы», 1922, № 2, стр. 3 и сл.; Работа проф. Грозного (Пражский университет), — «Ленинградский университет», 21.XII.1936; П. К. Коковцов как ассириолог, — ЭВ, 1953, т. VIII, стр. 3 и сл. и др.

М. Я. Иоселева

НАУЧНЫЙ ВКЛАД В. В. СТРУВЕ В ИЗУЧЕНИЕ МАТЕМАТИКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Василий Васильевич Струве является известным ученым, гордостью нашей Родины. Его перу принадлежат сотни научных работ, но до сих пор слишком мало внимания уделялось той стороне деятельности известного ученого, которая охватывает математические проблемы, поставленные и решенные им благодаря редкой интуиции и мастерскому владению фактами. Даже если бы Василий Васильевич Струве не написал ни единой строчки, кроме работ, посвященных математике древних народов, имя Струве, несомненно, вошло бы в золотой фонд русской науки.

Научный вклад В. В. Струве в изучение математики древнего Египта заключается в том, что он: 1) своими трудами по математике древнего Востока способствовал созданию научной базы для исследования марксистскими методами таких сложных проблем, как вопрос о происхождении математических понятий, и других вопросов истории, философии и методологии математики; 2) показал связь математики древнего Египта с шумеро-вавилонской математикой; 3) проследил связь древнеегипетской математики с математикой средних веков, в частности с армянской математикой; 4) поставил под вопрос правильность принятого в науке постулата о тождестве математики древнего Египта и математики Среднего царства; 5) своей деятельностью показал узость существовавших до него представлений о границах египетской математики и начертал новые и значительно более широкие контуры, предполагающие существование до сих пор не обнаруженных теоретических трудов древнеегипетских математиков; 6) приняв в 1920 г. эстафету русской египтологии от В. С. Голенищева и Б. А. Тураева, исследовал и издал Московский математический папирус; 7) в течение 45 лет высоко держал знамя русской науки в изучении математики древнего Египта, доказав, что одним из очагов зарождения теоретической математики был древний Египет.

В результате его исследований был опубликован громадный фактический материал, дающий принципиально новые сведения об уровне математических знаний одной из древнейших цивилизаций прошлого, материал, явившийся краеугольным камнем многочисленных исследований по палеоматематике, истории техники, истории культуры, основаниям математики, проведенных русскими и зарубежными учеными. Работа В. В. Струве по переводу и истолкованию математического папируса, привезенного в Москву В. С. Голенищевым, была не только одной из многочисленных работ ученого, но основной работой, эстафе-

той, принятой им из рук В. С. Голенищева и Б. А. Тураева. Она впитала в себя молодость и талант ученого. В. В. Струве отдал переводу Московского математического папируса десять лет жизни. Это исследование принесло В. В. Струве мировую славу и вызвало бурные дискуссии среди математиков и историков всего мира, не утихающие уже почти четыре десятилетия.

По мнению Эйнштейна, среди всех наук математика пользуется особенным уважением. Основанием этому служит то обстоятельство, что ее положения абсолютно верны и неоспоримы, в то время как положения большинства других наук до известной степени спорны и всегда существует опасность, что они будут опровергнуты новыми открытиями. Современная математика построена при помощи немногих принципов и законов, обладающих характером принудительной необходимости. Несмотря на большое значение математической символики, формулами математика не исчерпывается — решающим фактором являются математические понятия. При рассмотрении с позиций диалектического материализма вопроса о происхождении математических понятий рассеивается мистический туман, который прежде обволакивал основания математики. Поэтому вопрос о происхождении математических понятий является основным вопросом философии математики.

Геометрические представления древних возникли из наблюдений природы в течение тысячелетий и практической деятельности человека, в результате которой образовались математические понятия.

Египет — дар пустынь и Нила. Из всех значительных земледельческих культур, возникших в долинах больших рек притропического пояса Земли, в наиболее контрастных физико-географических условиях складывалась египетская цивилизация. Сложное ирригационное хозяйство долины Нила, потребности календаря, которым египтяне пользовались еще с IV тысячелетия до нашей эры, сохранившиеся и поныне памятники материальной культуры свидетельствуют о высоком уровне математических знаний в древнем Египте.

По мнению Лебега, измерение величин — исходный пункт всех приложений математики. Несомненно, прикладная математика предшествовала созданию логики математики, и у ее истоков находятся измерения площадей и объемов не только как материал исследования планиметрии и стереометрии, но и как путь получения основного понятия, рассматриваемого в анализе, ибо в результате измерений древние получали число.

Действительно, для того чтобы напитать влагой верхние поля, окаймляющие долину Нила, проводить ежегодный раздел участков или воздвигать гигантские пирамиды типа пирамиды Хуфру, сторона квадратного основания которой, по сведениям Борхардта, равна 440 царским локтям, т. е. примерно 230 м, поднять на высоту, превышающую 100 м, гигантские камни, обработать и расположить их в правильной геометрической форме, строго ориентируясь по отношению к небесным светилам, — для всего этого должен был существовать достаточно высокий уровень техники и соответствующие математические знания. Для осуществления таких проектов необходим и определенный уровень теоретического мышления.

Прямым свидетельством математических знаний египтян в эпоху Среднего царства являются найденные в прошлом столетии древнеегипетские папирусы математического содержания. Из математических папирусов наиболее важными являются два: Лондонский и Московский. Лондонский папирус был привезен в Англию археологом-коллекционером Риндом и после смерти Ринда хранится в Британском музее. Па-

пирус имеет 32 см в ширину, 550 см в длину. Он содержит 85 систематизированных математических задач, которые проф. Эйзенлором были переведены, очень основательно прокомментированы и изданы вместе с таблицами, представляющими факсимиле самого папируса, под заглавием «Ein Mathematisches Handbuch der alten Aegypten» (Leipzig, 1877).

Лондонский папирус иногда именуется папирусом Ахмеса, по имени писца-составителя, и датируется серединой II тысячелетия до н. э.

Московский папирус был открыт в начале 80-х годов XIX в. в Фивах и привезен в Россию В. С. Голенищевым. С 1917 г. этот папирус находится на хранении в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Ширина папируса — 8 см, длина — 544 см. Сохранилось 38 колонн письма и 8 фрагментарных кусков. Папирус выполнен курсивным иератическим письмом эпохи Среднего царства и содержит 25 задач разнообразного содержания. Папирус старше Лондонского, по мнению специалистов, на два века и относится примерно к 1700 г. до н. э.

В 1917 г. к работе над Московским папирусом приступил Б. А. Тураев. За три года напряженной работы акад. Б. А. Тураев сделал иероглифическую транскрипцию всего иератического текста. Кроме того, Б. А. Тураевым были переведены четыре задачи на русский язык и одна задача на английский. В 1917 г. в английском журнале «Ancient Egypt» была опубликована статья Б. А. Тураева «О вычислении объема усеченной пирамиды в египетской математике», в которой автор излагает задачу № 14 Московского папируса.

Преждевременная кончина Б. А. Тураева в 1920 г. прервала близкую к окончанию работу крупнейшего русского востоковеда над переводом математического папируса. В эти трудные годы неприменный секретарь Академии наук выдающийся востоковед акад. С. Ф. Ольденбург писал: «При смерти научных работников гибнут их работы, готовые, полуготовые, начатые...». Вопреки опасениям научной общественности труд Б. А. Тураева не погиб. В 1927 г. В. В. Струве закончил перевод Московского папируса, и в 1930 г. обработанный Б. А. Тураевым и В. В. Струве папирус был издан в Германии под заглавием: «Mathematischer Papyrus des staatlichen Museum der schönen Künste in Moskau». Публикация полного текста математического папируса из коллекции Государственного музея изобразительных искусств стала сенсацией для математиков, историков, философов всего мира и вызвала ряд научных дискуссий.

В результате дешифровки английскими египтологами папируса Ринда доказывалось, что иероглиф «пара идущих ног», движение которых направлено определенным образом, означает сложение. Изучая Московский папирус, Тураев и Струве установили, что иероглиф «пара идущих ног» имеет значение «возвести число в квадрат».


В исследовании «Мнимое противоречие в толковании иероглифа „пара идущих ног“ в папирусе Ринда и Московском папирусе» автором статьи доказано, что кажущееся противоречие, вызывающее на протяжении полувека разногласия русских и английских египтологов, на самом деле разрешается диалектическим единством внутренней сущности математических операций.

Темой одной из глубоких дискуссий, разгоревшихся с особой силой после опубликования В. В. Струве Московского папируса, послужил вопрос о реальности теоретического характера египетской математики.

К 30-м годам нашего столетия среди историков сложилось твердое

представление об ограниченности египетской математики. Считали, что древние египтяне владели примитивной вычислительной техникой, включающей понятие дроби и некоторые вычисления с дробями. Знали, что египтяне решали арифметические задачи с доведением их до решения задач элементарной алгебры в виде квадратных уравнений. Признавали, что египтяне умели эмпирически определять площади фигур, поверхности и объем многогранников. Указывали на существование вычислительной геометрии, т. е. связи египетской геометрии с арифметикой и алгеброй. В то же время среди ученых сложилось представление о чисто эмпирическом характере египетской математики.

В. В. Струве прежде всего обратил внимание на то, что математические папирусы представляют собой задачки. Это явствует из несистематического расположения материала. Полное отсутствие системы в расположении задач подтверждается повторяющимися по содержанию задачами. В. В. Струве считал возможным объяснить это тем, что учитель предлагал ученику дважды одну и ту же задачу, чтобы предоставить ему возможность показать свои знания на отдельных вариантах вычислений. Ученый называл папирус Ринда **большим задачником**, дошедшим до нас от эпохи гиксосов, и поставил вопрос, можно ли считать полностью завершенными наши знания о математике древнего Египта, основываясь на папирусах, хотя и представляющих огромную ценность, но характеризующих лишь прикладную математику Среднего царства. Принятый постулат — математика египтян Среднего царства есть вершина египетской математики — был также поставлен под вопрос.

При рассмотрении задачи № 10 Московского папируса В. В. Струве открыл, что египтянам была известна формула вычисления поверхности шара. В иероглифической транскрипции Б. А. Тураева предмет, поверхность которого следует вычислить, написан при помощи иероглифа , символизирующего корзину. Поэтому интерпретация В. В. Струве искомого объема как объема полушара, изображенного в виде корзины, представляется естественной. Из текста задачи следует, что древние египтяне знали о том, что поверхность полушара в два раза больше площади большого круга рассматриваемого шара, получающегося от сечения сферы плоскостью, проходящей через ее центр. Получить такой вывод эмпирически невозможно. Следовательно, традиционные взгляды на египетскую математику как математику эмпирическую должны быть пересмотрены.



Естественно, новая революционная тенденция В. В. Струве вызвала бурю математических дискуссий, не утихающих и по сей день. Интересно отметить, что даже такой откровенный противник концепции В. В. Струве, как Нейгебауэр, вынужден был признать перевод и комментарии спорной задачи Московского папируса о поверхности полушара, выполненные В. В. Струве, непротиворечивыми.

Разумеется, во имя спасения традиционных представлений были предложены иные варианты расшифровки текста этой задачи. Так, английский математик Питт высказал гипотезу, что в рассматриваемом тексте речь идет не о полусфере, а о полуцилиндре с длиной образующей, равной диаметру основания. Впоследствии проф. Саратовского педагогического института Г. П. Боев предложил рассматривать спорную поверхность как боковую поверхность конуса с образующей, равной диаметру основания. И В. В. Струве, и Питт, и Г. П. Боев приводят веские и непротиворечивые математические доказательства высказываемых ими положений.

Естественно возникают два вопроса: какая математическая форму-

лировка дает возможность возводить столь различные логические построения и чья гипотеза верна? С нашей точки зрения, ответ на первый вопрос может дать всякий непредубежденный и добросовестный исследователь, взглянувший на текст задачи № 10 Московского папируса. Оказывается, возможность столь различных толкований лежит... в лакуне, так как папирус поврежден именно в этом месте задачи.

Ответ на второй вопрос сложнее и требует некоторых математических знаний. Математическая непротиворечивость обуславливается тем, что и сфера, и цилиндр, и конус являются с точки зрения высшей математики поверхностями второго порядка, т. е. математическими телами одной природы. Но кроме непротиворечивости с точки зрения математики необходима прежде всего согласованность с текстом папируса. В отличие от записанной пиктограммами задачи № 14, где вычисляется объем правильной усеченной пирамиды, текст задачи № 10 записан фонетически.

При дешифровке древнеегипетской письменности Шампольон раскрыл иероглиф  термином «сосуд для жидкости», «корзина». Известно, что древние хранили воду в корзинах, обмазанных глиной, и в скорлупе яиц страуса. По свидетельству многочисленных исследователей, страус и яйцо страуса занимают особое место в египетской мифологии. Предположение В. В. Струве, основанное на глубоком изучении не только Московского папируса, но и культуры и материальной базы Египта, вполне достоверно. Гипотеза В. В. Струве о тождественности в тексте папируса терминов «яйцо страуса», «скорлупа яйца страуса» и «шар» подтверждается и особенностями древнеегипетской живописи. Расшифровывая в Московском папирусе иероглиф  как чашу, корзину, половину яйца страуса, Струве принимал форму яйца страуса близкой к шару, так как отношение длины яйца страуса к высоте равно $\frac{13}{14}$ или $\frac{13}{16}$.

Несмотря на имеющиеся в папирусе лакуны, Струве убедительно показал, что в задаче № 10 Московского папируса речь идет об определении поверхности полусферы. Догадки остальных авторов не подтверждаются текстом папируса. Это отнюдь не исключает возможности существования древнеегипетских источников, содержащих полуэмпирические или теоретические определения поверхностей цилиндра, конуса и других поверхностей второго порядка.

Следовательно, вопреки сложившемуся мнению, блистательно подтверждается основная мысль Струве о том, что египетская математика ставила и решала теоретические проблемы.

Не имея возможности подробно рассмотреть в настоящей статье работы Струве по армянской математике, мы должны отметить, что в работе ¹, посвященной египетской задаче в сочинении армянского математика Анания, рассматривается задача № 22 ², представляющая арифметическую прогрессию из нечетных чисел натурального ряда. Задача № 22 выделяется древнеегипетским колоритом среди других арифметических задач, посвященных преимущественно быту ширакских князей, и напоминает по форме и содержанию задачи № 40 и 64 египетского папируса Ринда. Наряду с этим задачи № 2, 4 и 64 заимствованы из греческого источника.

¹ В. В. Струве, Египетская задача в сочинении армянского математика VII в., — сб. «Язык и литература», V, Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук, Л., 1930, стр. 29—32.

² Ананий из Ширака, Вопросы и решения, изд. и пер. И. А. Орбели, Пг., 1918.

Т. А. Шумовский

**ДВЕ ГЛАВЫ ИЗ ЭНЦИКЛОПЕДИИ
АРАБСКОЙ МОРСКОЙ ГЕОГРАФИИ XV в.**

До сих пор в сборнике «Страны и народы Востока» рассматривались общие вопросы истории арабского мореплавания. Сейчас завершение работы по исследованию морской энциклопедии Ахмада ибн Маджида позволяет перейти к опубликованию фрагментов конкретного памятника. Это даст возможность составить полное и точное представление о характере интересующей нас литературы.

Энциклопедия под названием «Книга *польз* об основах и правилах морской науки» представляет собой основное произведение Ахмада ибн Маджида — арабского лоцмана Васко да Гамы, наиболее значительное по объему и содержанию в системе его литературного наследства. Законченная за восемь лет до первой португальской экспедиции на Восток, эта книга, результат пятнадцатилетнего труда, свидетельствует о высоком уровне мореходных знаний в Западной Азии накануне европейской колонизации. Ее значение возрастает, если учесть, что новые владения южных морей вскоре прервали дальнейшее развитие океанской навигации арабов и много восточных лоций и морских карт исчезли в бурном вихре событий того времени. «Книга *польз*» предстает как единичный документ, уникальный по глубине и размаху среди уцелевших образцов арабской талассографии. Результаты ее изучения заставляют заново пересмотреть роль арабов в истории мировой культуры.

Подготовка критического издания «Книги *польз*» в стенах Института востоковедения завещана незабвенным Игнатием Юлиановичем Крачковским, высоко оценивавшим научное значение энциклопедии Ахмада ибн Маджида. Глава советской арабистики писал: «Мы можем считать «Книгу *польз*» плодом зрелого творчества Ахмада ибн Маджида; как бы венцом его теоретических наблюдений и практического опыта, изучения специальной литературы и проверки ее во время плаваний»¹.

«Книга *польз* об основах и правилах морской науки» состоит из двенадцати *польз*, т. е. «полезных глав», содержащих разносторонние данные по морской географии. Мы предлагаем вниманию читателей введение, первую и вторую главы. После краткого введения, говорящего о принципиальном отличии талассографического описания от прочих разделов мусульманской науки, первая глава излагает общую историю развития знаний об Индийском океане, вторая рисует облик идеального морехода; здесь мы узнаем, сколь велики были требования к арабским судоводителям.

¹ И. Ю. Крачковский, Арабская географическая литература, — Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1957, стр. 564.

|| Я считаю науки об этом мире символом превосходным, величайшим по месту и благороднейшим в отношении пути, согласно слову его ², кого Боже благослови и спаси, и побуждению от прочих пророков к поиску знания; поэтому говорится: «Не от науки худо, а когда невежество в ней хуже ее». Как же [это понять], когда перед нами наука, лишь благодаря которой узнают *киблу* ислама ³, что в ней верно? На верное в ней указывает время, в течение которого я высказываюсь и действую: как уже давно мы приводим суда из Индии, Сирии, Занджа ⁴ и Фарса ⁵, Хиджаза с Йеменом ⁶ и других краев благодаря прямому направлению, не отклоняющему от стороны искомого города богатства и души! Вот довод, убеждающий в том, что *эта* наука ⁷ может указывать *киблу*; поэтому в ней нуждаются хранители заповедей [веры], ей ради узнавания *киблы* у нас учились многие из числа их ученых и судей. Они ее одобряли и поступали согласно с ней, а не прочим, относящимся к числу приблизительных знаний, таких, как обозначение круга с водружением в нем шеста, определение долготы и широты Мекки с долготой и широтой города, в котором находишься, что не дает власти по отношению к долготе и широте всех городов и полуденных островов в море, сонм же ученый беспечен! А наша наука всем этим правит, ибо море обширнее суши; поэтому мы составили книгу, дабы человек благодаря ей возвысился: ведь я даю ему власть через познание в науке круга, долгот и широт, узнавание сторон Ка'бы ⁸ и четырех ветров — северного, западного, южного и восточного. Это четыре ветра, известных в нашем мире, что же касается наименования у людей, то имен много, что ни страна — особое слово. О них сказаны два *нанизанных* стиха из поэзии древних, а это, где говорится:

Место, где дует восточный, клонится от восхода Солнца
к Козленочку ⁹, а северный — [отсюда] до заката Солнца.
Между Лужком ¹⁰ и тем закатом убеждаешься в западном,
а к восходу Солнца — южный.

|| Следовательно, если человек может что-либо делать, не зная моря и его счисления, пусть делает; когда же он слаб в *кибле* [от] городов и островов, находящихся в Окружающем море ¹¹, пусть действует по нашей науке. (л. 2г)

Усердствуйте же в ней: она — ценное знание и завершается только с завершением жизни; кто не постигнет ее всю, не передаст по наследству ее ноши. Человек да не возгордится в ней, как слагатель этой [книги] молвил в своей Содержащей ¹² стихами: «Нужно быть по-

² Т. е. основателя мусульманской религии Мухаммада.

³ Направление в сторону Мекки во время молитвы в той или иной местности.

⁴ Область в Восточной Африке.

⁵ Область на восточном берегу Персидского залива.

⁶ Области на западном побережье Аравийского полуострова.

⁷ Здесь и далее *эта (это)* курсивом означает «мореходная (мореходное)».

⁸ Храм в Мекке.

⁹ Полярная звезда.

¹⁰ Канопус.

¹¹ Мировой океан, в котором арабы различали: «море Северных Мраков» (Северный Ледовитый океан), «море Южных Мраков» (Южный Ледовитый океан), «Темное море» (Атлантический океан) и «Великое (или Индийское) море» (Индийский океан) с более мелкими подразделениями.

¹² «Содержащая краткое про основы науки морей» — раннее произведение Ахмада ибн Маджиды по морской географии (1462 г.).

дальше от самодовольства возле совершенства и предела знаний». Зна-
току *этой* науки должно бодрствовать в ночи, усердствовать в ней с
предельным старанием, расспрашивать ее мужей порознь и в братстве,
пока [он] не добьется желаемого — ведь это наука рассудка, и частое
расспрашивание о ней поднимает его к ее остатку, следовательно, он
узнает то, чего не знает, и благодаря этому станет совершенным его
главенство. Ибо, кто притязает на главенство без полных на то при-
чин и снасти, — ошибается, как и сказано стихами:

Главенство невежд и безбожников — это и есть

унижение.

Всякое главенство без знаний бесславнее, чем
восседанье на мусоре.

А достойнейший, первый в славе и лучший в главенстве,
передает его по наследству.

*Искатель*¹³, знай: каждая наука необходимо подразумевает, что-
бы *ищущий* ее занимался ею от колыбели до могильной ниши. По ме-
ре того как он станет в ней знатоком и будет ею постоянно занимать-
ся, ему из нее явится нечто, чего нет у другого, чтобы стать слагате-
лем; когда же он достигнет предела, то усовершенствует свои своды,
чтобы достиг предела другой.

Если ты в совершенстве овладеешь *этой* наукой ради узнавания
киблы, это будет тебе лучше, чем действовать согласно ей¹⁴. Если же
будешь плавать по морю, то станешь воздавать ей спокойный сердцем,
хотя бы ты был купец; а будучи внутренне уверен, не ощущаешь пот-
ребности расспрашивать. А когда она тебе понадобится для собиранья
богатства и к ней заставит тебя прибегнуть судьба, действуй согласно
ей и не будь небрежен, ибо в ней ошибка — действие, вызывающее ги-
бель душ и богатств. Она — труднейшая вещь после службы царям.
Ошибка в прочих науках словесна, дает тебе время для проверки, а
в этой не дает.

(л. 2v)

Наука || — самец, не отдающий тебе и частицы своей, пока не
отдашься ему весь. Он¹⁵, которого Бог да благословит и спасет, мол-
вил: «Сын адамов! Истинно: знание и образованность — цена само-
го тебя: в чем возрастешь, умножишься своей ценой». ‘Алий¹⁶ — да бу-
дет доволен им Бог! — сказал: «Стоимость каждого мужа — то, в чем
он искусен». Коего Бог да благословит и спасет еще изрек: «Истинно:
Бог — да возвысится Он! — стяжает повиновение благодаря науке,
поклонение — наукой и признание Его единым — при посредстве нау-
ки. Благо дольного и горнего мира — при знании, а дольного и горнего
мира худо — при невежестве». Лучшее, что сказано об этом *на-*
чиблю, — наше слово:

Размер знания узнают лишь знатоки при своем совершенстве.

Кто приобретет его от них, возвысится им средь
вождей толпы и продлится.

А кто ослабевает к нему, возле него не торопясь,
того Бог принудит к смирности вопрошания.

Такой среди ученых нем: невежество заставляет его
сидеть, давая ему пощечины сандалиями.

¹³ Т. е. «ищущий морской науки», изучающий ее под руководством опытного
лоцмана.

¹⁴ Т. е. лучше узнавать только направление в сторону Мекки, чем при таком ог-
раниченном интересе претендовать на изучение навигационных наук.

¹⁵ См. прим. 2.

¹⁶ ‘Алий ибн Абу Талиб (убит в 661 г.) — зять пророка Мухаммада, последний
выборный халиф.

И вот я из науки то, что подобает для моих современников, вкратце изложил в этой книге, названной «Книгой пользы об основах и правилах [науки] моря», которую я сочинил и сложил ради путников моря и его капитанов. В ней есть то, что было темным для *ищущих* из Содержащей и другого. В Боге помощь! Мы ее называли Книга пользы: она содержит обильные пользы, скрытые и явные, двенадцать пользы.

ПЕРВАЯ ПОЛЬЗА

Слагатель этой книги, четвертый за тремя¹⁷, — паломник в обе священно-честные¹⁸ Падучая Звезда веры Ахмад сын Маджида сына Мухаммада сына 'Умара сына Фадла сына Дувика сына Йусуфа сына Хасана сына Хусайна сына Абу Ма'лака Са'дова сына Абу р-Рака'иба из Наджда¹⁹ — Боже, помилуй их всех! — сперва сказал в отнoшении поминания тех, кто плывал по морю, и первого, кто упорядочил предметы морского обихода.

Первый, кто изготовил корабль, — Ной, мир ему, по знамению Гавриила, коему мир, от Создателя — да пребудет Он всемогущ, всевелик! Он был устроен по образу пяти звезд из Больших Дев Катафалка²⁰: его корма — третья Катафалка, || киль — четвертая, пятая и шестая, а нос — Катафалка седьмая²¹. Жители Занджа, Мадагаскара, Мримы и Софальской земли²² дoныне зовут пятую и шестую [звезды] Катафалка Киль — это две звезды измерения во время *самостоятельности*²³ Мены²⁴ при отсутствии Тельцов²⁵ — потому что они своим видом соответствуют образу киля Ноева — мир ему! — ковчега. (л. 3r)

Насчет его длины и ширины рассказчики не согласны. Говорят, что он имел четыреста локтей (один локоть равен примерно 45 см. — Прим. автора) длины, сто ширины и сто глубины, был закрытым, без мачты, с двумя веслами.

Когда ковчег был готов и хлынул потоп, Ной — мир ему! — и те, кто были с ним, вошли в корабль, и он их понес и спас от гибели. Говорят, что он обошел Обитель²⁶ семь раз; а тогда Обитель представляла красный песок, на коем не строят и которого потоп не заливают.

Относительно потопа расходятся: говорят, что он длился семьдесят суток, и это вернее всего. Когда же окончился, [ковчег] сел на Джудийе — горе меж Ираком и Сирией, в поселениях Бакра сына Ва'ила²⁷, вблизи Джазират ибн 'Умара²⁸ — по Его речению, да возвысится Он: «И было Слово: «Земля, поглоти воды свои! Небо, не источай!» — и вода спала, повеленье свершилось и он утвердился на Джудийе. Потом было сказано: «Смерть неправедным!»²⁹.

|| ... Когда ковчег сел и люди научились строить суда у всех мор- (л. 3v)

¹⁷ Т. е. за лоцманами XII в. Мухаммадом ибн Шазаном, Сахлом ибн Абаном и Тайсом ибн Кахланом (см. ниже).

¹⁸ Т. е. в Мекку и Медину.

¹⁹ Область в Аравии.

²⁰ Созвездия Большой Медведицы.

²¹ Последние пять звезд Большой Медведицы по конфигурации напоминают перевернутое судно.

²² Две области на восточном побережье Африки.

²³ Т. е. кульминации.

²⁴ Денебола.

²⁵ Две звезды Малой Медведицы.

²⁶ Т. е. Ка'бу, см. прим. 8.

²⁷ Имя племени.

²⁸ Гавань в среднем течении Тигра.

²⁹ Коран, XI, 46.

ских побережий во всех *климатах*³⁰, которые *он* разделил между своими сыновьями Яфетом, Симом и Хамом, а *он* это второй Адам³¹, — всякий стал делать суда на озерах, заливах и по краям Окружающего моря, пока мир не дошел до времени сынов 'Аббаса³². Они правили в Багдаде, это Ирак арабов. Хорасан³³ весь был у них, а путь из Хорасана к Багдаду далек, — три-четыре месяца езды.

В это время жили три известных человека: Мухаммад сын Шазана, Саһл сын Абана и Лайс сын Каһлана — не сын Камила: я видел это [приписанным] рукою его внука в дорожной книге³⁴, время которой пятьсот восемьдесят лет³⁵. Они занимались сочинением этого дорожника, имеющего начало: «Воистину, мы открыли тебе...» В нем нет ни *урджузы*³⁶, ни связи, кроме той, которая бывает в сочиненной книге, у него нет ни законченности, ни достоверности, в нем добавишь и убавишь. Они сочинители, не слагатели³⁷, по морю плавали только от Сирафа³⁸ до берега Мукрана³⁹.

(л. 4г) || От Сирафа до Мукрана поднимались⁴⁰ семь суток, а от Мукрана до Хорасана месяц, — следовательно, они выбрали кратчайший путь, ведь он три месяца езды от Багдада, — и расспрашивали про всякий берег его жителей, записывая это.

В их время среди знаменитых *наставников*⁴¹ были 'Абдал'азиз сын Ахмада с Запада⁴², Муса Кандаранский и Маймун сын Халила. До них сочинял Ахмад сын Табруи, они же⁴³ заимствовали из его сочинений и переняли описание у *наставника* Хавашира сына Йусуфа сына Салаха Арикского; последний в четырехсотом году от Переселения пророка⁴⁴ и близко к тому плывал на судне Индийца Дабавкары⁴⁵. А известным судовладельцем в их пору был Ахмад сын Мухаммада сына Абдаррахмана сына Абу л-Фадла сына Абу л-Муғирийя.

Большая часть их науки была посвящена особенностям побережий и прибрежного плаванья, главным образом под ветром⁴⁶ и в Китае. Те гавани и города исчезли, их имена изменились до неузнаваемости, и сейчас [их наука] не приносит пользы ничем, что имело бы достоверность. Это делают наши знания, опыты и открытия, заключенные в этой книге, ибо они выправлены, проверены и ничто в них не противоречит испытанию. Преемник начинает оттуда, куда дошел предтеча, и мы почтили их науку и сочиненье, прославили их способность — да осенит их милость Божья! — сказав: «Я — четвертый после Трех». Но часто в той науке, которую мы первыми создали в отношении открытого моря, один листок по своей убедительности, достоверности и полезности, спо-

³⁰ Имеется в виду географический пояс, область.

³¹ Т. е. Ной.

³² Т. е. династии Аббасидов (750—1258).

³³ Область в Средней Азии.

³⁴ Т. е. в лоции.

³⁵ Т. е. с датой 1184/85 г.

³⁶ Стихотворного изложения для удобства запоминания.

³⁷ Т. е. пользовались чужим материалом, а не добытым благодаря личному опыту.

³⁸ Порт в Персидском заливе.

³⁹ Область на побережье Аравийского моря, при выходе из Персидского залива.

⁴⁰ Т. е.плыли в направлении открытого моря.

⁴¹ Т. е. лоцманов высшей квалификации.

⁴² С северного побережья Африки.

⁴³ Мухаммад ибн Шазан, Саһл ибн Абан и Лайс ибн Каһлан.

⁴⁴ Соответствует 1009/10 г.

⁴⁵ О Дабавкаре см. в сб.: «Страны и народы Востока», 1965, вып. IV, стр. 236—241.

⁴⁶ Т. е. к востоку от мыса Коморин в Индии.

собности верно водить суда и указывать им путь стоит большей части того, что они сложили.

||... Эти трое⁴⁷ переняли описание и его уровень у упомянутых выше и других, заимствуя от каждого знание его суши и моря и записывая это; они сочинители, а не испытатели. Я не знаю им четвертого, кроме себя, но я их почтил, сказав, что являюсь четвертым за ними, ибо они опережают меня только во времени. После моей смерти придет час, когда люди оценят каждого из нас. (л. 4v)

Познакомившись с их сочинением и видя, что оно слабо, в целом непоследовательно и недостоверно, притом не исправлено, я исправил верное в нем и год за годом рассказал об открытиях, которые сделал, выправил и проверил, в *наниз и урджуз*⁴⁸ и поэм и в этой книге 880 года⁴⁹. Знатоки среди мужей этой отрасли ее одобрили, поступали согласно с нею и опирались на нее в своих трудностях, таких, как обнаружение [подводных] скал, [небесные] измерения, имена звезд, их узнавание и правильное вождение по ним.

Мои современники не знают более того, что сочинили древние, кроме немногого, такого, как правильные *обороты*⁵⁰ и вращательные широтные показчики⁵¹, а что касается *отколов*⁵² — увы! Мы же рассказали про них в толковании к Золотой⁵³ и расскажем в другом месте. В действительности же прежде люди были более благоразумны: по морю из-за великой осмотрительности, страха и осторожения перед ним плавали только с моряками, хорошо снаряжали судно, не просрочивали *отметы*⁵⁴, судна не перегружали. Но у нас больше знаний и опыта.

Каждое из морских искусств имеет свое начало. Корабль, о котором мы говорили, происходит от Ноя, — мир ему, — что касается магнита, на котором || основываются и лишь с которым это ремесло совершенно, ибо он указывает на оба Полюса, его добыл Давид, мир ему: это камень, которым Давид сразил Голиафа. *Стоянки* Луны⁵⁵ и ее *башни*⁵⁶ составлены Даниилом, — мир ему, — а добавил здесь Тусский⁵⁷ — да помилует его Бог, Сей да возвысится! (л. 5r)

... Что касается звезд *гнезд коробочки*⁵⁸ и их имен, это подбор древний, до Львов⁵⁹, о которых шла речь, да осенит их милосердие Божье!⁶⁰ Они приблизительны, и трехчасовки⁶¹ их приблизительны, не точны. То же самое [можно сказать и об] особенностях побережий, которые мы подвергли опыту || и описали; на это нам указала большая опытность. (л. 5v)

... Что касается изобретения *дома иглы*⁶² с магнитом, то говорят, что она от Давида, — мир ему, — так как он основательно знал о же-

⁴⁷ См. прим. 43.

⁴⁸ См. прим. 36.

⁴⁹ Т. е. 1475/76 г.

⁵⁰ Плавание по определенному маршруту с возвращением в исходный порт.

⁵¹ Единичи звездной высоты, переведенные на дорожное расстояние.

⁵² Маршруты местного значения.

⁵³ Поэма Ахмада ибн Маджида, написанная в 1477/78 г.

⁵⁴ Т. е. муссона.

⁵⁵ Двадцать восемь звездных групп или одиночных звезд экваториального круга, лежащих на эклиптике Луны.

⁵⁶ Зодиакальные созвездия.

⁵⁷ Насираддин Туси (1201—1274), ученый-энциклопедист.

⁵⁸ Т. е. румбов буссоли.

⁵⁹ Т. е. трех «львов моря» — лоцманов XII в., см. прим. 43.

⁶⁰ См.: Т. А. Шумовский, Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида, арабского лоцмана Васко да Гамы, в уникальной рукописи Института востоковедения АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 114, прим. 116.

⁶¹ Расстояние, проходимое за три часа морского пути, равное 12'3".

⁶² Буссоль, иногда компас.

лезе и его свойствах⁶³. Еще говорят — от Хидра⁶⁴, мир ему: когда он вышел на поиски живой воды, вступил во Мрак с его морем⁶⁵ и уклонился к одному из Полюсов настолько, что Солнце исчезло⁶⁶, говорят, он руководился магнитом (другие говорят, свечением). Магнит || — камень, притягивающий только железо; магнит — это также всякий предмет, привлекающий железо к себе. Говорят, что семеро небес и земля подвешены посредством мощного магнита. Люди сказали об этом многое...

...Гнезда⁶⁷, которых тридцать два, разделены сообразно судну⁶⁸ и сделаны чертежом не-нечета... Дело в том, что стоянок Луны двадцать восемь, чего восьмая часть равна трем с половиной, столько же было и гнезд || коробочки; поэтому их увеличили на четыре и превратили в тридцать два гнезда, с тем чтобы их восьмая часть была четыре, принимающие деление. А круг у гнезд и стоянок одинаков, как мы и сказали в С о д е р ж а щ е й:

У обвода гнезд и стоянок, умница, пальцы⁶⁹ известны:

Их насчитывают семьдесят с семьюдесятью, еще семьдесят и четыре с десятью.

Это подразумевает стоянки и гнезда, следовательно, от гнезда до гнезда поместили семь пальцев, от стоянки же до стоянки восемь, расчет достигает двухсот двадцати четырех пальцев⁷⁰. Каждые четыре пальца — зуббан; зуббан принят от полосы на левой ладони до половины ногтя в мизинце левой руки; это и есть зуббан... Каждый зуббан равен четырем пальцам, а каждый палец называется широтным показчиком⁷¹.

Итак, стоянок для поселения Луны сделано двадцать восемь, а гнезд для деления коробочки — тридцать два и соответственно этому тридцать два на корабле. Некоторые звезды входят в лунную стоянку и в гнездо коробочки. Пальцы с их распределением среди гнезд, стоянок и широтных показчиков происходят от шкалы астролябии; не знаю, кто превратил эту шкалу в пальцы. Мы расскажем о них уместное, если будет угодно Богу, да возвысится Он.

ВТОРАЯ ПОЛЬЗА

Искатель, знай, что у мореплавания принадлежности многочисленны, и уразумей их. Первая — познание стоянок, гнезд, оборотов, расстояний, звездных глав⁷² и мер, примет суши, поселения Солнца и Луны⁷³, ветров с их отметами⁷⁴, отмет моря, снастей корабля, того, в чем нуждаются, того, что ему вредит и что приносит пользу, того, к чему вынуждаемы при плавании на нем. Тебе необходимо узнать места под-

⁶³ Коран, XXXIV, 10.

⁶⁴ Популярный персонаж восточных преданий.

⁶⁵ См. прим. 11.

⁶⁶ Контаминация, связанная с Александром Македонским.

⁶⁷ См. прим. 58.

⁶⁸ Т. е. применительно к симметричности схемы розы ветров, которой пользуется судно.

⁶⁹ Палец — арабская единица измерения расстояний от горизонта до звезд, равная $1^{\circ}36'25''$.

⁷⁰ Т. е. $32 \text{ (румба)} \times 7 \text{ (пальцев)} = 28 \text{ (станций Луны)} \times 8 \text{ (пальцев)} = 224 \text{ (пальца, т. е. деления окружности).}$

⁷¹ См. прим. 51.

⁷² Крайние точки повышения и понижения звезд.

⁷³ В предназначенных для этого стоянках.

⁷⁴ Т. е. ветров иррегулярных и регулярных.

нятия, равенства⁷⁵, посадку при измерении и его порядок, места восхода и заката звезд, их долготу, широту, дальность⁷⁶ || и течение, если будет какой-либо искусный *наставник*. Такому следует знать все берега, их причалы и признаки, как ил, трава, змеи, рыбы, зимородки, ветры, мена вод⁷⁷, **прилив** и отлив моря на всяком его пути, совершенствовать всю снасть, заботиться об укреплении судна, его снастей и корабельщиков, не нагружать его против обычного, не всходить на корабль, если там ему не повинуются, на корабль без готовности, при худой *отмете*, остерегаться опасности от приборов, людей и прочего. *Наставнику* надлежит распознавать терпеливость от медлительности и отличать поспешность от подвижности, будучи сведущим-знающим в вещах, полным решимости и отваги, мягким в слове, справедливым, не притесняющим одного ради другого, выполняющим послушание своему господину, боящимся Бога — да возвысится Он! — не принуждающим купцов к должному⁷⁸, кроме как к чему-нибудь, на что пало слово, либо же чему дает место обычай; [являясь к тому же] многотерпеливым, деятельным, выносливым, приятным среди людей, не добивающимся того, что ему не годится, просвещенным, разумным. Иначе он неправильный *наставник*. Когда перечисленные качества будут в нем полны, то нужно начать прежде всего с познания *стоянок*, а так как у всякой их звезды есть имя, от которого отделена причина ее имени, то необходимо, чтобы он все их узнал. Итак, начнем со *стоянок*...

⁷⁵ Орбиты и согоризонтальности звезд.

⁷⁶ От экватора и полюса.

⁷⁷ Т. е. перемена цвета воды в зависимости от глубины.

⁷⁸ Т. е. не напоминающим купцу о его обязанностях в качестве пассажира судна, ибо обязанности должны выполняться без напоминаний.

И. И. Бабков

РОЗА ВЕТРОВ ИТАЛЬЯНСКИХ МОРЯКОВ И КРЫМСКИХ РЫБАКОВ

Общаясь с крымскими рыбаками в районе черноморского побережья юго-восточного Крыма (Феодосия-Приветное), я познакомился с некоторыми техническими выражениями, которые сначала показались мне несколько странными и даже непонятными.

Так, например, север и ветер северного направления они называли «трамутан», восток и восточный ветер — «левант», юг и южный ветер — «остро». Таким образом, оказалось, что крымские рыбаки в своей повседневной производственной практике не отличают названий сторон горизонта от названий ветров соответствующих им направлений. Вскоре выяснилось по литературным источникам, что и в других местах Крыма, например на Тарханкуте, также наблюдается традиция называть стороны горизонта и ветры (особенно последние) именами, сходными с указанными мною¹. Изучение этого вопроса показало, что бывшие для меня загадочными местные термины оказались искаженными названиями направлений лучей розы ветров (*rosa dei venti*) итальянских моряков, принятых для ветров южной Италии².

Для объяснения этого обстоятельства мною построена диаграмма — картушка компаса с обозначением компасных румбов и соответствующих им названий ветров, бытующих у крымских рыбаков, кстати сказать незнакомых с переводом и смыслом применяемых ими терминов, взятых из итальянского языка и тесно связанных с географическими особенностями Средиземного моря в районе южной Италии. На картушке соответствующими буквами обозначены главнейшие румбы компаса, принятые в практике русских (и советских) моряков³. Между прочим, полезно вспомнить, что и у русских поморов существует своеобразная терминология для обозначения румбов и направлений ветров — «полуношник», «обедник», «шалоник» и др.⁴.

Мы не претендуем на полное освещение данного вопроса, но счи-

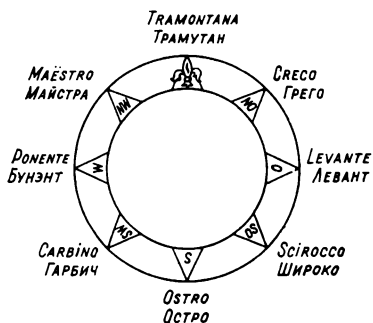
¹ Б. С. Шустов, Географические наблюдения в районе Тарханкутского полуострова и по западным берегам Крыма летом 1927 г., — «Крым», 1928, № 2(7), стр. 5—20.

² Г. Вагнер, Математическая география, М., 1938, стр. 8, прим.; К. И. Самойлов, Морской словарь, т. II, М.—Л., 1941, стр. 252, 253, табл.; «Итальянско-русский словарь», вып. VI, М., 1930.

³ К. И. Самойлов, Морской словарь, стр. 252, 253, табл.

⁴ Там же.

РОЗА ВЕТРОВ
(*Rosa dei venti*)
ИТАЛЬЯНСКИХ МОРЯКОВ И КРЫМСКИХ РЫБАКОВ



таем приводимый нами материал поучительным, так как он показывает глубокие корни современной морской терминологии, укоренившейся у русских (крымских моряков и рыбаков) на основе их давнего, близкого и повседневного общения с моряками Средиземноморья. Известно, например, что берега Восточного Крыма принимали знаменитого итальянского героя Дж. Гарибальди и в Феодосии еще не так давно проживало несколько его племянников⁵.

Не восходят ли корни этой терминологии к средним векам, когда на берегах Крыма хозяйничали выходцы из Италии — генуэзцы? Не будет лишним добавить, что в топонимике ряда местностей и населенных пунктов крымских берегов Черного моря

до сих пор сохранились и другие следы подобного влияния: по большей части искаженные названия итальянского происхождения, встречающиеся в разного рода средневековых документах⁶.

⁵ В. Д. Гейман, Потомки Гарибальди в Феодосии, — «Известия Таврической ученой архивной комиссии», 1916, № 53, стр. 239, 240, протоколы.

⁶ А. Л. Бертье-Делагард, Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде, — «Записки Одесского общества истории и древностей», 1914, № XXXII, отд. отд. (карта).

Т. К. Шафрановская

СВЕДЕНИЯ О СИБИРИ И МОНГОЛИИ В ДНЕВНИКАХ ЛОРЕНЦА ЛАНГА

Лоренц Ланг, участник нескольких дипломатических миссий России в начале XVIII в., вел подробные дневники во время своих путешествий. Во второй половине XVIII и в начале XIX в. они неоднократно издавались на немецком языке и переводились на французский и английский. Изданием дневников Ланга интересовался один из крупнейших ученых XVIII в. П. С. Паллас. Его внимание привлекали новые ценные данные о Сибири и Монголии, тем более что сведений о Сибири и Монголии в начале XVIII в. было не так много. В своем предисловии к дневнику Л. Ланга 1727—1728 гг. П. С. Паллас писал, что он содержит такие интересные сведения, новые для некоторых читателей, что он посчитал дневник достойным опубликования¹. В примечании к заглавию дневника 1736 г. П. С. Паллас отметил, что нет точного описания дороги от Цурухайты в Монголию. Поэтому, по его словам, данное описание заслуживает быть опубликованным и составляет как бы продолжение предыдущего².

В настоящее время дневники Л. Ланга затеряны в старых изданиях и забыты. Во многих значительных работах о Сибири имеются, правда, отрывочные сведения, взятые из дневников Ланга, или ссылки на них³. Нам хотелось бы по возможности дать полное представление о той части дневников Ланга, которая посвящена описанию Сибири и Монголии. Сведения из дневников Ланга мы приводим не только по печатным изданиям. В статью включены также материалы рукописи: дневника Ланга 1715—1716 гг., хранящейся в архиве г. Мерзбурга

¹ P. Pallas, Tagebuch einer in den Jahren 1727 und 1728 über Kjachta nach Peking unter Anführung des Agenten Lorenz Lang gethanenen Karawanenreise, — «Neue Nordische Beiträge», Bd 2, St.-Pbg. und Leipzig, 1781, стр. 83—159.

² P. Pallas, Tagebuch einer im Jahr 1736 unter Anführung des Kanzeleirats Lange und des Komissars Firsof von Zuruchaita durch die Mongolei nach Reking verrichteten Karawanenreise, — «Neue Nordische Beiträge», Bd 2, St.-Pbg. und Leipzig, 1781, стр. 160—207.

³ В. А. Анучин, Географические очерки Маньчжурии, М., 1948, стр. 17, 18; С. В. Бахрушин, Научные труды, т. III, Сибирь и Средняя Азия в XVI—XVII вв., М., 1955, стр. 105, 106. Наиболее полные сведения о дневнике Л. Ланга 1715—1716 гг. содержатся в работах: Н. Ф. Катанов, Известия Л. Ланга о Сибири и сибирских инородцах, — «Ежегодник Тобольского губернского музея», Тобольск, 1905; В. В. Радлов, Сибирские древности, СПб., 1891; «Материалы и исследования по археологии СССР», 1941, № 5, стр. 23; В. Гирченко, Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX в. о бурят-монголах, Улан-Удэ, 1939, стр. 31.

Германской Демократической Республики⁴. Данные из дневника Ланга 1727—1728 гг. приводятся по рукописи, находящейся в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР⁵. Эти рукописи, гораздо более полные, чем печатные издания, до сих пор не публиковались.

Дневники Л. Ланга, насыщенные конкретными фактами, являются ценнейшим источником для изучения Сибири и Монголии первой половины XVIII в. В них подробно описаны караванные пути, проходившие через Сибирь и Монголию того времени, внешний вид городов, сообщается множество этнографических сведений о народах, живших в Сибири и Монголии, и приводятся интересные археологические данные о находках древних вещей в Сибири. Ланга особенно интересовали религиозные верования различных народов, встречавшихся ему во время путешествий. И он, как будет видно дальше, с интересом расспрашивал местных жителей о происхождении их веры, о значении религиозных обрядов и об языческих идолах. Этнографические сообщения Ланга не устарели до настоящего времени. Таково, например, его блестящее описание быта кочевых монголов. Их занятия, пища, жилища и одежда охарактеризованы очень подробно и с большой точностью. Ланг описывал то, что видел, достаточно объективно и всесторонне. Он был одним из тех путешественников, которые умели наблюдать и хорошо знали жизнь народов Сибири первой половины XVIII в. Дневники Ланга явились определенным этапом в познании Сибири и ее этнографии. Его дневники не раз переводились на иностранные языки.

М. П. Алексеев пишет, что участники дипломатических миссий, ездившие по Сибири в XVII в., — Н. Спафарий и И. Идес были предшественниками ученых XVIII в.: Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина и П. С. Палласа, которым суждено было открыть Сибирь для разностороннего и подлинно научного исследования⁶. Нам кажется, что Л. Ланга можно с полным основанием причислить к названным путешественникам.

Сравнивать дневники Л. Ланга с известиями многочисленных путешественников, ездивших по Сибири в XVII — начале XVIII в., не представляется возможным в рамках данной статьи. Мы берем поэтому только дневник Избранда Идеса, который путешествовал тем же путем, что и Ланг, в 1692 г.⁷ Остановились мы на записях И. Идеса и потому, что Ланг знал о их существовании и даже делал к ним некоторые поправки. Так, Ланг пишет, что «Иркутск — это тот город, который Избранд Идес назвал Якутском. Город же Якутск лежит на крайнем севере, недалеко от океана»⁸. Затем Л. Ланг сообщает, что горячей пещеры около Иркутска, о которой писал И. Идес, больше не видно⁹. Хотя, как сказано у М. П. Алексеева, со слов Избранда, «об этой пещере или трещине в земле около Иркутска упоминают положительно, кажется, все авторы, писавшие в конце XVII и XVIII ст. об Иркутске»¹⁰. Далее

⁴ «Lorents Lange Reise nach China», Deutsches Zentralarchiv. Abteilung Merseburg, Rep. 94, IX, 2.

⁵ Архив ЛОИИ, ф. 36 (Воронцовых), оп. 1, № 152, — «Копия с переводу с журнала агента Лоренца Ланга в бытности его с караваном в Китаях в Пекине в 1727 и в 1728 годах, которую он сам подал в государственной коллегии иностранных дел в 9 марта 1730 году».

⁶ М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII—XVII вв., Иркутск, 1941, стр. LI.

⁷ «Driejarige Reize naar China, te Lande gedaen door den Moscovitischen Abgesant E. Isbrants Ides», Amsterdam, 1704.

⁸ «Lorents Lange Reise...», л. 19 об.

⁹ Там же.

¹⁰ М. П. Алексеев, Сибирь в известиях..., стр. 531.

Ланг считает, что И. Идес неверно назвал монастырем часовню св. Николая, расположенную у Байкала. Ланг расспрашивал об этом местных жителей, и ни один не сказал ему, что тут когда-то раньше был монастырь¹¹.

И наконец, Ланг говорит о том, что Кабанское, расположенное недалеко от города Удинска, — большое селение, а не замок, как пишет И. Идес в своих путевых записках¹².

К сожалению, перевод интереснейших дневников И. Идеса вышел после того, как была написана статья, поэтому нам пришлось воспользоваться краткими отрывками, приведенными М. П. Алексеевым¹³. По ним удалось выяснить, что одежда, украшения, прически и жилища у бурят у И. Идеса и Л. Ланга описаны одинаково. У Ланга нет, однако, сообщения об охоте облавой. Суеверное отношение местных жителей к Байкалу подчеркивают и Идес и Ланг. От озера Байкала И. Идес отправился к реке Лене, так что путь его разошелся с путем Ланга.

Сохранились четыре дневника Ланга¹⁴. Мы берем данные только из двух его дневников, в которых помещены сведения о Сибири и Монголии. Это дневники 1715—1716 гг. и 1727—1728 гг. В дневнике 1721—1722 гг. сообщений о Сибири и Монголии нет. Дневника же 1736—1737 гг. в данной статье мы не касаемся, так как из-за обширности материала он требует отдельного рассмотрения. Наблюдения Ланга мы излагаем в хронологическом порядке, следуя за его дневниками. Большинство приведенных в тексте географических названий сохранилось до настоящего времени.

ПЕРВЫЙ ДНЕВНИК (1715—1716)

В первом дневнике 1715—1716 гг. Ланг описывает свое путешествие следующим образом. 18 августа (ст. ст.) 1715 г. Ланг выехал из Петербурга. Путь шел через Шлиссельбург, Старую Ладугу, Новгород, Торжок, Тверь, Москву, Переяславль, Ростов, Ярославль, Тотьму, Великий Устюг, Сольвычегодск, Верхотурье и Соликамск по новой Бабиновской дороге. Эту дорогу открыл в 1597 г. сольвычегодский посадский человек Артемий Бабинов¹⁵. Предшествовавший Бабиновскому тракту Чердыно-Лозвинский путь был длиннее.

Близ Соликамска Ланг осмотрел 32 солеварни. В них вываривалась снежно-белая соль, такая мелкая, что она напоминала муку. Этой солью снабжалась вся Сибирь, Казань и Астрахань. Далее путь шел через горы Верхотурье, достигавшие большой высоты. В горах води-

¹¹ «Lorents Lange Reise...», л. 20.

¹² Там же, л. 22.

¹³ М. П. Алексеев, Сибирь в известиях..., стр. 52; Избранд Идес и Адам Брандт, Записки о русском посольстве в Китай. Перевод М. И. Жазанина, М., 1967.

¹⁴ 1715—1716 гг.: Ch. - W. Weber, Das veränderte Russland in welchem die jetzige Verfassung der Geist und weltlichen Regiments, der Kriegsstand zu Lande und zu Wasser; wahre Zustand der Russischen Finanzen..., Frankfurt, 1721; его же. Nouveaux mémoires sur l'état de la Grande Russie ou de Moscovie, vol. 2, Paris, 1725; 1721—1722 гг.: «Journal de la residence du Sieur Lange, agent de Sa Majesté impériale de la Grande Russie à la cour de la Chine dans les années 1721 et 1722», Leide, 1726. Переводы на русский язык: «Беловы путешествия через Россию в разные азиатские страны, а именно: в Испань, в Пекин, Дербент и Константинополь», перевел с французского Михайло Попов, СПб., 1776; «Поденные записки о пребывании Лоренца Ланга, агента императора российского, при китайском дворе в 1721 году», — «Северный архив», 1822, № 17, 19—23; 1727—1728 гг.: P. Pallas, Tagebuch einer in den Jahren 1727 und 1728 ...gethanenen Karawanenreise; 1736—1737 гг.: P. Pallas, Tagebuch einer im Jahr 1736... verrichteten Karawanenreise.

¹⁵ С. В. Бахрушин, Научные труды, т. III. Сибирь и Средняя Азия в XVI—XVII вв., стр. 105.

лись соболи, куницы, лисицы, волки, олени, лоси, серны, а у подножия гор в небольших речках и болотах было много выдр.

Здесь обитали вогулы (манси). По внешнему виду они напоминают калмыков: довольно широкие лица, короткие толстые носы и маленькие глаза, но язык их отличен от языка калмыков. Ланг узнал, что недавно их крестили, однако, разговаривая с ними, он выяснил, что им все равно, какой у них бог — деревянный идол или живой бог на небе. Только небо им кажется слишком далеким. До крещения они вешали маленького идола на дерево и молились, стоя на коленях с поднятым вверх лицом, о том, чтобы был хлеб и не было голода.

Город Верхотурье довольно большой. Часть его жителей — купцы. В верхотурской таможне тщательно проверяют всех направляющихся в Сибирь или возвращающихся обратно.

Через полгода после начала путешествия, 27 января 1716 г., Ланг прибыл в главный центр Сибири — Тобольск. Город расположен на высокой горе и окружен кирпичной стеной. За стенами расположен монастырь с церковью, вне укрепления тоже выстроены церкви, и это придает городу чрезвычайно красивый вид. Внизу, у подножия горы, протекает Иртыш, берущий начало на юге, в стране калмыков. Вода в нем мутная, так как течет он по болотистой почве. Приблизительно в трех верстах от города в Иртыш впадает Тобол. В реках водятся стерляди, щуки, караси, окуни, налимы, но стерляди не такие вкусные, как те, которых ловят в Оби, Кети и Енисее.

16 февраля 1716 г. Ланг добрался до г. Тары. По мнению местных жителей, расстояние между Тобольском и Тарой — 600 верст, но Ланг считал, что если измерить версты как следует, то можно насчитать и больше тысячи. В данном случае он ошибался. Путь показался ему, быть может из-за однообразия, более длинным: расстояние от Тобольска до Тары 600 км с небольшим.

Между этими городами вдоль Иртыша живут только татары-магометане¹⁶. Они люди состоятельные, но богатство их состоит не в деньгах, которым они придают мало значения, а в хороших лошадях, быках, коровах и овцах. Редко встречается татарская юрта без трех-четырех телят, привязанных возле очага. Телят они не продают и не убивают, так как у них существует поверье, что коровы без телят пропадут от тоски.

В отличие от жилищ русских крестьян в юрте нет печи для приготовления пищи. Вместо нее стоит очаг (Ланг называет его камином). Стенки очага изготовлены из ветвей кустарника и обмазаны глиной. Пол вокруг очага на пол-аршина ниже, чем остальная часть. Приподнятый пол чуть подальше от очага служит сиденьем, на него садятся и греются. В очаг вмазан большой котел для приготовления еды. Основная пища — сухая рыба, которую варят с ячменной мукой. Муку толкут в деревянной ступке, потом набирают полные горсти и кладут в рот столько, что кажется, что они задохнутся. Чай пьют тоже с мукой и маслом.

На больших праздниках, например свадьбах, обычно убивают одну или несколько молодых лошадей (по числу гостей). Напитком служит брага из овсяной муки и водка, которую перегоняют из кобыльего молока. Невесту и женщин во время свадеб угощают отдельно, чтобы избежать бесчинств.

¹⁶ Татары, жившие в Тобольской губернии, принадлежали к потомкам Кучумовой орды, смешанным с финскими и другими соседними народами («Географическо-статистический словарь Российской империи», т. 5, сост. П. Семенов, СПб., 1885, стр. 57).

Ланг пишет, что одежда сибирских татар мало отличается от старой русской. Крестьянки по всей России, а особенно в Сибири, носят большие серьги. Ланг считает, что татарки носили серьги еще до русских, потому что они продевают кольца не только в уши, но и в нос. Украшения в носу носят обычно те, кто хочет казаться знатным.

Подать, ежегодно выплачиваемая царю, состоит из пушнины: соболей, лисьих шкур, беличьего меха и т. д. Но подать они платят и калмыцкому королю — контайше. Владения его граничат с Сибирской Татарией на юго-западе.

Город Тара лежит на небольшой одноименной реке, впадающей в Иртыш в полутора верстах от города. Он средней величины и окружен частоколом. Здесь путешественники задержались на несколько дней в ожидании смены лошадей. Дальше путь шел через Барабу — большую степь, по ней надо было ехать до Томска. В степи на болоте росли березы и другие деревья. Зимой там живут татары; русские называют их барабинские татары. Летом они перекочевывают на р. Тару и другие небольшие реки. Они язычники и живут очень бедно. Жилища выкапывают в земле, они возвышаются над землей приблизительно на аршин и покрыты соломой. В жилище барабинцы держат маленького идола, вырезанного из дерева, по виду напоминающего человека. Он стоит в маленьком ящике в пол-локтя (локоть равняется 475 мм) длиной, в одежде из различных лоскутьев. Барабинцы называют идола шайтаном и обещают ему шапку или воротник, если он принесет им богатую добычу на охоте.

Едят они сухую рыбу и муку, а для питья растапливают снег, так как в этой степи никакой другой воды нет. У них мало скота, их лошади ходят по лесу и выискивают себе пищу из-под снега. Есть у них и сено, но они его держат только для путешественников, чтобы получить немного табаку; деньгами не интересуются. Если они получают табак, то, как бы его ни было мало, они его делят между собой. Если же табака так мало, что им можно наполнить только одну трубку, то ее зажигают, передают друг другу и каждый делает затяжку. Считается, что табак полезен для здоровья. Одежду барабинцы шьют из различных меховых лоскутьев. Из них же делают шапки и чулки. При ранениях, что случается в лесу часто, они берут прут, кладут его на рану и жгут его, пока не образуется зола. При этом они совсем не чувствуют жара. После этого намазывают золой саму рану и места вокруг нее и таким образом лечат ее.

Ежегодно барабинцы, как и сибирские татары, платят подать и русскому царю и контайше. По мнению Ланга, среди этих людей встречаются и остяки (ханты). К этому выводу он пришел, когда ему описали остяков, тем более что остяки, живущие у Оби, — близкие соседи с барабинцами. Вера у них совпадает: остяки тоже почитают шайтана. Барабинцы небольшого роста, очень некрасивы. У них маленькие глаза, широкие плоские носы и черные спутанные волосы.

После путешествия по степи Ланг приблизился к р. Томь, на которой выстроен г. Томск, а вскоре достиг Томска. Здесь река разделяется и течет по обе стороны города, а в конце его снова соединяется, поворачивает на юго-восток и впадает в Обь.

Город расположен красиво — на горе; в нем много богатых людей. В реке водятся в изобилии различные рыбы. Город так богат хлебом, что излишки уделает другим городам. В его окрестностях добывают так много пушнины, как ни в каком другом месте Сибири. Встречаются здесь белки, почти в два раза больше обыкновенных и со снежно-белым мехом.

В окрестных горах добывают свинец, железо и медь. О серебре не слышно, но золото, по словам шведских пленных, встречается то там, то здесь. В могилах находят изображения, сделанные из золота и серебра: птиц, рыб, идолов, отдельные украшения, оправу от мундштуков, посуду, кольца, серьги и многие другие вещи. Но не все вещи сделаны из золота и серебра, встречаются медные и железные. Ланг приходит к выводу, что здесь в прежние времена жили, очевидно, другие народы, не те, которые обитают в настоящее время. Таких вещей у современных жителей нет, у них есть только железный котел, а вся остальная утварь сделана из березовой коры.

В этой местности имеются многочисленные кристаллические горы, у их подножия встречаются красивые, но неблагородные камни разных оттенков. Особенно интересен род камней, блеском и твердостью превосходящий богемские алмазы. Но мало любителей, желающих подробно исследовать все это.

По хорошему санному пути Ланг доехал до р. Чулым, очень извилистой и с мутной водой. На этой реке живут чулымские татары. Они мало отличаются от барабинцев. Но возле реки Ланг увидел только их пустые жилища, так как зимой чулымские татары вместе с женами и детьми уходят на ловлю соболей и другой охотничий промысел. В лесу они питаются мясом убитых зверей, а дома им основной едой служит рыба.

После пятидневной езды по лесу Ланг прибыл в Енисейск. Город лежит на берегу р. Енисей, которая течет с востока и юго-востока, оставляя город с западной стороны, и поворачивает затем на север. В реке водятся всевозможные рыбы, особенно вкусными считаются стерляди — лучшие во всей стране. Река у Енисейска шириной с версту, у Мангазеи же и Туруханска ширина доходит до пяти верст. Пушнина, добываемая в этой местности, — соболи, черно-бурые и красные лисы, а также горностаи и белки, которые хуже, чем в Тобольске, Таре и Томске.

В окрестностях Енисейска и дальше к Мангазее находят удивительные кости. Они встречаются по берегам рек и в пещерах. Ланг приводит различные мнения, высказываемые по поводу этих костей. Некоторые считают, пишет он, что когда-то в Сибири был жаркий климат и жили слоны. Во время всемирного потопа они утонули, а кости сохранились в вечной мерзлоте. Но Ланг склоняется больше к мысли, что это кости мамонта. В связи с этим он приводит распространенную в XVIII в. легенду о мамонтах, будто бы живущих под землей, избегающих солнца и воздуха. В середине черепа у мамонта рог, им он роет землю. Зубы у мамонта снаружи как кость, а внутри подобны металлу и тверды как камень. Ланг приводит сведения, полученные от людей, будто бы видевших кости мамонта со следами крови и свежего мяса. Правда, Ланг тут же прибавляет, что не встречал ни одного человека, который видел живого мамонта. Хотя Ланг утверждает, что получил эти сведения от людей, заслуживающих доверия, эти версии, разумеется, относятся к области легенд. А вот мнение о том, что костей так много, что из них без труда можно составить скелет, вполне достоверно.

В Енисейске Лангу пришлось задержаться из-за весенней распутицы. Но ему не хотелось дожидаться полного вскрытия рек для дальнейшего путешествия. В то время передвижение по воде шло очень медленно — судно тянули по реке на веревках. Поэтому, несмотря на то что Ланга и его спутников отговаривали от путешествия верхом из-за плохих дорог, они все же тронулись в путь. Ланг, по его словам, привык к путешествиям и по хорошим и по плохим дорогам. Но дорога до

Братского была ужасной; она шла через горы, долины, болота и леса, все реки уже вскрылись, и дождь шел, не переставая, день и ночь. Наконец вымокшие до нитки путешественники достигли реки Кан.

Здесь они увидели берестяные жилища татар, названных по имени реки канскими¹⁷. Жилища канских татар такие тесные, что в них с трудом поместятся четыре или пять человек, и то, если они будут сидеть. Одежда у них сшита из различных меховых лоскутьев. Едят они все, что убивают в лесу с помощью лука и стрел, сырым или вареным — это для них все равно, а также рыбу. Вместо хлеба употребляют корни желтых тюльпанов, которые выкапывают в лесах. Они язычники.

16 июня, снова после тяжелого пуги, Ланг достиг Братского. В этой местности живут татары, которых Ланг называет братскими¹⁸. Их жилища сделаны из шкур, они богаты лошадьми, быками, коровами и баранами. Плохой хозяин тот, кто не имеет больше 400 лошадей. Коров и остальной скот они просто не считают¹⁹. Пищей им служит дичь, убитая в лесах. Если же околеваает лошадь, то они приглашают гостей и задают роскошный пир. Лошадиное мясо считается у них лакомством. Питьем большей частью служит водка, перегнанная из кобыльего молока, — очень крепкий напиток. Молодых лошадей убивают на свадьбах. Сначала договариваются с отцом невесты о калыме: сколько лошадей, быков, коров и баранов он хочет получить за свою дочь. После того как соглашение достигнуто, жених берет невесту к себе и приглашает ближайших соседей и приятелей, устраивая празднество. Иногда за красивую девушку дают от 70 до 100 лошадей, столько же быков и баранов и 10—12 верблюдов, встречающихся здесь в большом числе.

Поклоняются братские татары нескольким старым бараньим шкурам, развешанным на шестах вокруг жилищ. Перед ними они падают на колени, кричат и ведут себя как безумные²⁰. Но почему они так делают — они не знают сами.

Одежда братских татар гораздо лучше, чем других татар: они носят длинные халаты со складками, заложенными от середины до колен. У женщин длинные черные волосы падают локонами на плечи. Для красоты волосы поддерживаются медными и оловянными обручами. Девушки заплетают на голове столько косичек, сколько позволяют волосы, и они стоят у них, как рога. На руках и шее носят небольшие латунные, железные или медные украшения, иногда стеклянные бусы. На вид жители некрасивы, цветом кожи несколько похожи на цыган, но у них широкие лица, плоские носы и маленькие глаза.

Путешественники здесь могут ездить без всякой заботы, если у них есть хлеб и табак, так как мяса они за табак получают вдоволь. За две три трубки табаку можно получить целого барана. Если же барана убивают на месте, они берут себе все внутренности, варят их, не утруждая себя особенно их промыванием, и едят, считая лакомством.

Ланг задержался в Братском, чтобы отдохнуть от плохой дороги. Здесь его застал комендант г. Илимска, лежащего в 30 милях от Братского. Вместе с комендантом Ланг поехал посмотреть на Илимск. Го-

¹⁷ Л. Ланг называет канскими татарами камасинцев. См.: Н. Ф. Катанов, Известия Л. Ланга..., стр. 6.

¹⁸ Л. Ланг называет братскими татарами бурят. См.: Н. Ф. Катанов, Известия Л. Ланга..., стр. 7, и В. Гирченко, Русские и иностранные путешественники..., стр. 15.

¹⁹ Очевидно, эти сведения относятся только к зажиточным бурятам. В силу своего служебного положения Л. Ланг останавливался в состоятельных семьях и описывал их в первую очередь.

²⁰ Л. Ланг неправильно описал обряды, свойственные бурятской религии. См.: В. Гирченко, Русские и иностранные путешественники..., стр. 15.

род небольшой и не такой красивый, как Братское. Расположен он между высокими горами и скалами у маленькой одноименной реки, берущей начало на северо-западе, текущей на юг и впадающей в Тунгуску. Ланг считает, что город выстроен здесь только из-за пушных зверей, которых добывают в этой местности. Соболя здесь гораздо чернее, чем Ланг видел в других местах.

Наконец, 18 июля Ланг прибыл в Иркутск. Недалеко от города протекает р. Ангара, берущая начало в оз. Байкал, в него же впадает и р. Иркут, по имени которой назван город. Против города расположен красивый монастырь. В окрестностях добывается много пушнины: черные соболя, лисицы и др.

2 августа Ланг выехал из Иркутска по направлению к Байкалу. На его берегу выстроена часовня св. Николая, украшенная иконами. Путешественники молятся в ней, прежде чем пуститься в плавание. Байкал равен в ширину с востока на запад 30 верстам, а с севера на юг, по мнению местных жителей, протяженность его более 500 верст. Местные жители называют его святым морем и не терпят, когда его называют озером. Они считают, что озеро может отомстить за непочтительное к нему отношение. И они настолько благочестивы, что во время плавания не ругаются, не пьют водки и не курят. Но местные жители называют Байкал морем потому, что они не видели большого моря. Озеро окружено со всех сторон высокими скалами. Поэтому ветру, дующему с одной стороны, негде развернуться, он наталкивается на скалы противоположной стороны и поднимает большие волны. В таком случае судно, находящееся на полпути, поворачивает обратно, но тогда возникает опасность натолкнуться на многочисленные подводные камни. Случается и так, что ветер за один день меняет направление 3—4 раза и те, кто находится на озере, не могут сдвинуться с места, потому что суда плоскодонные и с ними невозможно лавировать. Тогда они обращаются к своей совести и думают, не провинились ли они в чем перед озером, просят у него прощения и обещают больше не повторять таких ошибок.

Лангу показалось удивительным, что в этой воде живут в большом числе тюлени. Вода пресная и такая прозрачная, что дно видно на шесть-семь сажений. Цвет воды несколько зеленоватый, но в стакане вода кристально прозрачная и имеет приятный вкус. Когда Ланг на судне переправлялся через эти опасные воды, ветер был встречный, поэтому судно тянули на веревке вдоль берега. Потом подул благоприятный ветер, что позволило спокойно переправиться. Ночной лагерь был разбит у стен Посольского монастыря. Но, как только удалось переправиться, ветер снова переменился, и если бы путешественники находились хоть в четверти мили от берега, им пришлось бы возвратиться.

Ланг добрался до р. Селенги, у устья которой находилась церковь св. Николая. Отсюда они шли на судах, которые тянули веревками. Ночевали на берегу. Водный путь был невыносимо медленным. Поэтому Ланг нанял лошадей и поехал к Большой Заимке, где стоит красивый Троицкий монастырь. Далее путешественники достигли г. Удинска на реке Уде, впадающей в Селенгу в версте от города. Крепость расположена на высокой горе и построена из дерева в виде треугольника.

Ланг прибыл в последний русский город Селенгинск; им управляет один чиновник. В Селенгинске находится небольшая крепость. Возле протекает р. Селенга, по имени которой назван город. Она берет начало в стране монголов, поворачивает на запад и впадает в Байкал.

Август Ланг провел в Селенгинске. В это время он побывал на рыбной ловле, которую, как он пишет, ему было очень интересно увидеть. Ловят рыбу, похожую на сельдь, плывущую из Байкала по Селенге такими большими массами, что заброшенную сеть крестьяне вытаскивают с большим трудом. Местные жители называют рыбу омуль. Эта рыба плывет всегда в это время вверх по реке и заплывает так далеко, что выбивается из сил, худеет и дальше плыть не может. Тогда она снова спускается вниз по реке и лежит на воде как мертвая. Ее уже не ловят, потому что для еды она не годится.

7 октября Л. Ланг выехал из Селенгинска и 9 прибыл в Сарачин, где по обе стороны от границы между Сибирью и Монголией расположена стража.

Дорога шла через высокие горы и долины. Ланг приблизился к р. Тола. Здесь надо было пересечь большую степь без единого деревца; вместо дров приходилось жечь сухой лошадиный навоз, а вместо воды растапливать снег, довольно часто выпадавший в степи. Едой служила конина. Нельзя себе представить, пишет Ланг, что в этой степи, лежащей так далеко на востоке, зимой стоит такой сильный холод. Зима в Сибири показалась Лангу несравненно более мягкой, чем здесь, так как в степи не было других жилищ, кроме меховых юрт. В центре юрты разводят огонь из сухого навоза, который, прежде чем разгореться, так дымит, что непривычный к этому предпочитает выйти наружу и мерзнуть, а не греться у такого огня.

Жители в этой Татарии богаты лошадьми, верблюдами, овцами, коровами и быками. Очень бедным считается тот, кто не имеет от трех до четырех тысяч лошадей и от 600 до 700 верблюдов. Об их образе жизни нельзя сообщить ничего особенного, кроме того, что они живут в юртах и едят павших лошадей, быков и других животных. Но их жрецы едят только свежую пищу. В их стране водится очень много дичи, особенно много гусей, встречается особый род крупных куропаток, много оленей, косуль. Из этого видно, что местным жителям незачем употреблять плохую пищу. Причина, почему они едят плохую пищу, исходит от их главного жреца — кутухты²¹. Жрец внушил людям такое представление о своей святости, что простой народ почитает его как бога. Они считают себя счастливыми и думают, что им дарована большая милость, если им разрешат целовать то место, где сидел или стоял кутухта.

Все, что живет на земле, зависит от кутухты. Поэтому жители придерживаются правила, что нельзя убивать ничто живое, будь это даже такие твари, как змеи или саранча и кузнечики. Но эта заповедь соблюдается большей частью только духовными лицами и людьми, к ним принадлежащими. Над кутухтой стоит далай-лама, выдающий себя за бессмертного бога. Ланг расспрашивал жреца²² о далай-ламе. Последний рассказал, что ему выпало большое счастье: он видел далай-ламу и молился ему. При этом жрец показал нескольких маленьких идолов²³, вырезанных из кипарисового дерева, которые далай-лама ему вручил и повелел чтить как богов. Одно изображение показалось Лангу похожим на женщину (вероятно, это была буддийская богиня милосердия Гуань-инь). Но жрец сказал, что это изображение бога. Этот бог очень красив, и его изображают сидящим в кресле со скрещенными ногами и поднятой рукой. Затем он показал льва с четырьмя

²¹ Верховное духовное лицо у монголов-буддистов называется кутухта. См.: М. П. Алексеев, *Сибирь в известиях...*, стр. 557.

²² Л. Ланг неправильно называет монгольских лам жрецами.

²³ Л. Ланг везде пишет не буддийские божества, а идолы.

головами, тоже вырезанного из кипарисового дерева. Головы были расположены одна под другой, и у нижней была раскрытая пасть, из которой торчал наполовину проглоченный ребенок. Третьим было изображение мужчины с открытым ртом, похожего на Христа. Идолы хранились в медном ящичке, обитом камчатной тканью.

Ланг спросил жреца, верит ли он в то, что идолы дадут ему то, о чем он просит. Жрец ответил, что верит безусловно, и если они не всегда выполняют просьбы, то виноват в этом только он один. Очевидно, он, сам того не ведая, согрешил и этим рассердил богов. Далее Ланг спросил жреца, каким образом все верят в то, что далай-лама бессмертен, и как он это доказывает. Жрец ответил, что далай-лама не такой бог, который может жить вечно, но когда он войдет в лета и состарится, то он может снова стать молодым, и происходит это благодаря смерти. Появляется он, однако, после того, как некоторое время после второго рождения прожил на свете, причем не в том же самом месте, где умер, а в другом месте и рождается от женщины, нравившейся ему больше всего в предыдущей жизни.

Ланг спросил далее, чем доказывается, что всегда рождается тот же самый далай-лама. Жрец ответил, что вновь рожденный еще совсем маленьким должен рассказать, сколько людей было у него в услужении, как их звали, сколько у него было лошадей, верблюдов, овец и быков и чем он еще пользовался в своей прошлой жизни. Ланг поинтересовался, есть ли еще люди, которые вновь рождаются. На это он получил ответ, что это бывает часто, и жрец может вспомнить некоторых людей, родившихся вновь три-четыре раза и поэтому рассматривавшихся в качестве богов. Но никто не может так часто рождаться вновь после своей смерти, как далай-лама. Нынешнему не больше семи лет, а родился он в 30-й раз. Жрец сообщил также, что он молится своим идолам, чтобы они спасли его от злых людей, пройдох и воров и послали ему еду и питье.

После отъезда Ланг заночевал в небольшой деревне, где располагался жреческий храм. Любопытство заставило его войти в храм, чтобы осмотреть идолов, находившихся внутри. Возле входа на алтаре находилось огромное изображение божества из дерева, позолоченное и одетое в красивые шелковые одежды, чтобы оно не пылилось. Перед ним стоял стол, на котором лежали музыкальные инструменты: маленькие барабаны, медные тарелки и др. Они во время службы создают сильный шум. Справа от алтаря стоял высокий и широкий стул с большой подушкой, изъеденной молью. Лангу на его вопрос, что это за стул, сообщили, что он предназначен для далай-ламы на случай, если тот почтит храм своим присутствием. У стен стояло множество других идолов, считавшихся слугами главного божества.

Больше сведений о Сибири и Монголии в дневнике Л. Ланг 1715—1716 гг. нет.

ВТОРОЙ ДНЕВНИК (1727—1728 гг.)

Переходим к дневнику 1727—1728 гг. с описанием путешествия по Монголии. Это путешествие было, как мы увидим, очень трудным и тяжелым из-за неблагоприятной погоды и отсутствия корма для лошадей. Путь шел через Кяхту.

Караван двинулся в путь, пишет Ланг, 13 сентября 1727 г. из крепости св. Петра и Павла, находящейся у р. Чикой. Остановились на ночлег у р. Субуктуй, где была старая деревянная гостиница для проезжающих. Дошли до р. Кяхты. П. Паллас в примечании к дневнику

Ланга сообщает, что самого г. Кяхты тогда еще не было, крепость была заложена в следующем году. Караван подошел к р. Иро в том месте, где она впадает в Орхон. Здесь пришлось задержаться, так как переправа через реку заняла три дня. Монголы, живущие у р. Иро, держат маленькие лодки для переправы. Но они просили 10 копеек за пуд. Это составило такую сумму, что путешественники предпочли соорудить паромы из материалов, бывших у них под рукой, и благополучно переправили весь караван.

Река Иро берет начало от горы Кентайхан (горы Хэнтэй), расположенной к юго-востоку, впадает в Орхон, а Орхон неподалеку впадает, в свою очередь, в Селенгу. От р. Иро путь шел к р. Шаре, очень извилистой и узкой, с высокими берегами и тоже впадающей в Орхон. Из-за своей мелководности река не изобилует рыбой, но по берегам ее находятся богатые пастбища. Поэтому монголы здесь часто разбивают свои стоянки. Далее путь шел к р. Харе, недалеко от нее находилось соленое оз. Цаганор. Хара узкая, неглубокая, с высокими берегами, впадает с северо-востока в Орхон, богата рыбой. По обеим сторонам Хары находились многочисленные монгольские кочевья. Это в основном шабинары²⁴, или подданные кутухты — главного языческого жреца. Они обмечают пыль с идолов в небольшом каменном языческом храме, находящемся в степи, справа от дороги. Кроме того, они поставляют жертвенные еду и питье, а также участвуют в службе. По р. Боро караван подошел к оз. Бороноор. Оно богато лебедями и другими водоплавающими птицами, а также рыбой. Через высокие и труднопроходимые горы добрались до р. Толы. На противоположном ее берегу основана постоянная резиденция кутухты и монгольских начальников. Резиденция представляет собой площадку, обнесенную деревянными стенами, с различными храмами и жилищами.

Караван расположился у подножия высокой горы Хан Ола, или королевской. Она покрыта высоким и красивым лесом из кедров и других деревьев. Никому не разрешается на ней охотиться, хотя кабанов, оленей и дичи там множество. Вид с этой горы прекрасный, многочисленные красивые ручьи стекают с нее в Толу. Вся местность от Селенгинска до Толы гористая; между горами расположены долины и равнины, где много ручьев и озер. Последние богаты рыбой и водоплавающей птицей. Поэтому, считает Ланг, если местные жигели проявят немного прилежания, они будут иметь рыбу и дичь в изобилии. Горы везде заросли группами кедров, елей, берез и других деревьев. В лесах в изобилии водятся олени, дикие козы, кабаны и другие животные. Большая часть земель удобна для пахоты.

Но монголы, живущие в большом числе в улусах, пишет Ланг, не имеют представления об оседлом хозяйстве. Они довольствуются пастбищами с травами и дикими кореньями, которые им в изобилии предоставила природа, для верблюдов, лошадей, рогатого скота и овец. Основная еда монголов — сарачинское пшено (рис), мясо они едят очень редко. Собственный скот убивают неохотно, предпочитают есть павших животных. Монголы пьют кирпичный чай; почти всегда на огне у них стоит котел с этим чаем. Чай они варят с коровьим, верблюжьим, кобыльим и овечьим молоком. Зажиточные люди кладут в чай муку, сливки и масло, так что напиток становится густым, как шоколад, и очень питательным. Бедные же, у которых масла нет, упот-

²⁴ Шабинары — семьи, переданные в вечное владение кутухте халкаскими князьями. Они обязаны содержать своего кутухту и принадлежащий ему монастырь. См.: А. Позднеев, *Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии*, СПб., 1887, стр. 4.

ребляют жир из курдюков своих баранов, но тогда в чай обязательно добавляют соль.

С весны до осени, пока скот дает много молока, монголы получают из кобыльего молока кумыс и пьют его горячим. Летом они запасают на зиму сыры. А осенью при удачной охоте режут мясо на куски и вялят на воздухе или коптят в дыму. Из кожи скота монголы изготавливают большую часть своей утвари, сапоги и сбрую для лошадей. Сухой навоз в степях служит топливом. Овцы особенно полезны, так как употребляются не только на мясо и дают молоко, но из их шкур шьют меховую одежду. Для этой же цели держат и козы стада. Из овечьей шерсти делают кошмы, или войлоки, которыми обтягивают юрты и употребляют как постели. Зимой юрты покрываются двойной кошмой.

В середине юрты раскладывают огонь, и тогда в юрте тепло, какая бы сильная стужа ни стояла. Дым выходит в круглое отверстие, сделанное в юрте наверху. Когда огонь перестает гореть, отверстие закрывают войлоком. Летом в юртах прохладнее, чем в палатках. Солнце не проникает сквозь войлок. Юрты хорошо защищают и от ветра и дождя.

Монголы очень ценят верблюжье молоко. Из толстой шерсти верблюдов они плетут веревки, из более тонкой вяжут одежду. Верблюды необходимы при переезде с места на место, а также для военных походов. Особенно они нужны при дальних походах, так как долгое время могут пробыть почти без пищи и воды и лучше, чем другие животные, переносят жару и холод.

Ланг пишет, что до р. Толы находится самая лучшая земля в Монголии и здесь живут наиболее зажиточные монголы.

Во время пребывания в этой местности Ланга посетил монгольский лама. Он преподнес Лангу маленький кусочек леденца, завернутый в белую шелковую тряпочку, считая, что этим он доставил Лангу большое удовольствие. П. Паллас отмечает в примечании, что такие ничего не значащие подарки — кусочек сахара, бумажку с несколькими зернышками пряностей — дарят и калмыцкие священники при посещении почетного гостя. Лама сообщил, что умерший кутухта, верный своему обещанию, родился вновь. Ему сейчас 6 лет. Он остался, может быть, еще неузнанным, но далай-лама из жалости к осиротевшему монгольскому духовенству открыл тайну.

Караван двинулся от р. Толы 8 октября. Вся монгольская степь отсюда до Китая безлесная. Трудный путь пришлось преодолеть через гору Долой Тологой, или семь холмов. Далее Ланг подробно описывает все местечки, озера, речки и колодцы, встречавшиеся по пути. С середины октября путь стал тяжелее: пастбища были плохие, вода замерзала, ночные морозы обессиливали лошадей, которые стали падать. До конца октября продолжался этот долгий и мучительный путь. Лошадей погибало все больше и больше. 30 октября караван остановился на отдых у станции Сертени. Монголы сказали Лангу, что отсюда начинается песчаная Гобийская степь. На географической карте, пишет Ланг, она обозначена как степь Хамо. Степь эта, особенно в позднее осеннее и зимнее время, губительна для путешественников, их лошадей и другого скота.

Путешествие по Гобийской степи началось 2 ноября. Дул ледяной северный ветер, и стоял сильный мороз. Караван подошел к соленому оз. Ирень Дабассу; оно имеет приблизительно три версты в окружности, но ключи и ручьи в него не впадают. Поэтому в озере много соли только в дождливые года, в сухие же — мало. Соль собирают бедные монголы, живущие в жалких войлочных юртах. Они меняют соль у

проходящих караванов на чай, табак, пшено и другие жизненно необходимые припасы. Эту соль, крупную, белую и вкусную, монголы отвозят в Калган и на другие рынки.

В этой местности на солончаковой почве трава не растет. Вода в жолодках плохая и вредная. Местные жители из-за недостатка травы не держат скота, поэтому нет сухого навоза для топлива. Монголы употребляют в качестве топлива корни солончаковых растений. Выкапывать их трудно, а тепла они дают меньше, чем дыма.

Караван с большим трудом добрался до местности Боролдуки Кудук. Здесь находится небольшой храм, построенный из веток и глины и похожий на курятник. Жрец не живет в этой пустыне, храм построен только для путешественников. Внутри находятся изображения идолов, напечатанные на бумаге.

Повсюду, и на этой и на других стоянках в пустыне, насколько видиг глаз, ничего нет, кроме равнины без кустов и травы. Земля усыпана цветной галькой, которая при солнечном свете переливами и блеском может радовать и услаждать зрение. Но, пишет Ланг, нашим глазам был бы сейчас гораздо приятнее вид зеленых лугов и хорошей воды, чего, к сожалению, не было видно.

Путь был настолько труден, что 8 ноября по каравану было отдано распоряжение, чтобы никто не садился верхом или на везы, а шел пешком. С большими трудностями, с огромными потерями лошадей караван к 28 ноября подошел к месту Мао-Кири, где находились колодцы и следы земляного вала, простиравшегося на восток и на запад насколько видит глаз. Вал кое-где еще высокий и со рвами, но большая его часть низкая, почти вровень с землей. Это, очевидно, пишет Ланг, вызвано сильными и частыми дождями, которые здесь бывают летом.

28 ноября караван миновал линию вала и 29 дошел до Цаган Балгацу (Белый город). Недалеко от него прежде был город²⁵, окруженный крепостной стеной. Окружность крепости весьма значительна, и можно ясно различить остатки бастионов и куртин. Каждая сторона длиной 92 сажени. Здания совсем разрушились; можно было увидеть только каменные своды и превосходно высеченных из белого мрамора больших львов, наполовину ушедших в землю. Слева, на некотором расстоянии, находился еще один мертвый город. Далее караван шел по крутому тесному проходу, спускаясь с высоких, скалистых гор.

Так был закончен тяжелый путь каравана, возглавляемого Лангом. Он прибавляет, что нет возможности описать трудности путешествия, когда все четыре стихии ополчились против людей. Воздух был таким холодным, что даже в хорошей шубе трудно было согреться. Не было воды, травы и топлива, чтобы развести огонь, хоть немного согреться и приготовить пищу.

На этом кончаются сведения о Монголии во втором рассмотренном нами дневнике Л. Ланга.

²⁵ Вероятно, Ланг видел развалины Хара-Балгаса — большого города, в VIII—IX вв. столицы уйгурского ханства. Орхонская экспедиция 1889 г. при исследовании развалин нашла много каменных баб и памятников из гранита и даже мрамора, в том числе изображение льва из белого мрамора. См.: «Сборник трудов Орхонской экспедиции», т. 5, СПб., 1901, стр. 8.

Ч. М. Таксами

ПЕРВОБЫТНОРОДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ У НИВХОВ

Нивхи (гиляки) — небольшая народность, проживающая в районах Советского Дальнего Востока — на Нижнем Амуре и Сахалине. Населяя эти места с древних времен, она сохранила до наших дней многие элементы традиционной культуры.

В настоящей статье мы приводим некоторые материалы о первобытнородовых отношениях и старинных верованиях, бытовавших у нивхов в основном в прошлом. Все материалы собраны автором во время неоднократных поездок к нивхам Сахалина и Нижнего Амура. Эти материалы имеют определенную этнографическую ценность, тем более, что в последние годы материалы о пережитках религиозных верований и родовых отношений нивхов в нашей этнографической литературе не публиковались.

СЛЕДЫ ПЕРВОБЫТНОРОДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Старшее поколение нивхов, прежде всего мужчины, помнят о своей родовой принадлежности. Женщины же плохо помнят, как назывался их род. Это объясняется тем, что их выдавали замуж в раннем возрасте (10—12 лет). Молодое же поколение нивхов, которым сейчас меньше 40 лет, очень мало знает о своих родовых отношениях.

По сообщению стариков, в нивхских селениях проживают представители следующих родов:

В амурских селениях

Пад — Дехаль, Керкпиң, Тёран, Твабиң

Сусанино (Мхыль) — Дехаль

Акша — Арђоң

Дыльма — Хирлоң, Тапқал, Тёран

Тыр — Твабинқал, Арђоң

Кальма — Эђлафиң, Твабиң, Дехаль, Тапқал, Ыарамлан, Аймакан, Там-
лавон, Арлоң, Хирлоң, Чирлоң

Романовка — Твабинқал, Тапқал, Арђоң

Тахта — Тёран, Тапқал, Пилавон, Ыарамлан, Твабин, Лезђран, Аймакан

Новотроицкое (Хез) — Пилавон, Кеңран
Чильма — Арһон
Вайда — Кегның, Лезңран, Лумрпиң, Хирлоң

Амурский лиман

Мыс Мы — Пилавон, Кеңранқал
Красовка — Вазһфин, Эһлфин, Тёран, Мыбиң, Кегнын, Нёньлақ, Твабин,
Йоһлафиң, Тыфының
Коль-Никольское — Лезңран, Акқал, Тёран, Пилавон
Лиман — Кегның, Тыфының, Пилавон, Чоран, Арһон
Пуир — Лумрпиң, Пхегының, Пилавон, Лезңран, Чфының
Макаровка — Луңрпин, Ыгның, Лезңран, Товнын, Тарһон, Кегның,
Чфының, Товның
Остров Байдукова (Лангр) — Пилавон, Хутифиң, Кегның, Лезңраң
Половинка — Арһон

На Сахалине

Пырки — Товныңқал, Чомипиң
Тенги — Тыкфиң
Чингай — Пилавон, Лезңран
Крыво — Чомипиң
Романовка (Луполово) — Чфының, Полхпиң, Лезңран, Чыйвың, Пилавон,
Нёньлаң, Пыркифиң, Тарһон, Чыйвың, Тёран, Ноһлан, Ыкның,
Чомипиң, Товның, Неньлик, Кегның, Тыкфин, Хыйгнын
Москальво — Чфының, Тивның, Пняһоң
Ныврово — Тарһон, Ноһлан, Матьһарпин
Некрасовка — Пняһоң, Ыкының, Тыфының, Тёран, Тарһон, Чыйвын, Пи-
лавон
Музым — Тёран
Чир-унвд — Тулавон, Ускфин, Руйфин, Ыаньвон, Хоэфин, Ршаңифиң,
Крыузфиң, Тевркайрш, Арқайфиң, Уршкршфиң, Тлавон, Усквон,
Чхармпиң, Секвон
Трамбаус — Ршаңифиң.

Как мы видим из приведенных данных, в большинстве перечисленных селений проживают представители многих нивхских родов. Это объясняется тем, что в последние годы было проведено объединение нивхских колхозов. Последнее повлекло за собой слияние нивхских селений с различным родовым составом. Только в отдаленных селениях, в основном в тех, которые были оставлены основной массой колхозного населения, по-прежнему проживают пожилые нивхи — сородичи.

Исследуя расселение нивхов в историческом плане, мы замечаем, что за последние сто с лишним лет граница расселения нивхов не изменилась. За пределы этих районов в указанный период выехало не более десяти семей. Нивхи, как правило, не покидали своих селений. Только в редких случаях отдельные семьи переселялись в другие селения к своим сородичам. Многие нивхские селения, зафиксированные еще в середине XVIII в., существуют и в наши дни. В нивхских селениях наблюдается в целом устойчивое бытование отдельных родов. В 50—60-х годах мы посетили в нивхских селениях представителей родов, ко-

торые были зафиксированы в этих селениях Л. Я. Штернбергом еще в конце XIX — начале XX в. и А. М. Золотаревым в начале XX в. и др.¹.

В годы Советской власти, особенно в связи с колхозным строительством, происходило переселение нивхов. Это привело, как мы говорили выше, к концентрации в одном населенном пункте представителей разных родов.

Выше мы привели более 60 названий нивхских родов. По этимологии названия нивхских родов можно объединить в несколько групп. К первой группе относятся роды, названия которых происходят от наименований животных: Лезнран (от *лезн* «медведь»), Кегның (от *кегның* «мелкая нерпа»), Тевркайрш (от *теврк* «птица») и др.

Встречая нивхские роды с такими названиями, А. М. Золотарев считает бесспорными «факты существования у гиляков родов, ведущих свое происхождение от животных и носящих названия этих животных». По его мнению, это свидетельствует о существовании у нивхов тотемизма, правда либо в возникающей, либо в разложившейся форме. В качестве доказательства Золотарев приводит пример из жизни рода Кегның. Он пишет, что члены этого рода во время охоты на мелкую нерпу *мачкенга* не смеют убивать ее спящую, они должны разбудить животное и только после этого стрелять в него или бить колотушкой по голове. Отправляясь охотиться на нерпу, члены этого рода не могут останавливаться в доме родичей. На охоте роду Кегның запрещается и пить чай около огня. Когда нерпа убита, ее голову разрезают особым способом служащими для этой цели ножами, а нос, язык, глаза бросают в воду в жертву «хозяину моря». Голову нерпы выставляют на шесте у моря. «Это заставляет предполагать, — пишет А. М. Золотарев, — что нерпа некогда была тотемическим животным рода Кегның»².

Названия второй группы родов происходят от прозвищ людей: Тарһоң (от *тарһоидь* «шуметь»), Ноһлаң (от *ноһл* «вонючий») и др. Происхождение названия рода Тарһоң нивхи объяснили нам следующим образом. Когда охотники этого рода добывали нерп, они создавали шум: бегали по воде, брызгали, шлепали по воде руками; эти действия по-нивхски называются *фачфачайт т'арһойдь*. От слова *т'арһойдь* произошло и название рода Т'арһоң.

Название рода Ноһлаң в переводе означает «вонючий род». Это название возникло так. Мясо убитых медведей, нерп и других зверей охотники не успевали обрабатывать и съедать, и оно гнило в домах, на вешалах и в других местах, издавая тяжелый запах. Поэтому соседи называли этот род Ноһлаң.

На Сахалине проживают представители многочисленного рода Тёран. В селении Музъм (на Сахалине) в 1961 г. нам рассказали историю происхождения названия этого рода. Хозяин одного дома делал шашлык из хвоста рыбы, который называется *тёран ңыки*. В это время пришел гость из другого рода, и хозяин стал хвастаться, что он живет лучше, чем другие, но тут к гостю вышла дочь и сказала: «Хвост шашлыка сгорел», тем самым открыв секрет, что шашлык всего лишь из хвостов рыбы. Рассерженный отец убил дочь, а род его с тех пор стали называть Теранчыки.

¹ Л. Я. Штернберг, Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, Хабаровск, 1933; А. М. Золотарев, Пережитки родового строя гиляков района Чомэ, — «Советский Север», 1933, № 3; «Туземное хозяйство низовьев Амура в 1927—1928 гг.», Хабаровск — Благовещенск, 1929.

² А. М. Золотарев, Пережитки тотемизма у народов Сибири, Л., 1934, стр. 14—15.

Третья группа родов означает названия месяцев: Хирлон, Арлон и др. Наименования четвертой, наиболее распространенной группы связаны с названиями местности. Конечно, происхождение названий нивхских родов, как и сама структура рода, требует дальнейшего исследования.

Мы предполагаем, что в прошлом нивхи входили в состав больших социальных объединений — родов. Впоследствии в процессе развития из нивхских родов выделялись группы и поселялись в других местах, образуя новую группу. При разделении рода «ломали огниво», которое хранилось у старшего в роде. Некоторые локальные группы стали носить прежнее родовое название. Например, название Арһон носит группа нивхов, проживающих в сел. Акша, Кальма, Чильма, Лиман, Половинка и др.; Лезцран — нивхи в сел. Тахта, Вайда, Коль-Никольское, Пуер, Макаровка, Лангр, Луполово, Чингай и др.; Кегныц — нивхи сел. Вайда, Красовка, Лиман, Макаровка, Лангр, Луполово и др. Но большинство локальных групп, поселившись на новом месте, стали носить названия местности, куда они переселились, — названия рек, заливов, мысов, бухт и т. д.

По имеющимся у нас сведениям, в сел. Бологлинка (Чилви-на-Амуре) жил род Хирлон. Локальные группы, отделившиеся от него и поселившиеся в сел. Кальма, называют себя Кальмбин, в сел. Вайда — Вайдафин и т. д.

Нивхи из рода Кеңран, поселившись в Новотроицке (сел. Хез-Амур), называют себя Хезбин (или Пилывонкал), а в других местах Пилавонкал (жители сел. Пилаво на Сахалине). По сообщению нивхов, в сел. Тахта поселилась группа, отделившаяся от Лезцран, которая стала называться Твабин.

Среди локальных групп встречаются и названия, совпадающие с названием рода негидальцев. К ним относится Тапкал, Хатхиль, Аюмкан и др. Это получилось потому, что отдельные негидальцы, поселившись среди нивхов, женились на нивхских женщинах и положили начало новой локальной группе с их родовым названием, так как нивхские женщины, выходя замуж, считаются членами рода мужа. В дальнейшем эта группа, хотя и носила негидальское родовое название, фактически была нивхской, и члены ее считают себя нивхами. То же самое случилось и с нивхами Твабин. Один китаец, поселившись среди нивхов, женился на нивхской женщине. Впоследствии образовавшаяся в результате такого брака группа нивхов, проживавшая в сел. Пад, стала называться Дехаль (Де — фамилия китайца, халь — «род»). Нивхи этой группы, нося название Дехаль, помнят, что они в то же время составляют часть нивхов группы Твабин.

Нивхи — кровные родственники, входящие в состав одного рода, обозначали друг друга термином *ран*. Поэтому все древние названия нивхских родов состоят из двух частей: названия животного, месяца и т. д. плюс слово *ран*. Например, Лезцран, Кеңран, Тёран и др. Но мы не можем согласиться с А. М. Золотаревым, который переводил слово *раран* как «жить»³. Впоследствии, видимо под влиянием тунгусо-маньчжурских народов, нивхи стали обозначать род заимствованным от них словом *қал*. Этим словом стали оформлять старинные нивхские названия родов — Лезцранкал, Кеңранкал, Арһонкал и др. В позднейших локальных названиях употребляли только слово *қал*. Таким образом, мы можем предположить, что эти локальные группы стали выделяться.

³ А. М. Золотарев, Пережитки родового строя гилияков района Чомэ, стр. 54.

из нивхских родов сравнительно недавно, уже после проникновения к нивхам культуры тунгусо-маньчжурских народов.

В брачных нормах нивхов существовало правило, согласно которому род брал жен не из того рода, куда отдавал своих женщин, а из другого. Таким образом, каждый род оказывался связанным брачными узами по крайней мере с двумя родами.

Помня свои родовые отношения, нивхи старались соблюдать при бракосочетании экзогамные нормы. Конечно, идеальным считался брак, заключенный с дочерью брата матери, родного или агнатного.

Правда, эти брачные нормы стали нарушаться в конце XIX — начале XX в. и в последующие годы, хотя старики старались их соблюсти. В наше время они также нарушаются молодыми. Во-первых, несколько родов вступают в брачные союзы с женщинами одного рода. Например, женщины из рода Лезцран выходят замуж за мужчин родов Товныңқал, Чомипин, Пыркифин, Тарҕоң, Чфының; из рода Чфының — за мужчин из родов Лезцран, Пилавон, Чыйвың, Кегның; из Ыкының — за Пнеҕвон, Тераң, Тьфының, Лезцран; из Крыузфин — за Руйфиң, Наньвон, Тлавон, Ршаңифиң, Уршкршфиң, Усквон, Секвон; из Кегның — за Пхегның, Ыгның, Луңрпин, Кегның, Эһлфин, Тёран, Нёньлак и др. Кроме того, в брачных нормах наблюдаются прямые нарушения экзогамии. Так, внутри некоторых родов наблюдаются брачные союзы между отдаленными родственниками. Такие браки мы наблюдали между членами родов Тлавон (сел. Чир-Унвд, Сахалин), Тёран (сел. Красовка, Амурский лиман), Кегның (сел. Красовка, Амурский лиман), Пнеҕоңқал (сел. Некрасовка, Сахалин), Тлавон (сел. Чир-Унвд, Сахалин).

Имеются примеры, когда представители двух родов связаны между собой брачными узами следующим образом. Некоторые женщины одного рода выходят замуж за мужчин другого рода, и наоборот. Так, например, мы зафиксировали в районах Сахалина, как женщины из рода Тарҕоң вышли замуж за мужчин рода Чфының, и наоборот. Такие же связи между представителями родов Усквон и Наньвон (сел. Чир-Унвд), Руйфиң и Тлавон (сел. Чир-Унвд) и др.

Нарушение экзогамных норм привело к сплошной цепи родственных связей вступающих в брак. Недаром нивхи часто говорят: «Мы все родственники». Бывая в нивхских селениях, не раз можно услышать констатацию нивха, что «он женился на своей сестре», «она вышла замуж за своего брата», «он все равно что женился на своей матери», «он женился на своей племяннице» и др.

Производя посемейную перепись нивхского населения, Л. Я. Штернберг подробно описал классификационную систему родства и реально еще бытовавшие у нивхов пережитки группового брака. Согласно нормам группового брака, нивх мог вступить в брачное сожитие со всеми женами своих братьев и со всеми сестрами своей жены, но с тем ограничением, что старший брат не имел прав на жен младших братьев.

Эти нормы как пережиточное явление существуют и в наши дни. Например, среди нивхов с 1956 по 1962 г. мы встретили шесть случаев двоеженства. Как правило, вторыми женами были вдовы старших братьев. Встречаются семьи, где женами являются вдовы братьев или сестры покойных жен. Кроме того, как и в прошлом, братья называют своими детьми детей братьев. Дети в свою очередь называют отцом братьев своего отца, а сестер своих матерей своими матерями, добавляя только слова *пила* «старший» и *матьки* «младший».

Между сородичами существует коллективная взаимопомощь. Конечно, хранителями этой традиции являются старики. Они сами соблюдают и внушают ее близким родственникам и детям. Например,

нивхи считают своим долгом делиться с ближайшими сородичами пойманной рыбой, мясом добытого зверя, собранными ягодами, орехами и другими съедобными плодами. Нивхские семьи считают своей обязанностью выделять часть полученного урожая картофеля, капусты, лука, а также соленую рыбу и другие продукты тем семьям, которые по ряду причин не смогли заготовить или недостаточно заготовили их в запас. О своем решении нивхи сообщают нуждающейся семье, и члены этой семьи могут получить продукты в нужное время.

Среди нивхов бытует и такое правило: семьи, имеющие домашний скот, при появлении приплода считают его собственностью своих детей. Иногда для этого устанавливается очередность: сначала получают старшие, а потом младшие дети. Некоторые семьи нивхов дарят приплод домашнего скота своим нуждающимся сородичам. В повседневной жизни принято угощать родственников лакомыми блюдами.

Некоторые нивхские семьи безвозмездно выделяют часть своих денежных средств своим нуждающимся родственникам. Это чаще всего делают те, кто имеет хорошие заработки. Они покупают детям своих сородичей в подарок платья, ботинки и другую одежду.

Нивхи проявляют большую заботу о сородичах-стариках и детях умерших родственников. Детей воспитывают обычно братья их отца. При этом последние никогда не делают различия между своими детьми и детьми братьев, даже проявляют к последним больше внимания. Старики же, если у них нет своих взрослых детей, живут у своих племянников или внуков. В районах расселения нивхов имеются дома престарелых. Но старики не соглашались поселиться в них, им трудно оторваться от привычного быта.

Для сирот построены детские дома, но обычно родственники не отпускают их туда, а воспитывают детей сами. Сейчас большую роль стали играть школы-интернаты, где дети нивхов получают воспитание и образование, находясь на полном государственном обеспечении.

Родовые связи проявлялись при проведении медвежьих праздников. В прошлом эти праздники проводились почти в каждом нивхском селении, где медведей содержали в клетках. Но постепенно нивхи перестали проводить такие праздники. Раньше всего от них отказались нивхи Амура. В 1957 г. был проведен последний медвежий праздник на Амурском лимане (сел. Чоми). В 1962 г. мы видели медведей в клетках в сел. Пильтун и Чайво на Сахалине.

В этих празднествах убоя медведя принимали участие все представители рода-устроителя. Они совместно несли все расходы и хлопоты. Так, например, на устройство последнего медвежьего праздника в сел. Чоми было израсходовано более тысячи рублей. Основные расходы легли на семью его устроителя — Григория Хора, но большую лепту внесли также и его сородичи.

Родовые отношения проявляются при организации похорон членов рода. Как правило, на похороны приезжают сородичи покойного, проживающие в соседних селениях. Но на последние поминки, которые бывают обычно осенью, приезжают родственники даже из дальних мест, ибо, по поверьям нивхов, на этих поминках нивхи окончательно прощаются с покойным, и он переселяется в мир умерших. После этого кладбище больше не посещают, даже стараются не вспоминать об умерших.

Приезжая на похороны и на поминки, сородичи по возможности принимают участие в расходах, вкладывая деньги и привозя продукты. Сородичи, приехавшие из других селений, уезжают только после окончания поминок. После похорон организуют трехдневные поминки,

если умер мужчина, и четырехдневные, если умерла женщина. Столько же дней продолжаются последние поминки, которые обычно проводят в осеннее время. В период поминок нивхи не выполняют никакой работы, даже домашней.

СТАРИННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЫЧАИ И ЗАПРЕТЫ У НИВХОВ

Нивхи по своему мировоззрению были анимистами. Не зная законов природы, сознавая свое бессилие перед ней, нивхи Амура и Сахалина считали возможным обеспечить себе желаемое благополучие путем строгого выполнения всевозможных обрядов и запретов. В памяти нивхов еще сохранились обряды и запреты, связанные с жизнью в определенном селении, с постройкой жилища и жизнью в нем, с переселением из одного пункта в другой, хотя в настоящее время эти обряды и запреты лишь изредка соблюдаются стариками.

По представлениям нивхов, каждое селение имело своих «хозяев»: хозяина земли — *мифыз*, хозяина воды — *толыз* и хозяина неба — *кур*, от которых зависела как сама жизнь, так и здоровье и благополучие всех жителей. В связи с этими представлениями существовал обряд «кормления» хозяев, проводя который они считали, что «хозяева» пошлют им хороший улов рыбы, удачную охоту, здоровье, а также сберегут от смерти.

Покидали нивхи свое селение только в исключительных обстоятельствах. Смерть членов семьи, в особенности детей, плохой улов рыбы нивхи объясняли недоброжелательным отношением к ним *мифыза* «хозяина земли». Поэтому по приезде на новое местожительство люди приносили жертву хозяину данной местности. Жертвоприношение должно было совершиться в течение девяти дней со дня приезда. Обряд жертвоприношения совершался в лесу. Во время жертвоприношения глава семьи говорил: *Мифыза ньын намагур хумгуя. Охлагу моркагурхумгуя. Ньың ах чоһо, ңаһо малһогур ңың гуя* («Хозяин земли! Сделай, чтоб мы хорошо жили. Чтоб дети были живы и здоровы. Сделай, чтоб мы много добыли рыбы, зверя»).

Дома новые хозяева устраивали угощение, на трапезе присутствовали все жители села. Обычай жертвоприношения называется *мифыз ардь* («хозяина земли кормить»). Жертву приносили для того, чтобы хозяин земли уберег семьи от всяких болезней и несчастий, щедро вознаградил их, послав им богатый улов рыбы и зверя. Считалось, что если один-три месяца после поселения члены семьи будут здоровы, будет богатый улов рыбы и удачная охота, то хозяин земли принял пришедших на новую землю. Если же члены семьи начнут болеть и умирать, плохо ловится рыба и плохая охота, это означает, что «хозяин земли» не принимает их. В таких случаях семья часто переселялась на новое место.

При отъезде кого-либо из членов семьи, в частности детей, нивхи устраивали «кормление хозяина» данной местности, которое называлось *кыз ңыңдь* «счастье искать». Такое «кормление» устраивалось и при возвращении на родину после длительного отсутствия. Во время «кормления» нивхи обращались к «хозяину земли» с просьбой предохранить детей от болезней, послать им благополучие в пути и хорошее здоровье. Считалось, что, если обряд не будет проведен, отъезжающий может заболеть и даже умереть. Обряд обычно совершает мать отъезжающего. За день-два до отъезда женщины готовят еду. Поздно вечером накануне отъезда отъезжающий пробует пищу понемногу из каждой

чашки. После этого мать берет по ложке каждого кушанья и кладет на блюдо, а затем уносит это блюдо в лес за село. С нею идет и отъезжающий. Здесь она маленькой ложкой бросает еду на землю. Первая ложка предназначается «хозяину земли», где располагалось селение, другая — «хозяину земли», где родилась сама мать, третья — «хозяину местности», куда уезжал сын. «Кормление» сопровождалось просьбой: *Ты мива киңыгур оҥлагу ныңгуя т'а муйныгуя* («Эта земля, сделай, чтобы мои дети благополучно путешествовали и не болели»).

Кроме того, отъезжающему давали с собой табак (листовой). По приезде на новое место он должен был зарыть его в землю. В этом заключалось «кормление» земли. При этом также произносились слова: *Мива ныхнамагур хумгуя т'а муйныгуя* («Земля, сделай, чтобы я хорошо жил и не болел»).

У нивхов проводились и большие религиозные праздники. Среди них особое место занимали такие праздники, как «ледостав Амура», «вскрытие Амура» и «кормление неба». Каждый из этих праздников имел определенное религиозное значение.

Праздник ледостава (*толь фынды*) в буквальном переводе означает «в воду бросать». Иногда нивхи просто называли его *тол ардь* «воду кормить». Праздник устраивался сразу после ледостава. День праздника назначался старейшим жителем селения. По его указанию каждая семья готовила лакомую еду: *рақ* «каша», *мос* «студень из отвара рыбьей кожи», *холодь* «ягодная смесь», *ма* «юкола» и т. д. В назначенный день поздно вечером хозяин каждой семьи брал с собой приготовленную еду и сушеный хвост осенней кеты и шел на Амур к своей проруби. В первую очередь в прорубь со словами *қа — қа* — *қа* опускался хвост кеты. По представлениям нивхов, он предназначался для ездовой собаки «хозяина воды» — *тол қан ардь*. После этого с соответствующими словами из каждого блюда в прорубь бросали по немногу еды для самого «хозяина воды». Затем все шли домой и оставшейся едой угощали односельчан. Присутствовать при «кормлении» могли только мужчины. Женщины в это время сидели дома на нарах, даже ходить по полу им запрещалось. На следующий день в селении устраивались танцы, гонки на собаках и т. д.

Праздник вскрытия Амура проводился по тому же ритуалу, как и ледостав. Добавлялись только гонки на лодках. До совершения обряда «кормления» Амура нивхи не ловили рыбу, так как в будущем хозяин воды мог не послать рыбы.

Третьим общесельским праздником являлся *члырах чыуныдь* «праздник неба». Он проводился с установлением зимней дороги по Амуру.

Посреди селения ставили три срубленные лиственницы в плане треугольника. Вокруг них усаживались старики, а за ними — молодые. Лиственницы мазали приготовленной едой и обливали водкой, кровью свиньи и петуха, которых резали здесь же⁴. Старейший нивх тут же обращался к хозяину неба с рядом просьб. После угощения лиственниц оставшуюся пищу ели все присутствующие. В этот день никто не работал и нельзя было никому отдавать свои вещи. Считалось, что вместе с вещами переходило и счастье.

По представлениям нивхов, в небе живет «хозяин», которого называют *тлы-ыз* или *кур*. «Хозяин неба» «следит» за всеми людьми, «фиксирует» новорожденных и назначает срок их смерти. Чтобы расположить к себе этого могучего хозяина, нивхи устраивали ему угощение.

⁴ Возможно, древний обычай жертвоприношения свиньи и петуха заимствован нивхами от соседних тунгусо-маньчжурских народов.

В конце статьи приводится текст, в котором рассказывается о «хозяине неба» (см. текст 1).

В прошлом все религиозные праздники обычно носили родовой характер, но со временем в связи с разложением рода в них иногда стали принимать участие все жители села.

Постройка жилища и жизнь в нем связаны у нивхов с многочисленными обрядами и запретами. Место для возведения зимнего жилища обычно выбирал самый старший в роде, проживавший в данном селе. Место выбиралось такое, на котором до этого не было никакого строения. Иногда для выбора места приглашали шамана. Шаман «узнавал», есть ли там злые духи. Если шаман «угадывал» наличие духов, строительство жилого помещения переносилось на новый участок, который указывался шаманом. Перед началом постройки нивхи клали плоские чистые камни, а чаще кремни и ветки шиповника в ямы, вырытые для угловых столбов жилища. После этого ставили столбы. Это, по представлению нивхов, делалось для того, чтобы злой дух — *кинс* не мог сделать дырку в столбе и через нее пробраться в жилище. Ветки шиповника предохраняли столбы от злых духов. Для устрашения последних под столбы закладывали и большие сушеные щучьи головы с острыми зубами.

Случалось, что перед укладкой первого венца отдельные семьи по совету шамана сыпали муку на то место, где строилось жилище. Если на следующий день утром тонкий слой муки оставался нетронутым или на нем обнаруживали след человеческой ноги, это считалось хорошим признаком, и жилище продолжали строить. Если же там находили отпечаток человеческой руки или лапы зверя, то это считалось плохим признаком, и жилище строили на новом месте.

После окончания постройки под порог (с внутренней стороны жилища) клали камень, который нивхи называют особым словом — *нить-вах*. Этот камень находился там всегда. Нивхи считали, что под порогом жил хозяин, оберегавший вход от злых духов. Нивхи западного побережья и северной части о-ва Сахалин после окончания постройки жилища на пороге его на ночь клали топор, чтобы ночью злой дух не проник в жилище. В день окончания постройки во время заката солнца хозяин, зайдя в дом, наблюдал, нет ли в жилище сияния, и прислушивался, не раздастся ли в нем треск. Если в это время раздавался треск или скрип, то это считалось плохим признаком и свидетельствовало о том, что в дом пробрался злой дух.

В новом доме поселялись сразу после окончания строительства, боясь, чтобы злые духи не опередили хозяев. После заселения хозяева вновь построенного дома устраивали специальное угощение, которое называлось *тив-ардь* «дом кормить». Для этого на каждом из углов дома убивали по одной собаке. Иногда ограничивались тем, что убивали двух собак на двух передних углах. Это, по-видимому, зависело от материального состояния семьи. Кровью удушенных собак смазывали все углы. Собачьим мясом угощали гостей. Кроме того, готовили и другие лакомые нивхские блюда: студень — *мос*, кашу — *рақ* (ее смешивали с нерповым жиром), особую ягодную смесь — *холодь*, ягоды — *алс*. Для угощения запрещалось готовить только жареные блюда.

Хозяин дома брал из каждого блюда кусочки и смазывал ими отдельные части нового жилища: князевую балку и поддерживающие ее столбы, место соприкосновения князевой балки с опорами столбами, маленькое отверстие на передней фронтовой стене; затем бросал кусочки пищи в огонь. При этом хозяин обращался к каждой части жилища со словами: *Урла дыф муйа. Ньюолагу кинң ыгур хумгуйа. Та сидьха*

гин колафта-хумгуйа («Будь хорошим домом. Сделай, чтобы мои дети счастливо жили. Сделай, чтобы они не болели»). После этого почетные гости — пожилые мужчины и старики усаживались за стол, приступали к еде и пили водку. Каждый из гостей считал своим долгом повторить молитвенные слова хозяина дома. Нивхи считали, что в этих частях жилища живут особые духи-хозяева. Поэтому эти части «кормят» всегда, когда приготавливают вкусную пищу.

Самым почетным местом в доме у нивхов считалась задняя на-ра — *п'онах*. Здесь принимали самых почетных гостей и здесь же совершалось жертвоприношение. В старых домах над дверью с наружной стороны подвешивали черепа собак, обвязанные старой сеткой. В срубных бревенчатых домах русского типа собачьи черепа подвешивали на чердаке, у переднего фронтона. Собачьи черепа подвешивали и над входом в летние жилища, так как считали, что они охраняют дом от проникновения в него злых духов.

После вселения в новый дом рядом с ним в землю втыкали две длинные палки: одну у передней, другую у задней поперечной стены — *чхуу зигр*. Между ними протягивали веревку, на которую вывешивались изображения солнца — *к'ең*, луны — *лоң* и стружки — *гах*. Иногда видимо, подвешивали и изображения топора и ножа. Это называлось *тыв зигдь* или *тыв-зякодъ* «дом укреплять». Подобное культовое сооружение, по словам нивхов, предохраняло дом и его обитателей от возможных несчастий.

Многочисленные запреты были связаны с жизнью в доме, их нивхи соблюдали очень строго. Каждый род имел свое родовое огниво. С огнем в доме было связано много запретов, которых нивхи строго придерживались. Первым в новом доме разжигал очаг и зажигал свечу самый старший в семье, и только родовым огнивом. Очаги и лампу в доме могли зажигать и тушить только члены семьи одного рода. Очаг очищали только утром. Очищать очаг и выносить золу вечером означало накликасть болезнь и смерть на кого-нибудь из домашних.

Во время медвежьего праздника очищали очаг от золы, углей, меняли в нем землю и разжигали огонь огнивом, принадлежащим данному роду. Прежде чем разжечь огонь, устраивали небольшое угощение хозяйке или хозяйину очага. Если в доме имелись два очага, то медвежье мясо варили только на *палэк'ур* — очаге, обращенном в сторону леса. Вечером или ночью, когда кто-нибудь из семьи выходил из жилища, нельзя было гасить лампу, так как вышедший, по представлениям нивхов, мог умереть. Если огонь или лампу гасил человек из чужого рода, то это считалось большой обидой. Виновник должен был уплатить штраф *нить лытть* «отдать собак, корыто» и т. д.

Когда член рода или семьи, живший в данном доме, переселялся в другое место, старший в роде обламывал половину огнива и передавал старшему из покидавших дом. Этим огнивом они должны были зажечь огонь на новом месте. Это же огниво следовало передавать другим членам рода для той же цели. Отсюда выражение «ломать огонь» стало означать расселение рода.

По представлениям нивхов, в очаге жил «хозяин» или «хозяйка огня» — такой же человек, как и сам нивх. Они обладали большой силой — давали тепло, варили мясо, рыбу, кипятили воду, охраняли нивхов от несчастий. «Хозяина огня» нивхи считали также посредником между человеком и природой, способным помогать нивху во время охоты. Пока охотник спит, «хозяин огня» охотится за него. Если «хозяин огня» не убил для него ничего, то и охотник ничего не добудет. Поэтому, когда охотник приносил жертву огню перед охотой, он считал, что

подкрепил силы «хозяина огня» и обеспечил себе счастливую охоту. При любых обстоятельствах и в любом месте нивхи во время еды «угощали» огонь — бросали в него то, что сами ели. Прибыв на место охоты, охотник в первый же день обязательно перед едой бросал в огонь одну порцию для «хозяина огня». В конце статьи приводится текст, где показано отношение нивхов к огню (см. текст 2). Считая, что в огне живет его хозяин — человек, нивхи не трогали огонь (в настоящее время и печку) ножом, не плевали в огонь. Если кто-нибудь случайно ронял в огонь нож или задевал концом его печь, то на это место сыпали табак. У плюнувшего в огонь, по представлениям нивхов, могли появиться фурункулы на языке и на лице, а у женщин будет болеть грудь.

Когда мужчины находились на охоте, оставшиеся дома придерживались строгих правил, которые передавались из поколения в поколение. Соблюдение этих обычаев, по мнению нивхов, имело целью предохранить охотника от трагической смерти, способствовать удачной охоте. Нарушение их считалось большим преступлением. Например, женщинам было строго запрещено вышивать узоры, ибо считали, что, как замысловато кружится под рукой женщины вышивка орнамента, так и охотник может заблудиться в тайге или бесконечно кружиться по одной и той же дороге. Нельзя было в это время приглашать в дом шамана с бубном, так как звуки бубна дают отзвуки в самострелах, поставленных охотником, и зверь, услышав их, может убежать. Песни также отпугивают зверей. Нельзя мешать тесто — оно на расстоянии может залепить глаза. Нельзя выносить из дома через дверь вещи сестры охотника и везти их на лодке, а также нельзя выносить из дома вещь и отдавать ее кому-нибудь, даже члену своего рода, если она пролежала в доме ночь. Нельзя выносить огонь из дома и нельзя выпускать гостей на ночь. Женщины в своем доме не причесывались и ухаживали расчесывать волосы в дом, из которого никто не ушел на охоту, иначе загрязнится пол и на пути охотника может встретиться непроходимое болото.

Если мужчины уходили охотиться на морских зверей, оставшиеся дома также соблюдали ряд запретов. Женщины никоим образом не должны были стирать в доме хозяина лодки. Ничего нельзя было передавать друг другу через огонь, ибо в таком случае тюлень, по мнению охотников, подойдя к неводу, мог переплывать через него. Гость в доме не должен был прикасаться к ручке котла или чайника, а если все же это нечаянно происходило, он должен был оторвать от края рукава лоскуток материи и положить его на очаг⁵.

Нивхи очень боялись нечистоты женщин, как признака опасности. Женщины считались особенно опасными в периоды беременности, родов и менструаций. Менструальная кровь была до такой степени нечистой, что ее «боялись» даже медведи; прикосновение женщины к медведям считалось самым неприятным актом, от которого могли возникнуть неприятности и несчастья. Женщинам, как нечистым, запрещалось рожать дома. И поэтому в любое время года, в любой час дня или ночи роженица должна была покидать дом и рожать в шалаше, специально сооруженном для этого, куда никто не мог входить, за исключением бабки. Общение с роженицей разрешалось только после особых очистительных обрядов, которые заключались в следующем. После рождения ребенка сразу приносили домой. Роженица оставалась в шалаше после родов четыре дня, если рождалась дочь, и три дня, если рождался сын. По истечении этого срока она переезжала

⁵ Е. А. Крейнович, Морской промысел гиляков дер. Куль, — СЭ, 1934, № 4.

в чистую одежду, причесывала волосы. Считая, что нечистота женщины может передаваться через одежду, в которой она рожала, одежду заворачивали и хранили в амбаре до следующих родов. В доме женщина после родов находилась на полу у очага, где специально для этого была настелена солома. Здесь она жила в течение трех дней, если родила сына, и четырех дней, если родила дочку. В последний день установленного срока роженица вставала рано утром, переодевалась и уносила в амбар постель и одежду. После этого умывалась, причесывалась и уже могла лежать на нарах. После родов, когда роженица заходила в дом или выходила из дому, от нее оберегали огонь, закрывали его или тушили. Это делалось в течение трех дней. Нивхи считали, что если не оберегать огонь от роженицы, то не будет ловиться рыба. В продолжение пяти дней после родов в доме не разрешалось останавливаться гостям и людям из другого рода. Менструирующая женщина не должна была прикасаться к огню очага, готовить пищу для жителей дома. Обряд очищения женщины у нивхов назывался *psarnd*⁶ — самолечение.

С момента рождения ребенка и до того времени, пока он не станет взрослым, основной заботой родителей являлось ограждение ребенка от злых духов, которые могут проникнуть в дом. Если дети умирали сразу после рождения и это повторялось несколько раз, родители совершали своеобразный обряд. На Амурском лимане нам его описали так. Новорожденного вносят в дом и кладут у порога. Бабушка подметает пол и весь подметенный сор высыпает на ребенка. После этого его поднимают, отряхивают сор и несут к нарам. Иногда новорожденного кладут на лопату и волочат до нар. Считают, что этим выгоняют злого духа, который мог войти в дом вместе с ребенком.

На Сахалине, когда в какой-либо семье умирали новорожденные, чтобы предохранить ребенка от смерти, его вносили в дом не через дверь, а сквозь прорытое под нижним бревном задней стены дома отверстие. Отец ребенка просовывал из дома через это отверстие лопату для отгребания снега, а мать выходила из шалаша, подносила новорожденного к отверстию и клала на лопату. Отец протаскивал сына в дом и нес его на лопате до двери. В это время в дом входила специально приглашенная девушка и переступала через лежащего на пороге ребенка. Е. А. Крейнович считает, что протаскивать ребенка сквозь отверстие значит запутывать дорогу злому духу⁷.

Строгих обрядов придерживались нивхи при смерти человека в доме. Покойника сразу после смерти клали головой в сторону заката солнца. Считали, что там, где заходит солнце, находится мир покойников — *млыво* и что покойник должен отправиться туда.

Покойника-мужчину оставляли в доме на три дня, женщину — на четыре. После выноса покойника из дома у порога и в пол на место, где он лежал, сразу вбивали кусок чугуна. Нивхи говорили, что, когда в пол вбивают чугун, по всему дому раздастся стук, и злой дух — *кинс*, который умертвил человека, думает, что его прибудут вместе с куском чугуна и бежит за мертвым. У порога вбивали чугун, чтобы злой дух снова не зашел в дом. После выноса покойника дом под карнизом крыши обвязывали веревкой. Делали это для того, чтобы злые духи не увидели, что в доме умер человек. Если же этого не сделать, то злые духи соберутся в доме, чтобы умертвить и других членов семьи. Вережка служила как бы забором, который огораживал дом

⁶ Е. А. Крейнович, Рождение и смерть человека по воззрениям гилияков, — СЭ, 1930, № 1—2, стр. 94.

⁷ Там же, стр. 94.

от злых духов. Вережку не снимали, с течением времени она истлевала и падала.

Вбивание куска чугуна в пол и в порог и натягивание веревки вокруг дома называется по-нивхски *тыв-зякаодь*, что в буквальном переводе значит «дом укреплять». Это делали для того, чтобы предохранить от смерти остальных членов семьи.

При покойнике в доме амурские нивхи не разрешают громко разговаривать, шутить и смеяться. Считается, что этим можно обидеть покойника. Автор статьи много раз присутствовал на похоронах и наблюдал это. На Сахалине же, пока покойник в доме, окружающие его веселятся, шутят, смеются; считается, что молчание в доме покойника — грех. Это заметил и Л. Я. Штернберг⁸.

Ночью, когда в доме кто-нибудь умер, зажигают две свечи или лампы: одну ставят у изголовья, другая находится на обычном месте. Утром первой тушат лампу у изголовья покойника. Кроме того, эту лампу необходимо отнести на кладбище. Одна женщина рассказала следующий случай. Летом 1954 г. в сел. Вайда умер ее брат. Родственники умершего вместо двух ламп зажгли одну и не отнесли лампу на кладбище вместе с другими вещами покойного. После этого жене умершего показалось, что ночью приходил муж и стоял у окна. После долгого раздумья отнесли лампу на его могилу. С тех пор муж не стал приходить. Из этого рассказа становится понятным смысл обычая нивхов не оставлять в доме вещи покойника и уносить их на кладбище вместе с умершим.

Во время медвежьего праздника нивхи придерживались культовых обрядов, связанных с жилищем. Медведь, как считают нивхи, не выносит вида менструальной крови, даже может умереть от нее. Поэтому женщины во время медвежьего праздника касались только определенных предметов и ходили по определенному месту в доме. Женщинам и девушкам не разрешалось ходить между задней нарой и столбом, к которому был привязан медведь. Они не могли притрагиваться к столбам, к которым были привязаны медведи.

Во время медвежьего праздника в нивхское зимнее жилище — *торыф* медвежью голову и шкуру вносили через верхнее дымовое отверстие, в наземные жилища — *чандрыф* — через окно на задней поперечной стене. Л. Я. Штернберг считает, что этот обряд является пережитком прошлого, когда нивхи входили в дом через дымовое отверстие. Сами нивхи как на Амуре, так и на Сахалине говорят, что медвежью голову и шкуру не вносили через дверь, так как через порог ходят менструирующие женщины. При выносе головы и шкуры через окно на подоконнике появлялся слой грязи от крови. Эту грязь не смывали никогда. Человек, сделавший это, должен был умереть.

Любопытный обряд совершался в доме во время свадьбы. Перед отъездом из дома дочери ее родители ставили большой чугунный котел — *ла-вынь* на улице у порога. Родители мужа ставили такой же котел у порога в комнате. Молодожены, переступая порог, ступали обеими ногами внутрь котла и только после этого уезжали. Родители мужа забирали и увозили домой котел, который лежал на улице, а свой оставляли родителям жены. И в этом случае родители невесты, если желали, чтобы у дочери родился сын, в свой котел клали вилку, а если дочь, — ложку. Акт обмена котлами между семьями двух родов, видимо, имел хозяйственное значение — свидетельствовал о хозяйственной связи двух семей. Обмен котлами мы имели возможность

⁸ Л. Я. Штернберг, Гиляки, орочи, гольды..., стр. 80.

наблюдать в 1946 г. в сел. Кальма (Амур). Обряд обмена котлами, как рассказывали нивхи, совершался и после медвежьего праздника. В это время представители рода — зятья оставляли котел с топором возле порога внутри жилища, а хозяева ставили котел с топором возле порога на улице. Затем происходил обмен котлами. Можно предполагать, что семьи двух родов этим актом также подтверждали и укрепляли хозяйственные связи.

Кроме вышеуказанных обрядов и культовых запретов, связанных с жилищем, местом его выбора и жизнью в нем, у нивхов были амулеты, тоже в какой-то мере связанные с жилищем.

У нивхов на нарах хранились различные деревянные идолы. Среди них особо выделялся своей величиной *тывыз*, что в буквальном переводе означает «хозяин дома» (*тив* «дом», *ыз* «хозяин»). Он представляет собой фигуру человека по пояс или в рост, вырезанную из куска дерева цилиндрической формы. Черты лица, прическа обозначены схематично. Фигура завернута в кусок белой материи и обмотана стружками. Хранились эти изображения на специальной полке и на задней наре. Нивхи считали, что эта фигура обладает реальностью живого, наделенного определенной силой человека, который способен противодействовать злым духам. По словам стариков-нивхов, *тывыз* охранял дом и его обитателей от злых духов. Хозяева дома во время еды всегда «кормили» (мазали губу пищей) этого идола. А когда был удачный промысел, ему устраивали настоящее угощение.

Тывыз делали только по совету шамана или по решению самого старшего и уважаемого в семье (роде) человека — *пила нивх* «большой человек» (см. текст 3).

Тывыз являлся родовым покровителем дома и передавался он в роду только по мужской линии. Обращались к родовому покровителю в большинстве случаев при смерти новорожденных и болезнях детей. Но так как у нивхов была большая детская смертность, то почти каждая семья обращалась к нему за покровительством. Поэтому исследователи, посещавшие нивхов, видели в каждом доме эти деревянные фигуры.

Наличие *тывыз* у нивхов было замечено Л. Шренком. «Когда я заставил показать себе идолов в юрте, — пишет Л. Шренк, — то увидел, что на балках над задними нарами стояли три большие человеческие фигуры из дерева со старым, потемневшим от копоти цахом (стружкой. — Ч. Т.) вокруг шеи, как это в обычае у Ольчей»⁹.

О *тывыз* есть сообщение Л. Я. Штернберга, который также наблюдал его у нивхов¹⁰.

В настоящее время *тывыз* хранят только некоторые старики-нивхи на чердаке. В конце статьи приводится текст, рассказывающий о деревянной фигуре *тывыз* (см. текст 3).

Кроме *тывыз* у нивхов имелись разные деревянные идолы — *кең*. Их изготовляли при болезнях детей. Считали, что каждый идол обладал силой «излечивать» определенную болезнь. Ниже приводится описание нескольких идолов, которых автор привез в Музей антропологии и этнографии АН СССР как дар нивхов.

1. *Атқан*. Представляет собой деревянную фигурку тигра, вырезанную из одного куска дерева. Изображение стилизованное. Туловище удлинненное, голова без шеи, с тупой мордой, на которой попереч-

⁹ Л. Шренк, Об инородцах Амурского края, т. III, СПб., 1903, стр. 112.

¹⁰ Л. Я. Штернберг, Материалы по изучению гилацкого языка и фольклора, СПб., 1908, стр. 127.

ным углублением обозначен рот. Ноги переданы прямоугольными, небольшими выступами, хвост прямой, заостренный на конце. Фигурка разрисована полосами, изображающими шкуру. Такие идолы вырезались по совету шамана для лечения детей. По представлениям нивхов, *атқан* вбирал в себя болезнь ребенка. Фигурку держали в доме, пока ребенок не вырастал, после чего его хранили в амбаре. Выбрасывать фигурку не разрешалось.

2. *Шайка*. Представляет собой две как бы сросшиеся человеческие фигурки, вырезанные из одного куска дерева. Туловища плоские, головы заострены кверху, ноги обозначены двумя прямоугольными выступами, рук нет. На лице намечены глаза и рот. Делали *шайка* при болезни детей от испуга. *Шайка* клали под подушку и держали там до выздоровления ребенка.

3. *Умгу* и *утку*. Представляют собой две деревянные антропоморфные фигурки, каждая из которых вырезана из одного куска дерева. Изображение стилизованное:

а) мужская фигура имеет большую, заостренную кверху голову, на плоском лице обозначены глаза, нос, рот; туловище короткие, цилиндрической формы, обшитое лоскутком ткани; руки и ноги отсутствуют;

б) женская фигурка с круглой головой, на лице отмечены брови, глаза, нос, рот. Сзади зарубками изображена коса. Туловище цилиндрической формы; вырезаны согнутые в локтевых суставах руки. На туловище намечен пояс в виде поперечного выпуклого ободка. Эти фигурки делали, если ребенок долго плакал. Считали, что если девочка плачет, она хочет выйти замуж, а если мальчик, — то жениться. Поэтому для девочки вырезалась мужская фигурка, а для мальчика — женская. Хранились эти фигурки в доме до женитьбы или замужества детей.

4. *Пый хапа*. Представляет собой изображение крылатого тигра с сидящим на нем человеком. Фигура тигра изображена зооморфно, намечена голова с тупой мордой, туловище на коротких ногах, которое заканчивается двумя хвостами. В туловище делалось сквозное углубление для крыльев. На спине вырезано другое углубление, в которое вставлено антропоморфное изображение человека. Делали *пый хапа*, когда болели дети, иногда даже и взрослые. Тело больного обтирали стружками, что означало по-нивхски *псутать* «мыться». Стружки клали на изображение тигра, и фигурку рано утром (в 5—6 часов) уносили в сторону восхода солнца и оставляли в лесу. Нивхи предполагали, что *пый хапа* уносит большую грязь с собой. Крылья в фигуре делали для того, чтобы тигр улетел, а человеческую фигуру на нем — для того, чтобы она уносила на себе болезнь.

Таким образом, можно сделать вывод, что многочисленные религиозные обряды и запреты, по представлениям нивхов, служили главным образом предохранению их, особенно детей, от смерти и всяких болезней и удаче при рыбной ловле и охоте.

РАССКАЗЫ НИВХОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ИХ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Текст 1. Два молодых нивха из одного селения пошли далеко на охоту. На месте, где они собирались охотиться, остановились у толстой лиственницы, которую могли обхватить только четыре человека. Решили расположиться здесь на ночлег. Разожгли огонь, сварили пищу, поели и легли спать. Один из охотников был холостой, а второй — женатый,

и жена его ждала ребенка. Ночью холостой слышал разговор внутри дерева, но не придавал этому значения, а утром даже и не рассказал своему товарищу. Позавтракав, каждый по отдельности ушел на охоту. Холостой вернулся к середине дня, не добыв ничего. Женатый вернулся поздно с богатой добычей. После ужина прилегли отдохнуть. В это время слышали разговор, который доносился из дерева: «Ой, ноги болят, устал. Где ты был? Везде ходил — по Амуру и по морю. Много людей родилось? Родился только один ребенок, сын охотника, который находится рядом с нами. Я сделал так, чтобы и этот ребенок подавился мясом, и поэтому устроил так, чтобы его отец добыл много мяса».

Охотники решили узнать, кто же разговаривает, стали искать в дупле, залезли даже на вершину дерева, но не нашли никого. Вернулись домой и о слышанном рассказали старшим. Старики им объяснили, что хозяин неба очень могуществен. Он отмечает всех новорожденных и назначает сроки их смерти. По наступлении этого времени люди умирают. Если же «хозяин неба» кем-нибудь недоволен, тот умирает раньше срока. Чтобы умиловить этого хозяина, нивхи делают ему угощение. Они посоветовали нивху устроить угощение, чтобы его ребенок остался жив.

Текст 2. Давно из одного селения отправились два нивха на охоту. Один был добрый, а другой — злой. На месте промысла каждый сделал для себя шалаш и около него разжег костер. Сиделись есть вместе, потом расходились по своим шалашам. Добрый всегда перед едой бросал в огонь немного пищи — *п'и индь ниһрыхку*. Охота у него была удачной, и он добыл лося, оленя, соболя и т. д. Злой же не признавал ничего и не бросал еду в огонь. Он не добыл ничего. Однажды вечером оба охотника сели поест. Добрый достал еду, бросил кусок пищи в огонь и только после этого стал сам есть. Злой охотник спросил у доброго: «Зачем ты бросаешь еду в огонь? Я вижу, что ты это делаешь каждый раз перед едой». Добрый ответил: «Что поделаешь! Когда огонь кормим, он идет вперед меня и задерживает зверя до моего прихода, и я убиваю его. Когда огонь голодный, он не может удержать зверя».

Злой ответил: «Ты врешь. Огонь ест дерево». Добрый охотник в свою очередь спросил у него, кормил ли он огонь перед едой. Злой ответил ему: «Зачем я буду бросать в огонь еду, когда он сам ест дерево. Я кормлю его деревом и, если мало, добавляю еще». Добрый ответил: «Если не веришь, то не корми».

Злой сказал: «Завтра я пойду домой, у меня кончилась еда». Добрый же решил остаться еще на неделю. На следующее утро добрый охотник ушел на промысел. Злой собрал вещи, уложил их на нарту и разжег огонь. Он достал остатки пищи, разделил их на два пая, положил рядом с собой топор. Один пай ел сам, а другой со словами «на, кушай» бросил в огонь. Сам же взял топор и изо всех сил ударил по огню. После этого собрался и уехал домой.

Вечером с охоты к шалашу вернулся добрый человек и услышал стон. Он подошел к шалашу уехавшего охотника и увидел на месте очага голого человека, у которого были одни кости. Из расколотого черепа текла кровь. Истощенный человек позвал охотника: «Заходи. Заходи». Потом добавил: *ыныя ни муныдьра, ньһ'онця* (*ньморкуя*) («Беда, я умру, оживи меня. Мой хозяин разрубил меня топором и уехал домой. Он никогда не кормил меня и заставлял охотиться»). После этого он попросил охотника: «Выйди, достань еловую серу и положи на разрубленное место на черепе, положи еще две-три ветки и обвяжи стружками голову. Если есть что-нибудь, накорми меня».

Добрый сделал так, как просил истощенный человек, принес ему мяса, юколу и другую еду, которая имелась у него. В ответ человек сказал охотнику: «Когда встанешь утром, уложи свои вещи в нарту и садись сам верхом. Я отдам тебе своих собак, они довезут тебя до дому. Ты шел сюда пять дней, а дома будешь завтра днем. Когда приедешь к краю деревни, собаки остановятся, и ты дай им немного поесть. Дальше вези сани по деревне сам».

Не успел охотник оглянуться, как человек исчез, а вместе с ним и его еда. Утром охотник сделал, как советовал ему человек огня, и приехал домой к предсказанному времени. Дома его встретили родные, односельчане и злой охотник. Односельчане стали расспрашивать об охоте. Он подробно рассказал о хозяине огня. На следующее утро узнали, что злой охотник и вся его семья умерли, даже не проснувшись.

Текст 3. Мною в сел. Кальма на Амуре в 1957 г. от нивха Ячко был записан следующий рассказ. У его родителей умерли подряд пять новорожденных детей, каждый из них после рождения жил не более одного-двух месяцев. По совету шамана в 1906 или 1907 г. семья из сел. Усть-Амгуни переехала в сел. Хок. Кроме того, шаман сказал родителям, что надо сделать *тывыз* — хозяина. Для этого надо поехать на Дальжинское озеро, от озера там отходит речка, по ней нужно ехать до одиноко стоящего ельника. Из елового дерева нужно сделать *тывыз*. Ехать надо летом и всей семьей. Прямо через озеро нельзя ехать, а нужно ехать вдоль левого берега. В пути нужно сделать одну остановку. Если вы счастливы, то после остановки с гор галопом спустится к вам олень. Убейте его и сразу разделайте. У ельника сварите мясо, хорошо отдохните, срубите *тывыз* и на следующий день вернитесь домой по правому берегу озера. После этого дети не будут умирать и все вырастут.

Родители рассказчика сделали так, как сказал шаман. Дома сделанную фигурку поставили на полку, висевшую над задними нарами. После этого у них родилось еще пять детей. Никто из них не умер, и все жили долго. Одним из оставшихся в живых является и Ячко. После смерти родителей *тывыз* хранился у старшего сына. После смерти последнего он хранится у Ячко. *Тывыз* хранят только у мужчин — членов рода, и он не хранится у сестер.

* * *

Из материалов статьи мы видим, что некоторые элементы раннего общественного строя и верований нивхов сохранились и в наши дни. Но они носят лишь пережиточный характер. К тому же эти явления в историческом процессе подверглись ряду изменений.

По нашему мнению, особый интерес представляют данные, показывающие процесс разложения первобытнородового строя нивхов. Мы надеемся, что материалы, приводимые в статье, заинтересуют ученых, занимающихся исследованием проблем первобытнородового строя.

Е. И. Лубо-Лесниченко

БРОНЗОВЫЕ ЗЕРКАЛА МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ В ПРЕДМОНГОЛЬСКОЕ И МОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ (II—XVI ВВ.)

Минусинская котловина, расположенная в верховьях Енисея, является одним из важнейших культурных центров Евразии. В связи с ее изучением возник ряд важнейших культурно-исторических проблем. Достаточно вспомнить о вопросах взаимосвязи Минусинского очага культуры бронзы и Шанского государства, о динлинской проблеме, орхоно-енисейской письменности, роли кыргызского государства в политической и культурной жизни Центральной Азии.

В изучении Минусинской котловины недостаточность письменных источников — китайских, мусульманских и местных — компенсируется громадным количеством археологического материала. Но этот материал, разбросанный по многим музеям СССР и Запада, лишь частично документирован, так как множество вещей из Минусинской котловины представляет собой случайные находки. В связи с этим систематизация и осмысление различных групп памятников имеет, несомненно, важное значение.

Среди случайных находок на территории Минусинской котловины очень часто встречаются бронзовые зеркала. По этим зеркалам, так же как по монетам и некоторым другим памятникам, можно судить о внешних связях местного населения за две тысячи лет — с IV в. до н. э. по XVI в. н. э.¹

При изучении и осмыслении этого громадного собрания приходится сталкиваться с рядом трудностей. Главная состоит в том, что до настоящего времени отсутствует четкая классификация и датировка зеркал, в основном поздних. Как упоминалось выше, почти все зеркала Минусинской котловины найдены в результате случайных сборов, что значительно усложняет вопросы их датировки. Многочисленные поздние копии ранних зеркал также затрудняют классификацию. Большую трудность представляет отделение поздних копий от местных отливок.

При классификации этого значительного материала наряду со стилистическим анализом были использованы данные спектрального ана-

¹ Рассматриваемые зеркала хранятся в музеях Минусинска, Томска, Иркутска, Красноярска, а также в Эрмитаже (Ленинград), Государственном историческом музее (Москва), в музеях Хельсинки и Стокгольма. Кроме того, для настоящей работы привлечены хранящиеся в Архиве АН СССР рисунки художников первой половины XVIII в. с зеркал из коллекции Д. Г. Мессершмидта, к настоящему времени не сохранившихся.

лиза, проделанного И. В. Богдановой-Березовской в лаборатории археологической технологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

Рассматриваемые в настоящей статье зеркала относятся лишь к последним этапам их бытования на территории Минусинской котловины. Эти зеркала хронологически можно разделить на две основные группы. Зеркала первой из них относятся к отрезку времени от начала установления киданьского владычества в Монголии до вхождения кыргызов — хакасов в состав Монгольской империи (920 г. — нач. XIII в.). Ко второй группе принадлежат зеркала времени монгольского владычества и последующего за ним периода (нач. XIII — XVI в.).

Для предмонгольского периода характерно появление в IX—X вв. зеркал с ручкой. Было ли это нововведение обусловлено каким-либо внешним влиянием, в настоящее время сказать очень трудно. Можно лишь отметить, что распространенные среди кочевого мира Евразии зеркала с ручкой, связанные с античным миром, в первые века нашей эры перестают изготавливаться² и в последующее время повсеместно господствуют круглые зеркала с шишкой-петлей на обороте. Связывать ранние зеркала с ручкой с зеркалами предмонгольского времени мы не можем, так как между ними существует разрыв более чем в пятьсот лет. Вполне вероятно, что появление зеркал с ручкой стало возможным вследствие деградации древних верований. Зеркала перестают отражать старые космогонические представления и становятся простыми декоративными предметами, украшенными благопожелательными символами. На ранних зеркалах с ручкой иногда сохраняется пережиток — центральная шишка-кнопка, или являющаяся центром восьмилепестковой цветочной розетки, или неоправданно помещенная среди пейзажа.

Характерный признак зеркал этого времени — выцарапанные надписи по краю. Широкое распространение выцарапанных надписей на зеркалах X—XIII вв. было связано с тем, что из-за нехватки бронзы изготовление зеркал ограничивалось, и надпись на бортике зеркала служила как бы клеймом, дающим разрешение на продажу³.

Тенденция покрывать зеркала растительным орнаментом продолжается и в предмонгольское время. Но более ранние толстые зеркала с орнаментом, выполненные, как правило, в высоком рельефе, в X—XIII вв. сменяются тонкими зеркалами с узким бортиком. Орнамент их становится более мелким и дробным и выполнен обычно тонкой линией в невысоком ровном рельефе. Великолепным образцом может служить зеркало, в центре которого вокруг шишки помещен лотосовый цветок, а по краю — повторяющиеся стилизованные изображения цветов (рис. 1).

Значительная группа зеркал украшена традиционными зооморфными мотивами, прежде всего фениксами и драконами. Среди благопожелательных символов на зеркалах широкое распространение в это время получили изображения двух рыб — символ многочисленного потомства (рис. 2). К символам пожелания многочисленного мужского потомства относится и изображение на зеркалах мальчиков среди цветов.

К нововведениям, неизвестным ранее, относится изображение монеты в центре зеркала — прием, получивший распространение в сунскую и цзиньскую эпохи (X—XIII вв.). В это время усиливается тенден-

² А. М. Хазанов, Генезис сарматских бронзовых зеркал, — «Советская археология», 1963, № 4, стр. 67—69.

³ Лян Шан-чунь, Яньку цзан цзинь, т. I, Пекин, 1940, стр. 7.

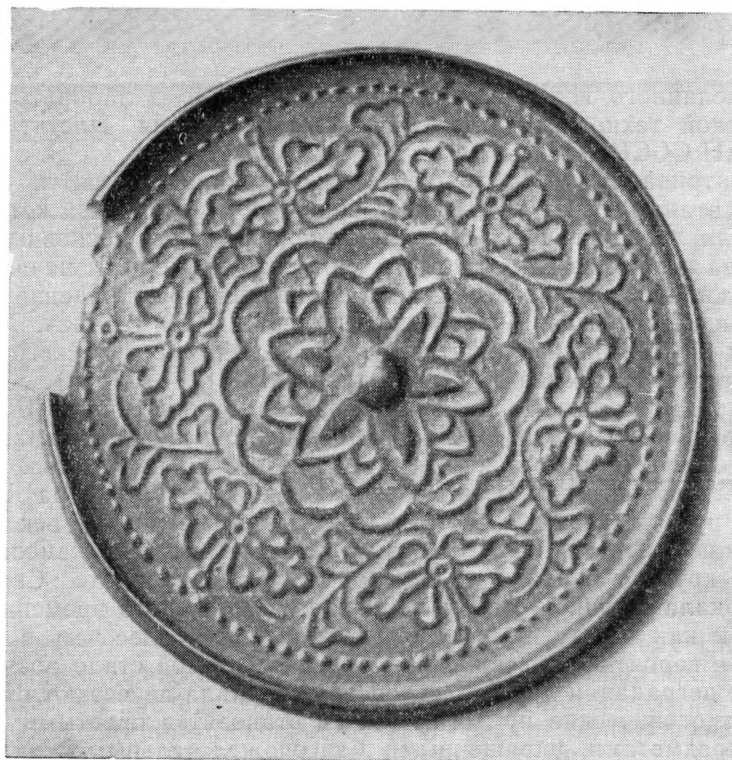


Рис. 1. Зеркало с цветочным орнаментом, X—XI вв., диаметр 12 см. Место находки: Минусинская котловина (Минусинский музей)



Рис. 2. Зеркало с изображением двух рыб, X—XII вв., диаметр 10,5 см. Место находки: Минусинская котловина (Томский университетский музей)



Рис. 3. Зеркало с изображением божества Большой Медведицы, XII в., диаметр 20 см. Место находки: Верхний Кужебар (Минусинский музей)

ция украшать зеркала религиозными и мифологическими, а иногда просто благопожелательными мотивами. К таким зеркалам относится киданьское зеркало с изображением божества Медведицы, обитающего на Полярной звезде. Около него слуга, а также журавль и черепаха — символы долголетия (рис. 3). Следует упомянуть зеркала с изображением мужчины с музыкальным инструментом и детей под персиковым деревом и с изображением женщины, играющей с ребенком и собачкой.

Особняком стоит чжурчжэньское зеркало с надписью по краю и фрагментом из четырех бегущих животных и виноградных лоз. Это единственное известное нам зеркало из Минусинской котловины, имеющее точную дату изготовления — 1198 г.

Несколько экземпляров зеркал имеют характерные признаки южно-сунских зеркал. Они безорнаментальные, тонкие, с бортиком по краю. Единственное украшение зеркала составляет надпись, помещенная в рамку. Большой интерес представляет находка в Минусинской котловине корейских и японских зеркал. К корейским зеркалам принадлежит зеркало с изображением пейзажа и с изображением рыб и крабов. Великолепным образцом японских зеркал XII в. является зеркало, на котором изображен пейзаж с причудливыми камнями, журавлями и гусями (рис. 4).



Рис. 4. Зеркало с изображением птиц и растений, XII в., диаметр 19 см.
Место находки: Большой Хабык (Минусинский музей)

Среди общего числа примерно 70 зеркал предмонгольского времени из Минусинской котловины, известных нам, около половины относится к лясковому времени (серед. X — нач. XII в.). Этот факт отражает тесные культурные и экономические связи между кыргызскими княжествами и киданьской державой.

После разгрома кыргызов в 920 г. кидани продвигаются далеко в глубь Монголии, укрепляя свою северо-западную границу постройкой ряда крепостей. Непосредственно гранича с киданями, кыргызы неоднократно обменивались с ними посольствами⁴, и кыргызская знать ездила туда получать образование⁵. Эти связи не прекращались и после

⁴ K. W. Wifffogel, Fêng Chia-sheng, History of Chinese Society Liao (907—1125), Philadelphia, 1949, стр. 103—104, 320.

⁵ Н. В. Кюнер, Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII—VIII вв. н. э., — «Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», Абакан, 1951, вып. II, стр. 12.

крушения ляоской империи и образования кара-киданьского государства⁶.

К киданьскому времени относится и проникновение в Минусинскую котловину японских и корейских зеркал. Это любопытное явление связано с интенсивными торговыми и политическими связями ляоской империи с этими двумя странами⁷. В результате этих связей японские и корейские изделия могли беспрепятственно попадать в самые отдаленные уголки киданьской империи. Кроме того, по данным киданьской династийной истории «Ляо ши», известно, что после основания главной северо-западной крепости Кодунь на р. Керулен с гарнизоном в 20 тыс. человек туда было сослано большое количество бохайцев и чжурчжэней из пограничных с Кореей областей⁸. Их переселение также способствовало появлению корейских и японских изделий на границе с кыргызскими княжествами, откуда эти изделия, и прежде всего зеркала, могли легко попасть в Минусинскую котловину.

Большое число зеркал, относящихся к цзиньскому времени, свидетельствует о том, что чжурчжэни во внешних связях кыргызов занимают место киданей. Вместе с тем следует сказать, что владения чжурчжэней не простирались так далеко на запад, как у киданей, и у нас мало сведений о каких-либо связях между кыргызами и Цзинь.

Сунская империя была отделена от кыргызов сначала Ляоским государством, а потом Цзиньским. Тем не менее сунские зеркала продолжали поступать в Минусинскую котловину. В этом случае кидане и чжурчжэни выступали в качестве посредников.

Если в предыдущий период — период кыргызского великодержавия — привозные и местные зеркала четко различались между собой как по качеству металла, так и по характеру орнамента, то в рассматриваемое время различие между привозными зеркалами и местными отливками с них проводится менее четко. Этот факт следует, вероятно, связывать с появлением на территории Северного Китая некитайских государств Ляо, Си ся, а впоследствии Цзинь со своими центрами производства зеркал. Кроме того, по сравнению с предшествующими периодами повсеместно происходит ухудшение качества металла и начинается деградация орнамента.

Следующая группа включает в себя зеркала периода монгольского владычества в Минусинской котловине и последующего за ним времени (нач. XIII—XVI в.). Большое количество зеркал, относящихся к этой группе (нам известно более 80 экземпляров, не считая ханьских копий), показывает, что зеркала продолжают широко бытовать среди местного населения. Вместе с тем продолжается начавшийся в предыдущий период процесс угасания древнего искусства изготовления зеркал.

В связи с недостаточной изученностью поздних зеркал очень трудно провести четкое различие между юаньскими и цзиньскими зеркалами. Кроме того, следует отметить, что в XIII в. при монголах продолжали бытовать зеркала цзиньских и сунских типов.

Зеркала, входящие в рассматриваемую группу, можно условно разделить на пять категорий: с цветочным орнаментом, благопожелательными символами, жанровые, украшенные лишь надписями и зеркала иранского происхождения.

Зеркала с цветочным орнаментом свидетельствуют о вырождении этого типа. Большая часть их плохого качества, и, как правило, это ме-

⁶ В. В. Бартольд, *Киргизы*, Фрунзе, 1943, стр. 43—44.

⁷ K. W. Wiffhogel, Fêng Chia-sheng, *History of Chinese Society* Liao, стр. 149, 180, 318, 347.

⁸ Там же, стр. 67.

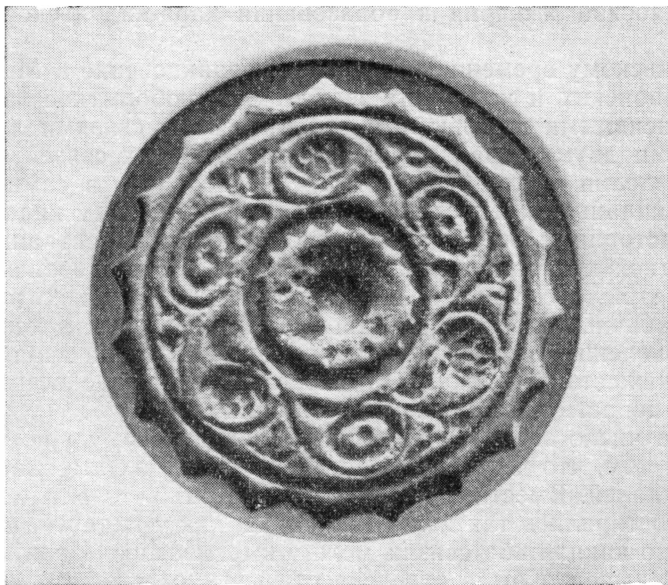


Рис. 5. Зеркало с цветочным орнаментом, XIII—XIV вв., диаметр 9,5 см. Место находки: Кайдырлы (Томский университетский музей)

стные отливки. Среди них наибольшей популярностью у местного населения пользовались зеркала со спиралевидным цветочным орнаментом (рис. 5). Необходимо также упомянуть о зеркале с изображением шести стилизованных цветков. Этот тип получил широкое распространение на территории Западной монгольской империи, о чем свидетельствуют находки аналогичных зеркал на территории Золотой Орды, хранящихся в Историческом музее (Москва).

Среди зеркал второй группы необходимо прежде всего упомянуть зеркала с изображением дракона — древним символом, известным нам по зеркалам предыдущей группы. Несомненный интерес представляет колоколообразное зеркало с ручкой. В его орнаментальном поле в рельефе изображена благовещающая летающая рыба-дракон среди волн и облаков. Особняком стоит зеркало с изображением стилизованного лотоса. В его лепестках помещены так называемые восемь благовещающих знаков: колесо закона, раковина, зонтик, флаг, лотос, кувшин, рыба и бесконечный узел. Орнамент этого зеркала выполнен в буддийском духе (рис. 6).

Среди зеркал с изображением жанровых сцен заслуживает внимания многочисленная группа зеркал с изображением мальчика с ослом и трех других персонажей на берегу реки. На заднем фоне видно дерево. Символика этой сцены нам не ясна. Вероятно, это иллюстрация к какой-то популярной легенде того времени. Качество этих зеркал различное: имеются зеркала с четким орнаментом, встречаются и плохие копии.

На другой, столь же многочисленной группе зеркал изображен стоящий персонаж, за ним — слуга с зонтом, на переднем фоне — черепаха и летящий аист. В. Турсдейл в статье, посвященной этому зеркалу, датировал его XII в. и связывал появление его в Центральной Азии

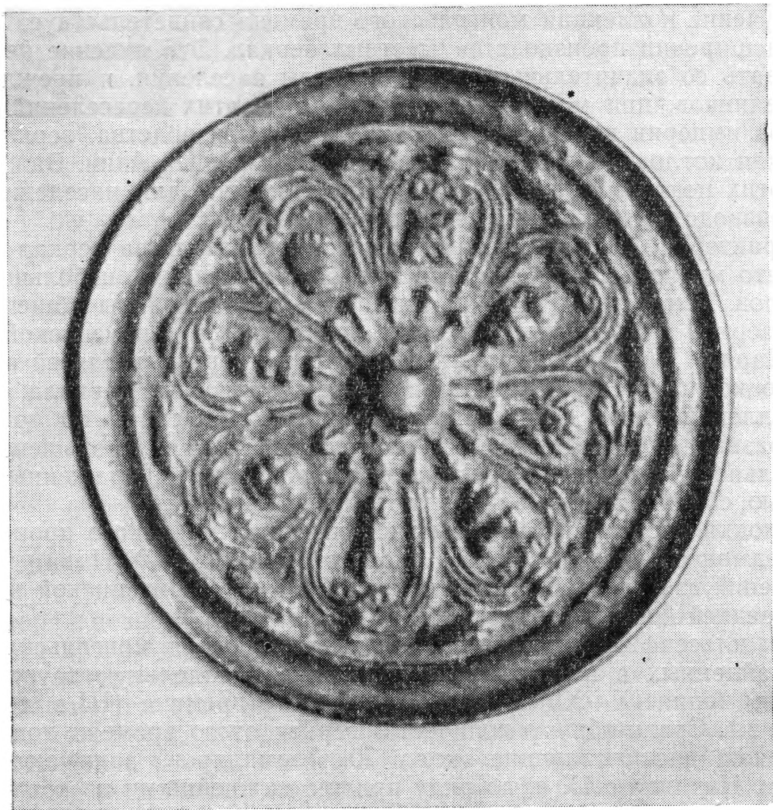


Рис. 6. Зеркало с изображением буддийских символов, диаметр 9,3 см. Место находки: Детлово (Минусинский музей)

с кара-киданьской экспансией⁹. Символика изображения на нем осталась для В. Турсдейла невыясненной. По нашему мнению, это зеркало следует датировать монгольским временем и центр его изготовления необходимо поместить в Минусинскую котловину, где было найдено очень много этих зеркал. На зеркале изображено верховное божество позднего даосизма — Звездный правитель, известный нам уже по зеркалу киданьского времени.

Наличие большого количества зеркал, украшенных лишь надписями, составляет характерную особенность этого периода. Наиболее многочисленна группа зеркал с надписью: «Долгая жизнь, богатство и знатность» — традиционной благопожелательной формулой, употреблявшейся на зеркалах начиная с первых веков н. э.

Отдельную группу составляют иранские зеркала. Два из них изображают «бораков» — священных животных мусульманского рая с человеческими лицами и благопожелательными надписями по краю. Появившись, вероятно, в XII в., эти зеркала в монгольское время в бесчисленных копиях получили широкое распространение во всем мусульманском мире¹⁰.

⁹ W. T. Torsdale, A Chinese Hanelle-bearing Mirror from Northern Afghanistan, — «Artibus Asiae», 1961, vol. XXIV, № 1.

¹⁰ См.: M. Reinaud, Description des monuments musulmans du cabinet de M. Le duc de Blacas, vol. II, Paris, 1828, стр. 394—396; В. А. Крачковская,

Изучение коллекции монгольского времени свидетельствует о большом расширении производства местных зеркал. Это явление необходимо связать со значительным перемещением населения, и прежде всего ремесленников, при монголах¹¹. В результате этих переселений в Монгольской империи возникают новые центры производства зеркал: Минусинская котловина, Золотая Орда, города Средней Азии. Важнейшим среди этих центров была Минусинская котловина, для населения которой производство зеркал было традиционным.

Характерной чертой местных центров производства зеркал является то, что многочисленные повторения ограничиваются небольшим числом типов. Так, четыре типа охватывают более половины общего количества зеркал монгольского времени, найденных в Минусинской котловине. Наряду с этим в результате обширных торговых связей в Минусинскую котловину продолжают поступать привозные зеркала, и в целом коллекция дает достаточно полное представление об основных путях развития декора зеркал в монгольское время: уменьшение роли растительного орнамента, увеличение числа зеркал, украшенных лишь надписью, сближение зеркал с амулетами.

Находки нескольких мусульманских зеркал иранского происхождения предмонгольского и монгольского времени (XI—XIII вв.) говорят об усилении старых традиционных связей между Минусинской котловиной и Средней Азией и Ираном.

При классификации зеркал предмонгольского и монгольского времени, найденных в Минусинской котловине, в отдельную группу были выделены копии IX—XV вв. зеркал ханьского времени (III в. до н. э.—III в. н. э.). Среди общего количества зеркал этого времени копии ранних зеркал, насчитывающие около 70 экземпляров, занимают около четверти. Начиная с IX в. по ряду причин, важнейшими из которых являются архаизирующие тенденции в орнаментальном искусстве, употребление древних зеркал в качестве амулетов и т. д., изготовление копий приобретает массовый характер, ярким примером чему может служить наша коллекция.

Являясь поздними копиями, эти зеркала для изучения ханьских зеркал могут употребляться лишь как дополнительный материал. При классификации зеркал этого типа бросается в глаза одно обстоятельство, отмеченное нами выше: среди них можно выделить несколько групп, пользовавшихся особо широким распространением и, вероятно, изготовлявшихся на месте. Так, зеркала трех основных групп (с изображением дракона и тигра, с четырьмя парами геральдически расположенных птиц и так называемых арочных) значительно больше, чем известных нам копий.

О бронзовых зеркалах Донского музея, — «Исследования по истории культуры народов Востока», М.—Л., 1960, стр. 356—360.

¹¹ Относительно переселения ремесленников в Минусинскую котловину см.: Описание путешествия даосского монаха Чан Чуня на Запад, — «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», СПб., 1866, стр. 339.

З. И. Горбачева

**ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОЙ ФЛОРЫ КИТАЯ
(X—XII ВВ.)**

В одном из выпусков «Известий Всесоюзного географического общества» за 1961 г. была опубликована статья Е. Н. Синской о культурной флоре древнего Двуречья¹. На основании археологических, письменных и других источников автор обобщил обширный материал относительно исторической географии культурной флоры Месопотамии. В статье частично в этом же аспекте был затронут и древний Китай.

Таким образом, история культурной флоры вызывает научный интерес, тем более что она непосредственно связана с более широкой проблемой уже социального порядка — историей развития производительных сил. Поэтому мы остановим свое внимание на освещении культурной флоры Китая X—XII вв. — проблеме, до сих пор слабо исследованной.

Этот вопрос может быть рассмотрен в самых различных аспектах, в частности в аспекте исторической географии культивировавшихся в то время растений с их ботанико-географическими данными (распространение дикорастущих родичей, постепенное изменение путей распространения культурной флоры и выяснение закономерных процессов в распространении культур и их видов и т. п.). Обширность темы заставляет нас ограничить свою задачу выяснением того, какие культуры производились китайским крестьянином в интересующий нас период для потребления, какие новые сорта растений были выведены в то время и, наконец, какое сырье давало сельское хозяйство для ремесла.

Эти вопросы крайне мало изучены в синологии, хотя все исследователи Китая X—XII вв. (период правления династии Сун) констатировали в своих трудах значительное повышение к этому времени агротехнического уровня земледелия. Так, согласно утверждениям этих ученых, применялись и распространялись некоторые элементы селектирования сельскохозяйственных культур (улучшались имевшиеся сорта и выводились новые, применялись новые методы выращивания этих культур), выводились новые культуры чая, хлопчатника, улучшались методы обработки почвы, южные культуры переносились в более северные районы, наконец, чередовались культуры пшеницы и риса и разрабатывались способы получения двух урожаев в год на юге страны. Нет

¹ Е. Н. Синская, Культурная флора древнего Двуречья (Месопотамия), — «Известия Всесоюзного географического общества», 1961, вып. 5, стр. 395—405.

сомнения в том, что эти достижения в области сельского хозяйства явились результатом развития сельскохозяйственной науки в период, предшествующий сунскому, и при Сунах.

Для Китая изучение культурной флоры страны — вопрос не новый, а имеющий длительную историю. Древность китайского земледелия обусловила и древность опытных наблюдений китайского крестьянина, а также фиксирование этих наблюдений и известное их обобщение в трудах китайских ученых. Так, еще в период династии Ранней Хань (II—I вв. до н. э.) был составлен первый обобщающий труд по сельскому хозяйству — «Фань Шэн-чжи шу» («Книга Фань Шэн-чжи»), к сожалению сохранившийся до нашего времени только фрагментарно. В библиографических отделах династийных исторических хроник досунского и сунского периодов указаны книги по сельскому хозяйству, ныне утраченные, свидетельствующие о развитии сельскохозяйственной науки.

Таким образом, можно определенно сказать, что к X—XII вв. был накоплен значительный опыт в области ведения сельского хозяйства, и этот опыт был зафиксирован в целом ряде трудов. Нами в основном использованы следующие из них: «Ци минь яо шу» («Существенные пути жизни простого народа») Цзя Сы-се (VI в.), «Нун шу» («Земледельческая книга») Чэнь Фу (XI в.) и «Нун шу» («Земледельческая книга») Ван Чжэна (XIV в.)².

Охарактеризуем каждую из них с целью показать значение этих трудов в вопросах изучения культурной флоры Китая.

Труд «Существенные пути жизни простого народа» был написан между 533 и 544 г. Как говорит сам автор в предисловии, он составил его на основании данных древних книг, как то: «Ши цзин» («Книга песен») — древний эпический памятник китайского народа, «Гуань цзы» («Трактат Гуань цзы»), «Фань Шэн-чжи шу» («Книга Фань Шэн-чжи»), «Ци минь яо лин» («Народный календарь»), «Бэнь цао» («Botanicum sinicum») и ряд других. Кроме того, Цзя Сы-се использовал современные ему книги, а также фольклорный материал: пословицы, поговорки, народные песни и т. п. Одним из важных источников книги Цзя Сы-се послужил его собственный опыт, накопленный им во время пребывания на должности правителя округа Гаоян. По долгу службы он вникал во все мероприятия, проводившиеся в области сельского хозяйства.

Несмотря на то что этот памятник относится к VI в., его данные смело можно использовать и для сунского периода, так как культурная флора изменялась все же медленно и растения, культивировавшиеся в VI в., возвращались и в более поздний период. Следует принять во внимание и то, что позднейшие труды по сельскому хозяйству неизменно основывались на работе Цзя Сы-се и последняя переиздавалась неоднократно, причем в сунское время не менее четырех раз, как это теперь установлено³.

Другим источником нам послужил труд Чэнь Фу «Земледельческая

² Мы пользовались следующими изданиями: 1) Ци минь яо шу, Шанхай, 1954 (на кит. яз.). Интерпретация этого памятника с труднейшим для перевода текстом дана в современном издании Ши Шен-хуа — специалиста в области изучения древних сельскохозяйственных трактатов — «Существенные пути жизни простого народа в современном пояснении», Шанхай, 1958. Он же издал небольшое исследование «Ци минь яо шу» на английском языке: «A Preliminary Survey of the Book Ch'i min yao shu — an Agricultural Encyclopaedia of the 6th Century by Shin Scheng-Han», «Science Press», Peking, China, 1958; 2) Чэнь Фу, Нун шу; Ван Чжэн, Нун шу, Шанхай, 1959 (на кит. яз.) — сводное издание двух «Земледельческих книг».

³ К. К. Флуг, История китайской печатной книги (X—XIII вв.), Л., 1959, стр. 15.

книга». Мы не переоценим значения этой книги, если скажем, что этот труд явился большим шагом вперед в сунской сельскохозяйственной науке. В нем автор зафиксировал все достижения в области сельского хозяйства за период, предшествовавший сунскому. На основе практических, опытных данных автор впервые поставил в своем труде вопрос о возможности полного использования почвы и установил, что различная почва требует различного за ней ухода и почву, уже истощенную, можно обновлять путем тщательного удобрения. Он впервые говорил о перенесении культуры риса из южных районов в северные и о возможности получения двух урожаев в год. Эти предложения затем были внедрены в практику и свидетельствовали о прогрессе в области сельского хозяйства в сунское время.

Наконец, третьим, основным источником нам послужила «Земледельческая книга» Ван Чжэна. Хотя она относится к периоду династии Юань, ее данные, без сомнения, могут быть отнесены к X—XII вв., так как автор, создавая книгу в самом начале XIV в., опирался на данные более раннего периода — сунского. Этот труд весьма обширен, в нем подробно излагаются сведения о различных сельскохозяйственных культурах. Ценность этого труда также и в том, что автор дает подробные сведения о сельскохозяйственных орудиях, которые применялись в то время.

Итак, эти три основных источника дают возможность познакомиться с культурной флорой Китая и ее развитием в X—XII вв.

Издавна в китайской экономической терминологии существовал термин «пять сортов злаковых» — *у чжун гу*, обозначавший, видимо, первоначально пять сортов зерновых — просо, пшеницу, ячмень, рис, сорго. Иногда встречался термин «шесть сортов злаковых» — *лю чжун гу*, куда включались и бобовые. Длительность существования сельского хозяйства в Китае привела к тому, что в сельскохозяйственной науке к X—XII вв. уже была установлена классификация растений как культурных, так и дикорастущих. В этой классификации имелись рубрики: злаковые (зерновые), бобовые, огородные, плодовые, технические. В своем изложении мы будем придерживаться этой классификации, тем более что она имеется в источниках, на которые мы опираемся.

Злаковые. По разнообразию и количеству сортов они занимают первое место. Так, Фань Шэн-чжи называет следующие виды проса: просо *су* (Spiked millet), просо клейкое *шу* (Glutinous paniklet millet), просо неклеякое *цзи* (Non-glutinous paniklet millet), просо обыкновенное *лян* (*Setaria*) и просо *шу* (*Setaria glutinosa*).

Цзя Сы-се, труд которого, как мы видели, относится к VI в., приводит эти же сорта, но с большим числом вариантов. Так, для пшеницы указано 86 вариантов, проса клейкого *шу* — 12, проса *цзи* — 6, проса *лян* — 4, проса *шу* — 7, риса суходольного *тао* — 25, риса клейкого *шу тао* — 11.

Судя по тому, что у Цзя Сы-се приведены различные варианты злаковых, можно сделать вывод, что уже к VI в. были выработаны приемы селекции растений. Названия этих сортов, как описывает их Цзя Сы-се, зависят от их качества. Так, там указываются засухоустойчивые (*цао шу*), не боящиеся вредителей (*мянь чун*), острые, устойчивые против ветров (*нан фэн*), не боящиеся воробьев (*мянь цяо бао*) и др.

Чэнь Фу в своей книге упоминает просо *шу*, пшеницу (*май*), рис клейкий (*шу тао*) и суходольный (*тао*).

Особенно подробно останавливается на злаковых Ван Чжэн. Если Цзя Сы-се называет 6 сортов проса, то у Ван Чжэна их 12, причем из новых он упоминает коровье просо (*ню шу*), просо с рисовым хвостиком

ком (*тао вэй шу*), крупное, красное, белое, черное. Во всех трудах упомянуты пшеница (*май*) и ячмень (*сяо май*).

Заслуживает внимания и тот факт, что эти сорта злаковых не только разнообразились, но и улучшались. В китайских источниках имеются данные, свидетельствующие о выведении ветвистых сортов проса и пшеницы.

Уже в источниках VIII—IX вв. (танская эпоха) встречаются выражения «превосходное зерно» (*цзя хэ*), «императорские злаковые» (*жуй гу*), которые обозначали новые сорта злаковых в соответствии с нашей терминологией «ветвистые». Если обычный сорт проса имел два-три колоса на стебле, то сорта *цзя хэ* и *жуй гу* — до 24 и более колосьев⁴.

Культура риса в Китае — одна из древних. Исследователи культурной флоры придерживаются единого мнения о том, что эта культура — автохтонная для Китая⁵.

Издавна в Китае культивировался рис двух видов — обыкновенный (*тао*) и суходольный (*шу тао*). В разведении риса был накоплен большой опыт. Уже в «Ци минь яо шу» дается подробнейшее описание методов обработки почвы под рис, содержатся указания, как сеять, рассаживать, полоть и снимать урожай риса с наименьшей затратой энергии, но с большей эффективностью.

Ван Чжэн приводит еще более подробные сведения о культивировании риса, рекомендуя даже использование некоторых орудий⁶. Он говорит также о введении южного сорта риса чжаньчэнского⁷.

В трудах широко представлены бобовые растения. Опять-таки, если у Цзя Сы-се их отмечено несколько видов, то Ван Чжэн приводит три основных вида с большим количеством подвидов — крупные бобы *да доу* трех подвидов — белые, черные, желтые; мелкие бобы *сяо доу* с шестью подвидами; горох *вань доу* или *цань доу*⁸.

Огородные растения. Эти растения, культивировавшиеся в Китае к X—XII вв., были крайне разнообразны. Цзя Сы-се, например, упоминает тыкву *гуа* (*Cucurbita*), огурец *хуан гуа* (*Cucumis sativus*), лук *цзуань* (*Allivum*), чеснок *суань* (*Allivum sativum*)⁹. Ван Чжэн, подробно описывая огородные культуры, упоминает дыню *гань гуа* (*Cucumis melo*), арбуз *си гуа* (*Melo indicus*), сладкий картофель *юй* (*Calocasia antiquorum*), редьку *у цин* (*Raphanus sativus*), морковь *ло пу* (*Daucus carota*), баклажаны *цзя цзы* (*Solanum melangena*), имбирь *цзян* (*Zingiber officinale*), водяной каштан *цзяо* (*Trapanatans*), горчицу *цзя* (*Sinapis nigra*), свеклу *цзюнь* (*Beta vulgaris*), шпинат *бо лин* (*Spinasea oleracea*), салат *во цзюй* (*Lactuca sativa*), а также огородные растения, не имеющие у нас эквивалента (*ху то*, *тун гао*, *лань сян*)¹⁰.

Также многочисленны были сорта огородных растений. Так, дыни разводились двух основных сортов — *го гуа* и *цай гуа*, причем первый имел массу подвидов, различавшихся по вкусу, цвету, внешнему виду¹¹. Арбузы, хотя и не автохтонная культура, тем не менее были различных

⁴ Шоу ши тун као («Всеобщее исследование об использовании сезонов»), цз. 19, лл. 66—146 (на кит. яз.).

⁵ Археологические данные подтверждают это положение. Так, рисовая шелуха была найдена в неолитических стоянках. См.: Дин Ин, Исследования обожженной рисовой шелухи, обнаруженной на равнинах между реками Хуайхэ и Янцзы и относящейся к неолиту, — «Археология», 1959, № 4, стр. 31—34 (на кит. яз.).

⁶ Ван Чжэн, Нун шу, гл. 7, стр. 22.

⁷ Там же, стр. 56.

⁸ Там же, стр. 58.

⁹ Ци минь яо шу, стр. 60.

¹⁰ Ван Чжэн, Нун шу, гл. 8, стр. 80 и далее.

¹¹ Там же, стр. 65.

сортов, причем главным образом различались северные и южные сорта и первых разводилось гораздо больше, чем вторых¹². Тыква разводилась и для потребления, и для производства посуды. Для второй цели культивировалась специальная тыква — горлянка *куа гуа*, горькая на вкус. Сорта моркови различались прежде всего по цвету — от белого до красного, а также по времени созревания — зимняя, весенняя, летняя и осенняя¹³.

К X—XII вв. культивировалось большое количество плодовых деревьев. У Цзя Сы-се упоминаются: персик *тао* (*Prunus persico vulgaris*) 12 сортов, груша *ли* (*Pyrus communis*) 12 сортов, слива *ли* (*Prunus domestica*), жужуб *цзао* (*Zizibus*) 45 сортов, каштан, абрикос, обыкновенный орех¹⁴.

В VI в. эти плодовые были уже освоенными культурами. Кроме них Цзя Сы-се упоминает некоторые необычные, по его мнению, для Китая того времени культуры¹⁵. К ним автор причисляет цитрусовые, плод *ли чжи* (*Niephelium Zitshi*), кокосовые орехи и бананы¹⁶. Такие же культуры, как гранат *ши лю* (*Punica granatum*), яблоки, виноград *пу тао* (*Vinis vinifera*), грецкий орех, в китайских источниках упоминаются не ранее II в. н. э. и поэтому в Китае VI в. считаются недавно появившимися, вывезенными главным образом из Центральной Азии.

Ван Чжэн говорит о плодовых: груше, персике, сливе жужуб, плоде *ли чжи*, тутовнице *сан чжи* (*Morus Bombysis*), хурме *цзао* (*Diospyros*), плоде драконов глаз, или плодовитка, *лун янь*, сливе, гранате, дынном дереве *му гуа* (*Chamomeles Langenaga*), мандарине *цзюй* (*Citrus nobilis*), винограде. Эти культуры в Китае X—XII вв. считались уже освоенными и имели очень много сортов¹⁷.

Технические растения. К ним в основном китайские авторы причисляют коноплю *ма* (*Hemp*) со множеством разновидностей: *ма цзы*, *ху ма*, *хуан ма*, *да ма*, *цзюй ма*, *ту ма* и др.¹⁸. Эти разновидности конопли разводились повсеместно и являлись сырьем для производства волокна и выделки масла, причем некоторые из них, служившие для второй цели, согласно китайским источникам, были ввезены из Центральной Азии, тогда как конопля для выделки волокна — культура чрезвычайно древняя и, видимо, автохтонная.

Другой культурой, дававшей сырье для прядильного и ткацкого ремесла, был хлопчатник, внедрение которого многими авторами датируется X в., т. е. сунским временем. Не повторяя этих сведений¹⁹, мы приведем лишь некоторые данные китайских источников, свидетельствующие о внедрении хлопчатника. Ван Чжэн дает описание этой культуры, но сведения его скудны и не дают возможности хотя бы приблизительно датировать этот факт. Но есть данные географического сочинения «Хунань фу чжи» («Описание провинции Хунань»), которые говорят, что во второй половине XIII в. эта культура была настолько распространена в Китае, что ею взимались налоги. Вопрос о появлении

¹² Там же, стр. 66.

¹³ Там же, стр. 70.

¹⁴ Ци минь яо шу, стр. 89.

¹⁵ Это можно объяснить тем, что Цзя Сы-се жил в царстве Вэй, занимавшем восточную часть теперешней территории Китая, весьма ограниченную, и его сведения о культурной флоре относятся именно к царству Вэй.

¹⁶ Ци минь яо шу, стр. 42.

¹⁷ Ван Чжэн, Нун шу, гл. 9, стр. 87—101.

¹⁸ Там же, гл. 7, стр. 62.

¹⁹ См., например: В. В. Бартольд, Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских, — «Хлопковое дело», 1924, № 11—12; Е. Г. Грум-Гржимайло, Из истории хлопчатника, 1915, стр. 98.

хлопчатника в Китае еще остается открытым. Некоторые авторы, в частности Хуан Бо-ци, основываясь на «Аньнань фу чжи» («Описание Аннама»), считают, что в Аннаме уже издавна культивировался хлопчатник. А поскольку территория Аннама X—XI вв. занимала современный округ Да-ли в провинции Юньнань, то естественно предположение Хуан Бо-ци о том, что Китай уже в X в. мог заимствовать отсюда опыт возделывания хлопчатника²⁰. Но это предположение противоречит мнению предшествовавших исследователей, считавших, что хлопчатник завезен в Китай из Центральной Азии. Таким образом, лишь ориентировочно можно считать, что хлопчатник попал в Китай не ранее X в. н. э.

Последней культурой, на которой следует остановиться, говоря о культурной флоре Китая, является чайное дерево.

Чай — древняя китайская культура, о чем говорят очень ранние упоминания о нем в китайских источниках. Уже к танскому времени (VII в.) имелись исчерпывающие сводные сочинения о чае, его сортах, методах приготовления, способах заварки, о сосудах, в которых следует готовить чай, и т. д. Первоначально чай использовался как лекарственное средство, но затем он прочно вошел в быт китайского народа. О чае написано обширное количество книг, этот напиток воспевали китайские поэты. Из 91 книги о чае, написанной в Китае, к сунскому времени относится 25 трудов²¹.

Эта культура в хозяйстве китайского крестьянина занимала не последнее место, тем более что чаем, как и хлопчатником, взимались государственные налоги.

Таким образом, мы можем сделать общий вывод о том, что в X—XII вв., в то время когда Китай достиг значительных успехов в развитии различных областей науки и культуры, его сельское хозяйство и наука о сельском хозяйстве также находились на высоком уровне.

²⁰ Хуан Бо-ци, Несколько слов об истории хлопчатника, — «Китайская экономика», 1962, № 5 (на кит. яз.).

²¹ Вань Го-дин, Основное содержание каталога книг о чае, — «Сборник статей по исследованию китайского сельскохозяйственного производства», т. II, Пекин, 1958, стр. 205—239 (на кит. яз.).

А. П. Терентьев-Катанский

ИЛЛЮСТРАЦИИ К СТАРИННЫМ КИТАЙСКИМ ГЕОГРАФИЧЕСКИМ СОЧИНЕНИЯМ

Ценность собрания китайских ксилографов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, объединившего материалы нескольких больших коллекций — Азиатского музея и отдельных крупных синологов, увеличивается благодаря иллюстрациям, которыми снабжены некоторые из них. Помимо своего чисто познавательного значения эти иллюстрации представляют интерес как памятники старокитайской книжной графики.

Всем известно, как часто рисунки такого рода бывают необходимы ориенталистам для иллюстрирования своих трудов. Эта необходимость становится тем более насущной в наши дни, когда в стране печатается много исследований в области востоковедных наук. С этой точки зрения иллюстрации в ксилографических изданиях фонда ЛО ИВАН могли бы оказать значительную помощь востоковедам, специалистам по истории искусства, художникам, иллюстрирующим восточные книги, и другим лицам, имеющим отношение к изучению истории и культуры Китая. К сожалению, до самого недавнего времени никто не занимался их описанием.

В задачу данного обзора не входит ни детальное изучение стилей и школ, представленных образцами книжной иллюстрации ксилографического фонда ЛО ИВАН, ни выяснение вопроса о том, кто является их творцами. Эти вопросы заслуживают отдельного изучения. Цель обзора — дать краткое описание книжных иллюстраций в старокитайских географических сочинениях и таким образом сделать известную часть художественных богатств фонда доступной для пользования.

Одним из древнейших памятников, содержащих сведения по географии Китая, является «Шаньхайцзин» («Книга гор и морей»). Несмотря на то что в этом трактате на каждом шагу встречаются описания невероятных, с нашей точки зрения, существ и явлений, его все же следует отнести к географической литературе хотя бы потому, что его главы строятся по принципу описания отдельных районов. Отождествимы ли описываемые районы с ныне существующими — вопрос другой. Но не следует забывать, что и в периплах античных авторов, и в сочинениях по географии в странах средневековой Европы, точно так же как и в «Шаньхайцзине», действительные сведения переплетаются с необузданной фантазией, в основе которой при внимательном рассмотрении также оказываются неправильно понятые, но вполне реальные события. Цик-

лопы, с которыми сталкивался Одисей в своих странствиях, для древнего грека были не менее реальны, чем для современного человека — обитатели соседнего государства. Таким образом, учитывая особенности, порожденные эпохой, «Шаньхайцзин» как сочинением по географии пренебрегать не следует. Если же говорить о его значении для исследователей фольклора, то оно никем не оспаривается.

В собрании ксилографов ЛО ИВАН есть несколько изданий «Шаньхайцзина». Для данного обзора интересны два, снабженные иллюстрациями. Один из них — ксилограф (шифр Е 30), озаглавленный «Шаньхайцзин ши и» («Шаньхайцзин с пояснением смысла»). Ксилограф относится к началу XVII в. Более точно время издания установить не удалось. Второй из иллюстрированных ксилографов, взятых для данного обзора, ксилограф (шифр D 67), озаглавленный «Шаньхайцзин гуанчжу» («Шаньхайцзин с широким комментарием»). Дата не указана. Переплет более потрепан, чем у Е 30, но качество печати лучше.

Иллюстрации в обоих изданиях носят одинаковый характер. Каждый рисунок занимает разворот книги. На фоне соответствующего пейзажа изображены все существа, населяющие ту местность, о которой идет речь в иллюстрируемом отрывке. Позднее китайские энциклопедии, как правило, заимствовавшие иллюстрации к главам о фантастических существах из «Шаньхайцзина», обычно брали не весь рисунок, а лишь отдельные фигуры из него.

Иллюстрации ксилографа Е 30 вынесены в отдельный том (цзюань, далее из.) и пронумерованы, а ксилографа D 67 помещены каждая в соответствующем разделе, причем помимо номеров рисунков, страницы, на которых они находятся, здесь имеют свои номера, не выпадающие из общей пагинации.

Несмотря на различное число иллюстраций в том и другом издании, первое, что бросается в глаза при совместном их рассмотрении, — это почти полное тождество большинства рисунков. Однако наличие одного непарного рисунка вызывает расхождение в номерах параллельных иллюстраций ровно на единицу. Схематически параллельность рисунков можно было бы изобразить следующим образом:

73	72	...	64	63	62	61	60	...	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1	Е 30	
74	73	72	71	...	63	62	—	60	59	...	9	8	7	6	5	4	3	2	1—	D 67

(Номера следует читать справа налево, соответственно расположению страниц в китайской книге).

На рис. 1 в ксилографе Е 30, занимающем не разворот книги, а одну страницу и отсутствующем в D 67, изображен всадник, погоняющий коня плетью.

Ксилограф Е 30 содержит рис. 62, также отсутствующий в D 67, изображающий скалистый остров, на котором высится дворец, и двух живых существ в море у берегов острова. Соответствующего ему рисунка в D 67 (по схеме мы видим, что он должен был находиться там под номером 61) на месте нет. Можно предположить, однако, что он вырван или не помещен по ошибке, так как дальше в D 67 сразу идет рисунок 62.

Рис. 73 — последний в ксилографе Е 30. Он поврежден, сохранилась лишь правая половина разворота. Тот же рисунок в D 67 (по схеме рис. 72) имеет и левую половину. Кроме того, в D 67 есть еще два рисунка — 73 и 74, полностью отсутствующие в Е 30. Таким образом, оба издания дополняют друг друга.

Как было сказано, параллельные рисунки ксилографов Е 30 и D 67

обнаруживают поразительное сходство, порой переходящее в тождество. Несмотря на различный формат ксилографов, композиция отдельных фигур и их аксессуаров почти во всех параллельных рисунках невольно наводит на мысль о том, что иллюстрации к обоим изданиям печатались с одних и тех же досок. Однако специфика гравюры, делающая малейшее несовпадение в рисунке весьма показательным, позволяет установить истину путем более или менее точных промеров и анализа мелких деталей.

Действительно, при общем сходстве, достигающем порой высокой степени, в иллюстрациях обоих ксилографов есть мелкие несовпадения, не различимые с первого взгляда, но существенные при ближайшем рассмотрении.

Эти расхождения можно разбить на следующие группы.

1. Различие в расстояниях одних и тех же фигур от рамки — следствие неточного копирования рисунка.

2. Расхождение в размерах рамки.

3. Расхождение в количестве фигур на параллельных рисунках, возможно, результат творчества самого копировщика.

4. Различие в деталях, часто незаметное на первый взгляд, но позволяющее при ближайшем рассмотрении отличить оттиск с одних и тех же досок от близкой к первоначальному рисунку копии.

5. Возможные недопечатки деталей — явление нередкое, вызванное, очевидно, неравномерным распределением краски на резьбе доски. Подобные недопечатки иногда можно спутать с расхождениями четвертой группы.

Примером расхождения первой группы могут служить хотя бы рис. 9 в Е 30 и соответствующий ему рис. 8 в D 67. Расстояние от кончика хвоста птицы, помещенной на обоих рисунках в левом верхнем углу, в Е 30 составляет 1,5 см, а в D 67 — 0,1 см.

Если отсчет, проводимый от столь незаметных точек, может показаться читателю не слишком убедительным, можно привести еще два случая.

На рис. 21 в Е 30 вершина горы с растущими на ней деревьями, достаточно бросающаяся в глаза, отстоит от края рамки на 1,5 см. В D 67 на парном рис. 20 это расстояние сокращено до 0,15 см.

На рис. 36 в Е 30 и на рис. 35 в D 67 мы видим фигуру духа, окруженную нимбом. В Е 30 нимб отпечатан полностью. В D 67 его верхний конец срезан и исчезает за рамкой.

Известную роль в отождествлении оттисков гравюр могут играть измерения рамок парных рисунков. В данных изданиях дать точные размеры верхней линии рамки затруднительно, так как при брошюровке страниц ксилографа часть ее длины неизбежно скрадывается.

Промеры рамок рис. 28 в Е 30 и рис. 27 в D 67 дали следующие результаты: Е 30. Верхняя линия рамки (от места брошюровки до конца линии) — 13,7 см, боковая линия — 21,3 см; D 67. Верхняя линия рамки — 13,2 см, боковая — 20,4 см.

Расхождение в количестве однородных фигур на парных гравюрах можно наблюдать на примере рис. 67 в Е 30 и рис. 66 в D 67. В Е 30 в правой части картины изображена одна птица, а в D 67 на том же месте — две одинаковые птицы.

Большим числом примеров можно проиллюстрировать случай расхождения деталей в парных рисунках. На рис. 6 в Е 30 и рис. 5 в D 67 в левом нижнем углу помещена птица. В Е 30 ее голова украшена коротким рогом, а в D 67 рог длинный и форма головы иная.

На рис. 15 в Е 30 голова птицы в правом верхнем углу имеет корот-

кий затылок и небольшой хохолок на лбу. В парном рис. 14 в D 67 у той же птицы большая голова, пышный хохолок и длинный клюв.

Более крупное несовпадение мы видим на рис. 23 в E 30 и рис. 22 в D 67. На обоих рисунках внизу, ближе к центру, изображены две черепахи. Левая черепаха в ксилографе E 30 больше чем наполовину вынырнула из воды. У черепах тонкие шеи с небольшими головами. На рис. 22 в D 67 обе черепахи над водой. У них массивные тупые головы и толстые короткие шеи.

Очень часто трудно решить, действительно ли в одном из парных рисунков имеются новые детали или их отсутствие в другом рисунке вызвано недопечаткой. Примеров, когда рисунок отпечатан не полностью, особенно много в E 30, который, несмотря на большую сохранность страниц и переплета, нежели в D 67, отличается от последнего худшим качеством печати рисунков. Иногда эти недопечатки (вызванные, возможно, дефектом доски или неровным распределением краски) бывают заметны с первого взгляда. Но в ряде случаев их легко спутать с действительным отсутствием деталей рисунка.

Примером могут служить рис. 14 в E 30 и рис. 13 в D 67. Существо, похожее на рыбу, изображенное в левом нижнем углу, в обоих рисунках имеет различную форму рта. Но так как это различие чрезвычайно незначительно, то вопрос о том, является ли оно результатом недопечатки или неточной копии, остается открытым.

Несмотря на более низкое качество рисунков, ксилограф E 30 представляет интерес тем, что на его рисунках неизвестным лицом, очевидно одним из владельцев книги, сделаны пометки и надписи тушью. Надписи в основном представляют собой названия местностей, гор, живых существ, изображенных на рисунках, иногда же это довольно подробные пояснения к отдельным фигурам, проставленные как за рамкой, так и на самом рисунке (последнее даже чаще). Вопрос о том, насколько эти надписи совпадают с текстом «Шаньхайцзина», хотя интересен, но выходит за рамки нашего обзора.

Для нас важнее вопрос о поправках и пометках на рисунках. Иногда это явные попытки изменить фигуру, изображенную на рисунке.

К сознательным исправлениям рисунков относятся, например, попытки подправить перья птицы и рога оленя на рис. 10.

На рис. 20 отчетливо видны мазки туши, изображающие, очевидно, густую шерсть на шее у животного в левом нижнем углу, похожего на верблюда (над ним надпись от руки *Шуй ма* — «водяная лошадь»). На рис. 24 подправлена шерсть у животного в левой части рисунка.

Голова длинноухого человека справа на рис. 48 жирно обведена по контуру. На самом лице ряд поправок. Изменена форма носа, глаз, подчеркнуты морщины. Рядом надпись, которая может быть переведена дословно как «человек из страны шепчущих на ухо». Легенда о стране длинноухих — один из традиционных китайских сюжетов, перешедший из «Шаньхайцзина» в некоторые произведения художественной литературы позднейших эпох.

Ценность иллюстраций «Шаньхайцзина» для исследователей фольклора и людей, интересующихся искусством Востока, очевидна. Само содержание «Шаньхайцзина», включающего легенды и представления китайцев древнейших времен об окружающем их мире, является неиссякаемым источником бесчисленных образов китайской народной фантазии, в которых кое-где (иногда даже очень явственно) сквозь позднейшие наслоения проглядывают черты объективной реальности. Сходство некоторых фантастических существ, упоминаемых в «Шаньхайцзине», с аналогичными персонажами сказаний других народов Востока и

Запада, сходство, толкающее исследователей фольклора на новые изыскания, может быть до некоторой степени подтверждено или опровергнуто иллюстрациями к книге.

Персонажи, ставшие традиционными в китайских легендах, литературе и изобразительном искусстве, именно дракон и феникс, нашли в иллюстрациях «Шаньхайцзина» достойное место. Образы богов или духов места, едущих на драконах, встречаются в рис. 43, 44, 51, 53, 61, 71 (Е 30). Там фигурируют по большей части бескрылые рогатые драконы (очевидно, *лун* или *цзяо*). Нередко дух сидит на двух драконах или едет в повозке, в которую драконы запряжены парой. Особо выделен крылатый дракон *инь*. Он один занимает весь разворот книги, что, очевидно, должно подчеркнуть его размеры (рис. 66 в Е 30). В этом рисунке налицо как общие традиционные черты всех драконов (рога, грива, длинное чешуйчатое тело), так и специфический признак дракона *инь* — перепончатые крылья. Интересно, что бескрылый дракон, наиболее характерный для китайского искусства, в перечисленных выше иллюстрациях фигурирует лишь как второстепенный, вспомогательный персонаж, а отдельного его изображения нет. Изображения феникса встречаются на рис. 72 (девятоголовый феникс) и рис. 57 (Е 30).

Черепаша, занимающая видное место в фольклоре древнего Китая, также нашла свое отражение в иллюстрациях к «Шаньхайцзину». На рис. 28 (Е 30) изображена не обычная черепаха, а «черепаха жемчужная» — *чжу бе*. Она изображается обычно с несколькими глазами (от четырех до шести) и с шестью ногами. Судя по описанию, данному в тексте «Шаньхайцзина» в разделе о «Восточных горах», можно предположить, что речь идет не о черепахе, а скорее о каком-то крупном ракообразном¹.

Из других крупных пресмыкающихся наиболее интересным персонажем иллюстраций «Шаньхайцзина» является змея *ба*. На рис. 55 (Е 30) она изображена охотящейся на слона. Невольно вспоминается «змея, глотающая слона» в «Чуских напевах»². Размеры рисунка, так же как и в изображении дракона *инь*, должны, по-видимому, подчеркнуть огромный рост животного. Изображения змей с человеческими головами встречаются на рис. 23, 46, 48 (с девятью головами), 56, 59 (Е 30).

Птицы с человеческими головами, бытующие в китайской мифологии рядом с фениксом, встречаются на рис. 7, 9, 11, 18, 23, 32, 37, 69, 70, 72 (Е 30). Судя по тому, что сказано о них в разделе «Шаньхайцзина» «Южные горы», эти птицы, связанные всегда с определенной горой и зловещими приметами, являлись иногда местными духами.

В летучих существах, изображенных на рис. 25 и 28 (Е 30), нетрудно узнать крупных летучих мышей, существ вполне реальных, до сего дня обитающих во многих странах Южной и Восточной Азии.

Интересен рисунок существа без головы, с шестью ногами и четырьмя крыльями (рис. 15 в Е 30).

Большое место в иллюстрациях «Шаньхайцзина» занимают изображения фантастических людей. Фигуры полулюдей, часто с чертами животных, крыльями, в фантастических одеяниях, обычно олицетворяют духов места. Об этом говорят и подписи, сделанные от руки на рисунках ксилографа Е 30. Их изображения даны на многих иллюстрациях «Шаньхайцзина» — 5, 7, 11, 12, 14, 16, 17, 26, 27, 29, 30 и т. д. (Е 30). С чисто художественной точки зрения очень интересно изображение ду-

¹ Шаньхайцзин (в кн.: «Гуцзинь и ши», т. 15—17, Шанхай, 1937), цз. 4, стр. 3

² Цюй Юань, Стихи, М., 1954, стр. 71.



Рис. 1. Духи мест в «Шаньхайцзине»:

а — птица с человеческой головой; б — змея с человеческой головой; в — г — духи с признаками дракона и человека

ха на рис. 12, существа с чешуйчатым телом и человеческой головой с волосами, торчащими клоками, как это бывает характерно для изображений духов в китайском искусстве (Е 30) (см. рис. 1).

На рис. 40 и 41 даны изображения фантастических племен, впоследствии многократно фигурировавших в произведениях художественной литературы, — людей с дырой на груди, с крыльями и клювом, длинно-руких (рис. 42). Художник наших дней для иллюстрации одного из этих произведений, например известного романа «Цветы в зеркале», мог бы взять за основу иллюстрации «Шаньхайцзина», где имеется большая часть фантастических персонажей этого романа³. Бытующие в леген-

³ См.: Ли Жу-чжэнь, Цветы в зеркале, М.—Л., 1959, гл. 19, 27 и др.



Рис. 2. Дикие люди и фантастические существа в «Шаньхайцзине»: а — дикие мохнатые люди; б — циклоп; в — человек с лицом на груди; г — черепаха *чжу бе*

дах большинства народов земного шара великаны и карлики изображены на рис. 47, 64 (великаны и карлики рядом), 69 (Е 30).

Интересно, что все эти фантастические люди изображены обычно полуголыми, с длинными волосами, иногда с мохнатым телом. Это стало такой же традицией, как изображение древних праведных ванов в плащах из травы и листьев. Возможно, это — отголосок воспоминаний о каких-то диких племенах, с которыми пришлось столкнуться древним китайцам. Духи в иллюстрациях «Шаньхайцзина», чаще чем фантастические по внешнему виду, но, несомненно, смертные существа, изображаются одетыми в одежды более поздних эпох.

Мохнатые дикие люди, вообще нередко упоминаемые в легендах Востока, изображены на рис. 52, 54, 72. Это приземистые, сплошь покрытые волосами существа, похожие на человекообразных обезьян. О том, что эти существа воспринимались именно как люди, свидетельствуют надписи от руки на рис. 52 и 72 (см. рис. 2).

Загадочное существо, повелитель таинственной страны на Западе, в поздних источниках — фея Сиванму — в иллюстрациях «Шаньхайцзина» изображено на рис. 14 и 58.

Если иллюстрации «Шаньхайцзина» изобилуют изображениями фантастических персонажей, то в ксилографическом фонде ЛО ИВАН можно найти сочинения, дающие сведения и о вполне реальных народах.

«Альбом данников Цинской династии» («Хуан цин чжи гун ту») (шифр D 284) дает иллюстративный материал для этнографа и историка.

Этот ксилограф не датирован, но, судя по всему, был издан не ранее 1761 г. Помимо списков составителей и редакторов он содержит подробные пояснения к каждому рисунку. В альбоме шесть тетрадей. Пользование ксилографом облегчается благодаря списку рисунков, помещенному в начале каждой тетради. Рисунки и примечания включены в единую пагинацию.

Чисто технические достоинства рисунков высоки. Гравюры выполнены тонкими, легкими линиями. Лица людей выразительны, чувствуется стремление передать не только национальный тип, но и внутренний облик. Детали костюмов выполнены старательно и четко. Есть в альбоме и несколько погрешностей технического порядка.

Интересное явление можно увидеть на одном из рисунков (тетр. 1, цз. 1, л. 16). Сквозь линии рисунка, изображающего костюм аннамской женщины, проступают слабые, но отчетливые контуры фигуры, очевидно отпечатанной ранее на том же месте. Оттиски оказались наложенными один на другой. Из-за основного рисунка слегка выступает часть лица (справа от зрителя). Отчетливо видна рука, держащая что-то вроде коробочки с двумя кистями, часть одежды, развевающиеся концы пояса. Внимательно взглядевшись, можно различить очертания второй фигуры — узкие плечи, узел пояса, складки платья. Линии, проступающие сквозь основной рисунок, несколько бледнее, а местами сходят на нет. По-видимому, фигура, скрытая основным рисунком, была напечатана не полностью — не отпечатался низ рисунка. Но те детали, которые можно различить, все же настолько отчетливы, что можно даже представить себе весь рисунок отдельно. Это узкоплечая женская фигура в длинной одежде, расширяющейся книзу. Является ли эта картина первоначальным вариантом изображения аннамской женщины или оба рисунка не связаны друг с другом, сказать трудно. Интересно, однако, что рука женщины на основном рисунке держит почти такой же предмет, а именно гофрированную круглую коробочку, только без кистей.

Другая техническая ошибка или, вернее, странное совпадение двух рисунков заставляет задуматься. Два рисунка (тетр. 2, цз. 3, лл. 27 и 29) сходны между собой во всех деталях. При промерах создается впечатление, что на втором рисунке фигура сдвинута вниз примерно на один сантиметр. Однако расхождение в миллиметрах не дает еще оснований это утверждать, так как сумма расстояний от нижней и верхней точек фигуры до рамки на обоих рисунках не совпадает. Тело изображенного человека одинаковой длины на обоих рисунках. Очевидно, разница — в высоте перьев, воткнутых в волосы. Здесь приходится предположить только очень точную копировку, не повторяющую, однако, всех размеров подлинника.

Переходя к содержанию рисунков, следует прежде всего упомянуть о широте охвата материала. Здесь мы сталкиваемся с любопытным историческим курьезом. Отношение маньчжурских императоров ко всем окружающим народам как к варварам и данникам Китая нашло отражение и в содержании альбома. Туда наряду с народами, действительно зависящими от Китая, вошел ряд народов, никогда не входивших в состав империи Цин, в том числе... народы Европы (!).



Рис. 3. Иностранцы в рисунках «Альбома данников Цинской династии»: а — кореец; б — венгр; в — англичанин

Представители стран, расположенных в ближайшем соседстве с Китаем, изображены с большой точностью. Хорошо переданы костюмы корейцев (см. рис. 3а) и жителей Аннама (тетр. 1, цз. 1, лл. 6—9, 14—19). Сиамские костюмы (там же, лл. 20—22) также, по-видимому, изображены довольно верно. Во всяком случае, головной убор чиновника (л. 20) представляет собой типичный головной убор мелких правителей в странах Юго-Восточной Азии.

Из редких изображений, помещенных в сборнике, можно упомянуть рисунки жителей о-вов Рюкю (тетр. 1, цз. 1, лл. 10—13), обитателей Тайваня (тетр. 2, цз. 3, лл. 23, 24) и народностей, проживающих в пров. Юньнань (тетр. 6, цз. 7, л. 41).

На большинстве рисунков изображены национальные меньшинства Китая.

С точки зрения близости рисунков к оригиналу интересны изображения представителей народов Европы. Им посвящен целый раздел (тетр. 1, цз. 4, лл. 34—51).

Неплохо переданы особенности венгерского национального костюма (см. рис. 3б). При взгляде на этот рисунок невольно приходит в голову, что художник, создавший его, имел перед глазами какой-то европейский подлинник (тетр. 1, цз. 4, л. 36).

С юмором и известным знанием костюма нарисован англичанин (см. рис. 3в). Его портрет: треуголка, длинные волосы, шпага и трость и в довершение всего бутылка в руке — является довольно злой карикатурой на европейского купца в Китае (тетр. 1, цз. 4, л. 46).

Рядом с венгром помещена совершенно фантастическая фигура в маньчжурской шапке, в длинной, подбитой мехом одежде, с саблей на поясе. Этот человек, держащий на цепи медведя, призван изображать, как это ни странно, поляка (тетр. 1, цз. 4, л. 38).

Довольно близко к оригиналу изображена французская женщина в костюме, действительно похожем на французский (тетр. 1, цз. 4, л. 48).

Интересна с чисто художественной точки зрения фигура шведа. Этот рисунок, на котором изображен согбенный плешивый человек в



Рис. 4. Иллюстрации к книге Ф. Вербиста и Д. Алени «Землеописание»: а — сумчатое животное («двуутробка?»); б — Юпитер Олимпийский

камзоле и с тростью, так же как и изображение англичанина, кажется специально шаржированным (тетр. 1, цз. 4, л. 50).

Соседями с европейцами почему-то оказались японцы. Но в изображении последних китайские художники не сумели передать типичные черты. Японец изображен в халате, с длинными волосами, распушенными по плечам, с мечом на поясе. В этом изображении единственной японской чертой является меч, действительно похожий на японский (тетр. 1, цз. 4, л. 52).

Интересен рисунок, изображающий, судя по надписи, русского чиновника. Костюм последнего напоминает на рисунке костюм петровской эпохи. В общих чертах он передан довольно верно (тетр. 1, цз. 4, л. 62).

Более подробное исследование происхождения этих рисунков могло бы пролить свет на проникновение знаний о Европе в Китай.

Любопытным памятником влияния европейского искусства на китайское являются иллюстрации к книге «Землеописание» («Куньюй ту-шо»), написанной католическими миссионерами Фердинандом Вербистом и Джулио Алени. Ксилографическое издание этой книги находится в фонде ЛО ИВАН (шифр Е 315). Доски, с которых печатался ксилограф, были вырезаны в 1674 г. Ценность ксилографа определяется его стариной, а также включенными в него рисунками (см. рис. 4). Рисунки в конце книги имеют свою пагинацию.

В тексте есть космографические схемы, сделанные по европейскому образцу, но снабженные китайскими знаками. Интересна схема лунного затмения (л. 8).

Рядом с рисунками животных карандашом написаны их названия по-русски и по латыни. Некоторые из них сопровождаются надписями по-маньчжурски.

Кое-где надписи поправлены, перечеркнуты, отдельные слова написаны несколько раз. Можно предположить, что владелец книги, оставивший эти надписи, пытался доработать книгу, может быть, отождествить русские, латинские и маньчжурские названия животных. Вопрос о том, кто оставил надписи, требует отдельного исследования и не относится к теме данного обзора. Отдельные особенности, в частности название жирафа — камелеопард, написанное по-русски (л. 7), указыва-

ют на то, что заметки карандашом были сделаны давно, не позднее начала прошлого века, может быть и раньше.

Гравюры, изображающие животных, исполнены грубыми, резкими линиями. Общий стиль мало похож на стиль китайских гравюр. Скорее он напоминает европейские средневековые рисунки. О том, что многие иллюстрации были прямо скопированы с европейских подлинников, свидетельствует рисунок, изображающий носорога (л. 2). Стоит сравнить его с известной гравюрой Альбрехта Дюрера «Носорог», как сразу же бросается в глаза неоспоримое сходство. Та же голова, тот же лишний рог, или шип, на шее, та же трактовка неровностей кожи в виде чешуек и кружочков. Несомненно, китайский гравер имел перед собой европейский рисунок, с которого и сделал копию.

Изображение сумчатого животного представляет собой почти точную копию из книги Андре Теве, напечатанной в 1558 г.⁴ Надпись карандашом по-русски, сделанная рядом, гласит «двуутробка» (л. 8).

В технике исполнения гравюр чувствуется попытка передать мало знакомую китайским граверам светопись более толстыми линиями (единорог на л. 1). Иногда тень передана штриховкой (см. изображение козла на л. 3). О том, что исполнителем рисунков является все же китаец, свидетельствуют отдельные, чисто китайские детали в них. Например, в пейзаже, окружающем фигурку бобра (л. 3), на заднем плане дерево исполнено определенно в китайском стиле. Это очевидная вольность или, скорее, даже ошибка, так как на всех других рисунках деревья и трава трактованы в европейской манере.

Целый ряд рисунков «Землеописания» повторяется в поздних изданиях китайских энциклопедий, например в «Тушунцзичэне»⁵.

Сразу же за изображениями животных включенные в ту же пагинацию идут рисунки, изображающие семь чудес света: висячие сады Семирамиды в Вавилоне, Колосс Родосский, пирамиды, мавзолей в Галикарнассе, храм Артемиды в Эфесе, Юпитер Олимпийский, Фаросский маяк. В технике выполнения этих рисунков чувствуется иная рука, чем в изображениях животных. Являясь очевидными копиями с европейских образцов, эти гравюры выполнены в стиле, близком к китайскому. Висячие сады Семирамиды даны в китайском стиле (л. 12). Об этом говорят такие детали, как наклонная крепостная стена, трактовка деревьев и скал на заднем плане, передача поросшей травой земли линиями и пересекающими их штрихами.

В изображениях Юпитера Олимпийского и Колосса Родосского китайский и европейский стили уживаются бок о бок, сливаясь лишь в незначительной степени. Волосы Колосса и Юпитера переданы подчеркнuto не китайскими волнистыми прядями. Но китайская трактовка рта Колосса и глаз Юпитера, пропорции тела, характерные для старого китайского искусства (узкие плечи, выпяченный отвислый живот, нарисованные в китайской манере пальцы на ногах Колосса), — все это показывает, что художник, копировавший эти рисунки с европейских образцов, не смог вполне отказаться от знакомых ему приемов. То же самое повторяется и в пейзаже. В изображении гор слева от Колосса чувствуется тщательное подражание европейскому пейзажу. Мы видим замок с острой кровлей на поднимающихся уступах скалах, сплошную

⁴ См.: B. Heuvelmans, *On the Track of Unknown Animals*, New York, 1958, стр. 279.

⁵ Гу цзинь ту шу цзи чэн, Шанхай, 1934; т. 69, тетр. 525, цз. 125, лл. 16—17; тетр. 527, цз. 150, лл. 11—12.

массу деревьев без отдельных листьев на прямом стволе. Зато горы справа выполнены в китайском духе, хотя деревья, растущие на них, даны еще в европейском стиле (лл. 13, 17).

На рисунке, изображающем пирамиду, по левую сторону от нее высятся башни города, судя по стилю, рабски скопированные с какого-то старинного европейского рисунка. Справа — типично китайский пейзаж, с камнями в виде отдельных штрихов и деревом с искривленным стволом (л. 14).

На рисунке, посвященном Юпитеру, — европейская башня за деревьями в китайском стиле. Дым поднимается из чаши в руке Колосса Родосского и с вершины Фаросского маяка, причем изображение выдержано в китайском стиле.

К сочинениям, которые дают представление об определенных районах, хотя и не могут быть названы географическими, относятся альбомы с пейзажами различных местностей. О том, что сами китайцы рассматривали подобные альбомы не только как собрание произведений искусства, но и как своего рода пособия по географии, свидетельствуют перемежающиеся в них с пейзажами карты.

В собрании ЛО ИВАН примером этого вида литературы может служить «Изображение работ на Хуанхэ» («Хэ гун ту»), ксилограф XVIII в. (шифр D 1062). Ксилограф представляет собой «книгу-гармонику». Так издавна оформляли в странах Дальнего Востока многие альбомы. Книга содержит три карты и двенадцать иллюстраций с пояснительным текстом на обороте. Иллюстрации — пейзажи берегов Хуанхэ, на фоне которых показаны различные виды деятельности. На обложке старинная, сделанная выцветшими чернилами надпись по-русски: «Построение берегов реки Хуан в царствование Цян-лун». Слово «построение», по-видимому, не следует понимать как «сооружение», а скорее как «порядок», «устройство», ибо в альбоме изображены самые различные процессы, порой даже не имеющие прямого отношения к гидротехническим работам на самой реке (например, добыча соли).

Линии рисунков четкие, изящные, напоминающие мазки кисти. Фигуры людей маленькие, угловатые, но динамичные. Великолепны по простоте и выразительности камыши, деревья, фигуры буйволов, сельские постройки. Карты просты и схематичны, в противоположность планам-пейзажам, встречающимся в некоторых других книгах (см. ниже). Альбом представляет интерес как с точки зрения изучения хозяйства китайцев, так и в качестве образца одного из стилей китайского искусства.

К географической литературе в узком смысле можно отнести описание отдельных местностей с приложением иллюстраций.

Интересен роскошно изданный ксилограф 1735 г., озаглавленный «Описание (озера) Сиху» («Сихучжи») (шифр E 41). Даже переплет этого четырехтомного сочинения представляет известный интерес в художественном отношении. Книга переплетена в лимонно-желтый шелк, на котором среди голубых, розовых и белых облаков разбросаны изображения коричневых драконов. Иллюстрации (41) собраны в одной тетради (т. 1, тетр. 2). Каждая иллюстрация занимает два листа — разворот книги. Пагинация общая и для текста и для иллюстраций. Гравюры идут попеременно с пояснительным текстом. Пейзажи берегов озера снабжены помимо крупной надписи с названием места еще мелкими надписями над отдельными деталями картины. Рисунки представляют значительную художественную ценность. Интересен общий вид озера Сиху, нечто среднее между картой и пейзажем, ближе к последнему

(рис. 1). Эта карта-пейзаж, исполненная с большой тонкостью и совершенством, снабжена многочисленными надписями.

В фонде имеется «Описание островов Чжуншань» (Пескадорские о-ва) («Чжун шань чуань син лу»). Это ксилограф 1721 г. (шифр Е 185). В книге четыре тетради. Рисунки (крупные), иллюстрирующие это сочинение (их 11), и карты (их 8) распределены по всему тексту и включены в общую пагинацию. Рисунок гравюр тонкий. Карты выполнены тщательно.

Интересны рисунки, изображающие правителя (вана) со свитой и его торжественный выезд (тетр. 1, цз. 2, лл. 28, 29). Там же (л. 32) дан рисунок дворца вана. На других крупных рисунках мы видим сценки из жизни народа, обряды, праздничные процессии, типы жителей. Мелкие рисунки в тексте знакомят нас с одеждой народа (тетр. 3, цз. 5, лл. 13—15), утварью и инструментами (там же, лл. 9, 10). Имеется интересное изображение ткацкого станка (тетр. 3, цз. 5, л. 17), образцы денег (там же, л. 20), типы судов и средств передвижения (там же, лл. 22—24).

Описания провинций и уездов составлены по единому плану, и их можно выделить в особый раздел. Это единство отражено как в сходстве названий, так и в расположении и характере иллюстраций. Последние представляют собой в основном карты, планы и пейзажи, изредка сценки из быта, изображения утвари, исторических памятников, зданий.

Подобного рода литература представлена в собрании ЛО ИВАН большим количеством произведений. Ввиду их однотипности остановимся лишь на некоторых.

В собрании института есть «Описание провинции Ганьсу» («Цысю Ганьсучжи»), ксилограф начала XVIII в. (шифр Е 473). В нем имеются иллюстрации — карты и планы (их 45), а также рисунок созвездий (тетр. 1, цз. 1—2).

Резьба гравюр довольно грубая. Наряду с чисто схематическими картами местности встречаются более или менее художественно выполненные планы городов, даже на развороте книги (например, тетр. 1, цз. 1, лл. 7, 8). На плане городские стены изображены в виде широких зубчатых полос с линиями, передающими, быть может, кладку. Над воротами — схематические башни. Вершины гор выполнены в манере не карты, а пейзажа (там же, лл. 36—39, 41, 42). Вода передана не плоскостью, а волнами (там же, лл. 45, 46).

Такого же типа карты мы видим и в «Полном описании провинции Юньнань» («Юньнань тунчжи»), ксилограф 1691 г. (шифр D 78). В этом большом пятитомном сочинении иллюстрации занимают том 1, тетрадь 2, и том 2, тетрадь 5. В последней помещены изображения бронзовой утвари и музыкальных инструментов. Рисунки и карты не нумерованы, их листы входят в общую пагинацию. Резьба грубая.

В «Описании областей возрожденной страны»⁶ («Чунсю синго чжоучжи»), ксилограф 1899 г. (шифр Е 549), мы встречаемся еще с одним типом карт (тетр. 1). Они, а их всего 42, имеют некоторое подобие координатной сетки. Условные изображения гор на картах даны предельно схематично, в виде треугольников.

Кроме карт в ксилографе Е 549 есть восемь пейзажей. Они даны грубыми, но уверенными линиями. Резкость рисунка искупается стройностью композиции. В этих пейзажах чувствуется работа талантливых художников. В иллюстрациях к Е 549 есть печати авторов или владельцев — явление, не отмечаемое в предыдущих ксилографах.

⁶ Термин, означающий приход к власти нового императора.

В «Описании уезда Вэньань» («Вэньань сяньчжи»), ксилограф 1703 г. (шифр D 436), мы видим образцы художественного выполнения карт. Горы трактованы не схематично, а так, как их принято изображать на китайских пейзажах. Волны на реках изображены волнистыми линиями. На плане стен и рвов главного города уезда тщательно выполнены вогнутые крыши башен, есть попытка передать фактуру кирпича. С большой тщательностью выполнен план храма Конфуция.

Среди пейзажей, помещенных в ксилографе, интересны изображения знаменитых зданий и мест, например танская гробница (лл. 9, 10), данная на развернутом листе, а также храм матери Мэнцзы (лл. 13—14). Гравюры выполнены тонко и с большим мастерством.

В «Дополненном и исправленном описании уезда Тайвань» («Сюйсю Тайвань сяньчжи»), ксилограф. 1807 г. (шифр D 282), карты и иллюстрации вынесены в тетрадь 1 (всего же в ксилографе восемь тетрадей). К иллюстрациям относятся одна карта, четыре плана города и отдельных учреждений и, наконец, восемь пейзажей. Планы сделаны подробно, тонко. На них мы видим интересную попытку передать особенность местной архитектуры — богато украшенные, вычурные крыши. В пейзажах есть сценки из жизни китайского населения уезда. Последний, восьмой пейзаж изображает охоту аборигенов Тайваня на оленей.

«Описание уезда Ичунь» («Ичунь сяньчжи»), ксилограф 1823 г. (шифр D 441), также содержит пейзажи и изображения местных жителей.

Такого же рода иллюстрациями и картами снабжены описания других районов Китая (шифр E 40, E 129, E 177, E 180, D 278, D 254, Л 69 и некоторые другие).

Данный обзор, конечно, не может дать представления обо всех образцах книжной иллюстрации, имеющихся в фонде ЛО ИВАН. Кроме географических сочинений в фонде хранятся богато иллюстрированные трактаты по медицине, альбом портретов исторических лиц, пьесы, романы. Описание их, которое может дать обширный материал для познания древней китайской культуры, — дело будущего.

М. В. Воробьев

**ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА ЧЖУРЧЖЭНЕЙ
(ДИНАСТИЯ ЦЗИНЬ)**

Денежное обращение чжурчжэней отличается большой сложностью: наряду с оригинальными чертами оно обладает особенностями денежных систем Китая и киданей. Без знания его невозможно понять экономику чжурчжэней, а также многие особенности денежного хозяйства Китая в XII—XIII вв. Несомненно влияние чжурчжэньской денежной системы на монгольскую и корейскую. В настоящей статье мы уделяем основное внимание монетам чжурчжэней и лишь для полноты изложения — другим средствам обращения (ассигнациям и т. п.)¹.

До образования самостоятельного государства чжурчжэни пользовались монетами своего сюзерена — империи Ляо, т. е. киданьскими и китайскими, как правило, тех же выпусков, которые обращались в Ляо². Положение не сразу изменилось и после создания государства Цзинь в 1115 г. В течение 30 лет чжурчжэни оставались в сфере денежного обращения киданей. Это и понятно: сами чжурчжэни еще только строили здание собственной государственности, рядом продолжала существовать империя Ляо, культурное превосходство которой над чжурчжэнями было неоспоримо. Китайское влияние в области денежного обращения осуществлялось в это время через киданей.

Как это ни парадоксально, но финансовые дела чжурчжэней в этот ранний период внешне находились в цветущем состоянии. Драгоценные металлы, монеты, шелк, скот и другие ценности в изобилии притекали в страну из империи Ляо и из Китая, с которыми чжурчжэни вели успешные войны, и это служило нуждам обмена. Государство испытывало быстрый, хотя и несколько искусственный подъем, но приток богатств и рост экономики, в свою очередь, требовали более твердого денежного обращения и монетной системы.

Первые собственные денежные знаки чжурчжэней — это кредитные билеты. В 1154 г. при императоре Хай-лин-ване были выпущены кредитные обязательства (цзяочао), которые были в обращении наряду с ляоской и сунской монетами. Различали большие и малые кредитки. Первые выпускались достоинством в 1, 2, 3, 5, 10 связок, вторые — 100, 200,

¹ Поэтому мы почти не касались вопроса о китайских ассигнациях Сун, тесно связанных с чжурчжэньскими. О них см.: W. Vissering, *On Chinese Currency, Coins and Paper Money*, Leiden, 1877, стр. 160—219.

² Цзинь ши («История династии Цзинь»), цз. 48.

300, 500, 700 монет, те и другие — на срок в семь лет и по истечении этого времени подлежали обмену³.

«История династии Цзинь» дает описание кредиток⁴. Кредитные билеты имели вид прямоугольного куска бумаги, примерно 20×10 см. Основная часть билета обрамлялась по краю неширокой рамкой, заполненной изображением цветов. Внутренняя часть кредитки — «поле» — делилась на две неравные части. Вверху (одна треть поля), в центре, обозначено достоинство кредитки, по бокам размещены штемпеля и печати, удостоверяющие ее подлинность. По краям в специальных рамках две надписи: в правой — за подделку назначается смертная казнь, в левой — обещается награда за выдачу поддельвателя. Внизу перечислены территориальные единицы и учреждения, выпустившие кредитку, условия выпуска и обмена, год, месяц и день выпуска, подпись ответственного чиновника.

Первая чжурчжэньская монета — *чжэнлун юаньбао* («основная монета годов *чжэнлун*») — выпущена в 1157 г. в Даюаньфу, а в следующем, 1158 г. монетные дворы были открыты в столицах и других городах⁵. По форме, размеру, весу, легенде, даже почерку она очень похожа на мелкую разменную сунскую монету *дагуань тунбао*, выпущенную в Китае в 1107 г. Чжурчжэньский образец выполнен очень тщательно и ни в чем не уступает лучшим китайским. Сообщения письменных источников о существовании монет этого типа, два иероглифа которых (*чжэнлун*) выполнены почерком чжэньшу, а два других (*юаньбао*) — чжуаньшу, а также монет с легендой *чжэнлун тунбао* пока не подтверждают вещественным материалом.

Рис. 1. *Л. ст.* Надпись из четырех иероглифов почерком чжэньшу, читается по часовой стрелке: *чжэнлун юаньбао*. Очертания иероглифов очень изящны. Нижняя часть иероглифа *лун* дана в сокращенном виде. Внутренний ободок тонкий. *Об. ст.* Гладкая. Внутренний ободок широкий, стороны квадрата выгнуты наружу. Д—26, д—7, М⁶ (Дин, 1346)⁷.

Рис. 2. *Л. ст.* Та же, что в рис. 1, но иероглифы менее изящны. Правая «ножка» знака *юань* имеет резкий загиб, а две верхние горизонтальные черты необычно прямые. Нижняя часть знака *лун* в полном написании. *Об. ст.* Гладкая. Ободки неровные. Внутреннее отверстие в виде неправильного квадрата. Д—25, д—6, М (Дин, 134а).

Рис. 3. *Л. и об. ст.* Те же, что в рис. 1. Иероглифы несколько крупнее. Знак *юань* сравнительно мелкий, его верхняя часть, как в рис. 2. Д—25, д—7, М (Дин, 134б).

Полагают, что монета рис. 3 выпущена за пределами Цзинь.

Рис. 4. *Л. ст.* Та же, что в рис. 1. Иероглифы несколько мельче. *Об. ст.* Дублирует легенду лицевой стороны. Отверстие в виде правильного квадрата. Д—26, д—6, М (Дин, 134б).

Так как торговля внутри страны и с соседними государствами ак-

³ Liu Hou-tzû, *Papiergeld seit der Sung-und Chin Zeit.* — «Chung Tê hsüeh chih», 6Jg., п 1/2, 1944, стр. 266.

⁴ Цзинь ши, цз. 48.

⁵ Цзинь ши (цз. 48) принимает 3-й год *чжэнлун* (1158 г.) за начало выпуска монеты в ряде городов империи, но другие авторитетные источники отмечают, что первоначально она была отлита еще в 1157 г. [см.: Пэн Синь-вэй, Чжунго хо-биши («История денежного обращения в Китае»), Шанхай, 1954, стр. 363].

⁶ Д — диаметр монетного кружка, д — размер квадратного отверстия (в миллиметрах). М — медь, Ж — железо. Здесь описываются не конкретные экземпляры, а обобщенные типы монет.

⁷ Описание монет и их изображение даются по: Дин Фу-бао, Гуцянь дацзянь («Энциклопедия древних монет»), Шанхай, 1938 (далее — Дин). Для уточнения описания использован труд Ли Цзо-сяня Гуцяньхуай («Собрание древних монет»), 1864, цз. 15 (далее — Ли).

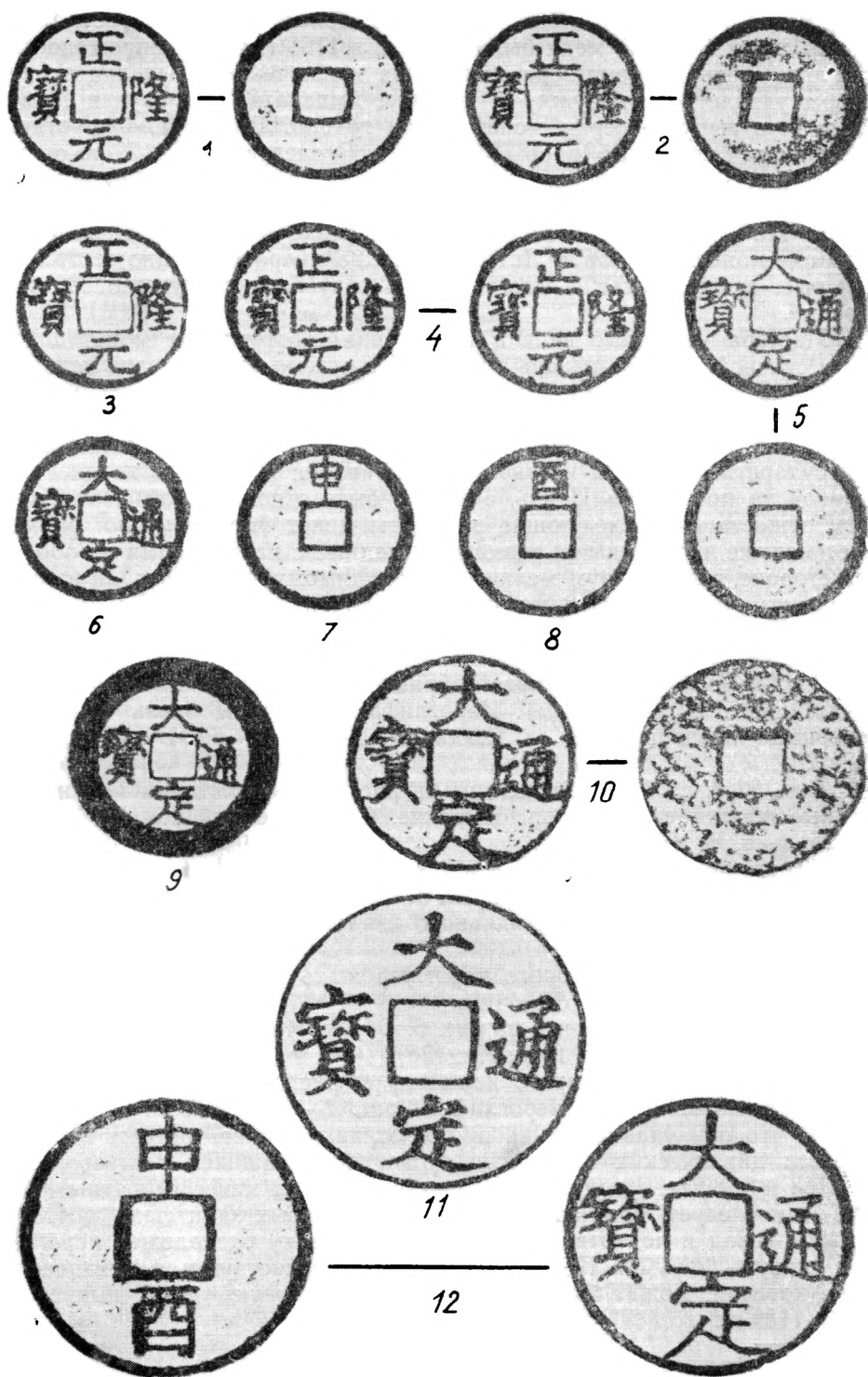


Рис. 1—12 — монеты государства Цзинь:

рис. 1, 2 — л. и об. ст.; рис. 3 — л. ст.; рис. 4 — л. и об. ст.; рис. 5 — л. и об. ст.; рис. 6 — л. ст.; рис. 7, 8 — об. ст.; рис. 9 — л. ст.; рис. 10 — л. и об. ст.; рис. 11 — л. ст.; рис. 12 — об. ст. и л.

тивизировалась, требовалось все больше монет. Однако в государстве Цзинь своих залежей меди было мало, и в 1161 г. было запрещено употреблять медь на домашние нужды, за исключением выделки зеркал. Чтобы удовлетворить нужду в монетах, император Ши-цзун в 1178 г. объявил о выпуске серии монет *дадин тунбао*. В 1178 г. был открыт специальный монетный двор в Дайчжоу. В следующем, 1179 г. он выпустил шесть тысяч связок, а в 1180 г. — пять тысяч связок. В дальнейшем число монетных дворов увеличивалось, возрастала и выплавка монет. В 1187 г. открылся монетный двор в уезде Цюйян в Дайчжоу, а в 1189 г. — монетный двор в Литухэ. Эти два двора ежегодно выпускали 140 тыс. связок монет, а всего в этом году было выпущено 800 тыс. связок⁸.

Мастера монетного дела в Цзинь при изготовлении монет подражали сунской монете *дагуань тунбао*. Чжурчжэньский образец исполнен очень тщательно и с большим изяществом. Справедливо это время считают расцветом монетного дела Цзинь. Варианты монеты *дадин тунбао* весьма многочисленны. Не всегда ясно, с какой монетой мы имеем дело: с государственной или частной, с выплавленной гораздо позднее или отлитой за пределами Цзинь, а может быть с поддельной. По «Цзинь ши», существовали следующие варианты монет *дадин тунбао*: разменные (медные и железные), разменные медные с надчеканами на оборотной стороне, равные двум мелким⁹. По-видимому, существовали варианты монет, равные 5 и 10 мелким. У каждого из этих вариантов есть довольно много разновидностей, которые показаны на следующих рисунках.

Рис. 5. *Л. ст.* На поле крестообразная надпись: *дадин тунбао* («ходячая монета годов *дадин*»). Иероглифы выполнены очень тщательно почерком чжэньшу. *Об. ст.* Гладкая. Д—26, д—6, М (Дин, 1346; Ли, 126).

Рис. 6. *Л. и об. ст.* Те же, что на рис. 5, но иероглифы мелкие, наружные ободки сравнительно широкие. Сам монетный кружок тонкий. Д—25, д—6, Ж (Дин, 1346).

Монета рис. 6, возможно, отлита не в Цзинь.

Рис. 7. *Л. ст.* Та же, что на рис. 5. *Об. ст.* Над отверстием иероглиф *шэнь*. Отверстие в виде правильного квадрата. Д—26, д—6, М (Дин, 1346; Ли, 126).

Есть вариант, у которого иероглиф *шэнь* расположен над отверстием.

Рис. 8. *Л. ст.* Та же, что на рис. 5. *Об. ст.* Над отверстием иероглиф *ю*. Д—26, д—6, М (Дин, 1346; Ли, 126).

Есть вариант, у которого иероглиф *ю* расположен под отверстием.

Точное значение этих иероглифов (рис. 7—8) неизвестно, предполагается, что они указывают на время отливки монет, являясь вторыми частями циклических пар *ушэнь цию*, приходящихся соответственно на 1188 и 1189 гг. (другие предполагаемые даты менее вероятны)¹⁰, но при этом следует помнить о монетах, на которых знак *шэнь* повторен дважды — над и под отверстием, или же наверху расположен иероглиф *ю*, а внизу — *шэнь* (№ 12), т. е. создается несуществующая циклическая пара, которая, может быть, означает расширенную дату выпуска — 1188—1189 гг.

⁸ Пэн Синь-вэй, Чжунго хобиши, стр. 386, прим. 6.

⁹ Цзинь ши, цз. 48; Циньдин цянью («Каталог монет, составленный по императорскому повелению»), 1751, цз. 12, стр. 8а.

¹⁰ Ср. рассуждения Вэн Ши-бэя в его Гуцзоань хуайкао («Коллекция древних монет»). Цит. по: Дин, стр. 91а.

Помимо того, встречаются монеты типа, изображенного на рис. 5, на оборотной стороне которых помещены два иероглифа *баньфын* («полфыня»). Указанная пара иероглифов размещена трояко: вертикально (чтение: сверху вниз), горизонтально (чтение: справа налево или слева направо)¹¹. В отдельных случаях можно заметить геометрические значки (кружочки и пр.). Значение их неясно. Полфыня — это $\frac{1}{20}$ часть цян — весовой и денежной единицы, заключенной в разменной монете. Попадаются разменные медные монеты с полулунными значками на оборотной стороне и с оборотной стороной, дублирующей легенду.

Рис. 9. *Л.* и *об. ст.* Те же, что на рис. 5, но наружные ободки на л. и об. ст. очень широки — до 4 мм и монетный кружок крупный. Д—30, д—5, М (Дин, 134б).

Цвет этой монеты беловатый, как считают благодаря присутствию в сплаве серебра. Она равнялась двум обычным монетам.

Рис. 10. *Л.* и *об. ст.* Те же, что на рис. 5, но ободки очень тонкие. Д—33, д—9, М. Очень редкая (Дин, 135а).

По-видимому, этот экземпляр можно отождествить с монетой, соответствующей пяти разменным¹². Она выпускалась с 1178 г. по типу монеты *дагуань тунбао* того же достоинства.

Рис. 11. *Л.* и *об. ст.* Те же, что на рис. 5. Наружные ободки очень тонки. Д—44, д—10, М. Очень редкая (Дин, 135а).

Рис. 12. *Л. ст.* Та же, что на рис. 5. *Об. ст.* Над отверстием — иероглиф *шэнь*, под отверстием — иероглиф *ю*. Д—40, д—11. М. Очень редкая (Дин, 135а).

Монеты на рис. 11—12 по своему достоинству были приравнены к 10 разменным. Монета рис. 12, возможно, изготовлена в 1188—1189 гг. Существуют сведения, что помимо этих циклических знаков в разных местах на поле можно видеть иероглиф *ци*¹³. Мнение о том, что эти монеты копировали китайскую монету *чунью тунбао*, равную 100 мелким, и стоили столько же, неосновательно, так как монеты рис. 11—12 значительно меньше и по размерам вполне соответствуют равноценным монетам *дагуань тунбао*.

Данным перечнем не ограничивается все разнообразие вариантов монеты *дадин тунбао*. Мы описали и упомянули лишь известные и основные. Довольно много монет этого типа выпускалось за пределами страны. Для них характерна большая пестрота и масса отклонений в весе, начертании легенды и т. п. (они мелкие — Д до 20 мм, с небрежно выполненной легендой). Монеты *дадин юаньбао*, упоминаемые в старинных сочинениях, неизвестны¹⁴.

Монеты *дадин тунбао* выпускались с 1178 по 1189 г., т. е. с 18 года *дадин* до окончания этого девиза.

Наряду с этим продолжался выпуск кредиток. В 1180 г. появились так называемые кредитки трех объединений (саньхэтуңчао), выпускаемые в трех чжурчжэньских городах: Центральной (Чжунду) и Южной (Наньцзин) столицах и в Пинляне¹⁵. В 1183 г. старые кредитки велено было менять на новые, но исходя из половины их нарицательной стоимости.

Недолгий тридцатилетний период расцвета национального денежного обращения чжурчжэней закончился. В стране стала ощущаться нехватка медной монеты. Китайские монеты проникали в страну уже

¹¹ Ли Цзо-сянь, Гуцюаньхуай, стр. 13а.

¹² Дин, стр. 94б.

¹³ См. упомянутую работу Вэн Ши-бэя, цит. по: Дин, стр. 93б.

¹⁴ Ли Цзо-сянь, Гуцюаньхуай, стр. 12б—13б.

¹⁵ Liu Hou-tz'u, Papiergeld..., стр. 266.

не в прежнем объеме, запасы меди истощились. А сфера денежного обращения все росла. Непрестанные войны, разбухший чиновничий аппарат требовали все больше средств. Не имея возможности увеличить выплавку монет, правительство расширило выпуск бумажных денег. В 1189 г. был отменен семилетний срок хождения кредиток — последние были превращены в бессрочные ассигнации — и было запрещено лить монету.

Но эти меры лишь обострили кризис денежного обращения, который они призваны были устранить. Пока число монет в обращении соответствовало числу ассигнаций и размен был свободным, вера в последние держалась. Но официальное признание пошатнувшегося баланса превратило ассигнации в ничем не обеспеченные бумажки. В 1192 г. правительство декларативно объявило об ограничении выпуска ассигнаций и об установлении твердого соответствия между количеством ассигнаций и медной монеты в обращении¹⁶. Но уже в 1193 г. при императоре Чжан-цзуне казна стала производить все выплаты ассигнациями, оказывая некоторое снисхождение лишь чиновникам, военным и путешественникам. В 1198 г. было велено все выплаты на рынках на сумму свыше связи монет производить ассигнациями, для чего в 1197 г. выпустили мелкие ассигнации достоинством в одну связку монет. Но обменный курс был установлен в два раза выше фактического.

Принудительное введение в оборот ассигнаций встретило массу затруднений. Поэтому правительство было вынуждено вернуться к прежней практике. В 1197—1200 гг. в ходу были ассигнации (с 1200 г.), серебряные слитки, серебряные и медные монеты — все одинаково называвшиеся *чэнъянь баохуа*, что как бы подчеркивало их равноправность. С 1199 г. был разрешен свободный размен ассигнаций на монеты. Слитки выпускались весом в 50 лян и были приравнены к 100 связкам медных монет. Серебряные монеты выпускались пяти достоинств — от 1 до 10 лян (при расчете — две связки медной монеты за каждый лян)¹⁷. Это первая настоящая серебряная монета на дальневосточном континенте, если не считать полулегендарной монеты ханьского У-ди. Ее появление, вероятно, связано с влиянием монетных систем государств Центральной Азии. Но объявленная стоимость серебряных монет оказалась значительно ниже, чем рыночные цены на серебро в стране (1600 монет за лян в 1197 г.), а главное — в Китае (2300 монет за лян)¹⁸. Это создавало самые благоприятные условия для спекулятивного вывоза серебра и монеты за пределы Цзинь¹⁹. Возможно, отчасти поэтому до нас не дошел ни один экземпляр этой монеты. Наряду с правительственной монетой в обращении была частная серебряная монета с большой долей меди и олова. В 1200 г. серебряные монеты были запрещены и выпущены одноименные ассигнации, заменившие все остальные. В то же время в 1197—1200 гг. выпускалась медная монета, соответствующая пяти мелким²⁰.

Рис. 13. *Л. ст.* На поле надпись, читающаяся крестообразно: *чэнъянь баохо* («драгоценная монета годов *чэнъянь*»). Надпись выполнена очень тщательно почерком кайшу. *Об. ст.* Гладкая. Д — 34, д — 8, М. Очень редкая (Дин, 1356).

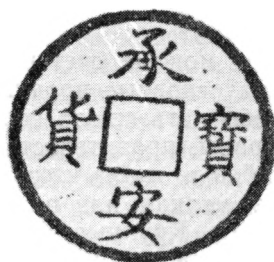
¹⁶ Shioda Saburo, The Origin of Paper Currency of China, — «Journal of the Peking Oriental Society», 1889, vol. II, № 4, стр. 286.

¹⁷ Цзинь ши, цз. 48.

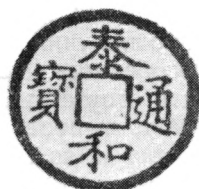
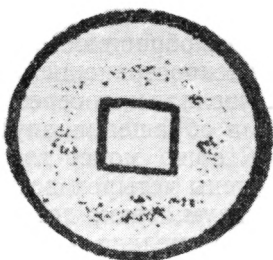
¹⁸ Пэн Синь-вэй, Чжунго хобиши, стр. 382.

¹⁹ Цзинь ши, цз. 48.

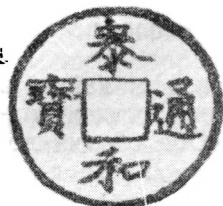
²⁰ Е Дэ-хуай, Гуцюань цзюань («Стихи о древних монетах»), Чанша, 1901, стр. 151—152.



13



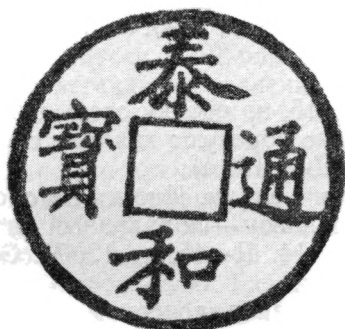
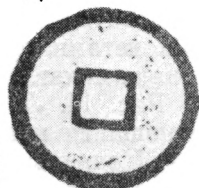
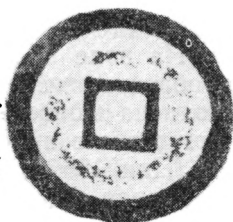
14



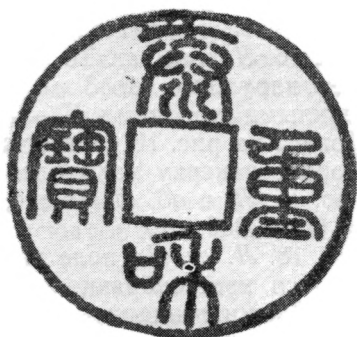
15



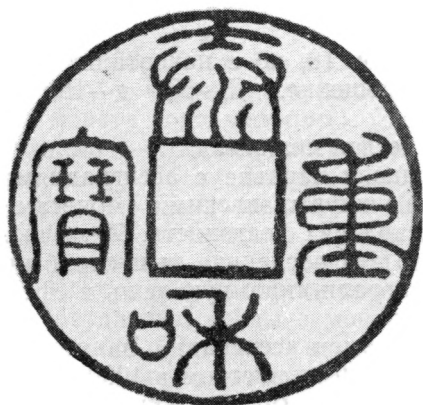
16



17



18



19

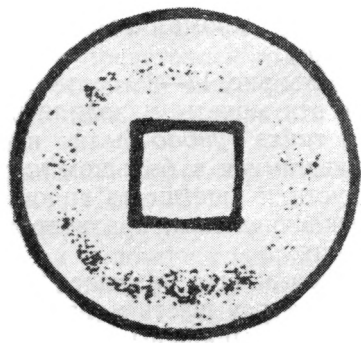


Рис. 13—19 — монеты государства Цзинь:
рис. 13 — л. и об. ст.; рис. 14 — л. и об. ст.; рис. 15 — л. ст.; рис. 16 — л. и об. ст.; рис. 17 — л. ст.;
рис. 18 — л. и об. ст.; рис. 19 — л. ст.

Есть экземпляры с незначительными эпиграфическими особенностями легенды.

Несмотря на изъятие из обращения серебряной монеты, счет на серебро получил широкое распространение. Цены на основные продукты, в особенности на рис, исчислялись в серебре. Чтобы хоть как-то возместить отсутствие серебра в обращении внутри страны, правительство в 1204 г. выпустило целую серию монет *тайхэ тунбао* и *тайхэ чжунбао*. *Тайхэ тунбао* были выпущены четырех достоинств: мелкая, или разменная, и соответствующие двум, трем, десяти мелким. Крупные монеты отлиты из хорошей бронзы, мелкие — почти из чистой меди и имеют красноватый оттенок²¹. В облике монеты очень много общего с сунскими монетами *сюаньхэ тунбао*. В то же время была запрещена частная отливка монет.

Рис. 14. *Л. ст.* На поле надпись, выполненная почерком кайшу и читающаяся крестообразно: *тайхэ тунбао* («ходячая монета годов *тайхэ*»). Надпись выполнена тщательно. *Об. ст.* Гладкая. Оба ободка довольно широкие, отверстие в виде правильного квадрата. Д—25, д—6, М. Довольно редкая (Дин, 1356; Ли, 15а).

Эта монета разменная. На оборотной стороне иногда встречаются полулунные значки.

Рис. 15. *Л. ст.* Та же, что на рис. 14, но иероглифы расположены слегка неровно. *Об. ст.* Та же, что на рис. 14, Д—30, д—8, М (Дин, 136а; Ли, 15а).

Эта монета достоинством в две мелких.

Рис. 16. *Л. и об. ст.* Те же, что на рис. 15, но ободки очень широки, особенно наружные (до 3 мм), а внутренние образуют квадрат со слегка выпуклыми сторонами. Д—31, д—7, М (Дин, 136 а).

Монета на рис. 16 соответствовала трем мелким. Иногда на оборотной стороне наверху находился кружок, а внизу — полулунный значок.

Рис. 17. *Л. и об. ст.* Те же, что на рис. 14. Д—45, д—12, М. Очень редкая (Дин, 236а).

Рис. 18. *Л. ст.* На поле надпись, выполненная почерком чжуань и читающаяся крестообразно: *тайхэ чжунбао* («тяжелая монета годов *тайхэ*»). Сложная надпись выполнена весьма тщательно и четко. *Об. ст.* Гладкая. Наружные и внутренние ободки повсюду одинаковой толщины, нетолстые и ровные. Отверстие имеет вид правильного квадрата. Д—46, д—13, М (Дин, 136б).

Рис. 19. *Л. и об. ст.* Те же, что на рис. 18, но в начертании всех иероглифов, кроме *хэ*, допущено упрощение. Д—57, д—16, М (Дин, 136б).

Монеты рис. 17—19 соответствовали десяти мелким.

Все эти монеты находились в обращении наравне с ассигнациями. Монеты *тайхэ тунбао* были последними чжурчжэньскими монетами, выпускавшимися в большом числе и нескольких достоинств. Чжурчжэни выпустили еще шесть видов монет, но эти последние выпуски были очень малочисленны, кратковременны и играли скромную роль в сфере обращения.

В 1205 г. был разрешен свободный обмен ассигнаций на медную монету по курсу шесть монет за ассигнацию достоинством в 1000 монет, а в 1206 г. выпущены мелкие ассигнации с принудительным курсом, которые были приравнены к крупным ассигнациям, стоившим гораздо ниже номинала. В результате на первых порах мелкие ассигнации поль-

²¹ Чу Шан-лин. Цицинь соэзяньлу («Каталог виденной мною бронзы»), Лайян, 1819, стр. 502—504.

зовались большим спросом, но вскоре вера в них тоже пошатнулась. Тогда правительство в 1207 г. выпустило новые ассигнации, ввело их в оборот и запретило под страхом штрафа какую-либо критику денежного обращения, могущую подорвать доверие к деньгам²². В 1211 г. при императоре Вэй Шао-ване в пограничных провинциях воспретили использовать медные монеты, которые в массе вывозились в Китай.

Следующая монета была выпущена в 1212 г. в обстановке начавшейся агрессии монголов, которые в 1210 г. опустошили северо-западные пределы Цзинь и в 1211 г. захватили Западную столицу. Чтобы как-то усилить денежное обращение, были выпущены две монеты *чунцин тунбао* и одна *чунцин юаньбао*, названные по девизу «чунцин», просуществовавшему один год. Об этих монетах нет сведений ни в «Цзинь ши», ни в старых нумизматических трудах. Они были найдены в Ляочжуне в 20-х годах XX в.

Рис. 20. *Л. ст.* На поле иероглифы, выполненные почерком чжэньшу и читающиеся крестообразно: *чунцин тунбао* («ходячая монета года *чунцин*»). Надпись не очень четкая. *Об. ст.* Гладкая. Ободки сравнительно ровные. Д—25, д—6, М. Очень редкая (Дин, 137а).

Рис. 21. *Л. и об. ст.* Те же, что на рис. 20. Д—29, д—7, М. Очень редкая (Дин, 137а).

Монета рис. 20 мелкая, разменная; монета рис. 21, по всей видимости, соответствовала двум мелким, хотя есть предположение, что она могла равняться трем или даже пяти монетам. Существует также мнение, что легенда выполнена на мелких монетах почерком синшу, а на более крупных — лишу и синшу. Разнобой в определении почерка и достоинства монет объясняется нестандартным обликом и размером немногих известных экземпляров, возможно отлитых частным образом, а не на правительственных монетных дворах.

Рис. 22. *Л. ст.* На поле надпись, выполненная почерком чжуань и читающаяся по часовой стрелке: *чунцин юаньбао* («основная монета года *чунцин*»). *Об. ст.* Гладкая. Ободки повсюду ровные и четкие. Д—35, М. Очень редкая (Дин, 137а).

Эта монета, по-видимому, соответствовала пяти мелким.

Теми же обстоятельствами было вызвано появление в 1213 г. при императоре Сюань-цзуне монеты *чжинин юаньбао* — девиза, существовавшего всего четыре месяца, — очень похожей на сунскую *чуннин юаньбао*.

Рис. 23. *Л. ст.* На поле четыре иероглифа, исполненные почерком чжэньшу и читающиеся по часовой стрелке: *чжинин юаньбао* («основная монета года *чжинин*»). Иероглиф *юань* представлен в особом начертании — «со сходящимися ножками», а иероглиф *чжи* — в сокращенном виде. *Об. ст.* Гладкая. Все ободки тонкие, красноватого цвета. Д—24, д—5, М. Очень редкая (Дин, 137а).

Рис. 24. *Л. и об. ст.* Те же, что и на рис. 23. Иероглиф *чжи* изображен полностью. Д—36, д—7, М. Очень редкая (Дин, 137а).

Монета рис. 24 соответствовала 10 разменным.

Неудачные войны с монголами привели к потере главной столицы в Яньцзине (Пекине) и огромной территории. На военные действия тратились огромные суммы, а хозяйство и торговля давали все меньше дохода. Правительство вынуждено было вступить на путь безудержного выпуска ассигнаций, несмотря на резкие протесты из провинции²³. В 1214 г. для войск были выпущены крупные ассигнации, соответствую-

²² Liu Hou-tzû, Papiergeld..., стр. 269.

²³ Shioda Saburo, The Origin of Paper Currency of China, стр. 292.

щие 20—100 связкам, но уже в момент выхода они котировались в 10 раз дешевле. Тогда выпустили новые ассигнации — достоинством в 200—1000 связок, но и они, в свою очередь, едва принимались за сотую нарицательной стоимости²⁴. Так как ассигнации отказывались принимать, правительство запретило использование монет. В 1215 г., чтобы избежать финансового краха, оно вынуждено было произвести обмен старых ассигнаций на новые *чжэнью баоцюань*. Однако из-за военных действий их распространение было затруднено, а курс непрерывно падал. Хотя правительство дважды в месяц устанавливало новый курс, фактическая стоимость этих ассигнаций на рынке каждый раз была ниже паритета. В результате уже через год, в 1217 г., правительство произвело новый, второй обмен старых ассигнаций на новые *чжэнью тунбао*²⁵, хотя монеты с той же легендой были выпущены где-то накануне 1216 г. Одна связка медных монет была приравнена к ассигнациям достоинством в 1000 связок. Таким образом, правительство официально признало падение покупательной способности ассигнаций до $\frac{1}{1000}$ нарицательной стоимости. Фактически же падение было в два раза больше. Еще в 1214 г. была сделана попытка выпускать в каждой области свои ассигнации, чтобы задержать распространение инфляции.

«Цзинь ши» и старинные нумизматические труды почти ничего не сообщают о монетах *чжэнью тунбао*²⁶. Известно, что в 1216 г. была отлита крупная монета достоинством в 100 мелких, но она не была в обращении. И лишь сравнительно недавно были найдены более мелкие монеты серо-белого цвета с той же легендой, соответствующие одной и двум. Они были выпущены императором Сюань-цзуном около 1216 г.

Рис. 25. Л. ст. На поле надпись, выполненная почерком чжэньшу и читающаяся крестообразно: *чжэнью тунбао* («ходячая монета годов чжэнью»). Об. ст. Гладкая. Ободки сравнительно широкие. Д—20, д—4. Редкая (Дин, 137а).

Рис. 26 Л и об. ст. Те же, что и на рис. 25. Д—26, д—6, М. Редкая (Дин, 137б).

Рис. 27. Л. и об. ст. Те же, что и на рис. 25. Наружные ободки очень широкие. Д—31, д—5, М. Весьма редкая (Дин, 137б).

Монета рис. 25 соответствовала одной, а монеты рис. 26—27 двум мелким, впрочем, последний экземпляр вполне мог равняться трем или пяти мелким.

Атакуемые монголами, китайцами, государством Си Ся, чжурчжэни теряли одну область за другой. Хозяйство находилось в полном упадке. В 1221 г. чжурчжэни вынуждены были объявить новый, третий обмен ассигнаций. Один лян серебра в то время стоил выше 800 связок старыми ассигнациями. Курс их упал до $\frac{1}{100}$ или даже до $\frac{1}{200}$ от нарицательной стоимости, а соотношение цен в серебре и ассигнациях составило 1 : 400 000. В 1222 г. ввели в обиход новые ассигнации *синдин баоцюань*. Каждая должна была соответствовать четыремстам старым ассигнациям, а две — одному лян серебра. Но уже в следующем году их ценность упала до $\frac{1}{150}$ номинала. Выпуск в 1223 г. шелковых ассигнаций *тяньсин баохуай* не мог поправить дела. Письменные источники сообщают о существовании серебряных монет *синдин юаньбао* и медных *юаньгуань тунбао*, но ни те, ни другие не найдены²⁷.

В 1233 г., за год до падения династии, находясь в окруженном мон-

²⁴ Liu Hou-tz ŭ, Papiergeld..., стр. 270.

²⁵ Там же, стр. 271.

²⁶ См.: Вэн Ши-бэй, Гуцюань хуайкао, цит. по: Дин, стр. 257а.

²⁷ Цзинь ши, цз. 48.

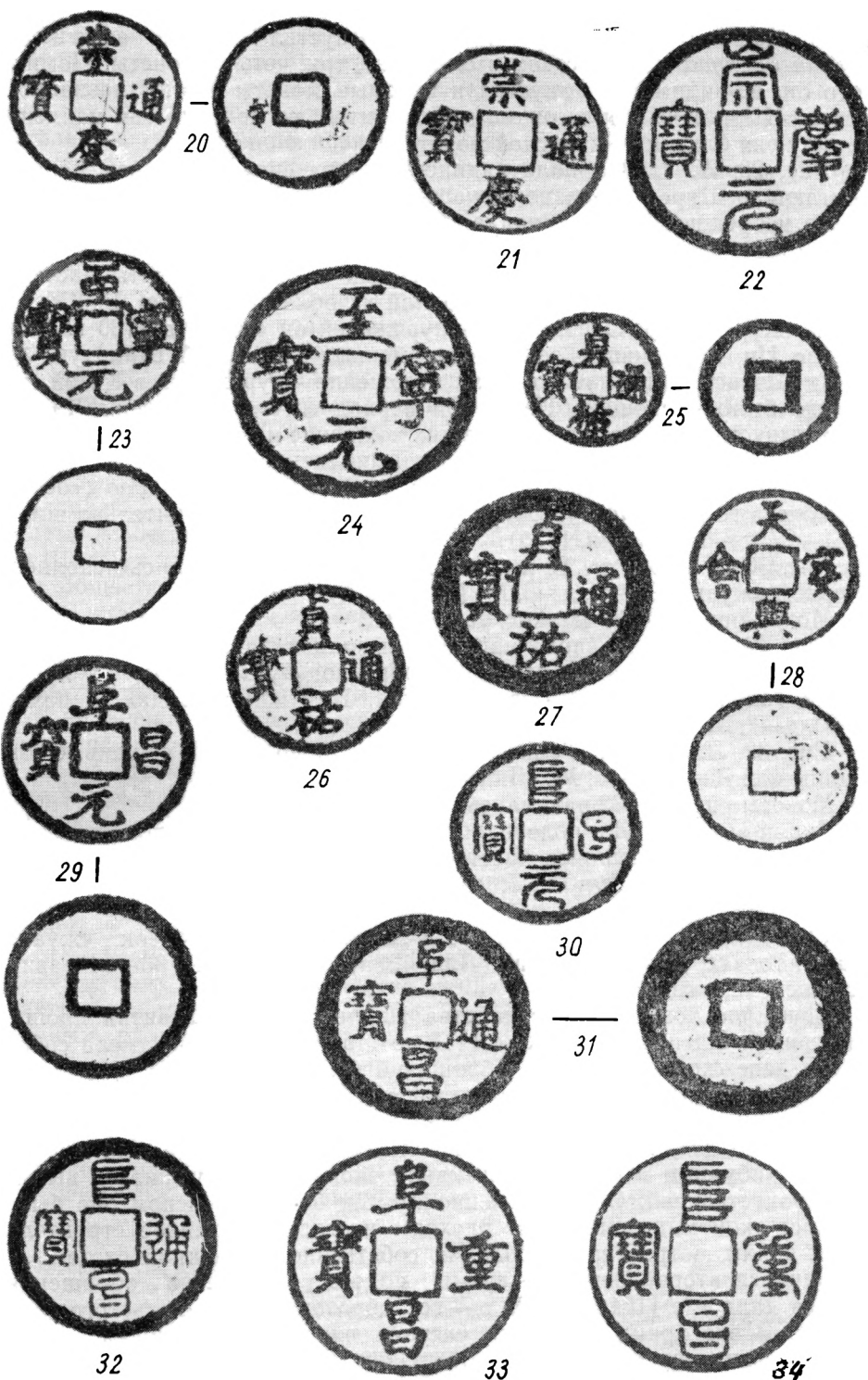


Рис. 20—34 — монеты государства Цзинь:

рис. 20 — л. и об. ст.; рис. 21 — л. ст.; рис. 22 — л. ст.; рис. 23 — л. и об. ст.; рис. 24 — л. ст.; рис. 25 — л. и об. ст.; рис. 26 — л. ст.; рис. 27 — л. ст.; рис. 28 — л. и об. ст.; рис. 29 — л. и об. ст.; рис. 30 — л. ст.; рис. 31 — л. и об. ст.; рис. 32 — л. ст.; рис. 33 — л. ст.; рис. 34 — л. ст.

голами Цайчжоу, император Ай-цзун выпустил мелкие ассигнации *тяньсин баохуай* достоинством в одну, две, три, четыре монеты. Помимо этого он, по-видимому, выпустил и крупные монеты с этим названием, хотя в «Цзинь ши» о них ничего не говорится, но недавно они найдены. По типу они близки к китайской монете *шэнсун юаньбао*.

Рис. 28. Л. ст. На поле надпись, исполненная почерком синшу и читающаяся крестообразно: *тяньсин баохуай*. Надпись выполнена довольно небрежно. Об. ст. Гладкая. Д—25, д—6, М. Очень редкая (Дин, 1376).

К категории монет государства Цзинь относят и монеты вассального государства Ци. Губернатор одной из областей Китая Ли Юй бежал к чжурчжэням. С помощью чжурчжэней он создал в 1130 г. государство Ци, включившее земли современных провинций Шаньдун, Хэнань и Шэнси. В 1137 г., во время вторжения чжурчжэней в Китай, его царство было поглощено Цзинь. За период своего правления Ли Юй успел выпустить серию монет, имевших хождение и в Цзинь²⁸.

Рис. 29. Л. ст. На поле надпись, выполненная почерком чжэньшу (или кайшу) и читающаяся по часовой стрелке: *фучан юаньбао* («основная монета годов *фучан*»). Об. ст. Гладкая, ободки сравнительно широкие. Д—27, д—6, М (Дин, 1376).

Рис. 30. Л. и об. ст. Те же, что и на рис. 29, но надпись исполнена почерком чжуань. Д—28, д—6, М (Дин, 1376).

Монеты рис. 29—30 мелкие, разменные.

Рис. 31. Л. ст. На поле надпись, выполненная почерком чжэньшу (или кайшу) и читающаяся крестообразно: *фучан тунбао* («ходячая монета годов *фучан*»). Об. ст. Гладкая. Наружные ободки широкие. Д—30, д—7, М (Дин, 1376).

Рис. 32. Л. и об. ст. Те же, что на рис. 31, но почерк чжуань. Ободки широкие. Д—30, д—7, М (Дин, 1376).

Монеты рис. 31—32 равнялись двум мелким.

Рис. 33. Л. ст. На поле надпись, исполненная почерком чжэньшу (или кайшу) и читающаяся крестообразно: *фучан чжунбао* («полновесная монета годов *фучан*»). Об. ст. Гладкая, ободки широкие. Д—34, д—8, М (Дин, 138а).

Рис. 34. Л. и об. ст. Те же, что и на рис. 33, но почерк чжуань. Ободки тонкие. Д—34, д—8, М (Дин, 138а). Монеты рис. 33—34 равнялись трем мелким.

Денежное хозяйство государства Цзинь в своем развитии прошло три этапа²⁹. На первом этапе, с 1115 по 1154 г., страна не имела собственной денежной системы. В обращении были в основном киданьские и китайские медные монеты, а также слитки драгоценных металлов и другие предметы, т. е. сфера обращения носила еще полунатуральный характер. Благодаря огромным ценностям, захваченным в Ляо и в Китае, контрибуциям и дани, примитивная экономика чжурчжэней выглядела процветающей. Однако именно приток богатств, непомерно быстрый рост экономики, огромные расходы на государственное строительство и войны потребовали создания собственной денежной системы.

Начался второй период — время подъема денежного обращения, который длился с 1154 по 1206 г. — год образования монгольского государства. В это время денежная система чжурчжэней приобрела свои специфические черты. В государстве Цзинь в обращении были медные

²⁸ Чжан Чун-и и Лю Янь-тин, Цяньчжи цинбянь («Новое описание монет»), 1854, стр. 271—282.

²⁹ Пэн Синь-вэй, Чжунго хобиши, стр. 381.

монеты (свои и китайские), свои серебряные монеты, бумажные деньги (кредитки и ассигнации), серебряные слитки, т. е. существовала система более сложная, нежели в Китае. Характерно, что первым собственным денежным знаком чжурчжэней были не монеты, а кредитные обязательства (*цзяочао*) по образцу танских. Уже в 1189 г., т. е. на 60 лет раньше Китая, они были заменены бессрочными ассигнациями. За время своего правления династия Цзинь выпустила свыше 10 типов ассигнаций разного достоинства — от одной монеты (*сяочао*) до 1000 связок. В первое время ассигнации выпускались на местах, затем их изготовление было централизовано, но в последние годы Цзинь вернулись к старой практике. Все ассигнации обладали принудительным паритетом. Если в самом начале правления династии они еще пользовались доверием, то безудержный выпуск и необеспеченность лишали их покупательной способности. Тогда правительство ограничивало металлическое обращение, выпускало новые ассигнации и обменивало их на старые (в 1215, 1217, 1221—1222 гг.). При этом курс новых ассигнаций был ниже, чем старых, и т. д.

В третий период денежного обращения Цзинь все это закончилось инфляцией с характерными ее признаками — сокрытием металлической монеты и обесценением ассигнаций (1206—1234). Уже в 1188 г. император Ши-цзун жаловался, что у некоторых по 60 млн. связок монет лежит «без общественной пользы»³⁰. Обесценение ассигнаций до $\frac{1}{100}$ их номинала стало обычным явлением, а в последние десятилетия существования государства стоимость только что выпущенных ассигнаций составляла $\frac{1}{1000}$ их номинала. К 1223 г. цены на серебро в пересчете на первые ассигнации возросли в 60 млн. раз³¹. Серебро играло крупную роль во внешнеторговых расчетах, а в конце династии Цзинь — и на внутреннем рынке. В обращении было весовое серебро — слитки по 50 лян, а серебряная монета *чэнъянь баохо*, до нас не дошедшая, большого значения не имела. Она интересна лишь самим фактом появления, так как ни у китайцев, ни у корейцев не было серебряных монет.

Зато медная монета играла важнейшую роль в обращении. 34 описанные нами монеты принадлежат к типам, из которых девять связаны с самостоятельным девизом годов правления, четыре же отличаются не девизом, а термином, употребляемым для обозначения монет (см. рис. 18—19, 23, 31—32, 33—34). По достоинству они довольно разнообразны: из них лишь меньшинство принадлежит к мелким, разменным монетам (см. рис. 1—8, 14, 20, 23, 25, 28, 29—30), а большинство — к крупным, равным двум (см. рис. 9, 15, 21, 26, 27, 31, 32), трем (см. рис. 16, 33—34), пяти (см. рис. 10, 13, 22) и десяти (см. рис. 11, 12, 17—19, 24) мелким. Обилие типов и вариантов (достоинств) — свидетельство шаткости монетного обращения чжурчжэней. Крупные монеты содержали меди значительно меньше, чем полагалось им по норме. Эта и другие причины приводили к частой смене образца монет. В результате некоторые варианты выпускались в небольшом количестве³². Ве-

³⁰ Цзинь ши, из. 48.

³¹ Пэн Синь-вэй, Чжунго хобиши, стр. 384.

³² Этим обстоятельством, а также изъятием и переплавкой чжурчжэньских монет китайцами в последующие века объясняется большая редкость некоторых типов и вариантов монет. Почти половина описанных монет (15 из 34) охарактеризована как редкие или очень редкие. Это все либо крупные монеты ранних выпусков (см. рис. 10, 11, 12, 13, 17 и др.), либо и чаще монеты последнего периода существования государства — с 1212 г. (см. рис. 20—28). Установление степени редкости производилось по цитированной книге Дин Фу-бао (см.: Дин, стр. 576) и по работе Чжан Хэ-чжуня «Заметки о монетах династии Цзинь».

душую роль в монетной системе чжурчжэней играли три типа монет: *дадин тунбао, чжэнлун юаньбао и тайхэ чжунбао*.

В изготовлении медных монет чжурчжэни строго следовали китайским канонам, иногда в киданьской интерпретации. Форма, размер монетного кружка, квадратного отверстия, ободков, характер, язык и почерк легенды — все следовало китайскому образцу. Создав свою письменность и энергично вводя ее в государственный обиход, чжурчжэни тем не менее не использовали ее на монетах. Значительно слабее ощущается влияние центральноазиатской монетной системы (серебряные монеты).

Обращение монет часто затруднялось. Страна была бедна залежами меди, и на монетные дворы посылали домашнюю утварь. Пользуясь высокими ценами на медь в Китае, торговцы вывозили монету из страны: «Монеты во множестве уходят к Сун. Сунцы радуются, цзиньцы не воспрепятствуют этому»³³. Богачи обращали в сокровища огромное количество монет. Кроме того, побуждая население использовать ассигнации, правительство ограничивало, а то и вовсе запрещало обращение медной монеты (в 1189, 1193, 1211 гг.). Такого запрещения в 1204 г. требовал чжурчжэньский министр, говоря: «...отливать монеты очень накладно. Нужно затратить 10 штук, чтобы получить одну»³⁴. И действительно, даже рекордная цифра годовой выплавки монет за 1189 г. — 800 тыс. связок — во много раз ниже китайской (15 млн. — в 1080 г., 3 млн. — в 1119 г.)³⁵.

Это в значительной степени объясняет наличие в стране множества медных китайских монет. Такие монеты либо покупались, либо их получали в счет дани, но в обращении в Цзинь они, по-видимому, были куда более многочисленны, чем местные. Во всяком случае, из 747 монет, собранных в Байчэне (Верхняя столица чжурчжэней), только шесть было собственно чжурчжэньских³⁶, а в кладе XII в., найденном у сел. Афанасьевки в Приморье, из 132 монет всего лишь одна оказалась чжурчжэньской. Таким образом, нельзя и переоценивать размах монетного дела династии Цзинь, создавшей много оригинального в своей монетной системе, но строившей свое металлическое обращение прежде всего на массе импортируемой китайской монеты.

Денежная система чжурчжэней отличается большой пестротой и сложностью. В сфере обращения находились разнотипные чжурчжэньские кредитки и ассигнации, серебряные и медные монеты, серебряные слитки, китайские и киданьские монеты и другие материальные ценности — обращение во многих случаях оставалось натуральным. В выпуске ассигнаций и серебряной монеты чжурчжэни опередили китайцев. Однако основную массу монет в обращении Цзинь составляли китайские. Слабость и пестрота собственного металлического обращения и безудержный выпуск ассигнаций способствовали возникновению инфляции.

³³ Цзинь ши, цз. 48.

³⁴ Там же.

³⁵ Пэн Синь-вэй, Чжунго хобиши, стр. 281.

³⁶ В. Я. Голмачев, Древности Маньчжурии. Развалины Бэй-чэна. По данным археологических разведок 1923—1924 гг., — «Вестник Маньчжурии», Харбин, 1925, № 1, стр. 28.

Е. И. Кычанов

**ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИКИ
ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА СЯ
(982—1227 гг.)**

В этой статье автору хотелось бы поделиться результатами своих первых изысканий и попытаться сделать некоторые предварительные заключения о характере тангутской экономики.

Изучение основных отраслей экономики тангутского государства Ся возможно в первую очередь на основании тех немногих косвенных свидетельств, которые сохранились в китайской исторической литературе. Но это не только и не столько потому, что отсутствуют оригинальные тангутские источники — они есть и исследование их представляется чрезвычайно перспективным¹. Дело в том, что даже при современном, очень обнадеживающем уровне тангутоведения потребуется очень много усилий, чтобы большие по объему тангутские документы стали доступным материалом для исследователя.

Обобщение немногих китайских сведений как раз и призвано облегчить работу над тангутскими первоисточниками. Опыт показал, что китайские источники зачастую достаточно точны и помогают разобраться в трудных тангутских текстах. Так было, например, при изучении организации тангутского административного аппарата². Поэтому, работая с такими материалами, как своды тангутских законов, тангутские документы и т. п., целесообразно выбрать из китайских источников все сведения об экономике тангутского государства, привлекая, естественно, и тангутские первоисточники.

Основными отраслями хозяйства тангутского государства были скотоводство и земледелие.

Исторически скотоводству в хозяйстве тангутских племен принадлежала главенствующая роль³. На заре существования тангутского государства, во время войн его основателя Цзи-цзяня с сунскими войсками, китайские чиновники докладывали двору, что тангуты «пасут скот, передвигаясь в зависимости от наличия воды и травы, и не имеют постоянного местожительства»⁴. Скотоводство не утратило своего значе-

¹ Е. И. Кычанов, Тангутские письменные памятники из Хара-Хото как исторический источник, — «Историография и источниковедение истории стран Азии», вып. I, 1965, стр. 44—49.

² Е. И. Кычанов, Государственное устройство Си Ся, — «Ученые записки ЛГУ», 1959, вып. 10, № 281, стр. 103—115; его же, Тангутские источники о государственно-административном аппарате Си Ся, — «Краткие сообщения Института народов Азии», 1965, № 69, стр. 180—196, 210—218.

³ Е. И. Кычанов, К вопросу о происхождении тангутов, — «Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока», М., 1961, стр. 53—54.

⁴ Дай Си-чжан, Си Ся цзи («Записки о Си Ся»), гл. 2, Пекин, 1924, стр. 146 (далее: Си Ся цзи).

ния в экономике страны и в годы расцвета тангутского государства. «Основные продукты производства государства Си Ся, — сообщается в другом китайском источнике, — овцы, лошади, войлоки, шерстяные ткани, ковры...»⁵. Скотоводство было возможно на всей территории Ся (современная китайская провинция Ганьсу и западная часть провинции Шэньси), а в степных, полупустынных и пустынных районах оно было единственной отраслью хозяйства. «Их (тангутов. — Е. К.) земли, — сообщается в «Истории (династии) Цзинь», — богаты водой и травой и годны для скотоводства. Так называемые лянчжоуские стада — лучшие в Поднебесной»⁶.

Судя по упоминаниям различных источников, основными животными в хозяйстве тангутов были овцы, лошади, коровы, яки, верблюды, ослы, мулы. Овец, лошадей, коров разводили во всех районах Ся, яков — преимущественно в горных районах Наньшаня и Куку-нора. Алашань славился в то время по всей Центральной Азии своими верблюдами. Интересно, что монголы до нападения на тангутов очень мало разводили верблюдов и верблюды у них «в большом количестве появились после походов Чингисхана на Тангут»⁷.

Можно предполагать, что государство как-то стремилось контролировать ведение скотоводческого хозяйства в масштабах всей страны. В «Измененном и заново утвержденном кодексе законов эпохи Небесного Процветания (1149—1169)» в администрации Ся среди управлений среднего ранга упоминаются управление скотоводством и управление коневодством⁸. На существование управления скотоводством указывается и в китайских источниках⁹. К сожалению, мы ничего не знаем о функциях этих управлений. Возможно, они ведали стадами, принадлежащими правящему дому (и государству?). По сведениям «Си Ся шу ши», одной из задач управления скотоводством был надзор за принадлежащими государству лошадьми (*го ма*)¹⁰, хотя, судя по тангутскому первоисточнику, для этого было создано специальное управление коневодством.

Думается, что основная масса скота находилась в собственности частных лиц. О богатых и бедных скотоводах, т. е. о существовании частной собственности на скот, красноречиво говорят тангутские изречения:

Мудрый и скота накопивший в Совете заседает.
Поймали и внутренности отбили — чужую лошадь украл.

Пословиц не знает, разговора вести не сможет,
Лошадей и яков мало имеет, досыта не поест.

На лошади округи не объедешь — не годится для езды,
Скота не сосчитать — хозяин только им и занимается¹¹.

⁵ У Гуан-чэн, Си Ся шу ши («Описание событий в Си Ся»), гл. 2, Пекин, 1936, стр. 4а (далее: Си Ся шу ши).

⁶ Цзинь ши («История (династии) Цзинь»), гл. 134. «Сы бу бэй яо», Шанхай, 1935—1936, стр. 828. Территория бывшего государства Си Ся и в наши дни — важнейший скотоводческий район Китая. См.: Люй Чао, Сибэй чумье («Скотоводство северо-западного Китая»), Шанхай, 1955, стр. 8, 10—11, 15.

⁷ Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, монгольский кочевой феодализм, Л., 1934, стр. 36.

⁸ «Измененный и заново утвержденный кодекс законов эпохи Небесного Процветания», т. X, Тангутский фонд ЛО ИНА, инв. № 170—171; Е. И. Кычанов, Тангутские источники..., стр. 183, 185, 210.

⁹ Си Ся шу ши, гл. 11, стр. 116.

¹⁰ Там же.

¹¹ Вновь собранные драгоценные парные изречения, Тангутский фонд ЛО ИНА, инв. № 763, стр. 13а, 11а, 11б.

Из текста пословиц очевидно, что положение в обществе непосредственно зависело от количества имевшегося скота — у одного его было много, и он заседал в Совете, т. е. участвовал в управлении, у другого мало, и тот поэтому даже досыта не ел. Судя по косвенным свидетельствам китайских источников, богатые скотовладельцы имели десятки тысяч голов скота. Когда в 1098 г. китайцы внезапно напали на стойбище семей двух тангутских чиновников, то захватили «не менее 10 тысяч голов скота»¹². Мы знаем, что большими стадами владел правящий тангутский дом Вэймин. В 990 г. два изменивших Цзи-цяню рода внезапно напали на него и «захватили его скот» числом более 20 тысяч голов¹³. Эти факты позволяют говорить об очевидной имущественной дифференциации среди тангутских скотоводов, хотя мы пока не в состоянии охарактеризовать хозяйство тангутского скотовода.

Несмотря на то что значительная часть территории Ся была неудобна для земледелия, все области страны располагали землями, годными для обработки и возделывания тех или иных культур. Западная и восточная окраины Ордоса и сейчас вполне пригодны для земледелия. Земли по р. Хуанхэ, особенно от Иньчуаня (Синчжоу — бывшей столицы государства Ся) до Ланьчжоу, обрабатывались с глубокой древности и давали хорошие урожан. Важными земледельческими областями страны были Принаньшань и район г. Синина. Именно в указанных местностях «земли у тангутов были плодородны, и они сеяли на них пять видов хлебных культур (рис, просо, пшеницу, ячмень, соевые бобы. — Е. К.). Особенно хорошо их земли годились для посевов риса и пшеницы»¹⁴.

Почти повсеместно земледелие в Си Ся было поливным. По некоторым данным, 68 больших и малых каналов орошали 90 с лишним тысяч *цин* земли (один *цин* равен 5,68 га)¹⁵. В Шачжоу, Гуачжоу, между Ганьчжоу и Лянчжоу «полив производился прямо из рек»¹⁶. Мощная ирригационная сеть была в районе столицы Ся — г. Синчжоу, и у г. Линчжоу, где для орошения использовали воды р. Хуанхэ. В этой местности пять древних каналов: Циньцзя, Ханьбо, Айшань, Цицзи и Тэцзинь — каналом Юйчжи соединялись с двумя каналами округа Сячжоу — Ханьюань и Танлян. Канал Ханьюань был длиной в 250 *ли* (одно *ли* равно 576 м), канал Танлян — в 320 *ли*¹⁷. Все каналы этого района «были связаны между собой, собирали и распределяли воды реки Хуанхэ»¹⁸.

Ирригации в тангутском земледелии принадлежала решающая роль, и, судя по первому знакомству, тангутские законы содержали подробное описание оросительной системы Ся и строгую регламентацию пользования водой и ирригационными сооружениями¹⁹. Вероятно, нуждами земледелия и ирригации ведало управление сельским хозяйством, имевшееся у тангутов наряду с управлением скотоводством²⁰.

Земледельцы Ся пахали землю на волах. Вол как тягловое жи-

¹² Си Ся цзи, гл. 21, стр. 4а—4б.

¹³ Там же, гл. 1, стр. 15а.

¹⁴ Сун ши [«История (династии) Сун»], гл. 486 «Сы бу бэй яо», стр. 3796. (далее: Сун ши).

¹⁵ Чжоу Чунь, Си Ся шу («Описание Си Ся»), Рукопись библиотеки Пекинского университета, гл. 9, стр. 106.

¹⁶ Сун ши, гл. 486, стр. 3796.

¹⁷ Си Ся цзи, гл. 3, стр. 13а.

¹⁸ Си Ся шу ши, гл. 20, стр. 76.

¹⁹ «Измененный и заново утвержденный кодекс законов...», т. XV, инв. № 196 197.

²⁰ Е. И. Кычанов, Тангутские источники..., стр. 183, 185, 210.

вотное упоминается в тангутско-китайском словаре 1190 г. «Жемчужина в руке»²¹. На одной из гравюр в тангутском фонде ЛО ИВАН изображена сцена пахоты на быке. В западных областях страны, возможно, пахали на верблюдах, так как жившие в тех районах уйгуры еще в X в. использовали верблюдов для обработки земли²². В словаре «Жемчужина в руке» названы некоторые сельскохозяйственные орудия тангутов: соха, каменный каток для разрыхления и выравнивания почвы, лопата, мотыга, серп, каменный каток для обрушивания зерна, веялка-решето, ручная мельница для помола зерна²³. Все это говорит о хорошей по тем временам оснащенности земледельческого хозяйства Ся.

К сожалению, мы пока мало знаем, кому и на каких правах в тангутском государстве принадлежали как обрабатываемые земли, так и пастбища. Возможно, там юридически признавались две формы владения землей — государева (императорская) и частновладельческая. При этом, вероятно, предполагалось, что, как и вся власть в стране, все земли, вся территория Ся были собственностью государя. А он уже жаловал земли своим подданным. Эти предварительные выводы сделаны автором на основании изучения «Новых законов» государства Ся, составленных после «Измененного и заново утвержденного кодекса законов», со ссылкой на статьи последнего. В преамбуле к главе XV «Новых законов», содержащей законы о земле, мы читаем: «Испокон веков используемые каналы, земля, вода и арыки находятся в вечном владении государя и частных лиц»²⁴. Далее поясняется, что все население страны — князья, служилое сословие, простой народ — государем «жалованную землю используют»²⁵. Оба свода законов точно предусматривают размеры жалуемых участков и причитающуюся с них ренту. Таким образом, мы можем полагать, что право владения распространялось кроме земли и на воду (что совершенно понятно в условиях орошаемого земледелия) и юридически признавались два вида владения — государево (вероятно, в широком понимании государя и государства в целом) и частных лиц.

Пока мы вынуждены говорить о владении землей, а не о собственности на землю. Из доступного автору материала можно сделать лишь один вывод, что полноправным собственником земли был только государь. Он жаловал ее князьям, служилому сословию и всем прочим подданным. Последние были владельцами-землепользователями. Это подтверждается законами о купле-продаже земли. Земля покупалась и продавалась, но неизменно под контролем верховного собственника — государя (государства), которому при любом землепользователе принадлежала определенная рента с этой земли. Поэтому тангутское законодательство очень подробно регламентирует куплю-продажу земли. О каждой сделке было необходимо доложить местной администрации²⁶. Государство должно было твердо знать, с кого получать налог-ренту. «Когда любой человек продает облагаемую податью землю, — говорится в законе, — то продавец из земельного реестра вычеркивается, а собственное имя покупателя (в реестр) вносится»²⁷.

²¹ Нисида Тацуо, Сэйка гэнгоно кэнкю («Изучение языка Си Ся»), Дзауко канкёкай, 1964, стр. 213.

²² Д. Позднеев, Исторический очерк уйгуров, СПб., 1899, стр. 108.

²³ Нисида Тацуо, Изучение языка Си Ся, стр. 212—213.

²⁴ «Новые законы», гл. XV, Тангутский фонд ЛО ИНА, инв. № 2890, стр. 1. Формула «государево и частное» постоянно встречается в тангутских законах.

²⁵ Там же, стр. 2.

²⁶ «Измененный и заново утвержденный кодекс законов...», т. XV, инв. № 7932 б, стр. 116.

²⁷ Там же, инв. № 196, стр. 38а.

Землю не только можно было получить по пожалованию или купить, но и приобрести ее, возделав целинный участок. Закон предусматривал, что «необработанную (целинную) землю вспахавший ее во владение получает. Он и родичи его владеют ею вечно и имеют право продавать»²⁸. Однако, вероятно, и в этом случае земледелец платил налог государству и вносил плату за воду, которая, возможно, ему не принадлежала. Предполагать так заставляет продолжение только что цитированного текста: «Если оросительный канал разрушается, то хозяин данной земли должен чинить его»²⁹. Если бы канал безраздельно принадлежал владельцу участка, то вряд ли стоило оговаривать, что именно он обязан содержать его в хорошем состоянии. С другой стороны, возможно, указанная приписка вызвана заботой государства о сохранении нового участка в числе обрабатываемых земель и обеспечении с него устойчивого дохода.

Поземельный налог у тангутов, судя по кодексу законов, взимался натурой. Размер налога определялся количеством земли и тем продуктом, которым он выплачивался, например, размер налога, выплачиваемого пшеницей или рисом, был неодинаков с равного по площади участка земли³⁰. Налоговые поступления расходовались на содержание армии, государственного аппарата, школ и создание необходимых запасов продовольствия. От налогов освобождали только в крайних случаях, во время стихийных бедствий, как это было, например, в 1143 г. после страшного землетрясения, опустошившего целые области страны³¹.

В тангутском государстве основную массу земледельцев составляли рядовые тангуты и представители других народов, населявших Ся. «В государстве Ся, — сообщается в «Си Ся шу ши», — земледелием занимались фактически те же, кто шел на службу в армию. Когда набирали солдат на службу, то это препятствовало земледелию, так как земля приходила в запустение и росли пустыри»³². Однако положение этой основной массы земледельцев остается нам пока совершенно неясным. О принудительном труде в сельском хозяйстве мы имеем лишь одно упоминание в китайском источнике: «Если тангуты брали в плен китайцев, то храбрых они назначали на военную службу в передовые части и называли их *чжуанлинлан*, а если [пленные] оказывались слабыми, трусливыми или не обладали никакими способностями, то их отсылали за реку заниматься земледелием или же использовали для обороны города Сучжоу»³³.

Есть сведения о прикреплении людей к храмам, но мы мало знаем о том, в каких отраслях храмового хозяйства они работали, хотя при пожаловании они и названы земледельцами³⁴.

Зато, по-видимому, с достаточной уверенностью можно сказать, что наряду с поземельным налогом — рентой другой важной повинностью населения Ся в пользу государства было отбывание трудовой повинности. Отбывавшие трудовую повинность, как правило, работали на больших строительствах. Так, в 1020 г. они возводили стены вокруг

²⁸ Там же, инв. № 7933, пагинация не сохранилась.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, инв. № 2581, стр. 36—4а.

³¹ Си Ся шу ши, гл. 35, стр. 15а—15б.

³² Там же, гл. 42, стр. 4а.

³³ Сун ши, гл. 486, стр. 3797.

³⁴ Нисидо Тацуо, Изучение языка Си Ся, стр. 169. По тангутскому законодательству можно судить, что у всякого лица могло быть четыре основных объекта собственности: «скот, зерно, имущество, люди». См., например: «Измененный и заново утвержденный кодекс законов...», т. III, инв. № 154, стр. 206.

новой столицы Ся — г. Хуайюань³⁵, а в 1047 г. строили монастырь Гаотай, один из крупнейших в стране³⁶. О массовом участии населения Ся в несении трудовой повинности свидетельствует большое число работников, отбывавших повинность одновременно и в одном месте. В 1165 г. для строительства стен и дворца в г. Линчжоу было собрано 100 тысяч человек³⁷. В 1169 г. для строительства г. Сианьчан было собрано 40 тыс. солдат и 30 тыс. человек, отбывающих трудовую повинность³⁸. В источниках нет сведений о том, сколько дней или месяцев в году отбывали эту повинность, но, очевидно, она была как-то регламентирована. Обязанные отбывать трудовую повинность не были постоянно заняты строительством. Так, в 1082 г., когда тангуты начали строительство г. Наньмоу, а китайские войска помешали работам, власти «прекратили работу и распустили отбывавших трудовую повинность»³⁹. Таким образом, насколько это известно в данный момент, трудовая повинность и натуральный налог — рента с земли были двумя важнейшими формами эксплуатации населения Ся.

Наряду со скотоводством и земледелием заслуживают упоминания ремесла, промыслы и торговля Ся.

Из перечня управлений в администрации Ся мы знаем о существовании ведомств, которые руководили разного рода мастерскими. К числу таковых относились: общее управление мастерскими, управление, ведавшее резанием досок и печатанием с них книг, управление мастерскими по обработке золота, управление шелкоткачеством, управление железоделательными мастерскими, управление деревообрабатывающими мастерскими, управление мастерскими по изготовлению бумаги, управление гончарными мастерскими, управление мастерскими по изготовлению экипажей⁴⁰. Поскольку существовали упомянутые управления, значит, были и соответствующие мастерские. В тангутской надписи 1094 г., воздвигнутой по случаю реставрации пагоды Ганьин в Ляньчжоу, упомянуты чиновники — руководители работ по производству черепицы, плотницких работ, чиновники, возглавлявшие каменщиков, слесарей⁴¹. На основании этой надписи можно полагать, что крупные строительства городов, храмов, дворцов осуществлялись в централизованном порядке под наблюдением администрации и опытных мастеров.

Помимо строительства и работы в разного рода мастерских в хозяйстве Ся важную роль играли промыслы, в частности разработка естественных богатств страны. В северо-восточном районе тангутского государства, в округе Сячжоу добывали железную руду и плавил металл⁴². В округе Сучжоу добывали асбест, процесс добычи и обработки которого был описан еще Марко Поло⁴³.

Очень важную роль в экономике Си Ся играл соляной промысел. По сообщениям китайских авторов, «все цянские племена добывали соль и обменивали ее у пограничных жителей на зерно»⁴⁴. Соль добывалась из озер, которыми особенно изобилует Ордос. Объем работ и количество добываемой соли было велико: в 1043 г. третий государь Ся Юань-хао предложил сунскому двору ежегодно продавать в Китай

³⁵ Си Ся цзи, гл. 5, стр. 156.

³⁶ Там же, гл. 11, стр. 9а.

³⁷ Си Ся шу ши, гл. 37, стр. 5а.

³⁸ Си Ся цзи, гл. 25, стр. 6а.

³⁹ Там же, гл. 17, стр. 2а.

⁴⁰ Е. И. Кычанов, Тангутские источники..., стр. 183—184, 212.

⁴¹ Нисида Тацую, Изучение языка Си Ся, стр. 175—176.

⁴² Си Ся цзи, гл. 7, стр. 266, гл. 15, стр. 66.

⁴³ Путешествие Марко Поло, пер. Н. П. Минаева, СПб., 1910, стр. 70.

⁴⁴ Си Ся цзи, гл. 2, стр. 17а.

100 тыс. *дань* (один *дань* равен 59,68 кг) соли⁴⁵. Китайские чиновники рекомендовали двору отклонить предложение Юань-хао и, в частности, указывали на то, что тангутская соль «обладает прекрасными вкусовыми качествами, а поскольку она добывается из озер, возможности ее добычи беспредельны. Если снять запрет на ее ввоз, то она хлынет в народ потоком, который не сдержат никакие плотины»⁴⁶.

Подсобным промыслом у тангутов было пчеловодство, которое давало им мед и воск, охотно покупаемые китайцами⁴⁷.

Видимо, такие работы, как обработка кож, пошив обуви, прядение шерсти, изготовление шерстяных тканей, пошив одежды, чаще всего производились на местах. Можно сослаться на Марко Поло, который отмечал, что в области Егрегайя (т. е. Алашане) «ткнут лучшее в свете сукно из верблюжьей шерсти»⁴⁸. Такая специализация отдельных районов, во многом определявшаяся их природными условиями, весьма показательна. Она являлась одним из условий развития торговли внутри страны и способствовала внешней торговле Ся.

Торговлю наряду со скотоводством и земледелием тангуты считали одним из трех светлых начал в мире. В тангутской пословице говорилось:

Три светлых начала в мире: скотоводство и земледелие —
два, и торговля — это три,
Три темных начала искоренить бы, да они живут: ложь и
разбой — два, и распутство — это три⁴⁹.

Торговец считался особым лицом, обладающим капиталом и занятым только своим делом. Снова сошлемся на пословицу:

Овец имеющий занимается скотоводством в горных областях
Тангутской земли,
Деньги имеющий ищет выгоды в торговле с китайскими
купцами⁵⁰.

С первых лет независимости государства тангутские государи заботились о развитии торговли. В 1002 г. Цзи-цзянь для нужд местного населения открыл рынки в местечке Чиша округа Сячжоу и городке Тотокоу округа Линчжоу⁵¹. К сожалению, мы не имеем прямых свидетельств о развитии внутренней торговли в Ся. Но можно полагать, что наличие достаточно широкого внутреннего обмена предусматривалось самим характером хозяйства страны. Две его ведущие отрасли — скотоводство и земледелие предполагали взаимный обмен продуктами. Более того, каждый район страны славился какими-либо товарами: Алашань — скотом и сукнами из верблюжьей шерсти, горные районы Наньшаня — ревенем и мускусом, Ордос — солью, западные области — знаменитыми уйгурскими коврами. Поэтому можно думать, что внутренняя торговля в Ся была развита достаточно, хотя доступные нам источники и не упоминают о ней.

В первые десятилетия существования тангутского государства там, по-видимому, не было своей монеты. Любопытно, что одно из свидетельств китайских источников дает возможность предположить, что в государстве Ся, как и в соседнем киданьском государстве Ляо, из об-

⁴⁵ Там же, тл. 10, стр. 7а.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, гл. 4, стр. 18.

⁴⁸ Путешествие Марко Поло, стр. 95—96.

⁴⁹ Вновь собранные драгоценные парные изречения, стр. 20а.

⁵⁰ Там же, стр. 2а.

⁵¹ Си Ся цзи, гл. 3, стр. 116.

щей массы товаров выделился продукт, ставший всеобщим эквивалентом при обмене. Если в Ляо этим продуктом были ткани, то здесь была соль. В 1043 г. китайский пограничный чиновник докладывал двору, что «на территории нескольких округов, принадлежащих Юань-хао, финансовые сделки совершались в расчете на соль»⁵². По имеющимся в настоящее время данным, тангутское правительство стало выпускать свою монету только с середины XI в. Наиболее ранняя из известных в настоящее время монет Ся датирована девизом правления Фу-шэн (1053—1056 гг.)⁵³. Тангутские монеты изготовлялись по китайскому образцу, техника их производства, по мнению специалистов, была очень высокой⁵⁴.

Тангутские племена издавна торговали с Китаем и другими соседями. И после возникновения тангутского государства внешняя торговля Ся развивалась главным образом с соседними районами Северного Китая — вначале с Сун, а затем с чжурчжэньским государством Цзинь. Для торговли на границе открывались специальные рынки. При покупке тангутских товаров право первой руки принадлежало китайской казне, и только в том случае, если казна отказывалась закупать какие-либо товары, тангутам «разрешалось вести меновую торговлю с местными жителями»⁵⁵. Правящий дом Ся также имел льготы при покупке китайских товаров.

Однако монополия китайской казны на закупку тангутских товаров регулярно нарушалась. Источники сообщают, например, что так как «в Сячжоу много дешевых товаров», то «на границе нелегально были созданы рынки для меновой торговли и людей, торгующих (на этих рынках. — Е. К.), было очень много»⁵⁶.

Торговля была меновой. Основной список подлежащих обмену товаров был опубликован сунским правительством в 1007 г. Он достаточно полно отражал состав и характер торговли Ся с Китаем. Тангуты возили на продажу в Китай соль, скот, шерсть, войлок, ковры, лекарственные травы, мускус, мед, воск, пух и перья, а покупали у китайцев шелковые ткани, благовония, лекарства, изделия из лака и фарфора, пряности, чай и, если была возможность, металлы⁵⁷. История торговли Ся с Сун, Ляо и Цзинь показывает, что тангутское государство больше своих партнеров было заинтересовано в ней, ибо Ся было затруднительно сбывать большинство своих товаров другим соседям, жившим в сходных с Ся условиях и не нуждавшимся в продуктах скотоводства и сырье, а купить целый ряд товаров, таких, как чай, фарфор, хорошие шелковые ткани, тоже можно было только в Китае. Не случайно один из китайских чиновников говорил, что тангуты рассчитывают на торговлю с Китаем, как «новорожденный смотрит на материнскую грудь»⁵⁸. Такая зависимость тангутов от северокайтайского рынка давала в руки сунского, а затем цзиньского правительств то преимущество, которое они постоянно использовали в своих взаимоотношениях с Ся: возможность закрыть пограничные рынки, прекратить торговлю и поставить тем самым тангутское правительство в затруднительное положение, вынуждая его идти на уступки. Но в то же время местное на-

⁵² Там же, гл. 10, стр. 76.

⁵³ Пэн Синь-вэй, Чжунго хобиши («История денежного обращения в Китае»), Шанхай, 1954, стр. 362.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Си Ся цзи, гл. 5, стр. 186—19а.

⁵⁶ Там же, стр. 36.

⁵⁷ Там же, гл. 4, стр. 186.

⁵⁸ Там же, гл. 12, стр. 126.

селение северо-западных областей сунского и цзиньского государств тоже нуждалось в торговле с Ся, прежде всего в приобретении соли, скота, лошадей. Поэтому, если сунский и цзиньский дворы, преследуя свои политические цели, часто накладывали запреты на отдельные товары или торговлю вообще, то частная торговля, даже под угрозой смертной казни⁵⁹, не прекращалась никогда⁶⁰. Поэтому сунский и цзиньский дворы, налагая запрет, были вынуждены смотреть сквозь пальцы на его многочисленные нарушения.

Надо отметить, что ощутимую роль в экономике Ся играли и те «пожалования» на общую сумму 255 тыс. *лан*, которые по договору 1044 г. тангуты получали от сунского двора. Войны с Сун и связанные с ними прекращения выплаты «пожалований» всегда приводили в заметное расстройство финансы тангутского государства.

Лишь кратко и в самых общих чертах охарактеризовали мы хозяйство тангутского государства Ся. Даже в этом сжатом обзоре много еще предположительного, нуждающегося в дополнительной проверке. И можно предугадать, что многое удастся проверить, когда мы подробно ознакомимся с тангутским законодательством. Те данные, которые мы могли почерпнуть из тангутских источников, уже существенно пополняют скудные китайские сведения. Показать важность привлечения оригинальных тангутских документов и настоятельную потребность проделать эту работу по возможности скорее — также одна из задач настоящего сообщения.

Тангутское государство возникло на территории, не располагающей богатыми природными условиями. Однако тангуты смогли создать достаточно стабильное хозяйство, обеспечивавшее в течение двух с половиной столетий существование 2,5 млн. человек⁶¹. При этом почти полтора века тангуты вели тяжелые, кровопролитные войны с Сун, Ляо, позднее с Цзинь и выстояли в этой неравной борьбе. Ся достаточно долго для такого небольшого государства оказывало сопротивление монголам и погибло в этой борьбе (1227 г.). И, как нам кажется, один из секретов этой стойкости не только и не столько, как полагал Г. Е. Грумм-Гржимайло, в том, что природные условия территории Ся семь веков назад были более благоприятными, чем сейчас⁶², хотя и этот фактор нельзя сбрасывать со счетов, но и в жизнеспособности хозяйства тангутского государства, в котором кочевое и отгонное скотоводство умело сочеталось с поливным земледелием, основывавшимся на контролируемой государственной системе ирригации. Узнать секреты организации тангутского хозяйства, вскрыть причины жизнестойкости тангутской экономики помогут нам только оригинальные тангутские документы, изучение которых уже стоит на повестке дня.

⁵⁹ Там же, стр. 17а—17б.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Таково, по нашим подсчетам, было население Ся в период расцвета тангутского государства. Мы основываемся на китайских сведениях («История [династии] Сун», гл. 486), по которым тангуты могли выставить армию в 500 тыс. человек при существующей у них системе набора, когда из двух здоровых рекрутов в возрасте от 15 до 55 лет в регулярную армию брали одного.

⁶² Г. Е. Грумм-Гржимайло, Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период, — «Известия Государственного географического общества», 1933, т. 65, стр. 437—454.

А. Г. Шпринцин

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О ПУТЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
КИТАЙСКОЙ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ**

1

В феврале 1941 г. первый советский исследователь так называемых иньских надписей на костях¹ и автор содержательной, хотя во многом спорной статьи «Китайская письменность»² Ю. В. Бунаков прочел в Институте востоковедения АН СССР доклад о китайской письменности как историческом явлении и историческом источнике. Выступая по докладу Ю. В. Бунакова, акад. В. В. Струве указал, как сообщается в отчете о заседании³, «на необходимость ответа на вопрос, почему китайцы не пошли по пути Запада и не перешли от пиктоидеографического письма к фонетическому, самому демократическому письму, которое предохранило бы Китай от аристократизации культуры».

В выступлении В. В. Струве была впервые сформулирована проблема, до этого не привлекавшая внимания наших китаеведов. Во всяком случае, когда десятью годами раньше в том же институте велись исследования по вопросам китайской латинизированной письменности, этот обращенный в прошлое аспект темы «китайская письменность — китайский язык» не разрабатывался, и при формулировке общих принципов латинизации главное внимание было уделено обоснованию необходимости и возможности применения алфавитного письма к современному китайскому языку.

В самом Китае отдельные лица, опять-таки побуждаемые стремлением познать прошлое иероглифики для реформирования ее в настоящем, уже в начале XX в. задумывались над причинами столь длительного существования иероглифики и высказывали свои соображения по этому поводу⁴. Ряд специальных статей на эту тему появился сравнительно недавно, когда в связи с работой по реформе китайской письменности к историческому прошлому иероглифики обратились в пои-

¹ Ю. В. Бунаков, Гадательные кости из Хэнани (Китай), — «Труды Института языка и мышления АН СССР», М., 1935; его же, Аньянские памятники и американское китаеведение, — «Библиография Востока», X, Л., 1936.

² «Китай». Сб. статей, М.—Л., 1940, стр. 351—384.

³ С. Ростовский, В Институте востоковедения АН СССР, — «Историк-марксист», 1941, № 4(92), стр. 92.

⁴ Например, см.: Qian Xuan-tong, Hanzi Geming («Революция иероглифики»), — «Guoyu Yuekan», 1922 (спец. вып.). Переиздана в 1957 г. Здесь и далее все ссылки на работы китайских авторов даны китайским государственным алфавитом.

сках доказательств неизбежности замены иероглифов алфавитным письмом⁵.

Важные данные для лингвистического анализа проблемы содержатся в работах синологов по исторической фонетике и исторической грамматике китайского языка, начало которым положили в первой четверти нашего столетия известные работы Б. Карлгрена⁶.

Опубликованные в последние годы в Советском Союзе работы по общей истории письма и специально по китайской письменности содержат, правда высказанные в самой общей форме, соображения о причинах сохранения в Китае иероглифики⁷.

Таким образом, из научной литературы последних десятилетий можно извлечь не только данные для рассмотрения вопроса, поставленного двадцать пять лет назад В. В. Струве, но и ответы на этот вопрос, правда различающиеся по степени доказательности и аргументации. В самом общем виде ответ этот можно сформулировать так: многовековое существование в Китае иероглифической письменности обусловлено, во-первых, характером общественного развития страны, в частности длительным господством феодальных отношений; во-вторых, особенностями китайского языка, в том числе морфологической структурой китайских слов, наличием массы слов, читающихся одинаково,

⁵ Ниже в хронологической последовательности приводятся названия статей, опубликованных с 1957 по 1965 г. в китайских периодических изданиях: Liu You-xin, Cong hanzi yanbian di lishi kan wenzi gaige («Реформа письменности с точки зрения истории эволюции иероглифики»), — «Zhongguo Yuwen», 1957, № 5, стр. 1—9; Liang Dong-han, Cong hanzidi yanbian kan wenzi gaige («Реформа письменности с точки зрения эволюции иероглифики»), — «Zhongguo Yuwen», 1957, № 9, стр. 10—14; Yu Xing-da, Cong Hanzi fazhandi lishi lai kan wenzi gaige («Реформа письменности с точки зрения истории развития иероглифики»), — «Hanyu Luncong», Пекин, 1958, стр. 227—247; Li Xing-jian, Hanzi weishenme meiyou zao zoushang pinyin di daolu («Почему иероглифика раньше не вступила на путь фонетизации?»), — «Zhongguo Yuwen», 1958, № 5, стр. 230—232; Qi Li, Guanyu hanzi zou pinyin hua daoludi jige renshi wenti («К вопросу о путях фонетизации китайской письменности»), — «Zhongguo Yuwen», 1959, № 11, стр. 525—527; Huang Shao-jun, Peng Jian, Shi lun wenzi maodun guili («О закономерностях противоречий письменности»), — «Zhongguo Yuwen», 1961, № 9, стр. 19—23; Shi Hiao-gen, Shi lun hanzi changqi tingzhi zai biao yi jieduandi yuanyin («О причинах того, почему иероглифика столь долго задержалась на идеографической стадии»), — «Wenzi Gaige», 1964, № 4, стр. 6—8; Zhang Zhao, Lun wenzi fazhandi guili («О закономерностях развития письменности»), — «Zhongguo Yuwen», 1965, № 6, стр. 467—474.

⁶ B. Karlgren, Sound and Symbol in Chinese, London, 1923; его же, Philology and Ancient China, Oslo, 1926. Как сообщается в упомянутой заметке о докладе Ю. В. Бунакова, «акад. В. М. Алексеев резко критиковал докладчика за то, что он элиминировал многое, сделанное крупными буржуазными учеными по данному вопросу». Адресуя свой упрек докладчику, В. М. Алексеев, надо думать, имел в виду уже опубликованные к 1941 г. изыскания Б. Карлгрена, П. Пелльо, А. Масперо (см.: Ю. В. Бунаков, Библиография основных работ по Китаю на европейских языках», — сб. «Китай», стр. 502—503), а также специальную и, очевидно, самую последнюю к тому времени статью Х. Г. Крила (H. G. Creel. On the Nature of Chinese Ideography, — «Toung Pao», 1936, livr. 2—3, т. XXXII), обстоятельный разбор которой В. М. Алексеев сделал на заседании китайского кабинета ИВАН СССР 10 июля 1936 г. Конспект доклада В. М. Алексеева хранится в ЛО Архива АН (ф. 820, оп. 1, № 520). Работы Х. Г. Крила упоминаются в книге Д. Дирингера (Алфавит, пер. с англ., М., 1963, гл. VI. Китайский язык и китайская письменность, стр. 124—148).

⁷ См., например: В. Истрин, Развитие письма, М., 1961; его же, Возникновение и развитие письма, М., 1965; И. Дьяконов, О письменности, — Д. Дирингер, Алфавит; Г. П. Сердюченко, Китайская письменность и ее реформа, 1959; Б. П. Лаврентьев, Китайские иероглифы как знаки конкретного языкового письма, — «Ученые записки Государственного института международных отношений», 1961, вып. 3; А. Н. Соколов, К вопросу о иероглифической письменности, — «Японский лингвистический сборник», 1959. Из неопубликованных работ см. диссертацию И. М. Ошанина «Происхождение, развитие и структура современного китайского иероглифического письма», 1943.

но различающихся в иероглифическом написании, раздроблением языка на территориальные диалекты и наличием накопившейся за тысячелетия огромной литературы, зафиксированной иероглифическим письменным языком.

Приемлемая в целом, эта формулировка является, однако, слишком общей: она не отражает всего многообразия процесса развития иероглифики, который еще не во всем ясен.

В предлагаемой статье сделана попытка изложить по материалам литературы последних десятилетий современное понимание некоторых причин столь длительного существования иероглифической письменности. Мы обобщаем современные взгляды, зафиксированные в доступной нам литературе, хотя, естественно, высказываем и некоторые свои соображения.

2

Известно, что функционирование письменности — в данном случае китайской иероглифики — определяется взаимодействием двоякого рода факторов: социально-исторических (связь письма с общественным развитием) и лингвистических (связь письма с языком). При этом лингвистические факторы можно подразделить на собственно лингвистические (строй языка) и структурно-графические (строй письма)⁸. Некоторые китайские авторы, например Лян Дун-хань, Хуан Шао-цзюнь, Пэн Цзянь (см. прим. 5), анализируя процесс развития иероглифики, пользуются философским понятием «противоречие» и усматривают в развитии иероглифики противоречия тройкого рода: внутренние противоречия самой системы письма; противоречия между письменностью и языком, который она отображает; противоречия между письменностью и политическим, экономическим и культурным развитием народа, пользующегося этой письменностью.

Указанные группы факторов можно положить в основу схемы анализа проблемы, поставленной В. ИВ. Струве. Наиболее сложной представляется первая группа факторов — структурные типы иероглифов и связь их с особенностями китайского языка. Сложность этого аспекта проблемы явствует из самой ее постановки. В. В. Струве, по-видимому, не случайно сформулировал свое замечание так: «Почему китайцы не перешли (разрядка моя. — А. III.) от пиктоидеографического письма к фонетическому?»

В самом деле, правомерна ли постановка вопроса о том, почему иероглифика не развилась в алфавитное письмо? Возможно ли такое развитие вообще? Многие китайские филологи считают, что это в принципе возможно и что в истории китайской иероглифики был такой этап, когда она вплотную подошла к фонетизации. Концепция эта заслуживает внимания, и в ее рассмотрении нам прежде всего придется обратиться к истории иероглифики, учитывая при этом обстоятельства, обусловившие ее развитие до определенной стадии, и обстоятельства, способствовавшие длительному существованию уже сформировавшейся системы письменности.

Древнейшие известные нам памятники китайского письма, так называемые иньские надписи на гадательных костях, фиксируют письмо, композиционно уже сложившееся, достаточно развитое и содержащее,

⁸ Ю. В. Бунаков считает, что «как структурная, так и графическая линии развития китайской письменности в основном заканчиваются к рубежу н. э.: первая — к IV—III вв. до н. э., вторая — к II—III вв. н. э.» (Китайская письменность, — сб. «Китай», стр. 375).

хотя в специфических количественных соотношениях, все известные нам категории иероглифов. Время, которым датируются иньские надписи, — XIV—XI вв. до н. э. — можно было бы принять условно за верхнюю возрастную границу первой стадии развития иероглифики.

Для второй стадии развития характерны два процесса: во-первых, изменение количественного соотношения между различными категориями иероглифов; постепенный количественный рост, а затем и абсолютное преобладание знаков так называемой фонетической категории; во-вторых, изменение внешней формы начертания иероглифов, последовательная смена почерков, стилей написания и, наконец, их унификация. Столь же условно верхнюю возрастную границу этой стадии развития можно датировать временем составления словаря Шовэнь (II в. н. э.).

Третью, наиболее продолжительную стадию можно выделить по чисто языковым признакам: уже сформировавшееся всесторонне, т. е. композиционно и по начертанию и по почерку, письмо закрепляется в литературном иероглифическом языке, за образец которого был взят язык литературных произведений прошлого, а именно V—III вв. до н. э. — классический китайский язык в терминологии С. Е. Яхонтова, средне- и позднеархаический китайский язык в терминологии Добсона (W. A. C. H. Dobson) и архаический язык у Б. Карлгрена.

Последовательность развития иероглифики пытаются установить, исходя из анализа уже сложившегося в своих типах фонда иероглифов. В китаеведении принято в этих случаях опираться на классификацию по так называемым шести категориям (*лю шу*), впервые детально описанную в предисловии к уже упоминавшемуся выше словарю Шовэнь. Классификация по шести категориям удобна тем, что группирует иероглифы по их композиции, а выделенные группы располагают в примерной последовательности их возникновения. Такую классификацию можно назвать структурно-генетической⁹.

В русскую научную литературу эту классификацию ввел И. Бичурин¹⁰, и в дальнейшем она с некоторыми вариациями в обозначении категорий и их последовательности повторяется во всех учебниках и описаниях китайского языка. Хотя классификация по шести категориям достаточно известна и знакома с нею входит в комплекс элементарных знаний китаиста, все же, поскольку это необходимо для дальнейшего изложения, мы приводим ее в описании И. Бичурина.

«11. Составление условных знаков имело следующий порядок. В самом начале представляли понятия о предметах очертанием тех самых предметов. Что невозможно было представить очертанием, то представляли уподоблением. При невозможности сделать уподобление, обращались к совокуплению смысла. Что трудно было означить совокуплением смысла, там обращались к выговору. Когда же сих пяти видов недостаточно было, то прибегли к заимствованию или переносу смысла. Отсюда произошли шесть видов составления условных знаков *лю шу*, как то: а) изобразительный; б) указательный; в) совокупительный; г) обратный; д) тоносогласительный; е) заимственный».

В современной терминологии эти виды называются так: а) изобре-

⁹ Следует отличать классификацию иероглифов от их систематизации, которая имеет дело с принципами и способами расположения и отыскания иероглифов в словарях, книг и документов в архивах и т. п. См. статьи В. М. Алексеева: Системы китайской иероглифики, — «Вестник Академии наук СССР», М., 1934, № 2; Современные системы современных китайских иероглифов, — «Сб. Академии наук СССР» Н. Я. Марру, М., 1935.

¹⁰ «Китайская грамматика», СПб., 1838, гл. III—IV.

зительные, пиктограммы; б) указательные; в) идеограммы, синтетические знаки, синтеграммы; г) видоизмененные, взаимно поясняющие; д) фонетические знаки, фоноидеограммы, синтефонограммы; е) заимствованные, омофонограммы, транскрипционные знаки.

В советской синологической литературе критическая оценка классификации по шести категориям впервые была высказана, насколько мы знаем, в статье Ю. К. Шуцкого и повторена десять лет спустя в упомянутой работе Ю. В. Бунакова. Ю. К. Шуцкий, а за ним и Ю. В. Бунаков критикуют схему шести категорий, во-первых, за смешение различных принципов, положенных в ее основу, за ее неустойчивость и, во-вторых, за ее статичность, неисторизм.

Ю. К. Шуцкий констатирует ошибочность и даже нелепость термина «шесть категорий письменности» на том основании, что эта цифра получена от сочетания неодинаковых слагаемых: четырех категорий, которые действительно являются родами письменности, и двух категорий, которые представляют собой «вовсе не какие-то особые категории письменности, а два типа особого применения знаков, причисляемых к одной из предыдущих четырех категорий, сверх их обычного применения»¹¹. Как будет видно из нижеследующего, китайские филологи как раз в этом особом применении уже существующих знаков и в последующем возврате к конструированию новых иероглифов видят узловые моменты неосуществившегося в конечном итоге развития китайской письменности по пути фонетизации.

Упреки в смешении классификационных признаков, правильные по существу, не дискредитируют, однако, систему шести категорий, так как набор структурных типов иероглифов и особое в последующем их применение совместимы в общей классификации, назначение которой — систематизировать последовательность развития китайского иероглифического письма. Малоосновательны, как увидим, и упреки в статичности, неисторичности классификации.

Редакторы русского перевода книги Д. Дирингера «Алфавит» вообще отвергают классификацию по шести категориям, как не отражающую реального положения вещей. Разделение на шесть категорий, указывают они, ошибочно, так как «на самом деле такого разделения в памятниках китайской палеографии не обнаружено. В действительности, иероглифы подразделяются только на две категории: простые знаки (*вэнь*), число разновидностей которых не превосходит 300, и сложные знаки (*цзы*), которые образуются путем сочетания тех же простых знаков в определенных комбинациях; число их может быть беспрельдно велико»¹².

Конечно, иероглифы можно подразделить на простые (*вэнь*) и сложные (*цзы*), и в классификации Сюй Шэня, с именем которого обычно связывают шестичленную классификацию, выделение этих двух групп даже предшествует описанию шести категорий; само же распределение иероглифов по этим двум группам удерживается в китайской синологической традиции и по настоящее время¹³. Это, однако, не лишает смысла и необходимости классификацию по шести¹⁴ категориям. Эта

¹¹ Ю. К. Шуцкий, Следы стадильности в китайской иероглифике, — «Яфетический сборник», 1932, VIII, стр. 81—96.

¹² Д. Дирингер, Алфавит, стр. 145—146, прим.

¹³ См.: Ван Ляо-и, Основы китайской грамматики, М., 1954, гл. «Письменность».

¹⁴ Строго говоря, по пяти категориям, так как происхождение и функция четвертой категории (*чжунань-чжу* — видоизмененная, обратная) очень неясны. При анализе путей развития иероглифики этой категории обычно уделяют минимум внимания, хотя отдельные авторы (Цянь Сюань-тун, Революция иероглифики,

классификация индуктивно выведена из анализа самих иероглифов и правильно отображает процесс развития иероглифики от пиктограмм к идеограммам, простым и сложным, от идеограмм к той или иной форме особого применения ранее созданных знаков — заимствованиям семантическим и фонетическим — и, наконец, к фоноидеограммам. В превосходной книге Б. Карлгрена эта последовательность развития описана так: «The script as it was formed in archaic times, had four evolutionary stages: first, simple pictographs; then ideographic compounds; then again, phonetic loans; and finally, improved phonetic loans, i. e. compounds made up of phonetic and signific»¹⁵.

Примечательно, что схемы развития иероглифики, постулируемые в работах Ю. К. Щуцкого и Ю. В. Бунакова, укладываются, если отбросить навеянные «новым учением о языке» этапы ручной речи и т. п., в те же категории, последовательность которых соответствует приведенной выше¹⁶.

Уделив много места столь, казалось бы, известному в китаеведной филологии вопросу, как категории китайской иероглифики, мы исходили из следующего:

1. Классификация по шести категориям, хотя и уязвима для критики, но правильно фиксирует разные способы композиции иероглифов и последующего применения уже созданных знаков.

2. Классификация в общем правильно отражает историю развития иероглифики и поэтому имеет большое значение в качестве критерия последовательности этого развития.

3. Китайские названия шести категорий и их переводные эквиваленты стали терминами и широко применяются в китаеведной филологии в самом Китае и за его пределами; современные китайские исследователи в своих работах, в частности в дискуссии 1957—1965 гг. о путях развития иероглифики, опираются именно на эту шестичленную (пятичленную) классификацию.

3

Выше упоминалась концепция о последовательном, но не завершившемся развитии китайской иероглифики по пути фонетизации. Для обоснования этой концепции требуется, в частности, ответить на два вопроса: когда, точнее говоря, на чем это развитие остановилось и как и почему это произошло?

В поисках ответа опять-таки обращаются к упомянутым категориям иероглифов, рассматривая их на этот раз с точки зрения того, как в иероглифах отражено звучание слова (слога), передаваемого данным знаком.

Подобно тому как иероглифы делят на два крупных класса — простые и сложные знаки, исходя из их структуры, так эти же иероглифы можно разбить на две большие группы, ориентируясь на их чтение.

стр. 12; Ли Инь-си, Избранные работы по китайскому языку и письменности, ч. I, Пекин, 1953, стр. 22—24; Лян Дун-хань, Структура иероглифов и их эволюция, Шанхай, 1965, стр. 149—151) видят в этой категории знаков особый способ передачи звучания слова и ступень к образованию знаков фонетической категории.

¹⁵ B. Karlgren, *The Chinese Language. An Essay of its Nature and History*, New York, 1949.

¹⁶ У Ю. К. Щуцкого: «Указательные знаки, пиктография, синтетические знаки, применение иероглифов для транскрипции, знаки фонетической категории» (Следы стадильности..., стр. 95). У Ю. В. Бунакова: «пиктограммы, синтеграммы, идеограммы, омофонограммы, идеофонограммы». (Китайская письменность, — сб. «Китай», стр. 363)

1. Иероглифы, не отражающие в своем начертании звуковую форму слова. Сюда относятся иероглифы трех первых категорий, т. е. простые и комбинированные идеограммы. Происхождение этого рода знаков достаточно хорошо известно и не вызывает споров. Общепринято считать, что они развивались в изложенной выше (см. стр. 126) последовательности и в целом исторически предшествовали иероглифам второй группы.

2. Звукоподсказывающие, звуконамекающие (термин В. М. Алексеева) иероглифы. Сюда относятся иероглифы трех последних категорий:

а) четвертой — так называемые обратные, видоизмененные иероглифы; выше уже отмечался неясный и спорный характер знаков этой категории; ко второй группе их относят потому, что они, подобно иероглифам следующей категории (заимствованные знаки), основаны на вторичном применении уже существовавших знаков, в частности на сходстве по звучанию¹⁷;

б) пятой — так называемые заимствованные иероглифы, т. е. уже существующие иероглифы, использованные для передачи других слов с таким же или сходным звучанием;

в) шестой — фоноидеограммы, т. е. иероглифы, имеющие в своем начертании показатель чтения, так называемый фонетик.

Распределение иероглифов по указанным двум большим группам отображает поворотный момент в развитии иероглифики по пути фонетизации. С вторичного использования уже существующих знаков и особенно с широкого применения фонетических заимствований (пятая категория) начался отход иероглифики от передачи смысла к передаче звучания. Иероглифы начинают обозначать фонетические единицы.

Причины и общий принцип перехода от идеограмм к фонограммам известны из истории не только китайской, но и других письменностей. В данном случае причиной этого являлось противоречие между функцией письма как средства общения и ограниченными графическими возможностями, малой продуктивностью иероглифов-идеограмм. Эти возможности истощились, когда возникла потребность передавать не только названия наглядных предметов и простых явлений, но и более отвлеченные понятия. Между тем общественное развитие вело к расширению языкового общения, к возникновению большого числа новых и более сложных понятий, которые требовалось выразить письменно¹⁸.

Переход от идеограмм к фонограммам происходил по схеме, хорошо известной из истории письменности¹⁹.

Первым шагом на этом пути было использование иероглифа не в его основном значении, а в качестве своего рода транскрипционного знака для обозначения другого слова с тождественным или близким звуковым составом. Иначе говоря, когда стало трудно или невозможно

¹⁷ Среди работ современных китайских филологов наиболее обстоятельно эта категория иероглифов описана в кн.: Jiang Shan-guo, *Hanzi de zucheng he xingzhi* («Структура и природа китайской письменности»), Пекин, 1960, стр. 153—189.

¹⁸ Позволю себе повторить приводимые в китайских работах цифры. В упоминавшемся словаре Шовэнь из общего числа 9353 знака на долю иероглифов первых трех категорий приходится 1656, т. е. около 18%. Проходит тысяча шестьсот лет, и в словаре Канси цзыдянь (XVIII в.) общее число иероглифов возрастает до 49 030, тогда как количество иероглифов первых трех категорий остается прежним, и, стало быть, доля идеограмм падает до 3%, а если говорить только о первых двух категориях (264 + 129 знаков), — то до 1%.

¹⁹ Из последних работ, где описан этот процесс, см.: И. М. Дьяконов, *О письменности*, — Д. Дирингер, *Алфавит*, стр. 8—12; Л. Блумфильд, *Язык*, М., 1968, стр. 315—318.

создавать новые иероглифы первых трех категорий для обозначения возникавших слов конкретного и особенно отвлеченного значения, обратились к использованию в этих целях уже имевшихся иероглифов. Так возникла категория заимствованных иероглифов — *цзя-цзе* — в китайской номенклатуре ²⁰.

Прогрессивное значение способа заимствования (категория *цзя-цзе*) состояло в том, что, во-первых, он значительно расширял возможности применения уже существовавших иероглифов и тем самым расширял рамки письменного языка. Во-вторых, метод фонетического заимствования иероглифов был как бы зарождением своеобразного звукового письма. Поскольку фонетическая система китайского языка периода распространения заимствованных знаков характеризовалась довольно ограниченным количеством типов слогов ²¹, то можно было бы, закрепив за каждым типом слога только один имеющий такое чтение иероглиф, обозначать им этот слог во всех случаях.

Очевидно, использование иероглифов только в их звучании (заимствованные знаки) открывало дорогу к превращению иероглифики в своеобразное фонетическое, вероятнее всего слоговое, письмо. Для этого (как замечает в уже упоминавшейся работе Цянь Сюань-тун ²²) требовалось, в частности, свести ряд одинаково читавшихся иероглифов к одному и упростить начертание таких знаков.

Результатом этого могло бы быть создание силлабических знаков в количестве, соответствующем числу типов слогов, т. е. нечто аналогичное, например, силлабическим знакам в системах клинописи. Такой шаг, как известно, сделан не был, и вместо все более широкого использования иероглифов только в их звучании к заимствованным знакам стали добавлять те или иные графические элементы (определители, радикалы, ключи в современной терминологии), указывавшие, как правило, на класс предметов (явлений), к которым относилось в данном конкретном случае слово, обозначаемое заимствованным знаком. Так развитие иероглифики пошло по пути создания так называемых фоноидеограмм, многих десятков тысяч знаков, составляющих ныне китайский иероглифический запас.

Все же, поскольку метод фонетического заимствования иероглифов стимулировал развитие китайской письменности в направлении звукового письма, это дает китайским лингвистам основание уделять большое внимание заимствованным иероглифам ²³ и даже полагать, что с практикой использования одного и того же иероглифа для передачи различных, но звучащих одинаково или приблизительно одинаково слов китайская письменность решительно отошла от своей идеографической сущности и подошла ближе всего к преобразованию в звуковое письмо.

Оставляя пока открытым вопрос о том, почему использование иероглифов только в их звучании не привело к созданию звукового, ска-

²⁰ Речь идет именно о фонетических заимствованиях, наряду с которыми существовали заимствования, основанные на сходстве по значению (метонимия, метафора).

²¹ В архаичном китайском языке (VIII в. до н. э.) количество слогов, как свидетельствует реконструкция Б. Карлгрена, исчислялось в 2250.

²² Революция иероглифики, стр. 16—17.

²³ Особенно подчеркивает значение фонетических заимствований Лю Ю-синь (Реформа письменности с точки зрения истории эволюции иероглифики, стр. 5), разделяющий историю китайской письменности, правда, без точной хронологической соотнесенности на три периода: период идеограмм; период заимствованных знаков; период фоноидеограмм. Эта крайняя точка зрения не встретила поддержки у других авторов, справедливо указывающих на то, что в истории Китая неизвестно время, когда бы пользовались только или преимущественно заимствованными знаками, и что никогда не существовало текстов, насыщенных заимствованными иероглифами.

жем слогового, письма, заметим, что установленная в китаеведной филологии последовательность образования типов иероглифов является относительной и условной. Она относительна и условна в той мере, в какой отсутствуют четкие границы между отдельными стадиями, а сами стадии были весьма близки по времени и, вероятно, даже перекрывали одна другую²⁴. Достаточно сказать, что уже в иньских надписях на гадательных костях представлены все типы иероглифов; в них уже широко использовались иероглифы в их звучании и встречаются, правда в небольшом количестве, фоноидеогаммы. Очевидно, правильнее было бы говорить не о периодах существования иероглифов того или иного типа, а о периодах их относительного преобладания.

К тому же сами категории (типы) иероглифов не однородны. Так, категория заимствованных знаков, о которой шла речь выше, распадается на два подтипа — фонетические и семантические заимствования, а детальные исследования установили здесь еще более дробное деление. Например, Б. Карлгрен в своей специальной работе о заимствованных иероглифах²⁵ выделяет пять подтипов таких знаков: 1) Иероглифом X обозначают не родственное, но одинаково звучащее слово Y, у которого нет своего иероглифа; 2) Иероглифом X обозначают не родственное, но одинаково звучащее слово, для которого имеется свой иероглиф; 3) Иероглифом X обозначают не родственное, фонетически более или менее сходное (но не омофон) слово, для которого отсутствует свой иероглиф; 4) Иероглифом X обозначают фонетически более или менее сходное (но не омофон) слово, для которого уже имеется другой иероглиф; 5) Иероглифом X обозначают не родственное, фонетически не схожее или слегка схожее, но синонимичное слово, для которого имеется или отсутствует свой иероглиф.

Точно так же выделяют два подтипа в иероглифах четвертой категории, минимум два подтипа — в иероглифах-фоноидеогаммах и т. д.

Заимствованные знаки помимо роли, которую они играют в истории китайской письменности, существенно важны для китайской филологической науки при комментировании древних текстов.

Одним из существенных, если не самым существенным, достоинством способа фонетических заимствований (*цзя-цзе*) являлось то, что он смягчил противоречие между назначением письменности служить средством общения и ограниченным числом, а главное — непродуктивностью иероглифов-идеогамм. Как пишут китайские авторы, это был способ «создавать иероглифы, не создавая иероглифы», т. е., не создавая новых знаков, расширить возможности уже существующих.

Такой способ имел, однако, тот существенный недостаток, что он приводил к многозначности одного и того же иероглифа, которому теперь уже соответствовало несколько различных слов. Это означало, что практика заимствования иероглифов, сгладившая противоречие между функцией письменности и ее системой, породила ряд новых противоречий, например противоречие между первоначальным значением заимствуемого иероглифа и его новыми значениями, противоречия между разными знаками, заимствованными в разных местах и на почве разных диалектов, для обозначения одного и того же слова и т. д.

Все это вызывало большие трудности в понимании написанного и толкало на поиски средства, позволявшего правильно определять в каж-

²⁴ Естественно предположить, что идеогаммы первых двух категорий (по словарю Шовэнь, изобразительные — 264 знака, указательные — 129 знаков) образовались одновременно.

²⁵ B. Karlgren, *Loan Characters in Pre-Han Texts*, — «The Museum of Far Eastern Antiquities», Bulletin № 35, Stockholm, 1963, стр. 3—4.

дом случае конкретное значение иероглифа. Выход был найден в широком использовании уже существовавшего способа создавать составные иероглифы, так называемые фоноидеограммы, т. е. знаки, образованные из двух частей, одна из которых указывала на то, к какой сфере понятий относится значение иероглифа, а другая указывала на его чтение ²⁶.

Независимо от различий во взглядах на причины и время возникновения фоноидеограмм, на процесс их структурного развития все признают, что фоноидеограммы были завершающим этапом развития иероглифики, на котором оно и остановилось. На этом закончилась качественная эволюция китайского письма, дальнейшее развитие которого было лишь количественным: возрастало число иероглифов и возрастало только за счет иероглифов фоноидеограмм, составлявших к XVIII в. уже более 90% всего их числа.

Это объясняется преимуществом фоноидеограмм перед остальными категориями иероглифов. Минусом иероглифов первых трех категорий была, как уже говорилось, их непродуктивность, что определяло узкую сферу их применения. Заимствование иероглифов расширило возможности применения письменности, но массовая и беспорядочная практика заимствования затрудняла понимание написанного. Фоноидеограммы, возникшие как средство преодоления создававшихся трудностей, не имели указанных недостатков и вместе с тем устранили ограниченную продуктивность иероглифики. Возникший более трех тысяч лет назад принцип фоноидеограмм оказался очень продуктивным и в конце концов стал единственным способом образования новых иероглифов ²⁷. Во всяком случае, в сопоставлении с иероглифами других категорий фоноидеограммы были наиболее совершенными конструктивно, самыми универсальными в использовании и свидетельствовали о достижениях китайской культуры того времени.

Однако фоноидеограммы обладали не только достоинствами, но и недостатками, которые выступают на первый план, когда встает вопрос о том, в какой мере фоноидеограммы оказали влияние на движение системы китайской письменности в направлении фонетизации. Способствовали ли фоноидеограммы этому движению или тормозили его?

Авторы китайских работ, в которых рассматривается эта тема, в большинстве своем полагают, что распространение фоноидеограмм преградило путь переходу к звуковому письму, а некоторые ^{27а} даже утверждают, что именно это ускорило и углубило расхождение между устным и письменным языком. Если практика заимствования иероглифов только в их звучании знаменовала наибольшее приближение к звуковому письму, то создание фоноидеограмм, указывавших не только на примерное звучание слова, но и на его значение, означало отход от фонетизации.

Таким образом, в истории китайской письменности намечаются два поворотных пункта:

²⁶ В этом случае к знаку, обозначающему чтение (заимствованный иероглиф), присоединяли указатель значения (детерминатив). Другим и, как полагают, более ранним был обратный способ, когда к идеограмме добавляли показатель чтения. Если, например, было невозможно передать идеограммой слово «волк», то для этого пользовались идеограммой «собака», присоединяя к ней идеограмму, читавшуюся так, как звучало слово «волк».

²⁷ Лян Дун-хань (Реформа письменности с точки зрения эволюции иероглифики, стр. 11) считает даже возможным разделить всю трех-четырёхтысячелетнюю историю иероглифики на два этапа: до появления фоноидеограмм и после него.

^{27а} Ши Сяо-жэнь, О причинах того, почему иероглифика..., стр. 8.

1. Распространение фонетических заимствований, которые приблизили китайскую письменность к звуковому письму.

2. Распространение фоноидеограмм, которое повернуло развитие китайской письменности вспять или задержало это развитие минимум на два тысячелетия.

В советской синологической литературе подобной точки зрения придерживался Ю. В. Бунаков, писавший около тридцати лет назад: «Постепенно количество омофонограмм вырастает до размеров, делающих затруднительным понимание текста. Отсюда в обычной линии развития письма окончательное переключение с идеографического на фонетический принцип... Китайская письменность на этом переломном этапе, наоборот, возвращается с фонетического пути, на который она встала использованием омофонограмм, на путь идеографический»²⁸.

4

Итак, развитие иероглифической письменности уже более двух тысяч лет назад остановилось на стадии фоноидеограмм.

Чем это было вызвано?

Как известно, развитие китайской письменности определялось взаимодействием двоякого рода факторов: социально-исторических — внешних и языковых — внутренних. В китайской литературе вопрос о роли и характере социально-исторических факторов излагают в общем однозначно, но в оценке внутренних, языковых факторов имеются расхождения во взглядах, касающиеся как общего вопроса о связи письма с языком, так и относительной роли той или иной особенности языка.

Распространение и столь длительное существование иероглифов принято объяснять структурными особенностями китайского языка, а именно: односложностью слов, совпадением в одном слоге, передаваемом на письме иероглифом, слова и его корня (знаменательной морфемы), неизменяемостью слога (отсутствием внутрислоговой морфологии), наличием большого числа слов-омонимов и многодialeктностью. В китайской литературе последнего десятилетия эта точка зрения изложена в работах Лян Дун-ханя²⁹, Ван Ли³⁰, Ли Син-цзяня³¹ и др. Из советских лингвистов подобные взгляды высказывали А. А. Драгунов³² и В. А. Истрин³³.

Взгляды Лян Дун-ханя и Ван Ли встретили возражения других

²⁸ Ю. В. Бунаков, Китайская письменность, стр. 361.

²⁹ См. прим. 5 и 14.

³⁰ Wang Li, Hanyu Jianghua («Лекции по китайскому языку»), Пекин. 1956, стр. 74 и 76.

³¹ Ли Син-цзянь, Почему иероглифика раньше не вступила на путь фонетизации?, стр. 231.

³² В отзыве А. А. Драгунова (октябрь 1952 г.) на статью В. С. Колоколова о происхождении китайской письменности содержится следующая формулировка по этому вопросу (цитирую по хранящейся в моем архиве рукописной копии Т. Н. Драгуновой): «Я совершенно согласен с проф. Колоколовым в том, что китайской иероглифической письменности предстоит еще сравнительно долго обслуживать китайский народ и что нет никаких оснований говорить о безотлагательной замене ее звуковым письмом. В этой связи не могу не подчеркнуть, что одна из сильных сторон иероглифической письменности заключается в том, что она прекрасно приспособлена к строю китайского языка, в котором морфологическая делимость, как правило, не идет дальше слога, передаваемого на письме отдельным иероглифом. Этим, в частности, объясняется то обстоятельство, что на протяжении веков целый ряд попыток замены иероглифики звуковой письменностью неизменно терпел неудачу — прекрасным примером чему может служить так называемое квадратное письмо юаньской эпохи».

³³ В. А. Истрин, Возникновение и развитие письма, М., 1965, стр. 161—162, 535, 541.

китайских исследователей. Так, Хуан Шао-цзюнь и Пэн Цзянь не согласны с тем, что появление и последующее длительное существование фоноидеограмм было обусловлено структурными особенностями китайского языка. Во-первых, это, говорят они, неверно теоретически, ибо, «если признать, что между особенностями языка и системой письма существует обязательная связь, то изменение и реформа системы письма могут иметь место только в результате изменения особенностей языка... и это может привести к ошибочным выводам о невозможности реформы китайской письменности»³⁴. Во-вторых, это неверно и фактически. В древнекитайском языке односложные слова не составляли абсолютного большинства. В иньских надписях на костях встречаются двусложные слова, а в древнейших литературных памятниках их еще больше. Что касается омонимов, то даже при большом числе односложных слов число омонимов в древнекитайском языке вряд ли было настолько велико, чтобы вызвать необходимость создания фоноидеограмм, дающих разное написание для одинаково звучащих однослогов. К этой аргументации присоединяется Лю Ю-синь. «Некоторые считают, — пишет он, — что характер языка может определять характер письменности и китайское письмо не развилось в звуковое из-за односложности языка. Я не признаю этой точки зрения, так как она не соответствует фактам»³⁵.

Связь письма с языком несомненна, но структура языка вовсе не обязательно определяет систему письменности, и закономерности развития китайской иероглифики принципиально не отличаются от общих закономерностей развития письма. Нельзя, однако, отрицать, что вместе с другими, благоприятствовавшими этому условиям структура китайского языка поддерживала существование иероглифики, а последняя, в свою очередь, способствовала выработке и длительному существованию иероглифического письменного языка, отрыв которого от устной речи начался уже более двух тысяч лет назад.

В числе условий, благоприятствовавших длительному существованию иероглифики, называют издавна отличавшую китайский язык раздробленность на территориальные диалекты. Полагают, в частности, что диалектные различия были в свое время важным источником беспорядочного фонетического заимствования иероглифов (*цзя-цзе*), при котором носители разных диалектов заимствовали написание знаков в зависимости от их чтения в данном диалекте. Это привело к графическому разнобою, к ослаблению роли письма как средства общения и вызвало необходимость унификации иероглифики.

В связи с этим китайские исследователи обращаются к одному крупному событию в истории китайской письменности. Речь идет о проведенной в III в. до н. э. унификации начертания иероглифов, так называемой реформе Ли Сы. В отличие от традиции, согласно которой эта реформа состояла в переходе от одного почерка (*да чжуань* «большой устав») к другому (*сяо чжуань* «малый устав»), Лю Ю-синь³⁶, например, считает, что суть реформы Ли Сы заключалась не столько в переходе к новым начертаниям, сколько в унификации множества существовавших тогда разных написаний заимствованных иероглифов путем замены разных знаков для одного и того же слова одним, в качестве стандарта которого было взято написание, принятое в уделе Цинь. Эта

³⁴ Хуан Шао-цзюнь, О закономерностях противоречий письменности, стр. 19.

³⁵ Лю Ю-синь, Реформа письменности с точки зрения истории эволюции иероглифики, стр. 7.

³⁶ Там же, стр. 5—7.

реформа завершила борьбу между заимствованными иероглифами и фоноидеограммами в пользу последних и окончательно определила путь развития китайской письменности как иероглифического письма.

Весьма любопытная оценка этой реформы дана в манифесте, выпущенном сорок лет назад Всекитайским съездом по распространению национального языка (20-й): «Введенное Ли Сы письмо *сяо чжуань* было унифицированной государственной письменностью. Можно себе представить, как развивались бы в последующие две тысячи лет китайский язык, литература и культура, если бы Ли Сы был более решителен в своих преобразованиях и, подобно тому как финикийцы поступили с египетской иероглификой, выбрал бы из почерка *да чжуань* некоторое количество знаков в качестве букв и создал бы государственную фонетическую письменность. Но Ли Сы не сделал этого...»³⁷.

Ли Сы не сделал этого потому, что целью его реформы была, очевидно, унификация не только графики, но и письменного языка. Единое централизованное государство, сложившееся в Китае к III в. до н. э. (империя династии Цинь), нуждалось в едином средстве письменного общения. В условиях же общества политически единого, но в языковом отношении дифференцированного на ряд диалектов заимствованные знаки (фонетические *цзя-цзе*), отражавшие в какой-то мере диалектное дробление, не могли стать основой унифицированной письменности. Наоборот, идеограммы, в структуре которых имелась знаменательная часть, могли лечь в основу наддиалектной письменности, продолжавшей затем в течение более чем двух тысяч лет выполнять эти функции в условиях неизжитого диалектного дробления китайского языка.

Обращаясь к диалектам китайского языка, мы обращаемся к социальному аспекту проблемы длительного существования иероглифической письменности: существование иероглифики связано с разделением китайского языка на ряд территориальных диалектов, а диалектное дробление обусловлено длительным господством в Китае феодальных отношений. Но это не все. Существование диалектов привело к тому, что иероглифика стала наддиалектной письменностью, но, став ею, она мешала унификации разговорного языка и тем самым помогала сохранению диалектов.

Далее, реформа Ли Сы способствовала оформлению общекитайского письменного языка³⁸, но она же привела к расхождению этого письменного языка с разговорным. Разговорный язык развивался, создавая во избежание омонимов двусложные слова, а письменный язык, пользуясь фоноидеограммами, позволявшими пренебрегать омонимами, консервировал слова-однослоги³⁹. Сложившийся таким путем литературный язык в эньянэ стал достоянием привилегированных классов, сделавших владение иероглификой и иероглифическим языком доступным лишь немногим избранным.

В Китае в течение более чем десяти лет после победы народной революции проводилась работа по реформе китайской письменности,

³⁷ Li Jin-xi, Wenzhi gaige luncong («Сборник статей по реформе письменности»), Пекин, 1957, стр. 15.

³⁸ «На протяжении двух с лишним тысячелетий, начиная с династий Цинь и Хань, единая верховная централизованная феодальная власть была основой единого книжного литературного языка, а раздробленное натуральное сельское хозяйство вело к дальнейшему углублению диалектной раздробленности». См.: Юань Цзя-хуа, Диалекты китайского языка, М., 1965, стр. 8.

³⁹ Лю Ю-синь, Реформа письменности с точки зрения истории эволюции иероглифики, стр. 7; Ши Сяо-жэнь, О причинах того, почему иероглифика..., стр. 8.

конечной целью которой являлся переход от иероглифического письма к алфавитному. Обязательными предпосылками этого должны были быть: полный отказ от мертвого литературного языка вэньянь; распространение в качестве письменной и устной нормы общекитайского литературного языка путунхуа.

Алфавитизация представляется тем более настоятельной, что задачу подъема культурного уровня китайского народа, и в первую очередь распространения всеобщей грамотности на основе иероглифики, никак нельзя считать решенной. Об этом свидетельствует, в частности, Го Мо-жо. В статье «Реформа иероглифики в Японии и машинное письмо», широко опубликованной в Китае в 1964 г., он писал: «Ликвидация неграмотности в Китае ведется уже более десяти лет, а наша родина по-прежнему является страной с массой неграмотных и полуграмотных. Некоторые уезды, считавшиеся одно время уездами сплошной грамотности, вскоре снова стали уездами с населением полуграмотным и даже в большинстве своем неграмотным. Для подъема культурного уровня народа, для поднятия производительности труда упрощение и даже модернизация письменности являются первостепенно важным делом»⁴⁰.

К сожалению, в последующие за этим годы работа по реформе китайской письменности не только не усилилась, но, наоборот, ослабела и в настоящее время, по-видимому, совсем прекратилась по причинам, надо полагать, вовсе не лингвистического порядка.

⁴⁰ Статья Го Мо-жо была опубликована в июле 1964 г. в газете «Жэньминь жибао», затем в газете «Гуанмин жибао» и в ряде журналов («Кюсюэ тунбао», «Вэньцзы гайго»), а в августе была издана отдельной брошюрой. Приводимая цитата дана по этой брошюре: Guo Mo-ruo, Ribendi hanzi gaige he wenzi jixiehua, Пекин, 1964, стр. 12—13.

Е. С. Кулябко и И. А. Перельмутер

**ИЗ НАУЧНОЙ ПЕРЕПИСКИ
ПЕТЕРБУРГСКИХ УЧЕНЫХ XVIII в.
(обзор архивных материалов)**

Внимание петербургских ученых с первых лет основания Петербургской Академии наук привлекали проблемы состояния науки в странах Востока, в том числе и Китая. Стремясь ближе познакомиться с Китаем, члены Петербургской Академии наук вступили в оживленную переписку с проживавшими в Пекине миссионерами. Некоторые из них занимались не столько своей миссионерской деятельностью, сколько научной работой и зарекомендовали себя знатоками этой страны. Будучи высокообразованными людьми, они углубленно изучали китайский язык, литературу и науку и сыграли определенную роль в процессе ознакомления Европы с культурой Китая.

Миссионеры переводили на китайский язык книги, издаваемые в Западной Европе, и печатали их в придворной типографии, занимались переводом на европейские языки древних памятников китайской литературы, китайских трудов по медицине и прикладным знаниям, составляли астрономические календари и географические карты, трудились над устройством обсерватории в Пекине¹, обучали китайцев латинскому языку².

Будучи переводчиками в трибунале внешних сношений, католические миссионеры принимали участие в дипломатической переписке между китайским правительством и иностранными посольствами, а некоторые из миссионеров в качестве членов китайского посольства выступали советниками императора при приеме русских и западноевропейских посольств³.

Католические миссионеры приноравливались к характеру китайцев, вместо священных облачений носили мантии китайских ученых, добивались придворных чинов и почета⁴.

Пользуясь покровительством китайского императора, миссионеры воздвигли в Пекине в 1721 г. три храма, в которых основали ученые коллегии: «Полуденную», «Восточную» (португальскую) в храме, выстроенном в переулке Ганьяхутун, и «Северную» (французскую), нахо-

¹ Н. Адоратский, История Пекинской духовной миссии в первый период ее деятельности (1685—1745), вып. I, Казань, 1887, стр. 80—81.

² Французский миссионер Доменик Парренин (1665—1745) организовал школу латинского языка для подготовки переводчиков из китайцев. Для преподавания в школе Парренин переработал изданный Парижской академией латино-китайский словарь Пьера Дане.

³ Н. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г., Казань, 1882.

⁴ Н. Адоратский, История Пекинской духовной миссии..., стр. 208—212.

дившуюся в «Красном городе» в храме подле дворца. Эту резиденцию французские миссионеры получили от китайского императора Канси в благодарность за излечение его от опасной лихорадки. Четвертая, «Западная» коллегия была небольшой и находилась в церкви, построенной итальянцами⁵.

Однако неумеренная ретивость католических миссионеров в распространении учения римской церкви и их стремление вмешиваться в вопросы политики привели к преследованию их и изгнанию в Кантон, а из последнего в Макао. В 1732 г. в Пекине оставалось только 23 миссионера, причисленных к ученым учреждениям столицы и терпимых китайским правительством⁶.

Научная переписка петербургских академиков XVIII в. началась в 1731 г. Отсылка корреспонденции из Петербурга в Пекин приурочивалась обыкновенно ко времени отправления посольств, торговых караванов или дипломатических курьеров, а также особых нарочных⁷, а получение ответных писем совпадало со временем возвращения в Петербург директоров караванов или курьеров.

От Академии наук в переписке принимали участие академики: И. Амман (проф. ботаники и натуральной истории), Т.-З. Байер (проф. по кафедре греческих и римских древностей), И.-Х. Гебенштрейт (проф. ботаники), И.-Н. Делиль (проф. астрономии), И.-Г. Дювернуа (проф. анатомии, хирургии и зоологии), Х.-Г. Кратценштейн (проф. механики), С. П. Крашенинников (проф. ботаники и натуральной истории), Г.-Ф. Миллер (проф. истории), Г.-В. Рихман (проф. физики), С. Я. Румовский (проф. астрономии) и И.-Э. Цейгер (проф. механики и физики).

Пекинскими корреспондентами являлись: Ж.-М. Амио, Ф. Бар, М. Бенуа, А. Галлерштейн, А. Гобиль, А. де ла Шарм, Ф. Да-Роха, Ж. Долльер, Деробер, Ж.-П. Коллас, И. Кеглер, Д. Парренин, А. Перейра, Д. Пингейро, П.-М. Сибо, К. Славичек, П. Энкарвилль. Некоторые из миссионеров состояли почетными членами Петербургской Академии наук (Антуан Гобиль, избранный в 1739 г., Август Галлерштейн и Пьер-Марциал Сибо, избранные в 1766 г.)⁸.

В Архиве Академии наук СССР сохранилась значительная часть переписки петербургских академиков XVIII в. с пекинскими миссионерами. Краткий обзор этой корреспонденции мы даем в настоящей статье⁹.

Переписка началась по инициативе акад. Т.-З. Байера, состоявшего профессором «древностей и восточных языков» Петербургской Академии наук. Китайский язык он основательно изучил в бытность свою в Берлине, подружившись с известным ориенталистом Матюрином-Вейснером Лакрозом¹⁰, который предоставил в его распоряжение сочинения и рукописи по Китаю, имевшиеся в Берлинской библиотеке¹¹. В

⁵ «Об иезуитах в Китае. Отрывок из Китайских записок иеромонаха Феодосия Сморгевского», — «Сибирский вестник», СПб., 1822, ч. 19, стр. 201—202.

⁶ Н. Адоратский, История Пекинской духовной миссии..., стр. 93—95.

⁷ Г. Ф. Миллер, О первых российских путешествиях и посольствах в Китай, — «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», СПб., июль, 1755 стр. 17—62 (Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 13, лл. 26—40).

⁸ Б. Л. Модзалевский, Список членов имп. Академии наук, СПб., 1908, стр. 122, 129.

⁹ Через Петербургскую Академию шла также транзитная переписка миссионеров с учеными Западной Европы. См.: В. П. Таранович, Научная переписка С.-Петербургской Академии наук с иезуитами, Л., 1939 (рукопись).

¹⁰ Лакроз (1661—1739) — проф. французского колледжа в Берлине.

¹¹ П. П. Пекарский, История имп. Академии наук, т. I, СПб., 1870, стр. 180—196.

России Т.-З. Байер решил обработать и издать собранные им материалы по Китаю. К этому его побуждал выдающийся русский просветитель Феофан Прокопович, о чем Т.-З. Байер говорит в предисловии к своему труду «*Museum Sinicum*», изданному Академией наук в 1730 г.¹² Дополнительные сведения о Китае Т.-З. Байер получил от бывшего секретаря русского посольства при Пекинском дворе, впоследствии директора русских торговых караванов, Лаврентия (Лоренца) Ланга, о чем упоминается также в предисловии к «*Museum Sinicum*». После издания этого труда Т.-З. Байеру стал оказывать покровительство вице-канцлер граф А. И. Остерман¹³. Узнав, что Т.-З. Байер принялся за составление китайского словаря, он предоставил ему из своей библиотеки печатные китайские лексиконы «*Çu gvéu*» и «*Haï riét*», а также полный китайско-латинский словарь, полученный от Доменика Парренина¹⁴.

В 1731 г. в Китай отправлялся русский торговый караван, директором которого был назначен Л. Ланг. Пользуясь этим случаем, Т.-З. Байер написал 1 сентября 1731 г. письмо пекинским миссионерам¹⁵ и отправил им свой труд «*Museum Sinicum*». Это и послужило началом переписки петербургских академиков XVIII в. с миссионерами, проживавшими в Пекине.

Вернувшись из Пекина в конце 1733 г., Л. Ланг привез первую серию писем от пекинских миссионеров. В письме от 12 сентября 1732 г.¹⁶ миссионеры И. Кеглер, А. Перейра и К. Славичек сообщали Т.-З. Байеру о получении его труда «*Museum Sinicum*» и давали высокую оценку этому сочинению, признавая его «образцом выдающегося ума, от которого китайские музы могут прийти в удивление». Однако, заявляли они, при изучении китайского языка, китайской литературы и науки необходима помощь со стороны учителя-китайца или европейца, продолжительное время обучавшегося в Китае. Отсутствие такого учителя сказывается, по их мнению, в «*Museum Sinicum*». Миссионеры указывали на чрезвычайную сложность в постижении китайской «учености», и особенно китайской литературы, этого «порождения величайших умов человечества». «Даже мы, десятки лет прилежно возделывающие этот сад, — писали они, — достигли здесь лишь немногое. Что же говорить о европейцах, которые, находясь за морями и землями, получают из этого райского сада лишь сорванные мертвые листья».

Миссионеры рекомендовали Т.-З. Байеру обратиться к изучению труда Премара¹⁷ «*Notatia linguae sinicae*», давали сведения о китайском календаре. В этом же письме кратко сообщалось о характере китайской музыки, указывалось ее большое отличие от европейской.

Далее миссионеры сообщали Т.-З. Байеру о характере китайской письменности, которая не похожа на письменность других народов. Изучение китайского языка миссионеры рекомендовали начинать с чтения народных книг, которые написаны очень простым языком и го-

¹² П. П. Пекарский, Разбор сочинения И. А. Чистовича «Феофан Прокопович и его время», СПб., 1866, стр. 139.

¹³ Из письма акад. Х.-Ф. Гросса Байеру от 21 октября 1731 г. известно, что «его сиятельство г. граф Остерман выражал великое удовольствие за присланный ему экземпляр «*Museum Sinicum*», полученный от библиотекаря И. Д. Шумахера» (П. П. Пекарский, История имп. Академии наук, т. I, стр. 219).

¹⁴ Там же, стр. 188—189.

¹⁵ Копии этого письма в Архиве АН СССР не сохранилось.

¹⁶ Архив АН СССР, разр. III, оп. 1, № 82, лл. 25—28 об.

¹⁷ Премар, Жозеф-Анри (1670—1735) — французский миссионер, отправившийся в Китай в 1648 г. «*Notatia linguae sinicae*» — его самая известная работа.

ворят о вещах, хорошо знакомых европейцам. Вместе с этим письмом миссионеры послали Т.-З. Байеру несколько китайских книг, в том числе книгу о китайской музыке, и книгу Фердинанда Вербиета¹⁸, представляющую собой перевод на китайский язык основ христианского учения.

В письме Д. Парренина, написанном в сентябре того же, 1732 г.¹⁹, сообщается, что книга Т.-З. Байера «*Museum Sinicum*» вызвала большой интерес и одного экземпляра недостаточно для трех пекинских коллегий. По этой причине он, Д. Парренин, сумел познакомиться с «*Museum Sinicum*» лишь поверхностно и воздерживается пока высказать какое-либо суждение об этой книге. «Я очень рад, — сообщал он, — что Вы получили китайско-латинский словарь и китайские книги, переданные мною несколько лет тому назад графу Савве Лукичу»²⁰. Далее он писал, что по приказанию императора в Пекине основана гимназия для обучения китайских подданных латинскому языку с целью подготовки переводчиков. Эта гимназия поручена ему, Д. Парренину, и для обучения учеников он составляет новый обширный латинско-китайский словарь, перепиской которого для Петербургской Академии наук занимается Лука Воейков²¹, оставленный в Пекине С. Л. Рагузинским для изучения китайского языка.

По просьбе Т.-З. Байера Д. Парренин послал с Лангом книгу, в которой был воспроизведен текст памятника, найденного в Сианьфу²², и рисунок сказочного животного, называемого *цилинь*, а также карту мира с объяснениями на китайском языке. Заканчивая письмо, Д. Парренин просил Байера прислать «Комментарии» Петербургской Академии наук.

Кроме упомянутых миссионеров в переписку с Т.-З. Байером вступил французский миссионер А. Гобиль. В письме от 3 июля 1732 г.²³ А. Гобиль сообщал о своем сочинении, посвященном китайской астрономии, и указывал, какое значение для знакомства с китайской астрономией имеет китайская книга «*Chou King*»²⁴, содержащая много сведений, которые могли бы быть полезными для европейских астрономов и историков, избавив их от необходимости производить вычисления за прежнее время. А. Гобиль писал, что при изучении древних китайских книг следует строго различать текст древнего памятника и комментарии интерпретаторов. Он описывал принятое у китайцев деление зодиака на 24 части и сообщал способ китайского счисления и формы китайского календаря.

¹⁸ Биографические данные о Ф. Вербиете см. в кн.: «*Biographie universelle ancienne et moderne*», t. 48, Paris, 1827, стр. 159—161.

¹⁹ Архив АН СССР, разр. III, оп. 1, № 82, лл. 22—24об.

²⁰ Савва Лукич Рагузинский — чрезвычайный посланник, возглавлявший русское посольство, отправленное в Китай в 1725 г. Эти книги, как указывалось выше, граф Остерман предоставил для занятий Т.-З. Байеру.

²¹ Ученики — Лука Воейков, Иван Пухорт и Федот Третьяков — были посланы в Пекин 13 сентября 1727 г. с Лангом «для обучения китайскому и мунгальскому языкам». Они получали жалованье от китайского императора, каждый по три лана серебра в месяц и по четверику белого пшена. См.: Н. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г., стр. 242.

²² Si-ngan-fou — главный город китайской провинции Шэньси в долине правого берега р. Вэйшуй.

²³ Архив АН СССР, разр. III, оп. 1, № 82, лл. 15—18.

²⁴ Книга «*Chou King*» была переведена позднее на латинский язык пекинским миссионером Бенуа и прислана в подарок в 1756 г. президенту Академии наук К. Г. Разумовскому («Протоколы заседаний Конференции имп. Академии наук», т. II, СПб., 1899, стр. 412).

А. Гобиль сообщал о научной работе миссионеров в Пекине. По его словам, французской миссией посланы в Париж сочинения, посвященные китайской астрономии, географии, хронологии, а также географическая карта Китая и соседних с ним стран до Каспийского моря. Ежегодно из Пекина посылаются в Европу астрономические наблюдения, а из Парижа, Мадрида, Рима и других европейских городов присылаются наблюдения, соответствующие наблюдениям, сделанным в Пекине. А. Гобиль писал о том, что большую работу над изучением китайской музыки ведет миссионер К. Славичек из Моравии. Над изучением китайского языка и составлением большого латинско-китайского словаря работает Д. Парренин.

В конце письма А. Гобиль обращался к Т.-З. Байеру с просьбой о присылке книг; в частности, он просил прислать «Историю татар» Абул Гази-Багадур²⁵ и «Историю Японии» Э. Кэмпфера²⁶.

В 1732 г. Петербургскую Академию наук посетили члены китайского посольства²⁷. После этого посещения между Академией и пекинскими миссионерами установился регулярный обмен книгами, географическими картами, семенами медицинских трав и ботаническими коллекциями.

Ответы Т.-З. Байера пекинским миссионерам были посланы с курьером Петровым, отправлявшимся в Китай в начале января 1734 г.

В письме к И. Кеглеру от 13 ноября 1733 г.²⁸ Т.-З. Байер сообщал о получении писем пекинских миссионеров, переданных президенту Академии наук графом А. И. Остерманом, и благодарил А. И. Остермана за то, что тот первый понял пользу и значение этой переписки. Т.-З. Байер подробно останавливается на цикле летосчисления, принятом у китайцев и совпадающем с циклом летосчисления афинянина Метона²⁹. Это совпадение Т.-З. Байер склонен объяснить заимствованием. Он полагает, что цикл Метона стал известен в восточных странах после похода Александра Македонского, поскольку в это время восточные народы многое заимствовали у греков.

В письме к А. Перейре от 13 ноября 1733 г.³⁰ Т.-З. Байер высказывал благодарность за снисходительный отзыв о его сочинении «*Museum Sinicum*». Зная, что его труд содержит много несовершенного, он тем не менее решил издать его, чтобы возбудить интерес к занятиям в этой области. Своей цели он, по-видимому, достиг, так как почти все экземпляры «*Museum Sinicum*» были проданы за очень короткое время. Т.-З. Байер указывал на большую пользу, которую ему оказал китайско-латинский словарь Д. Парренина. Он благодарил автора за совет использовать для изучения китайского языка изложение основ христианского учения, переведенное на китайский язык миссионерами.

В письме к К. Славичеку от 15 ноября 1733 г.³¹ Т.-З. Байер говорил о своем большом интересе к памятнику, найденному в Сианьфу, и указывал, что этот памятник заслуживает большого внимания и его следует тщательно изучить. «Я слышал, — писал он, — что Вы занимаетесь изучением китайской музыки. Нельзя допустить, чтобы Европа осталась в неведении о Ваших трудах». Письмо заканчивалось сообще-

²⁵ Абул Гази-Багадур — хивинский хан из потомков Чингисхана (1605—1665). Написал «Историю турок» в 9 книгах на восточнотурецком наречии.

²⁶ Э. Кэмпфер (1651—1716) — английский путешественник.

²⁷ В Архиве АН СССР сохранился лист с расписками послов и секретарей китайского посольства, посетивших Академию в 1732 г., ф. 21, оп. 7, № 30.

²⁸ Архив АН СССР, разр. III, оп. 1, № 6, лл. 1—14 об.

²⁹ Метон — афинский математик V в. до н. э.

³⁰ Архив АН СССР, разр. III, оп. 1, № 6, лл. 4 об.—7.

³¹ Там же, лл. 7—9.

нием известных ему сведений о берлинском и шведском научных обществах и Парижской Академии наук.

В письме к Д. Парренину от 15 ноября 1733 г.³² Т.-З. Байер дал очень высокую оценку его китайско-латинскому «Лексикону» и говорил, что если бы он не обладал этим сокровищем, то принужден был бы отказаться от изучения китайского языка. Он просил Д. Парренина разъяснить ему многие непонятные для него начертания литер и смысл некоторых выражений. Сообщал также, что принялся сам за составление большого китайско-латинского словаря, и излагал принципы, которых он придерживается при его составлении.

Далее Т.-З. Байер писал о своем знакомстве с китайским послом, посетившим Академию. Эта встреча была весьма полезна для ознакомления с китайским произношением. Посол удивлялся тому, как он владеет китайским языком, и с трудом верил, что он никогда не бывал в Китае. Для написания китайских иероглифов посол советовал ему пользоваться кистью и учил его, как владеть ею. В заключение Т.-З. Байер сообщил Д. Парренину, что посылает ему в виде подарка первые три тома «Комментариев» Петербургской Академии наук.

В пространном письме к А. Гобилю от 18 ноября того же, 1733 г.³³ Т.-З. Байер выражал беспокойство по поводу работ пекинских миссионеров, посланных для опубликования во Францию, где больше думают, как он писал, о военных мероприятиях, чем о мирных занятиях. Особенно будет жаль, если не удастся издать карту Китая и соседних с ним стран до Каспийского моря. Далее Т.-З. Байер сообщал о своих научных работах. Уже несколько лет он занимался составлением комментариев к сочинениям путешественников в восточные страны, а именно к сочинениям Марко Поло³⁴, В. Рубруквиса³⁵ и Дж. Карпини³⁶. Для этого он пользуется многими персидскими, арабскими и армянскими источниками. Т.-З. Байер обращается к А. Гобилю с просьбой разъяснить ему некоторые трудные места, встречающиеся в этих сочинениях. В частности, его интересует вопрос о местоположении «золотой горы», упоминаемой в этих сочинениях. Т.-З. Байер дал высокую оценку «Истории татар» Абул Гази-Багадура и рассказал, каким образом этот труд стал известен европейцам.

Шведские пленные, жившие в Тобольске, были хорошо знакомы с местными татарами и от них узнали об этом труде. По инициативе шведских пленных «История татар» была переведена на русский язык, а с русского — на немецкий и французский. Т.-З. Байер сообщает, что, поскольку текст «Истории татар» на языке оригинала имеется в библиотеке Академии наук, он мог сличить его с переводами и убедился в неудовлетворительности последних, а потому необходимо предпринять новый перевод этого замечательного памятника.

Большое место в письме занимают рассуждения по поводу этимологии латинского названия китайцев *sinæ*. Т.-З. Байер полагал, что оно индийского происхождения. При этом он считал, что первоначально индийцы применяли это название не к самим китайцам, а к народу,

³² Там же, лл. 9—13 об.

³³ Архив АН СССР, разр. III, оп. 1, № 6, лл. 19 об. — 21 об.

³⁴ Марко Поло (1254—1323) — венецианский путешественник. Лучшее издание путешествия Поло с примечаниями осуществлено Потье: М. G. Pauthier, *Le livre de Marco Polo...*, t. I—II, Paris, 1865; на русск. яз.: Потье, Книга Марко Поло, Л., 1940.

³⁵ Виллем Рубруквис (Рубрук) (ок. 1220 — ок. 1293) — голландский путешественник, оставивший весьма достоверные «Записки» о Китае и Средней Азии.

³⁶ Джованни Карпини (1182—1252) — итальянский путешественник. Карпини оставил ценное описание своего путешествия.

жившему на запад от Китая, а затем уже оно было перенесено на самих китайцев. Пытаясь доказать свое мнение, он опирается на историю Абул Гази-Багадур, а также на древнегреческие источники. Основываясь на сведениях из античных источников, Т.-З. Байер высказывает предположение о походах древних китайцев в Западную Азию. Далее Т.-З. Байер делится с А. Гобилем сведениями, полученными из Индии, о китайском и индийском цикле летосчисления. Он делает критические замечания по поводу книги Кэмпфера «История Японии» и указывает на то, что многое в этой книге противоречит сведениям, заключенным в китайских летописях. Заканчивая письмо, Т.-З. Байер сообщал о своем интересе к японскому языку и высказывал сожаление по поводу того, что он не имеет ни одной японской книги.

Уезжая в Китай с третьим торговым караваном, Л. Ланг предложил Академии наук свои услуги для пересылки корреспонденции миссионерам, находившимся в Пекине. Это предложение обсуждалось в академическом собрании 7 октября 1734 г.³⁷ На собрании был поставлен вопрос о характере ученой корреспонденции Академии с пекинскими миссионерами и было вынесено решение, что по вопросам общего характера переписку будет вести секретарь академического собрания, а по научным вопросам будут писать члены Академии наук. Затем секретарь академического собрания представил переданный ему Т.-З. Байером каталог книг, которыми миссионеры могли бы пополнить библиотеку Академии. Вопросу ученых сношений с пекинскими миссионерами были посвящены и следующие академические собрания — 11, 18 и 28 октября 1734 г.³⁸

3 ноября 1734 г. Т.-З. Байер вновь писал пекинским миссионерам. Он благодарил Д. Парренина³⁹ за подарки, переданные ему через Л. Ланга. Особую благодарность он выражал за присланный ему текст памятника, найденного в Сианьфу. Он сообщал о решении Петербургской Академии присылать пекинским миссионерам все издаваемые ею книги и обращался с просьбой о присылке ему новых книг. Т.-З. Байер восхищался присланными ему произведениями китайского изобразительного искусства. Некоторые произведения, писал он, уже имеются в Петербурге. Китайский рисунок с изображением мифологического животного *цилин* он видел у святейшего архиепископа нозгородского Феофана Прокоповича.

В письме к А. Гобилею⁴⁰ Т.-З. Байер писал о своем интересе к диалектам китайского языка. Он считал очень желательным перевод одного какого-либо текста на различные китайские диалекты. Перевод одного и того же текста на родственные языки даст возможность исследовать природу родства языков. Он сообщал, что изменил свое мнение о происхождении латинского названия китайцев *sinae*, которое он высказал в предыдущем письме, и обращался за консультацией по вопросам китайской письменности.

В письме от того же числа 1734 г.⁴¹, адресованном И. Кеглеру, А. Перейре и К. Славичеку, Т.-З. Байер сообщал свои впечатления о присланных ему книгах и выражал большую признательность за подарки. Особую благодарность он приносил за присланную ему карту неба, которая помогла ему понять принятое у китайцев деление

³⁷ «Протоколы заседаний Конференции имп. Академии наук», т. I, СПб., 1897, стр. 115.

³⁸ Там же, стр. 116—118.

³⁹ Архив АН СССР, разр. III, оп. 1, № 6, лл. 26—27.

⁴⁰ Там же, лл. 22—25.

⁴¹ Там же, лл. 27об.—29об.

зодиака. Он благодарил за присылку китайских календарей и просил прислать ему древние календари, составленные китайцами до прибытия миссионеров в Китай, а также какое-либо издание Конфуция. Заканчивая письмо, он обращался с просьбой написать ему, в каком городе и в каком храме хранится теперь памятник, найденный в Сианьфу. На письма Т.-З. Байера, отправленные в 1733 и 1734 гг., пекинские миссионеры ответили в 1734 и 1736 гг., но письма их прибыли в Петербург лишь в 1737 г.

В письме, датированном 30 июля 1734 г.⁴², Д. Парренин сообщал Т.-З. Байеру о получении его письма от 15 ноября 1733 г. Он одобрял метод, принятый Т.-З. Байером для составления китайско-латинского словаря. Значительную часть письма занимали сведения из истории китайской письменности. Д. Парренин давал ряд указаний о китайском произношении, в частности, обращал особое внимание на произношение конечных звуков. Далее он указывал на особенности произношения согласных *m*, *n*, писал, что китайское ударение можно усвоить только при живом общении с китайцами. Он отмечал также, какое большое значение для китайского языка имеет правильное расположение слов во фразе. Если иностранец, говоря по-китайски, неправильно располагает слова в предложении, китайцы не смогут его понять. Заканчивая письмо, Д. Парренин просил прислать ему грамматику русского языка. Он писал, что просмотрел список книг, изданных Петербургской Академией, и восхищен ее успехами.

В письме от 29 декабря 1736 г.⁴³ Д. Парренин сообщал о получении писем от Т.-З. Байера, которые прибыли с Л. Лангом, однако он писал о том, что миссионеры еще не виделись с Л. Лангом лично. Они вынуждены были поступить так из предосторожности, учитывая подозрительность местных властей, которые не желают, чтобы иностранцы, прибывшие с целью переговоров, посещались посторонними лицами до того момента, когда эти переговоры будут закончены. Однако, сообщал Д. Парренин, вскоре он, по-видимому, сумеет увидеться с Лангом, поскольку тот уже посетил императора, был хорошо принят, преподнес дары и заключил торговый договор⁴⁴.

Отвечая на вопросы, заданные ему в письме Т.-З. Байера, Д. Парренин объяснял, что у китайцев запрещено называть императора его собственным именем и нельзя даже пользоваться иероглифами, которыми обозначается это имя. Поэтому, как только император вступает на престол, запрещается употребление некоторых иероглифов. Говоря об императоре, можно пользоваться только девизом лет его правления.

А. Гобиль в письме, написанном 17 июля 1734 г.⁴⁵, сообщал о получении писем Т.-З. Байера от 15 и 18 ноября 1733 г. Рассуждения Т.-З. Байера о происхождении латинского названия китайцев *sinae* показались ему весьма интересными. Он одобрял то, что тот принялся за комментарии к сочинениям Марко Поло, Дж. Карпини и В. Рубруквиса, и обещал позаботиться, чтобы из Китая были высланы в Петербург все материалы, которые могут оказаться полезными Т.-З. Байеру в его работе. В связи с тем что автор письма задавал вопросы, относящиеся к области китайской истории, А. Гобиль спрашивал его, какими китайскими историческими сочинениями он пользуется.

⁴² Там же, № 82, лл. 35об—39об.

⁴³ Там же, лл. 54—56об.

⁴⁴ Л. Ланг пробыл в Пекине с 10 ноября 1736 г. по 10 мая 1737 г. и после этой поездки за свои заслуги по дипломатическим и торговым сношениям с Китаем был назначен на должность вице-губернатора Иркутской провинции.

⁴⁵ Архив АН СССР, разр. III, оп. 1, № 82, лл. 40об.—42об.

Поскольку Т.-З. Байер интересовался сношениями китайцев с Западной Азией, Гобиль сообщал, как называли китайцы страны Западной Азии. Значительная часть письма посвящена вопросам китайской астрономии.

В дополнительном письме от 19 июля 1734 г.⁴⁶ А. Гобиль обращался к Т.-З. Байеру за консультацией по историческим вопросам. Он хотел получить сведения о происхождении народов, населявших в древности Скифию, Сарматию и Паннонию. Он писал, что ему хочется сравнить сведения о татарах, имеющиеся в китайских исторических сочинениях, с тем, что в сочинениях европейцев говорится о скифах, аланах и других народностях.

В письме, датированном 29 декабря 1736 г.⁴⁷, А. Гобиль сообщал Т.-З. Байеру о получении труда Абул Гази-Багадур и благодарил его за подарок. Он категорически возражал против мнения Т.-З. Байера, что восточные народы заимствовали 19-летний цикл летосчисления у греков. Этот цикл был хорошо известен китайцам задолго до времени Метона, который ввел его в Греции. Точно так же и в других областях знаний китайцы в свое время значительно опережали европейцев. Так, например, свойство гипотенузы прямоугольного треугольника было известно китайцам за две тысячи лет до христианской эры. Все это видно из истории китайской астрономии, которую он написал. А. Гобиль сообщал, что он подверг значительной переработке свою историю китайской астрономии, в частности составил новый каталог затмений Солнца, Луны, планет и присоединил историю наблюдений всех комет. Все это он собирается послать в Париж.

В этом же письме А. Гобиль добавлял, что наблюдал лунное затмение в Пекине в тот же день, когда это затмение наблюдал в Казани петербургский акад. Делиль де ла Кройер⁴⁸. А. Гобиль просил сообщить ему и другие наблюдения де ла Кройера, произведенные во время путешествий по Сибири.

Миссионеры И. Кеглер и А. Перейра в письме от 28 декабря 1736 г.⁴⁹ писали о получении книг, посланных Т.-З. Байером, в числе которых был и его труд «*De horis sinicis et cyclo horario*»⁵⁰. Полученные книги распределены между тремя пекинскими учеными коллегиями. И. Кеглер и А. Перейра сообщали печальное известие о смерти миссионера К. Славичека. Они отмечали, что покойный был выдающимся знатоком китайской и индийской музыки. Вместе с письмом они послали Т.-З. Байеру две китайские книги, недавно вышедшие в свет. Автором их являлся высокообразованный китайский ученый, принадлежавший к роду императора. В этих книгах заключены комментарии к некоторым древнейшим памятникам китайской литературы.

После смерти Т.-З. Байера, последовавшей в 1738 г., переписка с пекинскими миссионерами по вопросам, связанным с китайским языком и литературой, прекратилась.

Научную переписку с пекинскими миссионерами по вопросам астрономии и географии начал акад. И.-Н. Делиль. До приезда в Петербург И.-Н. Делиль работал в Париже, посещал обсерваторию знаменитого

⁴⁶ Там же, лл. 42об.—43об.

⁴⁷ Там же, лл. 54—56об.

⁴⁸ Л. Делиль де ла Кройер, брат астронома Иосифа-Николая Делиля, был принят в Петербургскую Академию в феврале 1726 г. Умер 10 октября 1741 г. См.: П. П. Пекарский, История имп. Академии наук, т. I, стр. 154.

⁴⁹ Архив АН СССР, разр. III, оп. I, № 82, лл. 52 об. — 54.

⁵⁰ Издан Академией наук в 1735 г. См.: П. П. Пекарский, История имп. Академии наук, т. I, стр. 195.

астронома Дж.-Д. Кассини⁵¹. В 1714 г. он начал публиковать свои наблюдения в трудах Парижской академии, а в 1724 г. ездил в Англию, где познакомился с величайшими учеными своего времени И. Ньютоном и Э. Галлеем⁵². 8 июня 1725 г. он подписал контракт с Петербургской Академией и прибыл в Петербург в феврале 1726 г.⁵³

Первое письмо И.-Н. Делиля с приложением астрономических наблюдений, адресованное миссионеру И. Кеглеру, не сохранилось. Как видно из ответа И. Кеглера от 20 июля 1732 г.⁵⁴, письмо И.-Н. Делиля доставило миссионерам большое удовольствие. Переписка с И.-Н. Делилем будет для миссионеров чрезвычайно интересной, пишет И. Кеглер, надо только хорошо продумать, каким образом будет пересылаться корреспонденция. Использование для этой цели торговых караванов — путь надежный и безопасный, однако караван из России прибывает в Китай редко. И. Кеглер сообщал, что на миссионеров произвели большое впечатление наблюдения И.-Н. Делиля над спутниками Юпитера. «Мы восхищаемся, — говорил он, — Вашей замечательной точностью в определении времени». И. Кеглер писал, что в Китае еще не знакомы с употреблением катадиоптрического телескопа, и просил сообщить о его устройстве и применении, а также о его преимуществах перед простым телескопом. Он посылал И.-Н. Делилю таблицы синусов, тангенсов и секансов с их логарифмами, изданные в Пекине. В заключение И. Кеглер выражал желание иметь у себя изданные тома «Комментариев» Петербургской Академии.

А. Гобиль в письме от 15 мая 1732 г.⁵⁵ сообщал, что послал во Францию свое сочинение об астрономии древних китайцев, об их астрономических наблюдениях и вычислениях. Дж. Кассини одобрил эту работу и считал, что ее следует опубликовать. Если это сочинение будет опубликовано, то он будет просить И.-Н. Делиля и его коллег сообщить мнение об этой работе.

Хотя у пекинских миссионеров, писал далее А. Гобиль, нет еще определенного места для астрономических наблюдений, тем не менее они их не прекращают. В частности, они наблюдают затмение Солнца и Луны, затмение спутников Юпитера и т. д. Свои наблюдения они будут с удовольствием посылать И.-Н. Делилю, но просят и русских астрономов сообщить им о своих наблюдениях. В Пекине известно, что Петербургская Академия наук опубликовала уже много работ своих членов, и миссионеры хотели бы иметь хотя бы некоторые из них. Кроме того, они просят прислать им грамматику русского языка, написанную на латинском или французском языке, а также русско-латинский и латинско-русский словарь.

В дополнительном письме И.-Н. Делилю от 20 мая 1732 г.⁵⁶ А. Гобиль писал о наблюдениях затмений спутников Юпитера, произведенных И.-Н. Делилем в Петербурге, которые ему передал И. Кеглер. «Я бросил взгляд на мои бумаги, — писал он, — и имел удовольствие найти 8 наблюдений, соответствующих Вашим». А. Гобиль сообщает, что ему приходится работать в трудных условиях. Он жалуется на недостаток астрономических инструментов, на отсутствие хорошей обсерватории и опытных помощников.

⁵¹ Кассини Джованни-Доменико (1625—1712) — итальянский астроном, работавший во Франции, директор Парижской обсерватории.

⁵² Галлей Эдмунд (1656—1742) — английский астроном.

⁵³ Жизнеописание Делиля см. у П. П. Пекарского (История имп. Академии наук, т. I, стр. 124—149).

⁵⁴ Архив АН СССР, разр. III, оп. 1, № 82, лл. 18—22.

⁵⁵ Там же, лл. 5—8.

⁵⁶ Там же, лл. 8—9.

Об этих же трудностях он сообщал И.-Н. Делилю и в письме от 28 мая того же года⁵⁷, рассказывая, в каких условиях работает председатель математического трибунала миссионер Игнатий Кеглер, занимающийся астрономическими наблюдениями. Хотя в Пекине имеется императорская обсерватория, однако миссионеры лишены возможности часто ее посещать. Кроме того, эта обсерватория плохо оборудована, в ней нет самых необходимых инструментов. Часто для наблюдений нужно приносить астрономические инструменты с собой, говорит он. Поэтому нельзя никоим образом сравнивать эту обсерваторию с европейскими обсерваториями Парижа, Гринвича, Петербурга и Берлина⁵⁸. А. Гобиль выражал готовность познакомиться И.-Н. Делиля с собранными им астрономическими наблюдениями древних китайцев, в частности с наблюдениями над сокрытием и приближением звезд и планет. В свою очередь он просил сообщить о новых астрономических наблюдениях, производимых в Европе, о новых географических картах и т. д.

Карл Славичек в письме от 14 сентября 1732 г.⁵⁹ высказывал свое неудовольствие планом города Пекина, помещенным в изданной в 1723 г. в Париже книге «*Observations mathématiques, astronomiques..., rédigées et publiées par le P. E. (tienne) Souciet*». Он останавливался на ошибках этого плана и посылал И.-Н. Делилю изготовленный им план, хотя и незаконченный ввиду плохого состояния его здоровья.

Ответы пекинским миссионерам были написаны И.-Н. Делилем в конце 1734 г. Он уведомлял А. Гобиль⁶⁰, что в Петербургской Академии наук со времени ее основания хорошо понимали, как необходимо для географии страны сделать точные астрономические наблюдения на всем протяжении ее территории. Для этой цели приняли на службу его брата Людовика Делиля де ла Кройера⁶¹. Можно надеяться, что в скором времени Академия наук будет располагать точными сведениями об истинном местонахождении различных географических пунктов на территории России. В настоящее время Людовик Делиль предпринял поездку в восточные районы страны и уже побывал в Казани и Тобольске, а сейчас он, видимо, находится на пути в Иркутск⁶². Он производит астрономические наблюдения с целью определения долгот и широт.

Сообщая о тех астрономических наблюдениях, которые будет производить его брат, И.-Н. Делиль просил миссионеров организовать аналогичные наблюдения в Китае для сравнений и выводов. И.-Н. Делиль рассказывает далее о своей переписке с астрономами Западной Европы — Х. Кирхом⁶³, Э. Манфреди⁶⁴ и другими, а также о тех астрономических наблюдениях, которые там осуществляются⁶⁵.

Занимаясь разработкой инструментов для астрономических наблюдений и физических измерений, производимых во время экспедиций,

⁵⁷ Там же, лл. 9—10об.

⁵⁸ К. А. Скачков, Судьба астрономии в Китае, — ЖМНП, СПб., 1874, май, стр. 1—31.

⁵⁹ Архив АН СССР, разр. III, оп. 1, № 82, лл. 30—31.

⁶⁰ Там же, № 6, лл. 36об—46об.

⁶¹ Л. Делиль де ла Кройер погиб 10 октября 1741 г. на Камчатке. Жизнеописание его см. у П. П. Пекарского (История имп. Академии наук, т. I, стр. 149—155).

⁶² Об астрономической экспедиции Людовика Делиля см.: В. Ф. Гнучева, Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв., М.—Л., 1940, стр. 33—35; дневники Де ла Кройера хранятся в Архиве АН СССР (разр. I, оп. 50, № 2—3).

⁶³ Х. Кирх (1694—1740) — директор Прусской королевской обсерватории.

⁶⁴ Э. Манфреди (1674—1739) — итальянский астроном.

⁶⁵ К письму приложены астрономические наблюдения, произведенные Кирхом и Манфреди в Берлине в 1734 г. (Архив АН СССР, разр. III, оп. 1, № 6, лл. 47—49об.).

И.-Н. Делиль сконструировал термометр, который был весьма пригоден для сравнения температур воздуха в различных местностях. Большое число таких термометров он отослал в Западную Европу, и несколько взял с собой его брат, чтобы оставить в различных местах Сибири, где должны были вестись регулярные метеорологические наблюдения. И.-Н. Делиль писал, что посылает такие же термометры и ему, А. Гобилю, чтобы можно было сравнить температуру различных районов Китая с температурой других местностей, где имеются подобные термометры. Он просил А. Гобиля прислать ему карты неба, составленные китайцами до прибытия миссионеров в Китай. Ему также хотелось бы получить свидетельства китайцев о положении звезд в древнейшие времена и о тех изменениях, которые китайцы отмечали в положении звезд от времени до времени. И.-Н. Делиль просил прислать ему описания астрономических наблюдений, которые А. Гобиль извлек из китайских книг.

В письме И. Кеглеру, написанном в конце того же, 1734 г.⁶⁶, И.-Н. Делиль сообщал о получении больших таблиц синусов, тангенсов и секансов с их логарифмами. Он благодарил И. Кеглера за присланные ему астрономические наблюдения и обещал в скором времени выслать и свои. Как и А. Гобиля, он просит И. Кеглера прислать ему древние карты неба, составленные самими китайцами и не исправленные миссионерами. По сообщению А. Гобиля, писал он, китайцы уже давно были знакомы со склонением звезд и составляли каталоги, по которым можно заметить изменения, происходящие в положении звезд с течением времени. Эти каталоги могли бы оказаться столь же полезными, как и наблюдения над положением звезд, произведенные Гиппархом⁶⁷ и сообщенные Птолемеем⁶⁸.

И.-Н. Делиль просил прислать ему также данные наблюдений, проведенных в обсерватории китайского императора, хотя эти наблюдения, как сообщили ему, не проводились с той степенью точности, которую требовала астрономия того времени. И.-Н. Делиль хотел узнать, какого характера эти наблюдения, какими инструментами пользуются китайцы и каков метод их наблюдений. «Как мне известно, — писал он, — для определения широты Пекина Вы пользовались гномоном в 30 римских футов, с помощью которого Вы определили гипотенузу Пекина. Сообщите мне также Ваши измерения меридианных высот солнца и неподвижных звезд. Я собираю все подобные наблюдения, чтобы привести их в систему». Заканчивая письмо, И.-Н. Делиль сообщал, что во втором томе «Комментариев» Петербургской Академии, который высылается в Пекин, миссионеры найдут его измерения меридианных высот Солнца и неподвижных звезд⁶⁹. Им высылается также карта Северной Азии, составленная обер-секретарем Сената в Петербурге И. К. Кирилловым⁷⁰.

В письме к К. Славичеку, датированном ноябрем 1734 г.⁷¹, И.-Н. Делиль сообщал о получении его письма от 14 сентября 1732 г. с планом г. Пекина. «Ничто не могло бы доставить мне такую радость, как этот

⁶⁶ Архив АН СССР, разр. III, оп. 1, № 6, лл. 31об.—36.

⁶⁷ Гиппарх — крупнейший древнегреческий ученый, один из основоположников научной астрономии.

⁶⁸ Птолемей, Клавдий (первая половина II в. н. э.) — древнегреческий геометр, астроном и физик.

⁶⁹ *Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae*, 1727—1728, t. II, стр. 491—494.

⁷⁰ Иван Кириллович Кириллов (1689—1737) — известный географ и картограф.

⁷¹ Архив АН СССР, разр. III, оп. 1, № 6, лл. 30—31.

план», — сообщает он. В качестве достоинства плана И.-Н. Делиль отмечал то обстоятельство, что в нем точно указано положение основных мест, где производятся астрономические наблюдения. Эти наблюдения, писал И.-Н. Делиль, производятся сейчас с такой степенью точности, что для правильного их использования невозможно обойтись без точного учета местоположения обсерватории. По плану Пекина, далее писал Делиль, он заметил, что стена, отделяющая маньчжурский город от китайского, направлена почти параллельно экватору, а прямая линия, идущая от башни с большим колоколом и пересекающая посередине императорский дворец, служит перпендикуляром к этой стене. По-видимому, такое построение является преднамеренным. И.-Н. Делиль запрашивает К. Славичека, что ему известно по этому поводу. В этой связи он напоминает, что грани египетских пирамид также расположены по направлению стран света.

Де ла Шарм в письме от 10 января 1735 г.⁷² посылал И.-Н. Делилю результаты своих наблюдений Луны и звезд, сделанных им в Пекине 15 октября 1733 г. Он писал, что среди астрономических наблюдений, присланных петербургским корреспондентом, имеется одно, которое соответствует его наблюдению, а именно наблюдение, сделанное итальянским астрономом Манфреди в Болонье. Это обстоятельство позволило ему определить разницу меридианов Пекина и Болоньи.

После отъезда И.-Н. Делиля из Петербурга в Париж в 1747 г. и смерти И. Кеглера, К. Славичека и А. Перейры переписка по вопросам астрономии и географии временно прервалась и восстановилась только во второй половине XVIII в., когда в Академии наук появились новые академики-астрономы Н. И. Попов⁷³ и С. Я. Румовский⁷⁴, а в Пекине место умершего И. Кеглера занял миссионер А. Галлерштейн и появился астроном Ж. Долльер.

В Архиве Академии наук сохранилась лишь копия письма акад. С. Я. Румовского пекинскому миссионеру Долльеру от 15 марта 1766 г.⁷⁵ С. Я. Румовский писал, что в Петербурге получены от миссионеров наблюдения над прохождением Венеры через диск Солнца, произведенные в 1761 г. Он отмечал, что наблюдения миссионеров полностью согласуются с теми наблюдениями, которые были проведены в Сибири и Европе. Далее он писал, что в Петербурге начали делать приготовления к наблюдению предстоящего в 1769 г. прохождения Венеры через диск Солнца⁷⁶. Письмо заканчивается сообщением о некоторых научных открытиях последнего времени. В частности, С. Я. Румовский сообщал о достижениях в области изготовления оптических инструментов, дал высокую оценку новому телескопу английского оптика Дж. Доллонда⁷⁷. Он говорит далее о решении задачи определения долготы на море и об инструменте, изобретенном для этой цели Дж. Гаррисоном⁷⁸. Вместе с письмом, сообщал С. Я. Румовский, высылаются два сочинения о кометах: одно — Л. Эйлера, другое — Клеро⁷⁹. Из этих сочинений, писал С. Я. Румовский, легко увидеть, с какой точностью можно предсказать возвращение комет, основываясь на теории Ньютона.

⁷² Там же, № 82, лл. 32—34.

⁷³ Попов, Никита Иванович (1720—1782) — проф. астрономии с 1 марта 1751 г.

⁷⁴ Румовский, Степан Яковлевич (1734—1812) — проф. астрономии с 1 января 1763 г.

⁷⁵ Архив АН СССР, разр. II, оп. 1, № 187а, лл. 11—12.

⁷⁶ См.: В. Ф. Гнучева, Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв., стр. 108—110.

⁷⁷ Доллонд, Джон (1706—1763) — английский оптик.

⁷⁸ Гаррисон, Джон (1683—1776) — изобретатель хронометра.

⁷⁹ Клеро (1713—1765) — французский математик и астроном.

Переписка петербургских академиков с пекинскими миссионерами по вопросам физики началась только в 50-х годах XVIII в. В переписке приняли участие академики Г.-В. Рихман и Х.-Г. Кратценштейн.

Георг-Вильгельм Рихман, основоположник изучения электричества в России, в 1752—1753 гг. совместно с М. В. Ломоносовым провел чрезвычайно важные для науки исследования по атмосферному электричеству и разработал первые конструкции молниеотводов⁸⁰.

В 1753 г. президент Академии наук граф К. Г. Разумовский предложил академикам сообщить пекинским миссионерам о своих исследованиях и консультироваться с ними по научным вопросам⁸¹.

Письмо Г.-В. Рихмана, отправленное с торговым караваном, снаряженным в Китай в 1753 г.⁸², знакомит миссионеров с его собственными работами и с новыми известными ему открытиями. Мои работы, писал он, посвящены главным образом исследованию замечательного явления природного электричества. Он кратко сообщал о работе В. Франклина⁸³ в этой области. Франклину удалось открыть многие законы электричества, выводы его получили подтверждение в опытах, проведенных в Париже, в городах Германии и в Петербурге.

Г.-В. Рихман описал сконструированный и испытанный им измеритель электричества, порождаемого молнией. Сходный электрический указатель был описан им в XIV томе «Комментариев»⁸⁴. Однако тот измеритель служил, писал Г.-В. Рихман, только для распознавания количества искусственного электричества. Описываемый им измеритель приспособлен для измерения количества естественного электричества. Электричество измеряется углом отклонения наэлектризованной нити.

Далее Г.-В. Рихман писал о тех работах в области исследования электричества, которые он предполагает провести в ближайшие годы. В частности, он хочет проверить, правильно ли его предположение, что степень наэлектризованности наибольшая в момент непосредственно перед вспышкой молнии.

Г.-В. Рихман делился и своими новыми наблюдениями над электричеством: он установил возникновение электричества при трении ртутью о стекло и переход электричества с одного тела на другое.

О метеорологических наблюдениях, проведенных в Петербурге, писал он, можно прочесть в тех томах «Новых комментариев», которые высылаются миссионерам⁸⁵. Ему же было бы приятно познакомиться

⁸⁰ Г.-В. Рихман, Труды по физике, М., 1956.

⁸¹ Архив АН СССР, разр. II, оп. 1, № 187а, л. 1.

⁸² Там же, лл. 2—4.

⁸³ Франклин, Вениамин (1706—1790) — американский политический деятель и ученый. См.: М. И. Радовский, Вениамин Франклин и его связи с Россией, М.—Л., 1958.

⁸⁴ Об усовершенствовании электрического указателя, описанного в XIV томе «Комментариев», см.: Г.-В. Рихман, Труды по физике, стр. 285—294; 631—635.

⁸⁵ В 1757 г. пекинским миссионерам были посланы речи академиков, которые читались на торжественных публичных собраниях Петербургской Академии наук. Кроме того, в подарок «платрам» был послан третий том «Новых комментариев». Этот том заключал девять работ Леонарда Эйлера и две чрезвычайно ценные работы Г.-В. Рихмана по теплообмену. В одной из них («Размышления о количестве теплоты, которое должно получаться при смешивании жидкостей, имеющих определенные градусы теплоты») Г.-В. Рихман впервые в истории физики использовал уравнение баланса тепла, выведенное на основе теоретических предпосылок и подтвержденное опытами, а в другой («Опыты и размышления над ртутью, которая быстрее принимает и теряет теплоту, нежели многие другие, более легкие жидкости») Г.-В. Рихман полностью отвергает господствовавшую в то время в науке гипотезу о том, что, чем плотнее тела, тем они более способны к сохранению сообщенной им теплоты (Г.-В. Рихман, Труды по физике, стр. 553—557, 571—575). Кроме этих трудов третий том «Новых комментариев» содержал метеорологические наблюдения, произведенные акад. Г.-В. Крафтом в Тюбингине в 1747—1749 гг., и его же наблюдения солнечного затмения в 1750 г.

ся с метеорологическими наблюдениями, проведенными в Пекине, а также с наблюдениями над склонением и наклонением магнитной иглы. Хотелось бы также знать, писал он далее, определена ли в Пекине длина простого маятника, и если определена, то какова эта длина.

Заканчивая письмо, Рихман добавлял, что профессор астрономии Н. И. Попов обращается к миссионерам со следующей просьбой. Если в Пекине проводились наблюдения над затмениями спутников Юпитера, соответствующие тем наблюдениям, которые были проведены на Камчатке и в Сибири и описаны в III томе «Новых комментариев»⁸⁶, то было бы очень желательно, чтобы миссионеры прислали описание этих наблюдений в Петербург.

Спустя три месяца после отправки этого письма пекинским миссионерам Г.-В. Рихман трагически погиб от удара молнии во время испытания действия своего прибора⁸⁷.

В том же, 1753 г. к пекинским миссионерам обратился акад. Х.-Г. Кратценштейн⁸⁸. В своем письме⁸⁹ он сообщал о новых открытиях в области физики и описывал ту работу, которую в последние годы проводят ученые по изучению электричества, порождаемого молнией. Х.-Г. Кратценштейн подробно останавливался на достижениях в применении электричества для лечения болезней. Х.-Г. Кратценштейн описывает изобретенный им прибор для лечения электричеством.

Переходя к вопросу об изготовлении искусственных магнитов, Х.-Г. Кратценштейн указывал, что первенство в этом принадлежит Г. Найту⁹⁰. Он нашел способ изготовления искусственных магнитов, которые по своим качествам превосходят естественные. Однако Г. Найт держит свой способ в секрете, так как он приносит большой доход.

Х.-Г. Кратценштейн сообщал, что он нашел также способ изготовления искусственных магнитов, не уступающих магнитам Г. Найта, и излагает миссионерам этот способ. Он писал и о своей теории магнитного склонения, на основе которой можно определить а ргіогі склонение и наклонение магнитной иглы для любого места земли.

Затем Х.-Г. Кратценштейн перешел к астрономии и сообщил о том, что английский астроном Дж. Бредли⁹¹ наблюдал вокруг одной звезды, находившейся поблизости от созвездия Лебедя, систему планет.

Далее он написал миссионерам о новом телескопе английского оптика Дж. Шорта⁹² и о солнечном микроскопе⁹³. В конце письма Х.-Г. Кратценштейн обратился к миссионерам с просьбой прислать

⁸⁶ Имеется в виду статья адъюнкта Географического департамента А. Д. Кrasilникова «Астрономические наблюдения», стр. 444—473.

⁸⁷ В Архиве АН СССР сохранилось специальное дело «О смерти проф. Рихмана 1753 года 26 июля», ф. 3, оп. I, № 707, лл. 58—106. Материалы о смерти Рихмана опубликованы лишь частично. См.: П. П. Пекарский, История имп. Академии наук, т. III, стр. 710—711; Г.-В. Рихман, Труды по физике, стр. 548—550.

⁸⁸ Кратценштейн, Христиан-Амадей Готлиб (1723—1795) — механик и физик, врач. Прибыл в Петербург в 1748 г. Читал в университете лекции по механике и вместе с Г.-В. Рихманом трудился над теорией громоотводов.

⁸⁹ Архив АН СССР, разр. II, оп. I, № 187а, лл. 5—6.

⁹⁰ Найт, Годвин (ум. в 1772 г.) — доктор медицины, член Лондонского Королевского общества. Работы Найта по получению искусственного магнита были напечатаны в книге «Собрание некоторых статей, относящихся к магнитным брускам д-ра Найта», Лондон, 1758.

⁹¹ Бредли Джеймс (1692—1762) — английский астроном, почетный член Петербургской Академии наук с 1754 г.

⁹² Шорт Джеймс (1710—1768) — английский оптик, мастер научных инструментов XVIII в.

⁹³ О солнечных микроскопах этого времени см.: С. Л. Соболев, История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII в., М.—Л., 1949.

старые и новые наблюдения над склонением и наклонением магнитной иглы, а также последние наблюдения затмения Солнца и Луны.

Ответы пекинских миссионеров на эти письма пришли уже после смерти Г.-В. Рихмана и отъезда Х.-Г. Кратценштейна из Петербурга⁹⁴.

В письме от 30 апреля 1755 г.⁹⁵ А. Гобиль сообщал об огромном интересе, который возбудили письма акад. Г.-В. Рихмана и Х.-Г. Кратценштейна. Миссионеров очень привлекало изучение электричества, однако в нынешних условиях они не могли ставить опыты с электричеством в присутствии ученых и родовитых китайцев. Это дело сопряжено с опасностью и могло бы кончиться для миссионеров очень печально. Что касается магнита, писал далее А. Гобиль, то китайцы испокон веков применяли его для распознавания стран света. С давних пор китайцам известно также склонение и наклонение магнитной иглы. Некоторые наблюдения над склонением магнитной иглы можно найти в старых китайских книгах.

Ответное письмо по поручению президента Академии наук было написано в 1756 г.⁹⁶ вновь приглашенным акад. И.-Э. Цейгером⁹⁷. Извещая пекинских миссионеров о смерти Г.-В. Рихмана, он сообщал, что посылает им выдержки из сочинения одного из членов Академии с изложением обстоятельств этой смерти⁹⁸. Он выражал благодарность за присланные наблюдения по электричеству и по склонению магнитной иглы, сделал ряд замечаний по поводу того, как можно усовершенствовать подобные наблюдения, и просил продолжать переписку.

Переписка петербургских ученых с пекинскими миссионерами затрагивала также область биологических наук и медицины. В октябре 1734 г. Петербургская Академия наук послала пекинским миссионерам письмо с рядом вопросов по биологии и медицине. Некоторые вопросы были представлены акад. И. Амманом⁹⁹. И. Амман запрашивал миссионеров, какие лекарственные вещества минерального, растительного и животного происхождения используются в Китае. В частности, его интересовал вопрос об использовании ревеня для медицинских целей. Он просил прислать в Петербург семена дикорастущих и культурных растений, которые применяются в Китае для лечения болезней. Он задавал вопросы о пище китайцев, их образе жизни, об эндемических и эпидемических заболеваниях, встречающихся в Китае. Большой интерес проявлял И. Амман к противооспенным прививкам. Он спрашивал миссионеров, когда в Китае стали впервые делать подобные прививки, является ли противооспенная прививка изобретением китайцев или китайцы научились этому от какого-либо другого народа. И. Аммана интересовал также вопрос о распространении в Китае венерических заболеваний и о методах их лечения¹⁰⁰.

Акад. И.-Г. Дювернуа¹⁰¹ запрашивал миссионеров, «применяется ли в Китае расчленение человеческих трупов», и если оно производится, то каким образом и с какой целью. Он просил сообщить ему, что знают в

⁹⁴ Х.-Г. Кратценштейн отбыл из Петербургской Академии в августе 1753 г. в Копенгаген. См.: Б. Л. Моздалевский, Список членов имп. Академии наук, СПб., 1908, стр. 20—21.

⁹⁵ Архив АН СССР, разр. II, оп. 1, № 187, л. 37.

⁹⁶ Там же, № 187а, л. 7—7об.

⁹⁷ И.-Э. Цейгер (1720—1784) — профессор механики и физики.

⁹⁸ Очевидно из рапорта Х.-Г. Кратценштейна, представленного в Академию наук после смерти Г.-В. Рихмана (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 707, лл. 68—70 об.).

⁹⁹ И. Амман (1707—1741) — профессор ботаники и натуральной истории.

¹⁰⁰ Архив АН СССР, разр. II, оп. 1, № 187а, лл. 8—10.

¹⁰¹ Дювернуа Иоганн-Георг (1691—1759) — профессор анатомии, хирургии и зоологии.

Китае о частях человеческого тела и их функциях, а также о циркуляции крови. Его интересует, какие операции проводят китайские врачи, какими инструментами они пользуются. Он спрашивал также, какие болезни обычны у китайцев, какие лекарства они применяют¹⁰².

Летом 1737 г. письмо Петербургской Академии наук с упомянутыми вопросами было получено в Пекине. Ответ был написан миссионером Д. Паррениным¹⁰³. В одних случаях Д. Парренин давал подробные разъяснения, в других — указывал статьи и книги, в которых можно почерпнуть соответствующие сведения. Отдельное письмо Д. Парренина посвящено *lues venerea*¹⁰⁴. Д. Парренин писал, что сообщенные им рецепты заимствованы из китайских книг, о действенности этих лекарств он беседовал с китайскими врачами и получил утвердительный ответ. Были присланы также семена лекарственных растений.

В 1739 г. письма Д. Парренина были получены в Петербурге и Д. Парренину был послан ответ, написанный акад. И.-Г. Дювернуа¹⁰⁵. В своем письме он благодарил Д. Парренина за сообщенные им сведения и обращался к нему с новыми вопросами по поводу практикуемых в Китае методов лечения некоторых заболеваний. Ответ Д. Парренина на письмо И.-Г. Дювернуа не был получен. 27 сентября 1741 г. Д. Парренин умер, в том же 1741 г. умер И. Амман, а И.-Г. Дювернуа оставил Петербургскую Академию наук.

Во второй половине XVIII в. переписку с петербургскими учеными по вопросам ботаники поддерживал французский миссионер Петр-Марциал Сибо, проживавший в Пекине с 1758 г.¹⁰⁶. После того как 17 февраля 1766 г. он был избран почетным членом Петербургской Академии наук, Сибо стал посылать на отзыв петербургским академикам свои работы: о декоративных садах Китая, о способе искусственного разведения грибов, об особых видах китайских грибов и т. д.¹⁰⁷. В письме от 10 октября 1777 г. на имя неперменного секретаря академического собрания И.-А. Эйлера¹⁰⁸ Сибо сообщал о своей новой работе, посвященной грибам-агарикам. Это письмо Сибо является последним по времени письмом, полученным в Петербурге от пекинских миссионеров.

Творческое общение петербургских академиков XVIII в. с пекинскими миссионерами, несомненно, имело положительные результаты. Сведения, сообщенные пекинскими миссионерами, являвшимися прекрасными знатоками китайского языка и литературы, оказали благотворное влияние на научную работу акад. Т.-З. Байера. Весьма плодотворен был обмен научной информацией в области астрономии и географии, физики и медицины.

Наконец, библиотека Академии наук пополнилась различными китайскими книгами, географическими картами и астрономическими таблицами, изданными в Пекине, а библиотеки пекинских ученых обогатились изданиями Петербургской Академии наук.

¹⁰² Архив АН СССР, разр. II, оп. 1, № 187а, лл. 11—12.

¹⁰³ Там же, № 82, лл. 63—67.

¹⁰⁴ Там же, ф. 21, оп. 5, № 78.

¹⁰⁵ Там же, разр. II, оп. 1, № 187а, лл. 13—14.

¹⁰⁶ Биографию и сведения о трудах Сибо см.: Auguste de Bascquer, *Bibliothèque des écrivains de la Compagnie de Jesus, Liège — Lyon, 1872.*

¹⁰⁷ Архив АН СССР, разр. I, оп. 89, № 3, лл. 20—22.

¹⁰⁸ См.: И. И. Любименко, *Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века, М.—Л., 1937, стр. 478—480.*

Л. Н. Гумилев

ВЕЛИЧИЕ И ПАДЕНИЕ ДРЕВНЕГО ТИБЕТА

Развитие древних государственных образований в Азии, с одной стороны, подчинено общей закономерности становления классового общества, с другой — имеет свои специфические особенности. Чтобы понять соотношение между этими сторонами, чтобы отделить общее от частного, целесообразнее всего применить метод исторического исследования, т. е. в хронологической последовательности проследить ход событий от возникновения культурной традиции до ее конца, под тем или иным углом зрения. Поставленная нами проблема формулируется так: почему бедное в природном отношении Тибетское нагорье оказалось в состоянии вскормить народ, выступивший, несмотря на свою немногочисленность, претендентом на роль гегемона Срединной Азии, и почему эта попытка стать гегемоном не удалась? Для ответа необходимо обратиться к светской политической истории Тибета, а поскольку таковая в историографии отсутствует, написать ее и тем самым получить решение, подсказанное самими фактами.

В отличие от наших предшественников мы положили в основу угла зрения не судьбу буддийской общины, проникшей в дикую страну, а закономерность развивающегося племени, подвергшегося культурному влиянию со стороны просвещенных соседей. Изменив, таким образом, аспект освещения событий, мы получили целостную картину: цепь событий в их связи и последовательности. Именно установление причинно-следственной связи подсказывает ответ на поставленную проблему с четкостью, которая исключает необходимость в дополнительных формулировках и сентенциях на общеисторические темы. Организованный материал говорит сам за себя.

ОБИТАТЕЛИ ТИБЕТА

Обширное Тибетское нагорье, отделенное от окружающих низменностей высокими хребтами — Куньлунем с севера и Гималаями с юга, — посередине разделено Трансгималайским хребтом, представляющим естественный рубеж между сухими степями северного плато и живописными речными долинами реки Цанпо (Брамапутры) и ее притоков. Высокогорная равнина, примыкающая с юга к Куньлуню, — пустыня, не населенная и по наше время. Южнее, по склонам горных хребтов, идут травянистые степи, где возможно овцеводство, а еще южнее, по

берегам рек, издавна бытовало земледелие¹. Северная пустыня и Гималайский хребет преграждают доступ в Тибет с севера и с юга. Поэтому Тибет заселялся с запада и востока.

На западе, в верховьях Инда, с незапамятных времен создавали свои поселения земледельческие племена — моны и дарды². По расе, языку и культуре эти племена были близки к народам Северо-Западной Индии и Памира. В V—VI вв. Дардистан входил в состав державы эфталитов, а после ее разгрома получил самостоятельность³. Политического объединения у дардов и монов не возникло. Они делились на множество мелких княжеств, не зависимых друг от друга. Вследствие примитивности их организации они не могли оспаривать первенство у продвигавшихся с востока предков тибетцев.

На западной границе Китая, в современных провинциях Шэньси и Ганьсу, жили бок о бок два разных народа: монголоидные пастухи кяны, народ тибетской группы, и земледельцы-жуны⁴. Хотя древние китайские авторы, очевидно метафорически, называли тибетцев «западными жунами», это были два разных народа⁵, в древности говоривших на разных языках⁶. Однако смешанные браки и общая судьба, определявшаяся совместной борьбой против Китая, повели к тому, что тибетский язык вошел в обиход не истребленных китайцами жунов. Смешавшись, эти народы распались на несколько гибридных племен, из которых наибольшее значение для истории имели танчаны, дансяны, ди-бома (в Сычуани) и байлан. Впоследствии эти племена жундистского происхождения, слившись, образовали народность, называемую средневековыми тангутами⁷.

Несмотря на продолжительное общение с китайцами, они сохранили еще в III в. своих князей и свой быт. Хотя большинство их знало китайский язык, но у себя дома они пользовались языком ди. Наряды и обряды их были похожи и на китайские и на тибетские, что указывает на тесную связь тангутов с обоими упомянутыми народами, однако этническая самостоятельность их в III в. утеряна не была. Численность отдельных племен иногда превышала 10 тыс. человек⁸. Не только по происхождению, но и по быту отличались друг от друга тибетцы-кяны и тангуты.

«Народы си-жун (в данном случае тибетцы. — Л. Г.) вместо одежд употребляют шкуры зверей; не имеют постоянных жилищ и ведут кочевой образ жизни, снискивая себе пропитание скотоводством. Определенных названий родам и поколениям не имеют, имя отца или матери служит названием и роду их. Они разделяются на множество родов, не имеющих государя и не признающих единовластия, а живущих общинами. Народ чрезвычайно храбрый, умереть в сражении почитается у них счастьем, умереть от болезни — несчастьем. Подобно животным, они крайне терпеливо переносят стужу: даже женщины при родах не

¹ П. К. Козлов, Тибет и Далай-лама, II, 1929, стр. 8—10; Ю. Н. Рерих, Кочевые племена Тибета, — сб. «Страны и народы Востока», вып. II, М., 1961, стр. 8—9.

² A. Francke, A History of Western Tibet, London, 1907, стр. 19—39.

³ Л. Н. Гумилев, Эфталиты и их соседи в IV в., — ВДИ, 1959, № 1, стр. 135.

⁴ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Материалы по этнологии Амдо и области Кукунора, СПб., 1903, стр. 3.

⁵ Terrien de Lacouperie, Les langues de la Chine avant les chinois, — «Le Museon», 1888, VII, стр. 28—29.

⁶ Там же, стр. 335.

⁷ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Материалы по этнологии Амдо..., стр. 41 и 43.

⁸ E. Chavannes, Les pays d'Occident d'après Wei-lïo, — «T'oung Pao», ser. II, vol. VI, 1905.

уклоняются от суровости климата»⁹. «Танчанские цяны (в данном случае тангуты. — Л. Г.) составляют особый род. Они имеют постоянные жилища и живут домами. Избы их обтянуты полостями из буйволовой и овечьей шерсти (черной). В их владении нет ни законов, ни службы, ни налогов. Только в военное время они собираются в одно место, а в прочее каждый занимается своим ремеслом и друг с другом сношений не имеют. Одежду шьют из мехов и шерстяных тканей, пропитание получают от косматых буйволов, овец и свиней. По смерти отца, дядей и братьев берут за себя мачех, теток и невесток. Письма не имеют, а течение годов замечают по осенним и весенним переменам. По истечении каждых трех лет бывает собрание, на котором быют быков и баранов для жертвоприношения Небу. Из дома князя Лян-цзин происходят наследственно старейшины, а снискавшие приверженность знаменитых объявляют себя королями»¹⁰.

Тексты не нуждаются в комментариях. Почти ни один из обычаев не является общим, различны и стадии общественного развития: у кянов — родовой строй в расцвете, у жунов — на исходе. Дальнейшая судьба их была также различна: жуны, вобрав в себя тибетское племя дансянов и остатки южных хуннов, впоследствии образовали государство Си-ся, а потомки кянов сохранили свой быт и дикую волю до XIX в.

Потомками кянов можно считать скорее нголоков в верховьях Желтой реки, чем тибетцев-ботов, отколовшихся от кянов в неопределенное время до новой эры¹¹. Боты, распространившись вверх по среднему течению Брамипутры, вступили на путь создания классового государства, а кяны, потерпев ряд кровавых поражений, отступили в горы, откуда еще в 1899 г. своими набегами устрашали соседей и ревниво оберегали свою независимость.

По словам П. К. Козлова, они заносчиво заявляют: «Нас, нголоков, нельзя сравнивать с прочими людьми. Вы, кого бы это из тибетцев ни касалось, — подчиняетесь чужим законам: законам далай-ламы, Китая и каждого своего маленького начальника... вы боитесь всего. Не только вы, но ваши деды и прадеды были таковы. Мы же, нголоки, с незапамятных времен подчиняемся только собственным законам и побуждениям. Каждый нголок родится уже с сознанием своей свободы и с молотком матери познает свои законы, которые никогда не должны быть изменены. Каждый из нас чуть не рождается с оружием в руках; ...наше племя одно из самых высоких, достойных в Тибете, и мы вправе с презрением смотреть не только на тибетцев, но даже и на китайцев»¹². В этих словах жива этнопсихологическая структура древних кянов, толкавшая их на кровавые войны, в которых большая часть их погибла¹³. Несмотря на все высокомерие, нголоки — реликт эпохи расцвета родового строя.

Не кочевые племена, а оседлые земледельцы, осевшие на среднем течении великой реки Цанпо (Брамипутра), создали тибетскую культуру и государственность. Во время правления Пудэкунгье, которое датировать не удалось, в Тибете возникли земледелие и ирригация¹⁴. На плодородной почве речных долин произрастали пшеница, ячмень,

⁹ В. Успенский, Страна Кукэ-нор или Цин-хай, — «Записки ИИРГО по разделению этнографии», т. IV, СПб., 1880 (отд. отт., стр. 51).

¹⁰ Иакинф (Н. Я. Бичурин), История Тибета и Хухунора, I, СПб., 1833, стр. 110—111.

¹¹ Иакинф (Н. Я. Бичурин), История Тибета..., стр. 124.

¹² П. К. Козлов, Монголия и Кам, М., 1947, стр. 215.

¹³ Л. Н. Гумилев, Хунну, М., 1960, стр. 205—207, 225—231.

¹⁴ В. А. Богословский, Очерк истории тибетского народа, М., 1962, стр. 24.

гречиха и горох¹⁵. Воду на поля отводили из горных рек каналами, около которых воздвигались каменные укрепленные поселения. К тому же неопределенному времени тибетские хроники относят начало металлургии. Выплавлялись три металла: серебро, медь и железо. Через реки перебрасывались мосты и даже появилось ткачество на станке. Значительный подъем хозяйства датируется концом IV — началом V в., когда была упорядочена ирригация, широко практиковалась заготовка кормов для скота, используемого при пахоте, и были выведены новые породы мула и хайныка (помесь яка и коровы)¹⁶.

Технический прогресс создал такое изобилие продуктов, что население Тибета быстро росло. К VII в. оно достигло 2860 тыс. человек¹⁷, т. е. предела, выше которого не поднималось вплоть до XX в. Больше, при указанном уровне техники, страна прокормить не могла. Естественно, прирост населения шел за счет земледельческих районов, и племена, поселившиеся в речных долинах, по бытовому укладу, обычаям и культуре все больше отдалялись от своих кочевых собратьев. Наконец, они преобразились в народ, которому предстояло совершить великие дела.

НАЧАЛО ИСТОРИИ

Долгое время тибетские племена жили родовым строем, не общаясь с внешним миром. Наконец, внешний мир обратил на них внимание: с запада, из Гильгита, в Тибет вторглась черная вера бон и овладела умами и душами, а с востока пришла сяньбийская дружина и покорила тела и сердца. Тогда Тибет изменил свой облик, и произошло это так.

Некогда, до появления буддизма, в стране Шаншун (Гильгит) учитель Шэнрабмибо проповедовал новую религию. Главное божество мужского пола было им названо «Всеблагой», а жена его выступала то как гневная «Славная царица трех миров», то как нежная «Великая мать милосердия и любви». Она была связана со стихией земли и в Западном Тибете называлась «Земля-мать». Это двуединое божество принимало кровавые жертвы, включая человеческие.

Мир, по представлению этой религии, состоит из трех сфер: небесной области — богов, земной области — людей и нижней — водяных духов. Сквозь три эти вселенные прорастает мистическое мировое дерево, и оно является путем, по которому вселенные сносятся друг с другом. Общение осуществляется путем мистерий, совершаемых жрецами, принявшими посвящение. Жрецы, кроме того, гадают, колдуют и заклинают, вызывая болезни и непогоду. Все это требует высокой квалификации, и поэтому «бонская религия тяжела для изучения».

Священная книга бона была написана Шэнрабмибо на языке «тагзиг» и переведена на другие языки. Это весьма отдалило бон от примитивных генотеистических культов, чуждых прозелитизму. Бон проповедовался и распространился, кроме Тибета, по склонам Гималаев и в Юго-Западном Китае. Можно думать, что не без его влияния сложились некоторые культы в Сибири, но это предмет специального исследования. В Тибете же эта религия стала господствующей и воинствующей, создав церковную организацию с соответствующей иерархией,

¹⁵ Иакинф (Н. Я. Бичурин), История Тибета..., стр. 127.

¹⁶ В. А. Богословский, Очерк истории..., стр. 26.

¹⁷ В. А. Богословский полагает, что это только мужское население, воины («Очерки истории...», стр. 128). Но тогда общее число было бы около 15 млн., что невозможно, учитывая природные условия Тибета.

клиром, организованным культом и тенденцией вмешиваться в государственные дела.

Это краткое описание¹⁸, отнюдь не претендующее на полноту, все-таки достаточно, чтобы сделать вывод о невозможности отождествления бона и тунгусского шаманизма. Хотя в шаманизме есть учение о трех мирах, но отсутствует понятие о верховном божестве, о посвящении и силе жертвоприношений. Там нет и принципиально не может быть клира и церковной организации, потому что шамана, по представлению тунгусов, избирают духи, а не обучают люди. Наконец, в шаманизм не обращаются, и к помощи шамана при болезни может прибегнуть человек любой веры, как к врачу, тогда как бон совмещает проповедь и исключительность, как всякая высокоразвитая религия и как любая воинствующая церковь.

Время появления бона в Тибете уходит в глубокую древность. Восторжествовал он не без борьбы и крови. Один из легендарных правителей Тибета, Три-кум, «в первой половине своей жизни был привержен к бону, а во второй половине своей жизни приказал подавить бон „йунг-трунг“ (одно из течений бона) и разорвал головную нить „му“ (по которой возвращались на небо). Подданные и советник Ло-нгам убили его кинжалом»¹⁹. На место старых бонских жрецов, подавленных правителем, пришли новые — боны-могильщики.

Итак, бонская церковь урвала себе долю власти у племенных вождей, постоянно предававшихся распрям. Хотя они прятались друг от друга в каменных замках, число княжеств неуклонно сокращалось, так как князья энергично истребляли друг друга. В середине первого тысячелетия было 20 небольших княжеств, а немного спустя, в VI в., — уже только 17²⁰.

И вот, в богатую, растущую, но разобщенную страну в 439 г. вступила новая сила. В это время воинственные тобасцы создавали и расширяли свою империю Вэй, жестоко расправляясь с другими племенами, ранее их осевшими в Северном Китае. В 439 г. они захватили Хэси и заставили бежать орду Ашина на север. Подобно Ашину, другой сяньбийский князек, Фаньни, со своими соплеменниками отступил на юго-запад во внутренний Тибет. Опираясь на дисциплинированный и боеспособный отряд, приведенный из тех мест, где война не прекращалась ни на минуту, сяньбийский вождь «привлек себе цыанов»²¹, т. е. занял господствующее положение среди враждующих племен. Как водяные пары конденсируются вокруг летящей в воздухе пылинки и образуют дождевую каплю, так тибетские племенные вожди объединились вокруг сяньбийского атамана и его потомков, которые за 200 лет полностью отибетились и слились со своими подданными. С этого времени началось объединение Тибета, закончившееся около 607 г., после чего правитель Намри (570—620 гг.) смог приступить к внешним войнам. Но прежде чем обратиться к политике VII в., рассмотрим положение, создавшееся в Тибете после его объединения.

¹⁸ Литература вопроса весьма обширна. Привожу лишь некоторые наиболее важные сочинения: A. Francke, A History of Western Tibet; Ch. Bell, The religion of Tibet, Oxford, 1931; B. Laufer, Ueber ein tibetisches Geschichtswerk der Bonpo, — «T'oung Pao», ser. II, vol. II, 1901; H. Hoffmann, Quellen zur Geschichte der Tibetischen Bon-Religion, Wiesbaden, 1950; G. Tucci, The Tombs of Tibetan Kings, Rome, 1950; M. Labou, Les religions du Tibet, Paris, 1957.

¹⁹ В. А. Богословский, Очерки истории..., стр. 29.

²⁰ Там же, стр. 31.

²¹ Иакинф (Н. Я. Бичурин), История Тибета..., стр. 127; Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Л., 1926, стр. 184—185.

Порядок, установившийся в Тибете к началу VII в., условно можно назвать ограниченной монархией. Но ведь так же говорят и про Англию; название иногда вводит в заблуждение, если оно не раскрыто и не пояснено, а потому приступим к описанию.

Теоретически вся полнота власти в Тибете принадлежала правителю, потомку сянбийских князей, носившему титул *цэнпо*. Формально ему помогал совет, укомплектованный чиновниками, назначаемыми и смещаемыми правителем. На самом деле совет держал в своих руках всю исполнительную власть²², а фактически он выполнял волю племенных вождей, опиравшихся на своих вооруженных соплеменников, являвшихся единственной реальной силой в стране. Племенные вожди даже носили титулы или «родственник по женской линии» *шанг*, либо «малые владыки», вассалы. Советники *лонпо* назначались только, из знати. Естественно, они проводили ту политику, которая определялась их воспитанием и связями, т. е. защищали интересы аристократии²³.

В этой ситуации положение *цэнпо* было очень сложным. С одной стороны, он получал свое место по наследству; в его казну поступали доходы с обширных земель, принадлежавших «короне», — налоги, дань покоренных народов, выморочное имущество и имущество казненных преступников, но его в любой момент могли отрешить от должности, и практически он не имел ни реальной опоры, ни действительной власти. Даже войско подчинялось не *цэнпо*, а специальному «военному советнику»²⁴. Бедному *цэнпо* оставался, по сути дела, только почет, и этим он напоминает эллинских базилиевсов в те времена, когда разбогатевшая аристократия лишила их былой власти²⁵.

Официально все тибетцы были подданными *банг*²⁶ своего бессильного правителя, но они резко делились на три слоя: аристократы, свободные и лично зависимые — *трэн*²⁷.

Свободные мужчины все были обязаны служить в войске. Оно было организовано в «четыре крыла» (*пу*) и более мелкие подразделения²⁸. Хотя это деление и не совпадало с племенным, но командные должности в них занимали племенные вожди и «родственники по женской линии»²⁹. Это весьма усиливало позиции аристократии и давало возможность расправляться с низшими слоями населения по своему усмотрению. Даже средневековые китайцы отмечают чрезмерную жестокость наказаний и бесконтрольность судей. В результате их «деятельности» в Тибете появились несвободные, т. е. холопы. Холопы лишены свободы правящей властью, в наказание «за вредные мысли, гордость, необузданность»³⁰. Их использовали на разных работах, иногда на казенных, иногда отдавая в услужение аристократам. Положение их было весьма незавидным.

Аристократы за свою службу в качестве советников, чиновников (*нген*), придворных (*кхаб-со*) или военачальников получали земельные

²² Иакинф (Н. Я. Бичурин), История Тибета..., стр. 125—126 и 234.

²³ В. А. Богословский, Очерки истории..., стр. 140—143.

²⁴ Иакинф (Н. Я. Бичурин), История Тибета..., стр. 127—128.

²⁵ Л. Н. Гумилев, Легенда и действительность в древней истории Тибета, — «Вестник истории мировой культуры», 1960, № 3, стр. 107.

²⁶ В. А. Богословский, Очерки истории..., стр. 94.

²⁷ Там же, стр. 97 и 172.

²⁸ Там же, стр. 128—130.

²⁹ Там же, стр. 131.

³⁰ Там же, стр. 172.

участки в условное владение. Эти участки (*кхол-юл*, букв. 'земля за службу') можно было передавать по наследству, но нельзя было ни продать, ни обменять. Земля отбиралась в казну при нарушении лояльности по отношению к правителю или прекращении несения службы³¹. Этот институт весьма напоминает бенефиций или поместье³². Для содержания армии и чиновников требовались большие средства, которые собирались в виде подушного налога с населения, штрафов и дани с завоеванных земель. От уплаты налога освобождалось духовенство³³.

Итак, Тибет в VII в. был уже настоящим государством, в котором патриархальные отношения начали перерождаться в феодальные. Но феодализм был еще в зачатке. Гораздо большую роль играли именитые вотчинники, стремившиеся заменить монархию олигархией. Так, в Риме в результате усиления аристократии царская власть сводилась к нулю, а затем просто упразднялась³⁴. То же происходило и в Финикии и в эллинских полисах.

Тибет стоял на том же пути. Вельможи и бонские жрецы крепко держали власть в своих руках, покоряя и ограбляя окрестные племена, так как только война кормила армию и только армия обеспечивала их власть и благополучие. При цэнпо Намри тибетские войска вторглись в Восточную и Центральную Индию и нанесли поражение тюркютам³⁵, видимо добив несчастного Кара-Джурина, после того как он, брошенный своими восточными сородичами, пытался найти прибежище в Тогоне в 604 г.

Но всякий успех имеет свою оборотную сторону. В армию и в страну влились новые солдаты и подданные. Они были согласны принять на себя долю военных тягот и государственных забот, но только за соответственную долю благ. И тут они успеха не имели, ибо знать не склонна была делиться с побежденными. Антагонизм между аристократией и народом должен был возникнуть неминуемо, а тогда естественным вождем народа мог стать цэнпо, также утесненный знатью³⁶. Очевидно, не случайно был умерщвлен победоносный Намри³⁷, а при его сыне Сронцангамбо³⁸ «подданные его отца возмутились, подданные матери восстали, родственные шанг-шунги Чжо-сум-па, Ньяк-ньи-таг-па, Конг-по, Ньян-по — все восстали»³⁹. Это очень похоже на гражданскую войну, в которой принимали участие разные группировки и племена.

³¹ Там же, стр. 79—80.

³² Эта практика удержалась в Тибете до XX в. Ее наблюдали Рокхилл и Гренар в Северо-Восточном Тибете и уподобляли феодальной (там же, стр. 84).

³³ Там же, стр. 101—104.

³⁴ См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, — К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. XXI, стр. 129.

³⁵ «...Тру-ку были покорены» (В. А. Богословский, Очерки истории..., стр. 35). См.: Л. Н. Гумилев, Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокатты и в действительности, — «Византийский временник», 1965, XXVI, стр. 76.

³⁶ Вспомним «Одиссею»: народ защищает царя, оскорбленного знатью.

³⁷ В. А. Богословский, Очерки истории..., стр. 36.

³⁸ Согласно тибетской версии царского генеалогического древа, Сронцангамбо был тридцатый цэнпо, наследовавший свою должность. Следовательно, за период с 420 по 580 г., т. е. за 160 лет, сменилось 29 правителей и на каждого в среднем приходится 5,5 года. Это могло быть лишь в том случае, когда престол находился в руках фрондировавшей знати, менявшей своих ставленников по своему произволу. Китайская версия [Иакинф (Н. Я. Бичурин), История Тибета..., стр. 130] считает его шестым цэнпо, вероятно вследствие меньшей осведомленности. Хронология в обоих случаях отсутствует до VII в. Даже дата рождения и вступления на престол Сронцангамбо не может быть установлена. См.: Б. И. Кузнецов, Тибетская летопись «Светлое зеркало царских родословных», Л., 1961, стр. 73—74.

³⁹ В. А. Богословский, Очерки истории..., стр. 36.

Восстание все-таки потухло, и порядок был восстановлен, но умный и энергичный Сронцангамбо⁴⁰ сделал выводы, весьма важные не только для него самого, но и для его подданных. Он обратил внимание на общину нищих бритоголовых монахов, проповедовавших странное учение о пустоте и неделании. И он не ошибся: буддизм оказался силой, которая, утвердившись в Тибете, превратила его потомков из цэнпо в царей.

СИЛА И СЛАБОСТЬ БУДДИЙСКОЙ ОБЩИНЫ

Буддийские проповедники начали проникать в Срединную Азию уже в первые века новой эры, но в VII в. их энергия и настойчивость выдвинули их на первое место среди соперничавших в то время религиозных систем. Прежде чем говорить о роли и значении буддистов в эту эпоху, бросим беглый взгляд на характер самой буддийской общины и на те цели, которые она преследовала.

Вообще в VI и особенно в VII в. буддизм проявлял исключительную активность в Китае, Тибете и Средней Азии, прокладывая себе путь не столько как религиозная идея, сколько как социальная и политическая группировка. Буддийская философская доктрина была слишком сложна для того, чтобы увлекать за собой массы, но буддийскую общину представляла группа людей решительных и энергичных, которая умела заставить считаться с собой. За время своего существования она трансформировалась до неузнаваемости.

Первоначальный буддизм был одной из индийских философских школ с ярко выраженной атеистической окраской⁴¹ и никакого политического значения не имел.

В I в. этот первоначальный буддизм был преобразован Нагарджуной, объявившим, что излагает более полное и совершенное учение Будды, добытое им у змей, которым Будда также проповедовал и даже более пространно, чем людям. Философский смысл новой секты, махаяны, заключался в учении о нирване, но важно другое: в новой секте центральное место вместо Архата и Будды занял бодисатва, спаситель мира. В системе буддизма бодисатва есть существо, достигшее степени совершенства Будды, но еще не ставшее Буддой, потому что призвание бодисатвы — наставить страдающее человечество и помочь ему избавиться от мук. Будучи выше Архата, остающегося просто человеком, и ниже Будды, находящегося вне пределов досягаемости, бодисатва,

⁴⁰ Правописание тибетских имен до сих пор тибетологами не установлено. У разных переводчиков одно и то же имя пишется по-разному. Иногда основой является транслитерация, иногда транскрипция, иногда фонетическая запись с того или иного диалекта, а иногда даже китайская транслитерация. Так, упомянутое нами имя пишется у Е. Шлагинтвейта (E. Schlagintweit, *Die Könige von Tibet*, München, 1886) Strong-btsan sgam-po; у А. Франке (A. Francke, *A History of Western Tibet*) — Shrong tsan sgampo; у Демевия (P. Demieville, *Le Concile de Lhasa*, Paris, 1957) — Sron-bcan-sgam-po; у Б. И. Кузнецова (Тибетская летопись «Светлое зеркало царских родословных») — Сронцангамбо; у В. А. Богословского («Очерки истории...») — Сонг-цэн-гам-по и, наконец, у Бичурина, переводившего с китайского языка (История Тибета и Хухунора), — Цицзун Лунцзянь. — Здесь приведены только не все варианты произношения и написания, и сложность цитирования многочисленных авторов возрастает при отсутствии единого принципа орфографии из-за необходимости приводить цитату точно. Поэтому в нашем повествовании не будет выдержана та или другая система воспроизведения имен. В наиболее ответственных случаях в подстрочных примечаниях будут даны разночтения, имеющие значение для понимания текста и сверки его с источником-переводом.

⁴¹ Ф. И. Щербатской, Буддийский философ о единобожии, — «Записки восточного отделения ИРАО», 1906, т. XVI, стр. 058 и сл.

обладающий одновременно сверхчеловеческими качествами и доступностью, в глазах масс становится главным объектом почитания и поклонения, занимая место туземных богов, изгоняемых буддизмом.

В системе буддизма мир делится на две неравные части: монахи буддийской общины и все остальные. Солью земли признаются только монахи, так как они стали на «путь», выводящий их из мира суетного (сансары) к вечной пустоте (нирване). Монахи не должны работать и вообще действовать, так как действие есть порождение страсти и ведет к греху. Кормить, одевать и защищать монахов обязаны миряне, эта «заслуга» поможет им в следующем перевоплощении стать монахами и вступить на «путь». Естественно, чрезмерное увеличение общины монахов противоречило ее интересам, так как если бы все стали монахами, то кормить их было бы некому. Но эта опасность не грозила индийскому буддизму. Ни брамины, гордые своими знаниями и привилегиями, ни раджи, увлеченные роскошью, войнами и почестями, ни крестьяне, кормящие свои семьи и возделывающие поля, не стремились бросить свои любимые занятия во имя «пустоты», к которой должен стремиться буддийский монах. В буддийскую общину шли люди неудовлетворенных страстей, не нашедшие себе места в жизни и применения своей деятельной природе. Став буддистами, они отвергали жизнь, обидевшую их, и страсти, обманувшие их; во имя провозглашенной лассивности они развивали бешеную активность, и наконец в этой роли они нашли себе применение.

Чандрагупта, враг греков, основатель династии Маурья, несмотря на принадлежность к низшей касте (шудра), выдвинулся в 313/14 г. благодаря военным талантам⁴². Основанная им военная деспотия утвердилась в Северной Индии, но жестокий режим разочаровал массы народа, выдвинувшие Маурья⁴³. Внук Чандрагупты, Ашока, понимал, что на копьях трон держаться долго не может. Военной деспотии противостояли сепаратистские тенденции местных радж из кшатриев и браминов в Бенгалии и племенных вождей Северо-Западной Индии. Для борьбы с ними ему нужно было мощное идеологическое оружие, и таковым оказалось буддийское учение, отрицающее касты, роды и народы. Буддийская община охотно пошла на сближение с деспотом, обеспечившим ей покровительство. После гибели династии Маурья на буддизм были гонения, продолжавшиеся до тех пор, пока царь индоскифов Канишка, бывший в Индии чужеземцем и, подобно Ашоке, державшийся на копьях своих соплеменников, не усмотрел в буддийских монахах своих возможных союзников в борьбе с покоренными индусами. Снова буддийские монахи были осыпаны милостями, до тех пор пока держава кушанов не пала.

Третий расцвет буддизм переживал при Харше Вардане, завоевавшем почти всю Северную Индию и в VII в. до н. э. создавшем эфемерную военную державу.

Резкие перемены в положении буддизма в Индии способствовали его распространению за пределами этой страны. Во времена процветания буддизм распространился в областях, зависевших от индийских или индоскифских царей; в периоды гонений монахи разносили «желтую веру» в те места, где они могли быть в безопасности. В первые века

⁴² Г. М. Бонгард-Левин, Аграмес-Уграсена-Нанда и воцарение Чандрагупты, — ВДИ, 1962, № 4, стр. 15.

⁴³ «После победы он (Чандрагупта) лозунг «свободы превратил в рабство, ибо, захватив власть, он сам стал притеснять народ, который он освободил от иностранного господства (Юстин XV, 4, 13—44)» (там же, стр. 19).

нашей эры буддисты проникают в Китай, в 350 г. буддизм утверждается в Непале⁴⁴, несколько раньше он преодолевает горные проходы Гиндукуша и завоевывает себе место в верованиях жителей Восточного Туркестана.

Описания двух путешествий китайских буддистов — Фа-сяна⁴⁵ и Сюан-цзана⁴⁶, представляют Восточный Туркестан чисто буддийской страной, что, конечно, грешит некоторым преувеличением, так как оба эти паломника интересовались только буддизмом и не описывали иных верований как не стоящих внимания. Проникновение это было постепенным и происходило в несколько приемов, что видно из того, что древняя хинаяна господствовала в Кашгаре, Гумо, Куче, Харашаре, Гаочане и Шаньшани, тогда как махаяна укрепились в Хотане и Гебаньдо (Таш-курбан), т. е. в областях, непосредственно граничивших с Тибетом⁴⁷, и в Китае.

Необходимо отметить, что в V—VI вв. буддизм в Китае был инородным телом. Нищие бритоголовые буддийские монахи (бикшу), со своей проповедью отрешенности от мира, безбрачия и устремления в потусторонность, были глубоко противны трезвому и рационалистическому практицизму конфуцианских грамотеев. Буддийская проповедь казалась им бессмысленным бредом, способным потрясти основы государства, основанного на принципах власти, собственности и семьи. Поэтому буддийские монахи искали других объектов для пропаганды и нашли их среди варварских вождей, поселившихся в Северном Китае в IV в., и народа, склонного к суевериям и нуждающегося в утешении.

Но главными приверженцами буддизма оказались женщины, без различия сословий. Положение женщин в средневековом Китае было настолько тяжелым, что буддисты нашли в них благодарную паству. Даже воплощение бодисатвы милосердия, Авалокитешвара, в Китае выступает в женской ипостаси, Гуань Инь, ибо, по легенде, бодисатва принял облик женщины, чтобы на себе испытать всю тяжесть женского бесправия. При содействии женщин, на их деньги, воздвигались великолепные храмы с тысячами монахов и библиотеками буддийско-китайской литературы.

В эпоху династии Тан переводами и переизданиями буддийских книг занимались больше, чем когда-либо в Китае. После же вступления на престол Гао-цзуна его министр, конфуцианец Фу-и, убедил императора созвать совет для обсуждения мер, которые следует принять в отношении буддизма. Предложение Фу-и заключалось в том, чтобы принудить монахов и монахинь к бракосочетанию и деторождению. «Те основания, — говорит он, — которые их склоняют к аскетической жизни, объясняются лишь их желанием избежать вклада в государственные доходы. То, что они говорят о судьбе человека, зависящей от воли Будды, глубоко ложно. Жизнь и смерть людей лежат во власти судьбы, которой не управляет никто. Воздаяние же за добродетель и порок лежит во власти государя, а богатство и бедность являются следствием наших собственных деяний. Буддизм привел общественную жизнь к вырождению, а его учение о перевоплощениях не имеет ничего общего с действи-

⁴⁴ A. Getty, *The Gods of Northern Buddhism*, Oxford, 1914, стр. 163.

⁴⁵ Legg, *A record of Buddhistic Kingdoms being an account by the Chinese Monc Fa-hien*, Oxford, 1886.

⁴⁶ St. Julien, *Histoire de la vie de Hiouen-tsang et des ses voyages dans l'Inde...*, Paris, 1853; его же, *Mémoires sur les contrées occidentales traduits de sanscrit en chinois en l'an 648 par Hiouen-tsang*, t. I—II, Paris, 1857—1858.

⁴⁷ В. В. Григорьев, *Восточный или Китайский Туркестан*, т. II, СПб., 1873, стр. 153.

тельностью. Монахи являются ленивыми и бесполезными членами общества».

На это ответил Сяу-ю, приверженец буддизма: «Будда был мудрецом, а, отзываясь дурно о мудреце, Фу-и оказался виновным в тяжком преступлении». Его противник возразил, что верность присяге и сыновняя почтительность являются величайшими добродетелями, а монахи, отказываясь от почитания своего государя и своих родителей, оказывают им пренебрежение и равнодушие, и Сяу-ю, защищая их учение, сам оказался виновным наравне с ними. На это Сяу-ю сказал только, что «ад создан для таких людей, как его хулиатель».

Сопротивлялись этой «идейной заразе» конфуцианские «философы» — военные и гражданские чиновники. Приход их к власти всегда сопровождался гонениями против буддизма; следовательно, можно установить и обратную закономерность: гонения на буддизм в средневековом Китае означали приход к власти военно-чиновной касты, покровительство буддизму связано с господством придворной клики, состоящей из евнухов, женщин и монахов. Именно такую антитезу мы встречали в империях Бэй-Чжоу и Бэй-Ци.

Сама по себе буддийская община всегда была весьма деятельна, но цели ее не совпадали с целями светского государства, часто шли прямо вразрез с ними, и потому буддисты могли процветать лишь при бездарном и недалёковидном государе. Отсюда вытекает, что процветание буддизма связано со слабостью светской власти, а со временем еще более ослабляет ее.

При первых императорах династии Тан буддизм завоевал в Китае такое же господствующее положение, какое он имел во всей остальной Азии. Буддизм торжествовал от Самарканда и Пешавара на западе до Суматры и Явы на востоке, проник даже в дикий Тибет, но особенно укрепился в Китае, хотя и претерпел значительные изменения. К этому времени относится китайская поговорка: «буддист, как династия Тан»⁴⁸.

Государи династии Тан видели в буддизме средство подчинения себе сверхъестественных сил и главным образом стремились найти эликсир бессмертия. Покровительствуя буддизму, они не забывали своей старой религии и весьма благосклонно относились к несторианам, время от времени проникавшим в Китай.

Не меньший успех буддисты имели среди народных масс Китая, чему немало способствовало внешнее сходство их религии с даосизмом. Китайцы, удивленные этим сходством, были склонны считать Лао-цзы истинным предком буддизма⁴⁹. Буддийская община разрасталась и поглощала все большую долю государственных доходов, не давая взамен ничего. Несомненно, что это обстоятельство сыграло свою роль в падении великой империи Тан наряду с прочими, еще более существенными причинами. И если при Танской династии буддизм в Китае одержал полную победу, то в это же время в Тибете он встретил такое сопротивление, перед которым трижды отступал и лишь на четвертый раз, уже в XI в., достиг уверенных, твердых успехов. В Тибете противником буддизма — «желтой веры» — были аристократия и «черная вера», или религия бон, а союзником и покровителем — монархическая власть.

Устрашающие формы мистерий «черной веры» довели сознание горцев, веривших, что мир населен сонмом злых духов, спасти от которых может только вмешательство колдунов. До сих пор население восточных Гималаев, Юго-Восточного Тибета и инородцы Юннани и

⁴⁸ E. Chavannes, *Les religieux éminents par I-tsing*, Paris, 1894, стр. XV.

⁴⁹ Там же, стр. XVII.

Сычуани почитают грозного духа Лепчу⁵⁰, которого даже буддисты считают более сильным, чем сам Будда⁵¹.

Социальная значимость религии бон в тибетском обществе яона: колдуны вместе со знатью так ограничивали власть царя, что она превращалась в фикцию. Это была борьба знати против трона. Для царя не оказывалось подходящего занятия, народные массы стали послушным войском в руках совета вельмож. Вельможи и жрецы прочно держали власть в своих руках, подчиняя все новые и новые племена цянов и дардов, так как только война кормила армию и только армия держала их на поверхности. К середине VII в. империя охватывала весь Тибет, Непал, Бутан, Ассам и соприкоснулась с Китайской империей.

УЧРЕЖДЕНИЕ МОНАРХИИ

В отличие от своих предков Сронцангамбо нашел способ избавиться от досадной опеки своих несговорчивых вельмож. Восемь из них он убил собственной рукой, когда они начали ему противоречить⁵². Но справиться с колдунами ему было не под силу; для этого нужна была посторонняя помощь, и он обрел ее в лице буддийских монахов, явившихся в свите цариц из Индии и Китая⁵³. В лице буддийских монахов Сронцангамбо получил то, что ему было нужно. Эти люди не боялись духов, значит, они были сильнее их; они принесли исписанные свитки с заклинаниями, более действенными, чем ночные вещания бонских колдунов. Эти монахи были в чести у китайского императора, всемогущего Тай-цзуна, и у индийского победоносного царя Харши Варданы, самодержавных государей, не зависящих от своих подданных. Сронцангамбо решил, что он заполучил средство уподобиться этим царям и весьма дешево, так как монахи-аскеты не требовали особых расходов на содержание. Как люди бывалые и образованные они могли быть использованы для нужд вновь возникшей военной деспотии, а с крамольными вельможами они не были связаны и вполне зависели от царской милости.

По сути дела, обращение цэнпо в буддизм было монархическим переворотом. Возможности для столь решительных действий были предоставлены Сронцангамбо самой аристократией, где, как во всякой олигархии, влиятельные роды боролись за власть. При вступлении Сронцангамбо на престол «великим советником», т. е. главой правительства (премьер-министром), был вельможа Пунгсэ, из рода Кхьунгпо. Силу его влияния на цэнпо достаточно подтверждает тот факт, что завоеванная им область Цангбед была пожалована ему в дар, т. е. он завоевал страну с населением в 20 тыс. семей для себя, а не для государства. Однако ему приходилось все время бороться с интригами своих соперников. В конце концов, по доносу вельможи из рода Гар, он был обвинен в заговоре и обезглавлен, а власть захватил род Гар⁵⁴.

На фоне такого ожесточения и беспринципности Сронцангамбо удалось захватить инициативу. В 639 г. он перенес столицу на новое место и основал прекрасный город Лхасу⁵⁵, которая стала цитаделью нового порядка. Всякое сопротивление подавлялось беспощадно: «Выр-

⁵⁰ Ch. Bell, The Religion of Tibet, стр. 10.

⁵¹ Там же, стр. 19.

⁵² И а к и н ф (Н. Я. Б и ч у р и н), История Тибета..., стр. 132.

⁵³ Союзы Тибета с Непалом и Китаем были скреплены браками с непальской царевной в 639 г. и китайской княжной в 641 г.

⁵⁴ В. А. Б о г о с л о в с к и й, Очерки истории..., стр. 41, 48, 89.

⁵⁵ H. Cordier, Histoire générale de la Chine, I, стр. 416.

ванные глаза, отрезанные головы, конечности и другие части тела людей беспрерывно появлялись у подножия железного холма» в Лхасе⁵⁶.

И вот в эту суровую страну, переживавшую жестокое время, в свите китайской и индийской принцесс появились новые советники царя⁵⁷. Это были люди умные, образованные, искушенные в политике, дипломаты и психологи. Сронцангамбо получил опору, без которой новый строй удержаться не мог.

Обращение цэнпо означало мир и союз с Китаем и Непалом⁵⁸. Во внутренней политике оно ознаменовалось глубокими реформами. Были посланы два посольства в Индию за священными книгами, из которых одно пропало без вести, а второе, руководимое Тонгми Самбодой, вернулось в 632 г. с рукописями и выработанным алфавитом, после чего начался интенсивный перевод буддийских книг на тибетский язык⁵⁹. В Лхасе были построены великолепные храмы, но не возникло ни одного монастыря⁶⁰, потому что буддистами были только иностранцы, а тибетцы, занятые повседневной жизнью, стремились не к нирване, а к благополучию на этом свете.

Желая приохотить своих подданных к мирной жизни, Сронцангамбо испросил в Китае шелковичных червей для развода и мастеров для выделывания вина и для строительства мельниц⁶¹.

Однако бонская оппозиция не дремала. «Подданные начали поносить царя. Царь слышал, но тем не менее предписал религиозный закон для соблюдения десяти добрых дел»⁶². Недовольство вельмож вполне понятно, но недовольство народа следует объяснить.

Действительно, буддийские монахи сами по себе стоили недорого, но для соблюдения культа нужно было воздвигать кумирни, отливать изображения бодисатв, покупать и привозить издалека рукописи и иконы.

Все это ложилось на плечи податного населения. Вместо походов, приносивших добычу и славу, предлагалось сидеть в пещерах на постной пище и спасать душу, губя тело. Не могло нравиться тибетцам и то, что царь окружил себя ламами, прибывшими не только из Индии, с которой войны в ту пору не было, но и из Хотана и Китая. Поэтому не удивительно, что тибетцы отнеслись к новой вере без малейшего энтузиазма⁶³.

Вероятно, сопротивление слишком крутому и набожному царю вызвало осложнения, которые привели к отрешению Сронцангамбо от престола. Пять лет на престоле сидел сын реформатора, Гунригунцан, пока не умер по невыясненным причинам. Сронцангамбо опять вернулся к власти и правил, впрочем, весьма беспокойно, до 650 г., когда он не то умер, не то был снова отрешен. Но так или иначе, на престоле оказался его внук Манроманцан, 13-летний мальчик, которого китайские хронисты, вообще довольно осведомленные, называют «безымянный»⁶⁴. Можно представить, как мало значил этот ребенок на престоле.

⁵⁶ В. А. Богословский, Очерки истории..., стр. 41.

⁵⁷ Так его можно назвать после проведенных им реформ, хотя процесс становления монархии в Тибете затянулся и не завершился.

⁵⁸ Это была вторая попытка буддийской проповеди в Тибете. Первая, при Латори, не имела успеха, и индийские миссионеры вернулись домой. См.: G. N. Roerich, *The Blue Annals*, Calcutta, 1949, стр. 38.

⁵⁹ И. Попов, Ламаизм в Тибете, его история, учение и учреждения, Казань, 1898, стр. 143.

⁶⁰ В. А. Богословский, Очерки истории..., стр. 40.

⁶¹ Иакинф (Н. Я. Бичурин), История Тибета..., стр. 135.

⁶² Ch. Bell, *The Religion of Tibet*, стр. 34.

⁶³ G. N. Roerich, *The Blue Annals*, стр. 40.

⁶⁴ Иакинф (Н. Я. Бичурин). История Тибета..., стр. 135.

Даже эти смутные и отрывочные сведения показывают, сколь напряженной была борьба за власть. Победа осталась за знатью и жречеством. Хозяином положения сделался «великий советник» Донцан⁶⁵ из рода Гар, «не знавший грамоты»⁶⁶, т. е. не читавший религиозной литературы. Зато он «охранял все уделы Тибета»⁶⁷, внешняя политика которого потекла по старому руслу.

ВОЙНА ЗА ТОГОН

Самой острой проблемой, стоявшей перед Тибетом, были отношения с империей Тан. Интересы обеих великих держав были прямо противоположны. Необходимо учесть, что Тибет в VII в. был заперт со всех сторон. На западе стояли непокоренные дарды; Индию защищали не столько Гималаи, сколько климат, убийственный для жителей суровых нагорий; на севере лежала непроходимая пустыня, а на востоке — самая мощная мировая военная держава — Танский Китай. Единственный выход был на северо-восток, через Амдо в Ганьсу, и на просторы степей Хэси и «Западного края» (Синцзян). Но этот выход преграждало Тогонское царство, хотя и ослабевшее, но усиленное покровительством Китая.

Если для Тибета было необходимо овладеть Тогоном, то для Китая было не менее необходимо не допустить этого. Победа над тюркютами, доставшаяся недешево, могла быть сведена на нет при появлении в степи какого-либо антикитайского центра притяжения, так как кочевники бредили восстанием и независимостью. Вырвавшись в степь, тибетцы могли перерезать китайские коммуникации и, опираясь на мятежные элементы среди тюркских племен, загнать китайцев обратно за Великую стену. Поэтому китайцы оказывали всемерную помощь Тогону, несмотря на то что это повлекло за собой войну.

А в самом Тогоне союз с Китаем был крайне непопулярен. Многолетние войны с Чжоуским, Суйским и, наконец, Танским Китаем не могли пройти бесследно.

На тогонские набеги китайцы отвечали губительными вторжениями, наводняя Амдо тюркютами, уйгурами и другими союзными войсками. Конечная победа осталась за Китаем, но ставленник Тай-цзуна, окитаенный царевич Муюн Шунь, несмотря на китайскую поддержку, был убит своими подданными⁶⁸. Тай-цзун водворил на ханский престол сына убитого Муюн Шуна, малолетнего Нохэбо, вполне преданного Китаю. Нохэбо ввел в Тогоне китайский календарь, женился на китайской царевне и посылал молодых тогонцев в Чанъань служить при дворе. Естественно, что возникшая оппозиция ориентировалась на Тибет, но заговор 641 г. был раскрыт и ликвидирован⁶⁹.

Твердая политика Тай-цзуна и крутой поворот тибетской ориентации при Сронцангамбо на некоторое время обезопасили Тогон, но когда Донцан возобновил наступление на восток, а недалековидный Гао-цзун отказал Нохэбо в немедленной помощи, участь Тогона была решена.

Тогонский вельможа Содохуй бежал в Тибет и сообщил Донцану

⁶⁵ Он же — Тонг-цэн (по В. А. Богословскому), кит. Лудун-цань (по И. Бичурину).

⁶⁶ И а к и н ф (Н. Я. Бичурин), История Тибета..., стр. 136.

⁶⁷ Б. И. Кузнецов, Тибетская летопись «Светлое зеркало царских родословных», стр. 50.

⁶⁸ И а к и н ф (Н. Я. Бичурин), История Тибета..., стр. 93.

⁶⁹ Некий вельможа хотел захватить хана и его жену, китайскую царевну, и отвезти их в Тибет (там же, стр. 94).

о решении Гао-цзуна; Донцан немедленно начал войну и в 663 г. наголову разбил тогонцев при верховьях Желтой реки⁷⁰. Нохэбо с царевной и несколькими тысячами кибиток бежал в Лянчжоу — под защиту Китая. Гао-цзун спохватился и отправил в Тогон войско, поставив во главе его Су Дин-фана⁷¹, героя западного похода против последних непокоренных тюркютов, но было поздно. Трудно было представить менее удачное стечение обстоятельств для империи Тан.

Осторожный Донцан пытался договориться с Гао-цзуном, но его предложения о разделе Тогона были отвергнуты. Донцан умер, оставив четырех сыновей, по способностям не уступавших отцу; старший, Цинь-лин⁷², стал «великим советником», а младшие возглавили войска, и война началась.

Имперское правительство оказалось в крайне затруднительном положении, так как лучшие войска были заняты в Корее, завоевание которой было закончено только в 668 г.⁷³. За это время тибетцы «разбили 12 китайских областей, населенных кянами»⁷⁴, и усилили свое войско за счет присоединенных дансянов (тангуты) и хоров (тогонцы). Около 670 г. тибетская армия ворвалась в бассейн Тарима и, опираясь на сочувствие тюркютов и союз с Хотаном, разрушила стены Кучи, вследствие чего весь «Западный край», кроме Си-чжоу (Турфана), оказался во власти тибетцев⁷⁵.

Стремясь вернуть утраченное, китайцы двинули на Тибет большое войско, но при Бухайн-голе⁷⁶ были наголову разбиты. Китайский генерал Се Жинь-гуй заключил мир с тибетцами и только на этом условии получил возможность отступить в 670 г. Другое войско, посланное против тибетцев, вернулось с дороги из-за смерти генерала, и на этом закончился первый этап войны.

Тибетцы дважды предлагали империи Тан мир — в 672 и в 675 гг., но Гао-цзун отверг эти предложения, и в 676 г. война возобновилась.

ТИБЕТО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА ЗА ЗАПАДНЫЙ КРАЙ

Активизация антикитайских настроений среди западных и восточных тюрков в 679 г. была связана с перипетиями тибето-китайской войны, достигшей в это время своего кульминационного пункта. Китайское правительство великолепно понимало, что в степи не будет порядка до тех пор, пока тибетцы не будут снова загнаны в горы. Для этой цели была направлена огромная армия (180 тыс. человек)⁷⁷ и во главе ее поставлен «государственный секретарь» Ли Цзинь-сюань, образованный и хитрый китаец, но не обладавший никакими военными талантами.

Китайский хронист даже приписывает главную роль в этом назна-

⁷⁰ Там же, стр. 95, 135.

⁷¹ Там же, стр. 95, 136.

⁷² Тибетское чтение не установлено. Возможны варианты: «Три-дринг», «Кон-Линг», «Тхим-линг». См.: В. А. Бюгословский, *Очерки Тибета...*, стр. 49.

⁷³ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, II, стр. 120 и сл.

⁷⁴ И а к и н ф (Н. Я. Бичурин), *История Тибета...*, стр. 136—137.

⁷⁵ Там же, стр. 138; E. Chavannes, *Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux*, СПб., 1903 («Сборник трудов Орхонской экспедиции», вып. VI), стр. 281.

⁷⁶ Бухайн-гол — небольшая река, впадающая в озеро Хуху-Нор с запада, она пересекает широкую долину и окружена редким прибрежным лесом. См.: П. К. Козлов, *Монголия и Амдо*, М.—Л., 1923, стр. 312—313; Н. В. Кюнер, *Описание Тибета*, ч. I, вып. 2, стр. 30.

⁷⁷ И а к и н ф (Н. Я. Бичурин), *История Тибета...*, стр. 142.

чении злой воле соперника Ли Цзинь-сюаня Се Жинь-гуя, желавшего обречь конкурента на поражение и царскую опалу.

Вначале китайцы имели успех, но около озера Хуху-Нор были окружены тибетцами. Китайский авангард, оторвавшийся от основной массы войск, был истреблен, а сама армия прижата к горам и блокирована. От гибели китайцев спасла только смелая ночная атака Хэчи Чан-чжи, корейца по происхождению; это был атлет высокого роста и неудержимой храбрости⁷⁸, один из тех «илохэ» (удальцов), которых привлекал и лелеял Тай-цзун. Во главе 500 отборных бойцов он вклинился в тибетский лагерь, поднял среди врагов панику и пробил в блокаде брешь, через которую бежали остатки недавно грозной армии.

Гао-цзун в отчаянии созвал совет, чтобы решить, что делать с тибетцами, но мнения придворных разделились, и совет никаких решений не принял — тибетская угроза нависла уже над самим Китаем. В том же 679 г. умер Манроманцан («безымянный»), и на престол был возведен его восьмилетний сын, Дудсрон⁷⁹, при котором Циньлин с братьями сохранили всю полноту власти.

В 680 г. тибетцы вторглись в Китай и нанесли «совершенное поражение» Ли Цзинь-сюаню, но Хэчи Чан-чжи с тремя тысячами отборной «врубающей конницы» (тху-ки) ночью напал на тибетский лагерь и принудил тибетцев к отступлению. Назначенный после этой победы начальником пограничной линии Хэчи Чан-чжи построил на границе 70 сигнальных пунктов и завел казенные поля для снабжения пограничных войск хлебом, но, несмотря на это, тибетцы с помощью пограничных кянов⁸⁰, прорвав линию обороны, вошли в Юннань и подчинили лесные полудикие племена, известные под названием маней⁸¹.

В следующем году (681) тибетский полководец Цзанбу, брат Циньлина, попытался прорваться во внутренний Китай. Хотя он был отражен Хэчи Чан-чжи, но это был успех в обороне, который не вывел китайцев из положения, становившегося катастрофическим. Оно еще более ухудшилось в 689 г., когда китайские войска, находившиеся в «Западном крае», были разбиты тибетцами. Китайское правительство впало в панику и готово было отказаться от «Западного края»⁸², но историограф Цуй-юн представил доклад, в котором доказывал необходимость во что бы то ни стало удержать западные владения, так как в старое время «сим отсекли правую руку у хуннов... Если не содержать гарнизонов в четырех инспекциях, то Туфаньские (тибетские) войска не преминут посетить Западный край, а когда будет потрясен Западный край, то трепет прострется и на южных цянов. Когда же они приступят к союзу с ними, то Хэси придет в неизбежную опасность... Если север будет смежен с туфаньцами, то десять колен (западные турки) и Восточный Туркестан погибнут для нас»⁸³.

Представление подействовало: была снаряжена новая армия, пополненная западными тюрками, и в 692 г. она одержала полную побе-

⁷⁸ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., стр. 292.

⁷⁹ Иакинф (Н. Я. Бичурин), История Тибета..., стр. 143; Дю-сонг (по В. А. Богословскому, Очерки Тибета..., стр. 50); Гун-срон-ду-рже (E. Schlagintweit, Die Könige von Tibet, стр. 50); кит. Цину-Синун [Иакинф (Н. Я. Бичурин), История Тибета..., стр. 143].

⁸⁰ Дансянов, т. е. тангутов, населявших правый берег Желтой реки к югу от озера Хуху-Нор. См.: Иакинф (Н. Я. Бичурин), История Тибета..., стр. 237.

⁸¹ Мань — общее название южных лесных племен. См.: Г. Е. Грумм-Гржимайло, Материалы по этнологии Амдо..., стр. 27.

⁸² Армия, посланная против тибетцев в 690 г., была возвращена с дороги. См.: Иакинф (Н. Я. Бичурин), История Тибета..., стр. 146.

⁸³ Там же, стр. 147—149.

ду и освободила «Западный край» от тибетцев. В это же время кяны и мани, очевидно разочаровавшись в тибетцах, вернулись в подданство Китая. Некоторых тибетцы успели захватить, но спасшиеся, получив земли внутри Китая, усилили оборону западной границы.

Попытка тибетцев восстановить свое господство на западе при помощи тюркского царевича Ашина Суйцзы также не имела успеха, а набег, произведенный братьями Циньлина, кончился поражением в 695 г.

Но Циньлин был упорен. В 696 г. он обрушился на Лян-чжоу⁸⁴ и, одержав полную победу, прислал посла с мирными предложениями. Циньлин предложил имперскому правительству вывести гарнизоны из «четырех инспекций» и уступить Тибету область нушиби (Тяньшань), с тем чтобы за империей оставалась область дулу (Семиречье). Китайцы требовали еще возвращения бывшей Тогонской территории и, учитывая внутреннее положение Тибета, сознательно затянули переговоры⁸⁵. Расчет оказался справедливым; интриги и государственный переворот в Тибете еще раз спасли империю Тан.

ПЕРЕВОРОТ В ТИБЕТЕ

Затянувшаяся война с переменным успехом истомила равно Тибет и Китай, но проявлялось это «утомление» в обоих государствах по-разному.

Китайское общественное мнение было вообще против войны за заграничные владения, которые были не народу, а имперскому правительству, в то время терявшему популярность. Китайцы хотели спокойно заниматься земледелием, ремеслами и изучением классической литературы, а не ходить в далекие походы по сухим степям и заснеженным горам.

Имперское правительство было озабочено обилием врагов: арабы угрожали среднеазиатским владениям, тюрки захватили весь север, мукри и кидани на востоке волновались. Войска были нужны всюду, а пополнения приходилось посылать против Тибета только для того, чтобы удержать свои позиции. Поэтому имперское правительство тоже хотело мира.

Внутри Тибета также не было единства. Хотя ежегодно с границ в страну привозилась добыча⁸⁶, но львиная доля ее доставалась семье Гар, т. е. родственникам Циньлина⁸⁷. Как это обычно бывает, симпатии противников правящего рода обратились к лишенному власти цэнпо, занимавшему в это время престол. Дудсрону исполнилось 25 лет. Согласно Дуньхуаньской хронике, он имел ясный ум и жестоко карал изменников⁸⁸. Его поддерживали кроме собственно тибетцев храбрые непальские горцы и воинственные западные тюркюты, спасшиеся в Тибете от репрессий империи Тан⁸⁹.

Циньлин сделал ошибку, допустив имперские посольства в Тибет. Опытные китайские дипломаты, ведя с правителем и цэнпо переговоры о мире, посулами и подарками стимулировали заговор, во главе которого встал сам цэнпо.

⁸⁴ Лянчжоу-фу в Алашане.

⁸⁵ И а к и н ф (Н. Я. Б и ч у р и н), История Тибета..., стр. 153.

⁸⁶ E. Schlagintweit, Die Könige von Tibet, стр. 50—51.

⁸⁷ Об этом ясно говорит цитата из Дуньхуаньской хроники: «В маленькой долине Чапу подданный стремится стать правителем, сын Гара стремится стать правителем». См.: В. А. Богословский, Очерки Тибета..., стр. 52.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же, стр. 50.

Борьба началась в 695 г., когда Дудсрон казнил одного из членов семьи Гар. Сразу, вслед за казнью, цэнмо (жена цэнпо) «созвала множество людей»⁹⁰, очевидно, своих родственников, чтобы обезопасить престол от действий армии, подчинявшейся семье Гар.

В 699 г. заговорщики, под предлогом облавной охоты, собрали воинов и, захватив более четырех тысяч сторонников правительства, перебили их. Затем Дудсрон вызвал правителя из армии в столицу, но тот, зная, что ему грозит верная смерть, поднял восстание, надеясь на верность своих войск. Но воины рассеялись, покинув своего полководца ради своего царя (цэнпо). Видя безнадежность положения, Циньлин покончил с собой и вместе с ним расстались с жизнью около 100 верных ему сподвижников. Те же, которые предпочли остаться живыми, вместе с сыном Циньлина перешли на сторону империи Тан. Их приняли с почетом и зачислили в пограничные войска, так как их возвращение в Тибет было исключено⁹¹.

Положение изменилось диаметрально. Тибет лишился опытных полководцев и лучших войск. Китай приобрел восемь тысяч закаленных воинов. Естественно, что имперское правительство прервало мирные переговоры с Тибетом, и война возобновилась на всех фронтах.

Теперь перевес был определенно на стороне империи. Китайцы сами приписывали свои успехи неопытности новых тибетских полководцев. Набеги 700 и 702 гг. были отражены с большими потерями для тибетцев⁹². Просьба Дудсрона о мире и браке с китайской царевной была подкреплена данью золотом и лошадьми, но результатов не дала. Китайские дипломаты, проникавшие в Тибет, несмотря на пограничную войну⁹³, информировали свое правительство о новых затруднениях на пути цэнпо Дудсрона: «Зависимые государства на южной границе — Непал, Индия и другие — все восстали». Дудсрон погиб в походе против индусов в 703 г.⁹⁴.

Победа осталась за империей, но она запоздала. Тибето-китайской войной воспользовались покоренные в 630 г. тюрки, среди которых 50 лет зрело недовольство, повлекшее взрыв страстей и кровопролитие⁹⁵.

После гибели цэнпо опять вспыхнули восстания племен и распри вельмож, а брат Дудсрона потерял престол Непала⁹⁶. Но уже к 705 г. знатные семьи Ба и Дро восстановили порядок, и тибетский посол, прибывший в Китай, сообщил о вступлении на престол нового цэнпо — Мзагцома⁹⁷. При нем буддисты сохранили свои позиции; продолжалось строительство храмов, переводы священных книг и приглашения индийских ученых⁹⁸. Буддизм и бон пытались привыкнуть к сосуществованию.

⁹⁰ Там же, стр. 51.

⁹¹ И а к и н ф (Н. Я. Б и ч у р и н), История Тибета..., стр. 154.

⁹² Там же, стр. 155.

⁹³ В 703 г. китайский посол Кам Кэнг даже оказал почести цэнпо. См.: В. А. Богословский, Очерки Тибета..., стр. 52—53.

⁹⁴ Эту дату следует предпочесть. См.: Б. И. Кузнецов, Тибетская летопись..., стр. 75, и Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, История Индии, М., 1954, стр. 100; ср.: В. А. Богословский, Очерки Тибета..., стр. 53.

⁹⁵ Более подробно об этом см.: Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, гл. XXI, М., 1967.

⁹⁶ В. А. Богословский, Очерки Тибета..., стр. 54.

⁹⁷ При вступлении на престол ему было 7 лет. Это значит, что власть опять оказалась в руках знатных семей, посадивших на трон ребенка, чтобы править страной от его имени. Его полное имя Тридэцуктэн Мзагцом.

⁹⁸ Б. И. Кузнецов, Тибетская летопись, стр. 25.

Восставшие в 689 г. тюрки связали большую часть сил китайской армии, и это дало возможность тибетцам вернуться к активной внешней политике. Для начала они завоевали дардские княжества Западного Тибета и в 715 г. ворвались в Фергану, где их никто не ждал. Закрепиться там им не удалось, но, владея горными районами, они представляли постоянную угрозу для китайских гарнизонов «Западного края».

На восточной границе Тибет вел с переменным успехом время от времени затихавшую, но не прекращавшуюся войну с основными силами Китая. На равнине имела перевес регулярная конница империи Тан, в горах — тибетские войска. Это положение продолжалось до 755 г., когда мятеж полководца Ань Лушаня заставил китайское правительство не только снять войска с тибетской границы, но и принять помощь Тибета для подавления восстания. Тибетцы воспользовались этим и захватили западные области Китая, а в 763 г. разграбили китайскую столицу Чанъань. После этого Тибет превратился в мировую империю, способную оспаривать гегемонию в Срединной Азии у Китая и арабского халифата.

Нетрудно заметить, что не буддисты, а сторонники культа бона сражались в рядах тибетской армии — при заключении перемирий и договоров в жертву приносились лошади и быки или собаки, свиньи и овцы⁹⁹. Аурель Стейн обнаружил неподалеку от Лоб-Нора, на левом берегу Хотан-Дарьи, в Миране, тибетские документы, относящиеся к VIII или началу IX в. Они отнюдь не буддийского направления, о чем свидетельствуют следующие факты: а) тибетские имена по написанию в большинстве своем не буддийские и не употребляются ныне; б) некоторые титулы восходят к добуддийским сагам; в) свастика имеет бонскую форму; г) не встречаются термин лама и молитва Ом мани падме хум; кроме того, язык и стилистические особенности документов весьма отличны от языка и стиля буддийской литературы¹⁰⁰. Черная вера вернула позиции, временно утраченные при Сронцангамбо¹⁰¹.

Итак, создалось в высшей степени двусмысленное положение: победоносная армия, опиравшаяся на широкие слои народа и древнюю религию — бон, оказалась в оппозиции к престолу, потому что монарх и окружавшая его кучка иноземных интеллектуалов-буддистов стремились к миру, ибо только мир с соседями мог спасти их от собственного войска. Но аристократы и бонские жрецы, имея в руках реальную военную силу, не могли ее использовать, так как их собственный авторитет основывался на соблюдении и сохранении традиций, а именно на традиции держалась и власть цэнпо, который благодаря этому был, при всем своем бессилии, неуязвим.

Обе стороны искали средств для закрепления своего положения. Мзагцом попытался женить своего наследника на китайской принцессе, чтобы династическим браком укрепить престол. Царевич, поехавший встречать невесту, при невыясненных обстоятельствах погиб¹⁰². Тогда Мзагцом сам женился на китайке, которая родила ему сына. Сын был гут же украден и объявлен сыном тибетки, наложницы цэнпо. Царевича хотели воспитать в бонской вере и окончательно избавиться от буд-

⁹⁹ И а к и н ф (Н. Я. Б и ч у р и н), История Тибета, стр. 189.

¹⁰⁰ C h. B e l l, The Religion of Tibet, стр. 44.

¹⁰¹ Подробное описание войн Тибета в Срединной Азии см.: Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, М., 1967.

¹⁰² Б. И. Кузнецов, Тибетская летопись..., стр. 25.

дизма. Но не дремали и буддисты, сумевшие объяснить ребенку, кто его мать, и внушить ему почтение к ее убеждениям. Такие формы приобрело сосуществование буддизма и бона, монархической и аристократической власти. Единственно только, что накал ненависти не дошел еще до такой степени, чтобы кровь потекла на тибетскую землю.

ЧЕРНОЕ И ЖЕЛТОЕ

Тибетский монарх был более могуществен и грозен за границами своей державы, нежели в своей собственной стране. Покровительствуемая им буддийская желтая вера никак не могла снискать расположения его подданных. Мэагцом гостеприимно встречал среднеазиатских буддистов, бежавших от арабских сабель, китайских и хотанских монахов, несших в Тибет грамотность и проповедь человеколюбия, но «хотя цэнпо превозносил Учение, тибетцы не принимали посвящения в монахи»¹⁰³. Буддизм исповедовался лишь в западных областях страны, не населенных тибетцами, в Центральном же Тибете не существовало ни одного монастыря, и как народ, так и царь были равно невежественны в законе Будды¹⁰⁴.

Решающую роль в назревающем конфликте сыграло стихийное бедствие — эпидемия оспы. Жрецы не преминули приписать заразу чарам иноземцев и добились их изгнания из страны. В 755 г. умер цэнпо Мэагцом¹⁰⁵, оставив престол малолетнему Тисрондецану, и власть, до тех пор разделенная, целиком перешла в руки аристократии, иными словами, поборников веры бон. Правительство возглавили вельможи Мажан и Такралукон, непримиримые враги буддизма. «Царь, хотя сам был верующий, ничего не мог поделать, так как его министр был слишком могуществен», — говорит тибетская хроника буддийского направления¹⁰⁶. Мажан выслал на родину китайских и непальских монахов, препятствовал распространению буддийской литературы и разрушил два храма, сооруженных в предыдущее царствование¹⁰⁷. Великая кумирня Лавран была превращена в бойню.

Видимо, в это время совершилась реформа бона, который был преобразован по образу и подобию буддизма. Выходцы из припамирских стран, призванные на место китайцев, хотанцев и индусов, составили канон из двух разделов: в одном было 140, а в другом 160 томов¹⁰⁸. Проведенной реформой бон настолько укрепил свое положение, что сам Тисрондецан в одном из указов признал полное поражение буддизма¹⁰⁹.

Даже политические противники Мажана, тибетские сановники, соперничавшие с ним в борьбе за власть и поэтому поддерживавшие царя и буддизм, оказались бессильными перед союзом аристократии и «черной церкви». Монарх оказал помощь своим сторонникам лишь тем, что выслал их на окраину Тибета, где Мажан не мог убить их¹¹⁰.

¹⁰³ В. А. Богословский, *Очерки Тибета...*, стр. 58.

¹⁰⁴ P. Demieville, *Le Concile de Lhasa*, Paris, 1957, стр. 18.

¹⁰⁵ См.: Б. И. Кузнецов, *Тибетская летопись...*, стр. 82. Ю. Н. Перих предложил дату — 745 г. См.: G. N. Roerich, *The Blue Annals*, стр. XIX.

¹⁰⁶ Ch. Bell, *The Religion of Tibet*, стр. 35; G. N. Roerich, *The Blue Annals*, стр. 40—41.

¹⁰⁷ В. А. Богословский, *Очерки Тибета...*, стр. 59.

¹⁰⁸ G. N. Roerich, *Trails to Inmost Asia...*, New Haven, 1931, стр. 357.

¹⁰⁹ G. Tucci, *The Tombs of Tibetan Kings*, стр. 98.

¹¹⁰ В. А. Богословский, *Очерки Тибета...*, стр. 60.

Мажан допустил только одну ошибку: он счел дело буддизма безнадёжным, тогда как безнадёжных положений в истории не бывает. Его враги, лишённые власти и реальной силы, обратились к тактике придворного заговора. Это были люди смелые, и убить человека им ничего не стоило, но... буддийское учение категорически запрещает убийство. Нарушив религиозный запрет, заговорщики скомпрометировали бы свою доктрину и тем самым обрекли бы свое дело на провал. Но они нашли выход: заманив Мажана в подземную гробницу-пещеру, они закрыли выход из нее. При этом, полагали они, Мажана никто не убивал, он сам умер.

Надо думать, что такой софизм не мог убедить никого, кроме самих убийц. Поэтому для народа была придумана версия, что министр услышал божественный голос, приказывающий ему войти в гробницу, чтобы оберегать царя от несчастий, а дверь замкнулась сама¹¹¹. Затем была сочинена легенда, объясняющая все происшедшее как цепь закономерностей, которая возникла еще в предыдущих существованиях и перевоплощениях¹¹². Очевидно, в народе антибуддийская политика была популярна, и скрыть преступление было необходимо. Тем не менее переворот удался: друзья Мажана были отправлены в ссылку, в пустыни Северного Тибета, а буддийские проповедники возвращены в столицу¹¹³.

Царь взял власть в свои руки, и снова начался расцвет буддизма в Тибете. Снова открылись кумирни, на площади Лхасы был устроен диспут между сторонниками культа бон и буддизма, причем последние, конечно, победили, но обошлись с побежденными милостиво — сожжена была лишь часть священных книг древней религии, а другая часть принята буддистами¹¹⁴.

Однако соглашение с народом, достигнутое новым тибетским царем, было неполным. Сторонники погребенного заживо министра в 754 г. предпочли перейти со всеми своими родичами на сторону Китая, где они были обласканы и даже получили императорскую фамилию Ли, что было высшей честью¹¹⁵. Перешедших было немало, и это могло бы очень повлиять на ход событий, если бы в самом Китае все продолжало оставаться по-прежнему. Но кризис в Китае разразился раньше, чем в Тибете. Это было восстание Ань Лушаня.

ЛАМАИЗМ И ЕГО ОСНОВАТЕЛЬ

Внутренняя политика Тисрондецана была направлена на укрепление страны. Ему наконец удалось притушить открытую религиозную борьбу между своими подданными. Начав с предательского убийства своего министра, Тисрондецан понял, что укрепить буддизм только насильственными мерами невозможно. Поэтому он позаботился о приглашении новых учителей из Индии. Призванный из Индии Шантаракшита оказался человеком скромным и совестливым. Он отказался соперничать с колдунами в заклинании демонов, так как считал задачей отшельника и учителя направлять свой дух на спасительные размышле-

¹¹¹ G. N. Roerich, *Trails to Inmost Asia...*, стр. 42.

¹¹² Л. Н. Гумилев, *Легенда и действительность в древней истории Тибета*, — «Вестник истории мировой культуры», 1960, № 3, стр. 103—114.

¹¹³ В. А. Богословский, *Очерки Тибета...*, стр. 61.

¹¹⁴ И. Попов, *Ламаизм в Тибете...*, стр. 154.

¹¹⁵ Иакинф (Н. Я. Бичурин), *История Тибета...*, I, стр. 175.

ния¹¹⁶. Зато другой учитель, Падмасамбава, прибывший из буддийского университета Наланды, превзошел в искусстве магии самых сильных колдунов.

Новое направление буддизма, основанное на применении магических формул и волшебства, получило название тантраяны¹¹⁷. Ученики Падмасамбавы, одетые в красные плащи, отбросили строгие правила махаянического буддизма: аскетизм и мораль, но их заклинания и фокусы производили на тибетцев гораздо большее впечатление, нежели самоуглубление и экстаз махаянистов. Поэтому на этот раз буддизм имел значительно больший успех. Тибетцы с увлечением смотрели на «чудеса», показываемые приезжим индусом, и сами бонские колдуны были не прочь перенять у него неизвестные им приемы волшебства, тем более что для учеников Падмасамбавы не был обязателен целибат¹¹⁸.

Падмасамбава принес в Тибет новую веру не только по форме, но и по существу. Буддийской она была скорее по терминологии, чем по догматике и этике. Концепция тантраяны сложилась в Удайе, нынешнем Кафиристане, горной стране к западу от Кашмира. Удайна издавна славилась своими чародеями, что отметил еще Сюань Цзан¹¹⁹. Буддизм в ней слился с шиваизмом¹²⁰ и культом «дакини», женских божеств, от которых Падмасамбава, согласно его фантастической биографии, и получил свою колдовскую силу¹²¹. Компромисс со служителями культа бон позволил объединить обе системы, и новая концепция получила название ламаизма; впрочем, это слово употребляется только в европейской научной терминологии и неизвестно в самом Тибете¹²². Сами тибетцы считают свою веру настоящим буддизмом — лишний пример того, как привычное слово обретает новое содержание.

С реформы Тисрондецана ламаизм стал официальной идеологией Тибета. Для укрепления этого вероучения около 770 г. недалеко от Лхасы был построен монастырь Самйе, ставший школой магии¹²³, а Тисрондецан был объявлен воплощением бодисатвы мудрости — Манчжушри. Монархия становилась теократией, а царь превратился в божество — хранителя закона (дармапала).

Новая система встретила сопротивление с двух сторон. Во-первых, далеко не все сторонники бона пошли на компромисс, во-вторых, настоящие буддисты отказались признать учение Падмасамбавы буддизмом. Споры и раздоры стимулировали изучение доктрины и переводы индийских сочинений на тибетский язык, причем в последнем занятии одинаково усердствовали обе стороны.

Сторонники «черного», т. е. непримиримого, бона также включились в эту борьбу. Подстрекаемая ими одна из жен Тисрондецана, по происхождению тибетка, добилась ссылки юного, но ученого ламы-переводчика Вайрочаны, поступив так же, как супруга Пентефрия¹²⁴. Но после того как ее постигла тяжелая болезнь, она смягчилась, и юный лама был возвращен из изгнания. Тем не менее эта женщина в истории Тибета была объявлена воплощением «красной дьяволицы» (божество религии бон).

¹¹⁶ И. Попов называет его Канбо-бодисатва (Ламаизм в Тибете..., стр. 155).

¹¹⁷ R. Grousset, Histoire de l'Extrême-Orient, I, Paris, 1929.

¹¹⁸ Там же, стр. 361.

¹¹⁹ L. A. Waddel, The Buddhism of Tibet or Lamaism, London, 1895, стр. 26.

¹²⁰ И. Попов, Ламаизм в Тибете..., стр. 157.

¹²¹ A. Grünwedel, Mythologie du Buddhismes, Leipzig, 1900, стр. 52.

¹²² L. A. Waddel, The Buddhism of Tibet..., стр. 28.

¹²³ A. Grünwedel, Mythologie du Buddhismes, стр. 56—57.

¹²⁴ L. A. Waddel, The Buddhism of Tibet..., стр. 29.

Эта по существу трехсторонняя война была результатом столкновения восточных и западных культурных влияний. Включение в Тибетское царство Дардистана открыло в него доступ таким индусам, которых не знал Китай, хранивший отвергаемые в самой Индии принципы махаяны. Сам Тисрондецан был сыном китаянки, но ему предстояло сделать выбор между Востоком и Западом, что также означало мир или войну с Китаем.

СОБОР В ЛХАСЕ

Ожесточение, которое возникло во время долгой и трудной войны между тибетцами и китайцами, вынудило повелителя Тибета пересмотреть свое отношение к буддизму. Отказаться от покровительства этому учению он не мог и не хотел, но еще меньше его устраивало проникновение в Тибет китайцев, хотя бы в рубищах буддийских монахов. Однако отделаться от этих «святых людей» было не просто, и сами они старались не подать повода для изгнания.

Тисрондецан нашел выход, устроив публичный диспут между буддийскими школами: китайцы защищали махаяну и принцип «неделания»; индийский учитель Камалашила отстаивал теорию сарвастивадинов (хинаянистов) и доказывал возможность спасения «добрыми делами», т. е. молитвами, сооружением кумирен, милостыней монахам, проповедью и т. п. На это вождь китайских буддистов Хэшан возражал: «Добрые и грешные деяния поистине подобны белым и черным облакам, которые одинаково закрывают небо. Освобождение от всяких мыслей, желаний и размышлений влечет за собою неощущение реальности индивидуального бытия... Только так можно достичь (нирваны)»¹²⁵.

Решающим обстоятельством в этом диспуте явились не аргументы сторон и не сочувствие слушателей, а мнение монарха, которое было предвзятым. Еще до начала диспута Тисрондецан высказался так: «Я пригласил ученых из Индии, чтобы они переводили Трипитаку и объясняли бы ее, установили бы общину монахов и объединили веру в единую систему. Из Китая приехал Хэшан, учение которого не соответствует вере. Мы пригласили мудреца Камалашилу. Чтобы не было двух учителей, для объединения учения Будды мы устроим диспут. Я не буду вмешиваться»¹²⁶. Этой репликой, независимо от того, насколько точно она передана, царь предрешил исход спора, а также раскрыл цель диспута — введение единомыслия в Тибете. И тем не менее диспут прошел далеко не в академических формах. Несколько сторонников Хэшана были так избиты камнями, что вскоре умерли; зато другие четыре китайца, посланные Хэшаном, убили учителя Камалашилу¹²⁷.

Даже обещания «не вмешиваться» тибетский монарх не сдержал, так как после диспута специальным указом была запрещена проповедь всех школ буддизма, кроме восторжествовавшей школы сарвастивадинов. Больше всех пострадали китайские монахи, которых не допустили до покаяния и пересмотра своих взглядов, а просто изгнали из Тибета. Можно думать, что все дело было только для этого и затеяно.

¹²⁵ В. А. Богословский (Очерки Тибета..., стр. 65—66) предполагает, что индийская точка зрения победила потому, что была понятнее для народа и подходила господствующему классу. Думается, что обе концепции были одинаково экзотичны и чужды тибетцам, но решающую роль сыграла кровь, пролитая в боях с китайцами, и надежда получить материальную помощь из индийских владений, для чего компромисс с индийскими учеными был необходим.

¹²⁶ Б. И. Кузнецов, Тибетская летопись..., стр. 43—44.

¹²⁷ В. А. Богословский, Очерки Тибета..., стр. 66.

Это событие чрезвычайно важно по своим последствиям. Теперь Тибет стал врагом не просто китайского правительства, а всей китайской культуры в любом ее проявлении. Отсюда становятся понятными невероятная ожесточенность и упорство обеих сторон, ибо исчезла платформа для возможной договоренности: Тисрондецан считается продолжателем дела Сронцангамбо, но на самом деле он разрушитель его. Брак основателя тибетского буддизма с китайкой повел к союзу с Китаем и походу на Индию. Полукитаец Тисрондецан оперся на памирцев и индусов и ополчился против Китая. Несомненно, религиозные мероприятия в Тибете были тесно связаны с поворотами его внешней политики. Сочетание того и другого было причиной жестокой семидесятилетней войны, которую мы можем причислить к категории войн религиозных.

ВЫСЛУШАЕМ И ДРУГУЮ СТОРОНУ

Согласно буддийской историографии, царствование Тисрондецана было золотым веком. Урожаи были хорошие, население увеличивалось, враги были побеждены, законы как светские, так и духовные укреплены, и учение Будды распространялось, неся с собой высокую культуру. Была сделана даже попытка собрать хроники и, сверив их, создать достоверную историю¹²⁸. Главная роль в этих реформах приписывается индийским мудрецам Шантаракшите, Падмасамбаве и Каламашиле, а их покровитель, царь, объявлен воплощением Манчжуши, бодисатвы мудрости и просвещения.

Но совершенно иначе трактует эпоху традиция отвергнутой религии бон. Вторичное введение буддизма приписывается группе вельмож, угворивших царя уподобиться царям Индии, которые, исповедуя буддизм, «свободны от болезней, долговечны и обладают огромными богатствами». Тут мы видим истинную причину союза трона и буддийской общины: царь Тисрондецан, подобно Карлу I Стюарту, захотел избавиться от опеки своих подданных.

Однако буддизм укрепился только в среднем Тибете: верхний Тибет оставался верен древнему вероучению, а в нижнем исповедовали обе религии. После упомянутого выше диспута Тисрондецан в законодательном порядке запретил религию бон. Мотив этого закона совершенно ясен: «Царь собрал шенпо (колдунов) и сказал: „Вы, бонпо, слишком могущественны, и я опасюсь, что вы сделаете моих подданных мне неверными. Или обратитесь в буддизм и станьте монахами, или покиньте Тибетское государство, или станьте служилыми людьми и платите налог“»¹²⁹.

Жрецы приняли первое предложение, и многие из них стали монахами, скрыв в горных пещерах свои святыни и рукописи. Последнее обстоятельство показывает, насколько неискренно было их вынужденное обращение. Святыни и рукописи были спрятаны для того, чтобы бон мог воскреснуть, когда «царь, министры и буддийская община будут разорены, потому что запрещают религию бон, когда царская семья пойдет собирать милостыню по деревням и выпрашивать у народа лохмотья, а учение бон распространится во все концы света»¹³⁰.

Можно себе представить, какая мешанина взглядов стала царить в буддийской общине и насколько снизилась действенность организации,

¹²⁸ E. Schlagintweit, Die Könige von Tibet, стр. 55.

¹²⁹ B. Laufer, Über ein tibetisches Geschichtswerk der Bonpo, — «T'oung Pao», ser. II, vol. II, 1901, стр. 22—44, 38—39.

¹³⁰ Там же, стр. 40.

после того как она подобрала в себя своих заклятых врагов. При этом надо учесть, что буддистами стали люди беспринципные, ничего не стесняющиеся, в то время как лучшая часть сторонников черной веры отказалась от компромисса и разбежалась по горам. Тисрондецан оказался в плохом окружении.

Бон сопротивлялся отчаянно. Стихийные бедствия, например наводнение, поражение молнией царевича, болезнь царя и т. п., толковались в народе как наказание за вероотступничество. Царь был вынужден пойти на соглашение и выделить области, где исповедание религии бон было разрешено. Вместе с тем армия по-прежнему придерживалась черной веры¹³¹, и это вынудило Тисрондецана к еще большим уступкам. «Властитель сказал: „Чтобы мне самому удержаться, бонская религия нужна так же, как буддизм; чтобы защищать жизнь подданных, обе необходимы; чтобы обрести блаженство, обе необходимы. Ужасен бон, почтенен буддизм; поэтому я сохраню обе религии”»¹³².

Итак, призванием бона стала защита жизни народа (разумеется, от внешних врагов), а задачей буддизма — достижение блаженства (т. е. просвещение). Но к такому размежеванию функций пришли не сразу. При жизни Тисрондецана были три периода гонений на бон.

Все эти краткие, сухие сведения дают лишь слабое представление о накале страстей, разрывавших в то время Тибет. Зато как этот накал ощутим при описании дворцовой интриги, предшествовавшей смерти Тисрондецана! Его супруга, тибетка, исповедовавшая бон, была матерью троих сыновей, но царь оставил ее ради наложниц, связанных с буддийской общиной. Покинутая царица пригласила трех изгнанных колдунов и попросила их околдовать царя. Те потребовали его грязную нательную одежду, которую можно было достать, лишь сняв ее с тела. Царица поручила это дело своему семнадцатилетнему сыну. Царь в это время был во дворце и играл со своими приближенными. Привратник отказался впустить царевича, но тот, сломав дверь и заколов привратника, предстал перед отцом и, ничего не скрывая, потребовал нательную рубаху, которую царь ему немедленно отдал.

Можно представить себе, какой у принца был вид, если царь предпочел стать жертвой колдовства, чем разговаривать с собственным сыном и наследником, перешагнувшим через труп верного слуги. За защитой Тисрондецан обратился к Падмасамбаве, и тот взялся за чары, но через 14 дней бонское колдовство одолело, в результате чего изгнанные жрецы были возвращены, а царь умер, вернувшись к бону¹³³.

По другим данным, Тисрондецан не умер от колдовства, а отказался от престола в пользу своего сына¹³⁴. Возможно, в его отречении главную роль играла неизлечимая болезнь. Эта гипотеза примиряет обе версии. Но так или иначе, проводимая им политика религиозного компромисса потерпела полное поражение.

Ревнивая царица попросту отравила своего мужа, но сын ее раскаялся в отцеубийстве и справедливо обвинил в нем свою мать. Дело в том, что он, несмотря на любовь к матери и соучастие в преступлении, был буддистом¹³⁵. Став царем и приняв имя Муни Дзенбо в 797 г., он «наслал на мать безумие», а это, по-видимому, означает, что своим обращением довел ее до сумасшествия. Тогда царица отравила и сына, а власть передала его младшему брату — Джуцзе Дзенбо.

¹³¹ Иакинф (Н. Я. Бичурин), История Тибета..., I, стр. 189—191.

¹³² B. L a u f e r, Über ein tibetisches Geschichtswerk der Bonpo, стр. 42—44.

¹³³ Там же.

¹³⁴ E. S c h l a g i n t w e i t, Die Könige von Tibet, стр. 56.

¹³⁵ G. T u c c i, The Tombs of Tibetan Kings, стр. 73.

Короткое царствование Муни Дзенбо было ознаменовано двумя мероприятиями, которые весьма повлияли на дальнейший ход событий. Во-первых, он приглашал к себе буддистов-мирян из Индии и Китая и приказал почитать сутру Виная и Абидарму Трипитаку¹³⁶. Это были классические буддийские трактаты, и у последователей тантраяны появилось изрядное число соперников из числа хинаянистов и махаянистов, что не могло не внести раскол в лагерь буддизма. Государственное исповедание разбилось на ряд философских школ, которые ожесточенно полемизировали друг с другом. Во-вторых, он за полтора года трижды заставлял богатых делиться с голодающим населением¹³⁷. Это показывает, что процветание Тибета было весьма относительным: войны и реформы изнурили народ. Но еще важнее, что Муни Дзенбо объявил себя врагом богатых. Можно думать, что он готовил социальную реформу¹³⁸, которая не осуществилась вследствие цареубийства и дворцового переворота; в последнем были заинтересованы очень многие: богачи, вельможи, сторонники религии бон, тантристы и вдовствующая царица, которая его отравила.

Может быть, именно необходимость скрыть от народа намерения этого царя вызвала некоторую путаницу в хронологии и разноречие в источниках. У Э. Шлагинтвейта Муни Дзенбо слился с его младшим братом Джуцзе Дзенбо в одно лицо, носящее имя Мукри Дзенбо. Согласно «Синей тетради», царь Тисрондецан умер в 780 г., но в «Танской истории» указан 797 г. Запись Латхасы упоминает царя Муни Дзенбо, имя которого отсутствует в «Танской истории», но постоянно упоминается в тибетских хрониках. «Синяя тетрадь» сообщает, что царь Муни Дзенбо правил с 780 по 797 г. Это кажется ошибкой, так как большинство тибетских хроник устанавливает, что этот царь был отравлен своей матерью после недолгого правления (один год и семь месяцев или три года). Согласно хроникам, престол перешел в руки наследника Мутуг Дзенбо, младшего брата Муни Дзенбо. По Бустону же, Муни Дзенбо наследовал его младший брат Кридэ Дзенбо, также называемый Садналег. Доктор Петоч полагает, что Джуцзы Дзенбо «Синей тетради» транскрибируется как Цзучжи-цзянь «Танской истории», и отождествляет его с Муни Дзенбо, годы правления которого, таким образом, падают на 797—804¹³⁹. Ю. Н. Рерих считает вопрос открытым.

Попробуем подойти к проблеме по-иному: в 797 г. китайцы не могли знать подробностей внутренней истории Тибета, так как война была в разгаре. Поэтому краткое царствование Муни Дзенбо не только могло, но и должно было ускользнуть от их внимания. Затем, сопоставление дат «Синей тетради» и китайской летописи показывает, что тибетцы потеряли из летосчисления полтора или два года, т. е. то самое время, которое приходится на царствование Муни Дзенбо. Таким образом, можно найти место для его правления — 797—798 гг.¹⁴⁰, что соответст-

¹³⁶ E. Schlagintweit, Die Könige von Tibet, стр. 56; И. Попов, Ламаизм в Тибете..., стр. 158.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ У населения изымались золото, серебро, жемчуг, бирюза и одежда. Обложению не подлежали монастыри. Население не верило в передел имущества, считая, что оно останется в казне и не попадет в руки бедняков. Даже сами буддийские священнослужители были против уравнивания имущества, объясняя царю, что бедность происходит от грехов в прошлой жизни и поэтому не может быть устранена (см.: Б. И. Кузнецов, Тибетская летопись..., стр. 45—46).

¹³⁹ G. N. Roerich, The Blue Annals, стр. XX.

¹⁴⁰ К аналогичному выводу, хотя другим путем, пришел Б. И. Кузнецов (Тибетская летопись..., стр. 78).

вует большинству хроник, и, сдвинув на эти два года хронологию «Синей тетради», привести ее в согласие с китайской хронологией, в данном случае верной.

ЭПОХА МЕСТИ

При Джужце (он же Мутигцанбо), царствовавшем до 804 г., внутренние противоречия в Тибете не ослабели. Борьба придворных клик и интриги, ранее сдерживаемые железной рукой Тисрондецана, начали оказывать отрицательное воздействие на армию. Один из тибетских военачальников, правнук китайского эмигранта, горько жаловался захваченному в плен китайскому офицеру, что он и хотел бы, да не может вернуться на родину своих предков. Другой военачальник, «опасаясь, чтобы не обвинили его за неуспешные действия, покорился Китаю»¹⁴¹.

Но это были только симптомы распада, а не сам распад. Следующий царь, Садналег (804—816 гг.), благополучно закончил войну, доведя дело до перемирия. У него от первой жены были три сына: Джангма, который пошел в монахи, Лангдарма, «друг грехов и враг религии», и очень набожный Ральпачан. Так как Лангдарма вполне определенно тяготел к бону, то его отстранили от престола, на который в 817 г. вступил Ральпачан¹⁴².

Настала эпоха наступления буддизма на бон и даже на тантризм, так как царя окружили индийские монахи-хинаянисты. «Это была эпоха накопления заслуг»¹⁴³. Дело в том, что хинаянисты рекомендовали «медленный путь спасения» через свершение «добрых дел», в то время как махаянисты предпочитали «быстрый путь», т. е. аскезу и «неделание». Для народа была выгоднее махаяна, так как отшельника, сидящего в пещере, прокормить легко, оплата же добрых дел, т. е. строительства и украшения кумирен, переводов и переписки молитв и т. п., падала на плечи тяглого сословия. При Ральпачане было построено множество монастырей, и буддизм превратился в дорогостоящую религию. Ламство приобрело характер организации, разделенной на три степени: послушников, созерцателей и «совершенных», причем последние были причислены к высшему сословию. Каждый «совершенный» получил по семь крепостных для содержания и услуг. Ламаистская организация была освобождена от повинностей, и ей был дарован свой собственный суд. Благодарные ламы объявили Ральпачана воплощением Ваджрапани — хозяина молний, инкорпорированного буддизмом древнего бога Индры¹⁴⁴.

Совсем иначе относился к политике царя народ, строивший монастыри и кормивший множество иноземных лам. Хозяйство страны пришло в упадок, началось всеобщее обнищание, и поднялся ропот. «Кто извлекает пользу из нашего обеднения и угнетения? — спрашивали в народе. И, презрительно указывая на лам, говорили: Вот они». Царь издал указ: «Строго воспрещается презрительно смотреть на мое духовенство и указывать на него пальцами, кто на будущее время позволит это себе, у того будут выколоты глаза и отсечен указательный палец»¹⁴⁵.

Но мало этого: буддисты-хинаянисты вполне последовательно со

¹⁴¹ Иакинф (Н. Я. Бичурин), История Тибета..., I, стр. 208—209.

¹⁴² По Б. И. Кузнецову (Тибетская летопись...) — Тидэрондан, по G. Tucci (The Tombs of Tibetan Kings) — Денти.

¹⁴³ E. Schlagintweit, Die Könige von Tibet, стр. 58.

¹⁴⁴ A. Grünwedel, Mythologie du Buddhismes, стр. 181.

¹⁴⁵ I. J. Schmidt, Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, St.-Pbg., 1829, стр. 345.

своей точки зрения решили делать «добрые дела» и в политической жизни Тибета. Уже при Тисрондецане буддийские монахи Йонтэн из рода Трэнка и Тиндзин из рода Ньянг назначаются советниками, «уполномоченными для составления великого указа», что по рангу было ниже «малых владык», но выше «великих советников»¹⁴⁶.

При Ральпачане буддисты сформировали свое правительство; во главе его встал Йонтэн, получивший титул «Уполномоченный для составления великого указа, глава над внешними и внутренними делами, управляющий государством, великий монах, сиятельнейший Йонтэн»¹⁴⁷. Это правительство вершило «добрые дела» невероятно круто: «Воры, разбойники, обманщики, интриганы истреблялись, и те подданные, которые были враждебны Учению или недовольны им, жестоко наказывались, их имущество конфисковывалось, и они оказывались в глубокой нищете»¹⁴⁸.

От этих «добрых дел» страдали уже не только народные массы, но и аристократы, оттесненные от власти и ставшие жертвой любого донощика, который мог почти искренне обвинить тибетского вельможу в том, что он больше любит свою жену, чем Будду. Но донос — явление обоюдоострое: «великий монах» Йонтэн испытал это на себе. Он был оклеветан и казнен, а вслед за тем заговорщики задушили самого Ральпачана и возвели на престол в 839 г. сторонника черной веры принца Лангдарму. Буддийское наступление на Тибет захлебнулось.

Тем более важно, что бон, добившись у Тисрондецана эдикта терпимости, сохранил свои позиции и при Ральпачане. При церемонии заключения мирного договора в 822 г. обряд черной веры даже предшествовал буддийскому¹⁴⁹. Новый царь имел на своей стороне организованную партию, волю которой он охотно исполнял.

ЛАНГДАРМА

Первым актом нового царя была конфискация имущества монастырей, вследствие чего множество индусских ученых-буддистов немедленно покинуло Тибет, но тибетским буддистам было некуда деться, и на них обрушились преследования, не уступающие по свирепости драконадам Людовика XIV. По указу царя, в надругательство над буддийским вероучением, воспрещающим убивать, половина монахов обязана была стать мясниками, а другая половина — охотниками; отказавшиеся были обезглавлены. Буддийские книги и предметы искусства уничтожались. Запрещалось молиться, смыслом жизни были объявлены мирские блага. Но даже буддийский источник отмечает, что «люди не жалели, что были пограны законы»¹⁵⁰.

Буддисты развили бешеную антиправительственную пропаганду: Лангдарму обличали за пьянство¹⁵¹ и даже за оригинальную прическу (царь не заплетал косу, как было в то время принято, а собирал волосы на темени, и был пущен слух, что он скрывает рога, которые растут у него на голове и доказывают его демоническую природу)¹⁵², называли его перерождением бешеного слона, укрощенного Буддой. Эти

¹⁴⁶ В. А. Богословский, Очерки Тибета..., стр. 71.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ I. J. Schmidt, Geschichte der Ost-Mongolen...

¹⁴⁹ Иакинф (Н. Я. Бичурин), История Тибета..., I, стр. 220—221.

¹⁵⁰ E. Schlagintweit, Die Könige von Tibet, стр. 60.

¹⁵¹ G. N. Roerich, The Blue Annals, стр. 53.

¹⁵² A. Francke, A History of Western Tibet, стр. 59—60; ср.: Иакинф (Н. Я. Бичурин), История Тибета..., т. I, стр. 232.

разговоры не беспокоили царя, который полагал, что люди, отвергающие от убийства, для него безопасны. Однако один лама решился на то, чтобы пожертвовать своей душой ради общего спасения. Он оделся в плащ, черный снаружи и белый внутри, и, спрятав под плащом лук и стрелу, явился на прием к царю. Черная одежда позволила ему пройти мимо стражи, которая приняла его за жреца. При первом поклоне он положил стрелу на лук, при втором — натянул тетиву, при третьем — выстрелил в царя¹⁵³. Возникшее замешательство позволило ему отбежать за ближайшее укрытие, где он вывернул одежду наизнанку и благодаря этому скрылся от преследования и бежал в Кам, там буддисты находили приют и защиту¹⁵⁴. Это было в 842 г.¹⁵⁵

КРУШЕНИЕ ТИБЕТСКОЙ МОНАРХИИ

Короткое царствование Лангдармы было отмечено последним успехом тибетской внешней политики: в 839 г., т. е. в год вступления на престол ставленника бона, кыргызы, воевавшие с уйгурами, перешли в наступление и нанесли Уйгурии смертельный удар. Трудно предположить, что эти события не имели внутренней связи. В кыргызской надписи с Алтын-Келя сообщается, что «герой Эрен Улуг... ради доблести (т. е. по военным делам) ходил к тибетскому хану послом и вернулся»¹⁵⁶. Уйгурский народ был на краю гибели, и если бы смерть тибетского царя запоздала, то уйгуры исчезли бы с лица земли, как турки, на сто лет раньше. Но тибетцы не смогли воспользоваться долгожданным успехом, так как внутренняя вражда превратилась в открытую войну.

Это наиболее «темный период» истории Тибета, и тибетские источники, касаясь его, резко расходятся с китайскими. По тибетской хронике, Одсрун, сын Лангдармы, вернулся к буддизму, так же как и его наследник Дедалхронцан, при котором началось восстание и полное распадение державы¹⁵⁷. По китайской истории, на престол был возведен трехлетний племянник Лангдармы и регентшей стала царица-мать, что и вызвало немедленную гражданскую войну¹⁵⁸.

Однако при анализе событий видно, что тибетская версия дополняет и поясняет китайскую: после убийства Лангдармы правительство капитулировало перед буддийской общиной. Это вытекает из того, что противниками царицы-матери оказались правитель дел Гэдуно и полководец Шан Кунжо, ближайшие сотрудники Лангдармы, а их противник Шан Биби, известный своей книжной ученостью, был назначен военным губернатором самим Ральпачаном¹⁵⁹. Мало этого, Гэдуно, возражая против нового царя, заявил: «После покойного гамбо (цэнпо) осталось много отраслей, а на престол возвели сына Линьских (т. е. из рода царицы). Кто из вельмож будет повиноваться ему? Кто из духов будет обонять жертвы его? Царство неизбежно погибнет»¹⁶⁰. Ссылка на вельмож показывает социальную подоплеку протеста, а апелляция

¹⁵³ Б. И. Кузнецов, Тибетская летопись..., стр. 56.

¹⁵⁴ Там же, стр. 57.

¹⁵⁵ По китайской хронологии.

¹⁵⁶ С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952, стр. 56—58. — Если даже считать, что это посольство было раньше, то надпись показывает характер тибетско-кыргызских отношений.

¹⁵⁷ E. Schlagintweit, Die Könige von Tibet, стр. 61—62.

¹⁵⁸ Иакинф (Н. Я. Бичурин), История Тибета..., т. I, стр. 226 и сл.

¹⁵⁹ Там же, стр. 228.

¹⁶⁰ Там же, стр. 227.

к духам — его идеологическую направленность. Восстание подняли сторонники аристократии и черной веры.

Гэдуно был казнен, но Шан Кунжо поднял оружие, объявив себя мстителем за Лангдарму. В 843 г. «первые чины в государстве взбунтовались по причине несправедливого возведения гамбо» (цэнпо)¹⁶¹. «Первые чины» были ставленниками Лангдармы. Противник восставших, Шан Биби, усыпив бдительность Шан Кунжо переговорами, нанес ему неожиданное чувствительное поражение, и гражданская война запылала. Вторая попытка наступления армии (состоявшей, как уже говорилось, из сторонников веры бон) на хорошо организованное войско Шан Биби, предпринятая в 845 г., тоже кончилась неудачей. Только к 849 г. Шан Биби был вытеснен из пределов собственно Тибета, на северную сторону Наньшаня.

Шан Кунжо, преследуя противника, опустошил всю страну от китайской границы до Карашара. Он пытался договориться с Китаем и получить от него согласие признать себя тибетским царем, но император отказал ему, после чего Шан Кунжо попытался собрать войска для войны с Китаем. Снабжение армии было организовано настолько плохо, что заставило тибетских воинов разбежаться из опустошенной страны, и армия Шан Кунжо растаяла. Китайцы воспользовались этим для того, чтобы оккупировать часть территории, отнятой от них тибетцами в предыдущих войнах, а в 851 г. передался Китаю тибетский наместник области Хэси (к северу от Наньшаня). В Дуньхуане с 847 г. утвердились уйгуры, с которыми заключили союз сторонники Шан Биби¹⁶².

Шан Кунжо пытался восстановить власть Тибета в отпавших областях, но в 861 г. был разбит сначала повстанцами, а потом уйгурским князем Бугу Цзюнем и в последней битве потерял голову, которая была послана в Чаньань¹⁶³. Тибетское царство перестало существовать. Наследник последнего тибетского царя бежал от узурпатора, имея всего 100 всадников. Весь Тибет был объят восстанием «людей, одетых в хлопчатобумажные одежды»¹⁶⁴, т. е. бедняков. Терпя голод и лишения, царевич пробился в область Нгари, где приблизительно в 850—853 гг. нашел приют и безопасность для себя и своих буддийских сторонников¹⁶⁵. В остальном Тибете дело буддизма было проиграно.

Но не выиграл и бон. Изгнание буддистов, т. е. самой культурной силы внутри Тибета, столь отрицательно повлияло на состояние администрации, организацию народного хозяйства и даже на дисциплинированность армии, что трон пал. А без поддержки власти организация бона не могла существовать; она превратилась в секту, т. е. не связывала, а разъединяла страну.

Тибет распался на свои составные части. Каждый замок, каждый монастырь, бонский или буддийский, огорожены стенами, каждое племя выставило на своих пастбищах дозоры, чтобы убивать чужаков. В потоках крови, проливаемой ежедневно, потонули остатки тибетской культуры, на возрождение которой понадобилось более 200 лет.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Судьба самого Шан Биби неизвестна; после 849 г. войском командовал его помощник Тоба-хуай-гуан.

¹⁶³ Иакинф (Н. Я. Бичурин), История Тибета..., стр. 233.

¹⁶⁴ E. Schlagintweit, Die Könige von Tibet, стр. 62.

¹⁶⁵ В области Нгари были построены две кумирни — в год лошади и в год овцы (там же, стр. 63), что соответствует 850 и 851 гг., либо 862 и 863 гг. В 50-х годах во главе Тибета стоял узурпатор Кунжо, поэтому предпочесть следует раннюю датировку.

А. Н. Зелинский и Б. И. Кузнецов
ТИБЕТСКИЕ НАДПИСИ ИССЫК-КУЛЯ¹

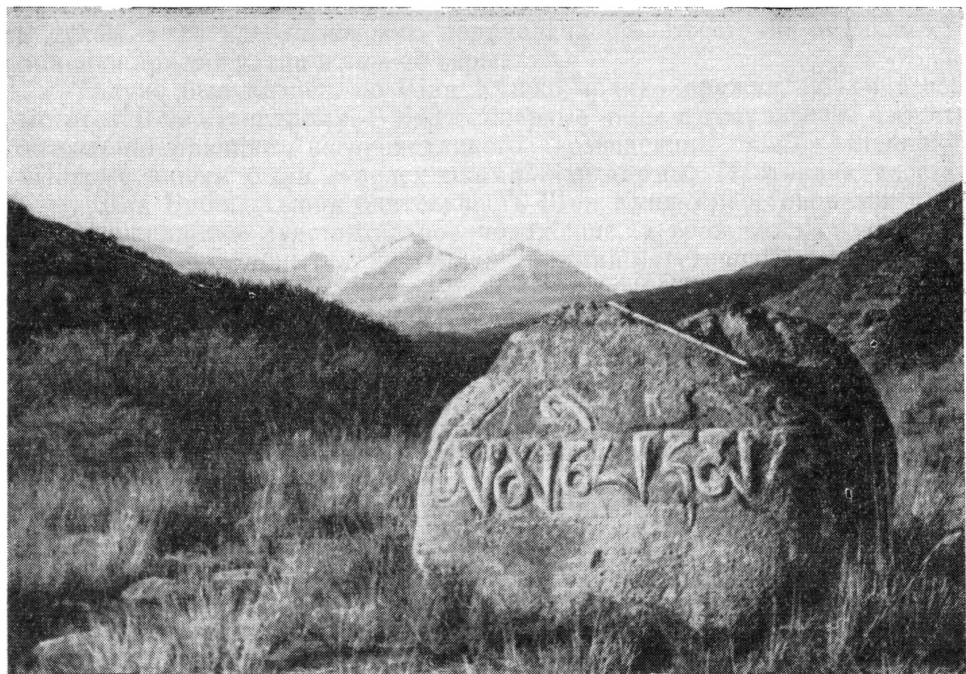
Памятников тибетской эпиграфики на территории Средней Азии известно немного, а опубликованных, описанных и введенных в научный обиход материалов подобного рода очень мало. Поэтому естественно, что всякие новые данные о таких памятниках должны представлять определенный научный интерес. С этой точки зрения нами были исследованы четыре группы тибетских надписей с южного берега Иссык-Куля, сведения о существовании которых были любезно переданы нам проф. Ю. Н. Рерихом. Экспедиция на место для фиксации этих надписей, предпринятая А. Н. Зелинским осенью 1964 г., завершилась успехом. В соответствии с имевшимися данными, на южном берегу Иссык-Куля были действительно обнаружены выбитые на больших валунах тибетские надписи.

Три из упомянутых надписей находятся в ущелье Тамга, в нескольких километрах от озера, четвертая же, заново открытая группа надписей обнаружена в ущелье Заука, на трассе древнего караванного пути в Кашгарию. Все эти надписи содержат одну и ту же традиционную и известную тибетскую молитвенную формулу (*Ом мани падме хум*), что в своей переводимой части буквально означает: «Ом! Драгоценность на лотосе. Хум!». Под этим образным наименованием, как известно, подразумевается бодисатва Авалокитешвара, самый чтимый из пяти главных бодисатв махаянистического пантеона и пользующийся особой популярностью в Тибете². Мы не будем останавливаться на возможных интерпретациях этой древней молитвенной формулы, так как нас в настоящий момент интересует совершенно другой вопрос: кто и когда оставил на южном берегу Иссык-Куля эти тибетские надписи?

Визуальное сопоставление двух групп тибетских надписей из ущелья Тамга и Заука ясно показывает, что по характеру своего выполнения они не могут быть отнесены к одному и тому же времени. Первая группа надписей (ущелье Тамга) высечена на камнях в строгом монументальном стиле, вторая группа (ущелье Заука) выполнена не-

¹ Данное сообщение представляет собой резюме доклада, сделанного на эту тему А. Н. Зелинским и Б. И. Кузнецовым во Всесоюзном Географическом обществе в Ленинграде 25 декабря 1965 г. Подробнее об этом см.: А. Н. Зелинский и Б. И. Кузнецов, О некоторых буддийских памятниках Киргизии, — «Материалы по истории и филологии Центральной Азии», вып. 3, Улан-Удэ, 1968, стр. 118—131.

² L. A. Waddel, *The Buddhism of Tibet or Lamaism*, London, 1895, стр. 149.



Молитвенная надпись на камне из ущелья Тамга

брежно, неумело и несравнимо меньше по размерам, что бросается в глаза с первого же взгляда. Кроме того, совершенно различный стилистический характер надписей, различная техника их выполнения (от глубоко врезанной в камень до слегка процарапанной) и разная степень сохранности (плохая в первой группе и отличная во второй) красноречиво свидетельствуют о разновременности этих памятников. В связи с этим естественно к более ранней по времени группе памятников отнести надписи из ущелья Тамга.

Поскольку из-за традиционности исполнения этой древней тибетской формулы палеографический анализ не может быть надежной опорой для датировки, мы вынуждены обратиться к истории. Начнем с естественного предположения, что более поздняя группа надписей из ущелья Заука оставлена калмыками, и проверим вероятность такого предположения. Известно, что базой калмыков была Джунгария, откуда они в своих кочевьях доходили и до района Семиречья³. Район же Иссык-Куля никогда не входил в постоянный ареал их кочевий, во всяком случае со времени принятия ими ламаизма в конце XVI в. Однако, по имеющимся у нас историческим данным, можно проследить, что в период, обнимающий около столетия, со второй половины XVII и до середины XVIII в., калмыки в своих перекочевках достигли и района озера Иссык-Куль, в частности интересующего нас его южного берега⁴. В пользу датировки более поздней группы наших надписей калмыцким временем говорит также их сходство по стилю с датированными кал-

³ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Описание путешествия в западный край, т. 2, СПб., 1899, стр. 103.

⁴ В. В. Бартольд, Калмыки, — Собрание сочинений, т. 2, ч. 1, М., 1963, стр. 100.

мыцкими тибетскими надписями такого же содержания из урочища Тамгалы-Тас в Семиречье⁵.

Таким образом, если одну, более позднюю группу тибетских надписей из ущелья Заука мы можем с уверенностью отнести ко времени калмыков, то остается открытым вопрос: кому принадлежат монументальные надписи из ущелья Тамга? Ответ напрашивается один: если это не калмыки (а другого народа, пользовавшегося тибетским языком, в этом районе в позднее средневековье мы не знаем), то остается предположить, что более ранняя группа надписей принадлежит самим тибетцам.

Исторический анализ подтверждает вероятность такого предположения. В самом деле, тибетцы с середины VII и до середины IX в. были весьма активной политической силой в Центральной Азии, а в некоторые периоды (670—692 и 790—821 гг.) являлись неограниченными хозяевами в Кашгарии и распространяли свое влияние вплоть до Тянь-Шаня⁶. К этому времени тибетцы, по-видимому, уже были знакомы с упомянутой выше молитвенной формулой, вероятно пришедшей в Тибет из Индии одновременно с созданием тибетского алфавита в середине VII в.

В пользу такого предположения говорят и некоторые данные палеографического анализа надписей из ущелья Тамга, показывающие их близость по стилю выполнения к древнейшим тибетским надписям на лхасских стелах, относящимся ко второй половине VIII в. (783 г.)⁷. Это тоже почти квадратное письмо с тщательной моделировкой каждой буквы.

Если ход нашего рассуждения верен, то описанные надписи на валунах из ущелья Тамга являются, по-видимому, самыми ранними памятниками тибетской эпиграфики, обнаруженными на территории Средней Азии. С точки зрения методики исследования данное сообщение является попыткой применения исторического анализа для определения датировки памятника в условиях, когда другие методы не представляют надежного критерия для исследователя.

⁵ Н. Н. Пантусов, Тамгалы-тас, — ЗВОРАО, т. II, СПб., 1899, стр. 273—276.

⁶ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. 2, Л., 1926, стр. 303; В. В. Григорьев, Восточный или Китайский Туркестан, т. II, СПб., 1873, стр. 189.

⁷ Н. Е. Richardson, Ancient Historical Edicts at Lhasa, London, 1952, стр. 1, 6.

Б. И. Кузнецов

**ПРОБЛЕМЫ ГНОСЕОЛОГИИ В ТРАКТАТЕ
ДХАРМАКИРТИ «ОБОСНОВАНИЕ ЧУЖОЙ
ОДУШЕВЛЕННОСТИ»¹**

В 1916 г. Ф. И. Щербатской издал тибетский текст сочинения Дхармакирти «Обоснование чужой одушевленности» с комментариями к нему Винитадевы². И основной текст и комментарий сохранились только в тибетском переводе второй половины VIII — начала IX в.; санскритские оригиналы этих трактатов, видимо, безвозвратно утеряны. Впоследствии Ф. И. Щербатской опубликовал обстоятельный перевод и основного текста и комментария³.

Работы Ф. И. Щербатского общего характера по древней индийской логике до сих пор остаются уникальными, их ценность и значение общепризнаны, и мы не будем на этом останавливаться. Тема нашего сообщения — упомянутый выше трактат Дхармакирти. Мы хотели бы показать, о чем говорится в этом сочинении, каковы его основные идеи.

О самом Дхармакирти известно немного. Он жил в VII в. н. э. и принадлежал к буддийской школе иогачариев⁴. Он был учеником известного логика Дигнаги и толкователем его сочинений. О своих трудах сам Дхармакирти говорил, что «учение его не переживет его самого, что, как воды океана испаряются и исчезают в том же океане, так и философская система эта исчезнет вместе с ним, не будучи воспринята в точности»⁵. В какой-то степени эти слова автора справедливы: судя по сохранившимся комментариям к его сочинению, никто из его комментаторов не понимал полностью смысл того, что он комментировал. Обычно они объясняли лишь значения отдельных слов и выражений. Ниже мы попытаемся дать комментарий к содержанию трактата Дхармакирти, основываясь на тибетском переводе и трудах Ф. И. Щербатского.

Рассуждения наши таковы. Я совершаю действия, потом осмысляю их. Вижу действия других и тоже потом осмысляю их. Подобным же образом другие люди судят о себе и о других, в том числе и обо мне. Такой метод рассуждения соответствует методу школы иогачариев.

¹ Доклад на эту тему был сделан на заседании Географического общества, посвященном памяти акад. Ф. И. Щербатского, 21 декабря 1966 г.

² Тибетский перевод сочинений «*Samtānāntarasiddhi Dharmakīti*» и «*Samtānāntarasiddhiṭikā Vinītadeva*» вместе с тибетским толкованием, составленным Агваном Дандар-Лхарамбой, изд. Ф. И. Щербатской, I—II, Пг., 1916 («*Bibliotheca Buddhica*», XIX).

³ Дхармакирти. Обоснование чужой одушевленности, с толкованием Винитадевы. Пер. с тиб. Ф. И. Щербатского, Пг., 1922 («Памятники индийской философии», вып. I).

⁴ В. П. Васильев, Буддизм, его догматы, история и литература, ч. I, СПб., 1857, стр. 54.

⁵ «Тибетский перевод сочинений...», стр. VII.

Никто не допускает, что знание есть только у меня и что его нет у других, которые по своему существу ничем не отличаются от меня. Утверждают, что нельзя исследовать деятельность чужого знания, т. е. мы не можем знать, какие процессы происходят в голове у других людей, и, следовательно, выходит, что нельзя судить о чужой душе, о чужом уме (санскр. *citto*, тиб. *sems*). Если придерживаться этой точки зрения, тогда отвергается всякое мнение, и, следовательно, мнение оппонента. Но так как мы не можем не судить по аналогии, т. е. не сравнивать себя с другими, то мы не можем не сделать вывода о том, что процесс познания у других происходит так же, как и у меня. Конечно, наличие у нас души (санскр. *citta*) не является еще доказательством, что она есть и у других, но можно узнать, что она есть и у других.

Противник, отрицая это, утверждает, что мы и свои-то акты души (ума) не осознаем отчетливо, и если и можем заглянуть, то только в свою душу. Но если это так, то и они (другие) тогда должны судить только о себе. Однако этого никто не делает. Нельзя не отметить, что другие тоже не осознают отчетливо своих актов души.

Познание не беспричинно; оно — проявление движений нашей души. Судя по аналогии, у всех это одинаково. Тот факт, что наше познание чем-то приводится в движение, подтверждается нашими наблюдениями. Полет камня или стрелы не происходит сам по себе, беспричинно, хотя мы и не всегда видим причину. То же самое, по аналогии, при-суще и другим явлениям, которые мы наблюдаем. Если противник, отрицая это, утверждает, например, что чужие слова и действия беспричинны, то, по аналогии, то же можно утверждать и о нем самом.

Процесс познания происходит следующим образом: от чужой души, т. е. от объективно существующей души, исходит движение, от движения — представление (знание), от представления — познание (анализ). Причину мы познаем через результат. Каждый воспринимает акты своей души в себе самом и каждый полагает, что эти акты движения происходят и у других. Ошибочные суждения возникают при нарушении, отклонении от правильного процесса познания. Например, происходит познание, но движения души нет, т. е. не происходит осмысления познаваемого, появляются представления, лишённые объекта, и т. п.

Утверждая существование другой души (тиб. *sems gzhan*), т. е. объективное существование души (разума), можно сделать вывод и о преемственности (санскр. *samtānāntara*, тиб. *rgyud gzhan*) душ, разума, как объективно существующем процессе. То есть то, что мы получаем от других, так же достоверно, как если бы мы сами пришли к тем же выводам. Разумеется, это положение верно при условии, что познание совершалось правильно, а это нетрудно установить.

Очевидно, что иогин, т. е. человек со способностями, превышающими обычные, зная все это, может провести классификацию видов разума. Он может также видеть вещие сны, которые возникают от небожителя и кармы. Будда является всезнающим, всепостигающим, и мы, в силу своей ограниченности, не можем постигнуть этого.

Таким образом, основная идея Дхармакирти — это утверждение, обоснование традиции духовной преемственности как объективно существующего процесса. Наблюдая и изучая результат этого процесса, следует понять, что в основе его лежит причина. Истина — это то, что было, то, что есть, и то, что находится между двумя этими крайними точками.

Буддийская логика и психология не существовали сами по себе. Цель, которую преследовали древние индийские ученые-буддисты, состояла в обосновании буддизма, его догматов, т. е. наука составляла с религией одно целое.

Ф. Л. Богданов

РОСПИСИ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Это произошло в начале прошлого века. Однажды офицеры мадрасской армии охотились в горах, неподалеку от г. Аурангабада, в Центральной Индии. Неожиданно в листе кустарника они обнаружили какие-то углубления. Каково же было их изумление, когда, приблизившись к отверстиям, они увидели, что это входы в огромные пещеры, высеченные в толще скалы, о существовании которых никто не помнил. Так случайно были открыты памятники древнеиндийской архитектуры и искусства, названные по имени близлежащего селения памятниками Аджанты.

Теперь это место известно во всем мире. Пещерные храмы Аджанты привлекают многочисленных туристов, желающих познакомиться с одной из самых блестящих страниц в истории яркой и самобытной культуры Индии. Прошли долгие столетия, прежде чем люди вновь увидели их. Особенно интересны уникальные росписи, украшающие стены древних пещер. Замечательные живописные фрагменты начала нашей эры обнаружены и в некоторых других местах — в Бадами, Багхе, Ситанаवासале и т. д.

Истоки живописи Аджанты восходят к несохранившимся памятникам искусства. Из старинных рукописей мы знаем, например, о существовании в древней Индии целых галерей, но до наших дней они не дошли. В первые века новой эры в Северной Индии возникает несколько крупных художественных школ, сыгравших важную роль в последующем развитии индийского искусства. Так, в памятниках из Матхуры, которая была одним из основных центров в тот период, мы находим многие черты, идущие от индийской народной традиции. Для них характерны простота форм, обобщенность трактовки, сочетающаяся, особенно в некоторых женских изображениях, с удивительной полнокровностью образа. Эти черты успешно развиваются в живописи и скульптуре Аджанты.

Мысль о преемственности традиций древнего индийского искусства подчеркивает известная исследовательница культуры Индии Ст. Крамриш. Говоря о богатстве изображения на рельефах, она указывает: «Повествовательное искусство получило продолжение в настенных росписях монастырей и храмов, например, в Аджанте, но в атмосфере благодной тишины оно звучит немного минорно»¹.

¹ St. Kramrisch, The Art of India. Traditions of Indian sculpture, Painting and Architecture, London, 1955, стр. 33.

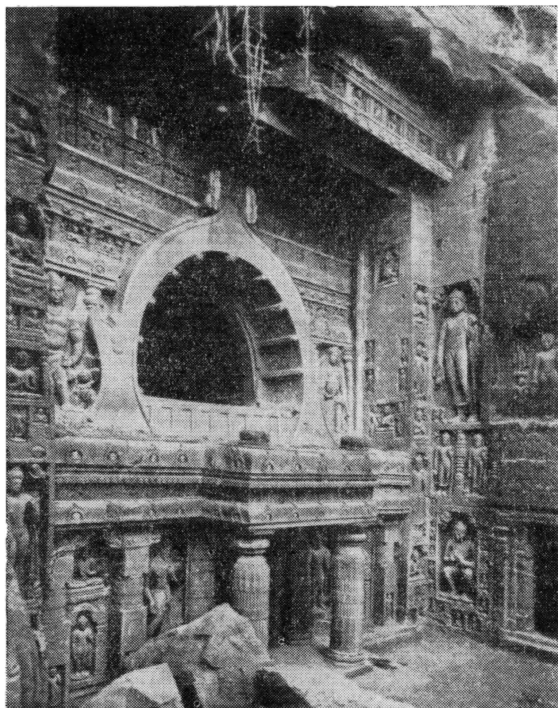


Рис. 1. Аджанта. Вход в пещеру № 19, VII в.

Особое место в истории индийского искусства занимает гандхарская школа, которая сложилась к началу новой эры в результате слияния местных течений и традиций эллинизма. В итоге возникла своеобразная ветвь индийской культуры — искусство Гандхары. Без знакомства с ним невозможно правильное понимание более поздних памятников. Здесь складываются и формируются основные приемы и иконографические черты, характерные впоследствии для всего так называемого буддийского искусства и прежде всего скульптуры. Буддизм в тот период претерпевает значительные изменения. Будда превращается в божество, появляются его изображения, в то время как раньше он передавался только в виде символов. Лицо его идеализируется и постепенно вырабатывается канон — определенные асана и мудра — позы, жесты, которые выражают то или иное состояние или настроение Будды. Но параллельно в живописи и скульптуре, как мы говорили, развиваются и другие направления, более близкие к жизни.

Обратимся к анализу крупнейших памятников монументальной живописи той эпохи.

* * *

Наиболее значителен грандиозный архитектурно-художественный комплекс Аджанты. Аджанта — небольшой городок, расположенный в центре страны к северу от Хайдарабада. Недалеко от него в излучине р. Вагхора находятся 29 пещерных храмов и монастырей, высеченных в толще скал вдоль по отвесному берегу реки (рис. 1). Аджанта, таким образом, продолжает традицию древних пещерных храмов: сооружения такого же типа, но менее крупного масштаба, существовали в Бараба-

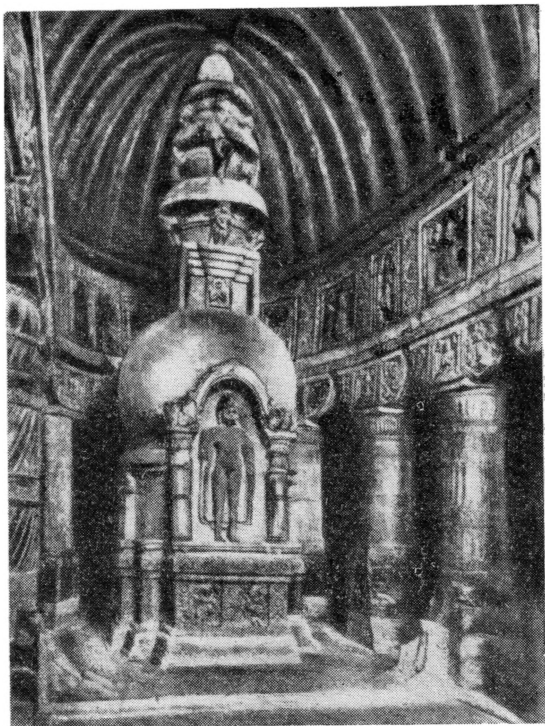


Рис. 2. Аджанта. Внутренний вид чайты
№ 26, нач. VII в.

ре, Бхадже и других местах. Всего в комплексе Аджанты имеется пять чайтья — собственно храмов — и 24 вихара, или монастыря. Чайтья обычно включают небольшую переднюю, центральный продольный зал (рис. 2) и боковые нефы, а вихара — обширный зал и помещения, служившие кельями для буддийских монахов. Стены подземных пещер богато украшены росписями, особенно много их в кельях и боковых галереях за колоннадами вихара. К сожалению, после открытия храмов за ними не было сразу установлено специального наблюдения, и многие росписи сильно пострадали. Стены пещер покрывались копотью, из-за того что в них входили с факелами.

Росписи исполнены темперными красками на тонком слое гипса, нанесенном на поверхность стены. Состав этих красок до сих пор точно не установлен, но они обладают очень интересным свойством: краски и поныне люминесцируют в темноте. Хотя пока мы не знаем, кто был автором росписей — буддийские монахи или профессиональные живописцы, приглашенные общиной (скорее, последние), — росписи Аджанты поражают нас своей свежестью, живостью, тонкой наблюдательностью. Они исполнены большой эмоциональной силы и выразительности, в них много верно подмеченных жизненных деталей.

Памятники Аджанты создавались на протяжении очень длительного периода: первые храмы относятся ко II—I вв. до н. э., последние — примерно к началу — середине VII в. н. э. Однако живопись украшает лишь некоторые храмы (их около 13), и наиболее выдающиеся ее образцы датируются периодом V—VI вв. (пещеры № 1, 2, 16, 17 и др.). Важнейшие фрески созданы, таким образом, в эпоху Гуптов, которая

получила свое наименование от династии, правившей Центральной Индией в IV—VI вв. В это время в стране происходят заметные социальные сдвиги, наблюдается все больший рост новых, феодальных отношений, которые приходят на смену рабовладельческой формации. Этот период был как бы прелюдией к средневековью, он открывает новую страницу в истории страны.

Эпоха Гуптов знаменует блестящий расцвет культуры Индии — ее называют золотым веком индийского искусства. В это время создаются величайшие шедевры во всех видах искусства и литературы. Достаточно напомнить о творениях великого индийского поэта Калидасы и драматурга Шудраки. Живописные произведения, созданные в рассматриваемую эпоху, тоже являются высшим достижением в развитии изобразительного искусства древней Индии. Хотя Аджанта находилась на территории вассального Гуптам государства, она вполне может быть включена в круг этого искусства.

В связи с изучением росписей Аджанты встает ряд вопросов: периодизации, выявления связей буддийского искусства с древней мифологией, взаимосвязей живописи древней Индии и искусства других стран Азии. Мы остановимся лишь на некоторых из них.

Стенописы Аджанты по своим сюжетам отличаются исключительным богатством и разнообразием. Хотя большинство росписей тематически так или иначе связано с буддизмом, их можно рассматривать как реальные изображения жизни и быта народа Индии той далекой эпохи во всем их многообразии. «Как и рельефы на торана (воротах) в Санчи,— это целая энциклопедия индийской жизни своего времени»,— говорит известный советский искусствовед С. И. Тюляев².

Среди сюжетов росписей имеются и исторические и чисто бытовые, жанровые; в них есть элементы портрета, пейзажа и т. д. Основное место, как мы отмечали, занимает в росписях буддийская тематика. Они иллюстрируют джатаки и другие памятники буддийской литературы (хотя идентификация многих сюжетов еще очень относительна)³. Джатаки очень популярны, в них содержится много фольклорного материала (различные сказки, легенды, басни и т. п.). Хотя количество джатак велико, лишь немногие из них часто фигурируют в росписях. Самыми важными являются «Махаджанака-джатака» и «Вессантара-джатака».

Цель художника, расписывавшего пещерные храмы Аджанты, состояла в орнаментировании целой стены и потолка. При этом мастерам приходилось решать сложные композиционные задачи с учетом декоративного оформления всего помещения. Образцом решения всей плоскости стены может служить сцена «Искушение Будды воинством демона Мары» из пещеры № 1 (начало VI в.) (рис. 3). Здесь Будда изображен в тот момент, когда он восседает под священным деревом бодхи, стремясь постичь истину. Главный демон Мара, олицетворяющий пороки и слабости, старается сбить Будду с истинного пути и направляет против него целый сонм демонов, злых духов и искушительниц. Но учитель остается непреклонен — символическим жестом руки он дотрагивается до земли, как бы призывая ее стать свидетелем своего просвет-

² См. альбом «Искусство Индии», М., 1958, стр. 10 (вступительная статья С. И. Тюляева).

³ Джатаки — сказания о перерождениях Будды, который, согласно буддийской традиции, прежде чем достичь просветления, пребывал в состоянии бодисатва, воплощаясь в различные живые существа. Джатаки входят в раздел V второй части палийского Канона («Типитака»); их насчитывается около 550.



Рис. 3. Аджанта. Роспись «Искушение Будды воинством демона Мары», пещера № 1, VI в.

ления. Художник демонстрирует отличное владение композицией, сосредоточивая фигуры всех персонажей вокруг сидящего Будды и противопоставляя его неизменное спокойствие суматошливости мечущихся демонов.

В классическом искусстве Индии образы самого Будды, а также Бодисатвы и других его воплощений встречаются очень часто. Причем Бодисатва обычно изображается более реалистично, он далек от сухого схематизма. Глубоким совершенством и внутренней гармонией покориет образ Бодисатвы из той же пещеры № 1, где столь ярко проявилось техническое мастерство древних живописцев (табл. 1). Прекрасно выполнена сцена в пещере № 1 «Бодисатва Падмапани». Наряду с использованием композиционного приема последовательного расположения сюжетов художник прекрасно решает и главную сцену: спокойный, мягкий рисунок, некоторая статичность переднего плана (Бодисатва, «черная принцесса») контрастируют с динамикой заднего плана, где изображены всевозможные животные, птицы и мифические существа — киннари.

Самоуглубленность и серьезность отличает образ Будды, читающего проповедь своему ученику Яшасу (из пещеры № 10, X в.). Впоследствии образы Будды, Бодисатвы и остальных персонажей буддийских легенд все более канонизируются и абстрагируются. Уже в пещерах № 19, 22 и некоторых других мы встречаем изображения, в которых постепенно исчезают реалистические черты, уступая место безжизненной геометризацией и схематизму.

Наряду с образами, пришедшими из буддизма, в росписях Аджанты часто встречаются герои, навеянные еще древними мифами эпохи Вед. Но при передаче мифологических сюжетов и образов аджантские мастера не стремятся поразить зрителя чем-то необыкновенным и фантастическим. Многие персонажи из мифологии, например небесные де-



Табл. I



Табл. II



Табл. III



Табл. IV

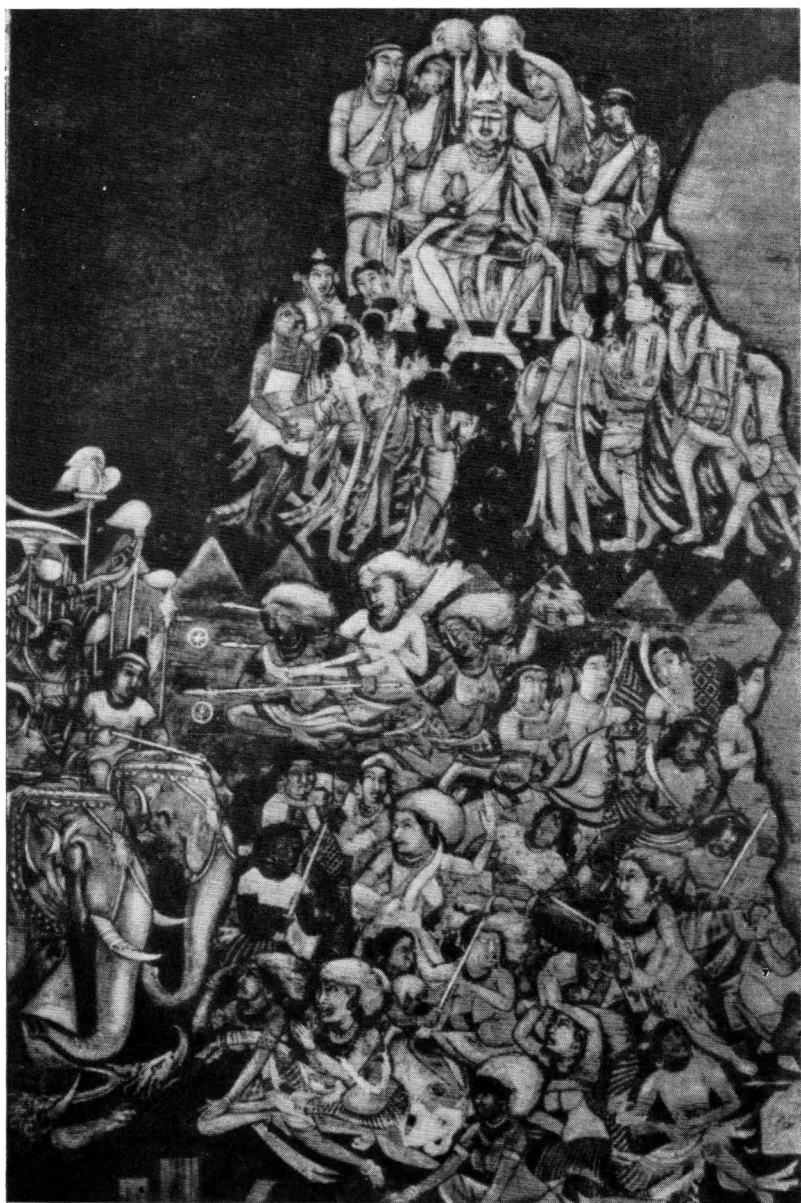


Табл. V

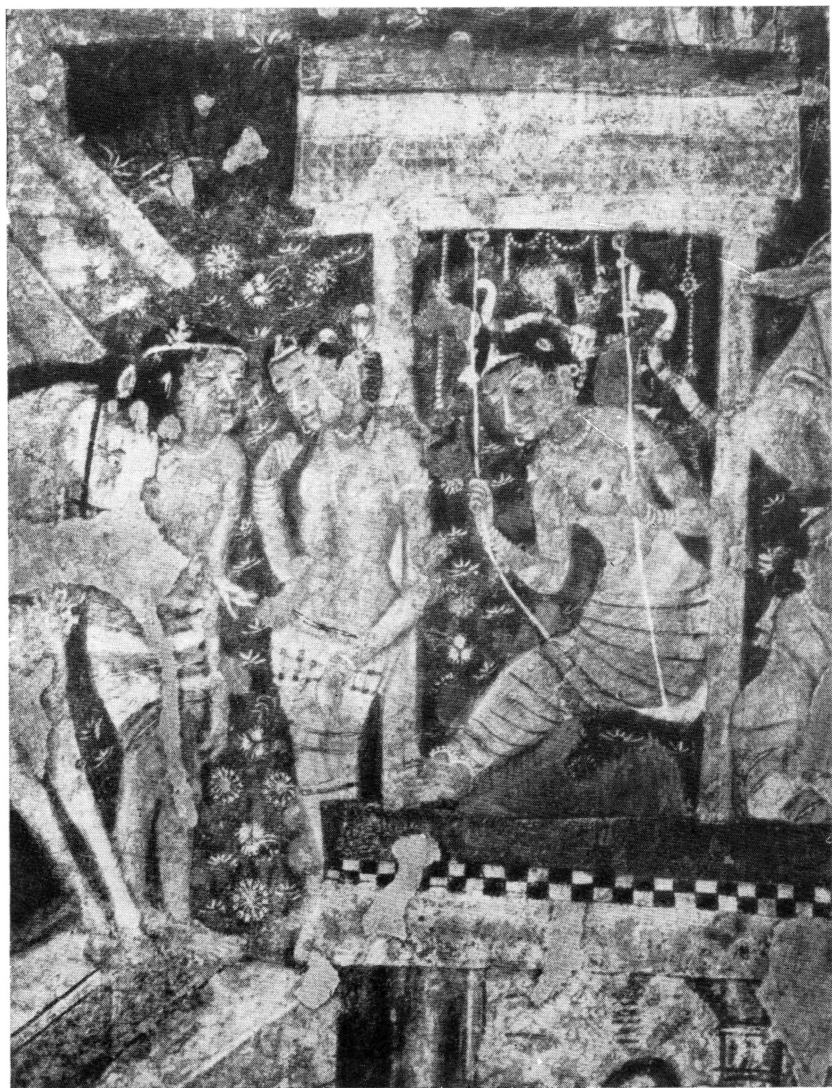


Табл. VI



Табл. VII



Табл. VIII



Табл. IX

вы-апсары, изображаются хотя и несколько идеализированно, но вполне правдиво, как обыкновенные земные люди.

Одна из лучших росписей Аджанты — группа «Летящий Индра и апсары» (пещера № 17). Царь богов Индра необычайно свободно, виртуозно написан на белом фоне. Он летит в окружении своих спутников и спутниц — гениев танца и пения апсар и гандхарвов. Все фигуры слиты в едином порыве. Поразительно мастерство, с которым художник сумел передать их стремительное движение и плавный ритм. Сцена исполнена чудесной гармонии, она восхищает тонкими цветовыми отношениями и благородной простотой. Фигура самого Индры немного стилизована и обобщена, и это лишь усиливает ее своеобразие.

Шедевром живописи Аджанты является часто воспроизводимый фрагмент «Голова апсары» (из пещеры № 17). Здесь монументально обобщенная трактовка сочетается с тончайшей отделкой деталей, причем в пещере голова производит еще большее впечатление благодаря тому, что красиво люминесцирует в темноте. Говоря об этой вещи, следует отметить своеобразное мастерство в передаче потупленного взгляда небесной танцовщицы, а также условного, буровато-коричневого колорита ее тела, что было традиционным атрибутом апсар.

Но особый интерес представляют изображения жанровых сцен, иллюстрирующих джатаки и отражающих придворную жизнь того времени. Одной из лучших росписей этого рода является сцена из пещеры № 1 (VI в.) — «Беседа раджи со своей супругой» (рис. 4).

Эта сцена относится к «Махаджанак-джатаке» и изображает, по видимому, тот момент, когда супруга царя страны Видехи убеждает его не покидать столицу Митхилу, а он уже принял решение уйти в леса и стать отшельником, отказавшись от царства. Царица, желая заставить его изменить свое решение, вызывает видение, во время которого царю кажется, что столица объята огнем и все гибнет. Тем не менее он произносит ставшую крылатой фразу: «Пусть Митхила сгорит до тла, я от этого ничего не потеряю». Царь непоколебим в своем решении — он отказывается от мирских благ.

Прекрасны по цвету и рисунку фигуры центральных персонажей, занятых оживленной беседой, придворных и слуганок, окружающих их. В этой сцене много верно схваченных жестов, деталей, много метких жизненных наблюдений. Колоритна, например, группа женщин, стоящих за спиной царя и оживленно переговаривающихся. Их выразительные лица, прически с длинными вьющимися локонами, серьги, бусы и браслеты — все написано с какой-то удивительной достоверностью и непосредственностью. Эти образы своей жизненной полнокровностью и энергией перекликаются со скульптурными изображениями мифических яшмини.

Сцена великолепно решена колористически: теплая гамма красноватых, зеленоватых и золотистых тонов составляет единый ансамбль с контрастными пятнами причесок, одежды и т. д. Характерным для аджантских росписей было мастерское линиарное изображение, данное немного плоскостно, хотя и не без моделировки светотенью. Это объяснялось отчасти самой техникой живописи, отчасти декоративно-формальными задачами, которые стояли перед мастерами. Однако эта декоративная условность росписей лишь подчеркивает своеобразие их живописного решения, усиливает их очарование.

Удачно выполнена голова царя, сидящего в центре группы (табл. 2). Рисунок ее точен и лаконичен, художнику удалось передать спокойное, задумчивое выражение лица этого человека. Очень выразительно и композиционное решение всей сцены с ее симметричным построением,



Рис. 4. Аджанта. «Беседа раджи со своей супругой», пещера № 1, VI в.

учитывающее общий декоративный ансамбль стены, на которой давалось изображение нескольких сюжетов.

Справа от группы во дворце, за большими белыми воротами, мы видим уже другую сцену из той же джатаки — «Царь покидает свой дворец» (табл. 3). Он изображен в центре, восседающим на белом коне. Художник вновь передает печальное, задумчивое выражение его лица, черты, смягченные едва заметной улыбкой. Всадник медленно движется среди возбужденной многоликой толпы, плотно окружившей его со всех сторон. Все в этой росписи исполнено острой экспрессии и динамики: и музыканты, играющие на традиционных духовых инструментах — раковинах и флейтах, и приближенные царя, и случайные зрители, оказавшиеся на площади перед дворцом. Художнику удалось передать волнение, охватившее всех этих людей, которые показаны в смелых, разнообразных ракурсах, в порывистом, нестройном движении.

Вот перед нами другая сцена из придворной жизни (пещера № 17). Она называется «Прогулка принцессы под зонтиком» и служит, по-видимому, иллюстрацией к «Вессантара-джатаке» (царевич Вессантара — одно из последних воплощений Бодисатвы). В росписях Аджанты сюжеты обычно отделяются один от другого какими-нибудь архитектурными деталями, и здесь рядом со сценой прогулки мы видим другую сцену — группу людей в беседке, которая условно отделена от первой колоннами. Это один из самых распространенных композиционных приемов в стенописях Аджанты, где повествование велось последовательно,

сцены следовали одна за другой, разделяясь только небольшим пространством, но в то же время смотрелись как единое целое.

Как и в прошлой вещи, мастерство художника проявляется в живописной трактовке этих сцен, в виртуозном рисунке. Это относится как к построению в целом, так и к деталям. Здесь прекрасно переданы элементы гражданской архитектуры на фоне деревьев и декоративное оформление здания. Интерьер выписан очень тщательно, с соблюдением линейной перспективы. Отдельные реалии — одежды, украшения и другие — изображены с большим знанием жизни. Фигуры персонажей росписи нарисованы сочно, в оптимистической, яркой гамме красок. Особенно удачна принцесса под зонтиком в окружении служанок. Свободно и смело нарисованы их лица, отмеченные индивидуальными чертами; чувствуется, что художник стремился передать даже различный этнический тип людей.

По-иному, но так же реалистически убедительно, решена следующая сцена, так называемая «Умирающая принцесса» (из пещеры № 16, табл. 4). Это один из подлинных шедевров древнеиндийской живописи. Как указывает искусствовед О. С. Прокофьев, к сожалению, нельзя установить, существовали ли в Аджанте изображения сцен вне повествовательного цикла, но произведения, подобные этой сцене, «настолько целостны в своей драматической выразительности, что их можно рассматривать как совершенно самостоятельные замечательные творения древнеиндийской живописи»⁴.

Выполняя традиционное требование передачи чувств с помощью определенных движений и жестов, художник сумел показать внутреннее состояние каждого персонажа этой сцены. Повороты фигур, плавные линии силуэтов гармонически входят в композицию, составляющую единое монументальное целое. Все средства художника служат для передачи общего настроения печали. В центре мы видим принцессу, тело которой безжизненно поникло, ее поддерживают служанки. Очень правдиво показано различное отношение трех женщин к состоянию принцессы: одна из них в недоумении стоит с опахалом, другая сочувственно наклонилась и поддерживает ее, а третья внимательно смотрит на госпожу, видимо принимая какое-то решение. Чувствуется, что художник хотел дать всем им определенную характеристику, реалистически изобразить главную героиню и служанок; при этом он показывает, что принцесса как женщина более высокого происхождения — белокожая, а служанки смуглые. Эту особенность в изображении людей древнеиндийскими мастерами следует отметить: впоследствии она встречается, например, в наскальных росписях Сигирии (о-в Цейлон), где создана целая галерея дам высшего общества со служанками.

Рассматривая эту сцену, нам хотелось бы привести одно из высказываний известного исследователя Аджанты Джона Гриффитса, который, изучая росписи в 1872—1873 гг., писал об этой вещи: «Своим пафосом, чувством и точностью передачи сюжета эта картина, по моему мнению, не превзойдена в истории живописи. Флорентийцы могли бы лучше сделать рисунок, венецианцы — цвет, но никто из них не мог бы вложить в нее большей экспрессии»⁵.

Реалистические черты аджантских росписей ярко проявляются и в передаче массовых народных сцен. Так, в сцене «Корабль у стен портового города» очень живо показано движение толпы на набережной,

⁴ О. С. Прокофьев, Росписи Аджанты, — «Искусство», 1957, № 4, стр. 46.

⁵ Цит. по кн.: G. Y a z d a n i, Ajanta, London, 1930—1946, стр. 3.



Рис. 5. Аджанта. «Монахи, слушающие проповедь», пещера № 17, V в.

возбужденный ритм и динамика торгового города. Прекрасно изображена архитектура городских зданий, которые замыкаются своеобразным фризом — традиционным шахматным орнаментом, часто встречающимся в росписях. На переднем плане художник поместил небольшой корабль, который выписан тщательно и теперь представляет для нас не только художественный, но и большой познавательный интерес как одна из реалий древнего быта. Меткие жизненные наблюдения мы находим также в ряде исторических и батальных сцен Аджанты (например, в сцене «Морское сражение», табл. 5).

Перед нами еще одна массовая сцена, изображающая монахов, слушающих проповедь Будды (из пещеры № 17, рис. 5), и, казалось бы, чуждая мирской суеты. Монахи, сидящие на земле в позе их учителя, набожно сложили руки ладонями вместе, как полагается по индийской традиции. Они внимательно смотрят на проповедника и, очевидно, поют какой-то гимн или произносят вслед за ним слова проповеди. В таком, как будто бы далеком от реальной жизни сюжете древний художник поразительно умеет передать экзальтацию этих людей, поющих с суровым благоговением. При этом кисть мастера фиксирует различия в выражении лиц молящихся, отмеченных порой легкой улыбкой, порой суровой отрешенностью.

Характерной чертой росписей Аджанты является то, что в них обычно сочетается удачное композиционное решение сцены в целом и умелая передача отдельных фрагментов и деталей. Удивительно мастерство, с которым художники изображают человека, занятого своими повседневными, будничными делами. Некоторые персонажи написаны настолько живо и убедительно, что теряется реальное представление о

времени и кажется, будто перед нами произведение современного мастера. Так, фрагмент «Летящая фигура» (из храма № 16) почти портретен. Изображенная на нем девушка с ее лукавой улыбкой и грациозным жестом руки словно выхвачена из кипучего круговорота жизни.

Близка к этой росписи и камерная сценка «Девушка на качелях» (пещера № 2, табл. 6), также трактованная в жанровом плане. Хотя она иллюстрирует одну из джатак («Видхурапандита-джатака»), это имеет лишь второстепенное значение. Перед нами обыкновенная жанровая сценка, которую художник мог наблюдать повсюду в жизни. Слегка наклоненная вперед фигура девушки как бы передает ее плавное, легкое движение на качелях. Это ощущение усиливается еще более благодаря удачно найденным деталям — развевающимся лентам и рукам девушки, которые крепко сжимают веревки.

Однако при всей жизненной убедительности этой сценки здесь, как и в других стенописях Аджанты, также встречаются очевидные условности, строгое следование определенным канонам. Так, пропорции центральной фигуры и двух соседних персонажей явно утяжелены: крупная голова, повернутая, как обычно, в три четверти, не соответствует длине всей фигуры и особенно крохотных ног. Вообще ноги, как и во многих других росписях, нарисованы несколько вяло и беспомощно. Это объясняется скорее не просто неумением автора, а тем, что, по некоторым буддийским представлениям, ноги — весьма незначительная часть тела, мало достойная внимания. В рассматриваемом фрагменте условность выражается также в том, что при изображении беседки не соблюдается перспектива, и колонны выглядят совершенно плоскими. Такое сочетание реалистических черт и канонической условности при передаче фигур людей и архитектурных деталей характерно для большинства аджантских росписей.

Среди многочисленных бытовых сцен заслуживает внимания также «Сцена туалета» из пещеры № 17, выделяющаяся своим строгим, законченным композиционным решением, и великолепный по своей эмоциональной глубине и выразительности фрагмент «Танцовщица, молящая раджу о пощаде».

И в некоторых других изображениях, как индивидуальных, так и групповых, проявляется стремление придать героям определенную психологическую характеристику. В этом можно было убедиться при взгляде на сцену «Умирающая принцесса», а также на сцену «Прощание раджи с супругой» (из пещеры № 17). Она тоже иллюстрирует одну из джатак, повествующую о том, как раджа уходит в изгнание и становится отшельником. Здесь изображены только раджа и его жена. Художнику, несмотря на условный красно-коричневый колорит и ограниченное использование светотени для лепки фигур, удалось передать настроение тревожной сосредоточенности и печали.

Ясно выраженные индивидуальные черты мы можем проследить в росписи «Голова нищего» (или ракшаса, пещера № 17). Это уже поистине реалистическое изображение, словно списанное с натуры, пример великолепного портретного искусства Аджанты. Художник правдиво показал неприглядную наружность этого человека, хотя он вовсе не происходит из низшей касты, о чем свидетельствуют его уши, точнее, некоторая оттянутость ушных мочек (в то время это было одним из признаков человека из высокопоставленного общества, где принято было носить массивные серьги). Очевидно, это обедневший брахман, который путем всевозможных религиозных обетов и аскетизма довел себя до жалкого состояния. «Голова нищего» — один из образцов психологического, индивидуализированного портрета в живописи древней



Рис. 6. Аджанта. «Бегущий слон», V в.

Индии. В фигуре аскета, стоящего на коленях, заметна большая обобщенность, но привлекает его рисунок и точность построения, мастерская передача формы средствами линии.

В стенописях Аджанты очень часто встречаются изображения животных. Древние художники с большой тщательностью и в то же время с удивительной свободой рисуют их, восхищая нас своей наблюдательностью и реалистическим видением. Особенно удачны изображения слона (рис. 6), лошадей, быков, газелей.

Говоря о многообразии и богатстве животного мира, который представлен в росписях Аджанты, Дж. Гриффитс писал: «В учении о жизни, которого придерживались буддисты, животные выступают как звенья в бесконечной цепи развития. Поэтому естественно, что они очень сочувственно изображаются в искусстве и легендах. И среди всех живых существ слон более всего привлекал индийцев... Он передается с удивительной оригинальностью и проникновением»⁶.

Живописное оформление пещерных храмов Аджанты относится к лучшим образцам индийского и мирового искусства. Воздействуя на развитие изобразительного искусства средневековой Азии и являясь школой живописи для индийских художников, росписи Аджанты состав-

⁶ J. Griffiths, The Paintings in the Buddhist Cavetemples of Ajanta, vol. 1, London, 1896, стр. 10—11.

вили важную основу для выработки общих живописных традиций Индии.

Приемы аджантских мастеров поражают своим совершенством. Хотя росписи были созданы не в одно время — наиболее ранние это пещеры № 9, 10, — мы можем говорить в целом о наличии в них стилистического единства. Очевидно, единый стиль сложился в результате общности целей и установок художников, создавших эти росписи. Все это, однако, не исключает своеобразия манеры отдельных мастеров.

Живопись Аджанты в целом стилистически тяготеет к искусству эпохи расцвета рабовладения и имеет с ним тесную связь. Анализируя эту живопись, мы можем говорить о ее реалистических чертах, или, быть может, реминисценциях, идущих от периода рабовладения и постепенно утрачиваемых в эпоху «средних веков». Конечно, термин «реализм» можно использовать здесь несколько условно, ограниченно, но он вполне допустим: ведь мы употребляем этот термин, когда говорим, например, о фаюмских портретах, — там реалистические черты получили еще большее развитие.

Успехи, достигнутые мастерами Аджанты в области живописи, связаны прежде всего с глубоким гуманизмом и миролюбием, которые с древности пронизывают искусство великого индийского народа. Образы, созданные этими художниками, привлекают нас своей человечностью, эмоциональной выразительностью. В этом проникновении в духовный мир человека, в сочувствии его переживаниям и заключен секрет их непреходящей ценности.

* * *

Росписи Аджанты сыграли важную роль в истории искусства стран Востока. В синхронных памятниках самой Индии, большинство из которых, к сожалению, дошло до нас в полуразрушенном состоянии, легко прослеживаются общие черты с аджантской живописью. Особенно ярко это проявилось в росписях храмов Центральной Индии — Багхе, Бадами, Эллоре. Они и географически находились в непосредственной близости. Так, в сцене «Посещение» из джайнского храма Индрасабха в Эллоре (ок. X в.) хотя и проступают какие-то новые черты (прежде всего в характерных прическах и одеждах джайнов), использованы традиционные композиционные и живописные приемы, сложившиеся, как мы говорили, еще в глубокой древности.

Замечательную страницу в истории индийского искусства эпохи древности и раннего средневековья открывают памятники, обнаруженные на юге полуострова. Отметим фрагмент стенописи из храма Паллавов в Ситтанавасале «Танцующая девушка» (VII в.) (рис. 7) и росписи храма Брихадешвара в Танджоре (XI в.) — «Танцующая апсара», стилистически перекликающаяся с предыдущей, а также «Царь Чола и святой» (табл. 7). Мы можем проследить в этих росписях связь с произведениями Аджанты, но в то же время их отличает экспрессивность и динамика, особая утонченность, доходящая порой до манерной стилизации.

Особенно интересны непосредственно примыкающие к кругу искусства эпохи Гуптов росписи, которые обрамляют скалу Сигирии на о-ве Цейлон (V в.). Здесь, на огромной каменной плоскости, возвышающейся на 180 м, изображена целая галерея сингальских женщин — дам со служанками. Многие черты древнего искусства «Львиного острова» роднят его со скульптурой и живописью Индии того времени. Это заметно, в частности, и во фрагментах сигирийских росписей «Женщина с белыми цветами» (табл. 8) и «Дама с букетом» (рис. 8).



Рис. 7. Ситтанавасаль. «Танцующая девушка», VII з.

Замечательные монументальные росписи были созданы в эпоху древности и раннего средневековья и в других странах, граничащих с Индией. Большой интерес представляют, например, росписи I в. нашей эры, открытые в пещерном комплексе Бамиана, где возвышается колоссальная статуя Будды (современный Афганистан). Утонченной грацией и изяществом покоряет нас роспись «Две арфистки» (рис. 9) и многие другие фрагменты.

Сопоставляя далее древнеиндийские росписи с памятниками того времени, открытыми на территории Ирана и Средней Азии, можно проследить их стилистическую близость. В частности, это видно на примере росписей Варахши и Пянджикента⁷. Отдельные памятники живо-

⁷ На индийское влияние в пянджикентских памятниках указывает М. М. Дьяконов (Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии, — «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 143).



Рис. 8. Сигирия (о. Цейлон). «Дама с букетом», V в.



Рис. 9. Бамиан (Афганистан). «Две арфистки» (прорисовка), I—II вв.

писи и скульптуры, найденные в Пянджикенте в последнее время, обнаруживают прямую связь с искусством и мифологией Индии, о чем подробно говорит А. М. Беленицкий в своей статье, посвященной результатам раскопок в Средней Азии⁸.

Влияние живописи древней Индии ощущается в росписях многих буддийских храмов и монастырей, расположенных на территории Синьцзяна (в Хотане, Дандане) и других областей Китая. Это влияние проявилось, например, в сцене «Женщина у пруда» (роспись из Дандануилик в древнем Хотане, VIII в.), во фрагменте «Летающие фигуры» (рис. 10) из Дуньхуана (IX в.). И в стенописях древних храмов других стран Дальнего Востока мы находим черты, сближающие их с древнеиндийской живописью. Это особенно заметно в росписях храма Хориудзи в Наре (Япония, VIII в.), например, в изображении Будды (табл. 9), и во многих других памятниках.

⁸ «Скульптура и живопись Пянджикента», М., 1959, стр. 49 и 85.

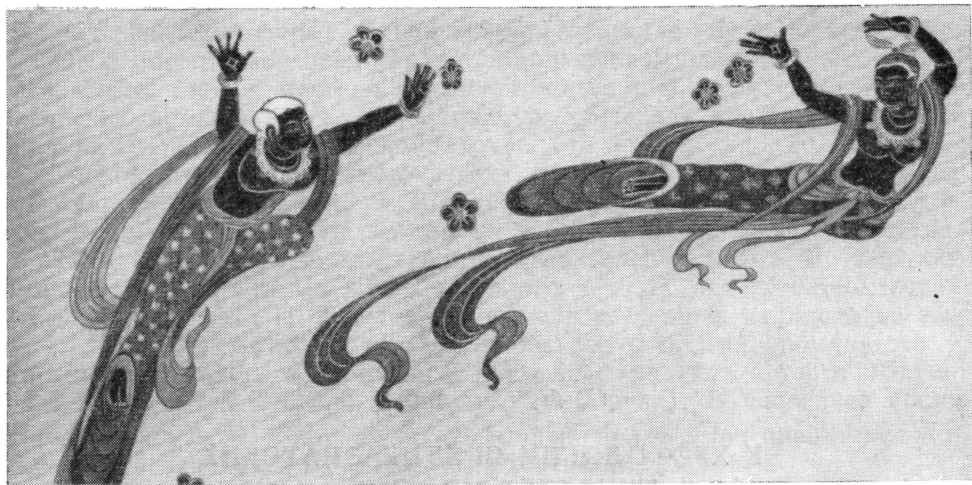


Рис. 10. Дуньхуан (Китай). «Летающие фигуры», IX в.

Как указывает индийский искусствовед Маданджит Сингх, «росписи Аджанты имели для Азии и истории азиатского искусства такое же исключительное значение, как итальянские фрески для Европы и истории европейского искусства... Открытие стенописей в Центральной Азии — в Хотане, Турфане, Дуньхуане — лишь усилило тот интерес, который вызвала живопись Аджанты»⁹.

Таким образом, живопись древней Индии сыграла большую роль в развитии искусства того времени. Ее образы и сюжеты на протяжении столетий вдохновляли художников многих стран, творчески развивавших достижения самобытных мастеров индийского народа и создавших новые замечательные произведения.

⁹ См. предисловие М. Сингха к альбому, выпущенному ЮНЕСКО («India. Paintings from Ajanta Caves», 1954, стр. 7).

О. И. Смирнова

К ХРОНОЛОГИИ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ДИНАСТОВ VII—VIII вв.¹

Политическая история Средней Азии VII—VIII вв. по сравнению с другими сторонами ее жизни сравнительно хорошо изучена. Однако и в этой области наших знаний имеются существенные пробелы. Достаточно напомнить, что до настоящего времени у нас нет сколько-нибудь полной сводки известных источников о среднеазиатских династиях и правителях — нет синхронных хронологических таблиц. Несмотря на многие специальные работы и массу сведений, имеющихся в частных исследованиях, необходимые данные приходится разыскивать в разноязычных источниках. К тому же установление имен и датировки содержит много спорного и неясного.

Как известно, история Средней Азии раннего средневековья по сравнению с предшествующими периодами подробно освещена в письменных источниках, основными из которых почти до последнего времени были китайские хроники и мемуары, мемориальные надписи тюрок и мусульманские (арабские и персидские) исторические и географические сочинения. За последние тридцать лет к ним прибавились местные — согдийские и арабские документы и согдийские монеты.

Одной из важных задач, стоящих перед исследователями внутренней политической истории Средней Азии, было, как, впрочем, является и сейчас, установление имен местных династов и других лиц, встречающихся в разноязычных источниках, их идентификация. Как известно, в источниках, в зависимости от их языка, эти имена встречаются в самых разных формах; к тому же они бывают настолько искажены переписчиками позднейших списков, что первоначальный их вид невозможно восстановить без специального исследования.

Степень искажения зависит не только от фонетических норм языка соответствующего источника, но в еще большей степени от его письма — системы, графики. Именно графика в первую очередь определяла разную степень условности передачи источником иноязычных имен, терминов (компонентов имен, титулов), как например китайская; кроме того, именно графика явилась благоприятной почвой для позднейших искажений имен и терминов, чуждых языку памятника, как например арабская, да и та же китайская. Задача осложнялась еще тем, что зачастую

¹ Доложено 19 октября 1966 г. на заседании исторической секции ЛО ИНА.

оставалось неизвестным, какое имя выступает в той или иной неустойчивой графической форме — иранское или тюркское или какое-либо другое. Особенно трудной представляется дальнейшая идентификация среднеазиатских имен и местных терминов и названий, зафиксированных в китайских источниках. К сожалению, пособий для восстановления их подлинного облика далеко не достаточно.

Начало изучению среднеазиатских династий положили В. Томашек и Р. Захау. Многие внесли Э. Шаванн, И. Маркварт, В. В. Бартольд и др. Немало сделано исследователями и за последние два десятилетия.

Первая хронологическая таблица правителей Хорезма (по Бируни) была предложена еще в конце прошлого века Р. Захау. В 30-х годах к ней обратился С. П. Толстов, занявшись изучением надписей на монетах Хорезма, на которых ему удалось прочесть имя упомянутого у Бируни хорезмийского царя (MLK') Шаушафара (чит. š'wšrpn 'Шаўшфарн' на монетах, شوشفر 'Шаўшфар' у Бируни). В последнее время много сделал В. Б. Хеннинг, установивший чтение имен правителей Хорезма, встречающихся на ряде других хорезмийских монет.

К концу XIX — началу XX в. относятся первые попытки восстановить хронологию правителей Бухары (так называемой Бухархудатской династии).

И. Маркварт еще в 1901 г. дал сводку известий о хуттальских правителях, восстановив их генеалогию. В 1950 г. А. М. Беленицкий пополнил собранные первым сведения и попытался представить их в таблице. Хронологическая таблица самаркандских царей (согдийских ихшидов) опубликована автором этой статьи в 1945 г. и уточнена ею же в 1963 г. В 1957 г. Н. Нигматов опубликовал хронологическую таблицу усрушанских князей VIII—IX вв., а автор настоящей статьи в 1961 г. — владетелей Кеша. Наконец, в 1961 г. В. А. Шишкин, высказав ряд существенных соображений, уточнил хронологическую таблицу правителей Бухары, предложенную О. Прицеком.

Исследователям далеко не всегда удавалось установить местную (тюркскую или иранскую) форму имен. Все же за последнее время ряд их восстановлен, в том числе имена крупнейших среднеазиатских династий — самаркандских, и намечена, в общем правильно, последовательность их носителей.

При работе приходилось непрестанно пересматривать известия источников, сопоставлять результаты своих наблюдений с результатами, полученными другими исследователями. Постепенно выяснилось, что составленные к настоящему времени хронологические таблицы, хотя и в разной степени, но все требуют исправлений, уточнений и дополнений. Требовалось также составить ряд недостающих таблиц. На этой основе можно было уже приступить к составлению сводной синхронистической таблицы.

Когда были собраны и пересмотрены известия источников и подготовлены отдельные таблицы, естественно, встал вопрос, как распределить в таблицах материал так, чтобы зафиксировать в них с достаточной полнотой разноплановые данные источников. Это было важно прежде всего потому, что, как уже сказано, местная форма многих имен, зафиксированных в иноязычных источниках, еще не установлена, а в таблицах все формы нужно было отметить; во-вторых, в источниках, как правило, не сообщается дат начала и конца правления местных династий, и предстояло внести ясность и в этот вопрос. Наконец, предстояло сопоставить отработанные таблицы между собой. Одним словом, надо было сделать так, чтобы таблицы легко смотрелись и воспринимались и могли служить наглядным пособием. Большой, фактически еще не ис-

следованный материал заставил автора ограничить себя периодом в два века, данные о котором наиболее полные,— VII и VIII вв. Поэтому для составленных таблиц выработана следующая схема:

1. В основу таблиц положена сетка, разбитая на десять частей по горизонтали — по части на каждые два десятилетия.

2. В каждой таблице в первой ее рубрике указано время (годы по двадцатилетиям: 600—620, 620—640, 640—660 и т. д.), во второй, третьей и четвертой рубриках — имя династа в разных его передачах в источниках и на монетах местной, китайской (иероглифы и их транскрипция танского времени и современная) и арабо-персидской; в пятой рубрике даются даты важнейших событий, определяющих хотя бы относительно время правления династа.

Таких таблиц подготовлено в настоящее время девять. К ним прилагается таблица арабских наместников в Средней Азии, позволяющая четче скоординировать их между собой. Соединенный вместе материал таблиц составляет одну синхронистическую таблицу среднеазиатских династий и отдельных правителей для периода в два века, разбитую по двадцатилетиям.

В зависимости от данных источников составленные таблицы, естественно, оказались разными по полноте. В них отчетливо определяются лакуны, которые предстоит заполнить. Удобство общей синхронистической таблицы в качестве справочного пособия не может вызвать сомнений: лица и события зафиксированы в ней на определенном месте. Схема, принятая для таблиц, позволяет легко их пополнять, не нарушая ее.

В настоящей статье даются две из девяти подготовленных таблиц: таблица правителей Ферганы (табл. 1) и таблица правителей Хутталя (табл. 2). Таблица правителей Ферганы является первой после опыта А. Н. Бернштама попыткой систематизации известий источников на эту тему²; второй таблице предшествовали исследования И. Маркварта и А. М. Беленицкого³.

Основную канву для установления хронологической таблицы правителей Ферганы дают китайские источники. В них зафиксировано восемь имен собственных местных и тюркских. Приведенные в китайских хрониках даты определяют последовательность их носителей.

Первые конкретные сведения о Фергане относятся к последним векам перед исламом и принадлежат китайским источникам. Древнейшая китайская транскрипция этого названия Полона, затем Пахоньян, Похань и Фей-хань. Страна, как и теперь, занимала обширную территорию к северу и к югу от Сыр-Дарьи и по главным ее истокам — Кара-Дарье и Нарыну. Владелец ее происходил из одного рода с самаркандским. Резиденция его имела четыре ли в окружности, строевого войска у него было несколько тысяч. Титул (поименование) владельца был Алицы. Владелец сидел на золоченом престоле, по форме напоминающем барана, его супруга носила золотой венец. В 605 г. владелец отправил посольство китайскому двору⁴. Более ранних посольств неизвестно. По Таншу, сведения которого о Фергане ограничиваются 754 г., в ней было шесть больших городов и около ста малых окопов

² А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, М.—Л., 1952, стр. 230 (МИА, № 26).

³ J. Marquart, *Erānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i*, Berlin, 1901, стр. 101—103; А. М. Беленицкий, Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э. — МИА, № 15, 1950, стр. 109—127.

⁴ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, II, М.—Л., 1950, стр. 274, 285.

Время	Имя						Даты
	местная передача	китайская передача			арабская передача		
		графика	транскрипция истори- ческая	транскрипция современная	графика	транскрипция	
600—620							
620—640		苾	k'iei p'let	Циби	—	—	В Касане, убит между 627 и 649 гг. западным тюрком Кань Мохэдо
		瞰	kām	Кань Мохэдо	*جہاڭ	(*бахадур)	Изгнан захватившим го-род тюрком Шуни (из Ашина)
640—660	ḍwəč'n/'ḍwəčm	鼠尾 遏波支	śl wo n'iek āt pua t'sie	Шуни Йебочжи	—	—	После Кань Мохэдо. Сын Шуни после смерти отца. В Касане. Сын старшего брата Циби. В Хумыне. Посольство в 656 г.
		阿丁参	ā liao ts'am	Аляшань	—	—	Поставлен в 659 г. в Ка-сане
660—680							
680—700							
700—720	(*ḍwəḍ'r)	阿丁達	ā liao d'at	Аляода	الطار	Алутар	Поставлен арабами и тибетцами в 715 г. В Ка-сане. Изгнан в том же году китайцами. Восста-новлен местной династией

Время	Имя						Даты	
	местная передача	китайская передача		арабская передача		транскрипция		
		графика	транскрипция историческая	транскрипция современная	графика			
720—740	puðnh		阿悉爛	â sɿət lân	Асилань-дагянь	نیلان ارسلان ترخان	Нилан Арслан-тархан	Вторично. Не позже 720—722 гг. ² . По Табари, сын дяди Алутара ³ . В 739 г. поставлен общеферганским правителем. В Ахсикате
740—760	—		忠節	tʃɔŋ tɕet	[ʏ]чжунцзэ	—	—	В 744 г. его владения переименованы в Нинъюань. В 751 г. посольство в Китай. В 754 г. отправил сына Сяюй ко двору
760—780	—		薛裕	sɿət ɣu	Сяюй	—	—	Возможно, не правил
780—800								

¹ Согласно А. Н. Бернштаму, Циби убит в 647 г. Транскрипции китайских имен автор обязан Л. Н. Меньшикову.

з По Табари, имя наследника ферганского престола, возможно непраивившего, отца царя Ферганы Алтү-чүра (варианты имени: Алтү-чүр, Алтү-чүр, Абү-чүр). Имя последнего, согласно Йакуби, Билгачүр. Убит арабами в 248(362—86) г. х. и, следовательно, не мог быть сыном Нилана. Надо думать, что в тексте Табари пропущено два или даже три имени.

Хронологическая таблица правителей Хутталя (согд. 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤) Таблица 2

Время	Имя ¹						Даты	
	местная передача	китайская передача		арабская передача				
		графика	транскрипция историческая	транскрипция современная	графика	транскрипция		
680—700	—	—	—	—	الشبل *	Шабаль	В 699 г. участвует в борьбе с арабами, В 700 г. под Термезом.	
700—720					•	•	В 709 г. союзник Нак-тархана.	
720—740	—	—	—	—	•	ابن السائح * بدر ترخان	Ибн ас-Са'иджи Бадр-тархан	В 735 г. союзник Хариса ибн Сурейджа. Рассказ Табари под 119(737) г. х. о завещании и смерти Шабали. Временный правитель поставлен Шабалем вместе себя не позже 737 г. Убит арабами в 737 г.
740—760	*'əwəɟynšt	羅金節 (羅至節)	lā dr'iwǎn tsiet (или lā kjəm tsiet)	[A]лоцзиньцзе (или [A] лоцуньцзе)	الجيشنت *	Алучиншт (?)	Сын Шабали. В 752 г. пожалован титулом йабу.	

¹ По двадцатилетиям 600—620, 620—640, 640—660, 660—680, а также 760—780 и 780—800 данных в наших источниках нет.

(укрепленных поселений?). Резиденция владельца была в Ахсикате (кит. Сигян).

Согласно тем же источникам, местная правящая династия непрерывно царствовала с III в. Между 627 и 649 гг. местный владелец Циби был убит западнотюркским владельцем Кань Мохэдо. Вскоре в свою очередь тот был изгнан из Ферганы тюркским владельцем Шуни (из Ашина), отнявшим у него город, и тюркская династия на некоторое время захватила власть. После смерти Шуни, в каком году — неизвестно, его место занял его сын Йебочжи. Однако местные династии сумели удержаться в стране, как полагают, в ее южной части, и в ней сохранялось двоевластие до 658 или 659 г. При Йебочжи, в том же году, когда последний занял место своего отца, владельцем был поставлен племянник убитого Циби (сын его старшего брата) Аляошань. Резиденция Аляошаня была в городе Хумынь(?), Йебочжи — в Касане (кит. Гиесай).

В 656 г. Йебочжи отправил ко двору посланника с данью. Однако спустя каких-нибудь три года (после падения западнотюркского каганата) удержавшийся в Хумыне местный династ Аляошань был поставлен правителем (префектом) с резиденцией в Касане, переименованном Китаем в область Хюсюнь. С этого года ежегодно отправлялась дань в Китай. В 739 г. указом Китая ферганский владелец Арслан-тархан (кит. Асилань-дагянь) был утвержден князем всей Ферганы, вассальным по отношению к Китаю за оказанную им Китаю помощь в уничтожении тюркешского князя Тухосяна. В 744 г. его владение, т. е. Фергана, было переименовано Китаем в Нинюань, а ему самому была отдана в жены китайская царевна из рода императрицы. Ей надлежало содействовать добрым отношениям с отдаленными странами, о чем был дан соответствующий декрет. В 754 г. другой владелец Чжунцзйе отправил своего сына Сйеюй ко двору с просьбой оставить его на придворной службе для изучения китайских обрядов, где тот и пробыл некоторое время⁵. Таковы сведения о Фергане, сообщаемые Таншу.

В извлечениях из истории Чафу, изданных Э. Шаванном, упоминается о посольствах, отправленных Арслан-тарханом в Китай в разные годы, последним из которых был 751 г., и следовательно, в этом, 751 г., правителем Ферганы был еще он. В 749 г. его сын Уми ездил ко двору⁶. Приведенный экскурс о Фергане, извлеченный из Таншу, умалчивает о том, что в ней происходило в VII в., до 739 г. Некоторые сведения об этом сообщает другой источник, соответствующую выдержку из которого приводит в примечаниях к своему переводу из Таншу Э. Шаванн. В нем сообщается, что Фергана — древняя страна усуней и была подчинена с давних лет Китаю. В 715 г. тибетцы и арабы договорились поставить там царем некоего Аляода и послали своих солдат напасть на Фергану. Войска царя Ферганы были разбиты, и царь бежал в Кучу. Он обратился за помощью к китайскому комиссару в Куче, который тотчас собрал войска. В том же месяце он напал на Аляода. Сражение длилось около восьми часов. Аляода с несколькими всадниками бежал в горы. В Касане был восстановлен законный правитель⁷. Все эти сведения относятся к северной Фергане.

⁵ Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений...*, II, стр. 319, E. Chavannes, *Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux*, СПб., 1903 («Сборник трудов Орхонской экспедиции», вып. VI, стр. 148—149).

⁶ E. Chavannes, *Notes additionnelles sur les Tou-kiue (turcs) occidentaux*, — «Toung Pao», sér. II, vol. V, 1904, стр. 66, 70, 72, 75, 82, 84.

⁷ E. Chavannes, *Documents...*, стр. 148, прим. 3.

О южной Фергане мы знаем еще меньше. Полагают, что после убийства Циби там обосновались местные династы. Судя по монетам, найденным в последнее время на городище древней Кувы и в районе Оша с надписью хакан (согдийским письмом) и тамговыми знаками, там сидели тюрки. По словам китайца Хой-чао, проехавшего в 729 г. на обратном пути из Индии в Китай через Тохаристан, Памир и Вахан, Фергану разделяет река, текущая на запад через середину страны. В стране тогда было два царя. Один царь, к югу от реки, был подчинен арабам, другой царь, к северу от реки, — тюркам⁸. Такое положение сохранялось, видимо, до утверждения в 739 г. Арслан-тархана общеперганским правителем, т. е. еще 10 лет. Вот собственно и все наши сведения о правителях Ферганы.

Среди согдийских документов с горы Муг, относящихся к первой четверти VIII в., имеется донесение (док. А14) некоего Йатугфарна, посла согдийского царя Деваштича в Чач к чачскому тудуну, к тюркскому хакану и к царю Ферганы, в котором посол сообщает Деваштичу, что письма, предназначенные двум последним, ему вручить не удалось. Сохранения этих писем мы не знаем. Из донесения очевидно, что это были просьбы о помощи и союзе против арабов. Имени ферганского царя в документе не называется. Имя другого ферганского царя зафиксировано, надо думать, на бронзовой прямоугольной поделке в первой строке ее двустрочной надписи 'dωč'n (или 'dωčnn). Это имя, по нашему мнению, следует сопоставить с именем вышеупомянутого ферганского владетеля Аляшань китайских источников⁹.

Первый поход арабов на Фергану имел место в 94(712/713) г.х., второй, когда Кутайбой был взят Касан, — в 95(713/714) г. х. С его царем (малик) был заключен мирный договор на тех же условиях, на которых был заключен договор с Самаркандом. Имя владетеля не называется. В 96(715) г.х. в Фергане был убит своими собственными воинами Кутайба, восставший против халифа Сулеймана. В том же 715 г., согласно китайским источникам, арабы изгнали местного владетеля и поставили вышеупомянутого Аляода. Последний был в том же году изгнан при помощи китайцев, а местный владетель восстановлен. Это был первый успех китайцев, воспользовавшихся междоусобицей у арабов.

В арабских источниках пока удалось отметить только три имени. Все они упомянуты у Табари и Ибн ал-Асира под 104(721/22) г.х. Это Алтār (الطار) — царь (малик) Ферганы в 720—722 гг., затем Нилан (نیلان) — двоюродный брат Алтāра, и сын Нилāна, именовавшийся, согласно Табари, Анū-чūr, или Алтū-чūr (انوجور или التوجور), а согласно Йакуби, Билга-чūr (بيلكاجور). Последний, по словам того же Йакуби, был убит арабами в 863 г.

Имя ферганского царя Алтāра, как и его двоюродного брата царевича Нилāна, сидевшего в Исфаре, связано с событиями, имевшими место в Согде в 720—722 гг., с так называемым восстанием Деваштича, носившего не менее двух лет титул царя Согда. Не вдаваясь в анализ этих событий, напомним только, что в 720 г. вновь назначенный арабский

⁸ W. Fuchs, Huei-chao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien, — SPAW, 1938, стр. 444.

⁹ Назначение поделки не установлено. Печатью она быть не могла, так как надпись на ней не зеркальная, а прямая. Вероятнее всего, она служила штампом для изготовления печатей или каких-либо знаков отличия. Второе слово надписи (вторая ее строка) šwt, вероятно, часть имени. Предлагаемые чтения установлены совместно с М. Н. Боголюбовым. Поделка найдена на Пенджикентском городище в 1959 г. Не издана.

наместник ал-Хараши предложил восставшим против арабов согдийцам покориться всем требованиям последних. В ответ на это часть согдийцев (Балазури называет цифру 10 тыс.) решила эмигрировать, одни из них пошли с Деваштичем в Зеравшанские горы, где были настигнуты арабами и разбиты, а сам Деваштич схвачен и позднее казнен в Ар-бинджане.

Остальные согдийцы, возглавленные дихканом Кързанчем, направились в Фергану¹⁰. К царю Ферганы Алтъру был отправлен посол с просьбой предоставить согдийцам убежище в своем городе и в случае надобности защитить их от арабов. Однако ферганский царь, по совету своей матери, отказался впустить их в город, а предложил освободить для них один из Исфаринских рустаков, принадлежащий его двоюродному брату Нилану, с условием, что, до тех пор пока согдийцы не займут предназначенного им рустака, он, т. е. Алтър, никаких обязательств по отношению к ним на себя не берет и не будет защищать их от арабов. Согдийцы согласились, и ферганцы очистили для них Исфаринский рустак. Согдийцы дошли до Ходженда, где и остановились. Между тем ал-Хараши пошел на Согд. Он выступил с передовым отрядом из Бухары и шел быстро, опередив свои войска; дойдя до замка Рейх, в двух фарсах от Дабусии, он остановился, ожидая отставшие войска. Не дождавшись их, он приказал выступить из лагеря, но по совету своего военачальника вновь остановился, выжидая в مقون-е (согд.*mʷon).

Сюда к нему неожиданно явился упомянутый ферганский царевич Нилан, сын дяди царя Ферганы Алтара, во владениях которого последний предложил остановиться согдийцам, и сообщил ал-Хараши об их договоренности с ферганским царем. Нилан предупредил араба, что согдийцы остановились в Ходженде, и предложил нагнать их, пока те не заняли, согласно договору, ущелье Исама в Исфаре, так как де «ферганцы не вступятся за них до истечения обусловленного договором срока». Тогда ал-Хараши послал вперед с Ниланом Абдаррахмана ал-Кушари и сына последнего Зийада с отрядом. Но вскоре, испугавшись, что ферганец мог его обмануть, он сам отправился следом за отрядом Нилана и Абдаррахмана. Дойдя до Усрушаны, ал-Хараши заключил с ней мирный договор «за какой-то незначительный выкуп». Переночевав, он двинулся утром дальше, догнал отряд ал-Кушари и вместе с ним подошел к Ходженду. Стоя под стенами Ходженда, ал-Хараши долго колебался, начинать ли ему военные действия¹¹.

Наконец, согдийцы сделали вылазку, но неудачно — арабы ворвались в город. Согдийцы послали за помощью к царю Ферганы, обвиняя его в предательстве. Царь сослался на то, что обусловленный срок еще не истек. Тогда согдийцы предложили ал-Хараши заключить с ними мир. Мир был заключен. Но той же ночью согдийцы, напавшие неожиданно на арабский лагерь, были перебиты арабами.

¹⁰ Annales quos scripsit Abu Djarir Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, ser. II, t. I—III, 1881—1889 (далее — Табари II); Ср.: Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur, ed. C. J. Tornberg, vol. I—XIV, Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851—1876, V, 1871, стр. 52. — Подробное изложение событий см.: В. А. Крачковская, Древнейший арабский документ из Средней Азии, — «Согдийский сборник», Л., 1936, стр. 59—66. Ср.: Т. Кадырова, Из истории крестьянских движений в Мавераннахре и Хорасане, Ташкент, 1965, стр. 72—75. Автор ошибочно называет Деваштича царем Абгара (стр. 73).

¹¹ Когда ал-Фазл, сын Бисама, посоветовал ал-Хараши неожиданно напасть на согдийцев, тот ему ответил: «Я не думаю этого: если кто-нибудь будет ранен, куда ему возвратиться, или если кто-нибудь будет убит, куда (нам) его вынести? Мое же мнение таково, что нам следует остановиться, выждать и приготовиться (к осаде)».

Х. А. Гибб и И. Ю. Крачковский обратили в свое время внимание на иную версию приведенного рассказа Табари и Ибн ал-Асира у Бал'ами¹², восходящую к другому источнику, вероятно Ибн ал-А'саму ал-Куфи. Версия Бал'ами следующая. Са'ид (ал-Хараши), переправившись через реку (Аму-Дарью), пришел в Бухару, где он оставался некоторое время. Затем он пришел в Самарканд, а из тех мест пошел войной на Фергану, где осадил крепости. Царь Ферганы попросил мира. Са'ид даровал ему мир и потребовал с него 100 тыс. дирхемов, 50 рабов и 50 молодых рабынь. Передав выкуп, царь Ферганы вышел из своей крепости, пришел к Са'иду и тронул его руку (т. е. заключил с ним мирный договор, скрепленный прикосновением рук договаривающихся сторон). Затем вернулся в город. Однако ночью, когда большая часть мусульман заснула, царь Ферганы во главе 10 тыс. человек напал на мусульманское войско и перебил большое число людей. Мусульмане поспешно вскочили на коней и напали на неверных. Они убили царя Ферганы, перебили две тысячи мужей и забрали богатую добычу. Затем Йазид отозвал Са'ида из Мавераннахра и отдал управление областью Абдаррахману ибн Сулейману¹³.

Теперь вернемся к вопросу, кто же был царь Ферганы, столь изменнически поступивший с согдийцами, просившими у него убежища, и ставший причиной их гибели. Как явствует из рассказа Табари, царь Ферганы, как и его двоюродный брат и наследник царевич Нилан, владетель Исфары, не захотел вмешиваться в военные действия и предпочел встать на сторону арабов.

Упомянутое у Табари и Ибн ал-Асира имя царя Ферганы Алтār принято читать ат-Тār, или просто Тār, и, соответственно, видеть в нем арабскую передачу последнего с определенным членом¹⁴. По мнению В. А. Лившица, Тār — имя иранское и значит Черный (из *tapθra-*, ср. будд. *t'r'k*) и свидетельствует о том, что в начале VIII в. в Фергане правили представители местной царской династии¹⁵.

Из приведенного выше рассказа китайского источника о ферганских событиях 715 г. мы знаем, что в этом году арабы, договорившись с тибетцами, напали на Фергану, царь которой бежал в Кучу за помощью. Арабы же тем временем поставили правителем Ферганы некоего Аляода, который в свою очередь был в том же году изгнан наместником Кучи, восстановившим на престоле царя Ферганы. Аляода бежал¹⁶, и дальнейшая его судьба неизвестна. Больше никаких известий о нем в китайских источниках нет. Судя по исторической транскрипции имени этого царя, согласно которой последний его слог произносился в танское время *d'āt*, оно должно соответствовать имени ферганского царя Алтāра арабских историков, которое следует в таком случае читать не ат-Тār, а Алатār или Алутār. Совпадение имен позволяет идентифици-

¹² Н. А. R. Gibb, *The Arab Conquests in Central Asia*, London, 1923, стр. 63; В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский, *Древнейший арабский документ...*, стр. 65, прим. 4.

¹³ *Chronique de Abou-Djafar Mo'hammed-ben-Djarir-ben Jezid Tabari, traduite sur la version persane d'Abou-'Ali Mo'hammed Bel'ami ... par H. Zotenberg*, vol. IV, Paris, 1874, стр. 268.

¹⁴ А. Ю. Якубовский, *Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг.* — МИА, 1950, № 15, стр. 40, а также Т. Кадырова, *Из истории крестьянских движений*, стр. 73. Эта же ошибка привела автора настоящей статьи к идентификации согдийского *t'r'k* в мугском документе A14 с именем ферганского царя у Табари.

¹⁵ Согдийские документы с горы Муг, вып. II. Юридические документы и письма, М., 1962, стр. 85.

¹⁶ E. Chavannes, *Documents...*, стр. 148, прим. 3, и стр. 291 (исследование).

ровать личности этих двух царей, один из которых, согласно китайским источникам, был ставленником арабов в Фергане в 715 г., другой, по словам мусульманских авторов, ее царем в 720—722 гг.

При каких обстоятельствах Алатār (или Алутār) снова стал царем Ферганы, мы не знаем. Нам лишь известно теперь, что он был им и в 720—722 гг. Его действия, отказ поддержать согдийцев, просивших у него помощи, тогда понятны: в 715 г. он был ставленником арабов. Нилан, двоюродный брат Алатāра и его наследник, так же как и последний, сыграл отрицательную роль в ферганских событиях. Этот царевич, Нилан, надо полагать, не кто иной, как *ʾwttkyn puḏḥ* мугских документов, брачный контракт которого с подопечной дихкана ферганского(?) Навикета обнаружен среди последних¹⁷ (док. Nov. 3 и Nov. 4). Впоследствии Нилан был, вероятно, в свою очередь царем Ферганы, так как Табари тут же добавляет: «А он (т. е. Нилан. — О. С.) отец Анū-чūra (теперешнего) царя»¹⁸. По версии Бал'ами, царь Ферганы, т. е. Алатār, был убит арабами. Эта версия делает его, а не Карзанча, главным действующим лицом ходженской трагедии, что сомнительно.

В свете изложенного роль Алатāра в ферганских событиях, причины его вероломных действий по отношению к восставшим согдийцам понятны: в свое время Алатār был, как и Деваштич, ставленником арабов. Идентификация его имени с именем арабского ставленника Аляода в китайском тексте вряд ли может вызвать возражения. В 739 г. арабы поставили в Фергане своего наместника; однако последний удержался недолго. В том же 739 г. Китай утвердил общеферганским правителем Арслан-тархана. Он же был им в 751 г., а в 754 г. таковым был уже владетель Чжунцзйе. Последнему наследовал его сын Сйеюй. Согласно мусульманским источникам, цари Ферганы (малики) носили иранский титул ихшйд, или ихшād (диалектальная форма последнего). Главным городом считался уже Ахсикат (так в Таншу и у Белазури). Таковы те сведения о ферганских правителях VII—VIII вв., которые дают источники (табл. 1).

В противоположность Фергане основные сведения о Хуттале, области к югу от нее, сосредоточены в арабских источниках, первые известия которых относятся к концу VII в. Хутталь, или Хуталан (согд. *ḫwtḫwṛstn*), занимал земли в верхнем течении р. Аму-Дарьи, между реками Пяндж и Вахш. Владетель носил титул шйр Хуттала, дословно «лев Хуттала», наследник хутталь-шаха. Был подчинен общетохаристанскому правителю (йабгу).

Первые по времени конкретные сведения о хуттальских правителях в китайских хрониках относятся к несколько более позднему времени,

¹⁷ Согд. *ʾwttkyn*, тюрк. *ottigin* < ot 'огонь' + *tigin* 'царевич', монг. книжное *odci-gin* 'княжич огня', resp. 'младший сын' (у тюрков этот титул носили сыновья и младшие братья кагана). Как оказался его договор среди документов мугских архивов, неясно. Трудно допустить, что после ферганского побоища Нилан присоединился к Деваштичу на пути последнего в Паргар. Вероятнее, что среди согдийцев, уходивших с Деваштичем вместе со своими семьями, находилась жена Нилана (экземпляр найденного договора, как известно, принадлежал не Нилану, а его жене). Нилан упоминается также в мугском документе Б1, стк. 3, 4 *ʾwttkyn*. Издание документов см.: Согдийские документы с горы Муг, вып. II, стр. 21—22 и 73; вып. III, стр. 44, 45 и 91.

¹⁸ Рукописи Табари дают несколько вариантов написания имени царевича Нилана: *نیلان*, *بیلاذ*, *بیلاذ*, *بیلاذ*. Что касается имени его сына Алтū-чūra у Табари, то его компонент (тюркский титул чūr) скорее говорит о том, что они должны были быть тюрками. Согласно Йакуби, второй из них был убит в 248 (862/963) г. х. и, следовательно, не мог быть сыном Нилана. Надо думать, что в рукописях здесь пропуск двух или даже трех имен.

к тому времени, когда арабы уже проникли в Фергану и Хутталь и интересы арабов и китайцев непосредственно столкнулись.

Известия арабских и китайских источников в свое время были собраны И. Марквартом, впервые определившим последовательность хуттальских правителей по данным, сохранным нам Табари, зафиксировавшего четыре их имени. В параллель к сведениям Табари И. Маркварт привел известия китайских хроник и единственное имя хуттальского вассального по отношению к Китаю царя (вана), встречающееся в них¹⁹. А. М. Беленицкий, специально занимавшийся политической историей Хутталя, попытался свести вместе сведения арабских и китайских источников, предложив идентифицировать некоторые из имен, встречающиеся в последних, с арабскими, и дал подробную сводку известий о Хуттале в источниках²⁰.

Известия арабских историков сводятся к следующему. Согласно Белазури, первый поход арабов на Хутталь имел место при арабском наместнике Са'иде ибн Усмани, заключившем мир с царем (маликом) Хутталя, имени которого Белазури не называет²¹. Второй поход арабов, который Белазури называет карательной экспедицией, при Мухаллебе ибн Суфре был предпринят, согласно Табари, в 80-х годах хиджры (699/700 г. н. э.)²². По словам Табари, еще до начала военных действий хуттальский царь по имени ас-Сабаль убил за измену своего двоюродного брата (сына своего дяди по отцу), по А. М. Беленицкому, — своего племянника. Но сам ас-Сабаль был вынужден отступить перед арабами и согласиться на выплату им контрибуции. Περιπεтии этого похода и обстоятельства убийства ас-Сабалем своего двоюродного брата в летописи Табари, как всегда, даны в простой, но яркой подборке известий источников. Из них мы узнаем, что когда мать двоюродного брата ас-Сабалья услышала о том, что ее сын пал от руки последнего, она послала сказать матери убийцы, что у ее убитого сына семь братьев, а у ас-Сабалья ни одного. На это мать ас-Сабалья ей ответила: «У льва львят мало, а у свиньи поросят много»²³. Из этих слов двух матерей очевидно, что у ас-Сабалья братьев не было, а следовательно, не было и племянников по мужской линии.

Имя ас-Сабалья упоминается у Табари несколько раз и позже: под 85 г.х. (704 г. н. э.) как союзника известного Сабита ибн Кутбы ал-Хузаи, с которым он прибыл под Термез к восставшему в 689 г. Мусе ибн Абдаллаху²⁴, продержавшему в Термезе 15 лет, затем под 90 г.х. при Кутайбе в связи с восстанием владетеля Бадгиса, известного Низак-тархана, союзником которого он становится вместе с общетохаристанским правителем и неким аш-шйдом²⁵. В дальнейшем имя ас-Сабалья встречается у Табари только под 117 г.х. (735 г. н. э.), когда тот упоминается у него в качестве союзника Хариса ибн Суреиджа, подняв-

¹⁹ J. Marquart, *Erānšahr...*, стр. 301—302.

²⁰ А. М. Беленицкий, Историко-географический очерк Хутталя, стр. 117—118 (сводка И. Маркварта А. М. Беленицким упущена).

²¹ *Al-Beladsori, Liber expugnationis regionum...*, ed. M. J. Goeje, Lugduni Batavorum, 1866, стр. 302 (далее — Белазури). Большинство приводимых нами сведений из источников были приведены И. Марквартом и А. М. Беленицким в цитируемых в нашей статье работах последних на указанных нами страницах. Для удобства читателей ссылки здесь и ниже делаются нами непосредственно на источники.

²² Белазури, 417; Табари, II, 1040 и сл.

²³ Табари, II, 1041.

²⁴ Табари, II, 1152 и сл.

²⁵ Упомянутый у Табари аш-шйд, вероятно, сокращенное икшйд, титул, который еще в IV в. носил владетель ферганского Тамаргуша (согд. 'ṛšyḏ), впоследствии ставший титулом верховных правителей Ферганы и Согды.

шего в 734 г. знамя антидинастического восстания в Средней Азии²⁶. Наконец, еще раз, последний, речь об ас-Сабале у того же Табари идет под 119 г.х. (737 г.) в рассказе, касающемся его предсмертного завещания, согласно которому он назначал некоего Ибн ас-Са'иджй своим временным преемником с условием, что тот разыщет законного наследника ал-Джайша.

В 737 г. арабский наместник Асад дважды ходил на Хутталь. Об этих двух походах Табари вкратце сообщает в подзаголовке к разделу, содержащему подборку известий о событиях, случившихся в этом году. Цитирую: «...и в нем (т. е. в этом, 737 г. — О. С.) Асад ибн Абдаллах совершил поход на Хутталь. Он взял крепость (кал'а) Зағарзак (?), от нее отправился в Ҳаддаш и набрал полные руки пленных и вещей, а ал-Джайш тем временем уже бежал в Китай. И в нем (т. е. этом же 737 г. — О. С.) встретился Асад с хаканом — владельцем тюрок, напал на него и перебил множество из его товарищей (асхāб). И остались неврежденными Асад и мусульмане, и ушли они с богатой добычей и многими пленными»²⁷. В дальнейшем тексте о взятии крепости Зағарзак речи больше не идет, а о бегстве ал-Джайша упоминается лишь мельком в одном из заключительных абзацев раздела.

Из приведенной выше цитаты очевидно одно: ал-Джайш бежал до взятия крепости и похода на Ҳаддаш в 737 г. и до последовавшего за этим столкновения Асада с хаканом, главную роль в котором сыграло новое лицо — Ибн ас-Са'иджй.

Кто они были, ал-Джайш и Ибн ас-Са'иджй, мы узнаем из подробного рассказа, следующего в летописи непосредственно за цитированным выше подзаголовком, приведенного Табари со ссылкой на ал-Мадаини и информаторов последнего — шейхов. Согласно этому рассказу, Ибн ас-Са'иджй, которого Табари называет владельцем (сахīb) Хутталя, отправил тюркскому хакану, находившемуся в своей ставке в Навакате, письмо, уведомляя его о том, что Асад вступил в Хутталь, что его войска рассеяны и обстоятельства благоприятствуют нападению на арабов. Получив это письмо, хакан выступил. Когда Ибн ас-Са'иджй узнал, что последний подходит, он спешно отправил, теперь уже к Асаду, посланца с предупреждением, чтобы тот убирался из Хутталя, так как тень хакана уже нависла над ним. Асад не поверил послу. Тогда, цитирую: «И послал (сказать ему) владелец Хутталя: Воистину я не солгал тебе, и я (тот), который уведомил его (хакана) о вступлении твоём (в Хутталь)... И он дал мне слово: Я выгоню арабов из твоей страны и верну тебе твоё царство (мулк)»²⁸. Асад поверил ему и стал собирать свои обозы. Последующие перипетии войны арабов с тюрками нас в данном случае не интересуют. Согласно одной версии, потерпели поражение арабы, по другой — более достоверной — разбиты были тюрки.

Из приведенного рассказа, заимствованного Табари у Мадаини, очевидно, что владельцем Хутталя в 737 г. уже был не ас-Сабаль, а Ибн ас-Са'иджй. Ниже под тем же годом Табари в ходе изложения о последовавших военных действиях приводит рассказ о предсмертном завещании ас-Сабаля, из которого следует, что Ибн ас-Са'иджй был поставлен последним в качестве временного правителя в Хуттале с условием, что тот найдет его законного преемника ал-Джайша и восстановит последнего в его законных правах. Подробности этого рас-

²⁶ Табари, II, 1583.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

сказа настолько важны, что позволю себе привести его здесь полностью, придерживаясь в основном перевода А. М. Беленицкого: «Ас-Сабаль перед смертью дал в виде наставления Ибн ас-Са'иджй, которого он оставил своим преемником, три совета: Не властвуй над людьми Хутталь, как властвовал я. Ты человек из их числа, и они не будут терпеть для тебя того, что они терпят для царей. Не прекращай поисков ал-Джайша, пока ты не вернешь его в нашу страну. Он царь после меня (فانه الملك بعدى). А цари — это порядок. Люди — беспорядочная толпа, пока среди них нет порядка. Не веди войны с арабами. Прибегай к хитростям, которые в наших силах, для того чтобы отвратить их от себя. Ибн ас-Са'иджй ему ответил: Мне понятно то, что ты сказал о необходимости воздержания в проявлениях самовластия. Относительно возвращения ал-Джайша царь прав. Но что касается твоих слов: не вой с арабами — как же мне уклониться от войны с ними? Ты ведь сам из тех царей, которые больше всего воевали с ними. Сказал ас-Сабаль: Ты прекрасно сделал, спросив о том, что не понял. Я взвесил вашу и мою силу. И я не нашел, чтобы вы меня в чем-либо превосходили. Когда воевал с ними (арабами) я, то уходил от них только лишь опечаленным, когда будете с ними воевать вы, то погибнете в первом же сражении»²⁹. Затем Табари добавляет: «ал-Джайш бежал в Китай, а Ибн ас-Са'иджй, сообщивший Асаду ибн Абдаллаху о приближении к нему хакана, против воли вступил в войну с Асадом»³⁰.

У Табари других упоминаний ас-Сабаля и Ибн ас-Са'иджй больше нет.

Сообщая о втором походе Асада в Хутталь, состоявшемся в том же году, Табари называет царем (малик) Хутталя новое, третье лицо — Бадр-тархана, или, согласно одному из списков, Тудун-тархана. Этот Бадр-, или Тудун-тархан, был выходцем из Бамиана. Однако, видимо, жил в Хуттале уже давно. Это видно из его переговоров с Асадом. Когда он оказался осажденным в своем укрепленном замке (хисн) арабами, то попытался договориться с Асадом мирным путем. Тот предложил ему оставить Хутталь «так, как он туда вошел», и все свое имущество оставить там. На что Бадр-тархан предложил Асаду вернуть ему прежде то, с чем он прибыл в Хутталь, сказав: «...я вступил молодым и с помощью меча добыл богатство. Аллах дал мне семью и детей. Верни мне молодость, и я уйду из нее (страны)»³¹. Асад сперва отпустил его, а затем вероломно приказал его убить, что и было сделано человеком, имевшим право на кровную месть.

Имя ал-Джайша у Табари упоминается еще раз под 121 г.х. (738/739 гг.), когда в наместничество Насра ибн Сайара назначенный им в Фергану Мухаммад ибн Халид ал-Азди изгнал из Ферганы брата ал-Джайша вместе с находившимися там с ним диканами и другими лицами. Из Ферганы они ушли, унося с собой идолов в Усрушану³². О нем же, как мы это увидим ниже, идет речь также под 133 г.х. (751 г.), в котором, по словам Табари, царь (малик) Хутталя Ханаш, сын ас-Сабаля, был изгнан Абу Даудом из Хутталя в Фергану, откуда, как и в 119 г.х., ушел в Китай³³. Этим известия Табари о владетелях Хутталя ограничиваются.

Еще более скудны сведения китайских хроник, сводящиеся к следующему. В 718 г. царь Хутталя, имя которого не упоминается, но по

²⁹ Табари II, 1218; ср.: А. М. Беленицкий, Историко-географический очерк Хутталя, стр. 115.

³⁰ Табари II, 1218.

³¹ Там же, 1629.

³² Там же, 1694.

³³ Там же, III, 74.

времени им должен был быть ас-Сабаль арабского источника, имел в своем распоряжении 500 тыс. воинов³⁴. В 720 г. тот же царь Хутталь получил от Китая грамоту за доблестное сопротивление арабам. В 729 г. царь Хутталь, упоминаемый в китайском тексте под своим тюркским титулом сыгин, послал своего сына гуду ши (кит. передача титула хутталь-шах) ко двору китайского императора³⁵. В 733 г. царь, который упоминается китайцами также под своим тюркским титулом селифа, поднес лошадей и музыкантов и отправил ко двору старейшину Тополе-тархана с данью³⁶. В 750 г., в январе, царь Хутталь Лоцзиньцзе посылает еще посольство во главе с вельможей Хухань-тарханом и подносит 73 коня³⁷. Наконец, в 752 г., в сентябре, китайский император пожаловал грамотой того же царя Хутталь, т. е. пожаловал Лоцзиньцзе титул шеху (йабгу)³⁸.

Согласно этой грамоте, текст которой приведен Э. Шаванном, титул был пожалован Лоцзиньцзе в награду за доблесть, проявленную в войне с арабами³⁹. Других известий пока в нашем распоряжении нет. Таким образом, китайцы нам дают имя лишь одного из хуттальских правителей, в двух других случаях они именуют их присвоенными им тюркскими титулами сыгин и селифа.

А. М. Беленицкий сводит известия китайских и арабских источников в две следующие таблицы⁴⁰:

Табари	Китайские хроники
1. Ас-Сабаль (699—727/28 гг.)	1. Сыгин (729 г.)
2. Ас-Са'иджи (727 г.)	2. Гуду ши (729 г.)
3. Бадр-тархан (737 г.)	3. Тополе-тархан (733 г.)
4. Брат Джайша (738/9 г.)	4. Лоцзиньцзе (752 г.)
5. Ханаш (751 г.)	

Сопоставление приведенных в таблицах имен, титулов и дат приводят их составителя к заключению, что ас-Сабаль скончался до 733 г., оставив своим заместителем Ибн ас-Са'иджи (у А. М. Беленицкого здесь и ниже всюду «ас-Са'иджи»). Такой вывод, по мнению исследователя, следует, во-первых, из завещания ас-Сабали, приводимого Табари под 737 г., где говорится о нем как об умершем, и, во-вторых, из сведений китайских хроник, согласно которым царь Хутталь носил в 729 г. титул сыгин, а позже, в 733 г., младший по отношению к первому титул селифа, и, следовательно, принадлежность их одному лицу в данной последовательности невероятна. Исходя из этих двух посылок, А. М. Беленицкий приходит к выводу, что в 733 г. царем Хутталь был Ибн ас-Са'иджи, он же селифа китайских хроник. Ибн ас-Са'иджи в свою очередь в том же 733 г. на хуттальском престоле сменил Бадр-тархан, имя которого Бадр следует исправить на Табар («топор») и считать именем хуттальского посла 733 г. в Китай Тополе-тархана.

С идентификацией последнего имени в списке Табари, т. е. ал-Джайша, по мнению А. М. Беленицкого, дело обстоит значительно слож-

³⁴ E. Chavannes, Documents..., стр. 200—201.

³⁵ Там же, стр. 168; его же, Notes additionnelles..., стр. 49.

³⁶ E. Chavannes, Documents..., стр. 168; его же, Notes additionnelles..., стр. 54.

³⁷ E. Chavannes, Notes additionnelles..., стр. 84.

³⁸ Там же.

³⁹ E. Chavannes, Documents..., стр. 216.

⁴⁰ А. М. Беленицкий, Историко-географический очерк Хутталь, стр. 117.

нее. Исследователь идентифицирует ас-Сабаля с сыгином китайских хроник и полагает, что ал-Джайш—не кто иной, как сын последнего, упомянутый в китайских хрониках под своим титулом гуду ши; в таком случае он бежал в Китай уже в 729 г. Но сведений о каких-либо военных действиях в Хуттале в 729 г. или в предшествующие ближайшие годы в источниках нет, и его бегство именно в этом году трудно себе объяснить, не говоря уже о других противоречащих такому предположению известиях. Вместе с тем того же ал-Джайша предлагается идентифицировать с сыном ас-Сабаля Ханашем, бежавшим в Китай в 751 г., и с царем Хутталя Лоцзиньцзе китайских хроник.

Все эти сведения, собранные вместе, дают, по А. М. Беленицкому, следующую хронологическую таблицу правителей Хутталя:

1. Ас-Сабаль, он же сыгин; до 728/9 г. (дата его завещания и кончины).

2. Ас-Са'иджи, он же селифа (?); с 733 г.

3. Табар-тархан (Бадр-тархан), он же Тополе-тархан; 737 г.

4. Ал-Джайш/Ханаш, он же гуду ши и Лоцзиньцзе; 751 и 752 гг.

Однако последняя идентификация, по мнению исследователя, недопустима. Во-первых, потому, что «из всего тона завещания ас-Сабаля следует, что ал-Джайш не был сыном ас-Сабаля», и, во-вторых, определенный член при имени ал-Джайша «не мог найти отражения в китайской передаче имени Лоцзиньцзе»⁴¹.

При составлении хронологии правителей Хутталя А. М. Беленицкий упустил два из приведенных нами выше известий источников Табари о том, что в 735 г. ас-Сабаль, царь (малик) Хутталя, был под Термезом с ал-Харисом, и китайских историков о том, что в январе 750 г. царь Хутталя Лоцзиньцзе послал посольство к китайскому двору. Если ас-Сабаль был под Термезом в 735 г., то он не мог составить завещания и назначить своим временным преемником Ибн ас-Са'иджи ранее этого года, т. е. 735. А из этого в свою очередь очевидно, что Ибн ас-Са'иджи не мог быть царем Хутталя в 733 г., и предложенная А. М. Беленицким идентификация ас-Са'иджи с царем, носившим титул селифа, отпадает. В то же время если, согласно сведениям китайцев, в январе 750 г. царь Хутталя Лоцзиньцзе послал посольство в Китай, и тот же царь был пожалован титулом в 752 г., тогда как, согласно Табари, царем Хутталя в 751 г. был Ханаш, сын ас-Сабаля, т. е. тот же ал-Джайш, то речь должна идти во всех этих случаях об одном и том же лице, тем более что все остальные данные о носителях этих «трех» имен сходятся.

Обратимся теперь к разным написаниям этих имен у Табари, к титулам в китайских источниках и к датам разных событий. Имя ас-Сабаль в разных списках Табари пишется по-разному, а именно: السبل, السبل, السبل, а в истории Бал'ами — شبل «Шабил». И. Маркварт считал это имя искаженной передачей древнетюркского Шаболо китайских источников, что находит известное подтверждение в разной графике имени у Табари. Одну из них الشل можно читать السبل, что по-арабски значит «львенок». Такая этимология этого слова на арабской почве может служить объяснением его передачи в арабском тексте с определенным членом (الشبل). Напомним, кстати, что, согласно арабским географам, титул царей Хутталя был шйр Хутталя, народная этимология которого на иранской почве — «лев Хутталя».

⁴¹ Там же, стр. 117—118.

Следующее имя Ибн ас-Са'идж. Судя по его первой части Ибн «сын», оно является формально кунией по отцу. В таком случае имя следует читать Ибн ас-Са'идж «Сын Крадущегося» вместо Ибн ас-Са'идж, этимология которого неясна. Это подтверждается одним из приведенных издателем Табари разночтений этого имени, в котором под двумя его последними буквами стоит, заменяя их, полная форма конечного джима⁴². Такие прозвища арабы давали своим противникам. Так, известно прозвище тюркского хакана—Абу Музахим «Отец Ударяющего, Бодающегося». Что касается конъектуры, предложенной А. М. Беле-ницким для имени царя Хутталя Бадр-тархана Табар (تبر) «топор» вместо Бадр (يدر), то, на наш взгляд, она вряд ли допустима на почве арабской графики. Среди разночтений имени искомого или близкого к нему написания нет. Также ничем не оправдана идентификация Бадр-тархана и Тополе-тархана китайских источников. Скорее можно допустить, что Бадр-тархан — одно лицо с Ибн ас-Са'идж.

Что мы знаем об ал-Джайше? Арабская графика слова позволяет, изменив соответственно его диакритику, идентифицировать его с именем Ханаша, сына ас-Сабаля (خنش: جيش). В таком случае ал-Джайш может быть только наследником аш-Шабалья (ас-Сабаля), дважды бежавшим в Китай, первый раз в 737 г. или несколькими годами ранее. Ас-Сабаль в своих предсмертных словах, обращенных к Ибн ас-Са'иджи, прямо говорит о нем, как о своем наследнике: «Он царь после меня».

Но из этих слов отнюдь не следует, что он не мог быть его сыном. Мы даже не знаем, каков был закон престолонаследия в Хуттале. В таком случае это он вторично бежал в Китай в 751 г. Остался ли он в Китае или вернулся обратно к себе, об этом у Табари ничего не говорится. Его имя в рукописях Табари пишется, как и предшествующие, по-разному: الخيش، الخيش، и, наконец, просто خنش Ханаш. Эти варианты позволяют предложить две возможные конъектуры имени: السامحي والعيشت. Этимология этого имени неясна. Как оно звучало, мы не знаем, вероятнее всего, Алачйнш(т) или Алучйнш(т). Но независимо от решения этого вопроса, мы можем смело сопоставить его с китайской передачей имени царя Лоцзиньцзе. Для этого требуется только восстановить в нем один иероглиф — первый, и читать все имя как (А)лоцзиньцзе. Идентификация имени Алучйнш(т) и Алоцзиньцзе напращивается. От имени этого царя было посольство в Китае в 750 г., именно он бежал в Китай в 751 г. и ему же был пожалован Китаем в 752 г. титул йабгу за доблестную войну с арабами и защиту от них границы. Вариант имени Ханаш без начального слога ал- легко объясняется тем, что арабы, воспринимая этот начальный слог как определенный член при имени, опустили его.

В свете сказанного выше хронологическая таблица (последовательность) правителей Хутталя представляется теперь следующей:

Правитель

Время

- | | |
|--|---|
| 1. Шабаль (ас-Сабаль) | не позднее 699 г.—умер между 735 и 737 годами ⁴³ . |
| 2. Ибн ас-Са'идж (временный правитель) | не ранее 735 г.—не позднее 737 г. |
| 3. Бадр-тархан (выходец из Бамиана) | 737 г. (убит в этом же году). |
| 4. Алучйнш(т) (он же ал-Джайш и Ханаш), в китайской передаче Алоцзиньцзе | не позднее 750 г.; в 752 г. пожалован титулом йабгу. |

⁴² Табари, II, 1593 (ساحي ح)

⁴³ Согласно И. Маркварту, 737 г. (J. Marquart, Eranšahr, стр. 302).

Не лишено вероятия, что после Бадр-тархана в Хуттале некоторое время сидел на престоле брат Алучинш(т)а (ал-Джайша), бежавший из Ферганы в 739 г., имя которого источники не упоминают (табл. 2).

Неясным все же остается одно: китайские хроники одного и того же ферганского царя называют в 729 г. сыгином, а в 733 г. селифа — званием, младшим по отношению к первому, — противоречие, справедливо обратившее на себя внимание А. М. Беленицкого. В танской хронике говорится, что чиновных званий у тюрков насчитывалось девять, старшим из этих званий было йабгу, младшим — тархан. Звание сыгин занимало шестое место в этой чиновной иерархии, а селифа — восьмое. Согласно той же иерархии, званию сыгин предшествовали два других — сылифа и тудун. Первое из них, четвертое, согласно этой иерархии, сылифа (俟利發), пишется так же, как интересующее нас восьмое — селифа (詠利發), отличаясь от последнего только первым иероглифом (俟 *сы* вместо 詠 *се*).

Если счесть такую описку допустимой, то в 729 г. ферганскому царю Шабалю (ас-Сабалю) был присвоен чин сыгина, шестой чин тюркской иерархии, а в 733 г. старший по отношению к последнему четвертый в этой иерархии чин сылифа. Как известно, каган Тун шеху (618—630 гг.), с целью укрепить власть каганата над среднеазиатскими владениями, перевел местных владетелей на положение наместников, дав им титул сылифа⁴⁴.

⁴⁴ «История таджикского народа», т. II, кн. 1, М., 1964, стр. 49.

Л. В. Дмитриева

**ДРЕВНЕУЙГУРСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
(УЙГУРСКИМ ПИСЬМОМ)
В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР**

В конце XIX — начале XX в. трудами русских консулов (Н. Ф. Петровского, Н. Н. Кроткова, С. А. Колоколова, А. А. Дьякова) и специальных экспедиций (В. И. Роборовского, П. К. Козлова, Д. А. Клеменца, М. М. Березовского, А. И. Кохановского, С. Ф. Ольденбурга, С. Е. Малова) в Восточном Туркестане были собраны переданные потом в Азиатский музей Петербургской Академии наук (ныне Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР) богатейшие коллекции материалов центральноазиатской письменности.

Хотя наиболее крупные (целостные и фрагментарные) материалы древнеуйгурской (уйгурским письмом) части этих коллекций, составивших так называемый сериндийский (теперь центральноазиатский) фонд Азиатского музея (Института востоковедения АН СССР), в большинстве своем изданы или описаны, однако далеко не все из этих материалов разобрано и определено. Конечно, о разборе мелких и мельчайших фрагментов сейчас вряд ли стоит думать, ибо он, не говоря уже о том, что потребует значительного количества времени, не даст сам по себе точных научных результатов.

С. Е. Малов неоднократно указывал¹ на необходимость новых тщательных исследований изданных и уже определенных вещей прежде всего языковедами, а затем уже другими специалистами (например, юридических документов — историками), а также определения всего того, что еще не определено, исключая пока мелкие и мельчайшие фрагменты. В связи с этим он поощрял и самым внимательным образом консультировал любую, даже чисто «предварительно-инвентарную» работу по разбору и учету древнеуйгурских материалов в собрании ИВАН СССР, считая, что нужно точно учесть число и виды этих материалов для будущих кропотливых их исследований.

Он приветствовал публикации обзоров таких материалов из наших стечественных хранилищ, требуя от авторов воздерживаться от каких бы то ни было заманчивых «скороспелых» характеристик материалов и тем более выводов.

¹ В 1952 г. автором данных строк была проведена предварительная инвентаризация древнеуйгурских материалов ИВАН АН СССР по коллекции, которую консультировал С. Е. Малов (основная цель — учет этих материалов).

Теперь, когда С. Е. Малова уже нет, выполняя в какой-то мере его заветы и вспоминая, как он заботился о судьбе и благополучии этих больших и маленьких кусочков бумаги, хочется написать «для всех» (как говорил С. Е. Малов) об этом крайне важном для тюркского языкознания, истории и культуры собрании древнеуйгурских материалов в ИВАН СССР. Перечень коллекций и отдельных памятников упомянут в кратком обзоре тюркоязычных фондов Азиатского музея А. Н. Самойловичем в 1918 г.²

За последующие почти пятьдесят лет были проведены исследования и публикации многих из этих памятников и было обнаружено еще несколько новых документов. Естественно, возникла необходимость в более систематизированном и полном, чем у А. Н. Самойловича, обзоре древнеуйгурских материалов в ИВАН СССР.

«Уйгуры в древнее время были культурнейшим народом Центральной Азии с весьма развитой городской жизнью. Для изучения этой доисламской культуры уйгуров был основан Международный комитет и как филиал его Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношениях.

С конца прошлого, XIX столетия, развалины уйгурских буддийских и христианских храмов и монастырей в Китайском Туркестане и Центральном Китае (в провинции Гань-су) привлекают к себе внимание ориенталистов и археологов всего ученого мира»³.

Подтверждением этих слов С. Е. Малова является история собирания древнеуйгурских материалов Азиатского музея — ИВАН СССР. Они поступали сюда или через Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, или через Русское географическое общество от участников научных экспедиций и от русских консулов в Восточном Туркестане. Последний путь (от консулов) оказался более эффективным, ибо он дал огромное количество материалов.

В 1892 г. первый русский консул в Кашгаре Н. Ф. Петровский (годы консульства — 1882—1904) прислал в Академию наук первые свои находки центральноазиатских материалов и уже с полным знанием дела ответил тогда же на запрос С. Ф. Ольденбурга: «Сведения об остатках в Восточном Туркестане древностей — несторианских, буддийских и всяких других — собираются мною давно. О первых из них я не получил до сего времени ничего положительного... Памятники буддийские существуют во всем Восточном Туркестане и, кажется, есть основание предполагать, что они найдутся даже на Памире...»⁴.

И с этих пор Н. Ф. Петровский, а за ним и другие консулы (Н. Н. Кротков — в Кульдже и затем в Урумчи, А. А. Дьяков, сменивший Н. Н. Кроткова первоначально в Кульдже, а потом в Урумчи) начинают систематическое обследование подведомственных им районов непосредственно и через своих многочисленных местных агентов. Собранные ими материалы поступали в Азиатский музей (передавались в дар или покупались) сразу целыми коллекциями или одиночно. Поступления эти были особенно интенсивными в начале XX в. — до первой мировой войны.

Так, Н. Н. Кротков с конца 1907 по 1909 г. передал в дар Русскому комитету и Академии наук четыре свои коллекции (собраны в раз-

² «Азиатский музей Российской Академии наук, 1818—1918. Краткая памятка», Пг., 1920, стр. 34—37 (разд. II, III).

³ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 95.

⁴ Н. Ф. Петровский, Ответ консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского на заявление С. Ф. Ольденбурга, — ЗВОРАО, VII, СПб., 1893, стр. 293.

ных районах Восточного Туркестана и особенно в районе Турфана); рукописная их часть поступила сразу же в Азиатский музей. А. А. Дьяков передал свою коллекцию в 1908 г. (собрана в Турфана, именно — в Астане). Русские консулы в Восточном Туркестане сделали очень много для науки — собрали многочисленные ценнейшие материалы для самых серьезных исследований индологов, иранистов, тюркологов, сириологов.

Из всех «консульских» коллекций центральноазиатского фонда ИВАН СССР древнеуйгурские материалы содержат коллекции Н. Н. Кроткова (4073 единицы), А. А. Дьякова (28 единиц), т. е. всего 4101 единицу из 4228 общего количества единиц хранения древнеуйгурской части этого фонда.

Остальные 121 единица приходится на экспедиции: В. И. Роборовского и П. К. Козлова (1893—1895 гг. — в Тибет, Турфан, Джунгарию и другие районы)⁵, Д. А. Клеменца (1898 г. — в Турфан)⁶, А. И. Кохановского (1907 г. — в Турфан)⁷, П. К. Козлова (1907—1909 гг. — в Гоби — к развалинам Хара-Хото)⁸, С. Ф. Ольденбурга (1909—1910 и 1914—1915 гг. — в Синьцзян, последняя — в Турфан и Чиктым)⁹, С. Е. Малова (1909—1911 гг. — в Ганьсу и 1913—1914 гг. — в Турфан)¹⁰.

Самая многочисленная (для древнеуйгурской части) из этих «экспедиционных» коллекций — С. Ф. Ольденбурга (79 ед.), остальные представлены в среднем 10—20 единицами каждая.

Летом 1952 г. С. Е. Малов передал в дар Институту востоковедения АН СССР три приобретенные им ранее, в экспедициях 1909—1911 и 1913—1914 гг., единицы (описаны и изданы им в 30-х годах).

* * *

Древнеуйгурские материалы ИВАН СССР представлены фрагментами (их особенно много) и более или менее целыми свитками и книгами (с отдельными не сшитыми вместе листами) рукописей и ксилографов. Бумага преимущественно китайская, почерк — курсив или полукурсив для рукописей, книжное письмо — для ксилографов. Некоторые фрагменты интересны для истории развития уйгурской письменности (№ 3004, 3363, из первой коллекции Н. Н. Кроткова), но они специально еще не исследовались. Текст писан черной краской, кисточкой, заглавия и начала разделов сутр — красной киноварью.

На обратной стороне многих фрагментов обычно имеется китайский

⁵ В. И. Роборовский, Предварительный отчет об экспедиции в Центральную Азию В. И. Роборовского в 1893—1895 гг., — ИИРГО, 1898, т. XXXIV, стр. 1—59; «Труды экспедиции Императорского Русского географического общества по Центральной Азии, совершенной в 1893—1895 гг. под начальством В. И. Роборовского», ч. 1—3, СПб., 1899; В. И. Роборовский, Путешествие в Восточный Тянь-Шань и Нань-Шань, М., 1894.

⁶ D. A. Klementz, Die Nachrichten über die von der Akademie der Wissenschaften zu St.-Peterbourg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan, St.-Pbg., 1899.

⁷ С. Ф. Ольденбург, Краткая опись составленного д-ром Кохановским собрания древностей из Турфана, СПб., 1907.

⁸ П. К. Козлов, Вести из Монголо-Сычуанской экспедиции под начальством П. К. Козлова, — ИИРГО, 1909, т. XLV, вып. 7, стр. 407—432; П. К. Козлов, Монголия, Амдо и мертвый город Хара-Хото, М., 1923.

⁹ С. Ф. Ольденбург, Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. Краткий предварительный отчет, СПб., 1914; С. Е. Малов, Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга, — «Записки Института востоковедения АН СССР», т. I, М.—Л., 1932, стр. 129—150 (о второй экспедиции).

¹⁰ С. Е. Малов, Отчет о путешествии к уйгурам и саларам, — «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», сер. II, № 11, СПб., 1912, стр. 94—99; С. Е. Малов, О втором путешествии к уйгурам, — там же, сер. II, № 3, Пг., 1914, стр. 85—88.

иероглифический текст, иногда он приводится и в уйгурском тексте. Очень редкие фрагменты снабжены пояснениями на брахми к отдельным уйгурским словам. Есть немного фрагментов, сохранивших остатки изображений буддийского пантеона (обычно черной и красной красками).

Юридические документы сравнительно хорошей сохранности и с обязательными подписями, печатями, штампами. Почти все мелкие и мельчайшие фрагменты аккуратно подклеены бумагой и калькой (или наклеены на них), вероятно, уже в Азиатском музее.

Самые ранние из материалов — V или VIII в. («Хуастуанифт», или «Покаянная молитва манихейцев»), самые поздние — начала XVIII в. (1702 г. — три листа ксилографа буддийского содержания, найденные с сутрой «Суварнапрабхаса», или «Золотой блеск»).

* * *

По содержанию материалы следует разделить на три группы: а) редкие памятники манихейского, вероучительного содержания; б) самые многочисленные (за счет мелких и мельчайших фрагментов) буддийские памятники в уйгурских переводах и редакциях; в) довольно значительная по сравнению с их собраниями в других хранилищах группа юридических документов.

Рассмотрим каждую группу более подробно, начав с конца, т. е. с более важных и значимых в историческом отношении памятников.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

В ИВАН СССР находятся 22 юридических документа (коллекции Н. Н. Кроткова, А. А. Дьякова, С. Ф. Ольденбурга, Д. А. Клеменца, С. Е. Малова) — все они изданы в публикациях В. В. Радлова, С. Е. Малова и А. Н. Бернштама¹¹. Эти документы относятся к X—XIII вв., происходят из Турфанского оазиса. Их виды: долговые квитанции, арендные договора, записи о купле и продаже земли и виноградинок, документы о податях и повинностях, завещания на владения земель и духовные, хозяйственные записи. Построены документы в общем однотипно: дата составления по двенадцатилетнему животному циклу, содержание документа, перечень свидетелей с обязательным воспроизведением каждым из них около своих имен собственных клейм и тамг, печатей (круглых и четырехугольных по китайскому образцу)¹².

Документы ценны не только своим содержанием, позволяющим довольно четко охарактеризовать «хозяйственную жизнь»¹³ уйгур Тур-

¹¹ W. Radloff, *Altuirgische Sprachproben aus Turfan* von Dr... Klementz, Nachrichten über die von der Akademie der Wissenschaften..., St.-Pbg., 1899, стр. 55 и др.; его же, *Uigurische Sprachdenkmäler. Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov herausgegeben*, Leningrad, 1929; С. Е. Малов, Два уйгурских документа, — сб. «В. В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927, стр. 387—394; С. Е. Малов, Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга, стр. 129—149; А. Н. Бернштам, Уйгурские юридические документы, — «Проблемы источниковедения», т. III, М.—Л., 1940, стр. 61—84; С. Е. Малов, Памятники..., стр. 200—218.

¹² Сведения о видах, структуре и значении документов и т. п. приведены в работах: А. Н. Бернштам, Уйгурские юридические документы...; С. Е. Малов, Памятники..., стр. 200—218.

¹³ С. Е. Малов, Памятники..., стр. 200. Исследует эти документы с исторической точки зрения Д. И. Тихонов (Налоги и налоговые термины в уйгурском государстве, — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. XVI, 1958, стр. 52—77). Д. И. Тихонов подготовил большое издание древнеуйгурских юридических документов, среди которых есть, вероятно, и документы из собрания ИНА АН СССР.

фанского оазиса X—XIII вв., но и терминологией (особенно налоговой). Из наиболее значительных по содержанию отметим: запродажный документ на землю (найден Н. Н. Кротковым в Астане — № 3446)¹⁴; документы об отдаче родителями сына временно в услужение (найден С. Ф. Ольденбургом в Безекике — № 4134)¹⁵, о купле-продаже рабыни (приобретен С. Е. Маловым в Турфане — № 4176)¹⁶; долговая квитанция (куплена С. Е. Маловым там же — № 4177)¹⁷. Два последних документа и были переданы С. Е. Маловым в ИВАН СССР в 1952 г.

ПАМЯТНИКИ БУДДИЙСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

Этих памятников вообще сохранилось больше всего, преобладают они и в собрании ИВАН СССР. Это обычно переводная литература с китайского, тибетского, индийского, тохарского языков. Правда, в ряде случаев даже для крупных памятников не установлено еще точно, переводами с какого именно из указанных языков они являются. Большое внимание уйгур к буддийским сочинениям объясняется тем, что основной религией, которую они исповедовали, был буддизм, хотя у них и встречались проповедники христианства и манихейства.

Собрание древнеуйгурских материалов буддийского содержания в ИВАН СССР отличается от подобных собраний в других хранилищах тем, что в нем имеется много крупных по объему материалов, в том числе в полном составе (во всех десяти книгах) самая большая из всех известных в настоящее время сутр — «Суварнапрабхаса» («Золотой блеск» — № 4171). Она вывезена С. Е. Маловым в 1910 г. из селения Вуншигу (Вунфыгу) около г. Сучжоу пров. Ганьсу. Значение сутры весьма велико — она дает возможность составить словарь и грамматику уйгурского языка X в. Сутра переведена с китайского языка в X в. в Бишбальке. Данная рукопись сутры переписана, видимо, в 1687 г.¹⁸ Большое число листов другой рукописи этой же сутры было найдено немецкой (прусской) экспедицией в 1908 г. в Турфанском оазисе¹⁹.

Затем, только в ИВАН СССР есть самые поздние уйгурские материалы уйгурским же письмом — упоминавшиеся уже три листа ксилографа 1702 г. (№ 4174); найдены С. Е. Маловым при сутре «Золотой блеск»²⁰.

Почти все наиболее крупные и значительные материалы буддийского характера изданы, в том числе «Тишаствустик» (№ 1, первая коллекция Н. Н. Кроткова) — неполная сутра (лл. 17—51), редкая по содержанию среди буддийских сочинений — включает заклинания от всех зол для странников (особенно купцов и торговцев). Это не перевод, а уйгурская редакция, но какого именно оригинала, еще не установлено; других рукописей этой уйгурской редакции не обнаружено; особенности же данной рукописи — в пояснениях на брахми около ряда уй-

¹⁴ Издан С. Е. Маловым (Памятники..., стр. 204—207).

¹⁵ Издан С. Е. Маловым (Уйгурские рукописные документы..., стр. 130—135, табл. I, II, старый шифр документа — 0,6).

¹⁶ Издан С. Е. Маловым (Сб. «В. В. Бартольд», стр. 391—394).

¹⁷ Издана С. Е. Маловым (там же, стр. 387—391).

¹⁸ Издано: *Suvarṇaprabhāsa* (сутра «Золотого блеска»). Текст уйгурской редакции, изд. В. В. Радлов и С. Е. Малов, вып. I—II, СПб., 1913; вып. III—IV, Пг., 1914; вып. V—VI, Пг., 1915 («*Bibliotheca Buddhica*», XVII); *Suvarṇaprabhāsa* («*Das Goldglanz — Sūtra*»). Aus dem Uigurischen ins Deutsche übersetzt von W. Radloff nach dem Tode des Übersetzers mit Einleitung von S. Malov herausgegeben Л., 1930, вып. I—III («*Bibliotheca Buddhica*», XXVII); С. Е. Малов, *Памятники...*, стр. 139—199.

¹⁹ F. W. K. Müller, *Uigurica*, I, Berlin, 1908.

²⁰ Статью о них подготовил Э. Р. Тенишев.

гурских слов²¹. «Куан-ши-им Пусар» (№ 4075, коллекция А. А. Дьякова) — перевод главы XXV китайской версии сутры «Саддхармапундарика» религиозно-этического содержания²². «Ситатапатра-дхарани» (в уйгурской редакции, № 4175, передана С. Е. Маловым в 1952 г.) — сутра подобного же содержания, упомянутая ее уйгурская редакция характеризуется многими пояснениями на брахми около строк²³. «Пујап вайрмāk» (№ 4172, коллекция С. Е. Малова) — сутра, по содержанию близкая к сутре «Золотого блеска», при которой и найдена (датировка — 1688 г.)²⁴.

Несмотря на публикацию, даже эти (особенно последние) памятники изучены недостаточно и по языку, и по содержанию, и по определению их источников или оригиналов. Другие, фрагментарные, памятники так же мало изучены, хотя ряд крупнейших фрагментов издан и имеется в других хранилищах²⁵.

ПАМЯТНИКИ МАНИХЕЙСКОГО, ВЕРОУЧИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ

Вообще памятники такого рода встречаются редко — в ИВАН СССР есть один, и весьма значительный. Это «Хуастуанифт» — покаянная молитва для «слушателей» манихейской общины. Первоначально он был составлен, вероятно, на одном из древнеиранских языков, а затем переведен на древнеуйгурский. В. В. Радлов и С. Е. Малов относили его к V в., однако исследование языка, графики и других особенностей этого памятника не дает оснований для такой ранней датировки. Очевидно, его следует отнести не ранее чем к VIII в.

Исследователи его полагали, что создан он в Средней Азии, а его фонетика и грамматика «ближе к орхоно-енисейским руническим памятникам, чем к буддийско-уйгурским (и впоследствии к уйгурско-мусульманским)»²⁶. Оригинал молитвы не найден, а древнеуйгурский перевод имеется в трех списках: лондонском, берлинском и ленинградском (манихейским письмом, находится в ИВАН СССР, № 4074, коллекция А. А. Дьякова). Все три списка с пропусками, наиболее полный из них — лондонский, самый неполный — берлинский. Однако каждый список в какой-то своей части содержит отделы или строки, утраченные в двух других списках. Так, только в берлинском списке есть начальная часть молитвы, только в ленинградском — заключительные ее строки (1,5 строки с названием памятника), в лондонском списке имеются строки третьего раздела молитвы, утраченные частично в ленинградском и целиком в берлинском списках. Памятник издан по всем трем спискам отдельно

²¹ «Tišastvustik, ein in türkischer Sprache bearbeitetes buddhistisches Sūtra», I. Transscription und Übersetzung von W. Radloff; II. Bemerkungen zu den Brāhmiglossen des Tišastvustik — Manuscripts... von baron A. von Staël — Holstein, St.-Pbg., 1910 («Bibliotheca Buddhica», XII).

²² Kuan-ši-im Pūsar. Eine türkische Übersetzung des XXV Kapitels der chinesischen Ausgabe des Saddharmapūṇḍarika, herausgegeben und übersetzt von W. Radloff, St.-Pbg., 1911 («Bibliotheca Buddhica», XIV).

²³ С. Е. Малов, Sitatapatra — dharani в уйгурской редакции, — «Доклады Академии наук», 1930, стр. 88—94.

²⁴ Транскрипция названия принадлежит С. Е. Малову. Издано вместе с сутрой «Золотой блеск» (см. прим. 18).

²⁵ Например, в Германии и Японии изданы фрагменты сутры «Säkiz Jükmäk» («Восемь светов»): W. Bang, A. v. Gabain, G. K. Rachmati, Türkische Turfan-Texte, VI. Das buddhistische sūtra «Säkiz Jükmäk», Berlin, 1934; T. Haneda, A Specimen of the uigurisch Buddhist Text «yirli t(ä)ngrili säkiz Yogmak yarug бүкүлүг арвис ном битиг» (1900)? (на яп. языке). Фрагменты этой сутры есть и в ИВАН СССР (№ 3765—3807, коллекция Н. Н. Кроткова).

²⁶ С. Е. Малов, Памятники..., стр. 108.

и сводным текстом²⁷. Значение этого памятника велико прежде всего с точки зрения языка, а затем и содержания, так как манихейские вероучительные сочинения встречаются очень редко (преимущественно в виде фрагментов).

* * *

Как видно из изложенного выше, значение древнеуйгурских материалов центрального фонда ИВАН СССР вполне определено для истории тюркских языков и истории тюркских народов (уйгур) и их культуры.

Большая и исключительно важная работа предстоит здесь тюркологам: необходимы новые тщательные исследования прежде всего с языковой точки зрения буддийских и манихейских памятников, с языковой и исторической — юридических документов. Впервые подлежат изучению более крупные из мелких фрагментов буддийского и манихейского содержания.

* * *

Из староузбекских памятников XV в. («чигатайских») уйгурским письмом в собрании ИВАН СССР имеются: ярлык («нишан») Омар-шейха (отца Бабура) 873/1469 г. (№ 4178, получен в дар В. В. Бартольд в 1902 г. в Маргелане от бывшего местного кадия и передан в том же году в Азиатский музей) — хорошо известен по изданию²⁸, другой ярлык того же характера и времени (№ 4179) еще не определен точно, так как до сих пор из-за дефектности не установлено имя правителя, давшего этот ярлык.

²⁷ Издания: ленинградского списка — W. Radloff, Chuastuanit. Das Bußgebet der Manichäer, St.-Pbg., 1900; его же, Nachträge zum Chuastuanit (Chuastuanit), dem Bußgebet der Manichäer (Hörer), — «Известия Академии наук», 1911, стр. 867—896; немецкого и лондонского списков — A. Le Coq, Chuastuanit, ein Sündenbekenntnis der manichäischen Auditores. Gefunden in Turfan, Berlin, 1910; его же, Stein's Türkisch Kuastuanit from Tunhaung, being a Confession-prayer of the Manichaeans Auditores, London, 1911; его же, Türkische Manichaica aus Chotscho, I, Berlin, 1912; II, Berlin, 1919; III, Berlin, 1922; сводный текст: Л. В. Дмитриева, Хуастуанифт (введение, текст, перевод), — «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 214—232 (см. также: Л. В. Дмитриева, Лексика ленинградского списка «Хуастуанифт», — «Краткие сообщения института народов Азии», М., 1965, № 69, стр. 46—59). Новое капитальное исследование памятника: Jes. P. Asmussen, *Xth ästvänift studies in manichaeism*, Copenhagen, 1965.

²⁸ П. М. Мелиоранский, Документ уйгурского письма султана Омар-шейха, — ЗВОРАО, XVI, 1906, стр. 01—012.

В. П. Курyleв

**ПОСЕЛЕНИЯ, ЖИЛИЩА
И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ
СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ**

Поселения современной Турции можно разделить на три основные группы: к первой и наиболее многочисленной относятся селения деревенского типа *кей*, ко второй — поселкового типа *касаба*, к третьей — городского типа *шехир*.

К первому типу в Турции принято относить поселения, число жителей которых не превышает пяти тысяч человек¹. Жители деревень занимаются сельским хозяйством, как и значительная часть жителей поселков и городов. Население городов занято еще и в ремесленно-промышленном производстве, торговле и административно-хозяйственном аппарате.

В небольших городах и поселках население, работающее в сельском хозяйстве, живет в отдельных кварталах, дома которых имеют большое число подсобных помещений и хозяйственный двор.

Кварталы ремесленников и торговцев расположены, как правило, вокруг базара или на улицах, выходящих на базар. Как и во всей Передней и Средней Азии, особенность этих кварталов — наличие лавок-мастерских, в которых ремесленник и работает и продает свои изделия. Обычно это небольшое одноэтажное строение, открытое со стороны улицы. В г. Балыкесир, например, кожевники имеют свои лавки-мастерские *дебакхане* в кварталах Мустафа Факих, Оручгазы и Окджукара. Сапожники этого города почти все имеют лавки на базаре. То же можно сказать о валяльщиках войлока. Отдельные кварталы занимают ремесленники Кайсери, Коньи и других городов страны².

Кварталы, где живут семьи служащих административно-управленческого аппарата, расположены в центральной части городов и поселков. В домах, где проживают семьи служащих, различные служебные помещения и большой хозяйственный двор отсутствуют³.

Крупные города, такие, как Анталья, Конья, Кайсери, Испарта и

¹ N. Tunçdilek, E. Tümertekin, Türkiye nüfusu (nüfus kesafeti, nüfus artışı iç göçler ve şehirleşme); İstanbul, стр. 4—5; X. de Planhol, De la plaine Pamphylienne aux lacs Pisidiens. Nomadisme et vie paysanne, Paris, 1958, стр. 374.

² M. N. Bayrı, Halk âdetleri ve inanmaları, İstanbul, 1939, стр. 7, 19, 40; Reşat İzbirak, Kayseri şehrinin işleme ve gelişmesinde bağcılığın etkileri, — «Ankara Üniversitesi dil ve tarih-coğrafya fakültesi dergisi», c. V, sayı 4, 1947, стр. 405—407.

³ X. de Planhol, De la plaine Pamphylienne..., стр. 375, 378, 384.

другие, т. е. в основном административные центры вилайетов, являются одновременно центрами местной промышленности.

* * *

Остановимся подробнее на поселениях деревенского типа. Как уже говорилось выше, это наиболее многочисленная группа. В деревнях проживает, по данным 1955 г., около 18 млн. человек, или 74,5% всего населения Турции⁴. В стране около 55 тыс. деревень⁵.

Деревни современной Турции по своему расположению на местности в зависимости от физико-географических условий могут быть условно разделены на две большие группы: первая — деревни, находящиеся в гористой местности и построенные большей частью на склоне горы — так называемые горные деревни; вторая — селения, расположенные в долинах или у подножия гор — это равнинные деревни. Географическое местоположение деревень определяет и основной вид деятельности крестьян. В хозяйстве жителей горных деревень из-за нехватки земель, пригодных для земледелия, большой удельный вес занимает скотоводство, в то время как у населения долинных деревень — земледелие. Я. Даглар считает, что в Турции есть три типа сельских поселений: горный, долинный и средний, или переходный тип деревень. В деревнях переходного типа, по Я. Даглару, поля расположены в долине, а пастбища — в горах. Сами же деревни расположены в основном у подножия гор или на некрутом склоне их. Мы, как уже говорилось выше, разделяем все турецкие деревни только на два типа, так как третий тип, выделяемый Я. Дагларом, легко может быть отнесен к долинным деревням, ибо многие долинные деревни имеют пастбища в горах⁶.

Большую роль при выборе места поселения играет наличие достаточных водных ресурсов. В Турции основой водоснабжения являются водоемы *чешме*, куда вода подается по глиняным *кюнк* или деревянным трубам *джам чам* из естественного источника, или же колодцы *куйу*. Почти в каждом селении — один или несколько таких источников, которые в Турции обычно благоустроены: их обносят каменной кладкой, за ними тщательно следят. Из 27 деревень Центральной Анатолии, обследованных турецким архитектором С. Ораном, только треть расположена на берегах рек и пользуется речной водой. Остальные деревни довольствуются водой источников и колодцев, правда, лишь три из них имеют только колодезную воду. Из 13 деревень Анкарского вилайета, являвшихся объектом изучения турецкого экономиста Н. Беркеса, на берегу реки расположено семь. Б. Невман пишет, что только в третьей части всех деревень Турции есть в пределах досягаемости проточная вода⁷.

Селение Анатолии — это небольшие деревни, насчитывающие в среднем от 20 до 100 крестьянских усадеб с количеством жителей от 100—150 до 600—700 человек. (Встречаются поселки в 10—15 дворов.) Более

⁴ N. Tunçdilek, E. Tümertekin, Türkiye nüfusu..., стр. 18.

⁵ Süleyman Bodur, Agrargeographische und wirtschaftliche Verhältnisse der türkischen Landwirtschaft, Gießen, 1962, стр. 52.

⁶ Y. Dağlar, Köylerimizden örnekleri. Köylerimiz hakkında bir inceleme, İstanbul, 1951, стр. 81; S. Oran, Orta Anadolu köylerinde bir aile tarım işletmesi binaları, İstanbul, 1954, стр. 68; Dr. Esad, Moğla (Manisa) sancağı, Ankara, 1922, стр. 77 (араб. шрифт).

⁷ B. Newman, Turkish Crossroads, London, 1951, стр. 115; N. Berkes, Bazı Ankara köyleri üzerine bir araştırma, Ankara, 1942, стр. 16, 20—21; S. Oran, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 10 и сл.; N. Göknil, Bilecik bölgesi. Kasımlar köyü, — «Sosyoloji dergisi», 1943, № 2, стр. 320.

половины всех деревень Турции имеет 200—300 жителей. Как правило, мелкие деревни с 20—100 хозяйствами являются поселениями горного типа, в то время как в долинах они почти не встречаются. Турецкий экономист Х. Р. Танкут одно из средств подъема деревень и их экономики видит в том, чтобы объединить все мелкие селения в 10, 20, 45 и т. д. дворов в более крупные поселения. Однако его идея сразу же наталкивается на проблему малоземелья в стране, и ее он предлагает решить путем переселения из районов, где земли не хватает, в менее населенные⁸. Однако история всех стран показывает, что вопрос о наделении крестьян землей можно окончательно решить только при условии коренных социальных преобразований, революционного переустройства всего общества.

Заселены были деревни большей частью 200—300 лет назад. Есть селения, имеющие более древнюю историю, насчитывающие от 500 до 800 лет с момента основания, т. е. возникшие во времена прихода в Малую Азию турок⁹. Как правило, эти деревни имеют гораздо больше усадеб, а следовательно, и численность их населения гораздо больше. В деревне Маджисун (вилайет Кайсери), основанной в XII в., более 250 дворов, проживает там около 1300 человек. Старинное селение Баглум Анкарского вилайета насчитывает 370 усадеб, 1700 жителей. Деревня Махмутгази (вилайет Денизли) имеет 191 дом, в котором проживает 865 человек¹⁰.

Интересно отметить, что в Турции сохранились деревни, которые были основаны еще во времена Византийской империи, а некоторые еще раньше. В вилайете Конья есть деревня Ладик, на территории которой встречаются остатки сооружений, относящихся к византийскому периоду. Немецкий ученый В. Рубен, исследовавший район к западу от оз. Туз (Центральная Анатолия), нашел следы римского времени в 15 деревнях и во многих селениях обнаружил остатки византийского времени¹¹.

Процесс создания новых деревень имел место в прошлом веке и продолжается в настоящем. Этот процесс происходил как за счет оседания кочевых и полукочевых племен Турции, так и за счет раздела перенаселенных деревень. В. Рубен собрал интересные сведения об оседании племен юрюков и туркмен, которые заняли пустующие земли, малопригодные для жизни и хозяйственной деятельности, в засушливом районе Центральной Анатолии. Деревня Карабыйык была создана и заселена в 1887 г. юрюками племени сарыкечели. В 1883 г. юрюкскими племенами сарыкечели, каракойюнулу и каратекели была основана деревня Чешмели-Зебир. Несколько раньше, в 1868 г. создана деревня Таахютлю, первоначально состоявшая из четырех хозяйств турк-

⁸ H. R. Tankut, Köy ve kolonizasyon, Ankara, 1960, стр. 18, 28; H. Z. Kosa y, Alaca-Höyük. Anadolu'nun etnografya ve folkloruna dair malzeme, Ankara, 1951, стр. 6; Y. Dağlar, Köylerimizden örnekleri..., стр. 82.

⁹ S. O. Tütengil, Keçiller köy incelemesi — «Sosyolojik dergisi», 1955—1956, № 10—11, стр. 36; S. Oğ an, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 29, 45, 72, 99, 113.

¹⁰ M. Tuğ ru l, Mahmutgazi köyünün halk edebiyatı, — «Ankara Üniversitesi dil ve tarih-coğrafya fakültesi dergisi», c. V, sayı 1, 1947, стр. 68; S. Oğ an, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 99, 103.

¹¹ W. Ruben, Anadolu'nun yerleşme tarihi ile ilgili görüşler, — «Ankara Üniversitesi dilve tarih-coğrafya fakültesi dergisi», c. V, sayı 4, 1947, стр. 380—382; S. Oğ an, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 72, 77, 79. — Фарук Демирташ сообщает, что оседание на землю ряда туркменских племен, перекочевавших из Восточной в Центральную и особенно Западную Анатолию, началось в широких масштабах с начала XVII в. (см.: Faruk Demirtaş, Bozulul hakkında. — «Ankara Üniversitesi dil ve tarih-coğrafya fakültesi dergisi», c. VII, sayı 1, 1949, стр. 46).

мен. Деревня Юрюк-Иайла возникла в 1953—1955 гг.¹². О процессе оседания разорившихся кочевников на пустующих, малопригодных землях юго-западной части Турции (вилайет Анталыя) рассказывает Кс. дё Пляноль. К северо-западу от оз. Кестель юрюки основали в 1920 г. деревню Карачал¹³. Кс. дё Пляноль исследовал новую форму оседания кочевников. Она заключается в том, что богатый кочевник, большей частью вождь племени, рода или *оба*, покупает землю и создает поместье *чифтлик*, на котором работают батраками или издольщиками его бедные соплеменники. Они поселяются рядом с именем. Так создается в настоящее время новый тип деревень¹⁴.

В связи с оседанием кочевников в Турции наблюдается еще одно интересное явление, суть которого заключается в создании двойных деревень: оседание происходит одновременно на летовке *язлык* и зимовке *кышлак*. Сначала жители одной деревни имели по два жилища, одно в горах на яйлах, где они пасли летом скот, засевали и обрабатывали летние сельскохозяйственные культуры, а другое — в долине, где люди и скот зимовали, а также имелись поля с озимыми хлебами. Постепенно, с ростом числа жителей и разделением семей, а также возникающей в связи с этим нехваткой земли, одна часть семейств оседала на постоянное жительство в горной части деревни, а другая — в долинной. Так из одного селения (разделенного ранее на две части) создавались две самостоятельные деревни. Таковы деревни Сабунлар и Кызылкайя в Юго-Западной Анатолии.

Характерно, что такие деревни имеют обычно одно название. Только для названия горной деревни добавляют слово верхняя *йюкары*, а для долинной — нижняя *ашагы*. Например, в вилаете Адана есть деревни: Ашагы-Бурук и Йюкары-Бурук, Ашагы-Чиянли, Йюкары-Чиянли. То же самое наблюдается в Восточной Анатолии, где есть две деревни — нижняя Сюнхан и верхняя Сюнхан¹⁵. Отметим, что такой же процесс оседания на землю происходил, возможно, и в Средней Азии, где также названия многих деревень включают слова «верхняя» и «нижняя».

В Малой Азии можно наблюдать еще один путь создания деревень, причем в период, когда их жители наравне со скотоводством начинают заниматься земледелием. Сначала они имеют несколько домов в различных местах, в зависимости от числа пахотных земель и их расположения. Так, в районе Каратепели (северная часть бассейна р. Сейхан) у каждой семьи есть не менее двух-трех домов. Семейство поселяется в одном из них на целый год. Ближайший к дому участок земли не засеивается и на нем пасут скот. Этот участок они называют *салак*, а находящийся при нем дом — *кышлак*, что по-русски значит «зимнее жилище», так как в нем живут зимой. На следующий год указанное выше поле засеивают, а вся семья со скотом переезжает в другой дом, поле которого в прошлом году было засеяно, а в этом — нет¹⁶.

¹² Cloude Collin Delavoud, Monographie humaine du territoire rural de Yörük yayla (Phrigie. Turquie), — «Annales de géographie», LXVII année, № 364, 1958, стр. 521; W. Ruben, Anadolunun yerleşme tarihi..., стр. 374, 376—377.

¹³ X. de Planhol, De la plaine Pamphylienne..., стр. 205—206.

¹⁴ Там же, стр. 206, 243. X. de Planhol, Géographie politique et nomadisme en Anatolie, — «Revue internationale des sciences sociales», UNESCO, t. XI, 1959, № 4, стр. 551.

¹⁵ «Köylerimiz adları», İstanbul, 1928 (араб. шрифт); X. de Planhol et H. İnandık, Etudes sur la vie de montagne dans le Sud-Ouest de l'Anatolie, — «Revue de géographie alpine», 1959, t. XLVII, № 3, стр. 382; H. Saraçoğlu, Doğu Anadolu, c. I, İstanbul, 1956, стр. 467. — Более подробно об оседании кочевников в Турции см.: Д. Е. Еремеев, Оседание юрюков в Турции, — СЭ, 1962, № 6, стр. 71—84.

¹⁶ Ali Rıza Yalğın, Toroslarda Karatepli bölgesi, Ankara, 1950, стр. 18—20.

С ростом населения и разделом семей (например, разделением женатых сыновей после смерти отца, что характерно для сельских турок) такие переселения прекращаются, и один дом становится постоянным местом жительства одной из вновь созданных семей, а второй — другой.

У нас недостаточно сведений о тех историко-социальных факторах, которые влияли на процесс заселения деревень Малой Азии в древний и средневековый периоды. Исключение составляют упоминания почти всех исследователей, занимавшихся турецкой деревней, о влиянии «смутных» времен (т. е. периода феодальных раздоров) на планировку и расположение селений в укромных местах. Можно лишь предположить, что заселение происходило двумя основными путями. В первом случае наблюдалось совместное одновременное оседание более или менее большой родо-племенной группы. Так, очевидно, были заселены деревни Гюляби и Гирели (вилайета Кайсери), где большая часть односельчан считает себя потомками племени авшар. На этот же принцип заселения указывает турецкий этнограф Али Риза Ялгын, объектом исследования которого являлись деревни юго-восточной части Турции (вилайет Газиантеп). При этом в названии деревень часто сохраняется имя племени или рода. Название деревни Кечиллер (вилайет Кютахья), по предположению Дж. О. Тютенгиля, происходит от имени племени основателей деревни¹⁷. Деревня Аладжа (вилайет Чорум), по местному преданию, основана в XVII в. Мехмед-беем, сыном Декли, пришедшим из Тосьи. Вначале число дворов этой деревни составляло 25, а в 50-х годах нашего века выросло до 82¹⁸.

Во втором случае процесс образования деревень происходил путем простого демографического увеличения первоначально не связанных между собой родством семейных групп, иногда даже пришедших из разных мест. Так, старейшими семьями деревни Хал (вилайет Елязыг) считаются Шыхлылары, которые пришли из селения Пулур близ Чемишкезек, семьи Карачорлулары, Гюндешилиери и Мысырлылары — пришельцы из Египта, а также Багдадогуллары — из Багдада¹⁹.

На общую планировку турецких деревень значительное влияние оказывают физико-географические условия. По этому признаку сельские селения Турции можно разделить на две большие группы: горные поселения относятся к разбросанному типу, дворы которых иногда отстоят друг от друга на расстояние до нескольких сотен метров, а долинные деревни, как правило, относятся к скученному типу.

Разбросанность горных селений объясняется отсутствием ровных площадей, на которых могли бы разместиться все дома деревни, а также нехваткой пашен²⁰. В долинах поселения скученные, дома и их хозяйственные дворы соприкасаются. Иногда при некоторой пологости почвы дома расположены последовательными ступеньками, причем плоская земляная крыша дома, стоящего внизу, часто служит хозяйст-

¹⁷ С. О. Tütengil, Keçiller köy incelemesi, стр. 36; Ali Rıza (Yalğın), Cenupta türkmen oymaklar. I kısım, İstanbul, 1931—1932, стр. 6—106; S. Oğan, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 25, 91.

¹⁸ Н. З. Koşay, Alaca-Höyük, стр. 6—7. К сожалению, автор не указывает, в каком родстве были эти первые пришельцы.

¹⁹ N. Erdentüğ, Hal köyünün etnolojik tetkiki, Ankara, 1956, стр. 829; X. de Planhol, De la plaine Pamphylienne..., стр. 338. — Исследователи турецкой деревни указывают, что почти между всеми жителями одного селения существуют родственные отношения. По нашему мнению, это более позднее, вторичное родство, которое возникло из-за того, что браки предпочтительно заключаются в рамках одной деревни.

²⁰ H. Saraçoğlu, Doğu Anadolu, стр. 467; X. de Planhol et H. İnandık, Etudes sur la vie de montagne..., стр. 381, 385; X. de Planhol, De la plaine Pamphylienne..., стр. 251.

ленным двором для другого жилища, расположенного выше. Издали такое расположение напоминает амфитеатр.

Многие исследователи подчеркивают беспорядочный, беспланный характер расположения домов в турецких деревнях. Кс. де Пляноль пишет, что «легко можно потеряться в лабиринте улочек и тупиков турецкой деревни». На это же указывают Б. Невман, Ж. Велерс и др.²¹. Бесплановость в расположении дворов в деревнях равнинного типа объясняется тем, что заселение их проходило более или менее компактными родственными группами с последующим наследственным дроблением участков. Такие разделенные участки одной родственной группы, часто даже семейной, связывают тесные хозяйственные отношения²². О родственных группах, живущих в соседних домах и имеющих тесные хозяйственные связи, говорит Н. Беркес²³.

Вопрос о расселении родственных групп также связан с проблемой кварталов в турецкой деревне. Деревня М. (вилайет Анкара) разделена на четыре квартала *махалле*, каждый из которых имеет название. Из двух кварталов, разделенных рекой, состоит деревня Чатак (то же вилайет). В деревне Махмутгази (вилайет Дензли) имеется три квартала²⁴. Почти во всех турецких деревнях есть кварталы, хотя зачастую они не так четко выделены, как в упомянутых примерах. По-видимому, четкое деление на кварталы можно встретить в деревнях, разделенных какими-либо природными преградами.

Мы уже говорили выше, что заселение происходило родственными группами, хозяйства которых территориально близки друг к другу. Вот эти родственные группы и создают кварталы в турецкой деревне. Так, в упомянутой выше деревне М. в каждом квартале находится несколько родственных групп. Большая родственная группа проживает в основном квартале деревни Халкбашы, исследованной А. П. Стирлингом. Он же указывает, что каждую родственную группу связывают не только хозяйственные отношения, но и другие интересы. Мужчины группы собираются зимними вечерами в комнате одного из членов ее, здесь они отдыхают, беседуют, решают совместные вопросы и т. д.²⁵.

Все семейства, пришедшие в уже существующие деревни, как правило, селятся отдельно и образуют новые кварталы. Это объясняется настороженным отношением старожилов к пришельцам, так как последним нужно выделять землю, пастбища и т. д., которых и так не хватает. По-видимому, это одна из основных причин такого отношения к новоселам.

Так, в деревне Эльбашы (вилайет Кайсери) до 50-х годов каждый односельчанин мог распахать часть общедеревенского пастбища. Одна-

²¹ X. de Planhol, *De la plaine Pamphylienne...*, стр. 251—252; N. Berkes, *Bazı Ankara köyleri...*, стр. 14—15; B. Newman, *Turkish Crossroads...*, стр. 51.

²² О таких родственных группах рассказывают советские исследователи сельских селений в Средней Азии и Закавказье. См.: Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, С. П. Русаякина, *Культура и быт таджикского колхозного крестьянства*, М.—Л., 1954, стр. 112; К. Т. Каракашлы, *Материальная культура азербайджанцев Северо-Восточной и Центральной зон Малого Кавказа (Историко-этнографическое исследование)*, Баку, 1964, стр. 40. О хозяйственном значении таких скученных дворов родственных групп в селениях Средней Азии нам сообщила устно Р. Я. Рассудова. Пользуюсь случаем принести ей благодарность за ценные указания по этому и ряду других вопросов.

²³ N. Berkes, *Bazı Ankara köyleri...*, стр. 18.

²⁴ T. Yörükcan ve T. Gebe, *Çatak köyü araştırması*, — «Sosyoloji dergisi», 1955—1956, № 10—11, стр. 2; N. Berkes, *Bazı Ankara köyleri...*, стр. 20—21; M. Tuğrul, *Mahtutgazi köyünün halk edebiyatı*, стр. 67—68.

²⁵ A. P. Stirling, *A Death and a Youth Club: Feuding in a Turkish Village*, — «Anthropological Quarterly», 1960, vol. 33, № 1, стр. 56, 63.

ко это право имели только члены деревенской общины Эльбашы, и никто другой.

Играет роль, очевидно, и то, что новоселы не связаны с односельчанами родственными узами и родо-племенными отношениями в тех деревнях, где они сохранились. Создаются две группировки в деревне: старожилов и новоселов, причем в лучшем случае они не вмешиваются в дела друг друга. В деревне Гюляби помимо потомков племени авшар живут переселенцы из Карского вилайета. Они занимают отдельные кварталы²⁶.

Вернемся к планировке турецкой деревни. Помимо указанных двух основных типов сельских поселений (горные и долинные) в Турции имеется ряд других селений, характер которых определяется основным занятием населения. Среди них следует отметить небольшие поселения в пять-семь домов, жители которых занимаются почти исключительно скотоводством. Этот тип характерен для горных районов Восточной Анатолии. Их называют *ком*. Другой вид небольших поселений, также состоящих из 5—6 домов, называется *мезреа*. Жители их занимаются как земледелием, так и скотоводством. Как уже говорилось выше, часть сельских селений существует при помещичьих усадьбах *чифтлик*. В Восточной Анатолии такие поместья называют *паланга*²⁷.

В строительстве жилищ турки применяют местный материал: глину *килли топрак*, из которой делают кирпич-сырец — *кирпич*; камень *таш*, идущий главным образом на строительство стен и фундаментов; дерево (обработанное) *ахшан*, применяемое в основном при сооружении окон, дверей, а также крыши и потолка и, кроме того, камыш *саз* и ветки кустарника, которые обычно употребляют при строительстве крыши, а иногда и жилища. Употребление того или иного материала зависит в первую очередь от его наличия, а также от климатических условий.

В тех местах, где сохранились леса, дома делают деревянные, большей частью из бревен. В горах Тавра, где леса много, дома собраны из плохо обтесанных бревен²⁸. Там, где леса меньше и нет сильных холодов, жилища делают из досок *тахта* или коры. Эти жилища, как правило, представляя собой конической формы шалаши и в настоящее время служат главным образом как временные дома.

²⁶ A. P. Stirling, Turkish Village, London, 1965, стр. 50; S. Oğran, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 25.

²⁷ H. Savaşoğlu, Doğu Anadolu, стр. 468. — В армянском языке есть слово *ком* «хлев», в курдском *кам*. Кадри Камаль сообщает, что *ком* в Восточной Анатолии означает «домишко из земли». Он считает его старотурецким словом, идущим от хеттов. Последние якобы называли так пещеру. Затем оно перешло в европейские языки. По-латински Khata Comba — «дом хеттов». См. Kadri Kemal, Anadolu'nun Doğu ve Cenupdağusu, Ankara, 1933, стр. 63.

Мезреа — араб. слово (*مزرعة*) «поле», «пашня», «ферма», от слова «сеять», «жать». Отсюда и турецкое *зираат* (араб. *زراعة* «земледелие»).

Слово *паланга*, по Радлову — «маленькое укрепление из палисадов», образованное от османо-турецкого *пала* (араб. *بالا* «палисад»). (Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, СПб., 1905, т. 4, стлб. 1162, 1164). В таком случае название поместья *чифтлик* более позднее, чем *паланга*. В современном турецком языке *чифтлик* — это также капиталистическая ферма. *Паланга*, по Д. А. Магазанику, происходит из венгерского языка (Д. А. Магазаник, Турецко-русский словарь, М., стр. 478). Действительно, в венгерском есть слово *паланк* «забор», «ограда», «частокол» (М. Г. Кахана, Венгерско-русский словарь, М., 1959, стр. 560). Возможно, в венгерский это слово пришло из тюркского — *пала*, *паланга*, по В. В. Радлову (см. выше).

²⁸ X. de Planhol, De la plaine Pamphylienne..., стр. 254—255; X. de Planhol et H. Inandik, Etudes sur la vie de montagne dans le Sud-ouest de Anatolie... стр. 381; S. Demirkan, Baglum köyünde köylü işletmesi anketi, — «Sosyoloji dergisi», 1952, № 7, стр. 23.

Дома, вернее, хижины *кулюбе* — из кустарника или камыша, можно встретить только в теплых районах Турции. Так, они есть на побережье Средиземного моря (вилайет Анталы). Кс. де Пляноль пишет, что их предпочитают кочевники и полукочевники из-за легкости и быстроты постройки. Он же утверждает, что хижины из камыша и кустарника были наиболее характерны для XVIII в., а в настоящее время их можно увидеть или вокруг главных построек в качестве временных (жилища рабочих-поденщиков в поместьях *чифтликах*), или же как жилье недавно осевших кочевников, а скорее всего — как хозяйственные помещения.

Почти повсеместное наличие во всей Малой Азии глины, пригодной для производства кирпича, делает ее наиболее употребительным строительным материалом. Глина всегда имеется непосредственно у места постройки. Легкость и быстрота изготовления из нее кирпича, а также простота орудий для производства кирпича делают, к тому же, глину самым удобным и самым дешевым строительным материалом. В то же время даже необожженный кирпич, если защитить его от дождя, сырости и подземных вод, может сохраняться очень долго. Обычно дома из такого кирпича стоят 50—75 лет. Имеются случаи, когда они насчитывают 150—200 лет²⁹. Поэтому для сельских жилищ Турции наиболее характерны дома из кирпича.

Для производства кирпича обычно у места постройки или где-нибудь недалеко от источника воды размешивают в яме глину с водой, предварительно удалив из нее камни и т. п. Месят глину ногами. Для прочности добавляют размельченную солому в размере до одной трети. Хорошо размешанную глину оставляют на ночь, чтобы она еще лучше пропиталась водой. На следующий день делают кирпичи. Для этого глиной заполняют специальную форму — *кирпич калабы*. Затем форму снимают, и после просушки кирпич готов к употреблению. В освободившуюся форму закладывают новую порцию глины. Сушка длится около 8—10 дней, причем кирпич для равномерного просыхания регулярно переворачивают. В некоторых местах, в зависимости от качества почвы, солому или совсем не добавляют в глину или добавляют очень мало.

Размеры кирпича в разных местах Турции различны. Так, в районе Анталы кирпич имеет размеры 25×18×12 см. Для упрочения связи между кирпичами употребляют кирпич двух размеров, из которых один — *ана* кирпич вдвое больше другого — *кузу* кирпич. Наиболее ходкие размеры большого кирпича 30×30×12 см, маленького — 30×15×12 см³⁰. Кирпич используется для строительства наружных и внутренних стен жилых домов и хозяйственных построек, для заборов, загонов и т. д. Способы кладки стен самые разнообразные, они зависят в первую очередь от размеров кирпича и ряда других условий. Раствором,

²⁹ Т. Eşberk, Türkiye'de köylü el sanatlarının mahiyeti ve ehemmiyeti, Ankara, 1939, стр. 138; R. Kafesçioğlu, Orta Anadolu'da köy evlerinin yapısı, İstanbul, 1949, стр. 9; B. Newman, Turkish Crossroads, стр. 51; N. Erdentuğ, Hal köyünün etnolojik tetkiki, стр. 26; S. Oğan, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 7—8. — Применение глины, а также кирпича-сырца в строительстве известно во всей Передней Азии с очень давних эпох (V тысячелетие до н. э.). См.: «Всемирная история», т. I, М., 1955, стр. 127. Недавние раскопки древнего города периода неолита в Чатал-Хейюк (вилайет Конья) отодвигают применение глины как строительного материала к VII тысячелетию до н. э. См. J. Mellaart, Excavations at Çatal-Höyük, — «Anatolian Studies», 1962, vol. XII, стр. 46. Под кирпичом мы подразумеваем кирпич-сырец в отличие от обожженного кирпича *тула*.

³⁰ Т. Eşberk, Türkiye'de köylü el sanatlarının mahiyeti ve ehemmiyeti, стр. 138—139; R. Kafesçioğlu, Orta Anadolu'da..., стр. 9—10; S. Oğan, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 7; X. de Planhol, De la plaine Pamphylienne..., стр. 255. — Добавление в глину соломы для прочности отмечается в Малой Азии уже в VII тысячелетии до н. э. См. J. Mellaart, Excavations at Çatal-Höyük..., стр. 46.

употребляемым при кладке стен, служит та же глина или необожженная известь.

При кладке стен из кирпича и камня на определенном расстоянии делают горизонтальные деревянные прокладки *хатыл* из бревен диаметром от 6 до 10 см. Длина их около полутора-двух метров. Их кладут впритык друг к другу и таким образом опоясывают весь дом. Первый ряд прокладок обычно устанавливают между фундаментом и началом кладки стен. Последний и самый высокий прокладывают между бревнами потолка и стеной. Иногда бывает еще один-два ряда прокладок на уровне верхней и нижней частей рамы окон. Прокладки делают для выравнивания стены, упрочения связи и укрепления ее. Отметим, что такие прокладки употребляют также на Кавказе: их применяют строители домов в Армении и в ряде других районов; они играют роль антисейсмических поясов³¹.

В старых постройках иногда встречается особый вид кладки стен, у которых середина заполнена обломками кирпича и глиной. Толщина этих стен колеблется между 80—100 см. Строительство их требует большого мастерства и умения, так как если глина не заполнит все полое пространство внутри стены, то последняя быстро разрушится. Другой способ возведения стен состоит в том, что небольшие жерди *чыта* длиной 2—3 м, толщиной 0,5—1 см и шириной в 2—3 пальца (один палец — *чубук*) устанавливают вертикально на расстоянии 0,5—1 см и промежутики замазывают глиной, которую смешивают с соломой или пеньковой коноплей. На расстоянии 5 см ставят другой такой ряд *чыта* и быстро заполняют глиной. Такие сооружения можно видеть в Бурдуре и ряде других мест в Турции. По утверждению Кс. де Пляноля, это очень подходящие строения для сейсмических районов³².

Кирпичную стену с внешней и внутренней сторон иногда штукатурят, а поверх штукатурки внутри жилых помещений в некоторых случаях белят известкой *бейаз чамуру*, там, где она есть в Малой Азии³³.

Кирпичная стена быстро поргится от сырости и подземных вод, поэтому фундаменты *темель* делают из камня. В ряде же деревень Центральной Анатолии, где нет камня, фундамент выкладывают из больших кусков дерна *чемен*. Употребление в качестве строительного материала для фундамента домов дерна представляет чрезвычайно интересную деталь, так как почти не находит аналогичных случаев в других странах Передней и Средней Азии. Об употреблении в фундаменте дерна у нас есть свидетельство только одного турецкого автора. Архитектор С. Оран говорит, что вместо камня в некоторых деревнях Центральной Анатолии кладут в фундамент земляные блоки *топрак блоklar*, которые вырубают вместе с дерном. Эти блоки называют *чемен*. Так, в деревне Татлыджак (вилаyet Кonya) большинство фундаментов домов сделано из дерна. Такие фундаменты, по свидетельству жителей, прочны и долговечны³⁴.

³¹ М. Н. Насирли, Сельские поселения и крестьянские жилища Нахичеванской АССР, Баку, 1959, стр. 85; Э. Н. Акопян, Архитектура народного жилища Аштаркарского района, Ереван, 1964, стр. 108 (на арм. яз.).

³² X. de Planhol, De la plaine Pamphylienne..., стр. 257; R. Kafescioğlu, Orta Anadolu..., стр. 19—21, 27—28; N. Erdentuğ, Hal köyünün etnolojik tetkiki, стр. 26, — такие сооружения напоминают отчасти каркасные дома, распространенные у народов Средней Азии.

³³ S. Oğan, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 8. — Дж. Милларт сообщает, что стены домов неолитического города Чатал-Хейюк (VII тысячелетие до н. э.) тщательно оштукатурены. См. J. Mellaart, Excavations at Çatal-Höyük..., стр. 46.

³⁴ S. Oğan, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 7, 51. — Надо сказать, что в Средней Азии ферганские строители в некоторых местах употребляют для кладки стен верхний слой земли, проросший дерном, — *чим*. Они вырезают пласты земли около

Фундамент же из камня разрушается быстро, так как его делают небрежно, без учета сопротивления земли, тяжести постройки и т. д. Камень, идущий на строительство фундамента, как правило, не обрабатывают, его употребляют без всякого отбора по размерам, пригодности и т. д. Процесс сооружения фундамента простой. Собирают камни разных размеров, булыжники и сваливают их в котлован глубиной не более одного метра. Материалом, скрепляющим камни друг с другом, служит глина и известь. Высота цоколя фундамента колеблется от 0,3 до 1 м над уровнем земли, причем высота над землей и глубина ямы для фундамента зависят в первую очередь от наличия достаточного количества камней и увлажненности почвы³⁵.

В горных местах Турции, на песчаных почвах, там, где мало глины и леса, дома и хозяйственные постройки делают из камня. Дома воздвигают из камня, большей частью необработанного, собранного на склонах гор, в речных руслах, и вследствие этого имеющего самые различные формы и размеры. Стену выкладывают в два ряда, между ними заливают глину с песком и щебнем, необожженную известь. В настоящее время, отмечает Кс. де Пляноль, камень постепенно вытесняет другие строительные материалы и в первую очередь дерево. Это явление особенно заметно в последние полвека³⁶.

Характерным для Турции типом каменных строений является дом, нижний этаж которого делают из камня, а верхний — из кирпича или дерева. Камень также обрабатывают мало или совсем не обрабатывают. Между рядами камней делают деревянные прокладки. Большинство домов деревень Эдже, Сазак, Кылджан и других (Юго-Западная Анатолия) имеет внизу каменную кладку (до 1 м высоты), а выше — кирпичную. В облицовке рам, балконов и других элементов дома также употребляют дерево³⁷.

Таким образом, сельские жилища современной Турции, в зависимости от вида основного строительного материала, можно разделить на следующие типы: деревянные (бревна или доски), кирпичные, каменные и смешанные (камень и кирпич или камень и дерево). Два последних типа домов в настоящее время вытесняют деревянные и кирпичные.

Типичной для турецкого дома является плоская земляная крыша *дам*, нижняя часть которой служит одновременно потолком комнаты *таван*. Она состоит из трех основных частей: потолочных балок *кириш*, держащих на себе всю тяжесть земляной крыши; прослойки из досок, тонких веток или камыша *тава*, *дешеме*, удерживающих землю на крыше, и верхнего довольно толстого слоя земли *топрак*, который не пропускает воду.

Потолочные балки, предназначенные нести на себе большой слой

30 см в поперечнике и выкладывают из них стены. Затем покрывают стены штукатуркой. А. К. Писарчик подчеркивает, что в местах с особой засоленностью почвы и высоким стоянием грунтовых вод (подчеркнуто нами. — В. К.) стены из гувалья быстро разрушаются, а поэтому их делают из пластов имеющегося в изобилии дерна *чим*. А. К. Писарчик, Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX — начале XX в., — «Среднеазиатский этнографический сборник», М., 1954, вып. I, стр. 235—236, 257.

³⁵ R. Kafesçioğlu, Orta Anadolu..., стр. 12.

³⁶ X. de Planhol, De la plaine Pamphylienne..., стр. 256—257; N. Helburn, A Stereotype of Agriculture in Semiarid Turkey, — «Geographical Review», July, 1955, стр. 376; X. de Planhol, La vie de montagne dans les Sandras dag (Carie meridional — Turquie), — «Revue de géographie alpine», 1954, т. XIII, № 4, стр. 668; S. Oran, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 6; N. Berkes, Bazı Ankara köyleri... стр. 91; R. Kafesçioğlu, Orta Anadolu..., стр. 33.

³⁷ N. Berkes, Bazı Ankara köyleri..., стр. 91; R. Kafesçioğlu, Orta Anadolu..., стр. 34.

земли, делают из толстых бревен диаметром 15—25 см. Их кладут на верхний ряд горизонтальных прокладок стены или же, если есть опасение, что последняя не выдержит тяжести крыши, на столбы *дирек*, которые ставят рядом. Балки кладут одну от другой на расстоянии 30—50 см. Для того чтобы в промежутки не проваливалась земля, на потолочные балки стелят плотную тонкие ветки *даллар*, связки камыша *саз деметлери* или циновки из него *хасыр*. Снизу, со стороны потолка, промежутки между этими балками иногда замазывают глиной и штукатурят.

Вместо веток употребляют ровно подогнанные друг к другу жерди диаметром 4—5 см. Их кладут по диагонали, что придает потолку красивый вид. Такая кладка имеет на турецком языке поэтическое название — *кырлангыч канады* или *кырлангыч куйругу* («ласточкино крыло» или «ласточкин хвост»).

В ряде районов, например в вилайетах Анталыя, Бурдур, Испарта, для прочности крыши (она несет большую тяжесть — глину) посредине ее укладывают толстую центральную потолочную балку *месет*, а иногда и две такие балки *йуварлама* (последние характерны для домов в вилайетах Чорум, Чанкыры и др.). В таких случаях другие потолочные балки *метрек* кладут поперек, и они опираются на центральные балки.

Верхняя часть крыши — земля, основное назначение которой сохранять тепло и не пропускать воду. Толщина слоя земли (15—20 см) колеблется в зависимости от содержания в ней глины, ее водонепроницаемости, количества осадков в данной местности и т. д. Земляная крыша требует тщательного наблюдения, ремонта и ухода за ней. В период дождей ее нужно часто утрамбовывать специальным камнем в виде цилиндра *дам тасалары*, *йювак*, чтобы воспрепятствовать большому уносу земли потоками воды. В Юго-Западной Анатолии землю на крыше трамбуют после каждого сильного дождя цилиндрическим камнем, который называют *йу(гг)у ташы*. Чтобы землю укрепить, ее иногда сверху обмазывают тонким слоем глины с добавлением соли. Зимой крестьянин вынужден сбрасывать снег, не дожидаясь, когда он растает.

Чтобы вода быстрее стекала с крыши, в среднюю часть ее под землю кладут основательный слой камыша, постепенно уменьшая его к краям. Таким образом создается некоторая покатость крыши.

Менее характерны для современной Турции дома, крыши которых покрыты только камышом или соломой — *саз эви*. В таких домах поверх жердей или досок уложен слой камыша или соломы толщиной до 10 см. По свидетельству Кс. де Пляноля, такие крыши в настоящее время уходят в прошлое. В деревнях Гындыры и Думанлар в долине р. Аксу (вилайет Анталыя) дома с камышовой крышей исчезли четверть века назад. Это понятно, так как крыши из камыша недолговечны. Минимум раз в два года камыш или солому нужно менять.

Переходной ступенью между земляной и камышовой крышами является крыша, которую делают следующим образом: поверх потолочных балок или жердей кладут глину, а на нее уже слой соломы. Такие крыши есть в деревне Аладжа, исследуемой Х. З. Кошаем.

Если описанные выше типы крыш характерны в Турции для домов кирпичной или каменной кладки, т. е. для деревень в долинах или в безлесных горах, то плоские крыши деревянных бревенчатых домов лесных зон сделаны большей частью из досок или коры сосен *йонга*. На такую крышу кладут большие камни, чтобы ее не унес сильный ветер.

Все перечисленные традиционные типы крыш в настоящее время сохраняются только в бедных малосильных хозяйствах Турции. Выст-

роенные за последние годы крестьянские дома, особенно зажиточных семейств, имеют уже двускатные крыши *чаты*, покрытые не землей, а черепицей *киремит* (греч.). На такие крыши идет гораздо меньше пиломатериалов, их вес уменьшается, они требуют незначительного ухода. Кс. дё Пляноль говорит, что черепичная крыша — символ улучшения жизни турецких крестьян. Однако на деле они встречаются только у одного-двух богатеев в каждой деревне³⁸.

У большинства соседних с турками Анатолии народов традиционным типом крыши сельского дома также является плоская земляная крыша. Характерна она и для народов Средней Азии³⁹. Это позволяет нам сделать вывод о том, что у древних народов Малой Азии, наследниками которых являются турки, существовали тесные культурные связи с народами сопредельных стран.

Пол *дёшеме*, как у жилого дома, так и у хозяйственных построек большей частью земляной. Его ровняют, покрывают слоем глины в 6—8 см. При уборке такой пол слегка спрыскивают водой и подметают. В двухэтажных домах пол делают точно так же, как плоскую земляную крышу⁴⁰. В старых сельских домах окон не было. Комната освещалась через дымовую дыру в потолке, а также через открытую дверь. Крестьяне деревни Аладжа объясняют, что они по лучу солнца в дыре потолка определяют время. Эти душные, с низкими потолками и без окон дома гурецкий исследователь Я. Даглар справедливо назвал «домами-могилами». Если же в доме и были окна, то очень маленькие и без стекол. Последние заменяла деревянная решетка *така* и промасленная бумага. Н. Эрдутуг пишет, что в деревне Хал (вилает Элязыг) до недавнего времени вместо оконных стекол применялась промасленная бумага. Автор добавляет, что она употребляется и сейчас в некоторых районах Турции. Освещение комнаты через отверстие в потолке характерно для многих народов Передней Азии, Закавказья и Средней Азии. Н. А. Кисляков отмечает, что у горных таджиков Хингоу отверстие в потолке служило солнечными часами⁴¹.

Абдюлькадир (Инан) сообщает, что в Трабзоне и его окрестностях при постройке нового дома принято класть в яму под фундамент золотые или серебряные монеты «на счастье». Против «сглаза» в домах вешают чеснок и голубые бусы, а на внешней стороне дома, обращенной

³⁸ А. Д. Новичев, Турция. Государственный строй. Экономика. Этнография, Тбилиси, 1942, стр. 143; X. de Planhol, La vie de montagne..., стр. 668; R. Kafesçioğlu, Orta Anadolu..., стр. 44—61; S. Öran, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 6—7; Y. Dağlar, Köylerimizden örnekleri..., стр. 68—70; N. Erdentuğ, Hal köyünün etnolojik tetkiki..., стр. 26—27; N. Berkes, Bazı Ankara köyleri, стр. 92; X. de Planhol, De la plaine Pamphylienne..., стр. 259—262.

³⁹ Н. А. Кисляков, Жилище горных таджиков бассейна реки Хингоу, — СЭ, вып. II, 1939, стр. 155; его же, Персы, — СЭ, 1953, № 3; З. А. Никольская, Из истории аварского жилища, — СЭ, 1947, № 2; Б. А. Колоев, Поселение и жилища агулов, — «Краткие сообщения Института этнографии», № 23, 1955, стр. 39; М. Н. Насирли, Сельские поселения..., стр. 87—88.

Плоская земляная крыша была у домов древнего города Чатал-Хейюк периода неолита (VII тыс. до н. э.). См. J. Mellaart, Excavations at Çatal-Höyük..., стр. 46.

⁴⁰ R. Kafesçioğlu, Orta Anadolu..., стр. 64; Y. Dağlar, Köylerimizden örnekleri..., стр. 86.

⁴¹ Н. З. Коşay, Alaca-Höyük..., стр. 16; Y. Dağlar, Köylerimizden örnekleri..., стр. 6, 18, 29; N. Erdentuğ, Hal köyünün etnolojik tetkiki..., стр. 27—28; N. Berkes, Bazı Ankara köyleri..., стр. 91; Н. А. Кисляков, Жилища горных таджиков, стр. 155; Б. А. Колоев, Поселение и жилища агулов, стр. 40; «Народы Кавказа», Этнографические очерки, М.—Л., т. II, 1962, стр. 102, 495, 497; О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова, Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955, стр. 98; Жак Велерс, Крестьяне Сирии и Ливана, стр. 240; Т. Ф. Аристова, Очерк культуры и быта курдских крестьян Ирана — «Переднеазиатский этнографический сборник», М., 1958, вып. I, стр. 233.

на улицу, пишут выдержки из Корана. Над входом вешают рога какого-либо животного. Эти обычаи, как утверждает автор, распространены почти по всей Турции⁴².

Крестьянская усадьба в Турции состоит из жилого дома *эв*, двора *авлу*, хлева для скота *ахыр* и сеновала для хранения сена и соломы *саманлык*. Кроме того, в деревнях со скотоводческим уклоном встречаются открытые сверху или с навесом загоны — *агыл* для летнего содержания скота. Могут быть также навесы для сельскохозяйственных орудий и машин. Домашнюю птицу держат в птичниках *кюмёс*.

В зависимости от расположения дома, хлева и сеновала крестьянские усадьбы турок можно разделить на четыре группы.

Особенность первой группы заключается в том, что дом, хлев, а иногда и сеновал составляют одно целое, расположенное под одной крышей. Такая компоновка крестьянского хозяйства типична для многих районов Турции и, как нам кажется, наиболее старая. Простым и древним типом такого жилого помещения являются однокамерные строения, в которых живут члены семьи и их скот. Н. Эрдутуг сообщает, что в деревнях бассейна реки Муратсу такие строения не являются редкостью. Люди живут вместе со скотом в большинстве домов вилайетов Карс, Эрзерум и ряде других. Однокамерные строения были и в исследуемой ею деревне Хал: скот размещался в одном углу комнаты и был отгорожен деревянной решеткой, а люди жили в другом углу. П. Нейман указывает, что в подобных жилищах обитают наиболее бедные в деревне семьи. Н. Эрдутуг считает, что такие дома были очень распространены в Турции в прошлом, но в начале нынешнего века начали исчезать. Надо сказать, что в Турции сохранились и более древние дома, похожие на первобытные жилища-пещеры⁴³.

У многих соседних с турками народов также сохранились однокамерные жилища и, как правило, они принадлежат беднякам. Ж. Велерс, описывая жилища крестьян Сирии и Ливана, сообщает: «Повсюду обнаруживается одна и та же упрощенная планировка, различия в которой зависят только от степени зажиточности или бедности крестьянских семейств... Здесь наблюдается прежде всего простейший дом самых бедных феллахов, сводящийся к одной комнате — и для семьи, и для скота, и для запасов». То же самое можно было сказать о жилищах народов Средней Азии, построенных до Великой Октябрьской социалистической революции⁴⁴.

Более совершенными жилищами в Анатолии являются двухкамерные строения, у которых хлев отделен от людского помещения. Однако вход еще очень часто бывает общим. Так, в деревне Ансары (вилайет Конья) у многих крестьянских усадеб жилое помещение и хлев находятся под одной крышей, имеют один вход. Надо пройти хлев, чтобы попасть в жилую комнату. Часто в хлеву же, перед входом в комнату, находится небольшое возвышение, на котором расположен очаг, обогревающий как комнату, так и хлев. Общий вход имеют хозяйства деревни Араплар (вилайет Кайсери). Правда, в некоторых домах при входе есть небольшой коридор с двумя дверками, одна из которых ведет в жилую комнату, а другая — в хлев. Э. Н. Акопян сообщает, что у

⁴² Abdülkadîr (Inan), Birinci ilmi seyahate dair rapor, İstanbul, 1930, стр. 3.

⁴³ N. Erdentug, Hal köyünün etnolojik tetkiki..., стр. 28; H. Z. Koşav, Alaca Höyük, стр. 37; S. Organ, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 14—28; P. Newman, Turkish Crossroads, стр. 52; X. de Planhol, De la plaine Pamphylie..., стр. 258.

⁴⁴ Жак Велерс, Крестьяне Сирии и Ливана, стр. 240; О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова, Прошлое и настоящее селения Айкыран..., стр. 98; К. Г. Каракашлы, Материальная культура азербайджанцев, стр. 68—69.

древних армян жилое помещение также непосредственно сообщалось с хлевом с целью экономии топлива в зимние холода⁴⁵.

Эти жилища также старые. Они сохранились с тех времен, когда люди и домашние животные проводили зимнее холодное время в одном помещении и таким образом обогревали друг друга.

Ко второй группе крестьянских домов относятся двух-трехкамерные жилища, у которых одна или две комнаты и хлев для скота находятся рядом, но имеют отдельные крыши. В них нельзя сразу же из хлева пройти в жилую комнату. В домах этой группы, как и предыдущей, хлев и сеновал расположены на северной стороне, а жилье для людей — на южной. Это защищает жилое помещение от холодных северных ветров.

Надо отметить, что из-за климатических, а также социально-экономических причин дома обоих типов нередко как бы зарыты в землю. В Восточной Анатолии, говорит Х. Сарачоглу, дома довольно глубоко зарыты в землю, так как у крестьян не хватает строительных материалов, а также, по их мнению, это спасает их от холодных зимних ветров. Одноэтажные, врытые в землю дома характерны для Центральной Анатолии. В настоящее время в таких домах в Турции живет сельская беднота⁴⁶.

Характерной чертой третьей группы жилищ в Турции является двухэтажность. Жилые помещения находятся на втором этаже, а хозяйственные — хлев, сеновал и другие — в нижнем, полуподвальном. Это наиболее распространенный в настоящее время тип сельских жилищ турок. Я. Даглар, Кс. де Пляноль и другие исследователи турецкой деревни отмечают, что их строительство особенно развернулось в республиканский период. Так, деревня Кечиллер (вилайет Кютахья) была сожжена во время национально-освободительной войны 20-х годов. В настоящее время она полностью отстроена, и все дома в ней двухэтажные. Я. Даглар называет такие строения домами городского типа. В горных деревнях они составляют около трети всех домов, в долинных — почти половину⁴⁷.

Кс. де Пляноль встретил в деревне Соргун у реки Манавгат дом, который сначала был одноэтажный, а затем (очевидно, с ростом семьи) в результате надстроек и перестроек стал двухэтажным. Он же подчеркивает, что на распространение двухэтажных домов, третьего, по нашему делению, типа, не влияют географические факторы и в одной и той же деревне можно встретить как одноэтажные, так и двухэтажные дома⁴⁸. Само собой напрашивается вывод, что эти типы домов в первую очередь отражают социально-экономическое расслоение в среде турецкого крестьянства. Низкие, врытые почти наполовину в землю одноэтажные дома с маленькими «слепыми» окнами представляют собственность бедняка, большей частью издольщика. Двухэтажные дома принадлежат в основном середнякам и кулацкой прослойке в турецкой деревне. Н. Беркес прямо пишет, что в зажиточных деревнях встречаются двухэтажные дома, а в остальных — одноэтажные⁴⁹. Отметим, что разме-

⁴⁵ Э. Н. Акопян, Архитектура народного жилища, стр. 27, 107, S. Oğan, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 14, 22; X. de Planhol, De la plaine Pamphylienne..., стр. 275; N. Erdentug, Hal köyünün etnolojik tetkiki..., стр. 28; H. Z. Koşay, Alaca-Höyük, стр. 15—16.

⁴⁶ S. Oğan, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 19—71; H. Saraçoğlu, Doğu Anadolu..., стр. 464; X. de Planhol, De la plaine Pamphylienne..., стр. 246.

⁴⁷ S. Oğan, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 72—114; Y. Dağlar, Köylerimizden örnekleri..., стр. 88.

⁴⁸ X. de Planhol, De la plaine Pamphylienne..., стр. 264—266.

⁴⁹ N. Berkes, Bazı Ankara köyleri..., стр. 92.

щение жилых комнат на втором этаже, а хозяйственных помещений — на первом характерно для многих народов, соседствующих с турками. Такие дома, например, имеются у армян⁵⁰. Можно предположить, что они характерны для народов Восточного Средиземноморья и Закавказья.

Отдельное расположение скотного двора и жилого дома, характерное для четвертой группы крестьянских усадеб, не является типичным для местного турецкого крестьянства. Эта планировка встречается в деревнях, где живут татары, переселенцы из Крыма и Румынии, или так называемые черкесы: кабардинцы, карачаевцы и другие выходцы с Кавказа. Планировка крестьянских дворов с отдельным расположением жилого дома и скотного двора встречается среди относительно недавно основанных турецких деревень, а также среди построенных за последние годы усадеб в старых деревнях.

Указать на определенную ориентацию домов в сельских местностях Турции в настоящее время невозможно из-за отсутствия достаточных сведений. Однако исследования в этой области смогли бы помочь разграничить жилища недавних поселений кочевников от домов давно осевших земледельцев. Как сообщает Кс. де Пляноль, кочевники ставят свои палатки строго на юг. Большая часть домов в Каратепели, а также в деревне Баглум (вилайет Анкара) тоже ориентирована на юг, так как здесь живут недавно осевшие кочевники. В домах же древних поселений ориентировка строго на юг необязательна. Так, в районе Могла дома расположены фасадом на восток, и т. д.⁵¹

Хозяйственный двор, как уже говорилось выше, является неотъемлемой частью крестьянской усадьбы. Он объединяет все жилые и другие постройки, имеющиеся в одном хозяйстве. Двор же служит местом хранения сельскохозяйственных орудий, повозок и т. д. Некоторые дворы, как например в деревне Арапорен (вилайет Эскишехир), целиком покрыты навесом. В других случаях двор только частично имеет навес. Такой навес *сюндюрме*, служащий летом для укрытия скота и снабженный даже яслями, встречается в деревне Кызылджавиран (вилайет Эскишехир). Под этим навесом хранятся сельскохозяйственные орудия, повозки. Иногда же навес, как в деревне Туркмен (вилайет Эскишехир), служит для укрытия мелкого рогатого скота зимой. Такой навес называют *тавлар*. С. Оран пишет, что *тавлар* известен с давних пор турецким кочевникам-юрюкам как средство защиты скота от морозов. В турецком и староосманском языках *тавла* — «конюшня». В литературе существует и другое предположение, что *тавлар* произошло от слова *авлар* «снабженный забором сад», «двор», которое в свою очередь произошло, по А. Титце, от греческого *αυλα* «большой двор»⁵². Возможно, в современном турецком языке эти значения слились. Во дворе может находиться колодец *куйу*, навесик для хранения дров и кизяка на топливо, птичник *кюмёс*, а также пасека *каванлык*⁵³.

Усадьбы, в которых жилой дом и хлев расположены отдельно, имеют два двора: передний двор *ен авлу*, где находятся жилые помещения — кухня, амбары, и т. д., и задний двор *арка авлу*, вокруг которого сгруп-

⁵⁰ Э. Н. Акопян, Архитектура народного жилища, стр. 39—40, 50, 53, 107.

⁵¹ X. de Planhol, De la plaine Pamphylienne..., стр. 278; Dr. Esad, Magla (Manisa) Sancı, стр. 77; S. Demirkan, Bağlum köyünde köylü işletmesi anketi, — «Sosyoloji dergisi», 1952, № 7, стр. 23, 31; S. Oran, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 13, 29; A. R. Yalçın, Toroslarda Karatepe bölgesi, стр. 20.

⁵² A. Tietze, Griechische Lehnwörter im Anatolischen Türkisch, — «Orient», 1955, Bd 8, № 2, стр. 213; S. Oran, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 36.

⁵³ S. Oran, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 14, 18, 31, 37, 40, 41, 52, 56, 96.

лированы сеновал и хлев. Такие два двора есть в деревнях Ченгыш, Магбашы (вилайет Эскишехир) и в других местах⁵⁴.

Возле каждого крестьянского дома имеется скотный двор, хлев *ахыр* и место для хранения сена и соломы *саманлык*. Их делают всегда рядом, и они обязательно сообщаются между собой. Хлев занимает довольно большое помещение в усадьбе. Как правило, в одном хлеву содержат весь скот: и крупный рогатый и мелкий. Отдельную конюшню делают только для лошадей, так как они бывают лишь у богатей. Вдоль стен хлева расположены ясли из камня или дерева *йемлик*. В деревнях горных местностей иногда встречаются хлев и сеновал, врубленные в скалы, как например в деревне Араплар (вилайет Кайсери)⁵⁵.

Лишь в богатых домах есть отдельное помещение для приготовления пищи — кухня *ашхане*, *мутфак* с очагом, специально приспособленным для варки. Выпечку хлеба производят в специальной печи *тандыр*. Ее делают или в помещении или просто под навесом. Обычно это цилиндрической формы, несколько расширяющаяся книзу яма, с подземным ходом, подающим воздух для поддержания горения. Встречаются *тандыры*, выступающие над землей и сделанные из песка и глины. *Тандыры* есть не у всех семей деревни. Большей частью они собственность богатей, а иногда — собственность деревенской общины⁵⁶. В районе Карса *тандыры* делают мастера-уста, причем, как правило, женщины⁵⁷.

Обычно рядом с кухней или другим местом, где готовят пищу, находится помещение, которое предназначено для хранения зерна *амбар* и других съестных припасов *килер*, *эрзак*. Иногда просто в том же помещении, где варится пища, есть место, отгороженное досками или кирпичами, в котором хранят зерно и другие припасы. Осенью здесь появляются связки лука, чеснока, перца, дыни, арбузы, виноград и другие овощи и фрукты, заготовленные на зиму⁵⁸.

Мы уже говорили, что двор является непременной частью каждого крестьянского хозяйства. Однако встречаются, особенно в горных районах Турции, усадьбы, где или совсем нет двора, или он очень мал и служит только загонном для скота. Отметим, что отсутствием дворов, как правило, в тех хозяйствах, где основным занятием населения является скотоводство. Например, жители деревни Кайы раньше занимались только скотоводством, да и теперь у многих из них есть довольно большое поголовье овец и баранов. В этой деревне нет хозяйственных дворов, но зато, кроме хлева, есть еще крытый загон *агыл*, где зимует мелкий рогатый скот⁵⁹.

Турецкий крестьянский дом имеет одну, реже две, жилые комнаты. Как мы указывали выше, в жилых комнатах нет больших окон. На улицу обычно смотрят узкие, пропускающие мало света щели, обращенные на юг. С целью экономии топлива комнаты делают невысокими. В среднем их высота колеблется от 2 до 2,35 м. Старые, дореволюционной постройки дома узбеков Ферганской долины имеют такую же высоту⁶⁰.

⁵⁴ Там же, стр. 160—161, 165—167.

⁵⁵ S. Oğ an, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 14, 18, 22, 25, 29, 36, 40, 45, 52, 60. — Известно, что верблюдов нельзя держать вместе с овцами. Однако турецкие крестьяне, за исключением некоторых кочевых и полукочевых племен, верблюдов не имеют.

⁵⁶ Там же, стр. 26, 99.

⁵⁷ M. Kö se, Tandır, — «Türk folklor araştırmaları», 1965, № 189, стр. 3714—3715.

⁵⁸ H. Z. Koş a y, Alaca-Höyük, стр. 16; S. Oğ an, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 14, 22, 29, 36, 51 и сл.

⁵⁹ S. Oğ an, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 60—61.

⁶⁰ Там же, стр. 18—10, 22, 26, 105; О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова, Прошлое и настоящее селения Айкары, стр. 98. — К сожалению, у нас нет более обширных сведений об устройстве окон и дверей в турецком доме.

У турецкого жилого дома (кроме домов первого типа) почти всегда имеется прихожая, передняя *аралык*, *хайат*, *мабейин*. Входя с улицы или со двора, сначала попадаешь в эту прихожую, которая ведет в комнату. Зачастую одна, две или даже три стороны ее не имеют стен, тогда получается своеобразная терраса *хайат*, *чердак*, *ханей*, которая есть у многих народов Востока, в том числе у народов Средней Азии⁶¹.

Как правило, в комнате расположен очаг *очак*. Если он сооружен посредине комнаты, напротив входа, и не имеет трубы, то дым выходит через отверстие в потолке, если же он сделан в виде камина в нише одной из стен, тогда у него есть дымовая труба. Турецкий исследователь М. Алпай считает, что очаги с дымовыми трубами в современной Турции более характерны для новых деревень. Очевидно, обычай сооружать очаг посредине помещения остался у турок от тех времен, когда они были кочевниками и устраивали очаг посредине шатра⁶².

М. Алпай сообщает, что в Восточной Анатолии очаг, расположенный посредине комнаты, в отличие от других районов страны называют *тандыр*. Сделан он из глины и углублен на 40—50, иногда до 80 см в пол. Для тяги он имеет в полу сквозной ход, который выходит под стеной наружу. После того как тандыр истопят, отверстие затыкают тряпкой. Дым же от топки уходит через потолочное отверстие. На тандыр ставят ящик в виде табурета, накрывают его кругом одеялами, ложатся под них, ногами к очагу. Так же греются и спят зимой курды, армяне и многие народы Передней и Средней Азии⁶³.

В богатых домах (большей частью городских), которые имеют несколько комнат, а также в южных теплых районах страны турки употребляют для обогрева специальную жаровню *мангал*. Такие жаровни имеют разное устройство. Самая простая из них по форме напоминает глиняный горшок со сквозными отверстиями для тяги. Наиболее совершенная представляет собой массивный круглый или четырехугольный мангал из меди⁶⁴. Накладывают уголь в жаровни специальными щипцами и совком, а для раздувания огня широко используют веер в виде флага на деревянной ручке⁶⁵.

Очаг и жаровню используют также для приготовления пищи. На очаг кладут два-три камня, а на них ставят железный треножник *сай-аджак*. В жаровню также ставят небольшой треножник *сачайагы*. Если очаг находится в нише стены, то вокруг него расположены полки с кухонной посудой, запасы пищевых продуктов, а сверху, горизонтально полу, висит шест, на котором зимой сушат намокшую одежду⁶⁶.

В настоящее время в быт турецкой деревни начинают проникать печки из кровельного железа с железными трубами (типа русских «бур-

⁶¹ А. Д. Новичев, Турция..., стр. 142; S. Oğat, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 22, 25, 29, 40, 45, 67 и т. д.; В. Л. Воронина, Материалы по народной архитектуре Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР, — «Среднеазиатский этнографический сборник», М., 1959, вып. II, стр. 305, 334.

⁶² Махмуд Макал, Наша деревня. Записки турецкого учителя, М., 1951, стр. 17; N. Berkes, Bazı Ankara köyleri..., стр. 94; X. de Planhol, De la plaine Pamphylieenne..., стр. 278; K. Güngör, Cenebi Anadolu yürüklerinin etnoantropolojik tetkisi, Ankara, стр. 49. — К. Т. Каракашлы считает, что открытый очаг посредине комнаты характерен для оседающего кочевника. Он же сообщает, что у азербайджанцев имеются также камины. См.: К. Т. Каракашлы, Материальная культура азербайджанцев..., стр. 106—107.

⁶³ Махмуд Макал, Наша деревня..., стр. 70—71. M. Z. Oğal, Selçuk devri yemekleri ve ekmekleri, — «Türk etnografya dergisi», 1956, sayı I, стр. 75.

⁶⁴ «Фонды отдела Передней и Средней Азии МАЭ», № 291—1, 3489—17.

⁶⁵ Там же, № 3273—22, 3273—23.

⁶⁶ Там же, № 3273—39; A. R. Yalçın, Toroslarda Karatepli bölgesi, стр. 27; H. Z. Koşay, Alaca-Höyük, стр. 18.

жук») ⁶⁷. Они находят все более широкое применение, так как очень удобны: их легко изготовить, они не тяжелы и маневренны, быстро нагреваются и на них можно готовить. Однако пока такие печки являются признаком зажиточности семьи.

К очагу в Турции относятся с большим уважением, остерегаются осквернить его грязью, плевать в него и т. д. В Восточной Анатолии никогда не оставляют печь открытой после топки. Если ее нечем прикрыть, то для этого может пригодиться даже щепка. Абдулкадир Инан указывает на многие приметы, связанные с почитанием огня и очага. Такое отношение к огню и очагу является, очевидно, отголоском тех времен, когда турки считали огонь священным. Х. З. Кошай сообщает, что около очага на стене делают знаки из пяти пальцев и ладони *дини алямег* «знак божий!» ⁶⁸.

В настоящее время Турция значительно обезлесена. В связи с этим основным топливом в турецкой деревне служит навоз *тезек*. Его тщательно собирают, формуют и складывают в кучи для просушки.

Стены комнаты имеют небольшие углубления — ниши *ниш долап*, где хранятся вещи членов семьи. Почти во всех комнатах есть место, отведенное для сиденья днем и спанья ночью — *седир*. Оно несколько возвышается над общим уровнем пола. Отметим, что это очень древняя традиция в Малой Азии. При раскопках неолитического города Чатал-Хейюк (вилайет Конья) в домах обнаружены платформы для сиденья днем, работы и спанья ночью. Тут и вокруг очага кладут подушки цилиндрической формы *миндер*. В богатых домах Анкарского вилайета их дополняют шкуры ангорских коз, ковры и паласы.

Отдельное место отводят для складывания на день постельных принадлежностей: тюфяков *йатак*, одеял *йорган* и подушек *йастык*. Постельные принадлежности являются одним из основных элементов богатства турецкой крестьянской семьи: чем больше их, тем богаче считается семья. Каждая семья старается иметь по крайней мере один-два новых комплекта для гостей. Одеяла шьют из цветной материи или же вышивают. Днем постельные принадлежности покрывают специальным покрывалом *чаршаф*. Последнее стараются сшить из цветной шелковой материи. Тюфяки, одеяла и подушки в районах разведения хлопка набивают хлопком, в других местах — шерстью. В последнее время в турецкой деревне начали появляться деревянные и железные кровати. Пока они, как и железные печи, свидетельствуют о зажиточности семьи ⁶⁹.

Внутреннее устройство и меблировка жилой комнаты скромны. Отмечается, что в последнее время в домах турецких крестьян стало

⁶⁷ N. Berkes, Bazı Ankara köyleri..., стр. 94; N. Helburn, A Stereotype of Agriculture..., стр. 376.

⁶⁸ Н. З. Кошай, Alaca-Höyük, стр. 16; A. R. Yalğın, Toroslarda Karatepeli bölgesi, стр. 27; K. Kemal, Anadolu'nun Doğu ve Cenedoğusu, Ankara, 1933, стр. 56; Abdulkadir (Inan), Birinci ilmi..., стр. 1, 4—8; К. Иностранцев, Несколько слов о верованиях древних турок (отд. отт. из «Сб. Музея антропологии и этнографии», т. V, 1917 стр. 153—154); К. Т. Каракашлы, Материальная культура азербайджанцев..., стр. 110—116. Надо отметить, что знаки из пяти пальцев и ладони являются очень древними для Малой Азии. Они встречаются в раскопках в Чатал-Хейюк, относящихся к неолиту и медно-бронзовому веку.

⁶⁹ А. Д. Новичев, Турция, стр. 114; J. Mellaart, Excavations at Çatal-Höyük, стр. 46—47; N. Z. Koşay, Alaca-Höyük, стр. 87; S. Ögan, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 14, 18—19, 51, 55, 72, 80 и т. д.; N. Berkes, Bezi Ankara köyleri..., стр. 98; T. Yürükan ve T. Gebe, Çatak köyü araştırması..., стр. 10; К. Т. Каракашлы, Материальная культура азербайджанцев, стр. 105. — К сожалению, имеющаяся в нашем распоряжении литература ничего не сообщает о делении жилой комнаты крестьянского дома на хозяйственную и парадную половины. Деление на *сельмлык* (мужская половина) и *гаремлик* (женская половина) характеризует особняк кулака, помещика в деревне или турецкий городской дом.

значительно чище. Основной мебелью и одновременно украшением комнаты служат ковры. В богатых домах это знаменитые ворсовые турецкие ковры *халы*, у бедноты — большей частью поношенные старые безворсовые ковры или паласы *килим*, еще чаще — просто циновка из камыша *хасыр*.

Как новшество нужно отметить появление в некоторых домах, в основном у богатых, радиоприемников. Так как электричества в турецких деревнях нет и приемники работают на аккумуляторах, то там, где последние разрядились, радиоприемники служат только как украшение⁷⁰.

Освещаются турецкие крестьянские дома лучиной (в бедных хозяйствах) и керосиновой лампой (в богатых)⁷¹.

В домах зажиточных семейств рядом с жилой комнатой можно встретить небольшое помещение с отверстием в полу для стока воды. Это *гюсюльхана*, или *хаманлык*, — комната ритуального омовения⁷².

У зажиточных или многосемейных крестьян встречается отдельная летняя комната без очага *йазлык*, как например в деревне Ениджикая (вилайет Конья). Семьи, имеющие только одну комнату, летом спят на крыше или делают рядом с домом небольшой настил на сваях с навесом из веток *чардак*.

Замечательная черта турецкого народа — широкое гостеприимство — нашла свое отражение в планировке крестьянских дворов. Многие дома, главным образом зажиточных семей, имеют отдельную комнату для гостей *мисафирхана*. Она, как правило, изолирована от других жилых комнат дома, имеет отдельный вход, свой очаг, в ряде случаев рядом с *мисафирхана* расположено стойло для скота гостя. Так, комната для гостей в одном из дворов деревни Татлыджык (вилайет Конья) изолирована от других жилых помещений. С целью экономии топлива она выходит прямо в хлев, от которого и обогревается. В некоторых деревнях для гостей имеется отдельное помещение с одной-двумя комнатами, которые принадлежат всей деревне⁷³.

В заключение можно сказать, что на турецких жилищах хорошо прослеживается постепенное историческое развитие типов крестьянских усадеб от простых и примитивных (первая и вторая группы) к более сложным и совершенным (третья и четвертая группы). Это развитие в первую очередь связано с общим подъемом культурного уровня турецкого крестьянства, а также социально-экономическими факторами. Оно ярко отражает процесс классовой дифференциации в современной турецкой деревне. Как правило, дома более старые и менее удобные для жилья заселены деревенской беднотой. Хозяевами новых благоустроенных усадеб являются представители кулацкой верхушки турецкой деревни. То же можно сказать о проникновении новых для быта сельских турок вещей: железных печей, кроватей, а также радиоприемников. Они, как уже указывалось, свидетельствуют о зажиточности и достатке в доме.

⁷⁰ Y. Dağlar, Köylerimizden örnekleri..., стр. 95.

⁷¹ Махмут Макал, Наша деревня, стр. 72; N. Z. Koşay, Alaca-Höyük, стр. 16; T. Yörükkan ve T. Gebe, Çatak köyü araştırması, стр. 10.

⁷² N. Berkes, Bazı Ankara köyleri..., стр. 96; T. Yörükkan ve T. Gebe, Çatak köyü araştırması, стр. 10.

⁷³ S. Oran, Orta Anadolu köylerinde..., стр. 51, 67, 81, 91.

М. Н. Серзбрякова

**О НЕКОТОРЫХ ПЕРЕЖИТКАХ
МАТЕРИНСКОГО РОДА И РАННИХ ФОРМ
СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ
У ТУРОК МАЛОЙ АЗИИ**

Исследованию пережитков материнского рода — важной научной проблеме, позволяющей пролить некоторый свет на ранние ступени в развитии человеческого общества, — посвящены многочисленные работы советских этнографов, освещающие эту проблему на примере народов Средней Азии, Кавказа, Сибири и др.

Данная статья является первой попыткой специального исследования в этой области на этнографическом материале малоазиатских турок.

Отдельные свидетельства существования в далеком прошлом у предков современных турок матриархального строя мы находим в афористическом фольклоре, в сложном комплексе свадебного ритуала, а также в турецкой терминологии родства.

Среди афористического турецкого фольклора обнаруживается ряд пословиц, отражающих понятия, по всей вероятности, возникшие в период существования матриархального строя¹.

Объяснить подобного рода пословицы господствующим ныне в Турции в области семейного быта патриархальным укладом не представляется возможным. В этих пословицах проявляется особо уважительное отношение к одному из родственников по материнской линии, а именно — к брату матери, или к дяде с материнской стороны (dayı). Приведем несколько подобных пословиц:

1. Dayısı olan dayısına dayanır «Имеющий дядю (брата матери) на своего дядю и рассчитывает» (Муст, стр. 94; Кер, стр. 47).

2. Eğri ağasa uyayım her gördüğüne dayım deme «Не называй кривое дерево развесистым, не обращай к каждому встречному: „Мой дядя (брат матери)“» (Муст, стр. 117).

3. Dayım kim gâvur kim belli değildir «Не разберешь — кто мой дя-

¹ В работе использованы наиболее известные сборники турецких пословиц и поговорок: Şinasi, *Durûb-i emsal-i Osmaniye*, İstanbul, 1287 г. х. (1870) (далее — Шин); Ahmet Vefik Paşa, *Muntehabat-i durûb-i emsal*, Atalar sözü (6. г. и м. изд.) (далее — Вэф); В. Гордлевский, *Образцы османского народного творчества*, М., 1916, стр. 176 (далее — Гордл.); М. Н. Bayrı, *İstanbul, folkloru*, İstanbul, 1947, (далее — Бай); М. N. Özön, *Türk ata sözleri*, İstanbul, 1952 (далее — Муст); Y. Kerimof, B. Şişmanof, *Ata sözleri ve özlü, sözler*. II изд., Sofya, 1960 (далее — Кер).

дя (брат моей матери), а кто неверный» (Муст, стр. 94; Шин, стр. 105)².

Во многих сборниках турецких пословиц встречается и следующая пословица: *Gayret dayıya düştü* «Все заботы свалились на дядю (брата матери)» (Муст, стр. 142; Шин, ۲۲۳; Кер, стр. 69). Существует и более полный вариант этой пословицы: *Kız kosaıncsa gayret dayıya düşer* «Когда девушка засиживается в девках (букв. 'старится'), все хлопоты сваливаются на дядю (брата матери)» (Муст, стр. 215; Шин, ۲۲۷; Гордл., стр. 4).

Эта пословица является, по-видимому, отображением представлений того времени, когда господствовали патриархальные порядки и брат матери нес наибольшую ответственность за детей сестры как основной мужской представитель своего рода.

Дети принадлежали к роду своей матери, воспитывались братом матери, членом того же рода, и почитали его вместо отца. Фактический же отец детей в свою очередь пользовался теми же правами в родовом поселении своей матери, с которым он не порывал связи, и заботился о детях своих сестер. Поэтому, когда, например, решался вопрос о выборе мужа для девушки, входившей в родовой коллектив, этот вопрос решали все члены данного рода, причем преимущественное право имели родные братья матери девушки, т. е. ее дяди по матери.

В памяти народа этот древнейший период, когда брат матери являлся важным лицом в выборе мужа для дочери (или жены для сына) своей сестры, сохранился в свадебной обрядности.

Этнографический материал по османской свадьбе содержит сведения об участии в свадебном ритуале наряду с родителями и дяди по матери. В. А. Гордлевский при описании свадьбы в Анкаре (в начале XX в.) отмечал, что перед отъездом невесты в дом жениха, после того как невеста поцелует руки и ноги родителей и попрощается с ними, отец подсаживает дочь на лошадь, а «...дядя невесты со стороны матери (dayı) все время находится с невестой... Когда невеста въедет во двор жениха, дядя невесты спускает ее с лошади и передает родственнице жениха, а сам идет домой»³.

Следовательно, в данном случае именно дядя по матери отправлялся в дом жениха и вручал невесту, а не отец девушки, как это следовало ожидать, если исходить из патриархального характера семейного быта современных турок. Разумеется, в других свадебных церемониях отец невесты играет важную роль. Так, при сватовстве и торге о размерах выкупа за невесту ее отец выступает обычно как глава семьи, который вправе решать этот вопрос самостоятельно.

Многие исследователи народов Средней Азии неоднократно указывали на сохранение и у этих народов обычаев, характеризующих то высокое положение, которое занимали родственники по матери и прежде всего дядя по матери. Н. А. Кисляков отмечал: «В таком почтительном, любовном отношении к представителям материнского рода нельзя не видеть бывшего значения этого последнего в жизни народов Средней Азии. В несомненной связи с таким отношением к представителям материнского рода или материнской семьи находится и тот авторитет, ко-

² В пословицах о животных также иногда фигурирует *dayı* «брат матери»: 1) *Ala it çakalın dayısıdır* «Пестрый пес — дядя (брат матери) шакала» (Муст, стр. 14); 2) *Katıra baban kim demişler at dayımdır demiş* «У мула спросили, кто его отец, а он ответил, что конь его дядя (брат матери)» (Муст, стр. 202; Веф, ح).

³ В. Гордлевский, Османская свадьба, Избранные сочинения, т. IV, М 1968, стр. 113.

торым пользовался брат матери — основной и наиболее близкий представитель этого рода или этой семьи»⁴.

Науке известно немало свидетельств существования пережитков авункулата у многих народов мира. Обширный фактический материал о пережитках авункулата у алтайских тюрков представлен Н. П. Дыренковой⁵. Брат матери у алтайских народов (*taj-taju*; ср. с турецким *daui*; любопытно отметить, что этот термин во всех тюркских языках замечательно устойчив) принимал большое участие в женитьбе племянника и замужестве племянницы, «участвуя известной долей как в калыме, так и в приданом»⁶.

Обращает на себя внимание факт, сообщаемый Н. П. Дыренковой при описании свадебного ритуала у алтайских тюрков, выявляющий особенное отношение дяди по матери к своим племянникам. Речь идет о церемониале раздачи мяса во время свадебного пира. «Алтайцы подавали дяде невесты деревянные корытце (*terši*), наполненное мясом. Дядя брал корытце и, держа его в руках, выкрикивал из толпы собравшихся гостей своего *jeeп'a* или *jeeп'ов* (племянника или племянников), если их здесь присутствовало несколько. Иногда дядя из всех присутствующих *jeeп'ов* выбирал одного, наиболее близкого и любимого. Такое предпочтение, оказанное дядей, вело нередко к ссорам и даже дракам между *jeeп'ами*»⁷.

Здесь мы находим момент функции распределения, которую дядя по матери исполнял некогда по отношению к племянникам.

В обрядах алтайских тюрков сохранился ряд данных, фактически подтверждающих участие брата матери в заботах о своих племянниках и племянницах: «Так, у телеутов колыбель для новорожденного должен был доставить тай — брат матери»⁸. По сведениям, сообщаемым Г. П. Потаниным, у алтайцев, когда племяннику исполнялось семь лет, он имел право на получение подарка от дяди по матери⁹.

Важная роль дяди по матери сохраняется также в свадебных обрядах бурят. На свадьбе своего племянника дядя занимал почетное место и получал в качестве особого угощения баранью голову и первую круговую чашку с молочной водкой¹⁰.

Следовательно, как у малоазиатских турок, так и у многих других народов, близких к ним по этническому происхождению и историческому прошлому, отмечаются пережитки авункулата.

К переходному периоду от матриархальных отношений к патриархальным можно отнести, по всей очевидности, пословицу, приведенную М. Н. Эзеном из самого раннего известного сборника турецких пословиц (1480 г.), изданного В. Избудаком¹¹. Эта пословица как бы воплотила борьбу двух начал: *Eg dauiya it ataya* «Для брата матери — богатырь, а для отца — собака» (Муст, стр. 126).

В ней отразился конфликт между уже зародившимися правами отцовства и остающимися еще очень прочными связями между племянни-

⁴ Н. А. Кисляков, Пережитки матриархата в брачных обрядах народов Средней Азии, — КСИЭ, XXVIII, М., 1958, стр. 26.

⁵ Н. П. Дыренкова, Пережитки материнского рода у алтайских тюрков, — СЭ, 1937, № 4.

⁶ Там же, стр. 24.

⁷ Там же, стр. 26.

⁸ Там же.

⁹ Г. Н. Потанин, Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, СПб., 1883, стр. 38.

¹⁰ С. П. Балдаев, Бурятские свадебные обряды, Улан-Удэ, 1959.

¹¹ Эта пословица, характеризующая отжившие формы общественных отношений, как малопонятная, не вошла ни в один из последующих сборников турецких пословиц и поговорок.

ком и дядеи по матери. Причем, как это следует из пословицы, дядя по матери относится к своему племяннику более доброжелательно и тепло, чем отец к сыну¹².

Та значительная роль, которую некогда играл брат матери у турок Малой Азии, почти полностью утрачена. В комплексе современных семейно-родственных связей родственники по матери считаются более далекими, чем родственники по отцу, и брат отца является гораздо более близким родственником, чем брат матери.

В свадебных обрядах и церемониях мы находим и другие следы былых матриархальных устоев у древних предков турок, в частности, пережитки матрилокального брака.

Одним из пережитков матрилокального брака является известный в советской этнографической литературе обычай тайных посещений невесты женихом до свадьбы после совершения помолвки. Этот обычай был широко распространен в недавнем прошлом среди народов Средней Азии¹³. В. Гордлевский отмечал существование подобного обычая и у турок Малой Азии. Невеста «сговорена, ниях — брак совершен, но год, два девушка, еще молоденькая, живет у родителей. Жених тайно ее навещает: об этом знает только мать, а отец как будто и не подозревает»¹⁴.

Известный знаток нравов турецкой деревни сельский учитель М. Макал сообщает о сохранении в Турции обычая тайных посещений невесты и по сей день, причем жених вначале договаривается об устройстве встречи с матерью помолвленной девушки. Если о тайном свидании узнает отец невесты или ее братья, жениху приходится туго — на него набрасываются с дубиной. Что касается матери, она сама «вызывает дочь для свидания в конюшню или в сарай для соломы и дает разрешение помолвленным провести там всю ночь. Однако вкушение приятности момента скоро переходит границы и имеет дурные последствия; молодые люди, потерявшие меру при свидании в темном углу сарая, в конце сами очень смущены случившимся»¹⁵. Обо всем происшедшем вскоре становится известно в деревне, и сторона невесты начинает упрекать родителей жениха потропиться со свадьбой.

Однако следование старинным обычаям и традициям нарушается и постепенно утрачивается, уступив место требованиям мусульманской морали, которая строго запрещает жениху и невесте встречаться до свадьбы. Турецкий исследователь Н. Беркес пишет, что «избегание невестой жениха существует во всех деревнях без исключения. Видеться помолвленным не разрешается; приход невесты в гости в дом жениха повсеместно строго запрещен»¹⁶. Однако далее Н. Беркес также отмечает, что в некоторых деревнях соответствующие лица, чаще из знакомых жениха, получив определенное вознаграждение, устраивают тайное свидание жениха и невесты в своем доме. В других местностях, пишет Н. Беркес, помолвленные встречаются и ночью, но эти случаи редки.

¹² Обращаясь к пословицам и поговоркам о собаке, которых в турецком афористическом фольклоре насчитывается около сотни, ибо роль этого животного в хозяйственной и домашней жизни тюркских народов, начиная с древнейших времен, была велика (см.: А. М. Щербак, Названия домашних и диких животных в тюркских языках, — «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961), мы находим наряду с пословицами, выражающими доброе отношение к ней человека, немало и таких, где собака выступает как аллегорический носитель низких человеческих качеств.

¹³ Н. А. Кисляков, Пережитки матриархата..., стр. 24.

¹⁴ В. А. Гордлевский, Женская доля, — Избранные сочинения, т. III, М., 1962, стр. 19.

¹⁵ Mahmut Makal, Hayal ve gerçek, Sofya, 1965, стр. 9.

¹⁶ N. Berkes, Bazı Ankara köyleri üzerinde bir araştırma, Ankara, 1950, стр. 164.

Свидетельством былой матриликальности брака, как известно, считается также устройство основного свадебного пира в доме невесты. По сведениям, сообщаемым различными исследователями турецкой свадьбы, основной свадебный пир у турок происходит уже в доме жениха. У тюрков-огузов IX—XII вв. еще сохранялся обычай устраивать свадебный пир и одаривание родственников невесты вначале в доме невесты, а затем уже невеста переезжала в дом жениха, и свадебное угощение продолжалось там¹⁷.

На турецкой свадьбе в доме невесты происходил публичный осмотр приданого, совершалась торжественная церемония перенесения подарков из дома жениха в дом невесты, где они выставлялись для всеобщего обозрения. А затем уже вместе с невестой подарки жениха и другое приданое перевозили в дом жениха.

Любопытно отметить, что во время свадьбы в г. Сивасе, описанной В. Гордлевским, сама процедура оформления брачного договора с помощью имама и двух свидетелей проходила в доме невесты¹⁸, хотя, по данным других исследователей, заключение брачного договора совершается обычно в доме жениха.

В советской этнографической науке известен также обычай, получивший название «обычая возвращения домой», связываемый с былой матриликальностью брака. По сведениям арабских письменных источников XII—XV вв., у тюрков-огузов были известны случаи, когда стороны жениха и невесты устно договаривались о временном возвращении жены в дом своих родителей по окончании свадебного пира в доме жениха. Однако эта договоренность не всегда соблюдалась, так как источники отмечают нарушение этого условия мужем¹⁹.

В турецком свадебном ритуале этот старинный обычай сохранился в форме посещения молодыми через несколько дней после свадьбы дома невесты, где для них устраивалось угощение, а затем они шли в гости к другим родственникам невесты и несли для них небольшие подарки. Немецкий исследователь Т. Лебель, описавший свадебные обряды народов Османской империи, сообщает, что на следующий день после свадьбы, в пятницу рано утром, молодые отправлялись целовать руки к родителем невесты, а днем устраивалось угощение²⁰.

Может быть, в этой же связи следует рассматривать следующее свидетельство турецкого этнографа М. Х. Байры: «В общем каждая невестка после замужества, сколько бы времени с тех пор ни прошло, на неделе в четверг вечером или в пятницу утром отправляется в дом своей матери. Если она остается там и на ночь, она приводит с собой мужа»²¹.

Н. П. Дыренкова указывает, что у многих алтайских тюрков существовал обычай, свидетельствующий о былом матриликальном браке. Этот обычай заключался в том, что жених после свадьбы не мог забрать жену сразу же в свой дом, а предварительно строил для нее временный шалаш²². Турецкий этнограф Ш. Юлькюташир, описывая свадебные обычаи северо-алтайских тюрков, также упоминает о сооружении свадебного шалаша из веток березы где-нибудь в лесу (это дерево

¹⁷ Р. А. Гусейнов, Об устойчивости и преемственности традиций свадебных обрядов у народов Передней Азии, — «Доклады Восточной комиссии», вып. 1(2), Л., 1965, стр. 90.

¹⁸ В. А. Гордлевский, Женская доля, стр. 42.

¹⁹ Р. А. Гусейнов, Об устойчивости..., стр. 92.

²⁰ T. L ö b e l, Hochzeitbräuche in der Türkei, Amsterdam, 1897, стр. 38.

²¹ М. Н. Ваури, Halk âdetleri ve inanmaları, İstanbul, 1939, стр. 70.

²² Н. П. Дыренкова, Пережитки материнского рода у алтайских тюрков, — СЭ. 1937, № 4, стр. 38.

почитаются священным). Молодые поселяются в шалаше и обязательно сами с помощью кресала добывают первый огонь. Пользоваться этим огнем другим лицам племени запрещено. Очаг и шалаш через три дня разрушают. Лишь по окончании этой церемонии продолжается свадьба, и невеста отправляется в дом жениха²³. Нам представляется, что на турецкой свадьбе вместо подобного временного шалаша используется особый свадебный балдахин. «У османцев брачная опочивальня носит персидское название „гердек“ (круглая палаточка). В брачной комнате невеста сидит под „аскы“, „аскы“ имеет форму палатки или балдахина из розовой сетки, прикрепленной к потолку»²⁴. Об этом же свидетельствует Осман-бей: «Над троном, на котором сидит невеста,— балдахин из двух фестонов розового тюля, спускающихся с потолка до пола и образующих нишу»²⁵. У переднеазиатских турок свадебный «шалаш» располагается уже в доме жениха, а не невесты, как это отмечено у алтайских тюрков.

Большой этнографический интерес представляет обычай так называемого избегания, зафиксированный у многих народов мира. Некоторые ученые считают его следствием брака путем похищения, когда родня жениха и невесты враждовала между собой, что и сохранилось в символической форме в виде избеганий. Другие полагают, что обычай «избегания» возник из опасения брачного общения между женихом (или невестой) и родней противоположной стороны²⁶. Н. П. Дыренкова приводит сведения о запретах общения у алтайских тюрков, которые явно носят характер половой предосторожности²⁷. Э. Тейлор заключает, что этот обычай тесно связан с былым поселением мужа в семье жены. Поскольку муж входит в чужую семью, в дом, на который он не имеет прав, родня жены подчеркивает эту разницу, обращаясь с зятем, как с посторонним²⁸. Н. А. Кисляков считает, что, независимо от правильности или неправильности теории Э. Тейлора в целом, представляет интерес его мнение о том, что «избегание» между зятем и родителями жены связано с матрилокальным браком²⁹.

У турок Малой Азии мы также находим свидетельства существования обычая «избегания». Так, после помолвки (питья шербета) вступают в силу особые запреты общения невесты с родственниками жениха. Н. Беркес пишет: «В деревне Б. невеста убегала от родственников, которые приносили подарки из дома жениха. Этот обычай называют *kaşmalık* («убегание», «избегание»). Подобное избегание касается свекрови, жен братьев, сестер жениха и других женских родственников. Но их избегают не очень тщательно. А старшего брата, свекра и других близких родственников и особенно самого жениха — избегают очень строго»³⁰.

В. Гордлевский упоминает, что «в Чанкыры, где до недавнего времени был вообще еще прочен старый уклад жизни, на невесту наложен

²³ М. Şakir ülkütaşır, Halk bilgisine ait araştırmalar, İstanbul, 1938, стр. 16—17.

²⁴ В. Гордлевский, Османская свадьба, М., 1915, стр. 12.

²⁵ Осман-бей, Турки и их женщины, СПб., 1874, стр. 80.

²⁶ И. Н. Винников, К вопросу о возникновении института «избегания» (avoidance), — «Сборник этнографических материалов», Л., 1927, № 2.

²⁷ Н. П. Дыренкова, Брак, термины родства и психические запреты у кыргызов, — там же.

²⁸ Э. Тейлор, О методе исследования развития учреждений, — «Этнографическое обозрение», 1890, № 2.

²⁹ Н. А. Кисляков, Пережитки матриархата...; его же, Некоторые брачные церемонии у народов Средней Азии и проблема материнского рода, М., 1964.

³⁰ N. Berkes, Bazı Ankara köyleri..., стр. 164.

запрет: она не может разговаривать ни со свекром, ни со свекровью»³¹. Запрет разговаривать с родней мужа и с самим мужем, а также называть мужа по имени в течение некоторого времени сохранялся и после свадьбы.

Н. Беркес приводит еще следующие интересные данные о существующем круге запретов у турок: «В случаях „избегания“ в деревне, под которым понимается запрещение слишком большой близости в общении и свободы в разговоре, мужчину не избегают его жена, мать и, кроме сестер, жена брата, тетя по отцу, тетя по матери, жена дяди по отцу (если она молода, избегает), бабушка и ее сестры. Женщина не прячется от своего мужа, отца и, кроме братьев, от дяди по матери, дяди по отцу, дедушки и братьев дедушки. Большей частью и двоюродных братьев не избегают. Есть женщины как избегающие мужей теток по отцу и матери, так и не избегающие их. Это больше зависит от мужа. Если муж решит, чтобы жена пряталась от них, она обязана это делать. Всех остальных мужчин, хотя и формально, избегают»³².

Таким образом, круг запретов, по сути дела, касается всех мужчин (либо женщин), за исключением ближайших родственников. Здесь, видимо, происходил диалектический процесс наполнения новым содержанием древних форм общественных отношений, а именно: запреты общения, связанные с нормами, возникшими в недрах родового общества, по мере образования классового общества и развития религии слились и постепенно превратились в запрет всякого общения между женщиной и посторонним мужчиной, как одно из требований ортодоксального ислама.

Можно полагать, следовательно, что само возникновение этого запрета в исламе есть процесс унаследования одного из устоев родового строя, закрепление и усугубление его религией классового общества; естественно, в новых условиях этот прежний институт имеет специфические черты.

Как известно, у многих народов мира отмечается обычай насильственного похищения невесты, который получил в этнографической литературе название брака-умыкания.

В церемониале османской свадьбы можно отметить несколько моментов, восстанавливающих отдельные стороны былого похищения невесты.

Во время свадьбы обычно между парнями деревни невесты и стороной жениха завязывалась конная игра (*cirid oyunu*)³³. Если сторона жениха терпела в ней поражение, это считалось большим позором. Здесь можно усмотреть пережиток той эпохи, когда за право обладания невестой необходимо было вступить в борьбу, в которой побеждала сильнейшая сторона. В символической форме обстоятельства этой борьбы и запечатлены в свадебных играх.

Этот же мотив выявляется и в песенном народном творчестве. В статье, посвященной сборнику турецких народных песен Ф. Гизе, В. Гордлевский писал: «Образ пятого стиха: *her aчылан байрак дююмю санды?* 'Что ж, где она ни увидала знамя, она уже думала, что это свадьба?' — взят из свадебных обрядов. До сих пор в свадебном ритуале сохраняется воспоминание об „умыкании“ невест. Друзья жениха, отправляясь за невестой, изображают из себя как бы шайку разбойни-

³¹ В. А. Гордлевский, Женская доля, стр. 19.

³² N. B e r k e s, *Bazı Ankara köyleri...*, стр. 160.

³³ Эта игра подробно описана В. Гордлевским и Т. Лебелем. Подобные конно-спортивные состязания во время свадьбы также отмечаются у тюрк-огузов XI—XII вв.

ков, во главе которых находится эфе ('атаман'); впереди над толпой всегда развевается знамя»³⁴.

В церемонию османской свадьбы входил и следующий обычай, который также можно связать с браком-умыканием. Парни из деревни невесты при увозе девушки подстерегали свадебный поезд и где-либо в удобном месте устраивали засаду, перетягивая дорогу веревкой или длинным шестом³⁵. В этом случае определенное право на невесту представляла целая группа мужчин, и лишь после условной борьбы, когда сторона жениха преодолевала «засаду», она могла увести невесту. Или же пастухи из деревни невесты ставили посреди дороги перед свадебным поездом осла, требуя бахшиш (денежное вознаграждение) за невесту³⁶.

Следы насильственного брака путем похищения нашли отражение в различных фольклорных произведениях. Так, отзвуки обычая умыкания в народных песнях выражены в борьбе между соколом и куропаткой³⁷. Венгерский ученый И. Кунош, известный собиратель турецкого фольклора, в собрании турецких народных четверостиший (manî) приводит следующее стихотворение, в котором виден намек на похищение девушки:

Aj olajém olajém
bojnuna dolanaјém,
senin gibi güzeli
alajém-da kaçajém.

Стану-ка я месяцем, стану,
Обовьюсь вокруг твоей шейки.
Такую, как ты, красивую
Возьму-ка я, да убегу³⁸.

Традиция умыкания невест и по сей день сохраняется в некоторых деревнях Турции³⁹. Если парень похищает девушку с ее согласия, он не несет за это ответственности и никакие жалобы родителей девушки и их обращение в суд не имеют действия. Бывают случаи, когда совершается насильственное похищение невесты, без ее предварительного согласия и даже с применением оружия. Жениху помогают его приятели и иногда женщины — родственницы жениха. Однако тут в дело вмешиваются власти. Справляются у девушки о ее желании вернуться к отцу либо остаться у жениха. Жители деревни и особенно молодые приятели жениха держат его сторону и советуют девушке выйти замуж за этого человека, поскольку после такого скандального происшествия никто не согласится взять ее замуж. Впрочем, если похищение носит явно насильственный характер и вины девушки перед общественным мнением нет, на таких девушках могут найтись желающие жениться. Н. Беркес сообщает о двух случаях, когда подобные похитители были брошены в тюрьму.

При похищении невесты пышной свадьбы, как это обычно полагается по старинным традициям, не справляют. Многие мужчины, стремясь избавиться от расходов на свадьбу, похищают невест. Нередки

³⁴ В. А. Гордлевский, Из наблюдений над турецкой песней, — Избранные сочинения, т. II, М., 1961, стр. 259.

³⁵ В. Гордлевский, Османская свадьба, стр. 2, 34, 56.

³⁶ N. Berkes, Bazı Ankara köyleri..., стр. 169.

³⁷ В. А. Гордлевский, Из наблюдений над турецкой песней, стр. 243.

³⁸ I. Kúnos, Oszman-török nepköltési gyűjtemény, I. kötet, Budapest, 1887, стр. 183.

³⁹ Подробнее об обычае умыкания у турок см.: В. Гордлевский, Османская свадьба; N. Berkes, Bazı Ankara köyleri...

случаи, когда сама девушка, взяв свой узел с вещами, убегает в дом парня и становится его женой. Для семьи девушки это вопрос чести, и ее родные долгое время сердятся. Но проходит время, все забывается, наступает примирение. Если сторона девушки стыдится ее поступка, то, напротив, родня жениха очень довольна, что в их семью пришла невестка без свадьбы, ибо они избавились от больших расходов и хлопот. Для такой невесты, если и справляют свадьбу, то небольшую, и за невесту отдают немного денег или другого имущества, а большего требовать родня невесты не имеет права.

Таким образом, древний обычай умыкания сохраняется в виде пережитка до сего времени. В условиях классового общества он приобретает новые черты и часто имеет ярко выраженную экономическую окраску, в то время как в прошлом обычай умыкания преследовал главным образом одну основную цель — стремление членов определенного родового коллектива добыть женщину, вступая для этого при необходимости в вооруженное столкновение.

У турок Малой Азии мы находим пережитки институтов, восходящих в генезисе к родовому обществу, а именно — обычай левирата и сорората. У тюркок-огузов XI—XII вв. встречаются случаи левирата и сорората⁴⁰.

В современной турецкой деревне, как отмечает Н. Беркес, «число женщин, которые старше мужа по возрасту, большее, чем в городе. Большинство из них составляют женщины, вышедшие замуж за младших братьев мужа после его смерти»⁴¹. В исследованных им деревнях Н. Беркес констатировал свыше десяти случаев левирата и несколько случаев сорората.

Турецкий исследователь свидетельствует также о том, что встречаются и родственные браки. Чаще всего это браки между детьми двух родных братьев или сестер, т. е. кузенные браки. Н. Беркесом зафиксировано: «...шесть случаев брака с детьми брата отца, причем четыре брака среди старшего поколения детей брата отца, три случая брака с детьми сестры отца и один случай с детьми брата матери»⁴². Турецкий этнограф отмечает тенденцию к сокращению числа родственных браков, а также случаев левирата и сорората при сравнительном сопоставлении двух последних поколений.

Естественно, в настоящее время подобные браки — явление пережиточное и в рамках классового общества, так же как и старинный обычай умыкания, преследуют в основном экономические интересы семей невесты и жениха.

Исследуя проблему пережитков ранних форм семейно-брачных отношений у переднеазиатских турок, важно привлечь помимо фольклорных данных и свидетельств, сохранившихся в свадебном церемониале, также некоторые материалы по турецкой терминологии родства.

Анализируя систему родства того или другого народа, мы можем восстановить с известной определенностью те формы семьи, которые соответствовали возникшей на их основе системе родства.

Значительный сравнительный материал по тюркской терминологии родства представлен в работе Л. А. Покровской, посвященной этой теме⁴³. Автору удалось показать общую картину основных тюркских терминов родства, в которой ясно обнаруживаются черты классификацион-

⁴⁰ Р. А. Гусейнов, Об устойчивости..., стр. 93.

⁴¹ N. B e r k e s, Bazı Ankara köyleri..., стр. 159.

⁴² Там же, стр. 160.

⁴³ Л. А. Покровская, Термины родства в тюркских языках, — «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961.

ной системы родства, сохраняющиеся в той или иной степени у разных тюркоязычных народов.

Одним из характерных признаков классификационной системы родства является, как известно, обозначение одним и тем же общим термином родства определенной группы лиц, принадлежащих к одной категории или к одному классу. Так, в турецком языке одним термином *ağa*, *ağabeu* обозначается старший родной брат, а также старшие двоюродные братья по отцу; термином *aba* (*apla*) — старшая родная сестра и старшие двоюродные сестры по отцу. Существует также один общий термин для определения родственных связей для целой группы женщин или мужчин: *üinge* — жена брата отца (или матери), жена брата деда (или бабушки), жена старшего брата; *inişte* — муж сестры отца (или матери), муж сестры деда (или бабушки), муж старшей сестры. То же самое можно сказать о термине *amca* (*arça*) и др.

В турецкой системе родства мы находим четкое разграничение в терминологии родства по отцовской и материнской линиям, а также элементы дифференциации терминов родства по старшинству, т. е. применение различных терминов родства к одним и тем же лицам, в зависимости от возраста говорящего.

Н. П. Дыренкова отмечала, что в киргизской терминологии родства дифференциация по старшинству характерна лишь для терминологии родства по отцовской линии, а по материнской линии отсутствует⁴⁴. То же можно сказать и о турецкой системе родства. Так, для обозначения дяди по матери (*dayı*) существует один только термин, независимо от возраста, а по отцовской линии родства возраст учитывается.

Интересно отметить, что в современном турецком языке можно определить тенденцию к утрате некоторыми терминами родства, возникшими на основе классификационной системы, своего бывшего значения. Так, дифференциация по старшинству лет, отраженная в некоторых классификационных терминах родства, постепенно отмирает. В этой связи показателен пример с термином *kardeş* (более полная форма *karındaş*). Он обозначает в турецком языке родного брата или сестру и употребляется с показателем пола — *erkek kardeş* «брат», *kız kardeş* «сестра». Однако ранее этот термин в турецком языке являлся термином классификационной системы родства с дифференциацией по возрасту. Н. Беркес указывает на употребление термина *kardeş* для обозначения младшего брата или младшей сестры. В этом значении термин *kardeş* сохраняется, видимо, лишь в народном употреблении.

Если обратиться к сравнительным материалам других тюркских языков относительно этого термина, приведенным Л. А. Покровской, то можно увидеть, что в киргизском языке (а также в казахском и каракалпакском) *карындаш* обозначает младшую сестру по отношению к старшему брату. В гагаузском языке, в живой речи и фольклоре *кардаш* «младший брат», а понятие «сестра» передается, как и в турецком языке, сложным термином *кызкардаш*. Привлекает внимание семантика данного термина и в диалектах нижнечулымских тюрков: один и тот же термин *карындажым* означает «мой брат (вообще)»; «мой брат моложе меня»; «сын брата моего отца»; «сын младшей сестры моего отца»; «сын сына сестры отца моего отца»; «сын дочери старшего брата отца моего мужа»; «сын младшего брата моей матери, моложе меня»; «сын младшей сестры моей матери»⁴⁵.

⁴⁴ Н. П. Дыренкова, Брак, термины родства и психические запреты у кыргызов, — «Сборник этнографических материалов», № 2, Л., 1927, стр. 7.

⁴⁵ Л. А. Покровская, Термины родства в тюркских языках, стр. 39.

Таким образом, при сравнительном сопоставлении можно полагать, что и турецкий термин *kardeş* относится к терминам, созданным на основе классификационной системы родства, и первоначально означал родство с дифференциацией по возрасту, определяя группу младших родственников.

В современном турецком языке семантика термина *kardeş* сузилась, конкретизировалась. Этот термин стал употребляться для обозначения вида родства, связанного уже с определенной индивидуальной семьей. Данное слово стало определять младшего родственника в рамках отдельной семьи (младший брат, младшая сестра), да и то это значение сохранилось лишь в живой речи, т. е. постепенно вообще исчезает, ныне уступив место основному значению термина *kardeş* в турецком языке — обозначению кровного родства в пределах индивидуальной семьи (родной брат; родная сестра).

Для обозначения возрастной градации внутри отдельной семьи употребляются наряду с прежними классификационными терминами родства, например *ağa*, *ağabeu* «старший брат», такие описательные термины, как *büyük kardeş* «старший брат», а также *ortanca kardeş* «средний брат», *küçük kardeş* «младший брат» или наряду с термином классификационной системы *apla* (*abla*) «старшая сестра» описательный термин *büyük hemşire*, где сложный термин *kız kardeş* заменяется заимствованным из персидского языка одним словом *hemşire*.

Описательная система родства отражает индивидуальное родство, когда для обозначения каждого отношения родства применяется свой особый термин.

Внимание, которое мы уделили термину *kardeş*, оправдывается тем, что на этом примере можно проследить общую тенденцию к индивидуализации терминов родства, возникших на основе классификационной системы родства, к сужению их семантики и постепенному исчезновению прежнего значения, к появлению описательных терминов родства, более соответствующих тем формам семейно-брачных отношений, которые пришли на смену древним в ходе исторического развития общества.

На основании приведенных в статье материалов можно сделать вывод о том, что предки современных турок Малой Азии, как и другие народы мира, прошли в своей истории стадию материнско-родового строя. Таким образом, на примере еще одного народа подтверждаются основные положения марксистско-ленинского учения о ранних этапах развития человеческого общества.

А. Д. Дридзе

ГАРАМАНТЫ (К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ)

В изучении далекого прошлого Африканского континента одно из самых важных мест принадлежит проблеме Сахары. Древняя Сахара, покрытая обильной растительностью, превосходно орошаемая многочисленными реками, еще в эпоху неолита была чрезвычайно густо заселена. Здесь существовали высокоразвитые культуры, памятником которых остались наскальные росписи, имеющие мировое значение¹. Постепенное высыхание Сахары приводило к тому, что ее насельники вынуждены были отступать на север и на юг, где климатические условия были лучше. Таким образом происходило расселение из древней Сахары предков не только современных берберских народов, но и предков многих обитателей значительно более южных областей континента (в частности, народов хауса-котоко).

К сожалению, нам еще очень мало известно о древних насельниках Сахары. Чем южнее они жили, тем более скудны и отрывочны сведения, которыми мы располагаем. Между тем расширение наших знаний в этой области позволило бы не только прочитать по-новому некоторые важные страницы истории, но и проникнуть в суть таких проблем, к ответам на которые наука только еще начинает подходить. Так, например, до сих пор неизвестно, что происходило на юге Сахары и к югу от нее в конце первого тысячелетия до нашей эры и в начале следующего, какие народы населяли эти территории, чем характеризовалась их культура, каковы были их взаимоотношения с Карфагеном, Египтом, Грецией, Римом? И далее: что произошло на юге пустыни (и еще южнее) с III в. н. э. вплоть до арабского завоевания, начавшегося, как известно, четыре столетия спустя? На какой этнической основе, при каких обстоятельствах возникли такие государства, как Канем и Борну?

Ни на один из этих вопросов ответить пока невозможно, даже в самой общей форме. И любая попытка сделать шаг в этом направлении неизменно окажется связанной с вопросом о гарамантах — насельниках Феццана, самой южной части известного древним грекам и римлянам мира.

¹ Подробнее см.: Д. А. Ольдерогге, Предисловие к кн.: А. Лот, В поисках фресок Тассили, М., 1962. Наскальным изображениям Сахары посвятил обширное исследование В. Б. Мириманов (см.: В. Мириманов, Наскальные изображения Сахары, автореф. дисс., Л., 1964).

Античные источники содержат о гарамантах лишь отрывочные сведения². Наиболее полно сообщает о них Геродот (IV, 174, 183). Заслуживают внимания данные Плиния-старшего (Nat. Hist, V, 26, 36—38; VI, 209; VIII, 142, 178; XIII, 111; XXXVII, 92, 100), Страбона (II, 5, 30; XVII, 3, 19, 23), Тацита (Ann., III, 74 и IV, 23, 26; Hist, IV, 50) и Птолемея (I, 8, 4, 5; IV, 6, 5). Сведения остальных авторов крайне незначительны по объему и часто восходят к только что перечисленным. Несмотря на значительное, казалось бы, число источников, сообщающих о гарамантах, сумма сведений, которыми мы им обязаны, весьма невелика. Из византийских авторов (под 569 г. н. э.) упоминает гарамантов Иоанн Бикларский. Все без исключения более поздние сведения не оригинальны и восходят к уже упомянутым. Арабским же авторам, даже самым ранним, о гарамантах вообще ничего не было известно.

Не удивительно, что до настоящего времени в научной литературе нет ни одной работы, специально посвященной интересующему нас народу. В общих трудах, в археологических отчетах гараманты, конечно, упоминаются; им посвящают иногда даже несколько страниц³, но до сих пор не существует ни одной работы, темой которой была бы гарамантская проблема в целом.

Следует заметить, что до середины 30-х годов XX в. это было, пожалуй, и невозможно, ибо археологические исследования в Феццане не проводились. Только после раскопок экспедиции Паче—Серджи—Капуто (1933), результаты которых были более или менее подробно опубликованы лишь в 1949 г. и 1951 г.⁴, а также публикации (во второй половине 30-х годов) антропологических работ С. Серджи⁵ положение начинает меняться. Это были, однако, лишь первые шаги. Достаточно сказать, что из 45 тыс. захоронений итальянская экспедиция обследовала лишь около десятка, и почти все они оказались разграбленными. При оценке работ экспедиции следует учитывать также, что официальная итальянская наука того времени в политических целях чрезвычайно преувеличивала римское влияние в Феццане.

В последние годы, после получения Ливией независимости, в этой стране возник интерес к гарамантской проблеме.

Древних обитателей Феццана считают здесь предками если не всего населения королевства, то во всяком случае южных его групп. Несколько лет назад был создан специальный департамент древностей Феццана, для руководства которым был приглашен суданский ученый доктор Айюб. В настоящее время Айюб вместе с профессором Оксфордского

² В дошедших до нас египетских и финикийских источниках о гарамантах ничего не сообщается.

³ См., например: J. Desanges, Catalogue des tribus africaines de l'antiquité classique, Dakar, 1962, стр. 91—96.

⁴ G. Caputo, Scavi archeologici nel Sahara libico. — «Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli», nuova ser., vol. III, n. 3, 1949 (далее — AJUO); B. Pace, Problemi metodici dell'archeologia sahariana, — там же; S. Sergi, L'occhio berbero. Un particolare carattere della palpebra superiore nell'occhio dei Tuaregh, — там же; «Scavi Sahariani, Ricerche nell'Uadi el-Agial e nell'Oasi di Gat della Missione Pace-Sergi-Caputo», — «Monumenti antichi pubblicati per cura della Accademia Nazionale dei Lincei», Roma, 1951, vol. XLI.

⁵ См. его работы: The Garamantes of Lybia, — «Compte-rendu de la 1 session de Congrès international des sciences anthropologiques et ethnologiques», London, 1934; Comunicazione preliminare sui garamanti della Libia, — «Atti de la Società Italiana per il progresso della scienze», Napoli, 1934, XXIII riunione; Roma, 1934, vol. III; Le reliquie dei garamanti, — «Bollettino della Reale Società Geografica Italiana», gennaio 1936, ser. VII, vol. I; Les caractères physiques des Garamantes de la Libye, — «XVI Congrès international d'Anthropologie et d'Archéologie préhistoriques (1935)», Bruxelles, 1936; I garamanti della Libia. Risultati di una missione antropologica nel Fezzan, — «Atti del 4° Congresso Nazionale di Studi Romani», Roma, 1938.

университета Ричмондом ведет раскопки в районе Джермы. Ученых привлекает прежде всего поздний период гарамантской истории, в особенности римско-гарамантские связи⁶.

В ливийских музеях пока еще немного предметов, связанных с историей интересующего нас народа. Это легко объяснимо: до провозглашения независимости прошлое страны изучали главным образом итальянские археологи, и находки их хранятся преимущественно в Риме. Сейчас в Ливии принимаются меры по сохранению памятников древности как национального достояния. Иностранным экспедициям для проведения раскопок требуется специальное разрешение департамента древностей. Кроме того, этот департамент направляет в такую экспедицию своего контролера.

К сожалению, эти меры, по-видимому, не всегда удастся провести в жизнь. В условиях пустыни, бездорожья, полной оторванности даже от сравнительно близко расположенных населенных пунктов экспедиция оказывается фактически бесконтрольной. Что же касается наскальных изображений, то на их исследование вообще не требуется ничьей санкции. В Ливийскую пустыню начинают уже проникать европейские и американские туристы. Западногерманскому археологу Г. Ротерту пришлось столкнуться с тем, как группа туристов из Западной Германии исчеркала мелом неопубликованные фрески близ Гата.

Ценнейшие памятники прошлого разрушаются от времени. В захоронения проникают грабители. С наскальных росписей осыпается краска. Необходимо спешить, необходимо еще и потому, что возможности проведения раскопок очень ограничены. Проводить их можно только в зимнее время. Летом работать нельзя, слишком высока температура. Памятники разбросаны на очень большом пространстве, регулярного сообщения с этим районом нет. Требуются очень большие средства, которыми департамент древностей не располагает.

В последнее время появилось немало работ о наскальных изображениях в Феццане⁷. На этой основе можно поставить вопрос о реконструкции истории и культуры гарамантов.

Прежде всего хотелось бы уточнить само понятие «гараманты».

Основные сведения о них содержатся, как уже говорилось, у Геродота. В гл. 183 кн. IV своей «Истории» он сообщает, в частности, о воинственности гарамантов, о том, что «они охотятся в квадригах на пещерных эфиопов». Однако буквально за несколько страниц до этого Геродот писал о них же почти совершенно противоположное: «...гараманты, избегающие всякого человека и общения с кем бы то ни было; у них нет никакого военного оружия, и они не умеют отражать врага...» (IV, 174)⁸. Автор помещает их «выше насамонов» (т. е. южнее этого народа), в «стране, обильной зверями», что соответствует местности, описываемой далее (IV, 183).

Выходит, таким образом, что в одном и том же месте живет один и тот же народ, который, с одной стороны, отличается воинственностью, с другой же — не умеет отражать врага; «охотится на эфиопов» и в то же время никакого оружия не имеет. Противоречие это до сих пор вы-

⁶ M. S. Ayoub, Excavations at Germa... [б. м.], 1962; H. Rhotert, Forschungsreise nach Südwestlibyen, — «Tribus», 1963, № 12, стр. 16—17.

⁷ L. Frobenius, Egade Ektab, Leipzig, 1937; R. Vauflrey, L'art rupestre nord-africain, Paris, 1939; P. Graziosi, L'art rupestre della Libia, Milano, 1942; H. Rhotert, Libysche Felsbilder, Darmstadt, 1952; H. Breuil, Les roches peintes des Tassili-n-Ajjer, Paris, 1954; Y. Tschudi, Les peintures rupestres, Neuchâtel, 1956; A. Лот, В поисках фресок.; В. Мириманов, Наскальные изображения...

⁸ Cp. Steph. Byz., 1949, стр. 198.

зывает спор. Существует мнение, что текст главы был как-то поврежден и в действительности должен читаться иначе⁹. Довольно большая группа авторов¹⁰ считает, что здесь речь идет не о гарамантах, а о гамфазантах (упоминаемых Плинием и Помпонием Мелой) (Plin, Nat. Hist., V, 44, 45; Mela, I, 23, 47). Существует и предположение, что гл. 174 трактует о какой-то обособленной части гарамантов, укрывшейся по неизвестным причинам вдаль от караванных путей¹¹. Подавляющее же большинство авторов предпочитает вообще не касаться этого вопроса, считая, по-видимому, противоречие неразрешимым и принимая текст таким, каков он есть.

Все толкователи этого места исходили из убеждения, что гараманты представляли собой единый народ или племя во всех отношениях более или менее однородное.

Это мнение не кажется нам справедливым. На наш взгляд, античные авторы (и в первую очередь Геродот) называли гарамантами не один народ или племя, но целое объединение народов (вернее, племен), группировавшееся вокруг столицы — Гарамы — и по имени ее получившее свое название. Среди гарамантов были и покоренные, находившиеся в подчинении племена. Об одном из таких племен сообщает Геродот в гл. 174 кн. IV, а в гл. 183 он рассказывает о господствующем племени, покорившем остальных. Для Геродота здесь не было противоречия, ибо и то и другое племя входило в гарамантское объединение, и то и другое, следовательно, носило одинаковое наименование.

Чем можно обосновать такое толкование? Прежде всего, можно сослаться на главы о скифах; под этим этнонимом Геродот, как известно, разумел отнюдь не один народ или племя. Во-вторых, антропологическая неоднородность гарамантского населения сразу же стала очевидной при раскопках захоронений в Гараме¹². Гигантский комплекс погребений (45 тысяч!) не может быть не чем иным, как кладбищем, рассчитанным на все племена объединения и расположенным близ общего для всех этих племен святилища. Здесь вполне уместно вспомнить указание схолиаста к «Аргонавтам» Аполлония Родосского (IV, 1940 сл.): гараманты отличаются благочестием, и у них есть храм (другое чтение — храмы). О том, какого рода это был храм, можно только догадываться. Однако, судя по тому, что в схолиях употреблен термин «*paos*», можно сделать вывод, что это было скорее святилище, примитивно обставленное место отправления культа, нежели каменное культовое сооружение значительных размеров.

Таким образом, Гарамы была, по нашему мнению, центром довольно значительного объединения племен, давшим этим племенам свое название. Столица служила местопребыванием «царя» гарамантов, тут же находились и общие для всего объединения святилище и кладбище. Таково, как нам представляется, единственно возможное объяснение так называемого противоречия между главами 174 и 183.

Теперь нас интересуют два вопроса: каким образом возникли и какого происхождения термины «Гарамы» и «гарамант», а также какую территорию занимало гарамантское объединение, где проходили его

⁹ O. Bates, *The Eastern Libyans*, London, 1914, стр. 53.

¹⁰ M. Vivien de St. Martin, *Le Nord d'Afrique dans l'Antiquité*, Paris, 1963, стр. 141, note; S. Gsell, *L'Histoire de l'Afrique du Nord*, t. I, Paris, 1920, стр. 220. 298; A. Berthelot, *L'Afrique saharienne, ce qu'en ont connu les anciens*, Paris, 1927, стр. 48; J. Desanges, *Catalogue des Tribus...*, стр. 91—92.

¹¹ R. E. Wheeler, *Rome beyond the Imperial Frontiers*, London, 1955.

¹² F. Jacoby, *Die Fragmente der griechischen Historiker*, IIC, Bd II, Leiden, 1958, стр. 45; Cp. C. Müller, *Fragmenta Historicum Graecorum*, Paris, 1851, t. IV, стр. 295.

границы, какие народы были их соседями? Выяснению этих двух проблем и посвящены два публикуемых ныне раздела нашего исследования о гарамантах.

I

Научная разработка вопроса о происхождении термина «гарамант» началась сравнительно поздно — в конце первой половины XIX в. Правда, решить эту проблему пытались в свое время еще античные авторы (Apol. Rhod. IV, 1494; ср. Dion. Perieg, 209, 217), но все их попытки теснейшим образом связаны с мифологической традицией и ценности поэтому для нас не представляют.

Отправной точкой научной разработки этого вопроса явилась правильная мысль о связи указанного названия не с древнегреческой мифологией, а с этнической историей Северной Африки. По-видимому, первым, кто предположил местное — берберское или ливийское — происхождение терминов «Гарама», «гарамант», был французский ученый П. Дюпра¹³. С конца прошлого века стали появляться теории, объяснявшие эти названия на материале языков современных обитателей Феццана и прилегающих районов — туарегов и теда (тубу).

Первая по времени теория, связанная с языком тамашек, принадлежит французцу Ш. Сабатье, который попытался вывести термин «гараманты» из туарегского «гарамедден» («пастухи гара»); гары, или гуры, — особого вида скальные массивы, характерные для многих районов Сахары¹⁴. По этому поводу следует заметить, что словарь Фуко (построенный, правда, в основном на материале ахаггарского диалекта) термина «гар» не содержит. Что же касается второй части слова, то в словаре приводятся близкие к нему по значению термины того же корня¹⁵. Но даже если было слово «гарамедден» и было зарегистрировано в словаре, это не служит еще доказательством правильности этимологии Ш. Сабатье. Следует сначала доказать, что гарамантско-туарегские связи действительно существовали.

Примерно в это же время другой французский ученый Ш. Тиссо попытался вывести интересующий нас этноним из сочетания «амап е гар»¹⁶, т. е. горные амапы, или аманты (Plin., V, 5, 4). Однако, редактируя книгу Ш. Тиссо, С. Рейнак исключил из ее текста это место. Предположение Ш. Тиссо было отвергнуто С. Рейнаком на том основании, что термин «амап» они считали древним берберским словом, а термин «гар» арабским¹⁷, гораздо более поздним.

Доказательств этому они не приводят — может быть потому, что найти таковые достаточно трудно. Указанный термин (в форме *кара*)¹⁸ бытует в арабском языке довольно давно (впервые, по-видимому, встре-

¹³ P. Duprat, Essai historique sur les races anciennes et modernes d'Afrique septentrionale, leurs origines, leurs mouvements et leurs transformations, depuis d'antiquité la plus réculée jusqu'à nos jours, Paris, 1845, стр. 85.

¹⁴ Ch. Sabatier, Essai sur l'ethnologie de l'Afrique du Nord, — «Revue d'Anthropologie», 15.VII.1884. Цит. по: F. Borsari, Geografia etnologica e storica della Tripolitania, Cirenaica e Fezzan con cenni sulla storia di queste regioni e sul siffio della Cirenaica, Torino — Napoli — Palermo, 1888, стр. 31 (прим.).

¹⁵ Ch. Foucauld, Dictionnaire Touareg — Français, Dialecte de l'Ahaggar. [б. м.], 1951, т. I, стр. 137—138, 249—250.

¹⁶ Ch. Tissot, Exploration scientifique de la Tunisie, — «Geographie comparée de la province romaine d'Afrique», т. II, Paris, 1888, стр. 712 (note).

¹⁷ Ch. Tissot, Exploration scientifique...

¹⁸ R. Dozy, Supplément aux dictionnaires arabes, т. II, Leyde, 1881, стр. 417. Автор благодарит Л. Е. Куббеля за помощь в ознакомлении с этой работой.

чается еще в хадисах)¹⁹. Хадисы, по И. Гольдциеру, относятся к VII—IX вв. н. э. Арабское завоевание Северной Африки началось именно в VII в. Логично поэтому было бы предположить, что имел место обратный процесс — из языка местного берберского населения слово *гар* (кара) попало в язык завоевателей. В подобных случаях заимствуется прежде всего терминология, относящаяся к локальным особенностям флоры, фауны, природных условий и т. п.²⁰. Процент местных (берберских) заимствований в арабском языке Северной Африки невелик (10—15% в Марокко, 8—9% в Алжире и Тунисе, 2—3% в Ливии)²¹, но именно такие слова занимают среди них значительное место.

Все сказанное выше, однако, отнюдь не следует толковать как подтверждение гипотезы Ш. Тиссо, против которой выступил С. Рейнак. Вопрос о родстве берберских языков и языка гарамантов остается, как уже говорилось, открытым. Он требует доказательств и обоснований, которыми мы пока не располагаем.

В 20—30-е годы XX в. «берберско-туарегские» теории вновь привлекли внимание специалистов. Впрочем, теперь соответствующие высказывания звучат уже гораздо менее категорично. Английский ученый Ф. Р. Родд, в частности, обратил внимание на название туарегского племени *Igermeden*, живущего в горах Тафидет (крайний восток Аира), и связь корня *germ* с названием Джермы (Гарамы) в Феццане²². Указав, далее, на то, что в топонимике Аира этот корень встречается очень часто, Ф. Р. Родд делает весьма осторожный вывод: никакими доказательствами переселения племени *Igermeden* из Феццана мы не располагаем, хотя подобного рода миграция и могла иметь место в какие-то очень отдаленные времена²³. Такая гипотеза сама по себе не содержит ничего невозможного. Однако в интересующей нас части предположение Ф. Р. Родда фактически связано не с историей гарамантов, а с историей туарегов; в таком случае эта гипотеза прямого отношения к нашей теме не имеет.

В 30-х годах XX в. значительное внимание вопросу о Гараме и гарамантах уделял видный итальянский ученый Ф. Бегино. Название города он считает берберским словом (не исключая при этом гипотезы, что оно может относиться и к другому языку, который, возможно, предшествовал берберскому на интересующей нас территории)²⁴. Ф. Бегино сближает наименование гарамантской столицы с такими словами языка тамашек, как *aghrem*, *ighrem*, *agharem* (звучащие в разных диалектах по-разному обозначения крепости, города, селения, деревни и т. п.). По мнению Ф. Бегино, это местное название (содержащее велярное *gh*, которое отсутствует в латыни) римляне превратили в «Гарама».

Эти соображения итальянского ученого представляют большой интерес, хотя их нельзя признать целиком бесспорными. Вполне возмож-

¹⁹ «Лисан ал-араб», т. V, Бейрут, 1956, стр. 121 (на араб. яз.). Данное издание было указано В. В. Матвеевым. Автор выражает ему благодарность как за указание этого словаря, так и за помощь при работе с ним.

²⁰ Аналогичную картину можно наблюдать и при изучении латиноамериканского материала. См.: Г. В. Степанов, Испанский язык в странах Латинской Америки, М., 1963, § 57—63.

²¹ Ю. Завадовский, Арабские диалекты Марриба, М., 1962, стр. 66.

²² F. R. Rodd, *The People of the Veil*, London, 1926, стр. 306, 406. Туарегское название Джермы — Джермата. См.: F. Beguinot, *I Linguaggi*, — «Il Sahara Italiano», Parte prima. «Fezzan e oasi di Gat», Roma, 1937, стр. 499 (далее — «Il Sahara...»).

²³ F. R. Rodd, *The People of the Veil*, стр. 306, 406.

²⁴ F. Beguinot, *I Linguaggi*, ср. В. Pace, *Storia antica...*, — «Il Sahara...», стр. 279—280.

но, что единственные дошедшие до наших дней названия, непосредственно связанные с древнейшими обитателями Феццана — Гарама и гарамант, — принадлежат не их языку, а языку их соседей, или, по крайней мере, были искажены этими последними до неузнаваемости. Но следует ли связывать термин «Гарама» преимущественно с римлянами? Действительно, его впервые употребил Плиний (V, 36) в I в. н. э. Однако не следует забывать и второго термина — «гарамант», который встречается у Геродота (IV, 174, 183) за четыре века до Плиния; если же учесть, что указанные разделы восходят либо к Гекатею (начало VI — конец V в. до н. э.), либо к Эвгамону Киренскому (первая половина VI в. до н. э.)²⁵, то дату первого упоминания придется отодвинуть еще дальше.

Таким образом, вряд ли можно считать, что Ф. Бегино был прав, когда указал только на римлян и не упомянул греков. Этноним и название столицы с совершенно одинаково звучащей основой не могли, как нам представляется, быть разного происхождения. Правильнее было бы думать, что название Гарама, возможно, именно так, как писал Ф. Бегино, появилось сначала у греков (в одном из не дошедших до нас источников), а римские авторы просто заимствовали его.

Следует сказать, что для Ф. Бегино и некоторых его соотечественников, писавших о Феццане в 30—40-е годы, вообще характерно было преувеличение римского влияния в этом районе.

После Ф. Бегино, насколько можно судить по литературе, берберско-туарегская этимология не привлекала внимания исследователей.

Истоки другой группы гипотез, связанной с языком теда, можно усмотреть, пожалуй, в совершенно забытой теперь книге австрийца Лео Рейниша, опубликованной в 1873 г.²⁶ Содержание книги состояло в попытке обосновать... единое происхождение всех языков Старого Света. Все народы Европы, Азии и Африки, писал Л. Рейниш, произошли от одного и того же африканского племени, обитавшего некогда на озерах восточной части континента. Доказательство этого автор видел в существовании языка теда, имевшего, как он полагал, «трехтысячелетнюю» историю²⁷.

Произведение Л. Рейниша представляет собой лишь своего рода историко-лингвистический курьез и вряд ли заслуживает специального разбора. Однако мысль о том, что теда существовали еще в древности, встречается и у других авторов, хотя и в несколько иной связи. В 1899 г., например, англичанин А. Кин предположил, что упоминаемые Птолемеем тедамансии — это, с одной стороны, теда, а с другой — гараманты, и, следовательно, между нынешним народом теда и древнейшими обитателями Феццана можно поставить знак равенства²⁸. В 1921 г., переиздавая свою книгу, А. Кин вновь повторил эту мысль. Однако он не встретил никакой поддержки. Австрийский этнограф П. Фукс, один из виднейших специалистов по теда, совершенно справедливо оценивает этимологию А. Кина как сближение случайных созвучий²⁹.

²⁵ W. Aly, *Volksmärchen, Sagen und Novellen bei Herodot und seinen Zeitgenossen*, Göttingen, 1921, стр. 130, 133, 134. Автор выражает искреннюю признательность А. И. Доватуре за указание этой работы и за любезное разрешение воспользоваться экземпляром из его личной библиотеки.

²⁶ L. Reinisch, *Der einheitliche Ursprung der Sprachen der alten Welt nachgewiesen durch Vergleichung der afrikanischen, erythräischen und indogermanischen Sprachen mit Zugrundelegung des Teda*, Wien, 1873, Bd I.

²⁷ Там же, стр. X, XII.

²⁸ A. H. Keane, *Man. Past and Present*, Cambridge, 1899, стр. 474—475.

²⁹ P. Fuchs, *Die Völker der Südost-Sahara*, Wien, 1961, стр. 199.

И все-таки нельзя сказать, что идеи Л. Рейниша о трехтысячелетней истории теда исчезли бесследно. В качестве еще одного примера сошлемся на книгу англичанина Р. Палмера «Борну, Сахара и Судан» (1936). Построения Р. Палмера выглядят не менее фантастически, чем идеи его предшественников. Начинает он с того, что отождествляет доарабское и дотуарегское оседлое население оазисов к западу от Египта с так называемыми «ахел-гара» из средневековых хроник Борну³⁰. Затем включает в состав «ахел-гара» народ «гура'ан», или «гараван» (арабское название теда)³¹. Опираясь на это созвучие и ссылаясь на языки группы канури-теда, Р. Палмер переводит название «Гарама» как «место Гара»³².

Но, чтобы подтвердить это, следует доказать, во-первых, что сходство названий «гараван» и «гараманты» — не случайное созвучие и, во-вторых, что теда — действительно потомки гарамантов. Р. Палмеру не удалось привести сколько-нибудь убедительных аргументов ни в пользу первого, ни в пользу второго своего утверждения. Попытка же его отождествить «ахел-гара» с «nobatae» византийских авторов совершенно несостоятельна. У Космы Индикоплова, например, сказано совершенно определенно: «нобаты и гараманты» (Νοβάτας τε καί Γαράματαις)³³. Да и вообще хорошо известно, что нобатами византийские авторы называли никак не обитателей Феццана, а жителей Нубии.

Говоря о построениях, основанных на созвучиях между древними и современными терминами (безотносительно к языку), французский ученый А. Бертело в свое время ядовито заметил, что, увлекшись этим методом, можно «доказать» решительно все, что угодно. Разве не близки, например, по звучанию такие слова, как «мусуламии», упоминаемые Птолемеем, и... «мусульмане»?³⁴ Обзор, которому посвящены предыдущие страницы, позволяет заключить, что замечание А. Бертело не только остроумно, но и довольно точно характеризует некоторые из перечисленных теорий.

Но, конечно, главный минус всех этих гипотез (включая сюда и те, которые не заслуживают столь суровой оценки) состоит в другом. Их авторы и сторонники молчаливо считают доказанной связь языка тамашек и языка теда с языком, на котором говорили гараманты. На самом же деле это отнюдь не доказано и не может быть доказано, пока не будут установлены характер гарамантского языка, его происхождение и связи.

Несомненный интерес для нашей темы представляет вопрос о связи этнонима «гарамант» с древнеегипетским языком. В литературе, правда, эта проблема пока затрагивалась лишь косвенно. Так, польский ориенталист Антони Смешек, специально занимавшийся ливийскими народами, известными египтянам и грекам, ни одного народа со сколько-нибудь похожим названием в своей работе³⁵ не упоминает. Однако в его исследовании содержится интересный сравнительный материал об окончании -nt и египетском wntjw. В 1935 г. вопросу о названиях Ливии в древнем Египте посвятил специальную работу Д. А. Ольдерогге³⁶.

³⁰ R. Palmer, The Bornu, Sahara and Sudan, London, 1936, стр. 4.

³¹ Там же, стр. 5.

³² Там же, стр. 17.

³³ «The Christian Topography by Cosmas Indicopleustes», London, 1909, стр. 119.

³⁴ A. Berthelot, L'Afrique saharienne...

³⁵ A. Smieszek, Peuples libyens, connues des Egyptiens et des Grecs, — «Rocznik Orientalistyczny», t. V (1927), Lwów, 1929, стр. 186—200.

³⁶ Д. А. Ольдерогге, Население Ливии в древнеегипетских надписях, — «Известия Академии наук СССР», отд. общественных наук, 1935, сер. VII, т. 5, стр. 519—537.

Дальнейшая разработка проблемы грамматско-древнеегипетских связей, несомненно, будет существенно важной не только для уяснения смысла этнонима гарамант, но и для всей нашей темы в целом.

Как видим, вопрос о происхождении названий «гарамант» и «Гарама» еще не получил окончательного разрешения. При нынешнем уровне наших знаний можно попытаться лишь в самой общей форме сформулировать следующие основные положения.

Названия «гараманты» и «Гарама» — единственные дошедшие до нас слова языка гарамантов. Эти наименования, по всей вероятности, были изменены греками, приспособлены ими к фонетическим особенностям греческого языка, а из сочинений Геродота и его предшественников (Гекатея и Эвгамона) стали известны римлянам. В пользу этого предположения говорит и суффикс -ант, хотя и пелазгический, т. е. догреческий по происхождению, но вошедший затем в состав греческого языка. Можно предполагать, что указанный этноним возник в связи с наименованием столицы гарамантов и расшифровывается как «люди из Гарамы». Вопрос же о происхождении языка гарамантов и о связях или родстве его с языками более поздних обитателей района пока решить не представляется возможным.

II

Сведения, которые дают известные основания для попыток определить границы страны гарамантов, мы находим у двух авторов. Это Геродот (IV, 183) и Птолемей (I, 8; I, 9; IV, 6). Опираясь на данные первого из них, П. Фукс следующим образом очерчивает пределы гарамантской территории: Хун — на севере, Куфра — на востоке, отроги Тибести и Эннеди — на юге, пустыни в районе Мурзука — на западе³⁷. Исследование данных Птолемея французским ученым А. Бертелло дало следующие результаты: территория от Ахаггара до Дарфура и Вадая, включая Тассили, Феццан и юг Борну³⁸. Французский ученый Г. Сагазан определяет эти границы в более общей форме — от Джебель Сода до оз. Чад³⁹.

Прежде чем перейти к сопоставлению всех этих вариантов, отметим, что в данном случае речь идет, конечно, не о пограничной линии современного типа (хотя в Сахаре многие участки границы не демаркированы и не имеют постоянной охраны и поныне). Пределы гарамантской территории были, очевидно, ограничены рубежами расселения племени, наиболее отдаленного от центра. Эти последние логично было бы связать с издревле сложившимися границами пастбищ и иных скотоводческих угодий (если речь идет о скотоводах). В сельскохозяйственных районах дело обстоит сложнее. Здесь следует учитывать множество разнообразных факторов, что при нынешнем уровне наших знаний о древнем прошлом Ливии (и особенно Феццана) далеко не всегда возможно.

Попытаемся сопоставить данные Геродота и Птолемея в интерпретации только что упомянутых исследователей. Меньше всего разногла-

³⁷ P. Fuchs, *Die Völker...*, стр. 194.

³⁸ A. Berthelot, *L'Afrique saharienne...*, стр. 384 и сл.; ср.: B. P a s e, *Storia antica...*, стр. 282. В последнее время африканская часть «Географии» Птолемея вновь привлекла внимание исследователей. См.: R. M a u n y, *L'Ouest Africain chez Ptolémée*, — «Comptes Rendues de la 2 Conférence internationale de l'Afrique Occidentale (Bissau, 1947)», Lisboa, 1950, стр. 241—293; G. d e S a g a z a n, *L'Afrique intérieure d'après Ptolémée*, — «Annales de Géographie», № 319, Mai — Avril, 1951, стр. 112 и сл.; E. P o l a s c h e k, *Ptolemy's Geography in a New Light*, — «Imago Mundi», 1959, vol. XIV, стр. 17—37.

³⁹ G. d e S a g a z a n, *L'Afrique intérieure...*, стр. 116.

сий здесь по поводу северных границ. Это неудивительно: чем севернее расположен тот или иной район Ливии, тем раньше и лучше он освещен в источниках и литературе. Оба наших автора, несомненно, располагали реальными сведениями о северных рубежах влияния гарамантов.

Геродот сообщает (IV, 183), что от лотофагов до гарамантов — 30 дней пути. Если учесть, что лотофагов он помещает восточнее Триполи (IV, 177), то получается примерно 800 км^{39а}. Реальность подсчетов Геродота подтверждается тем, что немецкий путешественник Нехтигаль в 1869 г. (когда транспортные средства в Сахаре не слишком еще отличались от древних) прошел этот маршрут тоже за 30 дней.

Путь, о котором мы только что говорили, нельзя, как это делал Геродот, назвать самым коротким маршрутом от Феццана до побережья. Но путь этот был самым оживленным и удобным. Здесь пролегла караванная трасса между Феццаном и Триполи. Об этой трассе были прекрасно осведомлены карфагенские и греческие купцы, информацией которых пользовался Геродот. И фактически он был не так уж неправ: караван, избравший этот путь, достигал пункта назначения с большей безопасностью, дорога здесь была легче⁴⁰.

Таким образом, расстояние примерно в 800 км оказывается совершенно реальным. Подтверждают это и данные Птолемея (I, 8). От Лептиса до Гарамы, согласно его подсчетам, 5400 стадий. Это соответствует примерно 850 км караванного пути⁴¹.

Опираясь на эту цифру, попробуем определить границы наибольшего продвижения колонизаторов в интересующих нас районах. Известно, что в III в. н. э., когда продвижение римлян на юг современной Ливии достигло крайней точки, самые южные их посты были расположены по линии Гадамес — Бу Нджем — Джерия эл Габрия⁴². Расстояние от этой линии до побережья колеблется в пределах от 170 км (район Джебель Нефуса) до 400 км (Гадамес)⁴³. Таким образом, даже в этот период гарамантская столица была отделена от границы своего рода «свободной зоной», ширина которой была не меньше 400—600 км; во времена Геродота это расстояние было, конечно, гораздо значительнее.

Северными или северо-западными соседями гарамантов, по Геродоту, были маки (IV, 175); северо-западными или северными, по-видимому, насамоны (IV, 172 и 174); по Страбону, гетулы (XVII, 3, § 19, 835) и в какой-то мере псиллы (II, 33, 131); по Плинию, фазаний (V, 4)⁴⁴.

Противоречивость источников по интересующим нас вопросам хорошо известна. Но следует иметь в виду, что сообщения перечисленных авторов относятся к разному времени и, более того, иногда отделены друг от друга не одним столетием. Вполне уместным было бы предположение о миграциях племен — миграциях, причины которых нам неиз-

^{39а} R. Carpenter, A Trans-Saharan Caravan Route in Herodotus, — «American Journal of Archaeology», 1956, vol. 60, № 3, стр. 234.

⁴⁰ B. Neumann, Nordafrika (mit Ausschluss des Nilgebietes) nach Herodot., Leipzig, 1892, стр. 108; ср. S. Gsell, L'Histoire d'Afrique du Nord, t. IV, Paris, 1920, стр. 138—139.

⁴¹ A. Berthelot, L'Afrique saharienne..., стр. 308. Г. Сагазан (G. S a g a z a n, L'Afrique intérieure, стр. 112) дает другую цифру — немногим более 800 км.

⁴² S. Gsell, La Tripolitanie et le Sahara en III-e siècle, — «Mémoires de l'Institut National de France. Académie des Inscriptions et Belles Lettres», 1933, t. 43, pt I (на самом деле 1926), стр. 153—154; R. E. M. Wheeler, Rome beyond the Imperial Frontiers, стр. 95.

⁴³ S. Gsell, La Tripolitanie..., стр. 153—154; Ш. Жюльен, История Северной Африки, т. I, М., 1961, стр. 180.

⁴⁴ По-видимому, одно из племен, входивших в объединение гарамантов. См.: O. Bates, Eastern Libyans, стр. 58—59.

вестны. Может быть, на этом пути и следует искать объяснение сообщений тех или иных античных авторов.

Указанные народы или племена населяли в основном ту 400—600-километровую зону, которая находилась между самой южной цепочкой римских постов и непосредственно гарамантской территорией. На протяжении веков размеры этой зоны менялись: она то сокращалась, то увеличивалась. Были в пределах этой зоны, видимо, более или менее независимые от карфагенян или римлян районы; были и территории, находившиеся под властью пришельцев с севера.

Для нас интереснее, конечно, независимые, более отдаленные от побережья и более близкие к гарамантам территории. Но о них мы почти ничего не знаем.

Итальянский географ Э. Скарин, специально изучавший эти районы, считает их переходной зоной между местами обитания маков, псиллов и насамонов (с одной стороны) и гарамантской территорией (с другой). Зона эта, по мнению Э. Скарин, не была независимой, но, видимо, находилась под властью гарамантов⁴⁵.

Следует отметить, что в основе своей эти выводы довольно правдоподобны. Существование переходной зоны, своеобразной «ничьей земли», служившей, видимо, прибежищем беглецам или изгнанникам приморских северных районов, подтверждается источниками. Ливий (XXIX, 33) сообщает, что Массинисса, лишенный трона и изгнанный из Нумидии, ожидал прибытия римского флота где-то «между пунийскими эмпориями и племенем гарамантов». Аппиан (H. R., VIII, 10—12) приводит подробности этого эпизода, хотя непосредственно о гарамантах и не упоминает. О какой-то необитаемой зоне, отделяющей страну гарамантов от побережья, есть сведения и у других авторов (Plin., V, 25; Corippus, Johann., VI, 245, 285—286)⁴⁶.

В источниках нет указаний на то, что данные районы принадлежали гарамантам. Но это мнение Э. Скарин разделяют и некоторые другие исследователи, в частности, уже упоминавшийся австрийский этнограф П. Фукс⁴⁷.

Правдоподобнее, однако, что места, о которых идет речь, были не столько гарамантским владением, сколько территорией, не подвластной карфагенянам, а впоследствии римлянам. Господство же гарамантов в этих местах ни одним источником не зафиксировано.

Источники сообщают нам очень мало о взаимоотношениях гарамантов с их северными соседями — ливийцами. Здесь, пожалуй, можно вспомнить лишь рассказ Геродота о путешествии молодых насамонов к югу (II, 32). Во время этого путешествия насамоны должны были пересечь территорию, контролируемую гарамантами. Вряд ли последние так уж радушно встречали путешественников, пытавшихся проникнуть на юг; ведь именно посредничество в торговле с югом, как будет показано ниже, давало гарамантам весьма значительные преимущества. Может быть, как раз то обстоятельство, что насамоны благополучно пересекли земли своих южных соседей, и придало особое значение их путешествию? Сами гараманты, как мы знаем, неоднократно совершали торговые и иные экспедиции на юг; не случайно они, по сообщению Марина Тирского, приводимому у Птолемея (I, 8, 4), не менее чем дважды были проводниками римских отрядов, двигавшихся в этом направлении.

Можно добавить также, что, по свидетельству Аппиана, ливийцы

⁴⁵ E. Scarin, *La Giora e Zella (Le oasi del 29° parallelo della Libia occidentale)*, — «*Rivista Geografica Italiana*», fasc. V—VI, 1937, стр. 21.

⁴⁶ A. Merighi, *La Tripolitania antica*, Verbenia, 1940, vol. I, стр. 153—154.

⁴⁷ P. Fuchs, *Die Völker...*, стр. 194.

весьма охотно объединялись в летучие отряды, действовавшие против карфагенян (Н. R., VIII, 10—12), а также (Тас. Апп., IV, 23) против римлян.

Упоминавшийся выше Э. Скарин⁴⁸ предполагает, что район Джебел Уаддан (т. е. именно область близ Сокны и Хуна) был некогда занят смешанным макско-гарамантским населением, а затем маки (в которых итальянский географ усматривает берберов) оттеснили гарамантов на юг. Однако фактов в пользу этого предположения автор не приводит, равно как не приводит и объяснения, почему он считает берберами одних только маков, а гарамантов к берберам не причисляет. В современной науке высказанная им точка зрения уже не встречает поддержки⁴⁹.

Еще меньше, чем о северной границе, мы знаем о пределах влияния гарамантов на востоке, западе и юге.

С востока Феццан естественным образом замыкает Ливийская пустыня. Именно здесь расположены самые труднодоступные и непроходимые ее районы. Трудно сказать с полной определенностью, до каких оазисов доходило тут гарамантское влияние. Обычно в этой связи называют Куфру и Авенат⁵⁰.

Культурные связи обоих оазисов с крайним западом Феццана уже были предметом рассмотрения в литературе. Особое внимание обращалось при этом на сходство наскальных росписей Авената и Ин-Эззана⁵¹. Э. Готье в свое время указал также на то, что роспись охрой встречается только в этих двух, весьма далеко друг от друга расположенных районах⁵².

С конца 20-х годов⁵³ до наших дней эта проблема продолжает оставаться в поле зрения археологов, историков и этнографов. Исследование ее далеко еще не завершено, хотя работы последнего времени, точнее, последних лет, ввели в научный оборот новые материалы.

Так, западногерманский археолог Г. Ротерт, работавший в 1963 г. близ Гата, обнаружил там наскальные рисунки (три женские фигуры и фрагмент сосуда), поразительно напоминающие авенатские изображения⁵⁴. Открытие Г. Ротерта еще раз подтверждает наличие несомненной культурной общности между крайним востоком и крайним западом интересующего нас района в какой-то очень ранний, догеродотов, период его истории⁵⁵.

Экспедиция Г. Ротерта дала новый материал и по вопросу о феццанско-египетских связях. Штутгартскому археологу удалось открыть роспись, изображающую группу людей с кошачьими головами. Эта роспись, по мнению Г. Ротерта, очень близка к древнеегипетским сатирическим рисункам XIX—XX династий (1308—1085 гг. до н. э.)⁵⁶.

По-видимому, египетско-сахарские и египетско-суданские связи уходят корнями в еще более ранние времена. Отсутствие поздних свидетельств объясняется прогрессирующим высыханием пустыни, сде-

⁴⁸ E. Scarin, *La Giofra...*, стр. 22.

⁴⁹ G. C. Picard, *La civilisation de l'Afrique romaine*, Paris, 1959, стр. 67.

⁵⁰ P. Fuchs, *Die Völker...*, стр. 193, 194.

⁵¹ P. Graziosi, *Recherches préhistoriques au Fezzan et dans la Tripolitanie du Nord*, — «*Anthropologie*», 1934, t. 44, № 1—2, стр. 39.

⁵² E. Gautier, *The Ancestors of Tuareg*, — «*Geographical Review*», 1935, January, стр. 12—20.

⁵³ P. Graziosi, *Prehistoria*, — «*II Sahara...*», стр. 262.

⁵⁴ H. Rhotert, *Forschungsreise nach Südwestlibyen*, стр. 24.

⁵⁵ Находки Ротерта пока еще не датированы.

⁵⁶ Там же, стр. 24. Этот аспект феццано-египетских отношений должен быть рассмотрен в связи с проблемой происхождения культуры гарамантов.

лавшим ее в конце концов совершенно непроходимой на интересующем нас участке. Французский исследователь О. Шевалье в свое время отмечал уже, что между Египтом и северо-западом Африки со времени первых династий (т. е. с конца III тысячелетия до н. э.) существовала связь не только по прибрежным, но и по внутренним дорогам. Культуры, возделывавшиеся в Сахаре и Судане с древнейших времен, тождественны древнеегипетским. Это подтверждается семенами, обнаруженными при раскопках. Разновидности зерновых в оазисах Сахары отличаются от североафриканских и, наоборот, близки к образцам, обнаруженным при раскопках в древнем Египте. О. Шевалье считает далее, что земледельческая техника сахарских оазисов напоминает древнеегипетскую⁵⁷.

О племенах, живших между гарамантскими землями и зоной, где влияние древнего Египта проявлялось со всей очевидностью, известно очень немного. По Геродоту, к востоку от гарамантов жило племя, которое он также называет гарамантами (IV, 174), но которое по своему образу жизни резко отличается от описанного далее (IV, 183). Северо-восточнее, по-видимому, жили псиаллы (IV, 173), а за ними насамоны (IV, 172). Нет, однако, никаких указаний на то, что племена эти были подчинены гарамантам, находились под их влиянием. О населении же пространств, расположенных еще восточнее, Геродот ничего не сообщает.

Некоторые авторы⁵⁸ склонны видеть в обитателях Куфры тех пещерных эфиопов, на которых «охотились» гараманты. Это предположение не лишено правдоподобия; Геродот только упоминает своих «троглодитов» (IV, 183), но не локализует их ни южнее, ни западнее, ни восточнее гарамантов⁵⁹. Может быть, они и находились восточнее Феццана. Возможно также, что пещерные эфиопы жили не только восточнее, но и южнее гарамантов. Это даже правдоподобнее, так как эфиопами называли негроидов. Нельзя, однако, полностью исключить и предположения, что западные соседи интересующего нас народа также могли, целиком или частично, принадлежать к этой категории африканцев (которая — это необходимо отметить — вряд ли была однородной в этническом и даже в антропологическом отношении)⁶⁰.

К сожалению, и те, кто писал о гарамантах после Геродота, не сообщают практически ничего полезного для нас о населении, обитавшем к востоку от Феццана. Названия племен, приводимые разными авторами (по большей части вне связи с определенной территорией), не могут заменить главного: отсутствия данных об отношениях этих племен с гарамантами.

Первостепенный интерес представляет вопрос, известны ли были гараманты в древнем Египте. Положительный ответ на этот вопрос (он не кажется нам невозможным, см. выше) до крайности осложняется тем, что пока неизвестно, как называли египтяне древних обитателей Феццана.

Приходилось уже упоминать, что, по предположениям П. Фукса, западной границей гарамантов были «пустыни Мурзука». Таким образом,

⁵⁷ A. Chevalier, Deux outils en pierre trouvés près de Djado, — «Journal de la Société des Africanistes», 1933, t. III, fasc. I, стр. 74. См. также: W. Hoelscher, Libyen und Aegypten, München, 1937 (переиздание в 1955).

⁵⁸ B. A. Bermann, Historical Problems of the Lybian Desert, — «Geographical Journal», 1934, vol. 83, № 6, June, стр. 462.

⁵⁹ Herodotus, the 4th, 5th and 6th Books, with Introduction, Notes and Appendices, Indices, Maps by R. W. Macan, London, 1895, стр. 282 (далее — Macan). Cp. S. Gsell, L'Histoire ancienne..., t. IV, стр. 140.

⁶⁰ R. Mauny, Une route préhistorique à travers le Sahara occidental, — «Bulletin de l'Institut Française de l'Afrique Noire», 1947, № 1—4, стр. 355 (далее — BIFAN).

из гарамантских пределов исключается массив Тассили, с чем, однако, нельзя согласиться. Исследования последних десятилетий достаточно хорошо обосновали самую тесную связь этого района со всем гарамантским комплексом⁶¹.

Тассили-н-Аджер был одним из важных районов расселения гарамантов. Вероятно, он играл существенную роль в сезонных миграциях гарамантских скотоводов⁶². Его можно себе представить и своего рода крепостью, где укрывался от врагов «царь» гарамантов. Эти оба предположения не противоречат друг другу. Можно утверждать, что указанный горный массив гараманты использовали и для той и для другой цели. Представляется несомненным, что гарамантская сфера влияния проходила где-то здесь и намного западнее Тассили не простиралась.

В этой связи следует обратить особое внимание на юго-запад Тассили. Здесь, между этими массивами и соседним с ним Ахаггаром, и проходила линия разграничения двух культур — гарамантской и той, которую условно можно было бы назвать «культурой Тин Хинан»⁶³.

Сравнение найденных в Тин Хинане предметов с обнаруженными в Джерме позволяет прийти к выводу, что тин-хинанские находки относятся к иной культуре, чем гарамантская⁶⁴. Оттиск монеты императора Константина, обнаруженный внутри этого памятника, дает материал для его датировки. Однако стадии, на которой оказалось возможным создание подобной гробницы, несомненно должен был предшествовать достаточно длительный период развития. Это подтверждается найденной там же римской лампой начала III в. н. э. Следовательно, существование двух разных культур в этом районе — доказанный факт не только для IV в. н. э. (которым датируется упомянутая монета), но и для более раннего времени.

Таким образом, западные границы гарамантской культуры, гарамантской сферы влияния проходили где-то восточнее современной Абалессы, по горному району Ахаггар, по-видимому, между ним и Тассили. Являлись ли насельниками этого района одни только люди сравнительно высоко развитой культуры или горы служили также убежищем упоминавшимся выше троглодитам, сказать пока трудно. Однако, как уже приходилось упоминать, было бы неправомерно полностью исключить второй из названных вариантов⁶⁵.

Переходя к южным границам, следует прежде всего особо подчеркнуть, что если для севера, востока и запада этот термин («границы») применялся условно, то для юга употребление его носит еще более условный характер. Здесь следует различать: пределы реальной власти гарамантов; пределы их влияния на те или иные более южные племена

⁶¹ А. Бертело, анализируя данные Птолемея о горной цепи Гиргири, допускает возможность ее отождествления с Тассили, хотя и безоговорочно (заметим, что название «Гиргира» встречается в современном Тибести). Однако то, что Тассили — это «страна гарамантов», не вызывает у него никаких сомнений. См.: A. Berthelot, *L'Afrique saharienne...*, стр. 360. Ср.: G. Sagazan, *L'Afrique intérieure...*; M. Reygasse, *Gravures et peintures rupestres du Tassili des Ajjers*, — *L'Anthropologie*, 1935, т. XIV, № 5—6, стр. 571; Gautier, *The Ancestors...*; B. Pace, *Storia antica...*, стр. 282; T. Monod et Cauneille, *Nouvelles figurations rupestres de chars du Sahara Occidental*, — *BIFAN*, 1951, т. XII, № 1.

⁶² P. Fuchs, *Die Völker...*, стр. 194.

⁶³ По названию мавзолея близ Абалессы. См.: P. Reygasse, *Monuments funéraires préislamiques de l'Afrique du Nord*, 1950, стр. 88—100.

⁶⁴ Подробнее ответить на этот вопрос можно лишь после анализа материальной культуры Феццана.

⁶⁵ Возможно, далеко не все обитатели пещер, которых мы по традиции считаем стоящими на весьма низкой ступени развития, действительно оправдывают такую оценку. Росписи в пещерах, обнаруженные Г. Ротертом, — блестящее тому подтверждение. См.: G. Rhotert, *Forschungsreise...*

(возможно, платившие им дань); пределы, далее которых не проникали снаряженные в Гараме торговые экспедиции или просто одиночные торговцы.

Попытаемся очертить то, что окажется возможным в этом плане. Для античных авторов гараманты были самыми южными из известных им народов, обитателями самой границы известного им мира. Не случайно при перечислении некоторых удаленных от Рима местностей Вергилий, например, употребляет выражение «*extremi Garamantes*» (Вис. VIII, 44). Отметим, что Сервий Грамматик в схолиях к этому месту «Буколик» счел необходимым связать эту «удаленность» гарамантов с указанием на их свирепость («свирепы и как бы удалены от общения с людьми») ⁶⁶.

В этой фразе схолиаста можно отчетливо проследить прежде всего влияние гл. 174 кн. IV героодотовой истории. Однако гараманты, описанные Геродотом в этом разделе, хотя и избегали «общения с кем бы то ни было» (что согласуется с Сервием), в то же время не имели никакого оружия и не умели отражать врага; вряд ли можно было назвать «свирепым» подобное племя.

С другой стороны, нельзя не заметить в этих словах и очень характерного для римских авторов заключения: чем дальше тот или иной народ живет от границ Рима, чем больше образ жизни этого народа отличается от образа жизни римлян, тем более «жестоким», «диким», «воинственным» его называют ⁶⁷.

Интересно сопоставить цитированное место из «Буколик» с пророчеством Анхиза из «Энеиды». Воспевая подвиги Августа, Вергилий предсказывает, что власть императора скоро распространится «до гарамантов и индов» (Аен, VI, 794), т. е., следовательно, до крайних известных римлянам пределов на юг и на восток ⁶⁸. Существует мнение, что поэт имеет здесь в виду поход Корнелия Бальбы в Феццан и поражение, нанесенное этим полководцем гарамантам ⁶⁹. Это мнение подкрепляется тем, что вслед за успешным окончанием похода в Риме был устроен триумф Бальбу, и Вергилий, умерший в том же 19 г. н. э., несомненно, был свидетелем этого триумфа.

Следует, однако, иметь в виду, что творческая история «Энеиды» во многих отношениях неясна. Мы не располагаем доказательствами, что указанные выше стихи появились именно после похода Бальбы и его победы в Феццане. Для аргументации же противоположной точки зрения достаточно вспомнить, что гарамантов (и именно в таком плане, как и в IV песне «Энеиды») Вергилий упоминал еще в «Буколиках» (VIII, 44) — за 15—20 лет до римской экспедиции в Сахару.

⁶⁶ *Servi Grammatici, Libri qui feruntur in Vergilii carmina commentarii*, t. III, fasc. 1, Leipzig, 1887, стр. 100. — Эта фраза Сервия неоднократно привлекала внимание более поздних авторов; см., например: *Isidorus Hispalensis, Etymol.*, IX, 2, 125. Заметим, что у самого Вергилия *extremis* означает только «удаленный» в территориальном смысле. См.: *H. Merguet, Lexikon zu Vergilius*, 1912, стр. 231—232. Ср. также: «*Novus Apparatus Vergilii Poeticus*», t. I, Coloniae Agrippinae, 1703, стр. 705. — Здесь приводятся и эпитеты, характерные для упоминаний о гарамантах в более поздней литературе: помимо *extremi* и *saevi* также еще *nudi* «голые»; с этим определением нам придется еще встретиться у Лукана (*Phars.* IV, 334), *usti* («обожженные солнцем»); *arti* («темные», «черные»); *vagi* («бродячие», «кочующие»); *inculti* («дикие»); *feroces* («отважные» и другое значение — «необузданные», «дикие»).

⁶⁷ Ср.: *Caesar, De bello Gallico*, I, 1.

⁶⁸ См.: *A. Cordier, Etudes sur le vocabulaire épique dans l'Eneide*, Paris, 1939, стр. 183—184.

⁶⁹ См.: *M. Helliez, Géographie de Vergile*, Paris, 1771, стр. 110; *O. Bates, Eastern Libyans*, стр. 105. Ср.: *Р. Хенниг, Неведомые земли*, т. I, М., 1961, стр. 317; *Publi Vergilii Maronis Aeneidos liber quartus*, ed by P. S. Pease, Cambridge, Mass., 1935, стр. 226.

Таким образом, эти места у Вергилия логичнее было бы считать отражением традиционных географических представлений римлян, не имеющих связи с упомянутым выше походом прежде всего по причинам хронологическим.

Далее. То, что узнавали греки или римляне о странах и народах центральной части тропической Африки, было в большинстве случаев получено либо от гарамантов, либо находилось в какой-то иной связи с ними. Так, Птолемей сообщает, что гараманты — больше эфиопы, чем ливийцы; более того — теми и другими управляет один и тот же «царь» (I, 8). Это сообщение подтверждают результаты раскопок в районе Джермы (Гарамы), где в ряде захоронений были обнаружены скелеты с явными негроидными признаками.

По поводу географических пунктов, расположенных на южной границе гарамантов, есть сведения только у Птолемея. Мы встречаем здесь, в частности, сообщение о совместном походе гарамантов и римлян на юг, в страну Агисимба, где водятся носороги (Ptol., I, 7, 2; I, 8, 1; I, 8, 4; IV, 9, 4; VII, 5, 2). Можно считать, что этот маршрут был хорошо известен гарамантам. Если римские войска совершили подобную экспедицию впервые (или, в крайнем случае, во второй раз, при условии, что отрядом Септимия Флакка был проделан тот же путь)⁷⁰, то гарамантам, конечно, приходилось предпринимать подобные походы значительно чаще (Ptol., I, 8, 4). Есть все основания считать, что носороги доставлялись в римские цирки именно через посредство гарамантов.

Африканские носороги были известны древним грекам и римлянам сравнительно давно. Первое упоминание о них принадлежит Геродоту (IV, 191)⁷¹, хотя такого мнения придерживаются далеко не все комментаторы⁷². Затем о носороге сообщает Агатархид (II в. до н. э.). Римляне, видимо, впервые познакомились с этим животным в Египте во второй половине II в. до н. э. Из римских авторов раньше других о нем упомянул Гай Луцилий (180—102 гг. до н. э.).

До сих пор еще окончательно не установлено, когда первый носорог появился на арене Колизея. Это произошло, очевидно, не раньше 55 г. до н. э. и было связано с торжествами в честь Помпея. Светоний (Aug., 43) и Дион Кассий отмечают участие этих зверей в цирковых играх при Августе (26 г. до н. э.—5 г. н. э.). С конца I в. н. э. носороги появлялись в цирках систематически. Мы располагаем сообщениями об этом для царствования Домициана (81—96); существует даже монета этого императора с изображением носорога. К этому же периоду относится эпиграмма Марциала (Spect., 9, 22), где опять-таки упоминается носорог. При Коммодe (180—192), Каракалле (211—217), Гелиогабале (218—222) и при Гордиане III (238—244) носороги также появлялись в цирках Рима⁷³.

Следует, однако, добавить, что и в это время указанные животные представляли собой значительную редкость. Их количество было очень невелико. Так, при Гордиане в цирке было 60 львов, 32 слона и всего лишь один носорог⁷⁴.

⁷⁰ Точные даты как того, так и другого похода неизвестны. Не установлена также их хронологическая последовательность. Ср.: Р. Хенниг, *Неведомые земли*, стр. 418—420.

⁷¹ Steier, Nashorn, — «Real-Encyclopädie des classischen Altertumswissenschaft», Hb 32, 1953, стр. 17, 1785.

⁷² Macan, стр. 142.

⁷³ Steier, Nashorn, стр. 1785—1787; O. Keller, *Die antike Tierwelt*, Leipzig, 1909, Bd I, 384—386.

⁷⁴ L. Friedländer, *Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von August bis zum Ausgang der Antonine*, Leipzig, 1901, Bd II, стр. 72.

Можно, правда, предположить, что носороги доставлялись в Рим не из Африки, а из Индии, где также, как известно, водятся эти животные, или, может быть, носорогов привозили хотя и из Африки, но не из интересующих нас областей. Известно, например, что в Египет этих животных доставляли из нынешней Эфиопии.

Однако такие предположения не выглядят убедительно. Причины этому следующие. После Гордиана, т. е. начиная со второй половины III в. н. э., у нас нет сообщений об участии носорогов в цирковых представлениях на арене Колизея. А ведь именно тогда была снята самая южная, самая близкая к гарамантам линия римских гарнизонов в Африке⁷⁵. Это не могло не повлечь за собой известного сокращения торговли. Между тем, хотя египетский и, может быть, индийские пути доставки носорогов не были закрыты, животные эти больше в Рим не привозились. В литературных произведениях более позднего времени носороги описаны либо по сообщениям писателей предшествующих лет, либо по сведениям, не имеющим отношения к Африке⁷⁶.

Не опровергает сказанного и обнаруженная сравнительно недавно римская мозаика IV в. н. э. (Пьяцца Арменина, Сицилия), где в числе других животных фигурирует носорог⁷⁷. Подражательность римских мозаик, их зависимость от более ранних произведений хорошо известна, как известно и сравнительно большое число изображений носорогов в искусстве эллинистической и римской эпох⁷⁸.

Обратимся теперь к вопросу о тех районах, куда совершали путешествия около 100 г. н. э. римляне и гараманты и откуда, по всей вероятности, и доставлялись носороги.

Вопрос этот до сих пор не получил окончательного разрешения, споры по поводу «страны Агисимбы» продолжают до настоящего времени. Большинство более старых авторов склонно было считать, что названная Птолемеем страна — это, вероятнее всего, плато Аир (Асбен)⁷⁹. Сторонники этой идентификации есть и сейчас⁸⁰. Ф. Родд видел в Агисимбе один из районов Тибести⁸¹. Р. Палмер, на основании весьма фантастических сопоставлений в области топонимики, отождествлял Агисимбу с Аксумом и на этом основании строил предположения о связи Гарамы с Адулисом⁸². Заметим, однако, что и такой серьезный ученый, как Р. Мони (правда, отнюдь не категорически), выдвигал гипотезу о локализации Агисимбы где-то в Эфиопии⁸³. Некоторые авторы, в частности Р. Хенниг⁸⁴ и Г. Сагазан⁸⁵, помещают Агисимбу где-то в районе Чада.

Иного мнения придерживался А. Бертелло. Опираясь на цифру в 24 680 стадий (расстояние от побережья до указанной страны, по Пто-

⁷⁵ Ш. Жюльен, История Северной Африки, стр. 134. — Перевод этих гарнизонов и всего Третьего легиона Августа на Рейн датируется 238 г., и, хотя в 255 г. легион был возвращен в Африку, так далеко на юг он уже никогда не проникал.

⁷⁶ Steier, Nashorn; O. Keller, Die antike Tierwelt.

⁷⁷ Picard, La civilisation, стр. 379.

⁷⁸ Steier, Nashorn, стр. 1784.

⁷⁹ M. Vivien de Saint Martin, Le Nord d'Afrique..., стр. 216; H. Duveyrier, Exploration du Sahara. Les Touaregs du Nord, Paris, 1864, стр. 459; E. Gaucier, The Ancestors..., и др.

⁸⁰ P. Fuchs, Die Völker..., стр. 196.

⁸¹ F. R. Rodd, The People of the Veil, стр. 318; E. W. Bovill, The Caravans of the Old Sahara, London, 1933, стр. 19—20.

⁸² P. Palmer, The Bornu..., стр. 252.

⁸³ R. Mauny, Préhistoire et Zoologie: la grande «gaune éthiopienne» du Nord-Ouest africain du paléolithique à nos jours, — «BIFAN-A», 1956, t. XVIII, Janvier, стр. 257. В качестве другой гипотезы он просто называет «страны к югу от Феццана».

⁸⁴ Р. Хенниг, Неведомые земли, стр. 418—419, 474.

⁸⁵ G. Sagazan, L'Afrique intérieure...

лею), французский исследователь приравнивает их к двум с небольшим тысячам километров и локализует Агисимбу либо на юге Вадая, либо в Адамаве⁸⁶.

Этот сложный вопрос вряд ли разрешим в настоящее время, пока еще не проведены археологические исследования обширных районов к югу от Феццана. Хотелось бы, однако, указать на некоторые существенные моменты, связанные с этой проблемой.

Первое. Проблему эту следует решать с учетом изменения климатических условий в Сахаре и прилегающих к ней областях. Известно, что несколько тысячелетий назад носороги, упоминаемые Птолемеем, водились гораздо севернее, чем в настоящее время. Если обратиться к таблице, составленной Р. Мони по наскальным росписям и гравюрам, то можно констатировать наличие изображений носорогов в пяти пунктах Феццана (Тел Иссаген, Ин Хабетер, Масауда, Зигза, Бу Гнема), в пяти пунктах Тибести (Дозз, Гоноа, Тонгур, Арага, Ареун), в двух пунктах Аджджера (Джорат, Тин Беждедж), в одном пункте Аира (Талесдок) и в одном пункте в Джадо. Два феццанских изображения датируются Р. Мони периодом 5000 лет до н. э. — начало н. э., два — временем 5000—2500 лет до н. э., одно — периодом 2500—1000 лет до н. э. В Тибести одно изображение относится, по Р. Мони, к периоду 5000 лет до н. э. — начало н. э., одно — ко времени 2500 лет до н. э. — рубеж нашей эры, одно датировано 5000—1000 лет до н. э., одно — 2500—1000 лет до н. э. и одно не определено. В Аджджере изображения относятся к периоду 5000 лет до начала н. э. и 5000—1000 лет до начала н. э. Хронологические границы изображения в Аире — 1200 лет до н. э. — рубеж нашей эры, изображения в Джадо — 5000—1000 лет до н. э.⁸⁷

Все это убедительным образом свидетельствует о том, что еще несколько тысяч лет назад в Феццане водились носороги, и о том, что с течением времени они начали отходить на юг. Интересующая нас экспедиция, таким образом, происходила еще в тот период, когда не было необходимости идти на юг до Адамавы, чтобы увидеть живого носорога.

Второе. Вариант с Адамавой не кажется достаточно обоснованным и по другой причине. Это плато, даже в северной своей части, находится так далеко к югу от Феццана, что самая возможность такого путешествия вызывает серьезные сомнения. Пока еще никому не удалось опровергнуть общепринятой точки зрения, что через Гараму пролегал традиционный караванный путь к Чаду, и именно у Чада этот путь, по-видимому, завершался⁸⁸.

Третье. Совершенно не исследован (и более того — даже не ставился) вопрос о торговых партнерах гарамантов в указанных выше районах. Если караваны из Феццана достигали озера Чад, то не будет ли естественным предположение о возможности связей гарамантов с людьми культуры, обнаруженной Гриолем и Лебефом? Чрезвычайный интерес в этом плане представляет проблема появления металла в стране гарамантов. Нельзя считать полностью исключенной возможность получения ими металла не только от карфагенян или египтян, но и с юга.

Крайним юго-восточным форпостом гарамантов было Гарамантское ущелье, данные о котором приводит Птолемей (IV, 6). А. Бертелло, подробно исследовавший вопрос о локализации этого географического пункта, помещает его где-то близ восточной (точнее, близ юго-восточной) границы Ливии, по-видимому, либо в Эннеди, либо в Джебель-Мар-

⁸⁶ A. Berthelot, *L'Afrique saharienne...*, стр. 160, 307.

⁸⁷ R. Mauny, *Préhistoire...*, стр. 271—275.

⁸⁸ S. Gsell, *La Tripolitanie...*, R. E. W. Wheeler, *Rome beyond the Imperial Frontiers*, стр. 97; Cp.: E. W. Bovill, *The Caravans of the Old Sahara*, стр. 256.

ра⁸⁹. Уместно вспомнить в этой связи, что, по данным Страбона, идентифицированным тем же А. Бертелло, южная граница страны гарамантов проходила примерно по линии Аир-Агадем-Эннеди⁹⁰. Наконец, и П. Фукс, опираясь на данные Геродота и последующие исследования, также говорит, что южные рубежи гарамантской территории проходили по отрогам Тибести и Эннеди⁹¹.

Лишь один известный нам автор — Г. Сагазан — выступает защитником другой точки зрения. По его предположению, упомянутое ущелье и Агисимба находятся где-то рядом, много южнее Феццана, за оз. Чад⁹². В защиту своего мнения этот ученый не приводит никаких аргументов. Не выступает он и с критикой других специалистов, писавших по тому же вопросу (в то время как последние подтверждают свои гипотезы довольно вескими доказательствами). При этих условиях ему трудно рассчитывать, что его точка зрения получит какое бы то ни было признание и поддержку.

Остается подвести итоги. Таким образом, если пределы территории, на которой осуществлялась торговля гарамантов с их соседями, локализируются в районе оз. Чад, то границы земель, с которых собирали дань, очерчиваются по линии Аир-Эннеди. Границы непосредственно подвластной гарамантам территории указать пока трудно. Возможно, что на определенной стадии в этом плане следовало бы говорить о Тибести.

Разумеется, южные границы, о которых идет речь, отнюдь не оставались неизменными на протяжении всей истории гарамантов. Однако история взаимоотношений интересующего нас народа с его южными соседями еще очень неясна. Уже в геродотово время гараманты «охотились» на пещерных эфиопов (IV, 183), и это занятие, очевидно, было у них в числе главных. Трудно, однако, предположить, что не только в V в. до н. э., но и значительно позже гараманты нуждались в большом числе рабов. Вероятно, перед нами либо «охота на рабов» для продажи их в Карфаген или в греческие колонии побережья, либо походы для сбора дани. Может быть, налицо было и то и другое. Наличие же «общего царя» для гарамантов и эфиопов в птолемеево время свидетельствует о значительном расширении влияния гарамантов к югу от Феццана⁹³.

⁸⁹ A. Berthelot, *L'Afrique saharienne...*, стр. 361—362.

⁹⁰ Там же, стр. 248.

⁹¹ P. Fuchs, *Die Völker...*, стр. 194.

⁹² G. Sagazan, *L'Afrique intérieure...*

⁹³ Автор считает своим долгом принести сердечную благодарность А. И. Зайцеву за весьма ценные консультации при работе над данной статьей.

И. Н. Хлопин

ЭТНОГЕОГРАФИЯ ДЕРЖАВЫ АХЕМЕНИДОВ ПО ГЕРОДОТУ

История народов Переднего Востока середины I тысячелетия до н. э. не может быть рассмотрена без учета сведений Геродота. В «Истории» Геродота имеются два основных списка областей и народов, входивших в состав мировой империи Ахеменидов. В первом из них перечисляются административные податные округа, образованные Дарием I (III, 90—94, 97); во втором — перечисляются народы, входившие в армию Ксеркса I при походе на Грецию в 484 г. до н. э. (VII, 61—96). Многочисленные работы историков, подкрепленные лингвистическим анализом этно- и топонимов, содержат примерно сходные мнения о локализации сатрапий и их жителей, составлявших державу Ахеменидов. Рассмотрению правильности общепринятой локализации ряда племен, живших преимущественно к востоку от Месопотамии, и посвящена предлагаемая работа¹.

Однако прежде чем перейти к существу вопроса, необходимо сказать о том, что автор данной статьи не лингвист и потому строит свою систему доказательств не на лингвистическом анализе этно- и топонимов, который при неверной посылке и формальном подходе может превратиться в свою противоположность, а на источниковедческом анализе сочинений, в частности прежде всего Геродота; он принимает свидетельства Геродота такими, как они есть, а не пытается выяснить, «что он хотел сказать». В своих рассуждениях автор стремится не отрывать от конкретно-исторической действительности середины I тысячелетия до н. э.

Итак, в «Истории» Геродота содержатся два полных списка стран и народов, входивших в державу Ахеменидов. Приведем их в таблицах, чтобы не пересказывать длинный текст Геродота. В табл. 1 при-

¹ В предлагаемой работе из-за ее ограниченного объема не рассматривается принятая система аргументации в локализации племен (в частности, восточных), а приводится лишь то или иное мнение. Эта аргументация и история вопроса подробно рассматриваются в работах ряда исследователей: И. М. Дьяконов, История Мидии, 1956, стр. 336—361; Э. А. Грантовский, Сагартин и XIV округ государства Ахеменидов по списку Геродота, — КСИНА, № 46, 1962, стр. 227—250; его же, К истории восточноиранских племен на границах Индии, — КСИНА, № 61, 1963, стр. 8—30. Кроме того, вопрос о восточных сатрапиях Ахеменидов ставится почти во всех общих работах по истории Средней Азии и Переднего Востока, однако эти работы нами не упоминаются умышленно, поскольку практически не имеют самостоятельного значения.

Таблица 1

Номер сатрапии	Кто ее населяет	Номер сатрапия	Кто ее населяет
I	ионяне азиатские магнеты эоляне карийцы ликияне милии памфилы	XI	каспии павсикки пантиматы дарейты
II	мисяне лидяне ласонии кабален гитеннеи	XII	бактрийцы—до эглов
III	геллеспонтийцы фригийцы азиатские фракийцы пафлагонцы мариандины сирийцы	XIII	Пактиика Армения (их соседи)
IV	килийцы	XIV	сагартии саранги таманей утии мики жители островов Эри- трейского моря
V	Финикия Палестинская Сирия Кипр	XV	саки каспии
VI	Египет ливийцы Кирена Барка	XVI	парфяне хорасмии согды арен
VII	саттагиды гандарии дадики апариты	XVII	парикании азиатские эфиопы
VIII	Сузы киссии	XVIII	матиены саспейры алародии
IX	Вавилон Ассирия	XIX	мосхи тибарены макроны масинойки мары
X	Агбатаны Мидия парикании ортокорибантии	XX	индийцы
		не платили дани	Персия
		добровольные подарки	эфиопы, соседствующие с Египтом, колхидяне, арабы

Таблица 2

VII книга	Название народа	Чье вооружение	Предводитель
61	персы	Пехота мидийское	Отан, тесть Ксеркса
62	мидяне киссии гиркании	то же » »	ахеменид Тигран Анаф, сын Отана Мегапан
63	ассирийцы	свое	Отасп, сын Артахея
64	бактрийцы саки-амюрги	бактрийское свое	Гистасп, сын Дария и Атосы
65	индийцы	индийское	Фарназафр, сын Артабата
66	ареи парфяне хорасмийцы согды гандарии дадики	бактрийское (луки мидийские) бактрийское то же » » »	Сисамн, сын Гидарна Артабаз, сын Фарнака Азан, сын Артэя Артифий, сын Артабана
67	каспийцы саранги пактии	свое мидийское пактийское	Ариомард, брат Артифия Ферендат, сын Мегабаза Артинт, сын Итаматра
68	утии мики парикании	то же » »	Арсамен, сын Дария Сиромитр, сын Ойобаза
69	арабы эфиопы, соседящие с Египтом	свое »	Арсам, сын Дария и дочери Кира Артистоны
70	азиатские эфиопы	индийское	?
71	ливийцы	свое	Массаг, сын Оариза
72	пафлагонцы матиены лигии мариандины каппадокийцы	пафлагонское » » » »	Дот, сын Мегасидра Гобрий, сын Дария и Артистоны
73	фригийцы аряяне	» »	Артохм, зять Дария
74	лидыяне мисяяне	эллинское свое	Артафрен, сын Артафрена
75	фракийцы	(свое?)	Бассак, сын Артабана

VI книга	1	Название народа	Чье оружие	Предводитель
76		?	свое (рогатины ликийские)	Бадр, сын Гистана
77		кабалеи (ласонии) мили	кикийское свое (луки ликийские)	
78		мосхи тибарены макроны моиноики	мосхское » » »	Ариомард, сын Дария и Пармис Артакт, сын Херасмия
79		мары колхидяне алародии саспейры	свое колхидское » »	Фарандат, сын Теаспа Масистий, сын Сиромитра
80		жители островов Эритрейского моря	мидийское	Мардонт, сын Багея
84		персы	Конница мидийское	Гармамифр и Тифей, сыновья Датиса
85		сагартин (персидское племя)	мидийско-пактийское	
86		мидяне киссин индийцы* бактрийцы* каспин* ливийцы* парикани арабы.	мидийское то же » бактрийское свое » пактийское свое, верблюды	
89		финикийцы палестинские сирийцы египтяне	Флот туземно-эллинское то же египетское	
90		киприане	эллинское	
91		кикийцы памфилы	кикийское эллинское	
92		ликийцы	свое, ликийское	
93		азиатские дорийцы карийцы	эллинское эллинское и свое	
94		ионяне	эллинское	
95		жители островов эоляне геллеспонтийцы	то же » »	

* Имели боевые колесницы.

Таблица 3

Номер сатра- пии	Эллинское	Киликийское	Пафлагонское	Колхидское	Пактийское	Мидийско- персидское	Москское	Бактрийское	Индийское	Свое, индивиду- альное	Народы, не назы- ваемые в армии Ксеркса
V	финикийцы палестинские сирийцы киприане										
I	памфилы азиатские лорийцы карийцы ионяне эоляне									ликняне милли	
II	лидияне	кабален (ласонии)								мисьяне	гитенней
IV		килий- цы									
III	геллеспон- тийцы		пафлагонцы мариандины каппадокий- цы фригийцы							фракийцы	
XV III			матиены	алародии саспейры							
				колхидяне							
XIII			армяне		пактии						
XIV					утии мики	саранги жители островов Эритрейского моря					таманей
					сагартин						

X						парикании	мидяне								ортокорибан- тии
VIII							киссини								
							персы								
XIX											мосхи тибарены макроны масинойки			мары	
XII											бактрийцы				эглы
XVI											парфяне хорасмни согды арен				
VII											гандарии далики				саттагиды апариты
XVII							парикании						азиатские эфюпы		
XX													индийцы		
V														египтяне	
IX														ассирийцы	
XI														каспии	павски пантиматы дарейты
XV														каспии саки-амюр- гин	
Народы, не вошед- шие в саггании Да- рия I											гиркании				

водится список податных округов Дария I с жившими в них народами; в таблице 2 — список вооруженных сил персидской армии Ксеркса I.

Кроме указанных полных списков стран и народов в труде Геродота мы можем найти еще несколько неполных, частных.

1. Описание царской дороги от Сард до Суз с указанием следующих друг за другом стран и расстояний, приходящих на эти страны: Лидия и Фригия (95,5 парсанга), Каппадокия (104 парсанга), Киликия (15,5 парсанга), Армения через Евфрат (56,5 парсанга), Маттиена 137 парсангов), наконец, Киссия (42,5 парсанга) с рекой Хоаспой и на ней город Сузы (V, 52).

2. Перечисление собственно персидских племен, которые не подвергались обложению: «Роды эти, в зависимости от которых находятся все прочие персы, таковы: пасаргады, марафии, маспии. Значительнейший из них пасаргады; в их среде находится и дом Ахеменидов, откуда происходят цари-парсеиды. Остальные парсы: панфиалаи, дерусиэи, германии. Все эти роды — земледельческие, прочие — кочевники: даи, марды, дропики, сагартии» (I, 125).

3. Перечень народов, земли которых граничили по реке Ак: «...а лежит (эта равнина) на границах земель этих самых хорасмиев, гирканиев, парфян, сарангов и таманеев» (III, 117).

4. Перечень народов Малой Азии: «С течением времени покорены были Крезом почти все народы, обитающие по сю сторону реки Галиса, за исключением киликийцев и ликийцев (именно: лидяне, фригийцы, мисяне, мариандины, халибы, пафлагонцы, фракийцы финские и вифинские, карийцы, ионийцы, доряне, эоляне, памфилы» (I, 28).

5. Перечень земель, через которые протекала река Галис: «Границу между царством мидийским и лидийским составляла река Галис. Вытекая из армянской горы и протекая сначала земли киликийцев, она оставляет потом вправо матиенов, влево фригийцев; пройдя через эти страны и протекая на север, река отделяет сирийцев-каппадокийцев от находящихся на левой стороне пафлагонян. Таким образом, река Галис отрезает почти всю нижнюю часть Азии — от моря, что против Кипра, до Эвксинского Понта» (I, 72) (перевод А. И. Доватура).

Приведенные частные перечни стран и народов понадобятся нам впоследствии для взаимопроверки предлагаемой локализации некоторых восточных стран и народов.

Для выяснения правильности локализации перечисленных Геродотом племен и народов их следует обработать при помощи корреляционного метода, т. е. разместить на корреляционном поле (табл. 3). Прежде чем это сделать, следует установить некоторые принципиальные исходные послышки.

Мы исходим из следующих положений: во-первых, народы одного и того же административного округа не могут быть оторванными друг от друга на значительные расстояния; во-вторых, народы, входившие в состав отрядов войска Ксеркса и вооруженные одним типом оружия и снаряжения, должны находиться по отношению друг к другу в реальном соседстве; в-третьих, последовательность в перечислении Геродотом сатрапий Дария I не содержит в себе никакой закономерности и является случайной (например, XII, XIII и XIV сатрапии включали соответственно бактрийцев, армян и народы южного и восточного Закаспия). Поэтому принятая Геродотом последовательность сатрапий не принимается нами в расчет.

По горизонтали корреляционного поля мы откладываем, придерживаясь направления с запада на восток, типы вооружения перечисленных

в армии Ксеркса I народов, причем все единичные народы с оригинальным вооружением вынесены для сведения в крайнюю правую колонку и в общий расчет по сути дела не входят. В колонки по вертикали мы помещаем сатрапии без учета, как уже говорилось, геродотовой последовательности; нас интересует лишь перечисление народов в каждой сатрапии, а номер ее, по Геродоту, приводится лишь для ориентации и проверки правильности наших построений. Наконец, в последнюю вертикальную колонку и в нижний горизонтальный ряд нами вынесены народы, не упомянутые в каком-либо перечне и место которых на корреляционном поле не поддается определению.

Прежде чем излагать выводы из корреляционной табл. 3, следует сделать несколько вводных, но весьма существенных замечаний.

Впервые группировку войск Ксеркса по признаку вооружения отметил И. В. Пьянков², и он считает, что таких групп было шесть; это число, как он полагает, соответствует числу главных военачальников и топархий в составе империи Ахеменидов. Безусловно интересная и правильная мысль И. В. Пьянкова нуждается, с нашей точки зрения, в незначительной поправке: согласно корреляционной таблице, таких групп насчитывается девять, и это число увеличивается вдвое за счет народов с индивидуальным вооружением. Как это сочетается с количеством главнокомандующих, для нас в данном случае не представляет интереса, но неслучайность этого очевидна.

Наиболее существенным для нас является несовпадение административных округов с группами народов, связанных общностью вооружения. Это хорошо прослеживается по данным шести первых колонок, где народы образуют своего рода непрерывную цепочку. Что же касается трех последних групп народов, то они не перекрещиваются друг с другом: это — северо-восточноанатолийская группа народов, бактрийская и индийская. Объясняется это явление, на наш взгляд, довольно просто: народы, расположенные к западу от Мидии и Персии, включались в податные округа по мере их завоевания. Персы, проводя свою «национальную политику», не руководствовались при образовании податных округов исторически сложившимися и традиционными взаимоотношениями тех или иных покоренных народов. Им было безразлично, что в вооружении, например, фригийцев, матиенов и армян прослеживается определенная общность. По мере присоединения армяне были объединены с более чуждыми им пактиями, матиены — с алародиями и саспейрами, а фригийцы — с основными народами Северной и Центральной Анатолии.

Все это свидетельствует о том, что при образовании податных округов «национальные характеристики» завоеванных народов не принимались во внимание.

Несколько иначе обстояло дело с восточными, бактрийскими и индийскими народами, поскольку они не образуют цепочки. Тут мы имеем наглядный пример воздействия географических факторов: все племена бактрийской группы располагаются к северу от горных систем Копет-Дага и Гиндукуша; дадики (их точная локализация пока затруднительна) и гандарии обычно локализуются южнее Гиндукуша, но их нахождение в этих местах можно полагать не исконным и считать, что эти племена находятся в генетическом родстве с остальными племенами бактрийской группы. Кстати, наличие у этой группы племен именно бактрийского, а не хорезмийского вооружения, указывает на отсутствие хорезмийской гегемонии в предахеменидское время на территории Сред-

² И. В. Пьянков, «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н. э., — ВДИ, 1965, № 2, стр. 48.

ней Азии, но не затрагивает тезиса о существовании в Бактрии того же времени какого-то крупного племенного объединения, глухие отголоски о котором содержатся у Ктесия³.

Заканчивая рассмотрение этой стороны вопроса, отметим, что, по всей вероятности, принадлежность некоторых народов к одной группе по признаку вооружения отражает какие-то реальные явления доахеменидского времени, т. е. времени, предшествовавшего тому, когда соседние или родственные народы были разъединены или объединены насильственным путем. Говорить о генетическом родстве тех или иных народов пока представляется нам затруднительным, но можно считать установленным, что список вооруженных сил армии Ксеркса помогает установить реальное соседство некоторых народов. Интересно при этом отметить, что в обоих списках Геродота не критикуется и не оспаривается материал, касающийся западных сатрапий, что может подтверждать истинную правильность этого материала. Все споры и недоразумения возникают при рассмотрении сведений Геродота о центральных и восточных провинциях и их населении — причиной этого могут быть некоторые неточности, которые вкрались, вероятно, в первоначально правильный текст Геродота за 2500 лет его существования. Выяснить эти неточности нам и поможет корреляционная таблица.

На основе этой таблицы могут быть сделаны следующие выводы:

1. Неупоминание некоторых народов в составе армии Ксеркса может свидетельствовать о том, что эти народы, зафиксированные в тех или иных сатрапиях, могли действительно не участвовать в этом походе по тем или иным причинам, например, по причине их малочисленности. Отсутствие же лигий и гирканиев в перечне сатрапий, но участие их в походе Ксеркса выглядит более странным, тем более что последние хорошо локализируются, практически без разногласий. Объяснить этот факт может предположение о том, что названия этих двух народов, присутствующих в армии Ксеркса, но не числящихся в податных округах, могли или затеряться или быть заменены другими позднейшими переписчиками Геродота.

2. В таблице сдублированы два народа: парикании и каспии. Вопрос о дубле каспиев пока остается открытым, поскольку у тех и других свое индивидуальное вооружение. Помещение же Геродотом париканиев в XVII сатрапию вместе с азиатскими эфиопами, место жительства которых представляется достаточно ясным и не вызывающим возражений, является недоразумением. Следует считать более соответствующим действительности нахождение париканиев в одной сатрапии с мидянами и в одной группе с пактиями, поскольку они вооружены пактийским оружием (о локализации пактиев см. ниже). По соседству же с азиатскими эфиопами (каким-то дравидоидным народом) находились, по свидетельству более поздних авторов, созвучные париканиям парайтакены (например, Is. Хаг., 18; отчасти Strabo, XV, II, 8); тут легко допустить невольную путаницу.

3. Несколько странным выглядит нахождение в одной сатрапии, а именно в XIV, жителей островов Эритрейского моря (Персидский залив и Индийский океан) и явно прикаспийских племен. Тот факт, что жители этих островов в армии Ксеркса были вооружены к тому же мидийским оружием, позволяет нам поставить вопрос о том, что в «Истории» Геродота в данном случае перепутано Гирканское (Ἰρκανῆ) и Эритрейское (Ἐρυθρῆ) моря.

³ Там же, стр. 39—42.

4. Геродот, включая в XIV податной округ племя сагартиев, отмечает, что сагартии входили в состав персидских племен, которые не подлежали обложению. Одно другому, как можно заметить, сильно противоречит. Однако включение сагартиев в состав только конницы Ксеркса не противоречит сообщениям Геродота, поскольку известно, что последние были кочевым персидским племенем. Ниже мы постараемся согласовать сведения Геродота о сагартиях.

Перечисленные Геродотом персидские земледельческие племена (I, 125) живут в Персиде, а кочевники — не обязательно там. Даи Геродота отождествляются с дахами Страбона и локализуются в восточном Прикаспии; марды также локализуются в северном Иране и считаются разбойничьим горным племенем. Что касается сагартиев, то их принято помещать в Северо-Западном Иране, сопоставляя со страной Зикирту ассирийских источников. Птолемей, однако, помещает их к востоку от Загросских гор (VI, 2, 6), но большинство исследователей относится к этому сообщению недоверчиво; никто до сих пор не устанавливал связи топонима Загрос (Ζάγρος) с этнонимом сагартии (Σαγάρτιοι), а ведь если это созвучие не случайно, оно может быть существенным аргументом для уточнения локализации сагартиев. Как бы то ни было, но никто не помещает их в самой Персиде.

Освобождение персидских племен от уплаты податей объясняют тем, что это являлось как бы наследственной привилегией тех, кто первыми поддержал Кира в освободительной борьбе против господства мидян⁴, независимо от места их жительства. В этом, безусловно, есть какое-то рациональное зерно. Действительно, в сатрапиях Ахеменидов не названы ни даи, ни марды, хотя их территории не выделяются и входят по сути дела в ту или иную сатрапию. То же самое можно сказать и о карманиях (германиях): их именем названа обширная область к востоку от Персиды, но она ни разу не упомянута Геродотом; по-видимому, он автоматически включает ее в Персиду. Все это приводит нас к предположению, что сагартии попали в список податных округов случайно и не должны были в нем фигурировать. Если это так, то продолжение этого вопроса имеет два аспекта: либо сагартии попали случайно в этот список на «пустое» место, либо они случайно оказались в списке вместо какого-то другого народа, незаслуженно забытого.

Если они попали случайно, то дело обстоит просто — они должны занять свое место среди персидских племен, не подлежащих обложению, и тем самым быть исключены из списка податных округов. Если они «незаконно» заняли чье-то место, то следует попытаться выяснить, кому же в действительности принадлежало первое место в XIV сатрапии Ахеменидов. Как кажется, определенную ясность могут внести два перечня народов того же Геродота: список народов, граничивших по реке Ак (III, 117), и состав армии Ксеркса (VII, 61—68).

Первый из списков сообщает о том, что рядом с народами из XIV сатрапии, а именно с сарангами и таманеями, помещалось большое племя гирканиев; оно было настолько значительным, что его этноним сохранился в названии Гирканского моря, реки Гюрген, города Горган и, возможно, в названии современного туркменского племени гёклан, обитавшего в конце XIX в. между реками Гюрген и Атрек. Сомнений и разногласий в локализации гирканиев не наблюдается. О значении этого народа может свидетельствовать тот факт, что гиркании среди войск Ксеркса стоят на четвертом месте и вооружены мидийским оружием; оружием этого же типа вооружены и соседи гирканиев саранги. Но по

⁴ М. А. Дандамаев, Иран при первых Ахеменидах, М., 1963, стр. 202—203.

странной случайности гиркании не фигурируют в податных округах и равным образом не входят в состав персидских племен, не подлежащих обложению. В то же время, повторяем, гиркании были весьма крупным этническим массивом на значительной территории, а эта территория входила в состав империи Ахеменидов. Изложенные выше соображения подводят нас к постановке вопроса о возможности замены сагартиев гирканиями в XIV податном округе. В этом случае сагартии останутся не подлежащим обложению податью персидским племенем, которое выставляло для армии Ксеркса конный отряд численностью восемь тысяч человек с оригинальным пактийско-мидийским вооружением. А гиркании в этом же случае, оставаясь пехотным отрядом земледельцев, вооруженные мидийским оружием, займут принадлежащее им место в XIV податном округе.

5. С предыдущим вопросом теснейшим образом переплетается вопрос о локализации утиев и миков. Этот вопрос, впрочем, как и многие другие, не нов. Первоначально была общепринята локализация утиев в восточной Персиде, на месте Ютии, названной в Бехистунской надписи⁵; миков также помещали на юго-востоке Ирана и связывали с Мекраном. Однако И. М. Дьяконов высказал⁶, а Э. А. Грантовский развил и обосновал⁷ предположение о том, что утии восходят к «кутиям» и с течением времени превращаются в «удинов» или «отенов». В этом случае утии убедительно локализуются в древнеармянской провинции Ути, которая была расположена на обширной территории к югу от Куры и к западу от нижнего Аракса. Столь же основательно и убедительно локализует Э. А. Грантовский миков на территории Мугана, между Каспийским морем, нижним течением Аракса и Талышскими горами⁸. Однако при этом, в общих чертах безусловно правильном размещении названных народов следует помнить, что в указанных выше районах восточного Закавказья отдаленные потомки кутиев (а также и миков?) обитали не искони, а продвинулись туда с юга или юго-востока, поскольку область расселения кутиев фиксируется ассирийскими источниками к востоку от Ассирии; в более северные места они, возможно, продвинулись в середине I тысячелетия до н. э., вытесненные в результате ассирийско-урартских столкновений и нашествия на Азию войск Александра Македонского. Все сказанное позволяет помещать утиев и миков Геродота в Юго-Восточном Закавказье и Южном Прикаспии.

Как видно из табл. 3, с утиями и миками в реальном соседстве находятся, с одной стороны, пактии и парикании, вооруженные одним и тем же типом оружия, а именно пактийским, с другой — саранги, сагартии (как мы старались показать выше, под ними надо подразумевать гирканиев) и жители островов, входившие все вместе в XIV сатрапию. Кроме того, следует учесть, что пактии административно объединены с армянами, а парикании — с мидянами. Указанная выше локализация утиев и миков достаточно аргументирована и не вызывает возражений, территории армян и мидян хорошо известны и не требуют дополнительной аргументации — этого вполне достаточно для того, чтобы не только поставить под сомнение существующую точку зрения о восточно-иранской или западно-индийской локализации пактиев и париканиев, но и прямо заявить о ее неверности. Единственным местом, где без натяжки могут быть локализованы эти племена, являются районы между южным

⁵ Там же, стр. 202.

⁶ И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 110.

⁷ Э. А. Грантовский, Сагартии..., стр. 239—241.

⁸ Там же, стр. 236—239.

Закавказьем и Северной Месопотамией. Пактии могут быть помещены где-то восточнее или северо-восточнее армян, а парикании — к северо-западу от мидян.

6. Последним племенем в списках Геродота, локализация которого, с нашей точки зрения, нуждается в уточнении, являются саранги, они же дранги Страбона и заранги ахеменидских надписей (др.-мид. zga^п-ka-). Их принято помещать на территории современного Сеистана, у болота Хамун⁹, однако данные таблицы этому противоречат. Согласно таблице, они должны находиться в XIV податном округе вместе с утиями и миками (они занимают западные районы сатрапии, так как вооружены пактийским оружием), вместе с сагартиями (т. е. с гирканиями), таманеями и жителями островов; с другой стороны, саранги, подобно гирканиям и островитянам, вооружены мидийским оружием и каким-то образом соседствуют, скорее всего с гирканиями. Их соседство, пускай даже опосредствованное, с гирканиями и таманеями подтверждается уже неоднократно упоминавшимся отрывком из Геродота с сообщением о реке Ак (III, 117).

Совокупность приведенных свидетельств Геродота позволяет нам выдвинуть тезис о возможности локализации сарангов северо-западнее гех районов, куда их принято помещать, и очертить первоначальную Сарангиану в Северном Иране к югу от Эльбруса, на южной подгорной равнине. Однако мы вовсе не собираемся ставить под сомнение правильность локализации Дрангианы Страбона; она, действительно, находилась скорее всего к югу и юго-западу от современного Герата, но была, правда, не столь распространена к югу, как это принято считать.

Разная, хотя и близкая локализация сарангов Геродота и дрангов Страбона объясняется, на наш взгляд, историческими событиями, заполнявшими временной интервал между двумя названными авторами, каждый из которых был прав для своего времени. Походы Александра Македонского, образование Парфянского государства и, наконец, проникновение в Сеистан (прежний Сакастан) среднеазиатских саков — все это не могло не отразиться на этнической карте второй сфразиды Страбона; саранги — дранги оказались сдвинутыми к юго-востоку, по направлению движения сакских племен во второй половине II в. до н. э.

Дорожник Исидора Харакского довольно точно устанавливает место как дрангов, так и саков во II в. до н. э., так как его принято считать восходящим к этому времени. После Анавона, области Арии, находится «Зарангиана, схойн 21, там город Парин и город Корок. Потом Сакастана сакская-скифская, она же Парайтакена, схойн 63» (Is. Хар., 17—18). Как можно понять из приведенного «телеграфного» текста, Дрангиану после продвижения саков в Парайтакену (а не в Дрангиану, как некоторые считают) следует локализовать южнее Герата, причем ее ширина в этом месте была небольшой: 21 схойна составляет около 110 км; насколько она была вытянута с востока на запад (с юго-востока на северо-запад?), судить мы не можем из-за отсутствия данных. Сакастана, она же Парайтакена, совпадает с современным Сеистаном.

Таким образом, несовпадение локализации сарангов Геродота и дрангов Страбона вполне объяснимо; как аналогию можно указать на то, что места распространения кутиев практически не совпадают с территорией удинов — отенов. Никуда не перемещая дрангов, местами обитания сарангов следует считать сравнительно большую равнину, огра-

⁹ И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 357; Э. А. Грантовский, Сагартии..., стр. 230.

ниченную Эльбурсом (хребты Ала-Даг и Кух-Зехи) на севере и горами Джагитай на юге, причем последние отделяют ее от пустынь Центрального Ирана. Эта равнина в какой-то степени примыкает с юга к долине Атрека, на западе граничит с Гирканией, а на юго-востоке переходит в Нишапурский округ, который либо примыкает с запада к Арии, либо эти места следует считать той областью Анавон, частью Арии, о которой говорит Исидор Харакский (Is. Хар., 15—16). Подобная локализация сарангов представляется нам наиболее вероятной.

7. Таким образом, суммируя предложенные нами варианты локализации некоторых народностей, упоминаемых Геродотом, следует отметить, что все разногласия возникли по сути дела из-за нескольких, на наш взгляд, описок:

а) помещения сагартиев вместо гирканиев в XIV сатрапию; б) ошибочного наименования островов на Гирканском море островами на Эритрейском море; в) помещения париканиев в две сатрапии, X и XVII.

Исследователи текстов Геродота никогда не подвергали сомнению правомочность нахождения сагартиев в списке податных округов, они не сомневались в локализации островов для ссыльных именно на Эритрейском море, они отдавали предпочтение восточной локализации париканиев. При этом никогда не возникало сомнения в том, что в одну сатрапию не могли входить народы, жившие на значительных расстояниях друг от друга. Это значит, что число сатрапий (20) исследователи полагали раз и навсегда установленным как бы свыше, а ведь Дарию I ничего не стоило образовать любое число сатрапий, которое было удобно для получения дани с покоренных народов. Поэтому персам не было никакого смысла втискивать в один податный округ западные и восточные племена; они с большим успехом могли в этом случае сделать две разные сатрапии, хотя бы для того, чтобы одному сатрапу не пришлось постоянно ездить через территорию другого.

Предпочтение восточной локализации париканиев полностью связано с восточной локализацией пактиев. В последнем случае исследователи больше верят сомнительному рассказу Геродота об экспедиции Скилака (IV, 44), чем официальному списку войск Ксеркса и сатрапий Дария. Тенденция полагать более правдоподобными сведения о восточных, а не о западных событиях и территориях не может считаться верной, поскольку все древнегреческие авторы лучше знали западную, более близкую им, историю и географию; поэтому следует более доверять западным известиям, а не аналогичным восточным. Наконец, хочется отметить, что в Северной Месопотамии имелась р. Гинда (Γύνδης), созвучная с Индом (Ἰνδός) и отождествляемая с р. Диалой, притоком Тигра. Возможно, приводя сведения о плавании Скилака по Инду из города Каспатира и из Пактийской земли, Геродот объединил свои знания об Инде и Гинде, поскольку последняя действительно протекает недалеко от устанавливаемого нами места жительства пактиев (см. выше).

Завершая наши рассуждения о правильности интерпретации сведений Геродота, мы берем на себя смелость предложить исправленные в свете приведенных соображений соответствующие фрагменты списка податных округов, установленных Дарием I.

«III, 93. Тринадцатый округ, начинающийся от Пактии, от земли армян и их соседей и простирающийся до Эвксинского Понта, уплачивал 400 талантов. От **гирканиев**, сарангов, таманеев, утиев, миков и жителей тех островов, что на **Гирканском** море, где царь поселяет так называемых «ссыльных», от всех этих народов поступало 600 талантов; это — четырнадцатый округ. Саки и каспии, составлявшие пятнадцатый

округ, вносили 250 талантов. Парфяне, хорасмии, согды и ареи, составлявшие шестнадцатый округ, платили 300 талантов.

III, 94. **Парайтакены** и азиатские эфиопы уплачивали 400 талантов подати; это — семнадцатый округ...» и т. д.

Таблица 4

Номер сатрапии	Пафлагонское	Пактийское	Мидийско-персидское	Бактрийское	Народы, не вошедшие в армию Ксеркса
XIII	армяне	пактии			
XIV		утии мики	саранги жители островов Эритрейского моря гиркании		таманеи
X		парикании	мидяне		ортокорибантии
VIII			киссии		
			персы		
XII				бактрийцы	эглы
XVI				парфяне хорасмии согды ареи	
народы, не включенные в сатрапии		сагартии			

При таком прочтении указанных параграфов (табл. 4) снимаются все несоответствия, неизменно и неизбежно возникающие при толковании без каких-либо изменений текста Геродота.

Б. А. Вальская

**ЛЕТОПИСЬ ВОСТОЧНОЙ КОМИССИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР
ЗА 10 ЛЕТ (1955—1965)¹**

В последние годы своей жизни Василий Васильевич Струве много сил и времени отдавал Восточной комиссии Географического общества СССР, одним из основателей и бессменным председателем которой он был в течение почти 10 лет.

Интерес В. В. Струве к географии был связан с изучением географической среды стран древнего Востока. Как писал Василий Васильевич в своей автобиографии, в 30-х годах он «участвовал в работе, посвященной определению характера обществ древнего мира, и в связи с этим много работал над трудами классиков марксизма-ленинизма». В ходе этой работы ему необходимо было определить и значение географической среды в истории развития древнего мира.

Историю стран древнего Востока В. В. Струве начинает с анализа географической среды, к которому он относит характеристику географического положения исторической области и ее природных условий. Так, например, Южное Двуречье, писал В. В. Струве, «начиная с того места, где обе реки, Тигр и Евфрат, наиболее близко подходят друг к другу, образуя перешеек, и вплоть до Персидского залива являлось болотом в местах, затопляемых разливами этих двух рек, а в местах, лежащих выше разлива рек,—вечной пустыней, где ничто не могло расти вследствие отсутствия влаги».

Описывая природные ресурсы Южного Двуречья, В. В. Струве показывает, как они использовались в хозяйстве древнего общества.

«В болотистой части долины,—писал он,—рос в большом количестве тростник, который образовал густые джунгли. Это было одно из основных богатств долины Южного Двуречья. Тростник играл роль дерева: им топили, он служил материалом для укрепления стен домов, каналов и т. д.—словом, использовался в самых различных видах. Другим богатством этой долины была глина. Из глины в Двуречье делалось все, начиная от хижины бедняка и кончая дворцом царя и храмом бога. Из глины изготовлялись орудия труда, делались игрушки для детей. Из глины, наконец, производились глиняные таблички, служившие письменным материалом»².

¹ В летописи освещается деятельность Восточной комиссии в период председательства В. В. Струве.

² В. В. Струве, История древнего мира, Л., 1941, стр. 64—65.

В. В. Струве не только характеризовал природные условия и природные ресурсы стран древнего Востока, но и делал глубокие обобщения о роли географической среды в развитии человеческого общества. «На примере истории народов Двуречья,— писал он в 1955 г.— отчетливо видно, насколько влияние условий географической среды на ход исторического развития имеет относительный характер. Географические условия Двуречья почти не изменились за последние 6—7 столетий. Однако, если в настоящее время Ирак — отсталое государство, то в средние века, до опустошительного монгольского нашествия XIII в., а также в древности, Двуречье было одной из самых богатых и населенных стран мира. Расцвет культуры Двуречья, следовательно, невозможно объяснить только благоприятными природными условиями для земледелия. Если же заглянуть еще дальше в глубь веков, то окажется, что та же самая страна в V и даже отчасти в IV тысячелетии до н. э. была страной болот и озер, заросших тростниками, где по берегам и на островах ютилось редкое население, оттесненное в эти гиблые места из предгорий и степей более сильными племенами. Только с дальнейшим развитием неолитической техники и с переходом к веку металла древнейшее население Двуречья оказалось способным использовать те особенности географической среды, которые ранее были неблагоприятны. С усилением технической вооруженности человека эти географические условия оказались фактором, ускорившим историческое развитие селившихся здесь племен»³.

Интерес В. В. Струве к Географическому обществу был связан и с семейными традициями. Прадед В. В. Струве — выдающийся астроном В. Я. Струве — был одним из основателей Русского географического общества. С 1845 по 1850 г. он был первым управляющим Отделения географии России Географического общества, а с 1850 по 1856 г. — председателем Отделения географии математической. Дед В. В. Струве — О. В. Струве — тоже принимал активное участие в работе Географического общества, возглавляя с 1860 по 1866 г. Отделение географии математической.

Отец В. С. Струве — В. О. Струве, как писал секретарь Географического общества, племянник писателя Ф. М. Достоевского — А. А. Достоевский, был одним «из старейших членов Общества, в начале своей деятельности он принимал участие преимущественно в статистическом отделении, а затем до конца жизни он стоял очень близко к администрации Общества, долгое время был казначеем, несколько лет избирался в члены совета, был фактическим председателем строительной комиссии по постройке дома, и на это тратил много времени и труда и, наконец, был помощником председателя Общества. Его преданность Обществу создала в нем нашего искреннего друга, и его смерть принесла Обществу глубокую печаль»⁴.

Благодаря близости отца Василия Васильевича к Географическому обществу он с детства был хорошо знаком со многими его активными деятелями, в особенности с П. П. Семеновым-Тянь-Шанским. В студенческие годы В. В. Струве был дружен с Е. Н. Павловским, который сфотографировал для Василия Васильевича сфинксов на набережной Невы. В последующие годы близкая дружба связывала В. В. Струве с президентом Географического общества Л. С. Бергом, вице-президентом И. Ю. Крачковским и членом ученого совета Географического об-

³ В. В. Струве, Древнейшие государства в Двуречье, — «Всемирная история», т. I, М., 1955, стр. 193—194.

⁴ Архив Географического общества, ф. 1, Отчет Географического общества за 1913 г.

щества В. М. Алексеевым. С организацией в 1955 г. в Географическом обществе Восточной комиссии Василий Васильевич сам стал принимать активное участие в работе Географического общества.

Восточная комиссия была организована в декабре 1955 г. по инициативе В. В. Струве и старейшего члена Географического общества А. В. Королева. 2 декабря на организационном собрании Василий Васильевич выступил с сообщением «О задачах вновь учрежденной Восточной комиссии». Он сказал, что в прошлом Востоком занимались географы и многие филологи-востоковеды — С. Ф. Ольденбург, А. П. Баранников, иранист М. С. Андреев, В. И. Розен, крупнейший знаток арабской культуры И. Ю. Крачковский и многие другие.

«В настоящее время,— сказал В. В. Струве,— Восток из объекта истории превратился в субъект истории». Отсюда, продолжал Струве, наш интерес к странам Востока, и это и вызывает необходимость создания Восточной комиссии. Члены Восточной комиссии должны стараться быть достойными наших крупных ученых, таких, как Л. С. Берг и В. М. Алексеев, которые приложили свои знания для изучения Востока в стенах Географического общества.

На заседании было предложено считать главной задачей Восточной комиссии — объединение деятельности членов Географического общества, занимающихся изучением географии стран зарубежного Востока. Комиссия должна собирать материал для истории географических знаний в восточных странах, исследовать роль Географического общества и его деятелей в изучении географии восточных стран и работать в области современной физической и экономической географии Востока.

Для решения этих задач комиссия будет проводить заседания и конференции, готовить к печати труды и принимать участие в экспедициях для сбора на месте необходимых материалов. В круг задач Восточной комиссии входит также поддержание научной связи с востоковедными учреждениями СССР, а также налаживание связи со странами зарубежного Востока для обмена научным опытом и пополнения фондов литературы о восточных странах, особенно на языке этих стран.

А. В. Королев подчеркнул необходимость комплексного изучения проблем географии стран Востока, в том числе и вопроса о происхождении географических названий и их транскрипции, так как для комплексного решения этих проблем важно соединение филологии с естествознанием. В. М. Штейн сказал, что деятельность комиссии должна содействовать формированию востоковеда-географа, т. е. такого специалиста, какого у нас еще нет.

На этом заседании было избрано бюро Восточной комиссии во главе с В. В. Струве. В состав бюро вошли А. В. Королев (заместитель председателя), Н. М. Сеницын, В. М. Сеницын, В. М. Штейн, З. И. Горбачева, О. П. Петрова, Г. А. Зограф, Т. А. Соловьев. Регулярные заседания комиссии начались с 9 декабря 1955 г., когда был заслушан доклад А. В. Королева «Русские и советские писатели и художники об Индии».

Уже в 1956 г. состоялось 16 заседаний.

12 января происходил критический разбор некоторых справочников и популярных изданий по географии зарубежной Азии. Рецензентами выступили А. В. Королев, З. И. Горбачева, В. А. Ромодин и В. С. Воробьев-Десятовский. 26 января на совместном заседании с Отделением истории географических знаний были заслушаны сообщения П. Е. Скачкова «Забывтый русский источник XVII в. о Китае»⁵ и В. А. Ромодина «Путешествие Филиппа Назарова в Коканд в 1812—1813 гг.».

⁵ См. сб. «Страны и народы Востока», М., 1961, вып. II, стр. 206—219.

9 февраля Восточная комиссия посвятила свое заседание памяти великого русского писателя Ф. М. Достоевского (к 75-летию со дня смерти). Вступительное слово сделал В. В. Струве. А. В. Королев выступил с докладом «Ф. М. Достоевский и деятели Географического общества (П. П. Семенов и Ч. Валиханов).

В. В. Струве во вступительном слове подчеркнул, что эту дату отмечают во всем мире люди, стремящиеся к миру и прогрессу. «Сын брата Ф. М. Достоевского,— сказал Василий Васильевич,— был многолетним секретарем Географического общества, ближайшим сотрудником П. П. Семенова и другом моего покойного отца, от которого последний знал кое-что из традиций семьи Достоевского. Достоевский видел опасность, которая грозила миру со стороны идеологии, которая выдвигает „сверхчеловека“, „сверхнарод“, „сверхколлектив“».

23 февраля состоялся доклад Б. А. Вальской «Путешествия Е. П. Ковалевского по странам Азии».

5 марта Восточная комиссия отметила 20-летие со дня смерти Г. Е. Грумм-Гржимайло. С воспоминаниями об этом выдающемся географе и путешественнике выступили А. В. Королев и Л. С. Пучковский. На этом заседании было принято решение образовать особую комиссию в составе В. В. Струве, В. М. Штейна, А. В. Королева, З. И. Горбачевой, Л. С. Пучковского, Е. И. Лубо-Лесниченко и К. В. Вяткиной для издания неопубликованных исторических карт Г. Е. Грумм-Гржимайло. В заключение заседания В. М. Штейн прочитал доклад на тему «Возникновение экономической географии у китайцев»⁶.

29 марта члены комиссии заслушали доклад Г. П. Куриленко «Первые русские послы в Индии» и сообщение Э. А. Лалаянца «Остров Ява и его население»⁷. 12 апреля состоялся доклад В. С. Воробьева-Десятовского «Г. П. Лебедев — первый русский индолог и создатель европейского театра в Индии в конце XVIII в.» и сообщение В. А. Ромодина «Историко-географическая характеристика княжеств Сват и Дир, населенных афганцами»⁸. 26 апреля был заслушан доклад В. С. Старикова «Города Северо-Восточного Китая (Дунбэя) по личным наблюдениям».

17 мая Восточная комиссия посвятила свое заседание памяти выдающегося китаевода, путешественника и деятеля Географического общества В. А. Алексеева. Вступительное слово произнес В. В. Струве. Затем М. В. Алексеева сообщила о сохранившихся в архиве акад. В. А. Алексеева его дневниках путешествия по Северному Китаю в 1908—1910 гг., а Л. Н. Меньшиков рассказал о собрании эстампов и народных картин из коллекции этого неугомонного ученого⁹. А. В. Королев охарактеризовал В. М. Алексеева как замечательного путешественника и деятеля Географического общества.

12 октября Восточная комиссия заслушала доклады, посвященные памяти молодого советского индолога В. С. Воробьева-Десятовского. С воспоминаниями о своем товарище выступили А. В. Королев, Г. А. Зограф и В. А. Ромодин. На этом же заседании были зачитаны доклады Р. Р. Орбели «Малоизвестный путешественник в Индию Рафаэль Данибегов и его книга «Путешествие в Индию» конца XVIII в.» и А. В. Королева «Новейшие открытия в Гималайских горах и на Кара-Коруме».

26 октября состоялись два доклада — О. П. Петровой «Города Ки-

⁶ Там же, 1959, вып. I, стр. 194—203.

⁷ Там же, стр. 30—47.

⁸ Там же, стр. 110—129.

⁹ Там же, стр. 302—313.

гая — Шанхай, Нанкин, Ханчжоу — по личным впечатлениям» (с демонстрацией фотографий) и В. С. Старикова «Русское кладбище в Пекине за два века (XVIII и XIX в.)». В. С. Стариков продемонстрировал 16 снимков с надгробий, самый ранний из которых датирован 1817 г. По этому докладу комиссия вынесла решение: обратиться в соответствующие организации с просьбой о реставрации памятников на русском кладбище в Пекине.

16 ноября И. Я. Слоним выступил с докладом «О происхождении некоторых географических названий зарубежной Азии»¹⁰. Тогда же в обсуждении темы «Предварительное совещание по вопросам орфографии и орфоэпии географических названий зарубежной Азии» приняли участие В. И. Беляев, А. В. Королев и др.

23 ноября состоялось очередное заседание Восточной комиссии, посвященное Суэцкому каналу. С докладами выступили Е. Е. Шведе «Суэцкий канал как один из важнейших мировых путей» и А. М. Любарская «Наблюдения русских путешественников и моряков над строительством Суэцкого канала»¹¹.

3 декабря на совместном заседании с Комиссией медицинской географии, Паразитологическим обществом и Паразитологическим отделом Зоологического института Академии наук СССР были заслушаны доклады проф. Гун Цзянь-чжана «Филяриозы и их географическое распространение в Китае» и проф. Юй Хуань-вэня «География лихорадки цуцугамуши в приморском районе юго-восточной части КНР».

13 декабря члены комиссии заслушали доклад Б. Б. Пиотровского «О поездке в Египет в 1956 г.» и доклад А. П. Окладникова «Полевые наблюдения по каменному веку в Египте в 1956 г.». Б. Б. Пиотровский сообщил, что летом 1956 г. группа советских ученых совершила поездку по Египту для установления личного контакта с египетскими учеными, ознакомления с древними памятниками, находящимися в зоне затопления Асуанской плотины, и проведения археологических раскопок. Маршрут путешествия проходил от Каира до Вади-Хальфы. В своем докладе А. П. Окладников сообщил, что ему удалось обнаружить в Египте сотни различных вещей из камня. Доклады были иллюстрированы интересными фотографиями.

14 декабря под председательством В. В. Струве состоялось заседание бюро Восточной комиссии, на котором обсуждались итоги работы комиссии за год.

В 1957 г. состоялось девять заседаний Восточной комиссии.

11 января на совместном заседании с Отделением этнографии было заслушано сообщение В. С. Старикова «Китайская игрушка». 24 января происходило совместное заседание с Отделением экономической географии, на котором Ю. Е. Борщевский выступил с докладом на тему «Новые иранские работы по истории и географии сельского хозяйства Ирана». 25 февраля состоялось совместное заседание с Комиссией медицинской географии. К. Ф. Блинов сделал доклад на тему «Экспедиция за лекарственными растениями тибетской медицины». 14 марта были заслушаны доклад Т. К. Шафрановской «Первые китайские книги в России в XVIII в.»¹², сообщение Л. С. Пучковского «Забывтый русский монголовед А. В. Игумнов (1761—1834)» и М. А. Салахетдиновой «Результаты археологических раскопок последних лет в государстве Волжских булгар».

¹⁰ Там же, стр. 336—347.

¹¹ Там же, стр. 148—161.

¹² Там же, стр. 295—301.

16 мая В. И. Кальянов и Г. А. Зограф выступили с сообщением «Личные впечатления о посещении Индии». А. В. Королев познакомил членов комиссии с тезисами доклада «Новые данные и соображения об йэти и голуб-яване (о так называемом снежном человеке)». 13 июня состоялся доклад Т. А. Шумовского «Морская арабская энциклопедия 1490 г. и вопрос о географических открытиях арабов в Индийском и западной части Тихого океана»¹³. А. В. Королев выступил с предварительным сообщением о своей работе на тему «Центральная Азия как прародина Homo Sapiens в свете учения академика П. П. Сушкина и новейших данных». 17 октября состоялся доклад И. В. Сахарова «Новое административное деление Индии и его экономическое значение»¹⁴. Доклад был повторен на заседании, состоявшемся 10 января 1958 г.

13 декабря состоялось заседание Восточной комиссии, посвященное успехам советской географии и истории в изучении Китая и Средней Азии. На этом заседании было заслушано два доклада: «Изучение прошлого народов Средней Азии за 40 лет» В. А. Ромодина и «Взаимоотношения народов нашей страны и Китая в прошлом и настоящем» А. В. Королева.

23 декабря на совместном заседании с Комиссией медицинской географии А. Ф. Гаммерман выступила с докладом на тему «Лекарственные растения тибетской медицины».

С 1957 г. бюро Восточной комиссии работает в следующем составе: В. В. Струве, А. В. Королев, З. И. Горбачева, В. М. Синицын, В. А. Ромодин, Б. А. Вальская, И. В. Сахаров и Н. Н. Миронич.

В 1958 г. состоялось 16 заседаний Восточной комиссии.

23 января на совместном заседании с Российским палестинским обществом заслушано два доклада: «Забывшие русские путешественники по арабским странам (Египет, Сирия, Ливан)»¹⁵ А. М. Любарской и «Новейшие археологические открытия на берегу Мертвого моря и их историческое значение» К. Б. Старковой. 14 февраля В. С. Стариков выступил с докладом на тему «Маньчжуры в Китайской Народной Республике». Затем состоялось обсуждение книг: «Зарубежная Азия» коллектива авторов — московских географов; «Азия» П. Гуру и «Зарубежная Азия» А. В. Королева. В обсуждении приняли участие В. В. Струве, В. А. Ромодин, Т. К. Шафрановская, В. В. Перцмакер и др.¹⁶ 10 января было заслушано два доклада: И. В. Сахарова «Новое административное деление Индии и его экономическое значение» и В. Н. Горегляда «Японские путешественники в России в конце XVIII в.»¹⁷.

15 и 17 марта Восточная комиссия совместно с Отделением истории географических знаний и Ассоциацией ленинградских арабистов провела сессию, посвященную 75-летию со дня рождения И. Ю. Крачковского. На сессии были заслушаны следующие доклады: А. И. Андреева «Деятельность И. Ю. Крачковского в Географическом обществе СССР», В. А. Крачковской «Как И. Ю. Крачковский создавал свой труд „Арабская географическая литература“», В. И. Беляева и Т. А. Шумовского «О морской географии XV—XVI вв. у арабов и турок в труде И. Ю. Крачковского „Арабская географическая литература“», Н. Д. Миклухо-Маклая «О значении труда И. Ю. Крачковского „Арабская геогра-

¹³ Там же, стр. 162—193.

¹⁴ Там же, стр. 5—29.

¹⁵ «Звезда», 1958, № 7, стр. 137—144.

¹⁶ См. сб. «Страны и народы Востока», вып. I, стр. 348—350.

¹⁷ Там же, стр. 213—228.

фическая литература“ для изучения географической литературы на персидском языке» и Ю. Е. Борщевского «Персидская географическая литература в XIX—XX вв. в труде И. Ю. Крачковского „Арабская географическая литература“».

17 апреля Т. К. Шафрановская прочитала доклад на тему «Лоренц Ланг и его первое путешествие в Пекин в 1715—1716 гг.», а Е. И. Кычанов сделал сообщение «Китайский рукописный атлас карт Тангутского государства Си Ся, хранящийся в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина»¹⁸.

28 апреля на совместном заседании с Комиссией медицинской географии был заслушан доклад В. П. Латыш «Географическое распространение проказы в Индии». 15 мая на совместном заседании с Отделением истории географических знаний был заслушан доклад Б. П. Полевого «Первое сообщение сибирских казаков о японцах (1652—1653)». 29 мая состоялся доклад Б. А. Вальской на тему «Новые материалы о путешествиях Е. П. Ковалевского в Египет и Китай»¹⁹.

27 июня происходило совместное заседание Восточной комиссии и Российского палестинского общества, посвященное археологическим открытиям в районе Мертвого моря. С докладом «Физико-географическая характеристика побережья Мертвого моря» выступил И. И. Бабков. К. Б. Старкова сделала сообщение «Апокрифон на книгу „Бытия“ и его значение для географа и историка (из новых публикаций Кумранских рукописей)».

В июле 1958 г., в связи с предстоящим в 1960 г. XXV международным конгрессом востоковедов, который вначале предполагалось провести в Ленинграде, Восточная комиссия разработала план участия членов Географического общества в работе этого конгресса. Предполагалось выпустить специальную работу, посвященную конгрессу, которая должна была осветить вклад русских и советских путешественников в изучение географии стран Востока, путешествия русских по Востоку и восточных путешественников в Россию, а также опубликовать сборники статей о крупных проблемах истории, географии и этнографии стран Востока. Намечалось организовать в Географическом обществе выставку рукописей и книг по Востоку, продажу изданий Общества и провести другие мероприятия. Акад. В. В. Струве обратился к президенту Географического общества акад. Е. Н. Павловскому с просьбой утвердить намеченные мероприятия и оказать помощь в их проведении.

В связи с этим Е. Н. Павловский просил президиум Общества при обсуждении обращения В. В. Струве огласить его мнение. «Я считаю необходимым, — писал Евгений Никанорович, — чтобы Географическое общество приняло активное участие на международном конгрессе востоковедов в Ленинграде посылкой делегатов и докладчиков (могу предложить мой доклад: „В Иране в эпоху второй мировой войны“ с демонстрацией моего фильма), устроить выставку книг и фотографий (от себя могу дать 50—60 фотоувеличений). Часть заседаний проводить в здании Географического общества.

Думаю, что вопросы востоковедения следует отразить на 3-м съезде Географического общества, подобрав доклады, которые шли бы в русло основной проблематики нашего съезда. Для этого предлагаю ввести в состав комитета по подготовке съезда представителя Восточной комиссии В. В. Струве или того, кого он порекомендует.

¹⁸ Там же, стр. 204—212

¹⁹ Там же, стр. 263—285.

По вопросу содержания сборника докладов к Международному географическому конгрессу в Стокгольме учесть возможность принятия востоковедческих докладов; издать же своими силами целый сборник по Востоку наше Общество едва ли сможет.

Если таких докладов наберется на целую книгу, то придется подумать о какой-либо форме коллективного с другими учреждениями издания второго — восточного сборника докладов для Международного географического конгресса»²⁰.

9 сентября на заседании бюро Восточной комиссии под председательством В. В. Струве обсуждался вопрос о плане работы комиссии на ближайшее время и о ходе редактирования сборника «Страны и народы Востока», вып. 1.

3 октября на совместном заседании с отделением этнографии был заслушан доклад Ю. Н. Рериха «Научно-исследовательские работы в Монголии, Тибетском районе Китая и Гималаях в 1923—1957 гг.». Ю. Н. Рерих охарактеризовал деятельность Н. К. Рериха как художника, археолога и путешественника. Особенно подробно докладчик остановился на экспедиции Н. К. Рериха в Гималаи и Центральную Азию в 1926—1929 гг. и рассказал о деятельности созданного Н. К. Рерихом научно-исследовательского института в Гималаях в долине Кулу. Изучению Гималаев и Центральной Азии Н. К. Рерих посвятил свыше 30 лет своей жизни.

В заключение докладчик кратко остановился на работах по изучению Монголии, Тибетского района Китая и Гималаев, выполненных им лично в период с 1923 по 1957 г.

Присутствующие на этом совместном заседании выразили Ю. Н. Рериху глубокую благодарность не только за доклад, но и за исследование малоизученных районов Азии. Было решено просить Президиум Географического общества обратиться в вышестоящие организации с просьбой организовать в Ленинграде постоянную выставку произведений выдающегося русского художника — путешественника Николая Константиновича Рериха (1874—1947).

29 октября состоялось совместное заседание Восточной комиссии, Комиссии медицинской географии и Отделения истории географических знаний, посвященное 100-летию со дня рождения А. В. Елисеева. С докладом «Жизнь и труды доктора А. В. Елисеева в области общей и медицинской географии» выступил А. П. Марковин. Затем А. М. Любарская рассказала о путешествиях А. В. Елисеева по Египту. К заседанию была подготовлена выставка основных работ А. В. Елисеева и исследований о его жизни и деятельности.

14 ноября А. В. Королев прочитал доклад на тему «Художественное наследие Н. К. Рериха и его значение для географической науки».

28 ноября на совместном заседании с Комиссией медицинской географии состоялись доклад В. П. Бякова на тему «Некоторые итоги медико-географического изучения Памира (по материалам Памирской экспедиции Академии наук СССР за 1958 г.)» и сообщение П. Е. Скачкова «Работы русских врачей при Пекинской духовной миссии». 3 декабря И. В. Сахаров выступил с докладом «Некоторые вопросы экономического районирования Индии», а Ю. Д. Дмитриевский с сообщением «Искусственное орошение в Африке»²¹.

22 декабря на совместном заседании с Отделением истории географических знаний был заслушан доклад А. Л. Биркенгофа «Как, кто, ког-

²⁰ Архив Географического общества СССР, ф. 1, оп. I, № 25, 1958.

²¹ «Страны и народы Востока», М., 1961, вып. II, стр. 61—73.

да и почему назвал острова Берингова пролива» и сообщение А. И. Андреева «Русский путешественник в Индию купец Н. И. Челобитчиков».

В 1959 г. состоялось 14 заседаний Восточной комиссии.

8 января на совместном заседании с Отделением экономической географии было заслушано сообщение Л. И. Бонифатьевой «Впечатления о поездке в Индию».

15 января совместно с Комиссией медицинской географии, Отделением этнографии и истории географических знаний Географического общества, Ленинградским отделением Астрономо-геодезического общества и Российским палестинским обществом Восточная комиссия отметила 75-летие со дня рождения и 50-летие научной и педагогической деятельности заместителя председателя комиссии Александра Васильевича Королева. Акад. В. В. Струве охарактеризовал жизненный путь юбиляра и отметил его заслуги в изучении географии стран Востока, в изучении и преобразовании природы Западного Казахстана, и особенно в педагогической деятельности. Затем Ю. Н. Рерих выступил с сообщением «О кочевниках Тибета»²². В заключение заседания были зачитаны многочисленные приветствия, направленные в адрес юбиляра.

30 января было заслушано сообщение Р. И. Баранниковой «Религиозные праздники Индии».

3 февраля Восточная комиссия приняла участие в чествовании своего председателя Василия Васильевича Струве в связи с 75-летием со дня рождения. Чествование было организовано Академией наук СССР, Ленинградским университетом и другими учреждениями.

9 февраля на совместном заседании с Комиссией медицинской географии состоялся доклад Л. В. Дмитриевой «Турецкие медицинские трактаты из собрания Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР»²³.

18 февраля состоялось заседание, посвященное 150-летию со дня рождения выдающегося путешественника, общественного деятеля и писателя, почетного члена Географического общества Егора Петровича Ковалевского. С докладом «Е. П. Ковалевский, русские востоковеды и писатели» выступила Б. А. Вальская. Л. А. Мандрыкина рассказала о материалах, хранящихся в фонде Ковалевского в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Восточная комиссия постановила: обратиться в Издательство восточной литературы с просьбой переиздать важнейшие труды Е. П. Ковалевского о странах Востока, издать сборник его неопубликованных документов и полную биографию. Комиссия обратилась также в президиум Географического общества с просьбой установить памятник на могиле Е. П. Ковалевского.

4 марта заседание Восточной комиссии происходило в скульптурной мастерской Г. Ф. Богатыревой-Кононовой, продемонстрировавшей собравшимся выполненный ею скульптурный портрет Е. П. Ковалевского, который она решила подарить Географическому обществу. Члены Восточной комиссии единодушно одобрили труд скульптора и выразили Г. Ф. Богатыревой-Кононовой глубокую благодарность.

23 марта члены комиссии заслушали два доклада — А. М. Любарской «Английский поэт и путешественник Вилфрид Блант — обличитель

²² Там же, стр. 7—12.

²³ Там же, стр. 251—257.

колониализма»²⁴ и Т. К. Шафрановской «Новые данные об изобретении компаса в Китае». 24 апреля М. Ф. Хван прочитал доклад на тему «Происхождение и значение главнейших китайских географических названий и терминов», а Э. А. Лалаянц сделал сообщение «Сельская община у яванцев»²⁵. 8 мая состоялось продолжение доклада М. Ф. Хвана «Происхождение и значение главнейших китайских географических названий и терминов» и сообщение Ю. Д. Дмитриевского «Гидроэнергетика Африки»²⁶. 22 мая были заслушаны доклады Т. К. Шафрановской «Путешествия Ф. Л. Елачича в Китай в 1753 г.», сообщение А. Д. Дридзе «Индийцы Вест-Индии»²⁷ и сообщение В. С. Старикова «Народность сибиряков в Китайской Народной Республике».

15 октября состоялось торжественное заседание Восточной комиссии, посвященное 10-летию Китайской Народной Республики. Вступительное слово произнес В. В. Струве. С докладом «10 лет Китайской Народной Республики и изменения в географии Китая» выступила З. И. Горбачева. В. С. Стариков прочитал сообщение на тему «Производство железных цветов в Китае» (с демонстрацией изделий)²⁸.

На этом же заседании Восточная комиссия обсудила и одобрила доклад Б. А. Вальской «Вклад Русского географического общества в изучение стран Востока», представленный на XXV Международный конгресс востоковедов. К заседанию были подготовлены выставка книг о Китайской Народной Республике и выставка трудов Русского географического общества о странах Востока. Кроме того, были показаны рукописные и печатные карты, связанные с изучением Географическим обществом стран Востока.

12 ноября состоялся доклад В. А. Ромодина «Новые историко-географические данные о киргизах и вопрос о происхождении эпоса “Манас”». 22 декабря Т. К. Шафрановская прочитала доклад на тему «К 150-летию выхода в свет сборника “Архив азиатской литературы, истории и языкознания”, изданного в 1810 г. Академией наук в Петербурге»²⁹.

В 1959 г. Издательство восточной литературы опубликовало первый выпуск сборника «Страны и народы Востока», подготовленный к печати Восточной комиссией под редакцией В. В. Струве. В сборник вошли доклады и сообщения, прочитанные на заседаниях Восточной комиссии, по истории, географии и этнографии стран Востока, а также статьи и рецензии, написанные членами Восточной комиссии.

В 1960 г. состоялось 14 заседаний Восточной комиссии.

8 января слушался доклад А. Г. Шпринцина «Современная русская транскрипция китайских географических названий»³⁰. Докладчик и выступавшие отметили, что в написании китайских географических названий существует большой и неоправданный разнобой. Для установления общих принципов транскрипции китайских географических названий Восточная комиссия постановила организовать специальную подкомиссию по транскрипции китайских географических названий в следующем

²⁴ Там же, стр. 130—142.

²⁵ См.: «Материалы Восточной комиссии», Л., 1962, вып. I, стр. 18—21.

²⁶ См. сб. «Страны и народы Востока», вып. II, стр. 74—88.

²⁷ Там же, стр. 89—102.

²⁸ «Страны и народы Востока», М., 1964, вып. III, стр. 79—82.

²⁹ См.: «Материалы Восточной комиссии», вып. I, стр. 22—28.

³⁰ См. сб. «Страны и народы Востока», вып. III, стр. 83—99.

составе: А. Г. Шпринцин, В. С. Стариков, С. Е. Яхонтов, М. Ф. Хван, А. В. Королев и В. С. Колоколов.

Вторым докладчиком на этом заседании был В. С. Стариков, который рассказал о А. Е. Дьячкове, первом анадырском краеведе-самородке. На заседании обсуждался также вопрос о предстоящем III съезде Географического общества СССР. Кандидатом в делегаты на съезд была избрана Б. А. Вальская.

21 января О. И. Смирнова прочитала доклад на тему «Согдийские документы VIII в. и современная карта верховьев Зеравшана»³¹. 19 февраля на совместном заседании с комитетом преобразования природы состоялся доклад А. И. Дзенс-Литовского «По провинциям Нового Китая Сычуани и Юньнани (природа и население)», а 26 февраля — доклад Е. В. Бунакова «Новый источник о нравах и быте китайцев в начале XVII в.» и сообщение Е. И. Кычанова «Вновь обнаруженные словари тангутского языка из коллекции П. К. Козлова (из собрания Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР)»³².

7 апреля был заслушан доклад М. И. Богданова «Вопросы водного хозяйства Китая» и сообщение Т. К. Шафрановской «О научном значении посольства Саввы Владиславича (1725—1728) в Китай», 14 апреля — доклад Г. П. Куриленко «Петр Триногин — русский путешественник в Среднюю Азию и Индию XVII в. (по новым материалам)».

5 мая Н. Т. Агафонов прочитал доклад на тему «Из истории хозяйственного освоения Тургая»³³. На этом же заседании обсуждался словарь-справочник по Китаю. Рецензентами выступили Н. А. Петров и З. И. Горбачева³⁴. 24 мая происходило заседание подкомиссии по транскрипции китайских географических названий.

26 мая состоялось заседание Восточной комиссии, посвященное памяти Ю. Н. Рериха. Во вступительном слове А. В. Королев говорил о том, что советские востоковеды потеряли замечательного ученого, филолога и историка, крупнейшего знатока многих стран Востока. Восточная комиссия постановила переиздать книгу Ю. Н. Рериха «По путям и дорогам Центральной Азии». Затем с докладом «Путешествие по Египту, Нубии и Северному Судану в 1959—1960 гг.» выступил Н. С. Петровский. В заключение А. В. Королев сделал сообщение «Новые данные об антропоиде Центральной Азии, одичавших людях и синантропе».

17 июня 1960 г. по инициативе Восточной комиссии совместно с президиумом Географического общества Союза ССР была организована встреча с выдающимся художником Святославом Николаевичем Рерихом и его супругой Девикой Рани Рерих. Председательствовал на встрече президент Общества акад. Е. Н. Павловский.

С 9 по 16 августа 1960 г. в Москве состоялся XXV Международный конгресс востоковедов. Члены Восточной комиссии во главе со своим председателем В. В. Струве приняли активное участие в работе конгресса в качестве делегатов, докладчиков и гостей. В состав специальной делегации Географического общества СССР вошли академик Е. Н. Павловский, А. В. Королев и Б. А. Вальская. А. В. Королев из-за болезни не смог поехать на конгресс.

По поручению Восточной комиссии Б. А. Вальская представила на обсуждение секции истории Средней Азии доклад на тему: «Вклад

³¹ Там же, вып. II, стр. 220—230.

³² Там же, стр. 231—242.

³³ Там же, стр. 114—129.

³⁴ См.: «Материалы Восточной комиссии», вып. I, стр. 66—69.

Русского географического общества в изучение стран Востока»³⁵. При обсуждении доклада от имени Восточной комиссии было выдвинуто и утверждено секцией следующее предложение.

«Исследования Русского географического общества дают блестящий пример всестороннего изучения стран и народов Востока. Соединенными усилиями географов, историков, археологов, лингвистов и картографов были осуществлены такие грандиозные работы, как перевод «Землеведения Азии» Карла Риттера (с обширными дополнениями и критическими обзорами, подготовленными такими выдающимися учеными, как Н. В. Ханьков, В. В. Григорьев, П. П. Семенов-Тянь-Шанский и Г. Н. Потанин), издание Географо-статистического словаря П. П. Семенова, составление многих географических карт и описаний неизученных стран в результате экспедиционных исследований.

К сожалению, в настоящее время в связи с дальнейшим развитием науки, дифференциацией научных знаний и специализацией ученых образовался довольно значительный разрыв между географическими и востоковедными науками, который можно было наблюдать и на XXV Международном конгрессе востоковедов.

Восточная комиссия, поставившая перед собой задачу объединить усилия географов и востоковедов для всестороннего изучения стран Востока, предлагает для устранения создавшегося разрыва между востоковедными и географическими науками организовать в востоковедных учреждениях географические группы исследователей, а в географических — востоковедные.

Восточная комиссия призывает всех членов XXV Международного конгресса востоковедов содействовать объединению усилий географов и востоковедов для организации совместных комплексных исследований природных условий и экономики стран Азии и Африки для подъема хозяйства и культуры в этих странах в интересах мира и дружбы между народами».

К открытию XXV Международного конгресса востоковедов в Географическом обществе при содействии членов Восточной комиссии была организована выставка, на которой были представлены книги и карты, изданные Географическим обществом, и архивные материалы о странах Азии и Африки.

20 октября 1960 г. Восточная комиссия посвятила свое заседание памяти выдающегося русского ученого Ю. Н. Рериха. С докладами выступили Б. П. Панкратов «Ю. Н. Рерих как тибетолог», Л. Н. Гумилев «Ю. Н. Рерих как историк Центральной Азии» и А. В. Королев «Ю. Н. Рерих как путешественник и человек».

17 ноября состоялось заседание, посвященное итогам XXV Международного конгресса востоковедов. С докладами выступили В. А. Ромодин «О работе секции истории Средней Азии и секции по истории Афганистана», Б. А. Вальская «География на XXV Международном конгрессе востоковедов», С. Е. Яхонтов «О работе подсекции китайской филологии на XXV Международном конгрессе востоковедов» и З. И. Горбачева «О работе подсекции истории Китая».

8 декабря состоялись доклады Ораева «Природные условия Чарджоуской области и их экономическая оценка» и О. Атаханова «История исследования природных условий среднего течения Аму-Дарьи». 27 декабря Восточная комиссия отметила пятилетие со дня ее организации. С докладами выступили Б. А. Вальская «Деятельность Восточной ко-

³⁵ См.: Б. А. Вальская, Вклад Русского географического общества в изучение стран Востока, — «XXV Международный конгресс востоковедов», М., 1960.

миссии за пять лет» и А. В. Королев «Высокая Азия как прародина Homo Sapiens».

В 1961 г. состоялось 11 заседаний Восточной комиссии.

17 января были заслушаны доклады Т. А. Шумовского «О работе секции арабских стран на XXV Международном конгрессе востоковедов»³⁶, В. А. Кальянова «О работе секции индианистики на XXV Международном конгрессе востоковедов» и Д. А. Ольдерогге «О работе секции африканистики на XXV Международном конгрессе востоковедов».

8 февраля состоялось сообщение Т. К. Шафрановской «Неопубликованное письмо П. С. Крашенинникова», а 15 марта — сообщение Ю. Е. Борщевского «Неизданная карта Мухаммада ибн Наджиба Бакрана (Иран, 1209)» и доклад В. С. Старикова «В. К. Арсеньев — певец дальневосточной тайги», 12 апреля — сообщение Л. С. Пучковского «О работе секции истории Монголии на XXV Международном конгрессе востоковедов».

17 мая был заслушан доклад А. П. Терентьева-Катанского «Китайские драконы — миф, легенда или гипотеза о их существовании?», 31 мая — доклад Е. Я. Люстерник «Первые рейсы русских пароходов в Индию (1871—1872)», сообщение Г. П. Куриленко «Полузабытый русский путешественник по востоку (к 125-летию со дня рождения П. И. Пашино)» и доклад А. В. Королева «Названия и термины: Индия, Индийский субконтинент, Индостан, индийцы, индусы, индуисты».

11 октября состоялся доклад А. В. Королева «Русско-индийский художник Святослав Николаевич Рерих и значение его творчества для познания Индии», 18 октября — сообщение Д. А. Ольдерогге «Поездка в Сенегал и Мали в 1961 г.», 16 ноября — доклад Е. В. Бунакова «Русская общественная мысль о Китае в XVIII—XIX веках» и сообщение Т. К. Шафрановской «Академические материалы для познания России и сопредельных стран Азии в 1839—1896 гг.». На этом заседании происходило чествование И. И. Бабкова в связи с его 70-летием.

30 ноября был прочитан доклад О. Ф. Акимускина на тему «Афганистан — по личным впечатлениям поездки 1960—1961 гг.», сообщение А. П. Терентьева-Катанского «Иллюстрации в старинных китайских географических книгах», а 15 декабря — сообщение М. Я. Иоселевой «Происхождение магических чисел у народов Древнего Востока (Египет, Месопотамия, Индия)»³⁷.

20 декабря на совместном заседании с Комиссией медицинской географии и Ленинградским историко-медицинским обществом был заслушан доклад А. П. Марковина «Русские врачи — исследователи Африки и их медико-географические работы». Заседание сопровождалось выставкой их работ. Затем В. Меркулов выступил с рецензией на книгу Н. Виннера «Я математик», 1956 г. (о применении кибернетики в медицинских исследованиях).

В 1962 г. состоялось 15 заседаний Восточной комиссии.

17 января состоялся доклад В. В. Братуса на тему «Русский язык в Индии (по личным впечатлениям 1961 г.)», 31 января — доклад А. А. Богданова «Художественные впечатления от памятников древнего и главным образом современного искусства ОАР 1961 г.» (доклад

³⁶ См.: «Материалы Восточной комиссии», вып. I, стр. 6—8.

³⁷ См. сб. «Страны и народы Востока», М., 1965, вып. IV, стр. 239—241.

иллюстрировался снимками, сделанными автором), 14 февраля — доклады В. А. Оганесова «Географический словарь Африки» и Ю. Д. Дмитриевского «Внутренний водный транспорт Африки» (региональный обзор).

28 февраля состоялось заседание Восточной комиссии, посвященное 170-летию со дня рождения К. М. Бэра. Вступительное слово произнес акад. В. В. Струве. Акад. Е. Н. Павловский прочитал доклад «К. М. Бэр как великий зоолог». Были заслушаны доклады Б. А. Вальской «Е. П. Ковалевский и К. М. Бэр», Т. К. Шаfranовской «К. М. Бэр как редактор “Материалов для познания России и сопредельных стран”» и А. В. Королева «К. М. Бэр как ученый-географ, теоретик и практик».

Во вступительном слове В. В. Струве рассказал о труде К. М. Бэра «Wo ist das Solomonische Ophir zu suchen?», в котором Бэр пытался определить действительное местонахождение упоминаемой в Библии богатой золотом страны Офир³⁸, а также о статье Бэра «Откуда добывалось олово, входящее в состав древнейшей бронзы», где он высказывал предположение, что цинк для древнейших бронзовых изделий Ассирии и Вавилонии добывался в русской Туркмении в районе Хорасана³⁹. Восточная комиссия обратилась в Издательство восточной литературы с просьбой переиздать историко-географические труды К. М. Бэра.

Это было последним выступлением В. В. Струве в Географическом обществе. Тяжелая болезнь приковала его к креслу, лишив возможности самостоятельно передвигаться. Но несмотря на это, Василий Васильевич был всегда в бодром настроении, много работал и продолжал руководить Восточной комиссией.

8 марта на совместном заседании с отделением этнографии Л. Н. Гумилев прочитал доклад на тему «О методах интерпретации тюркских этнографических памятников», а М. Ф. Хван — сообщение «К вопросу о происхождении аспаруховых болгар». 21 марта состоялось совместное заседание Восточной комиссии с Отделением экономической географии, на котором был заслушан доклад К. М. Попова «Проблемы экономического районирования Индии». 18 апреля А. Г. Шпринцин прочитал доклад на тему «Китайская алфавитная транскрипция русских географических названий». 17 мая на совместном заседании с отделениями физической географии и этнографии и лекторием им. Ю. М. Шокальского состоялся доклад А. М. Рябчикова «Индия (личные впечатления 1961 г.)»⁴⁰.

30 мая состоялось заседание, посвященное памяти Ю. И. Мережинского (историка и антрополога). С сообщением «Что мы знаем достоверного о центральноазиатском антропоиде?» выступил А. В. Королев.

16 октября Б. А. Вальская по поручению председателя Восточной комиссии В. В. Струве выступила на II украинском ономастическом совещании в Киеве с докладом на тему «Вопросы изучения топонимики в Географическом обществе СССР».

18 октября на совместном заседании с отделением этнографии был заслушан доклад Л. Н. Гумилева «Хазария и Каспий (по материалам экспедиции 1961—1962 гг.)», 24 октября — доклад Ф. Л. Богданова на тему «Искусство пещер Аджанты», 14 ноября — доклад М. Ф. Хвана о работе подкомиссии по транскрипции китайских географических названий и сообщение А. Г. Шпринцина «Искажения и ошибки в русских переводах китайской геологической литературы».

³⁸ K. Baer, Reden und kleinere Aufsätzen, СПб., 1873, ч. III, стр. 112—385.

³⁹ «Труды Московского археологического общества», М., 1878, т. VII, вып. 3, стр. 234—240.

⁴⁰ См. сб. «Страны и народы Востока», вып. III, стр. 5—12.

30 ноября состоялось обсуждение книги М. И. Артамонова «История хазар». В обсуждении приняли участие Л. Н. Гумилев, В. В. Мавродин и А. В. Королев.

11 декабря А. Д. Юровым был прочитан доклад на тему «Послевоенное промышленное развитие Южно-Африканской республики», 26 декабря Т. К. Шафрановской — на тему «История собрания китайских коллекций Кунсткамеры первой половины XVIII в.» и А. П. Терентьевым-Катанским на тему «Представление о диких людях и фантастических племенах в древности у народов Дальнего Востока».

В 1963 г. состоялось 11 заседаний Восточной комиссии.

16 января был заслушан доклад А. А. Завистовича «Персидско-русский геолого-географический словарь» и сообщение М. Б. Руденко «Курды Туркмении». 29 января Е. И. Лубо-Лесниченко прочитал доклад на тему «Данные письменных и археологических источников о Хара-Хото». 12 февраля состоялся доклад И. П. Труфанова «Государство и город Сингапур и его население»⁴¹ и сообщение Б. А. Вальской о работе Восточной комиссии в 1962 г. и плане на 1963 г., 15 февраля — доклад А. Н. Зелинского «Археологическая разведка в Ваханской долине (Южный Памир, 1962 г.)». 21 марта был заслушан доклад Л. Е. Куббеля «Из истории Республики Мали» и сообщение М. Я. Иоселевой «Зарождение геометрических понятий у народов Востока».

11 апреля состоялось совместное заседание Восточной комиссии, Центрального Государственного военно-морского архива и лектория им. Ю. М. Шокальского, посвященное 75-летию со дня смерти Н. Н. Миклухо-Маклая. С докладом «Н. Н. Миклухо-Маклай — знаменитый путешественник и исследователь жизни народов Океании» выступила Б. А. Вальская. И. Н. Соловьев сделал сообщение «Обзор архивных материалов о Н. Н. Миклухо-Маклае, хранящихся в Центральном Государственном военно-морском архиве».

К заседанию была открыта выставка рукописных материалов из военно-морского архива и архива Географического общества, а также печатных трудов Н. Н. Миклухо-Маклая и литературы о нем из библиотеки Географического общества.

21 мая на совместном заседании с комиссией топонимики и транскрипции географических названий был заслушан доклад В. П. Яценко «О японской топонимике».

28 мая состоялось обсуждение книги В. М. Синицына «Палеография Азии». С вступительным словом выступил автор. В обсуждении книги приняли участие Г. Г. Мартинсон, В. В. Лавров, Л. Ф. Сидоров, В. А. Ранов, З. К. Виноградова, А. В. Королев и Б. А. Вальская.

8 октября с докладом «Этнический состав населения Тайланда»⁴² выступила Е. В. Иванова, 29 ноября — И. П. Труфанов «Население Сян-гана» и М. Я. Иоселева «Иероглифы математики».

9 декабря был заслушан доклад В. П. Курылева «К вопросу об этническом составе Александреттского санджака (Турция)». На этом же заседании обсуждался вопрос о переиздании книги В. М. Синицына «Центральная Азия».

В 1964 г. состоялось 12 заседаний Восточной комиссии.

⁴¹ Там же, вып. IV, стр. 39—56.

⁴² Там же, стр. 25—38.

14 января Комиссия отметила 80-летие со дня рождения заместителя председателя Восточной комиссии Александра Васильевича Королева. С докладом на тему «География и изобразительное искусство» выступил юбиляр. Затем были заслушаны приветствия от Президиума Географического общества, Восточной комиссии и лично от председателя Восточной комиссии В. В. Струве, от сотрудников Ленинградского отделения Института народов Азии, Издательства восточной литературы и других организаций и лиц. Восьмидесятилетию со дня рождения А. В. Королева Восточная комиссия посвятила специальный сборник «Доклады Восточной комиссии».

4 февраля было заслушано сообщение Г. В. Пионтека «Предложения по организации системы этнографических парков-музеев в республиках Кавказа и Средней Азии», которое опубликовано в «Докладах Восточной комиссии». Доклад вызвал отклик в ряде филиалов и отделов Общества, которые заинтересовались предложением Г. В. Пионтека и просили прислать подробные материалы по этому вопросу.

10 февраля с докладами выступили В. Р. Кабо «Проблема пережитков в этнографии»⁴³ и Б. А. Вальская «Неопубликованная рукопись Н. М. Пржевальского “О сущности жизни на земле”»⁴⁴.

6 марта состоялся доклад Н. Л. Подольского «Наскальные изображения Саймалы-Таш (Киргизия)»⁴⁵. Автор статистически обработал свыше 500 отдельных наскальных изображений Саймалы-Таш, которые он собрал на месте в июле—августе 1963 г. На этом же заседании был заслушан доклад А. П. Терентьева-Катанского «Внешний вид, одежда и утварь тангутов (по материалам коллекции Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР и Государственного Эрмитажа)».

27 апреля состоялся доклад А. Г. Шпринцина «Китайское алфавитное письмо и русское китаеведение» и сообщение Р. А. Гусейнова (Баку) «О непрерывности и преемственности свадебных обрядов у народов Передней Азии (по материалам тюрко-огузов XI—XII вв.)»⁴⁶. На этом же заседании состоялось избрание И. В. Сахарова делегатом на IV съезд Географического общества СССР. И. В. Сахаров принял участие в работе этого съезда, состоявшегося в мае 1964 г. в Москве.

12 мая выступили Т. А. Шумовский с докладом «Арабы и море», А. П. Терентьев-Катанский с сообщением «Реальные и фантастические животные Дальнего Востока», 19 мая на совместном заседании Отделения экономической географии, Восточной комиссии и Комиссии географии населения и городов выступил И. В. Сахаров с докладом на тему «Некоторые вопросы миграции населения Индии (на примере Западной Бенгалии)».

В мае Восточная комиссия приступила к подготовке заседания, посвященного 90-летию со дня рождения выдающегося русского художника-путешественника Н. К. Рериха (1874—1947). 21 мая был прочитан доклад А. В. Королева на тему «Н. К. Рерих в С.-Петербургском университете».

С 3 по 10 августа в Москве состоялся VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. В его работе приняли участие члены Восточной комиссии — сотрудники ленинградских отделений Института этнографии и антропологии Академии наук СССР и Инсти-

⁴³ См.: «Доклады Восточной комиссии», Л., 1965, вып. 1(2), стр. 51—61.

⁴⁴ Там же, Л., 1967, вып. 4, стр. 94—104.

⁴⁵ Там же, Л., 1966, вып. 3, стр. 24—41.

⁴⁶ Там же, Л., 1965, вып. 1(2), стр. 87—93.

гута народов Азии. Делегатами конгресса от Восточной комиссии были Б. А. Вальская, А. В. Королев и И. В. Сахаров.

9 октября на специальном заседании, посвященном Н. К. Рериху, А. В. Королев вновь выступил с докладом об этом замечательном художнике. Ф. Л. Богданов прочитал сообщение «Сюиты Н. К. Рериха». К заседанию была открыта выставка репродукций Рериха и биографических материалов о нем.

21 октября совместное заседание Отделения этнографии и Восточной комиссии было посвящено VII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук. Вступительное слово прочитал Ю. Д. Дмитриевский. О работе секции Австралии и Океании сообщил В. Р. Кабо; о работе секции Восточной и Южной Азии — Ю. В. Маретин, о заседаниях секции музееведения — Г. В. Пионтек. На заседании выступили также Н. И. Гаген-Торн и А. М. Решетов, которые поделились своими впечатлениями о конгрессе.

4 ноября был заслушан доклад Ф. Л. Богданова «Прогрессивный индийский писатель Яшпал о своем путешествии по Советскому Союзу»⁴⁷ и сообщение Т. А. Шумовского «Габриэль Ферран (к 100-летию со дня рождения)».

На заключительном заседании Комиссии 1964 г., которое состоялось 14 декабря, с докладами выступили Т. К. Шафрановская «Айны острова Хоккайдо»⁴⁸, Ч. М. Таксами «Малые народы Южного Сахалина»⁴⁹, А. Д. Дридзо «Литература по географии, истории и этнографии Африки южнее Сахары в библиотеках Таллина»⁵⁰ и В. С. Стариков «Из истории изучения киданьской художественной литературы».

В 1964 г. вышел в свет третий выпуск сборника Восточной комиссии «Страны и народы Востока», посвященный 75-летию со дня рождения председателя Восточной комиссии Географического общества СССР академика В. В. Струве.

В первой половине 1965 г. состоялось шесть заседаний, на которых было заслушано 16 докладов.

4 января состоялось заседание, посвященное памяти выдающегося советского китаиста и библиографа П. Е. Скачкова, на котором с воспоминаниями о жизни и деятельности Петра Емельяновича выступили В. С. Колоколов, В. С. Стариков, К. И. Шафрановский, О. Э. Ливотова, А. Г. Шпринцин и Т. К. Шафрановская.

8 января З. К. Виноградова прочитала доклад «Физико-географическое районирование Африки»⁵¹.

30 марта состоялось обсуждение сборников «Страны и народы Востока» (вып. I, 1959; вып. II, 1961; вып. III, 1964). В обсуждении сборников приняли участие И. В. Сахаров (вступительное слово), В. А. Пуляркин, Ч. М. Таксами, И. П. Труфанов, В. С. Колоколов, А. П. Терентьев-Катанский, Ю. В. Маретин, Г. П. Куриленко, А. М. Решетов, А. Д. Дридзо, Ю. Б. Липец, В. В. Перцмакер, З. Д. Кастельская, Г. В. Пионтек, Ю. Д. Дмитриевский, В. А. Ромодин и Б. А. Вальская. Кроме того, письменный отзыв на сборник прислал Б. П. Супрунович (материалы обсуждения опубликованы)⁵².

⁴⁷ Там же, стр. 6—13.

⁴⁸ Там же, стр. 62—72.

⁴⁹ Там же, стр. 73—81.

⁵⁰ Там же, стр. 82—86.

⁵¹ «Страны и народы Востока», вып. IV, стр. 221—225.

⁵² Там же, стр. 252—260.

7 апреля состоялось заседание, посвященное памяти крупного советского востоковеда В. М. Штейна. С докладами выступили О. Л. Фишман «Жизнь и деятельность Виктора Морицевича Штейна», Н. В. Николаева «Деятельность В. М. Штейна в области экономической географии», Б. А. Вальская «Из истории районирования России» и А. П. Терентьев-Катанский «Легенда о “Белой земле” в Центральной Азии». На заседании выступили также А. Т. Жингарев-Добросельский, Ю. Д. Дмитриевский, Г. С. Невельштейн и М. Б. Вольф. К заседанию была подготовлена выставка печатных трудов Виктора Морицевича Штейна.

27 апреля состоялся доклад Н. С. Бабинцевой на тему «Прошлое и настоящее ирригации на Среднем Нигере (Оффис дю Нижер)»⁵³ и сообщение Г. В. Максимова «Моя работа над картинами Н. К. Рериха», 26 мая — доклад И. Н. Олейникова «Озеро Киву»⁵⁴ и сообщение А. Г. Шпринцина «Иероглифическая письменность на современном этапе».

15 июня вышел в свет сборник «Доклады Восточной комиссии», вып. 1 (2) (ротапринт Географического общества СССР).

15 сентября Восточная комиссия понесла тяжелую утрату. Скончался выдающийся советский ученый, академик Василий Васильевич Струве. Светлая память о В. В. Струве навсегда сохранится в сердцах членов Восточной комиссии.

24 ноября Комиссия провела научную конференцию, посвященную памяти В. В. Струве, которая состоялась в Малом конференц-зале Академии наук СССР. В конференции приняли участие Географическое общество СССР, ленинградские отделения институтов Академии наук СССР — Института народов Азии, Института истории, Института антропологии и этнографии, а также исторический и восточный факультеты Ленинградского университета. Конференцию открыл член-корреспондент Академии наук СССР Д. А. Ольдерогге. Затем были заслушаны доклады Н. С. Петровского «Жизнь и деятельность В. В. Струве», О. Д. Берлева «Работа академика В. В. Струве по изданию древнеегипетских памятников музеев СССР», Б. А. Вальской «Академик В. В. Струве и Географическое общество», Д. П. Каллистова «Об исследованиях В. В. Струве, осуществленных в период его работы в Институте истории Академии наук СССР», Л. А. Липина «О шумерологической картолке В. В. Струве» и М. Я. Иоселовой «Научный вклад В. В. Струве в изучение математики древнего Египта». На конференции выступили также М. А. Коростовцев, Б. Б. Пиотровский и И. И. Бабков. В зале заседания библиотека Ленинградского отделения Института народов Азии устроила выставку печатных трудов В. В. Струве.

Из публикуемой летописи Восточной комиссии за 10 лет видно, что В. В. Струве удалось объединить на общественных началах большой коллектив географов и востоковедов для решения тех важных задач, которые были поставлены перед Комиссией при ее организации. К концу 1965 г. в работе Восточной комиссии уже принимало участие более 50 членов Географического общества.

Продолжая лучшие традиции Географического общества, Комиссия плодотворно занималась комплексным изучением стран Азии и Африки. За 10 лет прочитано и обсуждено более 200 докладов. Наибольшее количество докладов посвящено Азии, главным образом Китаю и Индии. Кроме того, члены Комиссии занимались изучением Советского Востока, Индонезии, Таиланда, Японии, Турции, Афганистана, Сингапура и

⁵³ «Доклады Восточной комиссии», Л., 1966, вып. 3, стр. 54—63;

⁵⁴ Там же, стр. 42—53.

Гонконга (Сянган). Обсуждались проблемы физико-географического районирования, ирригации, судоходства и гидростроительства Африки, а также изучалась география, этнография и история Объединенной Арабской Республики, Мали, Южно-Африканской Республики и других стран Африки.

Комиссия много сделала для изучения истории исследования Востока русскими путешественниками, в особенности членами Географического общества. Члены Восточной комиссии занимались пропагандой географических знаний, пробуждая интерес к Востоку в среде Географического общества и за его пределами.

В. В. Струве придавал большое значение публикации результатов научной деятельности Комиссии. Благодаря его усилиям стал осуществляться выпуск двух изданий — «Страны и народы Востока» и «Доклады Восточной комиссии». Под редакцией В. В. Струве было опубликовано четыре выпуска сборника «Страны и народы Востока» (около 96 авторских листов) и три выпуска «Докладов Восточной комиссии» (около 15 авторских листов).

Члены Восточной комиссии, в особенности ее актив, с большим интересом и увлечением работали с Василием Васильевичем. Его глубокие знания в области истории и филологии и обширная эрудиция, его необыкновенная скромность и доброта, доброжелательность и стремление помочь каждому вызывали всеобщее восхищение.

Несмотря на свою тяжелую болезнь, в последние годы Василий Васильевич уделял большое внимание Комиссии. За две недели до смерти он подписал к печати IV выпуск сборника «Страны и народы Востока» и обращение в президиум Географического общества с просьбой предоставить возможность Восточной комиссии опубликовать сборник статей к Тихоокеанскому конгрессу.

Лучшим памятником В. В. Струве будет дальнейшая плодотворная деятельность Восточной комиссии по всестороннему изучению стран Востока в интересах мира и дружбы между народами.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— «Вестник древней истории», М.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры
ЖМНП	— «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
ЗВОРАО	— «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества», СПб., Пг.
ИГАИМК	— «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», М.—Л.
ИИРГО	— «Известия Имп. Русского географического общества», СПб.
ИРАО	— «Известия Имп. Русского археологического общества», СПб.
КСИВ	— «Краткие сообщения института востоковедения АН СССР», М.—Л., М.
КСИНА	— «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», М.
КСИЭ	— «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», М.—Л., М.
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии АН СССР.
МИА	— Материалы и исследования по археологии
СЭ	— «Советская этнография», М.—Л., М.
ЭВ	— «Эпиграфика Востока», М.—Л.
SPAW	— Sitzungsberichte des königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse, Berlin.

СОДЕРЖАНИЕ

Т. А. Шумовский. Памяти учителя	5
Н. С. Петровский. Василий Васильевич Струве	7
Л. А. Липин. Академик В. В. Струве как шумеролог	16
М. Я. Иоселева. Научный вклад В. В. Струве в изучение математики Древнего Египта	25
Т. А. Шумовский. Две главы из энциклопедии арабской морской географии XV в.	30
И. И. Бабков. Роза ветров итальянских моряков и крымских рыбаков	38
Т. К. Шафрановская. Сведения о Сибири и Монголии в дневниках Лоренца Ланга	40
Ч. М. Таксами. Первобытнородовые отношения и религиозные верования у нивхов	53
Е. И. Лубо-Лесниченко. Бронзовые зеркала Минусинской котловины в предмонгольское и монгольское время (II—XVI вв.)	70
З. И. Горбачева. Из истории культурной флоры Китая (X—XII вв.)	79
А. П. Терентьев-Катанский. Иллюстрации к старинным китайским географическим сочинениям	85
М. В. Воробьев. Денежная система чжурчжэней (династия Цзинь)	99
Е. И. Кычанов. Из истории экономики тангутского государства Ся (982—1227 гг.)	113
А. Г. Шпринцин. Современные представления о путях исторического развития китайской иероглифической письменности	122
Е. С. Кулябко и И. А. Перельмутер. Из научной переписки петербургских ученых XVIII в. (обзор архивных материалов)	136
Л. Н. Гумилев. Величие и падение Древнего Тибета	153
А. Н. Зелинский и Б. И. Кузнецов. Тибетские надписи Иссык-Куля	183
Б. И. Кузнецов. Проблемы гносеологии в трактате Дхармакирти «Обоснование чужой одушевленности»	186
Ф. Л. Богданов. Росписи Древней Индии	188
О. И. Смирнова. К хронологии среднеазиатских династий VII—VIII вв.	204
Л. В. Дмитриева. Древнеуйгурские материалы (уйгурским письмом) в Институте востоковедения Академии наук СССР	222
В. П. Курылев. Поселения, жилища и хозяйственные постройки современной Турции	229
М. Н. Серебрякова. О некоторых пережитках материнского рода и ранних форм семейно-брачных отношений у турок Малой Азии	248
А. Д. Дридзо. Гараманты (К вопросу о реконструкции истории и культуры)	259
И. Н. Хлопин. Этногеография державы Ахеменидов по Геродоту	278
Б. А. Вальская. Летопись Восточной комиссии Географического общества СССР за 10 лет (1955—1965 гг.)	292
Список принятых сокращений	311

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. VIII

География, этнография, история

*Утверждено к печати Восточной комиссией
Географического общества СССР Академии наук СССР*

Редактор Т. М. Швецова. Технический редактор С. В. Цветкова. Корректор Н. Б. Осягин

Сдано в набор 6/XI 1968 г. Подписано к печати 28/V 1969 г.

А-02390. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага № 1. Печ. л. 19,5+0,56 п. л. вклейки. Усл. п. л. 28,42

Уч.-изд. л. 27,28. Тираж 1800 экз. Изд. № 2206. Зак. № 1592. Цена 1 р. 94 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4.

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Стк.	Напечатано	Следует читать
36	12 св.	Пропущен маргинал л. 6 v	
77	4 сн.	A Chinese Hanelle-bea- ring	A Chinese Handle-bea- ring
118	6 св.	Сианьчан	Сианьчэн
115	29 св.	Ляньчжоу	Лянчжоу
118	27 сн.		
132	13 сн.	Т. Н. Драгуновой	Е. Н. Драгуновой
229	7 сн.	artısı	artışı
246	2 сн.	гаремлик	гарем
247	4 св.	коровы	ковры
247	15 св.	хаманлык	хамамлык
249	3 сн.	Веф, ζ	Веф, ʔ·ʔ

Зак. 761

